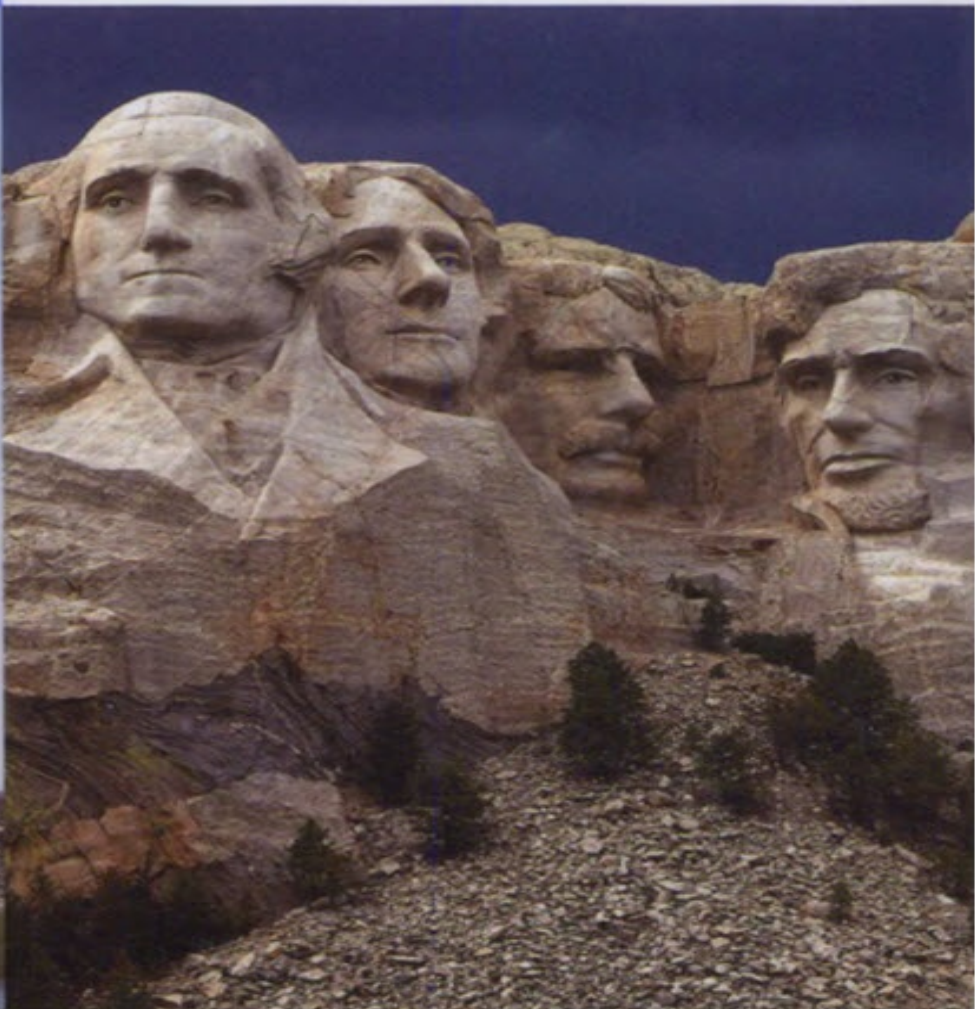

ПРЕЗИДЕНТЫ США

Георгий
Чернябский
Лариса
Дубова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

За 230 лет существования Соединенных Штатов Америки пост высшего руководителя этой страны занимали 44 человека (напомним, что 22-й и 24-й президент — один и тот же человек). Поскольку по Конституции США президент имеет чрезвычайно широкие полномочия и является главой исполнительной власти, то его роль в высшем руководстве страны чрезвычайно важна. А учитывая, в свою очередь, ту роль, которую сами Соединенные Штаты всегда стремились играть в мире, личность любого президента, без преувеличения, оказывает влияние на судьбы всего мирового сообщества. Кого-то из «этих 44-х» сами американцы считают великими государственными мужами, а кого-то — и таких довольно много — случайными фигурами, политиками, неудачниками и авантюристами...

Книга будет интересна всем, кто интересуется историей США и мировой политики в целом.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Георгий Чернявский](#)
 -
 -
 - [Вступительное слово](#)
 -
 -
 - [ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН](#)
 - [ДЖОН АДАМС](#)
 - [ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН](#)
 - [ДЖЕЙМС МЭДИСОН](#)
 - [ДЖЕЙМС МОНРО](#)

- [ДЖОН КУИНСИ АДАМС](#)
- [ЭНДРЮ ДЖЕКСОН](#)
- [МАРТИН ВАН БЮРЕН](#)
- [УИЛЬЯМ ГАРРИСОН](#)
- [ДЖОН ТАЙЛЕР](#)
- [ДЖЕЙМС ПОЛК](#)
- [ЗАКАРИ ТЕЙЛОР](#)
- [МИЛЛАРД ФИЛЛМОР](#)
- [ФРАНКЛИН ПИРС](#)
- [ДЖЕЙМС БЬЮКЕНЕН](#)
- [АВРААМ ЛИНКОЛЬН](#)
- [ЭНДРЮ ДЖОНСОН](#)
- [УЛИСС ГРАНТ](#)
- [РАТЕРФОРД ХЕЙС](#)
- [ДЖЕЙМС ГАРФИЛД](#)
- [ЧЕСТЕР АРТУР](#)
- [ГРОВЕР КЛИВЛЕНД](#)
- [БЕНДЖАМИН ГАРРИСОН](#)
- [УИЛЬЯМ МАККИНЛИ](#)
- [ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ](#)
- [УИЛЬЯМ ТАФТ](#)
- [ВУДРО ВИЛЬСОН](#)
- [УОРРЕН ГАРДИНГ](#)
- [КАЛЬВИН КУЛИДЖ](#)
- [ГЕРБЕРТ ГУВЕР](#)
- [ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ](#)
- [ГАРРИ ТРУМЭН](#)
- [ДУАЙТ ЭЙЗЕНХАУЭР](#)
- [ДЖОН КЕННЕДИ](#)
- [ЛИНДОН ДЖОНСОН](#)
- [РИЧАРД НИКСОН](#)
- [ДЖЕРАЛЬД ФОРД](#)
- [ДЖИММИ КАРТЕР](#)
- [РОНАЛЬД РЕЙГАН](#)
- [ДЖОРДЖ БУШ-СТАРШИЙ](#)
- [БИЛЛ КЛИНТОН](#)
- [ДЖОРДЖ БУШ-МЛАДШИЙ](#)
- [БАРАК ОБАМА](#)
- [ДОНАЛЬД ТРАМП](#)

- [INFO](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2001

(1801)

**Георгий Чернявский
Лариса Дубова**

ПРЕЗИДЕНТЫ США

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Чернявский Г. И., Дубова Л. Л., 2019
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

*Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, а где, скажите, дым?*

Омар Хайям

Вступительное слово

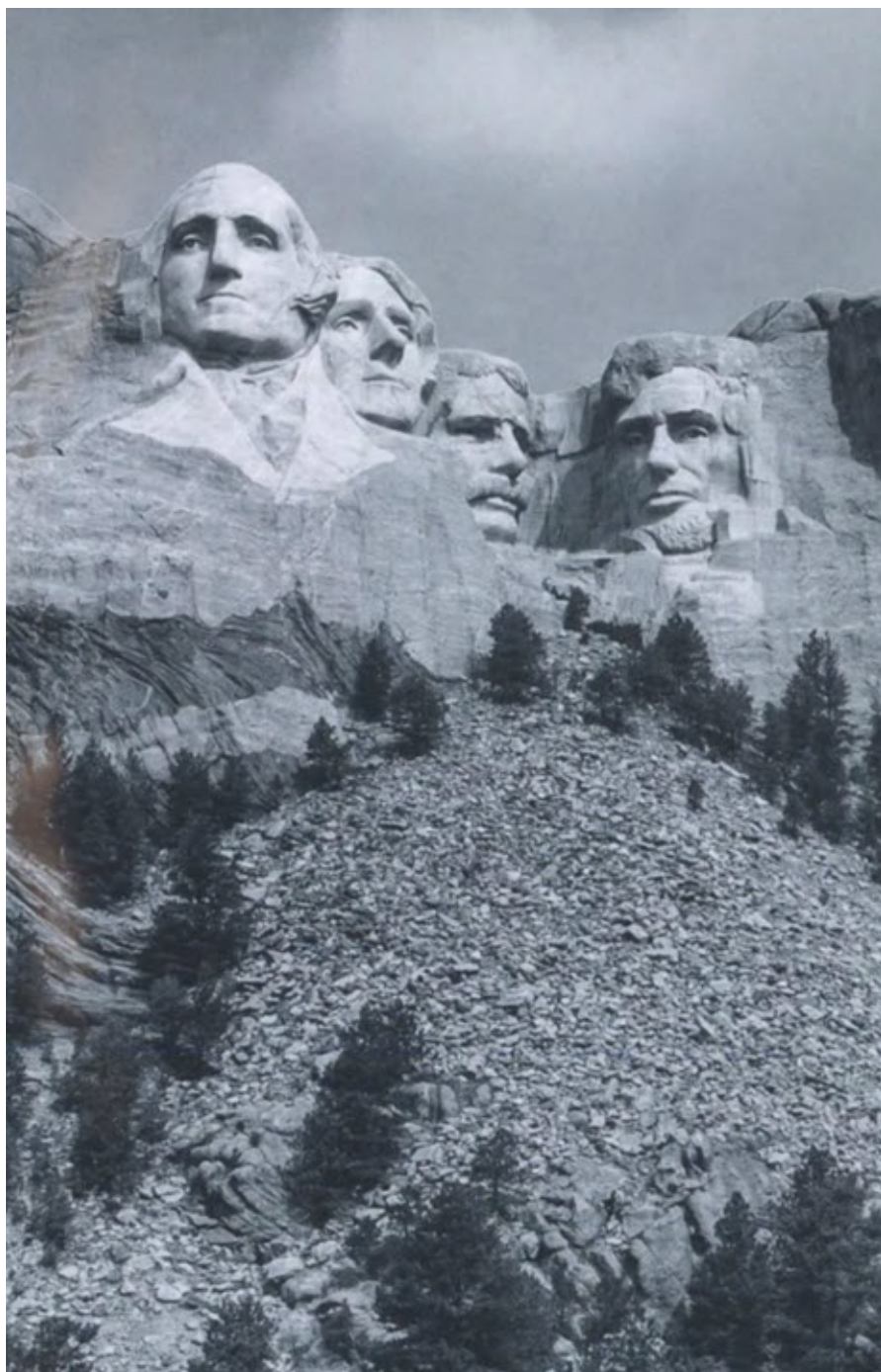
В предлагаемой книге предпринята попытка предельно кратко рассказать о всех сорока четырех президентах Соединенных Штатов Америки, о том, какой жизненный путь привел каждого из них на высший государственный пост, каковы были их основные внутри-и внешнеполитические установки и инициативы, как последние претворялись в жизнь, какое влияние оказала деятельность президентов на развитие их страны. Очерки завершаются столь же кратким рассказом о жизни и работе этих деятелей после их ухода с президентского поста.

Каждый очерк открывается именем и фамилией президента, датами жизни и пребывания на президентском посту.

В конце очерка названы несколько наиболее важных изданий на английском языке о жизни и деятельности данного лица (если имеются издания на русском языке, то перечень начинается именно с них).

Имена и фамилии президентов и других упоминаемых лиц переданы в соответствии со сложившейся в русском языке традицией (хотя она большей частью не соответствует реальному звучанию). Малоизвестные имена транслитерируются в соответствии с их американским произношением.

Итак, перед читателем галерея руководителей исполнительной власти Соединенных Штатов Америки со времени основания государства по наши дни.

Рашмор: скульптуры Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона, Т. Рузвельта и А. Линкольна, высеченные в честь 150-летия США. 1927–1941 гг.

Овальный кабинет — рабочее место президента США в Белом доме; интерьер при Б. Клинтоне

ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН

22 февраля 1732 — 14 декабря 1799

1-й президент:

30 апреля 1789 — 4 марта 1797

Портрет Дж. Стюарта

Купюра достоинством в 1 доллар США с портретом Дж. Вашингтона

Имя и деятельность Джорджа Вашингтона (*George Washington*) неразрывно связаны с основанием Соединенных Штатов Америки как самостоятельного государства. Две трети жизни он был подданным британской короны. До того как стать американцем, он был всего лишь одним из жителей британской колонии Вирджиния, правда, принадлежавшим к высшему слою ее обитателей.

Джордж был младшим сыном Огастина Вашингтона, владевшего плантацией на берегу реки Потомак, и его жены Мэри. Огастин был богатым и уважаемым «знатным» вирджинцем, причем «знатность» его состояла не в происхождении, а во владении обширным поместьем и

чернокожими рабами.

Джорджу было 11 лет, когда умер отец, оставивший все свое состояние, в частности 50 рабов, старшему сыну (от первой жены) Лоуренсу. Лоуренс принял подростка в свою семью, обосновавшуюся в поместье Маунт-Вернон, выделив ему участок земли и несколько рабов, но главное — обеспечив ему приличное по тем временам домашнее образование. Носило оно преимущественно практический характер: наряду с элементарной грамотностью включало арифметические знания и сведения о ведении сельского хозяйства и торговых операций. Джордж оказался способным учеником — на те небольшие деньги, которые он смог выручить от своего крохотного земельного участка, он стал приобретать новые участки, став через несколько лет собственником нескольких поместий. Одновременно он овладел профессией землемера и успешно работал по этой специальности на контрактной основе.

Судьба старшего брата оказалась трагичной — он заболел непонятной легочной болезнью (видимо, какой-то формой туберкулеза) и умер в 1752 г., оставив Маунт-Вернон жене и дочери, которые также оставили этот мир одна за другой вслед за мужем и отцом. Волею судеб Джордж Вашингтон в 1754 г. оказался собственником этого имения, которое стало его главным поместьем, центром его владений (хотя большие участки земли у него были и в других районах штата). Здесь же он и поселился.

Однако обладание крупной земельной собственностью далеко не удовлетворяло молодого честолюбивого плантатора. Он мечтал о политической карьере, для которой домашнего образования было недостаточно: уже в середине XVIII в. считалось, что человеку, претендующему на выборную должность, необходимо окончить хотя какой-нибудь колледж, а лучше стать юристом. Джордж попытался войти в политику через своего рода боковую дверцу, каковой можно было считать военную службу.

В 1753 г. с согласия властей Вирджинии он на свои деньги собрал отряд добровольцев и отправился в район форта Ле-Беф, располагавшегося на берегу озера Эри. Здесь он вступил в переговоры с командирами французского отряда и каким-то образом сумел их убедить увести свои части с занятой ими территории, уступив ее вирджинцам. Скорее всего, Вашингтон сумел создать впечатление, что его отряд намного сильнее, чем он был в действительности, и что за ним следуют подкрепления, которых на самом деле не было. Возвратившись из похода, он опубликовал «Журнал Джорджа Вашингтона», в котором описал подвиги своего отряда, впрочем, в значительной степени приукрасив их. «Журнал» неплохо разошелся, и

Вашингтон приобрел некую известность, тем более что власти Вирджинии присвоили ему звание сначала подполковника, а затем и полковника. Теперь он был командиром отряда, защищавшего границы колонии от нападений и набегов. Новоявленный полковник приобрел известность и в других колониях, когда в 1758 г. принял участие в операции против превосходящих сил французов, в результате которых у них был отнят Форт-Дюкейн.

Приобретенная известность и стала для Вашингтона пропуском на зыбкое поле вирджинской политики. В 1758 г. еще совсем молодой полковник — ему было всего 26 лет — был избран в легислатуру (законодательный орган) графства Фредерик, а вслед за этим победил на выборах в аналогичный орган в своем родном графстве Ферфакс, что посчитал более почетным. Он закрепил свои позиции в 1759 г., женившись на молодой вдове Марте Кастис, наследнице одного из крупнейших состояний колонии (18 000 акров и 84 раба). Биографы полагают, что богатство вдовы-невесты не было главным для Вашингтона, но оно вполне принималось во внимание.

Занявшись политикой, хотя и исключительно на местном уровне, Джордж оказался в стане вигов — неформального политического направления, зародыша партии, которые, в противоположность тори, выступали за республиканскую форму правления, считали, что британское господство вредно для колоний, препятствует их экономическому развитию, вводя всевозможные ограничения, новые налоги, пошлины и другие сборы. Вашингтон все более поддерживал ту часть вигов, которые считали, что любая уступка британской короне и тори может оказаться фатальной для американцев, как они начали себя называть. Закон о чае, принятый британским парламентом в 1774 г., привел к открытому конфликту. Введенные им высокие пошлины на ввоз чая привели к знаменитому «Бостонскому чаепитию», когда большая партия чая была сброшена в океан взбунтовавшимися жителями. Вместе с другими вирджинскими вигами Вашингтон полностью поддержал бостонцев и призвал к сопротивлению. В его речах стало звучать слово *революция*. Когда осенью 1774 г. проходили выборы на I Континентальный конгресс, намеченный в Филадельфии, Вашингтон оказался в числе вирджинских делегатов. В следующем году он также принял участие во II Континентальном конгрессе. На этот раз он явился на конгресс не в обычной одежде плантатора, какую привык носить, а в военной форме, в основном скроенной по его собственному эскизу: как раз перед конгрессом он был назначен командующим вирджинской милицией, как стали

называться полурегулярные вооруженные силы, объявившие о неподчинении королевским властям.

Некоторый военный опыт, который к этому времени приобрел Джордж, его принадлежность к вигам, своего рода реклама — появление в оригинальной военной форме — все это привело к тому, что делегаты конгресса увидели в нем человека, которому можно вручить командование повстанческими силами. 14 июня 1775 г. Вашингтон по предложению Джона Адамса из штата Массачусетс был назначен главнокомандующим. Два дня ушло на показные размышления, хотя фактически Джордж сразу же решил принять это высокое назначение. 16 июня он занял высший военный пост нарождавшейся американской армии.

Прошел год, и в Северной Америке, наконец, было провозглашено создание самостоятельного государства: 4 июля 1776 г. Континентальный конгресс в Филадельфии принял Декларацию независимости. Она провозгласила, что все люди созданы равными и «наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свободы и стремление к счастью», перечисляла злоупотребления британской короны по отношению к колониям и объявляла о разрыве политических связей между колониями и метрополией, причем каждая колония и все они вместе объявлялись самостоятельными государствами (штатами).

Вашингтона среди делегатов, подписавших Декларацию, не было: он был занят руководством вооруженными силами и в конгрессе не участвовал.

Все современники, в том числе и те, кто относился к Вашингтону враждебно, отмечали, что командующий производил на окружающих яркое впечатление: это был высокий 43-летний мужчина, физически сильный и здоровый, великолепный наездник, меткий охотник (его любимым отдыхом была традиционная для англичан охота на лис).

Вашингтону пришлось заняться созданием регулярной армии. То, что оказалось под его началом, тогда напоминало не то недисциплинированное и мало способное к бою сборище, не то отряды полубандитов-полумародеров. Никакой единой армии не существовало: каждая колония (теперь суверенное государство — штат) выставляла собственный контингент. Неудивительно, что поначалу военная удача была не на стороне американцев. Летом 1776 г. британцы заняли НьюЙорк, в следующем году — Филадельфию, которую сами виги рассматривали как свою столицу. Первое крупное сражение, в котором Вашингтону удалось более или менее успешно противостоять британцам, произошло 4 октября 1777 г. в районе

Джермантауна (Пенсильвания). Хотя полной победы добиться ему и не удалось, его фланговые удары показали, что англичане теперь имеют дело с неким подобием регулярной армии. А вот свою первую реальную победу американцы одержали через две недели (17 октября), когда под Саратогой (на реке Гудзон) капитулировал отряд генерал-лейтенанта Джона Бургойна — шесть тысяч англичан и немецких наемников. Эта победа побудила правительство французского короля Людовика XVI, до этого занимавшее выжидательную позицию, вступить в давно готовившуюся войну с Великобританией.

Подчиненные Вашингтону войска стали одерживать победы. Точка была поставлена во время осады Йорктауна, в родном штате Вашингтона Вирджинии. После 20-дневной осады 19 октября 1781 г. 7,5 тысячи англичан маркиза Чарльза Корнуоллиса сложили оружие. Эта капитуляция была сочтена в Лондоне позорной. Парламент проголосовал за окончание войны и признание независимости США. Последовавшие переговоры завершились подписанием 3 сентября 1783 г. в Париже мирных договоров, завершивших Войну за независимость.

После победы Вашингтон оставил командование армией и удалился в Маунт-Вернон — свое поместье, которое за эти годы пришло в запустение. Другьям и знакомым он сообщал, что намерен теперь заниматься только своим хозяйством. Конечно, он был не вполне искренним и просто выжидал благоприятного стечения обстоятельств. Тем более во всех 13 штатах его чествовали как героя войны, как спасителя рождающейся нации от внешнего врага.

Между тем положение молодого государства было не из лучших. Утвержденная всеми 13 штатами к 1781 г. первая американская конституция («Статьи Конфедерации») объявляла их практически полностью независимыми. Правительство Конфедерации даже не получило права сбора налогов, а в Конгрессе (общаамериканском представительном органе) крохотные штаты имели равное представительство с крупными, что вызывало недовольство последних. К тому же в отдельных штатах, в том числе в Вирджинии, время от времени вспыхивали восстания разного рода недовольных, которые властям удавалось подавлять с огромным трудом. Власти штатов не подчинялись общаамериканскому правительству. Вашингтон охарактеризовал состояние страны как анархию. Возникала опасность, что ситуацией воспользуются англичане, чтобы вернуть контроль над бывшими колониями.

Именно Вашингтон призвал к созыву Конституционного конвента: решение о его проведении было принято Конгрессом Конфедерации в

феврале 1787 г. Собравшийся в Филадельфии 25 мая 1787 г. Конвент избрал Джорджа Вашингтона своим председателем. Уже на первых заседаниях было принято решение выработать новый основной закон, предусматривавший создание сильной исполнительной власти, которую вручить одному наиболее авторитетному человеку — президенту Соединенных Штатов (*President of the United States*). Поскольку с самого начала дебатов главным кандидатом на этот пост рассматривался именно Вашингтон, он демонстративно отказался принять участие в прениях, ограничиваясь формальным председательством на собраниях.

Звучали, впрочем, опасения, что всевластный президент может провозгласить себя наследственным монархом. Однако сторонники Вашингтона как кандидата на высший пост отвечали: во время войны, будучи главнокомандующим, он никаких диктаторских замашек не проявлял, у него нет детей, а значит наследников. И раз у него нет собственных детей, говорили выступавшие, он станет подлинным отцом всей нации.

Новая конституция, выработанная Конвентом, предусматривала разделение властей. Законодательная власть оставалась за Конгрессом, состоявшим из Палаты представителей (*The United States House of Representatives*), избираемой прямым голосованием белых мужчин, достигших 21 года, и Сената (*The United States Senate*), формируемого легислатурами, то есть законодательными органами отдельных штатов. Главой исполнительной власти объявлялся президент Соединенных Штатов, которым мог быть избран любой гражданин США, родившийся на территории страны и достигший 35 лет. В случае его смерти, досрочного ухода в отставку или неспособности исполнять свои обязанности его функции передавались вице-президенту, избираемому «в одном пакете» с президентом. Выборы президента были непрямыми: легислатуры штатов избирали выборщиков, которые, собравшись на заседание своей коллегии, выбирали президента. С самого начала эта двухступенная система носила формальный характер, так как штаты голосовали за тех выборщиков, которые обязывались затем голосовать за определенное лицо (хотя это правило и не носило принудительного характера). Третьей ветвью объявлялась власть судебная, состоявшая из Верховного суда (*Supreme Court of the United States*) и судов низших инстанций. Суды провозглашались независимыми от остальных ветвей власти и в своей деятельности должны были руководствоваться исключительно законами и своими представлениями о справедливости. Вводились обязательные суды присяжных по всем уголовным делам.

Текст Конституции был утвержден Конвентом 17 сентября. Его ратификация, однако, заняла несколько лет. Последним из штатов, утвердившим новую Конституцию, был Род-Айленд (29 мая 1790 г.).

Но отцы-основатели, как стали называть тех, кто принимал участие в выработке основополагающих документов, не стали ждать этого заключительного события. Специальная статья Конституции предусматривала, что документ вступает в силу после его ратификации девятью штатами (девятым 21 июня 1788 г. оказался Нью-Гемпшир), после чего можно было приступить к формированию ветвей власти. О введении Конституции в действие было официально объявлено 4 марта 1789 г. Правда, не ясно было (а Конституция на этот счет не высказывалась), какими правами будут обладать граждане США. Поэтому при участии Вашингтона в 1789 г. были выработаны первые десять поправок, которые были утверждены первым Конгрессом в том же году, а в следующие два года ратифицированы штатами. Получившие название Билля о правах, они предусматривали свободу слова, собраний, религии, право хранить и носить оружие, охрану частного жилища и частной собственности в целом, запрет произвольных обысков и арестов, право на надлежащее судебное разбирательство и право не свидетельствовать против себя, право на суд присяжных, запрет чрезмерных налогов и штрафов, жестоких и необычных наказаний.

В конце 1788 — начале 1789 г. во всех штатах, ратифицировавших к этому времени Конституцию, состоялось избрание легислатурами штатов коллегии выборщиков, которая 14 апреля 1789 г. единогласно избрала Вашингтона первым президентом США, вице-президентом стал его соратник адвокат Джон Адамс.

Тридцатого апреля 1789 г. Вашингтон, стоя на балконе здания городского самоуправления Нью-Йорка (где временно размещался Конгресс), произнес свою инаугурационную речь. Очевидцы отметили, что он был в одежде местного производства, выглядел скромно, что было отнесено к его главным «патриотическим» качествам. Джордж говорил: «Сохранение святого огня свободы и республиканской модели власти справедливо рассматривается как глубокий, вероятно окончательно доверенный опыт, оказавшийся в руках американского народа». Как видно из других выступлений президента, в качестве «американского народа» он рассматривал только избирателей, то есть взрослых белых граждан США мужского пола. К числу главных народных добродетелей он относил трудолюбие, активность, отказ от создания каких-либо фракций или партий, послушание властям.

Избранный на высший пост, Вашингтон понимал, что его поведение, его образ действий формируют определенный этикет, нормы, которым будут следовать его преемники. Когда сенаторы стали обращаться к нему официально «Ваша светлость, президент Соединенных Штатов Америки, защитник ее свобод», он отверг такое обращение и потребовал, чтобы обращались «мистер президент». Это вовсе не означало, что глава государства был воинствующим демократом. Вашингтон и особенно его приближенные считали, что для укрепления его авторитета празднования дня его рождения должны быть приравнены к главным государственным праздникам. Эти празднества проводились и после его отставки вплоть до кончины.

По инициативе президента в практику государственной деятельности было введено право президентского отклонения законов, принятых Конгрессом. Так возникло президентское вето, которое могло быть преодолено законодательной властью в том случае, если закон будет вновь поставлен на голосование и получит не менее 1/2 в нижней и не менее 2/3 голосов в верхней палате Конгресса. Впрочем, Вашингтон только один раз воспользовался этим правом — в 1792 г., — причем по вопросу, не представлявшему особой важности: о перераспределении между штатами мест в Палате представителей. Скорее всего, он хотел напомнить стране, что обладает таким правом. Его вето было преодолено Конгрессом, и закон вступил в силу без подписи президента, но его это не опечалило...

Вашингтон крайне нуждался в советниках. Его военный опыт был значительным, но в руководстве государством он поначалу понимал, по собственному признанию, очень мало. Среди наиболее доверенных лиц выделялись Александр Гамильтон, занимавший более консервативные позиции, чем сам Вашингтон, и Томас Джефферсон, оппонировавший Гамильтону слева. Между ними шла постоянная борьба за влияние на президента, но тот не высказывал, по крайней мере в начале срока, открытого предпочтения ни тому, ни другому.

По существу, в противостоянии Джефферсона и Гамильтона содержались зачатки будущей двухпартийной системы США. Сторонники Гамильтона называли себя федералистами и выступали за осторожное проведение демократических преобразований при полном сохранении рабства для негров. Те же, кто шел за Джефферсоном (они называли себя республиканцами), ориентировались на полное и последовательное проведение в жизнь положений Билля о правах, считали необходимым ограничение рабовладения, а в перспективе — освобождение рабов.

Вашингтон сформировал первое правительство федерации. Был

образован Государственный департамент (*Department of State*), который должен был заниматься внешнеполитическими делами, Военный департамент (*Department of War*) и Департамент казначейства (*Department of the Treasury*), выполнявший функции Министерства финансов. Кроме того, была создана должность генерального прокурора (*United States Attorney General*), причем само название было заимствовано из практики европейских стран: президент решил, что в США так будет именоваться должность лица, возглавляющего ведомство юстиции, а не самостоятельный орган контроля за исполнением правовых норм и являющийся стороной обвинения в суде (как в европейских странах). Скорее всего, Вашингтон и его советники просто не разобрались в том, что представляли собой европейские прокуроры. Так по сей день должность генерального прокурора является в США синонимом главы Департамента юстиции, и приходится объяснять несведущим, что никакого отношения к прокурорской работе в обычном смысле слова генеральный прокурор США не имеет.

В кабинет президента вошли, как и предполагалось, Гамильтон (секретарь казначейства) и Джефферсон (государственный секретарь), военным секретарем (главой Военного департамента) Генри Нокс — опытный военный, соратник Вашингтона по Войне за независимость, как официально стала именоваться вооруженная борьба против Великобритании на протяжении 1775–1783 гг. (через столетие она получила также название 1-й американской революции, имея в виду, что второй стала Гражданская война между Севером и Югом США 1861–1865 гг.). Генеральным прокурором стал Эдмунд Рандольф — юрист из Вирджинии (позже он сменил Джефферсона на посту госсекретаря). Верховный суд возглавил Джон Джей, ранее, при Конфедерации, являвшийся секретарем по иностранным делам.

Первая серьезная задача, с которой столкнулся кабинет Вашингтона, была связана с финансами. От Конфедерации США унаследовали огромные долги, как внутренние, так и по кредитам европейских банкиров (главным образом голландских). Теперь Конгресс имел право устанавливать налоги, и Вашингтон вместе с секретарем казначейства Гамильтоном занялся подготовкой соответствующих проектов. Первый вариант плана вызвал серьезные возражения: отдельные штаты, в том числе родной штат президента Вирджиния, посчитали, что налоговая нагрузка на них слишком тяжела и несправедлива. Власти Вирджинии даже заявили об отказе платить налоги. Потребовались долгие и трудные переговоры (получившие название «торг за обеденным столом»), в ходе которых все же

был достигнут компромисс, позволивший представить Конгрессу законопроект о налогах и пошлинах. Его принятие положило начало созданию в США более или менее стабильного государственного бюджета и позволило начать выплату долгов.

Хотя внешне Вашингтон не вмешивался в дела Департамента казначейства, он, считая себя специалистом в области бухгалтерии еще с юных лет, когда проводил землемерные работы, по существу, был соавтором финансовых планов и законопроектов. Более того, он даже написал и издал книгу о правильном ведении финансовой отчетности. На протяжении всего своего президентства он внимательно следил за тем, как велось хозяйство в его имении, и не раз говорил, что при сочетании общегосударственного контроля за финансами и правильного ведения отдельного хозяйства «легче следить за каждой монетой».

В значительной мере с финансовыми проблемами был связан вопрос о столице. Со времени начала Войны за независимость фактической столицей являлась Филадельфия — крупнейший на тот момент город США. Вашингтон, однако, считал необходимым создание «федерального города» — новой столицы, которая находилась бы вне границ отдельных штатов и располагалась бы в центре тогдашней территории страны (фактически Атлантического побережья) и, таким образом, символизировала равенство всех штатов и территорий. 16 июля 1790 г. Конгресс принял постановление, что столица США будет располагаться в том регионе, который выберет президент Вашингтон. Таковое место было найдено на берегу реки Потомак. Штаты Мэриленд и Вирджиния согласились уступить территорию площадью в 10 квадратных миль для создания здесь новой столицы — вначале без названия. Сама же территория была определена как «федеральный округ Колумбия» — в честь мореплавателя, открывшего Америку для европейцев. Строительство новой столицы проходило под прямым контролем президента, который назначил для этого трех специальных уполномоченных плантатора Дэниэла Кэрролла, юриста из Мэриленда Томаса Джонсона и своего родственника конгрессмена Дэвида Стюарта, которым поручил руководство планированием нового города, приобретение земли и все связанные с этим дела. По периметру будущей столицы были расставлены 40 огромных камней, обозначающих его границу. Некоторые из них сохранились до наших дней и являются национальными памятниками. Комиссия предложила назвать город именем первого президента. Вопреки возражениям Вашингтона, которые ряд мемуаристов и исследователей считают не вполне искренними, Конгресс в 1791 г. принял решение о

названии столицы. Строительство, однако, продолжалось почти десять лет. И только в 1800 г. в город Вашингтон, где на холме, возвышающемся над окружающей местностью, было построено здание Конгресса, получившее название Капитолий, были переведены национальные органы всех ветвей власти.

И в решении вопроса о долгах, и при строительстве новой столицы Вашингтон вместе с Гамильтоном все более убеждался в необходимости поставить финансовую систему на прочный базис национальной валюты. Ранее рынок базировался главным образом на обмене товаров. В качестве денег использовалась зарубежная валюта, вплоть до российских рублей и копеек. В декабре 1790 г. Конгрессу был представлен доклад о создании Национального банка, который был претворен в закон 1791 г. Первый банк США (*First Bank of the United States*) — таково было его официальное название — организовывался на частной основе, но с 20-процентным участием государства. Бумажные банкноты подлежали свободному размену на металлические монеты. Федеральное правительство обязывалось держать все свои средства в этом банке. Банк стал предоставлять правительству ссуды, для которых потребовалась все более активная эмиссия бумажных денег. Это привело к тому, что индекс цен с 1791 по 1796 г. вырос в полтора раза. Американские финансисты, правительство, президент на собственном опыте учились правильному ведению финансов. С 1796 г. эмиссия была сведена к минимуму.

При решении хозяйственных, в частности финансовых, проблем, вопросов, связанных с разграничением полномочий федеральной власти и штатов все более вырисовывались различия между группами политиков. Они неизбежно приобретали, однако, личностный характер, поэтому вначале в окружении президента и в Конгрессе, а затем и в более широких кругах эти группы пренебрежительно называли фракциями. Сторонники Гамильтона, которых именовали федералистами, выступали за уменьшение роли штатов и за более активное использование общенациональных ресурсов для экономического развития страны. Их оппоненты, группировавшиеся вокруг Джефферсона, сохранявшие свое обозначение республиканцев (их критиковали за это, утверждая, что и федералисты — сторонники республики), подозревали федералистов в стремлении создать мощное централизованное государство за счет прав местных общин и штатов и доходили до того, что обвиняли Гамильтона в следовании британской модели и даже называли его монархистом.

Вашингтон не принадлежал ни к одной из группировок, хотя его позиции были ближе к федералистам, чем к республиканцам, что

выразилось, в частности, в создании национального банка. Тем не менее он осуждал «самоназначенные общества», которые осмеливались оппонировать конституционным властям.

К лету 1792 г. конфликт между Гамильтоном и Джефферсоном — двумя наиболее влиятельными членами правительства — стал достоянием общественности. Президент организовал несколько встреч обоих министров, на которых убеждал их пойти на уступки друг другу. Формально оба они согласились, что «фракционность» вредит национальным интересам. Но расхождения были настолько глубокими, что речь можно было вести только о перемирии, но не о прочном мире.

Когда Вашингтон был избран президентом, он заверял, что повторно свою кандидатуру на высший пост выдвигать не станет. Но возникновение зачатков партий, соперничество его соратников и министров изменили, казалось бы, твердое решение. В 1792 г. предстояли вторые президентские выборы. Во всех штатах вновь была выдвинута его кандидатура, и Джордж согласился баллотироваться во второй раз. И теперь у него не оказалось соперников. Все 132 члена избирательной коллегии, сформированной законодательными органами штатов, проголосовали за него.

Второй срок был полон разочарований. Вашингтона оставляли бывшие соратники, удалявшиеся в частную жизнь. Новые министры ни своими знаниями и опытом, ни авторитетом не могли сравниться с членами первого кабинета, состоявшего из подлинных «отцов-основателей» США.

Во время второго срока в мыслях и деятельности Вашингтона явно преобладала внешняя политика. На Европейском континенте происходили судьбоносные события. Во Франции разгоралась революция. Король Людовик XVI, который в свое время помог американской революции, разумеется, в соответствии с собственными геополитическими расчетами, теперь сам стал жертвой — был отстранен от власти, а затем казнен. Великобритания вступила в войну против Франции, возглавив первую коалицию европейских монархов.

Какую позицию следовало занять американскому президенту? Согласно договору 1778 г. о союзе США должны были прийти на помощь Франции. Но это почти неизбежно привело бы к новой войне с Англией, которая могла оказаться катастрофической для США и, во всяком случае, потребовала бы огромных расходов и человеческих жертв, которых президент допустить не желал. Результатом явилась изданная 22 апреля 1793 г. прокламация о нейтралитете. Прибывшего в Америку посла революционной Франции Эдмона Жене приветствовали толпы на улицах Нью-Йорка и Филадельфии. Однако президент Вашингтон принял его

сугубо официально и посетовал по поводу конца «старого режима». В ответ Жене стал критиковать американский нейтралитет и даже заявил, что обратится к народу во имя его отмены. Результатом стало требование Вашингтона, чтобы посол революционной Франции был отозван.

В то же время внешняя политика Вашингтона стала подвергаться все более острой критике со стороны республиканцев. Между президентом и Джефферсоном произошел разрыв. Президента обвиняли в том, что он стал федералистом и находится под полным влиянием Гамильтона. С огромными трудностями специальный посол президента и глава Верховного суда Джон Джей в ноябре 1794 г. подписал в Лондоне договор с Великобританией об урегулировании спорных вопросов, в частности относительно принадлежности некоторых островов в Атлантическом океане.

Новые трудности возникали и внутри страны. В западной части Пенсильвании вспыхнул «бунт виски» — вооруженное сопротивление повышенному налогу на производство и продажу алкоголя. Вашингтон решил продемонстрировать решимость, отказался от переговоров с повстанцами и направил на их подавление армию. Собственно говоря, повстанцы не представляли серьезной угрозы для государственного порядка. Но подавление восстания (почти без кровопролития, так как повстанцы обычно сдавались войскам, не оказывая сопротивления) было своего рода экзаменом на прочность государственного строя. Джордж Вашингтон в этом вопросе оказался тверд.

Старые друзья и новые сторонники призывали Вашингтона баллотироваться на третий срок. Он, однако, заявил им, что крайне устал и намерен удалиться на покой. Несколько раз он говорил близким, что два президентских срока — время более чем достаточное, что служба президента настолько тяжела, что третий срок неизбежно окажется крахом для любого политика. Сознательный отказ от высшей власти ради всеобщего блага снискал Вашингтону уважение современников и потомков.

Семнадцатого сентября 1796 г. Джордж Вашингтон выступил с прощальным адресом, обращенным ко всем американцам. В основном речь шла в нем об опасности «фракционности».

Он покинул свой пост в марте 1797 г. и вернулся в Маунт-Вернон. В 1798 г. он с неохотой принял предложение нового президента Адамса возглавить американские вооруженные силы в условиях, когда страна оказалась на грани войны с Францией и возникла опасность вторжения на континент. В реальности, однако, из этого ничего не получилось. В основном Вашингтон оставался в Вирджинии и, как тогда говорили,

руководил войсками из своего домашнего кабинета, то есть на самом деле ими не руководил.

Занявшись своим имением, Джордж вскоре пришел к выводу, что рабский труд мало производителен. Он не выступил за отмену рабства, но счел, что число рабов-негров в Маунт-Верноне следует сократить вдвое. В июле 1799 г. Вашингтон написал завещание, подробно расписав, какое имущество он оставлял жене, ее детям от первого брака и другим родственникам. Одного из своих рабов — Уильяма Ли, который был его личным слугой многие годы, — он немедленно и безвозмездно освободил от рабства. 124 рабам он предоставлял возможность освобождения, если на это согласится его вдова после смерти супруга. 153 раба оставались «имуществом» Маунт-Вернона.

Двенадцатого декабря 1799 г., объезжая свои владения в холодную и ветреную погоду, Вашингтон простудился. Уровень медицины был таков, что оказать помощь пожилому человеку, пусть и такому знаменитому, было практически невозможно. 14 декабря 1-й американский президент скончался. 18 декабря он был погребен в Маунт-Верноне. На траурном заседании Конгресса 26 декабря депутат от Вирджинии Генри Ли заявил, что покойный был «первым на войне, первым в мире и остается первым в сердцах своих сограждан».

Его роль в истории Соединенных Штатов действительно остается уникальной. В стране нет города или поселка, в котором не было бы улицы или площади, носящей его имя. Но в наибольшей мере он вошел в жизнь своей страны названиями ее столицы и одного из штатов — на противоположном, западном, Тихоокеанском побережье. Портрет Вашингтона запечатлен на минимальной, «народной» бумажной денежной единице — купюре в один доллар.

Основные издания:

Ушаков В. А. Джордж Вашингтон: Страницы истории. СПб., 2006.

Яковлев Н. Вашингтон. М., 1973.

Alden J. George Washington, a Biography. Norwalk, 1993.

Betts W. The Nine Lives of George Washington. Bloomington, 2013.

Rasmussen W. Tilton R. George Washington — the Man Behind the Myths. Charlottesville, 1999.

Unger H. «Mr. President» George Washington and the Making of the Nation's Highest Office. New York, 2013.

ДЖОН АДАМС

30 октября 1735 — 4 июля 1826

2-й президент:

4 марта 1797—4 марта 1801

Портрет Дж. Стюарта

Будущий 2-й президент США Джон Адамс (*John Adams*) родился в поселке Брейнтри, сельском пригороде Бостона, в тогдашней британской колонии Массачусетс. Отец его Джон Адамс-старший был небогатым, но

считал себя процветающим фермером, имел средних размеров земледельческое и скотоводческое хозяйство. Он, однако, мечтал, чтобы его старший сын (вслед за Джоном родились еще двое) не занимался «грязной» деревенской работой, а получил достойное образование и стал юристом.

Собрав необходимые средства, он отправил сына в самый знаменитый в ту пору колледж — Гарвардский. Благо колледж, фактически находившийся в Бостоне (лишь на другом берегу реки Чарльз), был неподалеку от Брейнтри. Джон окончил колледж (его уже тогда часто именовали университетом) в 1755 г., после чего три года он работал учителем и одновременно готовился к вступительным экзаменам в коллегию юристов, которые успешно сдал в 1758 г. Став бостонским адвокатом, Джон позволил себе завести семью в 1764 г., женившись на дочери пастора Абигейл Смит — девушке, получившей только домашнее образование, но уверенной в себе и оказывавшей влияние на своего мужа на протяжении всей жизни. У супругов Адамс было пятеро детей (две дочери и три сына). Один из сыновей станет, как и отец, президентом США: за этим первым случаем такого рода последует только еще один — уже в XXI в. — президенты из семьи Буш.

По прошествии нескольких лет Адамс, несмотря на молодость, заслужил репутацию одного из наиболее успешных адвокатов Бостона, города второго по численности населения (после Филадельфии) и первого по торговому обороту в Северной Америке. Адамса считали человеком не просто компетентным, но и великолепным оратором, добивавшимся победы в весьма спорных случаях.

Несмотря на противоречивость дела, он, считавший себя патриотом колоний, взялся за защиту восьми британских солдат, которых обвиняли в убийстве пяти колонистов во время так называемой Бостонской бойни (сентябрь 1770 г.) — уличной стычки горожан с королевскими солдатами. Адамс, к которому обратились за юридической помощью арестованные, был на стороне горожан, выражавших недовольство чрезмерными налогами и назначением местных чиновников из Лондона. Но он понял, что солдаты были просто напуганы и открыли огонь, опасаясь за свою жизнь. Он взялся за это дело, хотя знающие люди и разные ультрапатриоты предупреждали, что он губит свою репутацию. В результате суд оправдал шестерых, а остальных двоих приговорил к небольшому наказанию за непредумышленное убийство. Так революционер Адамс спас врагов революции от почти неминуемой казни.

Эта судебная победа стала для Адамса переломной. Его стали называть человеком чести и справедливости. В то же время в ходе подготовки к делу

он тщательно ознакомился с документацией колониальных властей и пришел к выводу, что с британской короной следует расстаться. В местной прессе стали появляться его эмоциональные статьи против колониальных властей. Он выступал на собраниях граждан с пламенными речами и писал столь же резкие резолюции, требовавшие независимости. Хотя британский закон о гербовом сборе 1765 г., вводивший массу новых налогов на колонистов, под давлением недовольных отменили, Адамс был убежден, что англичане попытаются вновь пополнить свой бюджет за счет американцев. Он опубликовал в «Бостон газетт» цикл статей с критикой финансовой политики метрополии.

В 1774 г. Адамс был избран делегатом Континентального конгресса в Филадельфии. Здесь он оказался в числе наиболее решительных сторонников полного разрыва с метрополией. Его избрали председателем комитета, который подготовил проект Декларации независимости. В основном написанный Томасом Джефферсоном (Адамс заявил, что именно тот обладает наибольшим даром красноречия), этот основополагающий документ был отчасти подготовлен и Адамсом, который писал отдельные абзацы и редактировал весь текст.

На базе Декларации независимости Адамс подготовил текст Конституции штата Массачусетс. Он стал основоположником американского конституционного права, написав два крупных труда — «Мысли о власти» (1776) и «Защита конституционной власти Соединенных Штатов» (1787). Вторая из этих работ будет написана уже в то время, когда в США развернется движение за переход к федеративному устройству.

А до этого, в ходе Войны за независимость, Адамс выполнял важные дипломатические поручения. Длительное время — целое десятилетие с 1778 по 1788 г. — он провел в основном в Европе: во Франции, Нидерландах, а затем в Великобритании.

Вначале он отправился во Францию, где вел переговоры с эмиссарами короля Людовика XVI о союзе. Альянс королевской Франции с новорожденной республикой казался парадоксальным, но обе стороны исходили из реальных интересов. Оказалось, что существование общего неприятеля в лице Великобритании — фактор значительно более важный, нежели принципиальное различие в государственном устройстве. Результатом было подписание франко-американского договора о союзе.

Затем Адамс провел около года в Нидерландах, где вел переговоры с банкирами, которые предоставили его стране немалый заем на сравнительно благоприятных условиях. Во время его пребывания в Лондоне в 1783 г. был подписан мирный договор, означавший официальное

признание США бывшей метрополией. Позже он являлся послом своей страны в Великобритании, где вел переговоры как с Королевским двором, так и с парламентскими деятелями по оставшимся спорным вопросам, главным образом связанным с принадлежностью островов на Атлантическом океане.

Вернувшись на родину в 1788 г., Адамс встретился с Джорджем Вашингтоном, которого повсеместно называли уже «отцом нации». Оба они вспомнили, что именно Адамс в свое время предложил назначить Вашингтона командующим американской армией. Когда Вашингтон был выдвинут в президенты, он предложил Адамсу баллотироваться вместе с ним: оба президентских срока Вашингтона — 1789–1797 гг. — Адамс занимал пост вице-президента. Как он признавался позже своим близким, это были для него почти потерянные годы. Вашингтон лично решал важные хозяйственные, политические, административные вопросы, не прибегая к его помощи.

Лишь один раз Адамс в 1789 г. попытался вмешаться в решение важного вопроса и потерпел провал. Он предложил, чтобы по примеру европейских монархов — реально царствующих или почти номинальных (как это уже было в Великобритании, где все бóльшими правами обладал парламент) — президента официально именовали бы *His Majesty* (Ваше Величество). В результате Адамса не только высмеяли в Конгрессе и в прессе, но и обвинили в тайном монархизме, что было несправедливо, хотя явно демонстрировало складывавшиеся консервативные взгляды Джона. Осудили его как федералисты Гамильтона, так и республиканцы Джефферсона. После этого конфликта Адамс почти не высказывался по вопросам большой политики, но, имея в виду его дипломатические способности, Вашингтон назначил именно его своим посредником в переговорах между Гамильтоном и Джефферсоном, и ему удалось привести их к временному компромиссу.

Особенно осторожно Адамс выражал свое мнение по вопросу о рабстве. У него самого рабов не было, и ранее он не раз высказывался против использования рабского труда. Однако, имея в виду, что Вашингтон был рабовладельцем, и довольно крупным, Адамс на вице-президентском посту даже отрицательно оценил возможность отмены рабства в родном штате Массачусетс после внесения такого предложения. В политических кругах, однако, считали, что Адамс — человек «себе на уме». Не только республиканцы, но и федералисты относились к нему с известной долей недоверия.

Когда Вашингтон отказался от выдвижения своей кандидатуры на

третий срок, федералисты вначале предполагали выдвинуть Гамильтона. Оказалось, однако, что эта кандидатура была неприемлемой в силу положений Конституции (Гамильтон не был урожденным американцем, он родился на острове Невис в Вест-Индии). В этих условиях оказывалось, что Джон Адамс — наиболее заметная фигура, которую могли выдвинуть федералисты, чтобы не допустить к власти республиканца Джефферсона. Адамса рассматривали как «меньшее зло».

Во время президентской кампании в противовес Адамсу республиканцы-демократы, как стали называть себя сторонники Джефферсона, выдвинули своего лидера. Джефферсон вел активную агитацию, тогда как Адамс в борьбе почти не принимал участия, в основном проводя время в своем доме в пригороде Бостона. Более того, он осуждал ожесточенные нападки друг на друга, на которые не скупились кандидаты на разные должности. Он даже заявил как-то, что в случае избрания будет «драться с обеими партиями и с каждой личностью, прежде чем определю свое понимание вещей — иначе я буду проституировать своим языком или пером, или и тем, и другим».

Эти президентские выборы были первыми, в которых исход не был предопределен заранее. В различных штатах они проводились в разное время с 4 ноября по 7 декабря 1796 г. Победил Адамс, но незначительным большинством: он получил 71 голос выборщиков, тогда как его главный соперник Джефферсон — 68. В результате Джефферсон стал вице-президентом. Это был один из немногих случаев в американской истории, когда была предпринята персональная попытка смягчить межпартийную борьбу путем сотрудничества двух лиц на высших исполнительных постах. Президент и вице-президент приступили к исполнению своих обязанностей 4 марта 1797 г. Эта дата в дальнейшем стала традиционной для инаугурации нового президента.

Однако серьезных результатов в примирении фракций добиться не удалось. Преобладание в Конгрессе федералистов привело к тому, что Адамс сохранил в основном прежний состав кабинета. С вице-президентом у него установились более или менее терпимые отношения, за что федералисты нередко его осуждали. Джефферсон лукаво признавал: «Сторонники Гамильтона, которые его [президента] окружают, лишь немногим менее враждебно относятся к нему, нежели ко мне».

Политическая жизнь страны в последние годы XVIII в. была заполнена острой, подчас истерической борьбой соперничавших группировок, фактически превратившихся в партии. Республиканцы-демократы обвиняли федералистов в том, что те — скрытые монархисты и даже

британские агенты, готовые восстановить колониальный статус. Федералисты называли республиканцев анархистами и даже якобинцами, стремившимися установить в США режим террора по примеру французских якобинцев.

В этих условиях Адамс повел себя не лучшим образом. Молчавший при Вашингтоне, теперь он стремился выговориться, подчас не к месту, еще более настраивая против себя не только противников, но и однопартийцев. По признанию многих современников, он проявил себя скорее политическим аналитиком, чем практиком. Через много лет, в 1812 г., он признавал в одном из писем, значительно, впрочем, преувеличивая: «Я постоянно жил во враждебной стране». На словах президент критически относился к своим действиям, он даже как-то заявил: «Я всегда намечаю хорошие решения и никогда не выполняю их».

Точно так же, как в последние годы президентства Вашингтона, при Адамсе существовал приоритет внешней политики. Он прилагал все силы, чтобы сохранить нейтралитет США во время великого европейского конфликта, главными участниками которого были Франция и Великобритания. Президент понимал, что только неучастие в войне может способствовать укреплению и в будущем процветанию слабых еще США. В то же время каждая из воевавших сторон прибегала ко всевозможным, в том числе провокационным, уловкам, чтобы привлечь заокеанскую республику на свою сторону.

Особенно активными оказались французы. После начала Великой французской революции симпатии большинства американцев были на ее стороне. Однако казнь короля, кровавый террор якобинцев, череда государственных переворотов — все эти события привели к тому, что популярность революционной Франции стала падать. В США был ратифицирован Сенатом мирный договор с Великобританией. В ответ французские власти начали перехватывать американские торговые суда, направлявшиеся к английским берегам. Правда, атаки выдавались за действия пиратов, однако было ясно, что во всех случаях за ними стояла французская Директория. Число потопленных и ограбленных американских судов достигло нескольких сотен. Ходили слухи, что французы готовятся к высадке на западном континенте. Стремясь сохранить мир, Адамс отправил в Париж посольство. Однако министр иностранных дел Франции Шарль Морис де Талейран-Перигор, уже известный как мастер беспринципной интриги, передал посланникам, что он вступит в переговоры только при передаче крупной взятки ему лично и обещании займа его правительству. Это «послание» министра, переданное через трех его представителей,

имена которых Адамс, получивший донесение на этот счет, отказался называть, обозначив их как «X, Y, Z», получило название «дела XYZ».

Вначале Адамс предпочел не обнародовать дело, чтобы не возбуждать страсти. Но сведения об этой истории, достигшие общественного мнения, вызвали такую бурю негодования, что президент вынужден был издать прокламацию о готовности США к войне. Не будучи военным, сам он стал появляться на публике в военной форме и даже с саблей, прикрепленной к поясу. По предложению президента были предприняты меры по укреплению вооруженных сил: Конгресс принял решение о формировании новых частей, доведя их численность до 10 тыс. человек, и, главное, о строительстве двенадцати 30—40-пушечных фрегатов, за что за Джоном Адамсом закрепилась слава основателя ВМФ США.

Хотя война объявлена не была, фактически с 1798 по 1800 г. у побережья то и дело вспыхивали морские бои. Вопреки ожиданиям, американские военные корабли оказались боеспособными. Дело дошло до того, что 9 февраля 1799 г. фрегат «Созвездие» (*Constellation*) не только нанес серьезные повреждения более крупному французскому фрегату «Инсургент» (*Insurgente*), но и захватил его вместе с командой. Эта победа укрепила позиции Адамса и внутри страны, и на международной арене.

Вступление США в антифранцузскую коалицию казалось решенным делом. Однако в том же 1799 г. в результате государственного переворота в Париже к власти пришел генерал Бонапарт, что коренным образом изменило ситуацию. Адамс назначил новую дипломатическую миссию. Готовясь к масштабной войне на Европейском континенте, Наполеон счел целесообразным примириться с США, и 30 сентября 1800 г. был подписан Морфонтонский договор о прекращении военных действий.

Внутри страны Адамс на протяжении всего своего срока все больше сталкивался с сопротивлением республиканцев. Хотя Джефферсон активно не выступал, президент считал его своего рода вражеской агентурой в федералистском лагере. Республиканская пресса обвиняла Адамса в монархических намерениях, в обострении внешних конфликтов ради укрепления собственной власти, в трате огромных государственных средств, в коррупции.

Летом 1799 г. Конгресс, в котором большинство принадлежало федералистам, принял несколько законов, предоставлявших исполнительной власти право налагать высокие штрафы и подвергать тюремному заключению за «подстрекательство к мятежу» (именно так был назван основной закон этой серии), причем трактовалось последнее весьма широко. В дополнение был проведен закон об иностранцах, согласно

которому был введен 14-летний срок «натурализации», то есть пребывания иностранцев в США до получения гражданства. Имея в виду, что иммигранты из Европы, в частности ирландцы, которых в этот период было особенно много среди прибывавших из-за океана переселенцев, большей частью поддерживали республиканцев, этот закон, дававший право высылки из страны иностранцев, трактовали как направленный против оппозиции. Вице-президент Джефферсон высказался против этих законов, что привело к открытому конфликту между ним и президентом.

Особое недовольство населения вызывал рост налогов, которые шли на содержание армии и прежде всего на строительство дорогостоящих военных кораблей. Республиканская пресса утверждала, что и принятые законы, и «милитаризация страны» ставят целью установление единоличной власти президента. В законодательных органах Вирджинии и Кентукки республиканцам в конце 1798 г. удалось провести резолюции, объявлявшие законы о подстрекательстве и об иностранцах антиконституционными. В Вирджинии дело дошло до преобразования милиции в армию штата, целью которой объявлялось сопротивление антиконституционному законодательству. Не исключались отделение этого и других южных штатов от федерации.

Как показали эти и последовавшие события, пресса в значительной степени сильно преувеличивала опасности, грозившие стране. И у находившейся у власти группировки, возглавляемой Адамсом, и у оппозиции, которая, как мы знаем, имела своего представителя в высшем эшелоне власти в лице Джефферсона, было немало личностных властных амбиций, использовались демагогические приемы, популизм, которые становились неизбежными спутниками политической игры. Демократия с ее институтами, как оказывалось, имела свою обратную сторону. С ней приходилось считаться. Становилось ясным, что успешная политическая деятельность невозможна без той или иной степени лицемерия и обмана.

При этом Адамс на протяжении своего президентства все более решительно выступал за централизацию и укрепление федеральной власти, за ужесточение наказания для тех, кто осмеливался нарушить общеамериканское законодательство. Когда в начале 1799 г. в Пенсильвании начали сбор повышенного налога (в соответствии с новым законодательством), в двух графствах население оказало мытарям вооруженное сопротивление. С огромным преувеличением эти выступления были объявлены «восстанием Джона Фриза», по имени отставного капитана, который призывал мелких и средних собственников отказаться от уплаты налогов. Фриз был схвачен, его судили и приговорили

к смертной казни, хотя на суде была доказана неоправданность обвинения в государственной измене. Правда, президент Адамс помиловал Фриза и приказал освободить его из заключения, но было объявлено, что в будущем всякие попытки уклонения от уплаты налогов будут караться беспощадно.

Почти до конца своего пребывания на высшем посту Адамс жил и работал в Филадельфии, в то время как шло строительство новой столицы. Он с нетерпением ожидал возможности переезда в Вашингтон, особенно в связи с тем, что жизнь в Филадельфии крайне не нравилась его жене Абигейл, которая даже вместе с детьми уехала в родные места в штат Массачусетс. Сам президент в марте 1799 г. присоединился к ним и несколько месяцев почти не занимался государственной работой. Только тогда, когда его верные сторонники предупредили, что Гамильтон фактически решает все главные вопросы управления страной и даже вроде бы намерен отстранить Адамса от власти, тот возвратился в Филадельфию.

В июне 1800 г. президент впервые посетил новую столицу. Несмотря на то что строительство было в разгаре и город, по его словам, выглядел «сырым и недостроенным», он нашел, что общественные здания в основном готовы к перемещению в них главных государственных учреждений.

Естественно, Адамса прежде всего интересовало здание, в котором ему предстояло жить и работать оставшиеся месяцы, а в случае победы на предстоящих выборах — и следующий президентский срок. Как оказалось, дом, который называли то Президентский дворец, то Президентский особняк, то Президентский дом (термин Белый дом появился примерно через десять лет — впервые новое название было зафиксировано в 1811 г.) был почти готов. 1 ноября 1800 г. Адамс с секретарями и другими сотрудниками переселился в вашингтонскую резиденцию. Сообщая Абигейл о переезде, Адамс писал: «Прежде чем завершить это письмо, я молю Небеса благословить этот дом и всех тех, кто с этого времени будет в нем жить. Пусть только честные и разумные люди когда-либо управляют [страной] под этой крышей». Через месяц к нему присоединилась жена с детьми.

В будущем Белый дом неоднократно достраивался и перестраивался, но в основе своей сохранился в том виде, какой имел в конце 1800 г. 17 ноября состоялось первое заседание Конгресса в здании Капитолия, а 22 ноября Адамс впервые выступил в нем с посланием «О положении страны», ставшим традиционным документом, в котором президенты США ежегодно отчитываются о проделанной работе и знакомят законодателей со своими планами — в соответствии со статьей 2 Конституции.

Впрочем, президент вскоре разочаровался в Вашингтоне. Он писал, что это была грязная, дурно пахнущая деревня с абсурдными претензиями на величие. Отчасти это брюзжание было связано с тем, что именно в этом, 1800 г. президенту пришлось выслушивать особенно острые обвинения и просто ругательства, связанные с избирательной кампанией.

Очередные президентские выборы состоялись осенью 1800 г. Предположения о вероятных кандидатах подтвердились. Федералисты вновь выдвинули Адамса, республиканцы-демократы — Джефферсона. Избирательная кампания была острой. Обе стороны обрушивались на соперников со злобными, большей частью неоправданными обвинениями. Федералисты называли Джефферсона и его сторонников врагами «всех тех, кто любит порядок, мир, достоинство и религию». Республиканцы обвиняли федералистов в подрыве демократических принципов, в аристократизме и приверженности монархическому устройству. Даже личное выступление Адамса с посланием о положении страны, факт его появления в зале заседаний Конгресса объявлялись следованием британским королевским обычаям сотрудничества с парламентом и навязывания ему своей воли.

На выборах, проходивших с 31 октября по 1 декабря, Джефферсон получил 61 % голосов, а Адамс — 39 %. Меньшим был разрыв в коллегии выборщиков, но и в ней победа Джефферсона и кандидата в вице-президенты Аарона Берра, обеспечивших себе по 73 голоса, тогда как Адамс — 65, была очевидной.

Прежде чем покинуть президентскую резиденцию Джон Адамс, чувствовавший себя оскорбленным недоверием соотечественников, приложил максимум усилий, чтобы закрепить положение федералистов, в частности в судебных органах. Последовала большая серия «полуночных назначений», то есть сделанных в последний момент. Адамс надеялся, что при помощи этих своих назначенцев сможет в значительной мере расстроить планы Джефферсона в качестве главы государства. Существенных результатов эта затея не дала. С первых лет XIX в. течение федералистов пошло на спад и в конце концов уступило место новым политическим объединениям.

Уйдя в отставку, Адамс удалился в свой родной городок, который после объединения с соседним местечком стал носить название Куинси. Он занимался сельским хозяйством, читал философские и политологические книги, пытался оказать помощь своему сыну Джону Куинси, который пробовал свои силы на политической арене. В конце десятилетия Джон отошел от федералистов и объявил себя консервативным республиканцем.

Это привело к примирению с Джефферсоном. Они стали встречаться и вспоминать минувшие политические баталии, вели оживленную переписку.

Последние годы жизни принесли бывшему президенту как горе, так и радость: в 1818 г. скончалась Абигейл, которую он считал верным другом и советником, а в 1824 г. сын Джон Куинси победил на президентских выборах.

Живя в своем небольшом имении, Адамс наблюдал развитие и укрепление американской демократии, стабилизацию республиканского режима. Ему льстило, что его причисляли к отцам-основателям республики, к творцам ее основополагающих документов, что полностью соответствовало действительности. Свои четыре президентских года он не считал лучшим временем своей жизни. Значительно больше он ценил предшествовавшие этому успешные дипломатические миссии.

Своего рода символом было то, что он скончался в один день со своим соперником, а позже другом Томасом Джефферсоном, причем это был день главного американского праздника — дата принятия Декларации независимости — 4 июля 1826 года, который праздновался как День независимости Соединенных Штатов.

Основные издания:

Согрин В. В. Основатели США: Исторические портреты. М., 1983.

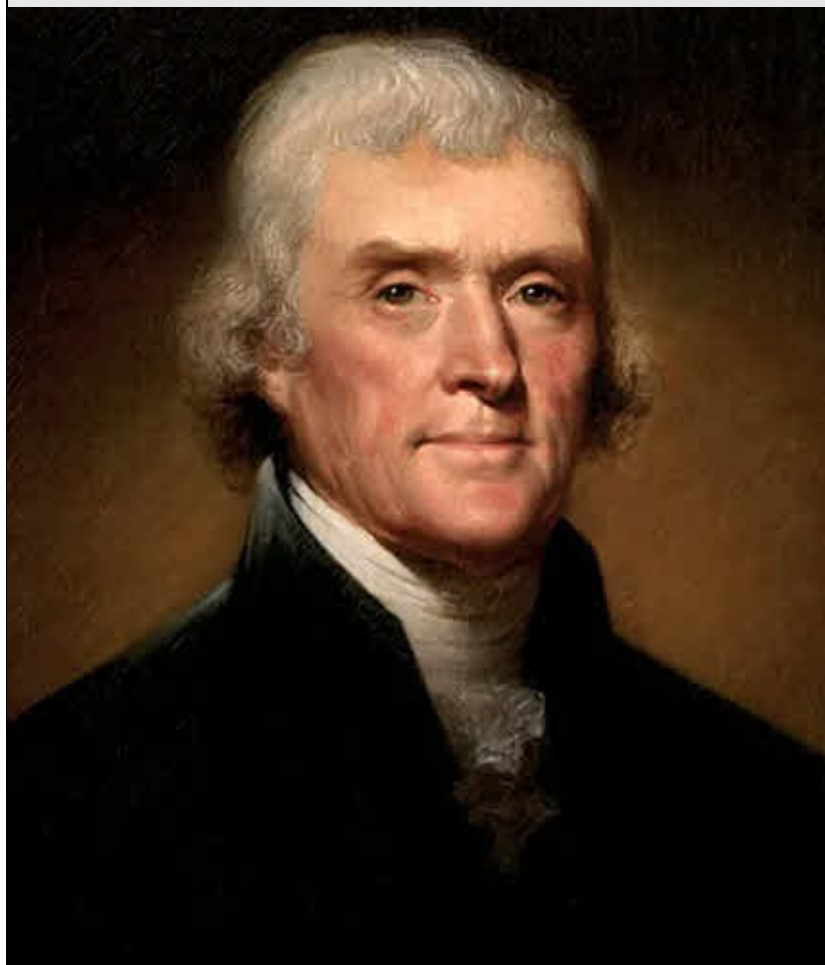
Ferling J. John Adams: A Life. Knoxville, 1992.

McCullough D. John Adams. New York, 2001.

Thompson C. John Adams and the Spirit of Liberty. Lawrence, 1998.

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН

13 апреля 1743 — 4 июля 1826

3-й президент:

4 марта 1801 — 4 марта 1809

Портрет Р. Пиля

Купюра достоинством в 2 доллара США с портретом Т. Джефферсона

Взгляды и деятельность одного из основателей США Томаса Джефферсона (*Thomas Jefferson*) были плотью от плоти становления нового независимого государства как страны свободолюбивой и демократической. В то же время они носили на себе все характерные черты и противоречия, свойственные прежде всего белым колонистам, из среды которых вышли «отцы-основатели». Томас стоял на левом крыле борцов за независимость и даже считался в кругах противников анархистом. Он выступал за «малое правительство» и широкие права штатов и при этом, став президентом, укреплял центральную власть и прилагал усилия для расширения территории США на запад. Он был решительным приверженцем республиканской Конституции, но одновременно страстным партийным

лидером, всячески стремившимся обеспечить, порой прибегая к сомнительным с точки зрения критиков мерам, преимущество республиканцев-демократов, как стала называться формировавшаяся под его руководством партия. Если Вашингтон был первым среди основателей государства, а Адамс закрепил его независимый статус, то Джефферсон сыграл важную роль в становлении США как одного из ведущих государств мира — наиболее серьезного игрока за пределами Европы.

Будущий президент был старшим сыном (третьим ребенком: у него было две старших сестры) плантатора Питера Джефферсона, жившего на западной окраине колонии Вирджиния в графстве Албемарл, сразу за которым начинались неизведанные для колонистов места, населенные индейскими племенами. Не удовлетворившись небольшими доходами от плантации, Питер овладел искусством геодезии и пополнял семейный доход оказанием платной помощи соседним плантаторам в разных землемерных работах.

Мать Томаса Джейн была родственницей первого председателя Континентального конгресса Пэйтона Рэндольфа, которым в семье гордились как одним из первых борцов за независимость. В 1745 г. семья переехала в расположенное неподалеку поместье Таккахо, перешедшее по наследству к матери.

Начальное образование Том получил в приходской школе, где особое внимание уделялось древним языкам, а также французскому, который рассматривался как образец элегантности и красоты. Увлечение французской культурой будет важной чертой Джефферсона на протяжении всей жизни и окажет влияние на его политические решения.

Отец умер, когда Томасу было 14 лет. Согласно завещанию (в семье было восемь детей) старший сын получил 5 тыс. акров земли и несколько десятков рабов. Однако вести самостоятельное хозяйство он не пожелал и отправился в пользовавшийся популярностью вирджинский колледж Уильяма и Мэри, расположенный в столице колонии Уильямсбурге. Здесь он овладевал гуманитарными знаниями, а также математикой. Большое впечатление произвели на него труды британских ученых, и позже он называл Исаака Ньютона, Джона Локка и Френсиса Бэкона величайшими людьми, когда-либо существовавшими в истории.

Современники вспоминали исключительное трудолюбие Томаса, который подчас занимался по 15 часов в сутки. В дополнение к обязательным предметам он стал учиться игре на скрипке и добился такого успеха, что его стали приглашать в дом губернатора Вирджинии Френсиса Фокьера, где юноша пользовался успехом и как музыкант, и как

обаятельный молодой человек.

В то же время политическая активность Джефферсона проявилась уже в годы обучения в колледже. Он вступил в тайный «Клуб плоской шляпы», члены которого не задумывали подрывных действий, но выходили за пределы дозволенного уже тем, что обсуждали политические вопросы. Правда, существование клуба обнаружено не было. Молодой человек окончил колледж с наивысшими оценками, получил звание бакалавра и право заниматься адвокатской практикой.

В 1772 г. Джефферсон женился на своей троюродной сестре Марте Скелтон. В 1782 г. Марта умерла, успев родить шестерых детей. После ее смерти Томас более не вступал в брак. Однако многие годы он сожительствовал со своей рабыней квартеронкой^[1] Салли Хэмингс. У нее было восемь детей, из которых Томас был отцом по крайней мере одного сына (это подтвердил сделанный в 1998 г. анализ ДНК потомков Томаса и Салли). Не исключают, что и остальные дети Салли были от Томаса. Историей взаимоотношений Томаса и Салли занимались историки, по их мотивам снято несколько фильмов. Обращалось внимание, что документацией рождения детей своих рабов занимался сам Джефферсон. В его учетной книге имя отца детей Салли не обозначено, тогда как имена отцов детей всех других рабынь пунктуально указаны.

Главной областью интересов адвоката Джефферсона становилась политика. В 1869 г. он был избран в Палату представителей своей колонии. Здесь он постепенно набирал опыт, выступая по второстепенным вопросам. Когда же в 1774 г. британские власти распустили этот орган, сочтя его не вполне послушным, Джефферсон стал членом Корреспондентского комитета и в этом качестве написал ряд статей, которые были объединены в том же году в первую книгу Джефферсона «Общий взгляд на права Британской Америки». Основная идея публикации состояла в том, что колонисты Америки имеют естественное право на самоуправление, а британский парламент, осуществляющий власть в метрополии, не вправе распоряжаться жизнью и волей тех подданных, которые живут за океаном.

Книга оказалась настолько популярной, что ее автор был избран на Континентальный конгресс. Здесь он проявил себя талантливым оратором, внес решающий вклад в выработку Декларации независимости, написав ее предварительный текст. Правда, в текст были затем внесены изменения, в частности исключена содержавшаяся в проекте Джефферсона критика работорговли, но он все же остался основным автором этого документа.

В 1779 г. Джефферсон был на год избран первым губернатором Вирджинии (в следующем году он был вновь переизбран). Опыт

исполнительной власти, хотя и не на национальном уровне, оказался нелегким и противоречивым. Англичане наступали с юга, местное ополчение терпело поражения, Джефферсон сам едва не попал в плен. Политические противники объявили его самого предателем, тайным агентом англичан. Как он писал позже, это был важный урок, свидетельствовавший о необходимости окружать себя надежными сторонниками. Именно в это время он сблизился с Джеймсом Мэдисоном и Джеймсом Монро. Оба они один за другим в будущем сменят Джефферсона на президентском посту. Их Томас как-то назвал «двумя столпами моего счастья».

Став членом Конгресса, Джефферсон занимался главным образом организацией постепенного продвижения границ США на запад, а также созданием национальной валюты. Последний вопрос Томас и его друзья считали особо важным, так как без единой денежной системы не могло существовать единое государство. Между тем положение с деньгами было катастрофическим: каждый штат имел собственную валюту, что было питательной почвой для сепаратизма. Хотя Джефферсон в этот период был противником создания сильного центрального правительства, он считал, что ситуация с валютой «на грани безумия». Весной 1784 г. он написал «Заметки о введении денежной единицы», где доказывал, что она (он назвал ее долларом по названию шотландской денежной единицы, упоминавшейся в пьесе У. Шекспира «Макбет») должна быть такой простой, чтобы каждому фермеру было легко не только расплачиваться, но и рассчитывать свои доходы и расходы. Доллар следовало разделить по десятичной системе, ибо «всем известно, насколько удобна десятичная арифметика». В 1792 г. был принят закон о чеканке монеты, в основу которого были положены предложения Джефферсона: вводилась единая валюта — доллар, делившийся на сто центов. Правда, государственной монополии на чеканку денег не было. Административные органы только следили, и то спустя рукава, за выпуском долларов частными лицами и их объединениями.

При этом Джефферсон решил попробовать свои силы в совершенно другой области, и в 1785 г. он принял предложение отправиться во Францию в качестве дипломатического представителя США. Ему удалось добиться поддержки американской революции со стороны Франции. Принятый с почетом при Дворе короля Людовика XVI, он, человек с уже устоявшимися республиканскими взглядами, вынужден был лицемерить, следуя дворцовому этикету, чтобы максимально расширить военную помощь своей стране со стороны крупнейшей абсолютной монархии

Европы. Отнюдь не симпатизируя свободолюбивым стремлениям американцев, Людовик подпал под обаяние Джефферсона, который убеждал его в том, что поддержка американцев ослабит главного соперника Франции — Великобританию. Французская помощь сухопутными войсками и особенно флотом способствовала обретению независимости заокеанским государством. Джефферсон приветствовал начало революции во Франции в 1789 г. Но в том же году он возвратился на родину, оставшись другом и почитателем французского народа и культуры этой страны, считая французов нацией, заслуживающей подражания.

С учетом дипломатических успехов Джефферсона, Вашингтон назначил его государственным секретарем, то есть министром иностранных дел (госсекретарь считался тогда первым помощником президента и имел определенные полномочия в области внутренней политики). Очень быстро возник, а затем углубился конфликт между ним и секретарем казначейства федералистом Александром Гамильтоном. Создание Первого банка США и начатые им финансовые операции по выплате военных долгов привели к денежным спекуляциям и усиливавшемуся расслоению общества. Гамильтон и его сторонники считали это естественным процессом, тогда как Джефферсон и возглавляемые им республиканцы обвиняли федералистов в том, что они, организуя выплату долгов все более обесценивавшимися бумажными банкнотами, получали за одолженные ими деньги полноценную золотую валюту.

Поскольку Вашингтон поддерживал в основном Гамильтона, в его руки отчасти перешли и внешнеполитические вопросы, хотя они являлись областью ответственности Джефферсона. Стремясь к примирению с Великобританией, вступившей в войну с Францией, Гамильтон обвинял Джефферсона в «женственной привязанности к Франции и столь же женственной неприязни к Великобритании». Понимая, что власть все более ускользает из его рук, Джефферсон в конце 1793 г. ушел в отставку и удалился в свое вирджинское поместье Монтичелло.

Он занялся благоустройством своего поместья, спроектировал его главное здание — этакий небольшой замок. В то же время он очень внимательно следил за американской политикой. Его крайне возмутило подписание в ноябре 1794 г. с Великобританией «договора Джея» (о дружбе, торговле и мореплавании), который в американском обществе был расценен как неравноправный.

Действительно, американские корабли не получили права заходить в британские порты, которые еще оставались в Америке (на территории

Канады), в то время как британские суда могли посещать все морские и речные порты США. Были и другие явно дискриминационные статьи. В то же время статьи договора подтверждали независимость США, предусматривалось создание смешанных комиссий для уточнения границ, для определения взаимных финансовых претензий. Несмотря на яростную оппозицию республиканцев, утверждавших, что договор чуть ли не превращает США в колонию, он был ратифицирован Конгрессом.

Разногласия с Гамильтоном, переросшие в личную вражду, привели к тому, что Джефферсон совместно с Мэдисоном занялся созданием на базе групп своих сторонников Демократическо-республиканской партии. Хотя она фактически функционировала с 1792 г., официальное сообщение о ее создании Джефферсон и Мэдисон издали в 1799 г. В партию вошли руководители администраций и местные лидеры прежде всего южных штатов, а также Нью-Йорка. Партия резко критиковала федералистов, обвиняла Гамильтона в монархистских тенденциях, выступала за расширение полномочий штатов, нейтралитет в европейской политике.

На президентских выборах 1796 г. Джефферсон стал главным соперником Адамса и, заняв второе место по числу голосов выборщиков, получил пост вице-президента. По договоренности с Адамсом его основной функцией стало председательствование в Сенате, причем без права голоса. (Кроме случаев, когда верхняя палата оказывалась в патовом положении: при равенстве голосов «за» и «против». В такой ситуации голос вице-президента решал исход голосования. Эта правовая норма сохранилась до наших дней.)

В целом, однако, вице-президентство Джефферсона было весьма своеобразным: фактически он выступал против большинства мероприятий правительства, в частности против актов о подстрекательстве к мятежу и об ограничении иммиграции. Вице-президент предупреждал президента Адамса, что посягательства последнего на «суверенитет штатов» встретят сопротивление и что он, Джефферсон, это сопротивление поддержит. Федеральное правительство, утверждал он, является агентом штатов, опасность республике исходит от излишней федеративной власти, а не от «анархии», исходящей из среды необразованных масс. Впрочем, на практике он был чужд этих масс, как и они обычно оставались в стороне от бурных дискуссий.

Поведение Джефферсона в качестве вице-президента привело к крайнему обострению его отношений с Адамсом, который не без основания обвинял своего заместителя в нарушении воли избирателей. Впрочем, не лучшего мнения Адамс был и о Гамильтоне, которого называл «самым

беспокойным, нетерпеливым, хитрым, неутомимым и беспринципным интриганом в Соединенных Штатах».

Острая борьба развернулась на президентских выборах 1800 г. Подчас эту избирательную кампанию называют «революцией 1800 года», хотя, конечно, это выражение было лишь условным обозначением тех государственно-конституционных изменений, которые вели к устранению недостатков избирательной системы, а затем к упадку и распаду Федералистской партии. До этого выборщики имели по два голоса, но могли голосовать только за президента, а лицо, занявшее второе место, автоматически становилось вице-президентом.

Демократы-республиканцы выдвинули Джефферсона, а вместе с ним Аарона Берра — ветерана Войны за независимость, опытного адвоката и политика, сторонника расширения прав штатов, прежде всего своего родного Нью-Йорка. Кандидатом федералистов вновь стал Адамс, который к концу своего президентства потерял значительную степень своего бывшего влияния.

Оба кандидата в полемике непосредственно не участвовали, хотя поощряли ожесточенные выступления своих сторонников, не стеснявшихся прямых оскорблений. Адамса называли «стариком-подстрекателем», Джефферсона — атеистом, который в своем безбожии однажды обесчестил вдову. Дело дошло до того, что в конце июня 1800 г. некоторые газеты распустили слух о внезапной смерти Джефферсона, а опровержение опубликовали только через неделю!

Обеспечив себе большинство голосов выборщиков, Джефферсон придумал хитрый ход: один выборщик должен был отдать не два, а лишь один голос. В результате этого он рассчитывал получить на один голос больше Берра и стал президентом, а тот — вице-президентом. Но неразбериха в коллегии выборщиков привела к тому, что оба они получили равное число голосов и вопрос был передан в Палату представителей, где большинство было у федералистов. Часть из них, стремясь не допустить избрания Джефферсона президентом, проголосовала за Берра. Последний самоустранился от борьбы, заявив, что примет любое решение палаты. Этим он фактически отказался от поддержки Джефферсона, которого однопартийцы рассматривали как единого кандидата на президентский пост. 34 тура голосования завершились вничью. Только после того как Гамильтон, ненавидевший Берра по личным причинам (они поссорились, когда родственник Гамильтона обвинил Берра во взяточничестве, за чем последовала дуэль, впрочем, окончившаяся бескровно) высказался за Джефферсона как «меньшее зло», а затем еще один федералист

переметнулся на сторону Джефферсона. В 35-м туре Джефферсон был избран президентом большинством в один голос. На протяжении всей этой возни он выражал надежду, что в будущем федералисты «будут усмирены». Чтобы исключить повторение подобных инцидентов, Джефферсон инициировал принятие 12-й поправки к Конституции, которая предусматривала, что выборщики будут по-прежнему отдавать два голоса, но теперь один голос — за президента, а второй — за вице-президента.

Четвертого марта 1801 г. Джефферсон принес присягу в качестве президента США. Его инаугурационная речь считается одним из важнейших политических документов США. Имея в виду ожесточенную политическую борьбу предыдущих лет, новый президент решительно высказался за национальное примирение. Отвергая партийные пристрастия, он заявил: «Под разными именами мы являемся братьями по одним и тем же принципам. Все мы республиканцы, все мы федералисты». Новый президент имел в виду не принадлежность к определенной партии, а поддержку республиканского строя и федеративного устройства страны.

Хотя Джефферсон, исходя из принципов, провозглашенных в инаугурационной речи, заявил, что сформирует правительство из представителей всех «фракций», важнейшие посты он отдал своим ближайшим сторонникам. Государственным секретарем стал Джеймс Мэдисон, секретарем казначейства — шведский эмигрант, республиканец из Пенсильвании Альберт Галлатин. (Этот последний приложил все силы для экономии государственных средств, в частности настояв на сокращении регулярной армии и сосредоточении ее на западных границах, а также увольнении большого количества федеральных чиновников, численность которых была сведена всего до сотни человек.) Пост военного секретаря занял малоизвестный генерал Генри Дирборн, которого Джефферсон включил в правительство, как он говорил, для «регионального баланса», так как северные штаты в нем почти не были представлены, а генерал был родом из штата Мэн. Бирборн проявил себя с лучшей стороны: в условиях резкого сокращения армии ему удалось успешно отбивать нападения испанцев и французов с юга и набеги индейцев с запада. Во всяком случае, Джефферсон явно проявил талант в выборе помощников. Впрочем, при этом он всегда сохранял приверженность своей партии. Почти во всех случаях оказывалось так, что, провозглашая своей целью национальное примирение, Джефферсон отдавал высшие должности своим однопартийцам. Он оправдывал это тем, что речь шла о людях, чьи способности он хорошо знал по опыту совместной борьбы в течение ряда лет. Помимо этого, назначая на ответственные посты, в частности в

судебной системе, своих политических сторонников, Джефферсон создавал определенный баланс, поскольку при Адамсе назначались почти исключительно федералисты.

При всем этом основная часть назначенных ранее федералистов оставалась на своих постах. Они отплатили новому президенту благодарностью, часть из них вообще перешла в лагерь республиканцев-демократов, что наряду с другими факторами способствовало значительному падению влияния федералистской организации. Кадровая политика Джефферсона создала традицию, укоренившуюся в США: при формировании новой президентской администрации оставлять на своих постах часть чиновников, невзирая на их партийную принадлежность. При этом высшие посты отдавались тем, кто наиболее активно поддерживал будущего победителя.

Стремясь к превращению США в правовое государство, президент уделял особое внимание созданию стройной, имеющей четкие полномочия и в то же время экономичной судебной системы. По его предложению были отменены некоторые положения акта Конгресса, принятого в самом конце президентства Адамса, который позволил ему осуществить «полуночные назначения» судей. Число членов Верховного суда сократилось до пяти (вместо шести), что позволяло избежать патового положения (то есть равного числа голосов при вынесении решений). Одновременно были ликвидированы суды графств, полномочия которых передавались судам более высокого уровня (окружным). Это позволило устранить многих судей, назначенных Адамсом, в частности в округе Колумбия (только в нем назначил 42 судей). Их увольнение, которое мотивировалось прежде всего экономией средств, носило политический характер: враждебно настроенные к президенту судьи столичного округа сильно мешали, да и просто раздражали Джефферсона. Теперь обстановка стала более благоприятной. Но главное, из ведения Верховного суда изымались все «конкретные вопросы», то есть не связанные с толкованием Конституции и с определением соответствия федерального законодательства основному закону страны. Так на практике происходила определенная «федерализация» демократа-республиканца Джефферсона, который все более осознавал необходимость сохранения и укрепления централизованного государства.

Не во всех случаях юридические акции президента приводили к успеху. В 1803 г. он потребовал принудительной отставки на основе импичмента одного из судей Верховного суда Сэмюэля Чейза, назначенного еще Вашингтоном. Чейз был обвинен в партийных пристрастиях, так как в

одном из выступлений заявил, что демократы-республиканцы «угрожают миру, порядку, свободе и собственности». Вопрос рассматривался в Конгрессе. Но президента не поддержали не только федералисты, но и некоторые его однопартийцы, заявлявшие, что обвинения против Чейза напоминают инвективы, содержащиеся в законе о подстрекательстве к мятежу, осужденном и отмененном по инициативе самого Джефферсона. Чейз был оправдан, а в США больше никогда не прибегали к попыткам отрешения членов Верховного суда от должности.

Экономическая политика Джефферсона была неотделима от его мероприятий в военной области и внешней политике. Получив в наследство большой внешний и внутренний долг, он требовал жесткой экономии государственных средств, с тем чтобы погасить задолженность. Далеко не во всем его экономические мероприятия были последовательными. Следуя характерным для него, когда он было в оппозиции, популистским настроениям, Джефферсон считал необходимым освободить американцев от некоторых введенных ранее налогов. В частности, им был отменен налог на производство спиртных напитков («налог на виски») 1794 г., который вызвал серьезные волнения в разных штатах. Более того, он собирался отменить и другие налоги, заявляя, что правительство может содержать себя только за счет таможенных пошлин. Вначале эти его инициативы привели к экономическим успехам на базе свободного предпринимательства. Действительно, пошлины на экспорт и импорт создавали возможность содержать «малое правительство», за которое ратовал Джефферсон.

Однако войны в Европе (получившие название Наполеоновских войн) привели к тому, что торговля США с основными странами старого мира почти прекратилась. В результате возник кризис: все три ветви власти оказались без средств. Не было даже денег на выплату жалованья высшим государственным служащим. В результате пришлось срочно восстанавливать налоговую систему. Это был еще один урок государственной мудрости, который пришлось выучить президенту Джефферсону.

На протяжении первого и особенно второго президентства Джефферсона (он был переизбран в 1804 г.) проводилось постепенное сокращение численности регулярной армии и ВМФ (корабли либо ставились на прикол, либо переоборудовались в торговые). При этом правительство исходило из все той же задачи максимальной экономии государственных средств. Джефферсон утверждал, что в случае вовлечения США в войну можно будет привлечь в армию добровольцев и на их базе

быстро создать большую боеспособную армию. Он ссылался на опыт Войны за независимость, не упоминая, правда, что она привела к благоприятным для США результатам только в самом конце, причем при вооруженной помощи французов.

Все же президент, считаясь с мнением советников, принял меры по улучшению технического оснащения вооруженных сил. В 1802 г. было решено создать Армейский инженерный корпус (*US Army Corps of Engineers*), куда вошли специалисты, призванные обеспечить армию различными средствами ведения боевых действий. Но к этому моменту подобных военных специалистов просто не существовало, в связи с чем в следующем году Джефферсон инициировал создание Военной академии США, разместившейся в городке Вест-Пойнт (штат НьюЙорк) с живописным видом на реку Гудзон. Это было первое военное учебное заведение в стране, и оно существует и по сей день. Здесь еще с 1778 г. находился форт, спроектированный Тадеушем Костюшко — будущим руководителем Польского восстания 1794 г. Вест-Пойнт стал подлинной кузницей не только кадров военных инженеров и техников, как предполагалось изначально, но и высшего командного состава Армии США. И все же именно выпускники Вест-Пойнта в первой половине XIX в. спроектировали большую часть железных и других дорог, а также мостов страны.

При всей своей решимости содержать лишь небольшую регулярную армию президент был сторонником продвижения на запад как путем оттеснения индейцев, так и с помощью покупки новых территорий. В отношении индейцев проводилась политика кнута и пряника. Еще Вашингтон объявил, что на юге США проживают «пять цивилизованных племен» — чероки, семинолы, крики, чокто и чикасо, которые усвоили некоторые обычаи белых граждан и поддерживали нормальные отношения с соседями. Джефферсон продолжил курс на внедрение «цивилизации» в индейскую среду. С этой целью в индейские племена направлялись проповедники, а наиболее способных молодых индейцев принимали в штатах, разрешая им учиться в школах и колледжах. При этом другие, «нецивилизированные» племена по распоряжению Джефферсона насильно переселялись с юга на западные территории, а затем и оттуда вытеснялись в пустынные районы. Даже официально признанные «цивилизированными» крики и чероки несколько раз с оружием в руках выступали против продвижения белых поселенцев. В частности, они попытались воспрепятствовать образованию штата Теннесси. О создании этого 16-го штата было официально объявлено 1 июля 1796 г., но реализация решения

затянулась, отчасти из-за сопротивления индейских племен. Джефферсон призывал к беспощадному подавлению сопротивления индейцев. Вытеснение индейцев, широко развернувшееся при нем, позже получило в фольклоре название «дороги слез».

Президентские выборы 1804 г., на которых была вновь выдвинута кандидатура Джефферсона, проводились по новому избирательному закону, призванному предотвратить конфликт, подобный тому, который произошел в 1800 г. Новая система привела к тому, что каждая партия выдвигала свою «пару» (президент — вице-президент).

Трагическое событие, произошедшее в разгар избирательной кампании, изменило планы Джефферсона в отношении вице-президента. Давно уже ушедший в отставку и отошедший от федералистов Александр Гамильтон сохранил крайне недружелюбное отношение к вице-президенту Берру, которого Джефферсон был намерен выдвинуть и на этот раз. Стремясь разрушить эту связку, Гамильтон в 1804 г. опубликовал несколько памфлетов против Берра, носивших оскорбительный характер. В ответ Берр вызвал Гамильтона, который был принципиальным противником поединков, на дуэль. Она состоялась 11 июля 1804 г. Гамильтон стрелял первым, причем намеренно выстрелил мимо. Аарон Берр тщательно прицелился и спустил курок: пуля попала Гамильтону в живот и поразила печень и позвоночник. Через сутки с небольшим Гамильтон скончался. В его кармане была обнаружена записка: «Мои религиозные и моральные принципы решительно против практики дуэлей. Вынужденное пролитие крови человеческого существа в частном поединке, запрещенном законом, причинит мне боль. Если Господу будет угодно предоставить мне такую возможность, я выстрелю в сторону первый раз и, думаю, даже во второй». Циничное убийство известного политика подорвало позиции Берра, имя которого стало притчей во языцех. Сохранение его в качестве кандидата в вице-президенты гарантировало Джефферсону провал, и Берр как политик закончился. В качестве напарника Томас выбрал губернатора штата НьюЙорк Джорджа Клинтона. Многие полагают, что одной из главных причин того, что Джефферсон остановил на нем свой выбор, был его возраст — ему было уже 65 лет, и к следующим выборам он уже был бы слишком стар, чтобы претендовать на президентский пост. Дальновидный Джефферсон уже наметил себе в преемники своего друга Джеймса Мэдисона.

Итоги выборов подтвердили прочность позиций Джефферсона и его партии, как и продолжающееся падение влияния федералистов. В коллегии выборщиков Джефферсон получил 162 голоса, а его соперник Чарльз

Пинкни — всего 16. Двухпартийная система, вроде бы сформировавшаяся в США, начала давать сбои. Для ее сохранения необходимо было появление новой влиятельной группировки, но таковая пока не намечалась.

Конец первого и второй президентский срок Джефферсона были заполнены важными территориальными и связанными с ними внешнеполитическими делами. Было, правда, одно важное исключение. В 1808 г. истекала отсрочка решения вопроса о рабстве и работорговле, установленная Конституционным конвентом 1787 г. Именно тогда четко проявились противоречия между северными штатами, почти не заинтересованными в рабстве, и югом, где экономика в значительной мере держалась на плантационном хозяйстве, основной рабочей силой которого были рабы. Тогда представители трех южных штатов Джорджии, Северной и Южной Каролины пригрозили, что они покинут конвент, если на нем будет поставлен вопрос об отмене работорговли. Вопрос был решен путем компромисса, отложившего решение вопроса на 20 лет.

Теперь, в 1807 г., по инициативе Джефферсона, депутатами от северных штатов в Конгресс было внесено предложение о запрете работорговли (существовавшего рабовладения проект не отменял). Однако представители южных штатов вновь резко выступили против даже такого, ограниченного решения. Принятое постановление было существенной уступкой южанам, так как фактически закрепляло рабовладение и работорговлю. Запрещая работорговлю на федеральном уровне, оно предоставляло штатам право руководствоваться в этом вопросе собственным законодательством. И все же в мае 1807 г. Джефферсон подписал распоряжение, запрещающее ввоз новых рабов на территорию США. Таким образом, в какой-то степени торговля рабами была ограничена.

Конституция США, считая возможным расширение страны путем продвижения ее границ на запад, не решала вопроса о возможности приобретения новых территорий путем покупки. Но в начале века этот вопрос возник в связи с проблемой огромной территории бассейна реки Миссисипи, известной под названием Луизиана.

По Сан-Ильдефонскому договору 1800 г. приносившая Мадриду сплошные убытки Луизиана отошла к Франции. Если раньше США свободно пользовались для заграничной торговли портом Нового Орлеана, то теперь возникли опасения, что он будет закрыт. В 1803 г. соратник Джефферсона Джеймс Монро был командирован в Париж, где поставил вопрос о покупке Нового Орлеана и окружающей территории за 10 млн долларов. Ожидался обычный в таких делах торг. Однако, к удивлению

посла, Наполеон, озабоченный европейскими войнами, предложил, чтобы США купили всю Луизиану, которая своей площадью превышала все Соединенные Штаты в два раза, всего за 15 млн долларов.

Вначале Джефферсон и его помощники колебались, следует ли осуществлять сделку — они просто не понимали, что им делать с такой огромной территорией. К тому же такая грандиозная сделка не была санкционирована Конституцией, и президент вначале полагал, что для юридического оформления покупки придется принимать специальную поправку. Однако Монро убедил президента, что в результате приобретения США уже в силу своих размеров превратятся в великую державу, что вся проблема будет решена путем соглашения и в поправке к Конституции нет необходимости. 2 мая 1803 г. был подписан договор о баснословно дешевой покупке территории (цена одного акра земли составила три цента). Как это ни странно звучит, столь выгодная сделка вызвала немалое противодействие внутри США. Федералисты утверждали, что стране выгоднее хорошие отношения с Великобританией, нежели с наполеоновской Францией, что Джефферсон, симпатии которого к французской культуре были общеизвестными, является тайным французским агентом. Высказывалось беспокойство, что население Луизианы — французы, испанцы, свободные негры — получат американское гражданство, хотя они, не привыкшие к демократии, никак не могут быть полноценными гражданами. Не меньшие опасения в северных штатах вызывало расширение южных рабовладельческих штатов. В любом случае покупка Луизианы вела к росту напряженности между Севером и Югом. После нескольких месяцев дебатов по решительному настоянию Джефферсона Сенат ратифицировал договор 24 голосами из 31. Западная граница США отодвинулась к Скалистым горам. На территории Луизианы со временем образовались штаты Арканзас, Миссури, Айова, Оклахома, Канзас, Небраска. Отдельные территории вошли в другие штаты, а вокруг Нового Орлеана образовался штат Луизиана.

Включение Луизианы в состав США привело к тому, что у Джефферсона и его советников возникли еще более амбициозные проекты по дальнейшему увеличению территории страны. В 1804 г. на запад была направлена экспедиция Мэриуэзера Льюиса и Уильяма Кларка. Ее инициатором выступил лично Джефферсон, который поставил задачу найти прямой водный путь через континент, который можно было бы с выгодой использовать для коммерческих целей. Участники похода должны были также заниматься разведкой природных ресурсов и добиваться перехода индейских племен под суверенитет США. Для реализации

последней задачи были выпущены серебряные «индейские медали мира», которые предполагалось вручать вождям в награду за переход на сторону США.

В экспедиции участвовали несколько десятков человек, в основном военные. Людям Льюиса и Кларка удалось добраться до Тихоокеанского побережья. Они возвратились в Сент-Луис, откуда начинался их поход, в сентябре 1806 г., покрыв почти семь тысяч километров, в основном на каноэ. Возвращение стало для американских властей неожиданностью, поскольку экспедицию уже посчитали погибшей. Позже с национальными героями, как стали называть Льюиса и Кларка, встретился Джефферсон. Их экспедиция положила начало разведке, а затем освоению белыми колонистами западной части Северной Америки. Граница США стала постепенно отодвигаться на запад именно при Джефферсоне.

Укрепляя связи с Францией, Джефферсон в то же время прилагал усилия, чтобы сохранить добрососедские отношения и с Великобританией, поощряя торговлю с обеими странами. Тем не менее враждебность и войны между наполеоновской Францией и Великобританией не могли не отразиться на отношениях с британской короной, которые в середине 1-го десятилетия XIX в. все более ухудшались вне зависимости от воли американского президента. Обе страны оказались на грани войны, когда в июне 1807 г. англичане атаковали американский корабль «Чесапик» (*Chesapeake*), причем недалеко от побережья Вирджинии. Были убиты трое и ранены 18 американских моряков.

Джефферсон старался избежать войны. Полагая, что Лондон заинтересован в сохранении американского рынка, он попытался разрешить конфликт на основе компромисса. Однако переговоры ничего не дали, англичане ссылались на старые нормы, согласно которым, несмотря на существовавшие договоры, американцы, являвшиеся ранее подданными короны, нарушают правила морского судоходства. В ответ президент объявил о полном запрете торговли с Британскими островами, а затем и с остальными европейскими странами. Это импульсивное решение президента было встречено в ряде штатов, прежде всего в Новой Англии, которая получала большие прибыли от заморской торговли, с крайней озабоченностью. Очень скоро стала процветать контрабанда через территорию Канады. Существенного вреда британскому экспорту и импорту действия Джефферсона не причинили, но привели в конце концов к перерастанию конфликта в новую англо-американскую войну. Заниматься всеми этими сложными проблемами пришлось уже преемнику Джефферсона, Джеймсу Мэдисону.

Середина 1-го десятилетия XIX в. была отмечена еще одним конфликтом — необъявленной войны между США и формально зависимыми от Османской империи Алжиром, Тунисом и Триполитанией, которая стала известной как 1-я берберийская война. События, разворачивавшиеся на Средиземном море, были связаны с тем, что после обретения независимости США обязались платить своего рода дань монархам этих стран за право беспрепятственной морской торговли в этом регионе. Наибольшие выплаты причитались триполитанскому паше из династии Караманли. Джефферсон, считавший, что атлантическая торговля только мешает экономическому продвижению США вглубь континента, отвлекает капиталы, отказался платить дань Триполитании, что привело к разрыву отношений.

В 1803 г. начались военные действия на море и осада портов на севере Африки. Вначале американцы потерпели несколько поражений, их суда были захвачены арабами. Однако им удалось использовать внутренние противоречия в Триполитании и привлечь на свою сторону противников Караманли. В результате в апреле 1805 г. был захвачен важный порт Дерну, а вслед за этим удалось приблизиться к столичному городу Триполи. Правители Триполитании пошли на заключение мирного договора, а денежные выплаты были прекращены.

Берберийская война укрепила престиж США, тем более в условиях явно надвигавшейся войны с Великобританией. Спорные вопросы, однако, решены не были, и в 1815 г. вспыхнула 2-я берберийская война, которая также окончилась победой США и привела к ликвидации арабского пиратства в Средиземном море.

После избрания Мэдисона на президентский пост в 1808 г. Томас Джефферсон уехал в свое имение Монтичелло, где и провел последние годы вместе с рабыней Салли Хэмингс. Целые дни он проводил в своей библиотеке, где изучал труды древних и современных философов, писал письма родным и друзьям. В одном из писем он написал фразу, ставшую крылатой: «Никогда не делай завтра то, что можно сделать сегодня». В пожилом возрасте Джефферсон обнаружил способность к изобретательству, создав, в частности, прибор для измерения количества пройденных шагов, который назвал шагомером. У него был и ряд других изобретений, например, один из видов плуга с ножом, глубоко входящим в почву. Много сил Джефферсон потратил на организацию университета штата Вирджиния, свободного от влияния церкви и религии. Он участвовал в разработке проектов зданий, в составлении перечня специальностей и расписаний. После открытия университета в 1819 г. он стал первым

ректором и оставался в этой должности до 1825 г. Именно университету он завещал свою библиотеку.

Почувствовав приближение кончины, Джефферсон спроектировал памятник самому себе. На нем должны быть помещены надписи, сообщавшие, что именно он был автором Декларации независимости США, закона Вирджинии о свободе вероисповедания, основателем университета Вирджинии, в то же время не было упоминаний о занимаемых им постах в правительстве, в том числе президентском.

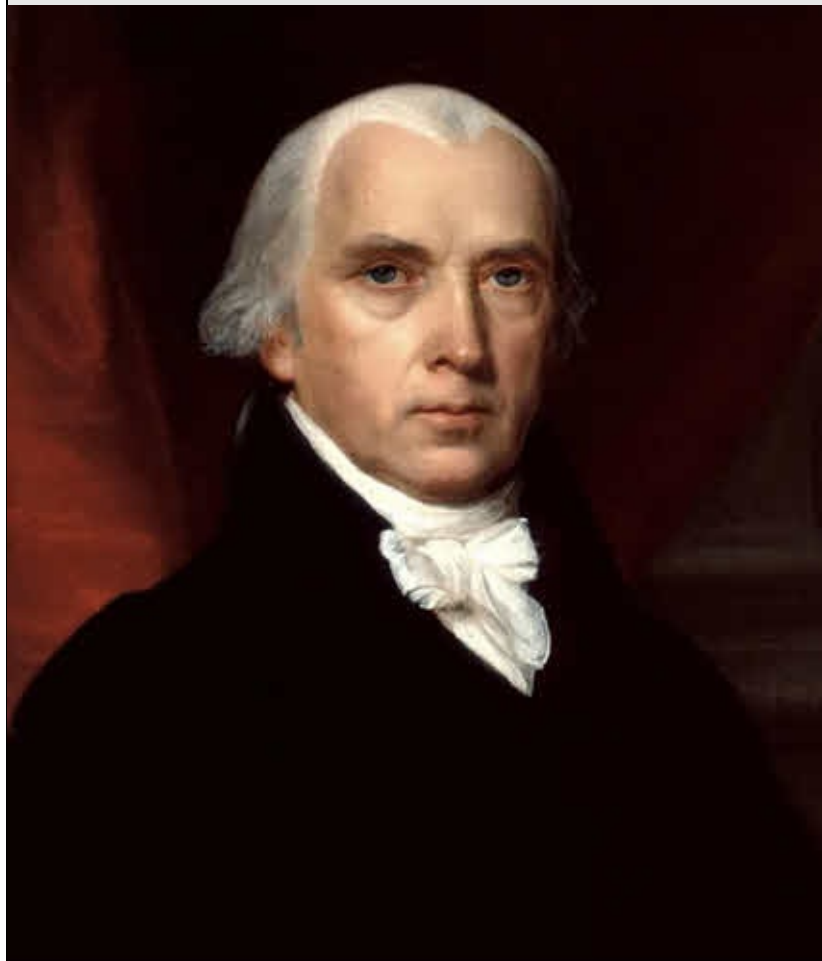
Томас Джефферсон скончался в пятидесятую годовщину принятия Декларации независимости, в тот же день, что и Джон Адамс. Памятью о нем остался его портрет на американской купюре достоинством в два доллара и на монете в пять центов. Его имя можно встретить в названиях сотен улиц во многих городах США. Джефферсону посвящено несколько художественных и документальных фильмов. Так американцы чтут человека, который вслед за Вашингтоном явился одним из реальных фундаторов своей страны.

Основные издания:

- Печатное В. О. Гамильтон и Джефферсон. М., 1984.*
Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Томас Джефферсон. М., 1976.
Согрин В. В. Джефферсон: Человек, мыслитель, политик. М., 1989.
Appleby J. Thomas Jefferson: The 3rd President, 1801–1809. New York, 2003.
Bernstein R. Thomas Jefferson. Oxfrord, 2003.
Halliday E. Understanding Thomas Jefferson. New York, 2009.
Meacham J. Thomas Jefferson: The Art of Power. New York, 2012.

ДЖЕЙМС МЭДИСОН

16 марта 1751 — 28 июня 1836

4-й президент:

4 марта 1809 — 4 марта 1817

Портрет Дж. Вандерлина

Являвшийся, как и его предшественники, одним из «отцов-основателей» США, Джеймс Мэдисон-младший (*James Madison Jr*) происходил из Вирджинии, которая была также родиной Вашингтона и

Джефферсона. Как и прежние три президента, он возглавил исполнительную власть, будучи уже заслуженным и известным политиком. Многие историки отмечают явное противоречие в том, что сугубо штатский и миролюбивый человек, который, по словам одного из очевидцев, «подпрыгивал, когда при нем только упоминали о пушечном выстреле», был первым президентом США, обратившимся к Конгрессу с предложением об объявлении войны, и был вынужден на практике играть роль Верховного главнокомандующего.

Джеймс был старшим сыном богатого плантатора графства Ориндж (западная часть колонии Вирджиния). Плантация в местечке Порт-Конвей, на которой трудились чернокожие рабы, была высокодоходной. Здесь производили табак, который экспортировался в Европу. Вирджинский табак пользовался большим спросом и продавался подчас по заоблачным ценам. Плантация площадью 5 тыс. акров с полутора сотнями рабов была одной из крупнейших в графстве. В начале 1760-х гг. семья Мэдисона переехала в новый, только что построенный дом, который соседи называли дворцом. Да и имя хозяева ему дали претенциозное — Монпелье.

Всего в семье было 12 детей (восемь сыновей и четыре дочери), половина из которых скончались в детстве. Отец Джеймс-старший и мать Нелли-Роуз рано заметили, что их сын мало интересуется практическими хозяйственными делами, но страстно тянется к «высоким знаниям». Родители понимали, что, имея армию наследников, появившихся на свет вслед за первым сыном, они могут позволить ему получить хорошее образование, выделяя необходимые средства. При этом отец предусмотрительно согласился с отказом сына от наследования плантации (но не особняка), что было оформлено специальным нотариальным актом.

После того как Джеймс окончил местную пятилетнюю школу и еще два года занимался дома с учителями, которых специально для него выписывал из крупных городов отец, он в 1769 г. отправился на север, в колледж штата Нью-Джерси, который уже тогда пользовался известностью, а позже стал знаменитым Принстонским университетом.

К этому времени Джеймс уже основательно овладел математикой, географией, французским и классическими языками. 18-летний студент проявил столь высокие способности, что его взял под покровительство президент университета Джон Уизерспун, религиозный проповедник, известный как один из почитателей и знатоков эпохи Просвещения.

Джеймс изучал философию и политическую экономию. Он увлекся учением Адама Смита и строил различные проекты развития родной Вирджинии и ее превращения в самодостаточное государство, ведущее

активную торговлю с соседними колониями или государствами. По окончании трехлетнего курса он был оставлен в колледже еще на несколько месяцев для изучения древнееврейского языка, который Уизерспун считал вершиной образования, а также предмета, который его учитель называл политической философией.

Проведя в колледже около четырех лет, Мэдисон возвратился в свое графство, не очень хорошо представляя себе, чем именно будет заниматься, но полный стремления отдать силы служению обществу. Как часто говорят американцы, он оказался в нужном месте в нужное время. В колониях разворачивалось бурное движение сопротивления британскому диктату, которое вылилось в Войну за независимость.

В 1774 г. в графстве Ориндж был образован нелегальный Координационный комитет, объявивший своей задачей борьбу против господства Великобритании. Джеймс вошел в его состав. В следующем году он стал членом, а вслед за этим председателем нового местного органа — Комитета безопасности графства. Современники отмечали парадокс: Джеймс был застенчивым, даже робким молодым человеком со слабым здоровьем. Он был подвержен простудам и часто проводил время в постели. Но когда он начинал аргументировать свои предложения, его речь становилась твердой, решительной и о застенчивости и хрупкости быстро забывали.

В 1775 г. Мэдисона избрали делегатом Вирджинского конвента, который при его активном участии разработал местную конституцию, важным приложением к которой стал документ под названием Декларация прав. Оба документа в значительной мере послужили образцами для принятых вскоре основополагающих общеамериканских законодательных актов. Правда, в одном вопросе Мэдисон оказался в меньшинстве: он настаивал, чтобы в декларацию был включен пункт о свободе религии, а большинство делегатов не оказались готовыми к принятию столь радикального положения, и англиканская церковь оставалась господствующей. Это, впрочем, никак не подорвало авторитета молодого законодателя. Наоборот, уважение к нему как к человеку, твердо отстаивавшему свои принципы, только повысилось.

Вполне естественным было избрание Мэдисона на Континентальный конгресс. Именно здесь он познакомился с Томасом Джефферсоном. Они стали друзьями и соратниками в борьбе за высшие государственные посты и, главное, за укрепление независимости нового государства, за разработку его основных законодательных актов. Возвратившись в Вирджинию, которая теперь стала штатом, Джеймс в том же 1776 г. был избран в Палату

делегатов, которая переизбиралась ежегодно. В следующем году он вновь выставил свою кандидатуру, но выборы проиграл по своеобразной причине. Корыстные избиратели потребовали, чтобы он дал обещание выставить на каждом участке по бочке спиртного в награду за трудный путь к месту выборов и за сам факт поддержки его кандидатуры. Термина *коррупция* в то время не существовало, но факт зарождения таковой был налицо. Сугубо принципиальный Мэдисон не только отказался дать обещание, но резко осудил требование, предав его гласности.

Ставший в это время губернатором Вирджинии Томас Джефферсон высмеял явно догматическое поведение своего друга, но назначил его в Совет штата — консультативный орган при губернаторе. Мэдисон действительно стал ближайшим советником губернатора, все более приобретающего общеамериканскую известность, которая распространялась на его друга. Оставаясь членом совета губернатора, Джеймс в 1781 г. отправился на Конгресс Конфедерации, каковой поначалу мыслились США. На его заседаниях он почти сразу выделился тем, что фактически отверг конфедеративный план и проект Конституции, предоставлявшей, по его мнению, слишком широкие права штатам. Мэдисон, как и небольшая группа делегатов, которых называли федералистами, выступал за создание сильного централизованного правительства со своими источниками финансирования, не зависящего от добровольных субсидий отдельных штатов. Свои предложения он аргументировал, в частности, тем, что штаты, включая его родную Вирджинию, всячески уклоняются от финансирования общеамериканских властей. По этому вопросу у него возникли разногласия с Джефферсоном, выступавшим за широкую автономию штатов. Разногласия, однако, не повлияли на близкие отношения политиков.

Разочарованный медлительностью в принятии фундаментальных решений, Мэдисон в 1783 г. покинул Конгресс и возвратился в свой штат. В том же году он был вновь избран в Палату делегатов и ежегодно переизбирался еще три раза. Здесь он особенно энергично добивался принятия закона о свободе вероисповедания и отделении церкви от государства. Несмотря на ожесточенное сопротивление приверженцев англиканской церкви, которая оставалась в Вирджинии, как и в других штатах, господствующей, Мэдисон, благодаря своему ораторскому таланту и логике, в конце концов добился принятия соответствующего закона в декабре 1785 г.

Вместе с тем Джеймс со все большей тревогой наблюдал, что централизованное государство, которое он считал необходимым создать,

так и не возникло. В 1787 г. он изложил свои мысли в рукописи «Пороки политической системы Соединенных Штатов», в которой доказывал ошибочность статей Конфедерации и необходимость выработки новой Конституции. Он был в числе главных инициаторов созыва национального представительства, призванного выработать принципиально новый основной закон.

В результате в Филадельфии был созван Конституционный конвент, который выработал конституцию централизованного государства, значительная часть текста которой была написана Мэдисоном. Именно по его инициативе в текст были внесены такие важные положения, как избрание президента представителями избирателей (выборщиками), а не его назначение Конгрессом, на чем настаивали ряд делегатов, а также введение президентского вето на принятые законы, которое могло преодолеваться, но только квалифицированным большинством (свыше половины депутатов) в Палате представителей и двумя третями членов Сената.

Теперь предстояла ратификация основного закона штатами. Соглашаясь в основном на создание централизованного государства, легислатуры штатов в ряде случаев требовали гарантий обеспечения своих прав (это в наибольшей мере касалось таких крохотных штатов, как, например, Род-Айленд, Коннектикут и Дэлавер) и, главное, обеспечения законных прав графств, городских и сельских общин и отдельных граждан. Считая такие претензии обоснованными, Мэдисон считал необходимым поддержать их в прессе. Он решил изложить идеи, остававшиеся актуальными, в цикле статей.

Его мысли аргументировались в статьях, помещенных в издававшихся Гамильтоном нью-йоркских газетах, а затем в сборнике «Записки федералиста», появившемся в 1788 г. Из 85 работ, включенных в сборник, 29 принадлежали Мэдисону. В них разрабатывались основные вопросы политической теории, которые вошли в классический фонд социальной философии и тщательно изучаются исследователями по наши дни. Мэдисон отстаивал необходимость балансирования между твердой централизованной государственной властью, обеспечивающей надежный порядок и законное управление страной, и предоставлением широких прав отдельным гражданам, их объединениям и местным административным органам. Он признавал, что революционному народу часто, как это было в Соединенных Штатах, не хватает сдержанности, самоограничения, зато сохраняется склонность к созданию упорствующих фракций. Предоставив населению широкие демократические права, центральное правительство

должно было, по его мнению, предпринять «строгую проверку достоинств» общин и граждан. В то же время в статьях содержались обоснования основных демократических свобод американцев, которые затем, при ратификации Конституции, вошли в первые десять поправок к ней, известные под названием Билля о правах. Именно Мэдисон сформулировал такие важные положения этого билля, как свобода собраний и прессы, недопустимость произвольных арестов, обязательность суда присяжных.

В работах почитателей Мэдисона и некоторых исторических исследованиях его называют отцом современной американской Конституции. В этом можно увидеть преувеличение, так как она создавалась на основе предложений и компромиссов ряда законодателей, а затем представителей штатов, но тот факт, что Джеймс Мэдисон был одним из ее создателей, неоспорим. Специалисты подсчитали, что из семи статей конституции Мэдисону принадлежала по крайней мере 2-я, касающаяся полномочий президента страны.

Постепенно разногласия в среде ведущих политических деятелей американского государства усиливались. Все более четко оформлялись две группировки. Одна, руководимая Джефферсоном и представлявшая главным образом интересы Юга, выступала за продвижение США на запад, а во внешней политике за ориентацию на Францию. Вторая во главе с Гамильтоном в основном была связана с финансовыми домами Севера и требовала сохранения тесных отношений с Великобританией.

Хотя Мэдисон в борьбе за принятие федеральной конституции и особенно Билля о правах сблизился с Гамильтоном, по основным политическим позициям и личным симпатиям он оставался связанным с Джефферсоном и другими вирджинскими политиками. Будучи избранным в Конгресс от своего штата, Мэдисон стал одним из главных оппонентов Гамильтона, в частности по вопросу о создании федерального банка, учреждение которого он и другие сторонники Джефферсона считали покушением на права штатов. В основном восторжествовали предложения Гамильтона, которые поддерживали президент Вашингтон и его преемник Адамс. Джефферсон же при поддержке и помощи Мэдисона, Монро и других деятелей приступил к формированию политической партии, получившей название Демократическо-республиканской (позже ее стали называть Республиканской или, точнее, первой Республиканской, чтобы отличать от другой партии под таким же названием, возникшей много лет спустя).

На президентских выборах 1796 г. Мэдисон активно поддерживал кандидатуру Джефферсона. Правда, перед выборами последний предложил

баллотироваться в президенты самому Мэдисону, но тот отказался от этой чести, понимая, что именно Джефферсон является лидером политической группировки, и считая, что сам он еще не созрел до занятия высшего поста (это мнение было высказано в ряде его писем). После поражения Джефферсона и избрания президентом Адамса неудача постигла и Мэдисона. Он не был избран в Конгресс и в 1797 г. отправился в свое имение Монпелье, где вел хозяйство и в то же время участвовал в местной политике, способствуя формированию структур своей партии в Вирджинии. Когда же в 1800 г. Джефферсон был избран на президентский пост, Мэдисон возвратился в большую политику, заняв пост государственного секретаря.

В сентябре 1794 г. 43-летний Мэдисон женился на 26-летней вдове Доротее (Долли) Тодд, с которой был знаком и ранее. Незадолго перед этим Долли перенесла трагедию — от эпидемии желтой лихорадки умерли ее муж, занимавшийся торговлей, и новорожденный сын. Джеймс усыновил ребенка Долли, которая в следующие десятилетия активно помогала своему второму мужу во всех его делах. Более того, именно поведение Доротей Мэдисон ввело в обиход общественного мнения США понятие «первой леди» еще до того, как ее муж стал президентом. Дело в том, что жена Джефферсона умерла задолго до его президентства, и он попросил своего друга, чтобы его супруга в случае необходимости выполняла в Белом доме роль хозяйки, в частности во время официальных приемов.

Хотя у Мэдисона не было опыта во внешней политике, именно он возглавил это направление в кабинете Джефферсона, который руководствовался прежде всего стремлением сохранить международные дела в собственных руках. Но Мэдисон не был бы Мэдисоном, если бы не попытался занять собственную позицию. Тогда как президент был целиком на стороне Франции в ее начавшейся войне с коалицией монархов во главе с Великобританией, госсекретарь выступил за строгий нейтралитет. Эта политика имела отрицательные последствия для самих США. Под нажимом госсекретаря Джефферсон согласился на введение эмбарго по отношению ко всем воюющим странам. Хотя фактически торговля продолжалась, она стала нелегальной, что взвинтило цены и вызвало недовольство на северо-востоке страны, где федералисты, представлявшие интересы развивавшегося промышленного и торгового капитала, сохраняли влияние, хотя оно все более сокращалось.

Немалые трудности возникли во время подготовки к выборам 1808 г. Уходивший в отставку Джефферсон видел своим наследником именно Мэдисона. Но против него ополчились не только федералисты, но часть

собственной партии. В основном речь шла о конкурентной борьбе за выгодные должности, поиске тех, кто сможет оказывать покровительство своим приверженцам и давать им возможность получать высокие доходы. В принципиальности Мэдисона эти группы, особенно активные в Пенсильвании, Нью-Йорке и Вирджинии, видели немалое препятствие своим коммерческим и прочим интересам. Действительные мотивы этих групп обычно прикрывались заявлениями о вредоносности сильного центрального правительства, о суверенности штатов и об интересах американской демократии. Возникли различные группировки и блоки, препятствовавшие выдвижению Мэдисона. Они получили полупрезрительное ироническое название *tertium quids* (по латыни «кто-то третий»). Противники Мэдисона дошли даже до того, что высмеивали его внешний вид — низкий рост (163 сантиметра) и худобу (он весил менее 50 килограммов). Как может такой карлик управлять страной, претендующей на равенство с крупнейшими европейскими державами?! — восклицали противники. Однако по настоянию уходящего президента созданный в январе 1808 г. номинационный кокус (неформальное собрание) руководства Демократическо-республиканской партии поддержал кандидатуру Мэдисона.

Федералистская партия, располагавшая к этому времени своими организациями только в Новой Англии, все более слабела. Мэдисон легко выиграл выборы у ее кандидата Чарльза Пинкни. В коллегии выборщиков он получил 122 голоса, Пинкни — 47; 6 голосов были поданы за Джорджа Клинтона.

Единственной уступкой, на которую пошел становившийся все более жестким политиком Мэдисон, было согласие оставить на посту вице-президента Клинтона, который и при Джефферсоне не вмешивался в наиболее острые политические дела. Клинтон мирно прослужил в первой администрации Мэдисона, а во второй был заменен Элбриджем Генри из штата Массачусетс, который также предпочитал выполнять отдельные распоряжения президента, не проявляя собственных амбиций.

Из всех правительственных назначений особенно удачным оказался Альберт Галлатин, который был теперь назначен государственным секретарем. Против него, правда, раздавались голоса в Сенате, в основном потому, что он не был коренным американцем, а являлся иммигрантом из Швейцарии. Но заслуги Галлатина перед американской революцией говорили сами за себя. Переселившийся в США в возрасте чуть более 20 лет, он активно поддержал республику, был депутатом Ассамблеи штата Пенсильвания, Палаты представителей и Сената, стал соратником

Джефферсона в руководстве Демократическо-республиканской партии. Являясь секретарем казначейства в правительстве Джефферсона, он неоднократно выполнял дипломатические поручения, а теперь возглавил внешнеполитическое ведомство и стал ближайшим советником нового президента.

Мэдисон был первым президентом, который унаследовал Белый дом у представителя своей же партии. Это облегчило формирование кабинета и руководство страной в условиях первой серьезной войны, в которую вступили США после Войны за независимость. Внешне мало представительному, низенькому и худенькому президенту пришлось несколько лет реально выполнять функции Верховного главнокомандующего, предусмотренные Конституцией.

К тому времени, когда Мэдисон приступил в марте 1809 г. к исполнению президентских полномочий, отношения между США и Великобританией резко ухудшились. Серьезный конфликт возник в связи с судьбами моряков обеих стран. Во время войн Великобритании с наполеоновской Францией было немало случаев дезертирства английских моряков, которые искали убежища в США. Требования об их выдаче игнорировались, морякам предоставлялось убежище. Тогда англичане стали захватывать американские торговые корабли и, более того, принуждали их матросов записываться в британский военный флот.

Мэдисон и Галлатин пытались урегулировать вопрос миром. Шел обмен нотами, велись переговоры с британским послом Дэвидом Эрскином, который давал неопределенные обещания. Но даже они не понравились главе Форин-офис Джорджу Каннингу, который отозвал Эрскина и назначил на его место Джеймса Джексона, известного своими антиамериканскими настроениями.

Наиболее горячие головы в Конгрессе выступали за объявление войны Великобритании, но президент сопротивлялся, обращая внимание на большие расходы и неизбежное повышение налогов, которые вызовет новая война, не говоря уже о человеческих потерях (как всегда, для правителей это не было главным). Но отношения ухудшались неуклонно. Новый британский посол не был признан президентом, и ему даже было запрещено появляться в Госдепартаменте. В результате он покинул Вашингтон, но оставался на территории США, перебравшись в Бостон, остававшийся одним из последних оплотов федералистов, сторонников союза с Великобританией.

В начале 1810 г. Мэдисон обратился к Конгрессу с просьбой о выделении дополнительных средств на пополнение армии и ВМФ, причем

мотивировал это опасностью войны против Великобритании. На протяжении 1810–1811 гг. пресса призывала ко «второй войне за независимость», на дополнительных выборах в Конгресс побеждали, как правило, «военные ястребы» (именно тогда этот термин стал использоваться для обозначения тех, кто особенно рьяно призывал к войне). Воинственные настроения оказали влияние на президента, который поддался тревоге и решил объявить войну.

Имея в виду войну англичан с французами, Мэдисон полагал, что американские войска смогут легко овладеть южной частью Канады, а затем использовать этот факт как преимущество в мирном торге с англичанами или даже просто превратить эту территорию в свое владение, а затем в новый штат. 1 июня 1812 г. Мэдисон обратился к Конгрессу с предложением об объявлении войны Великобритании. Несмотря на сопротивление федералистов из Новой Англии, экономика которой страдала в результате прекращения зарубежной торговли, Конгресс поддержал президента. Один за другим были приняты законы об увеличении вооруженных сил, военной подготовке милиции штатов, ускоренном выпуске из военной академии, расширении производства амуниции.

Но военные усилия встретили сопротивление со стороны противников войны. Губернаторы штатов отказывались направлять милицию за пределы своих территорий. Генералы, не нюхавшие пороха, проявляли некомпетентность. Когда стало ясным, что, скорее всего, придется вести реальные военные действия, в самом Конгрессе стали раздаваться выступления против войны, а на местах привыкшие к мирной жизни обыватели, проявлявшие на словах патриотизм, под любыми предлогами отказывались идти в армию. В штатах Новой Англии (северо-восток страны) считали, что с соседней Канадой надо вести взаимовыгодную торговлю, а не стремиться ее завоевать. Участились случаи, когда в этих штатах просто отказывались выделять средства на содержание армии. Обстановку еще более осложнял тот факт, что в предыдущие годы в результате экономии средств численность федеральной армии сильно сократилась и основные силы оказались сосредоточенными в отдельных штатах, представляя собой плохо обученную и слабо дисциплинированную милицию.

Развитие событий в Европе также оказалось неблагоприятным для США и их президента. Поражение Наполеона в России в 1812 г. привело к тому, что чаша весов склонилась в пользу Великобритании. Мэдисон надеялся на окончание войны в течение нескольких месяцев после того, как

американские войска займут прилегающие к территории США районы Канады. Но его надежды не оправдались. Губернаторы северо-восточных штатов отказывались сотрудничать с центральным правительством в вопросах ведения войны. Офицеры, командовавшие милицией штатов, не желали включать ее в регулярную армию и посылать на северную границу. Среди офицеров небольшой федеральной армии оказались настолько некомпетентные и трусливые лица, что при соприкосновении с британскими частями, двигавшимися из Канады, они часто сдавались, не оказывая сопротивления. Англичане вооружали индейские племена, которые угрожали США с северо-запада.

Чтобы изменить это катастрофическое положение, требовались большие финансовые средства. Однако Банк США ими не располагал. Налоги поступали нерегулярно, штаты от уплаты уклонялись. Банки Нью-Йорка и Филадельфии соглашались предоставить правительству займы, но под высокие проценты.

Пойдя на соглашения с банками и получив некоторые средства, Мэдисон с помощниками организовал правительственные заказы на вооружения и прежде всего на строительство военных кораблей. В бухте Сэккет (штат НьюЙорк) было начато быстрыми темпами возведение верфей. Тем временем американскому ВМФ удалось добиться нескольких небольших побед в столкновениях с англичанами на море и озере Эри.

В марте 1814 г. генерал Эндрю Джексон добился победы над англичанами и связанными с ними индейскими вождями в бою при Хорсшу-Бенд на юго-западе страны. Однако все попытки вторгнуться в Канаду были отбиты. Еще в конце 1813 г. британские войска вступили на территорию США с севера и предали огню город Буффало в штате НьюЙорк.

В этих условиях Мэдисон, начавший второй президентский срок в условиях войны (он, правда не получил ни одного голоса выборщиков от штатов Новой Англии), вынужден был направить своих представителей в Европу, прибегнув к посредничеству российского императора Александра I. В миссию был, между прочим, включен сын президента Адамса Джон Куинси, который позже сам станет президентом.

Однако переговоры в голландском Генте зашли в тупик, так как англичане требовали создания на западной границе США буферного индейского государства, которое в случае согласия Мэдисона на этот проект стало бы серьезным препятствием для дальнейшего расширения территории США. Переговоры были прекращены.

Военные действия возобновились с новой силой. В начале августа

1814 г. английские войска высадились в районе узкого и длинного залива Чесапик в штате Мэриленд, а затем двинулись на столицу. В конце месяца им удалось захватить Вашингтон. Были сожжены Белый дом и Капитолий. Президентская чета оставила столицу лишь за несколько дней до ее занятия англичанами. Сохранявшая хладнокровие Долли Мэдисон смогла увезти из резиденции некоторые ценности и важнейшие документы. По всей видимости, ее супруг не принимал в этом участия не в силу того, что он испугался, как это утверждали его критики, а потому, что в критический момент был занят руководством военными действиями.

К этому времени усилия Мэдисона по мобилизации всех сил формировавшейся нации на отпор противнику начали давать первые результаты. 13–14 сентября произошел тяжелый бой в районе форта Мак-Генри в районе Балтимора. Защитники форта проявили мужество, отстояли свои позиции, англичане вынуждены были отступить. С этой битвой была связана история создания будущего национального гимна США, которого до той поры не было. На протяжении всего боя над крепостью, возвышавшейся в центре форта, развевался флаг, на котором были обозначены звездочками все американские штаты. Вашингтонский адвокат Френсис Скотт-Ки, прибывший в форт в попытке добиться освобождения захваченного англичанами гражданина США, наблюдал эту битву, а затем написал поэму «Оборона форта Мак-Генри». В поэме была часть *The Star-Spangled Banner* («Знамя, усыпанное звездами»), которая получила популярность, а позже первая ее часть стала гимном США (была использована мелодия британского композитора Джона Смита). В ней, в частности, говорилось:

«О, скажи, видишь ты в первых солнца лучах,
Что средь битвы мы чли на вечерней зарнице?
В синем с россыпью звезд полосатый наш флаг
Красно-белым огнем с баррикад вновь явится.
Ночью сполох ракет на него бросал свет —
Это подлым врагам был наш гордый ответ.
Так скажи, неужель будет жить он всегда
Где земля храбрецов, где свободных страна?»

Перевод М. Наймиллера

Битва при форте Мак-Генри стала переломом в ходе войны. Это

произошло не столько в силу того, что американцы добились какой-либо решительной победы, а потому, что англичане просто устали воевать на дальних заморских территориях, не добиваясь безусловных успехов. В сентябре 1814 г. англичане ушли из района Вашингтона и Балтимора, и Мэдисон возвратился в столицу, где началось восстановление Белого дома и других правительственных зданий. В том же сентябре завершилась неудачей попытка англичан развернуть наступление на НьюЙорк с территории Канады. В январе 1815 г. армия генерала Эндрю Джексона одержала победу в районе Нового Орлеана.

Нельзя сказать, что эти победы были решающими, однако тот факт, что именно вскоре после этого, в феврале 1815 г., в том же Генте был подписан мирный договор (предварительный его текст был согласован еще в декабре предыдущего года), создал у американцев представление, что война завершилась полной победой США. Мирный договор был тотчас, 16 февраля, ратифицирован Сенатом.

Американцы торжествовали. Репутация Мэдисона, которая сильно пострадала в связи с военными неудачами, потерей и сожжением Вашингтона теперь резко улучшилась. Итоги войны означали, что США утвердились как одна из сильнейших держав, выдержавшая войну с Великобританией и отстаившая свою независимость и статус. Таковой результат напрямую связывался с репутацией Мэдисона.

Послевоенный период правления Мэдисона вошел в историю США как «эра добрых чувств». Начался тот недолгий период в развитии страны, когда влияние Демократическо-республиканской партии Мэдисона оказалось неоспоримым во всех штатах, включая Новую Англию, которая ранее была опорой федералистов. Этому способствовало то, что президент воспринял в качестве конструктивных некоторые основополагающие положения программы федералистов, прежде всего связанные с укреплением общенационального правительства и активным содействием свободному развитию промышленности, торговли, финансовой системы.

Демонстрацией новых финансово-экономических установок президента стала его инициатива по созданию Второго банка США (*The Second Bank of the United States*) — важного финансового учреждения, фактически центрального полугосударственного банка, при помощи которого, как Мэдисон был убежден, можно будет обеспечить содержание федеральных государственных учреждений и не допускать существенной инфляции.

Между президентом и Конгрессом было налажено сотрудничество. Почти все его инициативы поддерживались законодателями. Среди них

были принципиально важные. Вводилась более или менее эффективная налоговая система, основанная на доходах и уровне цен. Создавались как прямые (вносимые отдельными гражданами соответственно уровню их заработков или прибыли), так и косвенные налоги (зависевшие от выручки, связанной с торговым оборотом). Для внешней торговли Мэдисон впервые ввел покровительственные пошлины на ввозимые товары, взяв под защиту отечественных производителей. Был принят закон о профессиональной армии, наряду с которой сохранялась милиция штатов в качестве добровольческих полувоенных формирований, обслуживающих местные нужды.

Именно Мэдисон ввел в США зачатки социального обеспечения, инициировав принятый в 1816 г. закон о пенсиях вдовам и сиротам американцев, погибших в войне 1812–1814 гг., в размере половины их последнего жалования.

Единственным законом, на который он наложил вето в самом конце своего президентства, был акт о расходовании федеральных средств на строительство дорог, мостов и каналов. По этому поводу в литературе можно встретить разные объяснения. Некоторые авторы считают, что этим решением Мэдисон лишь продемонстрировал, что у каждого президента могут быть случаи расхождения с законодательной властью. Но другие авторы, и мы согласны с ними, полагают, что президент продемонстрировал частнокапиталистический характер американской экономики, принципиальный отказ государства от вторжения в область предпринимательства, от государственного капитализма. Обосновывая свое вето, он писал, что предусмотренные в Конституции права Конгресса не допускают федеральных расходов в данной области, что Конституцией не следует злоупотреблять, чтобы не сделать законодателей всемогущими. При этом президент оговаривался, что он отнюдь не против строительства дорог и мостов, которые «тесно связывают между собой различные части нашей растущей федерации», но решения об этом должны принимать штаты по взаимному согласию.

Мэдисон стремился, чтобы при продвижении границы США на запад не затрагивались интересы индейских племен. На этот счет он высказывался неоднократно, вступив, в частности, в публичные дебаты с генерал-майором Эндрю Джексоном (будущим президентом США), который фактически отказался выполнять президентские распоряжения, разорял племена, которые ранее участвовали в войне на стороне Великобритании, и отнюдь не только их. На протяжении одного 1815 г. на территории по течению реки Огайо (в той ее части, где позже будет создан

штат под этим названием) создали свои хозяйства около 400 тыс. переселенцев, что привело к полному вытеснению индейцев с этой территории. Будучи трезвым политиком и не желая терять поддержку белых граждан под конец своего правления, Мэдисон смирился с лишением индейцев прав и собственных земель. Более по этому вопросу он не высказывался.

Джеймс Мэдисон покинул Белый дом в марте 1817 г. в возрасте 66 лет, передав президентство своему последователю и другу Джеймсу Монро, избранием которого он был глубоко удовлетворен. Мэдисон с женой направился на пароходе вверх по Потомаку к своему имению Монпелье. По словам одного из сопровождавших его знакомых, он «был счастлив, как школьник, отправляющийся на каникулы».

Правда, жизнь после отставки оказалась нелегкой. Джеймс покидал Белый дом, имея значительно меньшие средства, чем когда стал президентом. К тому же его табачная плантация стала к этому времени убыточной как в результате падения цен на табак, так и из-за недостатков в ведении хозяйства, которое было поручено приемному сыну, оказавшемуся полностью некомпетентным. Лишь постепенно стареющему бывшему президенту удалось привести свое хозяйство в сравнительно стабильное состояние.

Это позволило ему заняться общественными делами. Он писал политические статьи и письма, появлявшиеся в различных газетах и журналах, которые платили ему высокие гонорары. Вместе с Джефферсоном он участвовал в создании Вирджинского университета и сменил Джефферсона на посту ректора, каковым был десять лет, с 1826 по 1836 г., вплоть до своей кончины.

В 1829 г., когда Мэдисону стукнуло уже 78 лет, он был избран в состав Конституционного конвента Вирджинии, созданного для внесения изменений в Конституцию. Решался вопрос о представительстве в Законодательном собрании штата. Согласно Конституции, в него избиралось равное число депутатов от каждого графства. Но в последние десятилетия значительно увеличилось население западных графств, и их местные власти настаивали на изменении порядка выборов. Мэдисон поддержал предложение о введении представительства на основе численности населения графств. Однако депутаты от восточной части Вирджинии, главным образом плантаторы-рабовладельцы, формально согласившись с этим, фактически сорвали реформу, добившись включения в число жителей (то есть лиц, определяющих представительство) своих рабов, не имевших права голоса. Мэдисон был разочарован тем, что его

предложения были сорваны.

Последние годы жизни Джеймс Мэдисон фактически не участвовал в общественной жизни. Он жил в своем имении, часто болел. Он скончался в Монпелье 28 июня 1836 г. и был похоронен на территории поместья. Основную часть своего наследства он завещал Вирджинскому и Принстонскому университетам. Доли получила только небольшую сумму, необходимую для содержания Монпелье. Она скончалась в 1849 г.

Джеймса Мэдисона в США чтят как одного из руководителей страны, неуклонно защищавшего республиканскую Конституцию, как деятеля, умевшего находить разумные компромиссы и оптимальные решения, обеспечивавшие развитие страны как одного из оплотов свободного предпринимательства. Президентство Мэдисона, в частности итоги войны 1812–1814 гг., стало временем закрепления государственного суверенитета США и их положения на мировой арене. Его имя носит город в штате Висконсин, улицы и площади во многих городах страны, университет в Харрисонбурге (Вирджиния). Его портрет можно увидеть на монете достоинством в один доллар.

В своем последнем обращении к Конгрессу Мэдисон писал, что свободы, права и справедливость американского народа «будут облегчать оставшиеся мне дни, оживлять мои молитвы во имя счастья любимой страны и укрепления тех основ, на которых она твердо стоит».

Основные издания:

Исаев С. А. Джеймс Мэдисон: Политическая биография. СПб., 2006.

Broadwater J. James Madison: A Son of Virginia and a Founder of a Nation. Chapel Hill, 2012.

Cheney L. James Madison: A Life Reconsidered. New York, 2014.

Feldman N. The Three Lives of James Madison: Genius, Partisan, President. New York, 2017.

Rakove J. James Madison and the Creation of the American Republic. New York, 2002.

ДЖЕЙМС МОНРО

28 апреля 1758 — 4 июля 1831

5-й президент:

4 марта 1817 — 4 марта 1825

Портрет С. Морзе

Будущий 5-й президент США происходил из той же колонии Вирджиния, которая дала его стране и ряд других выдающихся деятелей. Но в отличие от них его предки были недавними американцами: прадед

Джеймса по отцовской линии переселился на восточное побережье Американского континента из Шотландии в середине XVII в., всего лишь за столетие до рождения будущего президента.

Джеймс Монро (*James Monroe*) родился в местечке Вашингтон-Пэриш (графство Уэстморленд) в семье плантатора средней руки. Собственно говоря, его отца можно было бы даже причислить к низшему имущему слою, но таковыми были почти все местные землевладельцы, так что отец бедняком себя не считал. В семье было четверо детей, доживших до взрослого возраста (один ребенок скончался в младенчестве).

Родители стремились дать детям приличное образование. Несмотря на скудные средства, отец нанимал учителей, которые приезжали домой для обучения сына. Никакого общественного образования Джеймс до совершеннолетия не получал, его знания были отрывочными: он знал лишь то, чему предпочитали его учить заезжие педагоги, не имевшие понятия о том, чему его учили ранее и какими знаниями должен владеть молодой человек. Лишь недолго он посещал частную школу пастора Арчиальда Кемпбелла.

Только поступив в возрасте 16 лет в колледж Уильяма и Мэри в главном городе Вирджинии Уильямсбурге, Джеймс стал получать систематизированные знания, главным образом в области права и философии. Однако в колледже юноша учился недолго. В 1775 г., когда началась Война за независимость, 18-летний Монро записался в Вирджинский полк милиции, проявил храбрость уже в первых боях и вскоре получил звание младшего офицера. Он участвовал в важных сражениях в районах Лексингтона и Конкорда, а в бою в районе Трентона (к югу от Нью-Йорка) был тяжело ранен. После излечения Джеймс возвратился в ту часть вирджинской милиции, которая была включена в континентальную армию и подчинялась во время войны общеамериканскому командованию. Показав себя не только мужественным офицером, но и способным тактиком, он в том же году получил звание подполковника, а затем и полковника.

Какими-то судьбами на молодого, но подающего надежды офицера обратил внимание Томас Джефферсон, и значительная часть дальнейшей карьеры Монро проходила под наблюдением и покровительством этого государственного деятеля. Под влиянием Джефферсона Монро сменил военную деятельность на политическую. В 1782 г. он был избран в Ассамблею Вирджинии, затем стал членом исполнительного совета при губернаторе. С 1783 по 1786 г. Монро представлял свой штат на Континентальном конгрессе.

Одновременно под руководством Джефферсона происходило изучение юридических дисциплин, что дало возможность будущему президенту считать своего соратника специалистом в области публичного права. Следуя за Джефферсоном, Монро примкнул к республиканскому течению и включился в дискуссии с федералистами Гамильтона, а позже стал активным деятелем Демократическо-республиканской партии.

В сравнительно молодом возрасте, что не было характерно для США того времени, в 1786 г. Джеймс женился на Элизабет Кортрайт, дочери нью-йоркского торговца и промышленника. В браке родились две дочери и сын. Сын умер в младенчестве, а дочери вышли через годы замуж за политиков и соратников отца. Муж старшей дочери Элизы Джордж Хэй стал одним из ближайших советников Монро.

Но единственной областью, в которой жена и дочери как-то участвовали в делах мужа и отца, было ведение плантационного хозяйства. Получавший высокие оклады за свою государственную деятельность, Монро осуществил давнюю мечту своих родителей: он скупил соседние земли, став крупным плантатором. Но в отличие от военного дела и политики, где он преуспел, сельское хозяйство оказалось областью, в которой Монро не проявил качеств организатора и расчетливого человека. Видимо, вспоминая о небогатом детстве, Джеймс вел роскошный образ жизни, не считал расходов, часто оказывался в долгах, которые стремился погасить путем передачи своих земель под залог. В большинстве случаев ему удавалось как-то выходить из ситуации, но бывало и так, что приходилось продавать часть земли. В результате разросшаяся плантация вновь сильно сократилась.

С 1790 по 1794 г. молодой политик, которому только пошел четвертый десяток, являлся членом Сената. Здесь он приобрел широкую известность своими выступлениями в пользу освоения западных территорий и расширения США. Однопартийцы оказали ему честь, избрав в 1791 г. лидером своей фракции в верхней палате Конгресса.

Имея в виду, что в европейских делах все бóльшую роль играла революционная Франция, Джефферсон, занимавший пост государственного секретаря и являвшийся, как мы знаем, поклонником этой страны, стремился к тому, чтобы интересы США во Франции представлял близкий к нему деятель. Джефферсон предложил Монро отправиться в Париж, хотя никакого дипломатического опыта у него не было. Монро провел во Франции три года. Он столкнулся с огромными трудностями, связанными с революционной неразберихой в этой стране. Правда, кровавый якобинский террор уже завершился, но режимы и правительства часто менялись, и курс

французских властей по отношению к США также претерпевал изменения.

Посол считал своим делом чести добиться освобождения бывших участников американской революции, которые по разным причинам находились в заключении во французских (и не только французских) тюрьмах. Особенно его волновала судьба видного деятеля Войны за независимость Жильбера Лафайета^[2]. Этот человек с авантюристскими наклонностями в свое время был соратником Вашингтона, а позже вернулся во Францию. В США его считали национальным героем, воздвигали статуи, в его честь называли города. Он, между тем, участвовал в революции, начавшейся в 1789 г., занимал умеренную позицию конституционного монархизма, был на подозрении у Двора, подвергался нападкам революционных группировок, особенно якобинцев. Он был вынужден бежать в Австрию, но там оказался под арестом.

Находясь в Париже, Монро вел нелегкие переговоры с австрийскими представителями об освобождении Лафайета. Новоиспеченному дипломату удалось убедить посланников австрийского императора, что, если Лафайет окажется на свободе, это будет позитивным жестом, за которым последуют активные торговые связи заокеанской республики с европейской монархией. Не считая французского маркиза опасным врагом, австрийские власти в 1797 г. его освободили, и через два года Жильбер возвратился во Францию.

Немалые трудности пришлось преодолевать Монро в связи с подписанием англо-американского договора. Находившаяся в состоянии войны с европейской коалицией, которую возглавляла Великобритания, Франция в лице ее властей восприняла поведение Джорджа Вашингтона как предательство. Монро как мог пытался объяснить поведение своего президента, но его доводы были восприняты как отговорки. Сам же Вашингтон счел, что посол во Франции не способен защитить интересы своей страны и распорядился его отозвать. В 1797 г., вскоре после отставки Вашингтона, но явно под его влиянием, последовал приказ об отзыве. Монро возвратился на родину с чувством глубокого разочарования в политике 1-го и 2-го президентов. Он еще более сблизился с Джефферсоном и по многим вопросам стал выступать совместно с восходившим на политический олимп Джеймсом Мэдисоном. Между ними порой возникало соперничество, поскольку оба стремились оказаться как можно ближе к Джефферсону. Личная конкуренция играла немалую роль в поведении политически близких деятелей. Впрочем, каждого из них она побуждала к максимальной активности в руководстве Демократическо-республиканской партии.

Около двух лет Монро не участвовал в крупных политических акциях. Он жил в своем имении, занимался юридической практикой и лишь иногда высказывался в печати по важным государственным вопросам. Его авторитет в Вирджинии оставался высоким, и в 1799 г. он был избран губернатором штата. На этом посту он оставался до 1802 г. Руководящая деятельность на провинциальном уровне давала новые надежды. Монро ушел с губернаторского поста, надеясь, что новый президент Джефферсон останется его покровителем и будет давать ему важные общегосударственные поручения.

Именно так и произошло. Вскоре после ухода с губернаторства Монро был направлен Джефферсоном в любимый ими обоими Париж, на этот раз для ведения переговоров с Бонапартом о покупке района вокруг города Новый Орлеан, что привело к расширению рамок сделки и дешевому приобретению США огромной Луизианы.

Как выяснилось, дипломатические способности Монро оказались немалыми. Президент решил оставить его в Европе в качестве посла в Великобритании и своего специального представителя при Дворе испанского короля. Правда, при этом не все действия посла получали одобрение главы государства. В 1806 г. Монро удалось прийти к соглашению с британскими представителями о новом договоре (он известен как договор Монро — Пинкни, так как в переговорах участвовал в качестве второго посла еще один американский представитель Джеймс Пинкни). Обоим дипломатам казалось, что они добились выгодного для США результата. Договор провозглашал дружбу между обоими государствами на ближайшее десятилетие и выгодные для американцев условия торговли. Однако англичане оказались неуступчивыми по вопросу о преследовании пиратства в открытом море (подчас британские военные корабли совершали нападения на американские суда, а затем объявляли эти нападения действиями пиратов), отказались обсуждать вопрос о захвате американцев, которых они принуждали затем служить в британском флоте. Получив текст договора, Джефферсон не был удовлетворен уступчивостью своих представителей. Он отказался представить договор на утверждение Конгресса, а сам Монро в 1807 г. был отозван из Лондона.

Дело шло ко второй англо-американской войне, которая разразится в 1812 году. Монро был глубоко разочарован тем, что президент не оценил должным образом его дипломатические усилия, и тем, что договор, который он считал приемлемым для США, был отвергнут. Монро считал, что влияние на Джефферсона оказал Мэдисон, который действительно был ближайшим советником президента, особенно во внешнеполитических

делах. Между друзьями возникла ссора. Сам же Джефферсон занял сомнительную позицию. Собираясь в отставку после второго президентства, он явно видел своим наследником именно Мэдисона. Но стремясь продемонстрировать свое доброе отношение к Монро, несмотря на отказ утвердить подписанный им договор, он предложил ему также выдвинуть свою кандидатуру.

Последовав рекомендации президента, Монро совершил этот довольно спорный шаг. Однако на своем предвыборном кокусе Демократическо-республиканская партия поддержала Мэдисона. Монро и его сторонники не признали результатов голосования и отказались снять его кандидатуру. Ни единого места в коллегии выборщиков его сторонники не получили. Президентом был избран Мэдисон.

Возвратившись в свой штат, Монро вновь был избран губернатором. Но на этот раз губернаторство оказалось кратким. Политические соображения и у нового президента, и у нового губернатора взяли верх над взаимными обидами, и когда в начале 1811 г. Мэдисон предложил Монро пост государственного секретаря, тот без каких-либо колебаний дал свое согласие. На этой должности он оставался до конца президентства Мэдисона, два раза занимая в дополнение к руководству международными делами в течение краткого времени должность военного секретаря. В этом качестве он непосредственно не руководил военными операциями, но поддерживал контакт с генералами и всячески пытался повернуть ход войны с Великобританией в более благоприятную для США сторону.

Хотя он отлично понимал, что выдвижение его на президентский пост в 1808 г. было связано с политическими интригами и что он не имел реальных шансов на победу, кампания того года вызвала у Монро противоречивые чувства. Нельзя сказать, что он тяжело переживал свою неудачу (иначе он вряд ли согласился бы на пост в кабинете Мэдисона), но можно полагать, что президентские амбиции сохранялись в течение всех восьми лет.

Фактически Джеймс Монро начал президентскую кампанию уже весной 1815 г. При помощи своего зятя Джорджа Хэя, который стал его главным политическим советником, Монро провел своего рода разведку в штатах. Почти везде оказалось, что на местах он пользуется поддержкой, хотя подчас высказывалось раздражение возможностью появления еще одного президента родом из Вирджинии.

Состоявшийся в марте 1816 г. кокус Демократическо-республиканской партии, естественно, воспринял должным образом рекомендацию двух бывших президентов — Джефферсона и Мэдисона — и выдвинул Монро

на высший пост. Партия федералистов находилась в состоянии хаоса и вообще не выдвинула кандидата. Правда, в качестве фактического ее представителя выступил сенатор от штата НьюЙорк Руфус Кинг, который так и не смог развернуть эффективную избирательную кампанию. Завершение войны с Великобританией двумя годами ранее, как и попытки федералистов из Новой Англии саботировать военные усилия своей страны, вплоть до угроз выхода из США, закрепили полное доминирование Демократическо-республиканской партии.

Выборы, происходившие в различных штатах на протяжении ноября — начала декабря 1816 г., принесли победу Монро, который выбрал в качестве вице-президента губернатора Нью-Йорка Дэниэла Томпкинса. Из 19 штатов Монро и Томпкинс овладели шестнадцатью. Даже в большинстве штатов Новой Англии возобладал Монро. В коллегии выборщиков за Монро были поданы 183, за Кинга — 34 голоса. Это были последние выборы, на которых фигурировали кандидаты, связанные с Федералистской партией. Политическая конфигурация в США в следующие годы существенно изменилась.

Новый президент сформировал свой кабинет, пренебрегая остатками федералистской организации, которые существенной роли не играли. Однако при выборе министров он руководствовался не только способностями и заслугами отдельных деятелей, но и политическими последствиями назначения того или иного лица на соответствующий пост.

Особо важным в послевоенных условиях был выбор государственного секретаря. На этот пост был назначен Джон Куинси Адамс — сын бывшего президента-федералиста, ставший теперь верным республиканцем, к тому же показавшим себя превосходным дипломатом, сравнимым в этом отношении, как полагали наблюдатели, с самим президентом. К тому же связь госсекретаря с Новой Англией должна была засвидетельствовать, что Монро «простил» эту часть страны за двусмысленное поведение во время войны 1812–1814 гг. С полным основанием, имея в виду опыт предыдущих президентов, в должности государственного секретаря видели ступень на пути к будущему президентству. Эти соображения подтвердились через восемь лет.

Секретарем казначейства стал Уильям Кроуфорд, соперник Монро на первичных выборах, которого президент победил на кокусе. Несмотря на этот факт, оба они поддерживали дружеские отношения даже в ходе подготовки первичных выборов. А на заключительном этапе кампании Кроуфорд энергично помогал Монро. Точно так же другие министерские посты были доверены надежным республиканцам, которые ранее занимали

те или иные административные должности. Поступая таким образом, президент затем предоставлял министрам широкую автономию, почти не вмешиваясь в их решения. Он не стал номинальным главой государства, как утверждали некоторые его противники, но принимал собственные решения, тем более расходившиеся с позицией руководителей соответствующих департаментов, только в исключительных случаях.

Новый президент провозгласил «эру доброго согласия» в США. Это выражение, правда, не было придумано им самим — оно появилось в одной из бостонских газет. Но Монро с удовольствием его подхватил и часто повторял. Это, разумеется, был пропагандистский лозунг, ибо подлинного доброго согласия в стране, которая охватывала уже значительную часть Северной Америки и где постоянно сталкивались интересы разных имущественных, расовых, этнических, религиозных и прочих групп населения, добиться было невозможно. Но все же Монро удавалось убедить не только своих сторонников, но и значительную часть политически нейтральных граждан, что он энергично стремится к надежному сочетанию прав штатов с правами федерации. Он многократно заявлял, что штаты могут обеспечить наиболее надежную защиту своих законных прав при сильном союзном правительстве на базе конституционно-республиканских идей.

Уже летом 1817 г. Монро первым из президентов предпринял поездку по стране, которая включала встречи с населением на улицах городов, выступления, приемы в административных зданиях и в особняках именитых граждан. Правда, опасаясь вначале, что эта поездка будет воспринята противниками как проявление диктаторских замашек, он объявил, что просто решил проверить береговые фортификации, а затем укрепления на западных рубежах, которые почти постоянно продвигались вперед при сохранении прежних фортов и баз. Но опасения оказались напрасными. Символический характер носило посещение Бостона — главного центра Новой Англии — в День независимости 4 июля и дружеская встреча в этот день с бывшими федералистскими лидерами. Через два года, весной и летом 1819 г., Монро повторил опыт общения с населением в городах и поселках отдельных штатов, на этот раз посетив главным образом южные и западные территории.

Имея в виду, что оппозиция федералистов фактически прекратила существование, Демократическо-республиканская партия по рекомендации президента перестала созывать свои собрания и фактически приостановила деятельность. На некоторое время США стали «беспартийным государством» — разумеется, только в том смысле, что прекратилось

существование крупных общенациональных партий. Мелкие партии и политические группы на местном уровне то возникали, то распадались, но на национальное развитие они не оказывали влияния.

Поездки Монро способствовали распространению мнения о нем не только как о надежном государственном руководителе, но и как о «простом, доступном человеке», к которому можно обращаться с разнообразными просьбами и обязательно получить отклик. Со стороны Монро это была, разумеется, отъявленная демагогия. Приходилось, однако, отвечать на десятки тысяч просьб, поступавших в Белый дом. Для того чтобы откликаться хотя бы на часть из петиций, пришлось нанять специальную группу чиновников, которые пытались разобраться в существе дела и отвечать просителям по существу. Штат Белого дома при Монро в результате его «общения с народом» значительно расширился, как и отраслевые административные органы. В США начала складываться административная прослойка, которая со временем станет во все большей степени влиять на государственную политику и в конце концов превратится в своего рода чиновничий класс.

Президент считал одной из важнейших задач обеспечение безопасности границ страны. Это была сложная проблема не только в силу неопределенности западных рубежей, но и слабой защищенности территории США с моря и с севера. Пираты, контрабандисты, мелкие революционные группы и просто авантюристы и бандиты чувствовали себя в крупнейших американских портах Нью-Йорке и Бостоне, в Чесапикском заливе (в частности в Балтиморе) как у себя дома. Опыт недавней войны показывал, что под угрозой может оказаться даже столица.

Уже в инаугурационном выступлении Монро обратил особое внимание на то, чтобы «наши береговые и внутренние границы были укреплены, чтобы наши армия и флот содержались в превосходном состоянии и чтобы наша милиция была поставлена на наилучшие практические основы». Соответственно этому группа инженеров разработала план создания прочных береговых укреплений. Их строительство было начато, но к огромному недовольству президента в Конгрессе расходы сочли чрезмерными, финансирование сокращено, и часть сооружений не была завершена.

Также исходя из опыта недавней войны, Монро считал необходимым обеспечить большую безопасность на севере страны, на границе с Британской Канадой. Осознавая укрепление США, власти Великобритании шли навстречу в урегулировании отношений. Уже в 1817 г. был подписан договор о сокращении вооруженных сил обеих стран в районе Великих

озер. Обе стороны предприняли также попытку проведения четкой пограничной линии от озера Онтарио до Атлантики. Соглашение было достигнуто лишь отчасти. В отношении некоторых районов продолжались споры, которые были урегулированы только в 1840-е годы.

Лучшие результаты были достигнуты в переговорах с Россией. В самом конце президентства Монро, в 1824 г., был подписан договор с императором Александром I, согласившимся отозвать российских представителей из района Орегона и Северной Калифорнии, тем самым признав эти территории принадлежащими США. Этот договор означал также, что территория США фактически продвинулась до Тихого океана, хотя западные земли оставались пока почти не освоенными.

Подготовка этого договора, получившего название русско-американской конвенции о торговле, мореплавании и рыбной ловле, была использована для нового подтверждения провозглашенной незадолго перед этим исключительно важной установки американской политики, получившей название доктрины Монро (о ней мы расскажем ниже). В послании президента Конгрессу от 2 декабря 1823 г. говорилось: «По предложению Российского императорского правительства посланнику Соединенных Штатов в Санкт-Петербурге даны все полномочия и инструкции касательно вступления в дружественные переговоры о взаимных правах и интересах двух держав на северо-западном побережье нашего континента. В ходе переговоров и в договоренностях, которые могут быть достигнуты, было сочтено целесообразным воспользоваться случаем для утверждения в качестве принципа, касающегося прав и интересов Соединенных Штатов, того положения, что американские континенты, добившиеся свободы и независимости и оберегающие их, отныне не должны рассматриваться как объект будущей колонизации со стороны любых европейских держав».

Еще в предыдущие годы Монро, занимая пост госсекретаря, пытался договориться с Испанией о мирной передаче США на основе выкупа полуострова Флорида — богатой территории, важной для влияния в районе островов Вест-Индии и являвшейся естественным продолжением США. Переговоры по этому вопросу оказывались неудачными, точно так же как и не одобренные правительством походы генерала Э. Джексона, пытавшегося отвоевать Флориду силой. В очередной раз Джексон в 1818 г. начал продвижение во Флориду, используя в качестве предлога враждебные действия индейского племени семинолов, и даже смог захватить тогдашний главный город полуострова Пенсаколу.

На этот раз, формально осудив действия Джексона, но фактически его

поддержав, Монро и госсекретарь Адамс вновь вступили в переговоры с Испанией о покупке Флориды. Теперь испанские власти, опасавшиеся, что крепнувшие США могут просто захватить весь полуостров, и фактически терявшие свои позиции в Латинской Америке, где одна за другой разворачивались национально-освободительные революции, решили урегулировать вопрос миром. 22 февраля 1819 г. был подписан Трансконтинентальный договор (или договор о Флориде), согласно которому Флорида передавалась США за возмещение в 5 млн долларов. К тому же договор определял границу между США и Испанской Мексикой от Скалистых гор до побережья Тихого океана. Повсеместно, не только в США, но и в странах Европы, приобретение Флориды мирным путем рассматривалось как крупнейшая победа Монро, еще более укрепившая его авторитет и власть.

В качестве президента Монро продолжал политику «цивилизации» индейских племен, которая проводилась при предыдущих администрациях. В то же время он резко усилил курс на «покупку» (обычно за гроши) земель индейцев и оттеснения племен все дальше на запад. При этом на словах Монро выступал за «справедливое отношение» к индейцам. Он, например, осудил власти штата Джорджия, которые прибегли к открыто насильственным действиям, изгоняя индейские племена с их исконных земель. Президент заявил, что такое поведение «отвратительно с точки зрения гуманизма и совершенно незаконно». Однако никакие меры против этой «незаконности» приняты не были. Конфликт между федеральным правительством и властями Джорджии не привел ни к каким последствиям.

Монро неоднократно выступал за «внутреннее улучшение» положения страны, в частности путем развития того, что в наше время называют инфраструктурой. Он считал важным максимальное общение между штатами путем достижения их взаимного согласия, строительства дорог, мостов и других сооружений. Однако по этому вопросу он придерживался точки зрения, что эта работа должна проводиться отдельными штатами, что финансирование подобных строителей из федерального бюджета нецелесообразно. По этому вопросу возник даже конфликт президента и законодателей, которые в 1822 г. приняли акт, впервые разрешавший взимать плату за проезд по дороге Камберленд (известной также как Национальная дорога) — тысячекилометровой магистрали от столицы к реке Огайо, которая строилась в это время и явилась основной дорогой, связывавшей восток страны с западными штатами. Предусматривалось, что вырученные средства будут использованы для ремонта дороги. Монро наложил вето на закон, так как был убежден, что он нарушает права

штатов. Преодолеть вето Конгресс оказался не в состоянии.

Именно в то время, когда Монро стоял во главе государства, в США произошел первый серьезный экономический кризис, открывший эпоху циклических кризисов, которые потрясли американскую экономику на протяжении следующего столетия. Первый циклический кризис, вызвавший панику в стране, возник в 1819 г. В отличие от массы собственников, крупных, средних и мелких, правительство и президент оставались спокойными, по крайней мере внешне. Хотя Монро заявлял о сочувствии экспортерам, кредиторам и потребителям, которые страдали от повышения цен, он считал, что американская экономика оставалась в своей основе здоровой, что трудности будут быстро преодолены. Президент и его советники полагали, что экономические трудности связаны со спекулятивными махинациями, в частности, с выпуском бумажных денег, не обеспеченных золотом.

Монро не считал, что преодоление кризиса является задачей высших государственных органов. Следуя канонам классической политической экономии, в частности учению Адама Смита и Дэвида Рикардо, президент полагал, что меры, предпринимаемые Банком США по регулированию валюты и кредита, по скупке бумажных денег и изъятию их из оборота, а также аналогичные мероприятия, предпринимаемые финансовыми учреждениями штатов, смогут улучшить положение. К тому же исполнительная власть просто не располагала полномочиями непосредственного вторжения в экономические отношения, и президент не желал идти на нарушение Конституции.

Хотя некоторые конгрессмены требовали повышения ввозных тарифов, считая, что этим США обеспечат увеличение массы твердой валюты в стране, Монро заявил, что не поддержит эту меру, и большинство законодателей с ним согласились. Была принята только серия ограниченных законов об оказании помощи должникам, купившим общественные земли и оказавшимся не в состоянии своевременно рассчитаться за них. Была также дарована амнистия части предпринимателей, осужденных судами за неуплату долгов.

Рост безработицы, банкротство многих предпринимателей привели к тому, что в стране распространилось ранее практически отсутствовавшее враждебное отношение к банкам и крупным частным предприятиям. Однако на государственную администрацию, в частности на президента, это отрицательное отношение не распространилось. Со 2-й половины 1819 г. США начали выходить из кризиса, который серьезно не повлиял на бурное хозяйственное развитие страны.

Более сложным и болезненным для властей оказалась проблема, возникшая в том же 1819 г. и разрешенная через год так называемым Миссурийским компромиссом. В феврале 1819 г. в Конгрессе был поставлен вопрос о принятии в состав США в качестве отдельного штата территории, которая получила название Миссури (она входила в купленную Луизиану). В связи с этим резко обострилась борьба между сторонниками ограничения (а в отдаленной перспективе и ликвидации) рабовладения (они опирались на северные штаты, где рабство не получило распространения) и защитниками неограниченного негритянского рабства — представителями южных штатов с обширными плантационными хозяйствами. Последние считали, что их позиции укрепятся, если новые штаты будут допускать у себя рабовладение, административными мерами не регулируемое.

На этот раз обычно не свойственные законодателям этого времени ожесточенные дебаты возникли по вопросу, каковым будет штат Миссури — рабовладельческим или свободным. Для северян этот вопрос был принципиально важным, так как Миссури находился на северо-западе новых земель и, по их разумению, его следовало, по крайней мере в перспективе, освободить от рабовладения. По словам современного историка Дэниэля Хоува, члены Палаты представителей от штата НьюЙорк «направили снаряды в эру добрых чувств». Главный «снаряд» заключался в не очень грамотной и не очень понятной поправке к закону о принятии Мисссури в качестве штата, которая гласила: «Дальнейшая эксплуатация труда и рабство должны быть запрещены. Дети, рожденные на территории данного штата после его вступления в Союз, должны быть свободными к возрасту двадцати пяти лет».

Поправка была принята в Палате представителей, но отвергнута в Сенате. Монро, считавший рабовладение необходимым элементом экономики, по крайней мере на юге, не вмешивался в дебаты. Он, правда, иногда произносил тирады по поводу того, что рабство — это зло, что лучше было бы, если бы его не было. В то же время он считал весь дебош, поднятый северянами, политической склокой, направленной на возрождение некой политической силы, которая была бы продолжением партии федералистов.

В то же время Монро поддержал (по мнению некоторых авторов, он даже был инициатором) другую поправку, которая позволяла бы ликвидировать тупик, возникший во взаимоотношениях между двумя палатами, согласительная комиссия которых никак не могла прийти к взаимоприемлемому результату. Внесенная представителем штата

Кентукки Генри Клеем (его даже называли «великим мастером компромиссов») поправка гласила: «Штат Миссури должен войти в Союз в качестве рабовладельческого штата; часть штата Массачусетс признаётся отдельным штатом Мэн, который получает статус свободного штата; проводится линия по параллели 36°30' таким образом, что вся территория к северу и западу от южной границы штата Миссури в будущем должна была полностью состоять из свободных штатов». Был установлен порядок принятия штатов в Союз: в дальнейшем принимались одновременно два штата — один свободный и один рабовладельческий.

Монро энергично поддержал эту поправку, которая была принята обеими палатами, крайне уставшими от бесплодных дебатов. «Эра доброго согласия» на некоторое время была восстановлена.

Во время второго президентства Монро высказался в пользу и даже выступил инициатором более решительных мер, правда, касательно не рабства как такового, а работорговли. В 1820 г. был внесен, а в следующем году подписан президентом закон, объявлявший ввоз рабов из Африки на Американский континент актом пиратства. Монро выступил инициатором образования особого государства в Африке, куда могли направляться свободные или освобожденные негры. Государство получило название Либерии. Зачатки его были созданы в 1822 г., когда на побережье Западной Африки была создана колония «свободных цветных людей», которые в 1824 г. под покровительством США объявили себя государством.

К африканским берегам Монро направил военные суда, командам которых было поручено досматривать подозреваемые в работорговле торговые корабли, возвращать купленных или захваченных людей на родной континент и даже оказывать им помощь, а владельцев судов подвергать аресту и судить за пиратство. В 1823 г. был подписан договор с Великобританией, предусматривавший сотрудничество в досмотре кораблей обеих стран, подозреваемых в использовании для работорговли. Сенат, правда, не ратифицировал этот договор, но он реально вступил в силу, знаменуя, между прочим, явный переход от враждебности во взаимоотношениях между двумя странами к сотрудничеству по крайней мере в одной важной области (во взаимоотношениях бывали и времена напряженности, о которых будет сказано ниже).

Определенные внешние события и намерения зарубежных деятелей побудили Монро выступить с исключительно важной инициативой, касавшейся как взаимоотношений со старым континентом, так и намерений США по отношению к тем странам и территориям, которые находились к югу от их границ.

Непосредственным поводом к обнародованию соответствующего документа явилось предложение британского премьер-министра Джорджа Каннинга, внесенное летом 1823 года, чтобы обе страны выступили с совместным заявлением, предупреждавшим правительство Испании, что Великобритания и США будут препятствовать восстановлению колониального режима в тех странах Латинской Америки, которые добились или добиваются национальной независимости. Проконсультировавшись с советниками (прежде всего госсекретарем Адамсом), Монро решил, что по этому «сугубо американскому» вопросу Соединенные Штаты должны высказать свою позицию не совместно с европейской страной, а самостоятельно.

К этому времени США уже признали независимость ряда латиноамериканских государств, причем президент, госсекретарь Адамс и другие деятели рассчитывали, что для их страны будет выгодно установить с ними добрые отношения, обеспечивающие активные экономические связи. В числе признанных были Соединенные провинции Ла-Платы (современная Аргентина), Мексика, Чили, Перу, Колумбия.

Чтобы продемонстрировать твердость в отстаивании не только суверенных прав новых латиноамериканских государств, но и права и влияние США как единственного мощного и современного государства на континенте, Монро включил соответствующие положения в свое ежегодное послание Конгрессу, с которым выступил 2 декабря 1823 г.

В послании был провозглашен курс невмешательства США во внутренние дела европейских стран и в их взаимоотношения, в то же время заявлялось о недопустимости вмешательства стран Европы в дела Западного полушария. Европейские правительства предупреждались, что любая попытка их вмешательства в дела своих бывших колоний, находящихся в Америке, будет оцениваться как нарушение интересов США. Вот как звучало главное положение соответствующей части послания: «В интересах сохранения искренних и дружеских отношений, существующих между Соединенными Штатами и этими державами [странами Европы], мы обязаны объявить, что должны будем рассматривать попытку с их стороны распространить свою систему на любую часть этого полушария как представляющую опасность нашему миру и безопасности. Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела уже существующих колоний или зависимых территорий какой-либо европейской державы. Но что касается правительств стран, провозгласивших и сохраняющих свою независимость, и тех, чью независимость после тщательного изучения и на основе принципов

справедливости мы признали, мы не можем рассматривать любое вмешательство европейской державы с целью угнетения этих стран или установления какого-либо контроля над ними иначе, как недружественное проявление по отношению к Соединенным Штатам».

«Америка для американцев» — так кратко суммировали сущность политики США в данном вопросе наблюдатели и пресса обоих континентов. Появилась доктрина Монро, которая в течение длительного времени определяла политику США по отношению к странам континента и те области взаимоотношений с европейскими странами, которые касались Западного полушария.

Джеймс Монро полностью поддержал на выборах 1824 г. Джона Куинси Адамса, который был его основным советником на протяжении всех лет президентства. Заявив в своем последнем годовом послании Конгрессу, что он не намерен добиваться третьего президентства, он с чувствами доброй памяти и благодарности к согражданам говорил: «Начав свою службу в ранней юности и продолжая ее с немногими и краткими интервалами, я стал свидетелем огромных трудностей, которым был подвергнут наш Союз, и восхищался теми достоинствами и мудростью, с которыми они были преодолены. Я испытываю удовлетворение, которое не в состоянии выразить, наблюдая нынешнее состояние процветания и счастья. Я буду неустанно молиться Высшему Существо Вселенной, чтобы это благословение сохранялось и увековечивалось».

В 1825 г. Джеймс Монро покинул Белый дом. Как оказалось, за время его президентства имение в Вирджинии пришло в запустение, и он был вынужден его продать. В отставке Монро жил со своей супругой Элизабет, которая страдала от тяжелых недугов, в доме, предоставленном ему Вирджинским университетом. Его резиденция получила название Монро-Хилл. Он стал членом Совещательного совета университета и занимал эту должность до конца жизни.

После смерти супруги в 1839 г. Джеймс переселился в НьюЙорк, где жил в семье своей младшей дочери. У него был обнаружен туберкулез. Джеймс Монро скончался 4 июля 1831 г. Было нечто символическое в том, что это был еще один бывший президент США, умерший в день главного национального праздника. Похороны состоялись в Нью-Йорке, но позже останки были перенесены в родную Вирджинию. Монро покоится на кладбище в городе Ричмонд.

Если в честь 1-го президента США столица нового государства была названа при его жизни Вашингтоном, то Монро оказался вторым и последним президентом, чье имя получила столица государства еще в то

время, когда он занимал высший государственный пост. В 1824 г. столица нового африканского государства Либерии, куда по инициативе Монро и других американских деятелей направлялись свободные афроамериканцы и те африканцы, которые были освобождены от работорговцев, стала называться Монровией.

В честь Джеймса Монро названы улицы многих городов США. Его имя носит один из главных корпусов Вирджинского университета. Портреты 5-го президента запечатлены на почтовых марках и на монете достоинством в один доллар. Туристы с интересом посещают Форт-Монро в Вирджинии — когда-то важное фортификационное сооружение, а ныне памятник культуры. Но, видимо, самым памятным символом пребывания Монро на президентском посту является доктрина, носящая его имя.

Основные издания:

Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959.

Нечай С. Л. Внутренняя политика США и проблема партий в президентство Дж. Монро (1817–1825 гг.). Брянск, 2015.

Cunningham A. The Presidency of James Monroe. Lawrence, 1996.

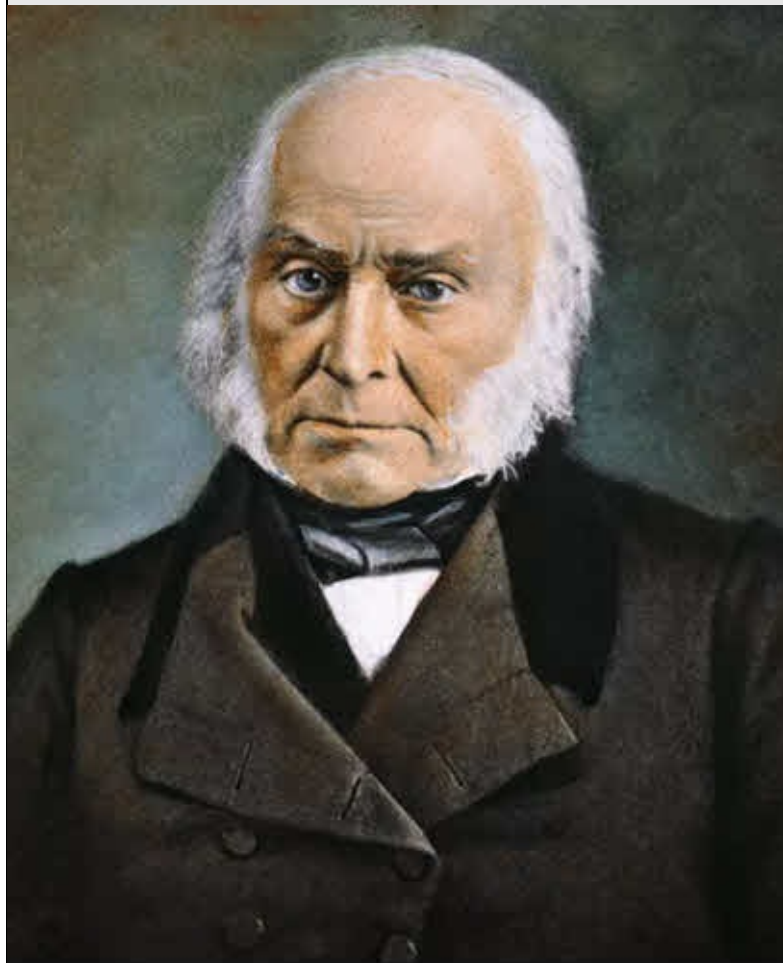
Hart G. James Monroe. New York, 2005.

Renahan E. The Monroe Doctrine: The Cornerstone of American Foreign Policy. New York, 2007.

Unger H. The Last Founding Father: James Monroe and a Nation's Call to Greatness. New York, 2009.

ДЖОН КУИНСИ АДАМС

11 июля 1767 — 23 февраля 1848

6-й президент:

4 марта 1825 — 4 марта 1829

Шестого президента США в отличие от всех остальных часто приходилось называть двумя именами, так как он — первый (и пока предпоследний) президент в истории страны, который был сыном ранее действовавшего президента, причем, как и отец, звался Джоном. Как и его

отец, Джон Куинси Адамс (*John Quincy Adams*), в отличие от остальных предшественников, занимал высший пост только один срок.

Старший сын будущего 2-го президента США родился в местечке Брейнтри (провинция Массачусетс-Бей). Вскоре, объединившись с соседним городком, его родное место стало называться Куинси, откуда и пошло промежуточное имя будущего президента. Он рос в обстановке, характерной для семьи активного политика, который интересовался домашними делами в последнюю очередь, в основном обмениваясь письмами с родными. Но именно эта обстановка вела к тому, что уже в детские годы Джон Куинси, которого, в отличие от отца, уже с ранних лет называли двойным именем, данным при крещении, стал интересоваться политикой.

Из писем отца из Филадельфии, которые читались вслух за семейным столом, он узнавал о начале и развитии борьбы колоний за независимость. В девять лет он услышал о Декларации независимости, а затем и о ходе вооруженной борьбы против Великобритании, тяжело переживая поражения и радуясь редким победам. Мать Абигейл воспитывала старшего сына в духе восторженного почитания идеи независимости своей страны и столь же глубокого почтения к отцу, которого она идеализированно считала подлинным создателем новой республики, незаслуженно обойденного другими лидерами.

Отец стал приучать Джона-младшего к политике, когда тот еще был ребенком. В 1778 г. он взял сына с собой в Европу. Выполняя дипломатические поручения во Франции, убеждая Королевский двор в выгоде для него поддержать заокеанскую республику, он нередко брал мальчика на переговоры и дворцовые празднества. Джон-младший приучался к дипломатическому этикету, овладевал жаргоном дипломатов, учился находить аргументы в пользу позиции, выгодной его стране. Это был один из немногих, если не единственный опыт в истории, когда дипломат стал готовиться к профессии с 10-летнего возраста.

В 12 лет Джон начал вести подробный дневник, который стал неотъемлемой частью дальнейшей жизни. Почти ежедневные записи, делавшиеся на протяжении 40 лет, остаются и до наших дней важным источником по истории США и международных отношений. Рукопись дневника (51 том, свыше 14 тыс. страниц) хранится ныне в Архиве Массачусетского исторического общества в Бостоне и доступна для исследователей. Важнейшие фрагменты дневника опубликованы в двух томах.

В Париже мальчик посещал школу, в совершенстве овладел

французским языком. Выглядел он старше своих лет, и в 1781 г., когда ему исполнилось 14 лет, получил первое официальное назначение — сопровождать в качестве переводчика с французского языка первого посла США в Российской империи Френсиса Дейну. В Петербурге подросток провел более года. Сама миссия оказалась неудачной. Стремясь сохранить официальные отношения с Великобританией, императрица Екатерина II не только отказала послу в личной аудиенции, но и не приняла его при Дворе. Отношения между США и Россией установлены тогда не были. Дейна пробыл в России три года, встречался с послами других стран, неофициально посещал влиятельных людей, но покинул Петербург, так и не получив какого-либо статуса в имперской столице.

Джон же, оставив Петербург, по требованию отца поступил в один из самых престижных европейских университетов — Лейденский (Нидерланды). Однако пробыл он там недолго. Скорее всего, юношу не устроили традиционные методы обучения и слишком большое внимание, уделявшееся естественным наукам со стороны ректора — знаменитого медика Эдуарда Сандифорта. Впрочем, исследователи обнаружили, что документ о получении некоего образования 22-летнему Адамсу все же выдали.

С согласия отца Джон возвратился в США, где поступил в Гарвардский колледж, который окончил в 1787 г. со званием бакалавра искусств. Молодой человек превратился в высокообразованного специалиста: он владел семью европейскими языками, читал в оригинале сочинения древнегреческих и латинских авторов, но в то же время владел также основами математики и естествознания. Не став известным поэтом, он тем не менее сочинял стихи, утверждая, что рифмованные ритмические строки способствуют тренировке ума и помогают в искусстве риторики. В то же время современники высоко оценивали его переводы из Вергилия, Плутарха и Аристотеля.

По окончании университета молодой человек успешно сдал экзамен на звание юриста и открыл адвокатскую контору в Бостоне, но занимался юридической практикой недолго. Значительно больше его привлекала карьера политика. В то же время ученую деятельность он не прекращал, получив в 1790 г. степень магистра искусств в том же Гарварде.

Непосредственно на государственную службу Джон поступил в 1794 г., когда президент Вашингтон назначил его полномочным представителем США в Нидерландах. По дороге к месту назначения он посетил Лондон, где встретился с американским посланником Джоном Деем. Наблюдая за его переговорами с англичанами, молодой юрист пришел к выводу, что его

страна должна стоять как можно дальше от европейских дел, имея в виду опытность и хитрость политиков Старого Света. Об этом он писал отцу, а тот знакомил президента Вашингтона с мыслями сына. Исследователи обнаружили буквальные совпадения отдельных пассажей этих писем с изречениями 1-го президента, в частности в его прощальном обращении к нации по окончании срока его полномочий.

Во время непродолжительного пребывания в британской столице Джон познакомился с Джошуа Джонсоном, американским почетным консулом и одновременно торговцем табаком, женатым на англичанке, и с их дочерью Луизой. Молодые люди понравились друг другу. Джон сделал предложение этой полуангличанке и получил согласие на брак. Свадьба 30-летнего Джона и 22-летней Луизы состоялась в июле 1796 г. в Лондоне. Луиза стала первой в истории США женой будущего президента, родившейся вне пределов его страны. Второй и последний до наших дней случай такого рода будет отмечен только почти через 200 лет, когда первой леди станет Меланья Трамп, родившаяся и выросшая в Словении.

Ко времени свадьбы сына Джон Адамс-старший уже был президентом США. Он явно не был доволен пополнением своей семьи, не принимал жену сына в правительственной резиденции и дал официальное благословение на брак только после ухода в отставку. В то же время со свекровью Абигейл у невестки установились теплые отношения. Абигейл была для Луизы «главной планетой, вокруг которой все мы вращались», — писал в своем дневнике ее сын.

Несмотря на отсутствие первоначального родительского согласия, брак был удачен. Луиза родила троих сыновей — Джорджа, Джона и Чарльза. Джордж и Джон скончались молодыми, Чарльз прожил долгую жизнь, став видным дипломатом и писателем. Ему предстояла нелегкая миссия быть послом США в Великобритании во время Гражданской войны 1861–1865 гг. В браке родилась и одна дочь, но она умерла в младенческом возрасте.

Сам же глава семьи все более погружался в дипломатические дела, став одним из наиболее видных и квалифицированных американских послов в Европе. В мае 1796 г. последовало его назначение послом в Португалию, а в декабре 1797-го — в Пруссию. Небезынтересно, что на этот пост, считавшийся особенно почетным, так как Пруссия рассматривалась как наиболее влиятельная страна в Западной и Центральной Европе, Джона назначил отец, ставший президентом. Но подписал он соответствующее постановление только по решительному требованию Вашингтона, который и в отставке сохранял немалое влияние на Адамса-старшего. Во время пребывания в Берлине Джону удалось

заключить с королевским правительством договор о дружбе и торговле, который в США считали важным документом уже в силу того, что это был первый акт, в котором отношения с другим государством были определены термином «дружба». Прусская миссия продолжалась до 1801 г., когда новый президент начал формировать свою администрацию и заменять послов на своих доверенных друзей. Адамс был отозван в США и вскоре избран в Сенат штата Массачусетс, который в 1803 г. избрал его членом общенационального Сената.

Пять лет, проведенные в Конгрессе, были временем постепенного, но решительного поворота в партийно-политических позициях Адамса. Начав как явный федералист и сторонник Гамильтона, он постепенно сблизился с республиканцами, а в конце концов стал активным деятелем Демократическо-республиканской партии. Адамс начал отход от федералистов, выступив с критикой их установки на тесные отношения США с Великобританией. В отличие от сенаторов-федералистов из Новой Англии он поддержал правительство Джефферсона в вопросе покупки Луизианы. Еще оставаясь в прежней фракции, он оказался единственным федералистом, проголосовавшим в 1806 г. за закон об отказе от импорта британских товаров, который рассматривался как наказание Англии за захват американских судов и моряков во время Наполеоновских войн. Чаша терпения однопартийцев переполнилась, когда в 1807 г. Адамс поддержал закон об эмбарго, вообще изолировавший на время США от европейских стран, ведших между собой войну. Сенатор поддержал, таким образом, фактически изоляционистскую политику Джефферсона, которая рассматривалась чуть ли не как предательство Новой Англии, крайне заинтересованной в заморской торговле. В результате массачусетская легислатура, контролируемая пока что федералистами, приняла решение об отзыве Адамса из Сената за несколько месяцев до истечения его полномочий.

Возмущенный Джон возвратился в Бостон и возобновил адвокатскую практику. В то же время он официально порвал с федералистами и присоединился к демократам-республиканцам, почти сразу став лидером партии в своем штате. Под его руководством партийная организация начала медленно и постепенно, но неуклонно вытеснять федералистов с ведущих позиций, которые они до этого занимали в Массачусетсе и других штатах Новой Англии.

Еще будучи членом Сената, Адамс был избран профессором Гарвардского колледжа, который все чаще называли университетом. Гарвард становился самым известным и уважаемым гуманитарным

учебным заведением страны, и преподавание в нем, хотя и эпизодическое, было для Джона большой честью. Он преподавал риторику и считал себя последователем великого древнеримского оратора Цицерона, который учил, что для того, чтобы успешно заниматься политикой, необходимо «хорошо говорить». В 1819 г. Адамс опубликовал свои «Лекции по риторике и ораторскому искусству», в которых излагал способы «страстного ораторства» как важного условия успешной общественной деятельности.

За десять лет до этого, в 1809 г., президент Мэдисон назначил Адамса-младшего первым американским послом в России. Из-за напряженных отношений в Европе и враждебной политики Великобритании по отношению к США добираться до российской столицы пришлось два с половиной месяца. В отличие от первой неудачной попытки установления официальных связей, на этот раз американский посол был сразу же принят канцлером графом Николаем Румянцевым, а затем и императором Александром I, который выразил желание поддерживать добрые отношения с заморским государством и предложил в случае необходимости свое посредничество во взаимоотношениях с другими европейскими странами. Воспользовавшись этим, Адамс уже вскоре добился через императора освобождения группы американских моряков, задержанных голландцами. И в дальнейшем послу пришлось несколько раз использовать посредничество российских представителей в решении острых для США вопросов, возникавших в связи с войнами на Европейском континенте. С императором установились и личные отношения. Неоднократно посол и царь отправлялись на совместные загородные прогулки, которые использовались для решения вопросов политического и торгового характера.

В 1811 г. президент собирался назначить Адамса судьей Верховного суда США, однако привыкший уже к дипломатической службе и склонный ее продолжать посол отклонил это лестное предложение, оставшись в Петербурге. Именно здесь его застало начало англо-американской войны, которое по времени совпало с вторжением Наполеона в Россию. Американский посол был свидетелем отступления русской армии вглубь страны, оставления Москвы, а затем и катастрофы, которая постигла Наполеона на российских просторах.

В 1813 г., когда военные действия были перенесены в Центральную Европу, Александр I сам предложил Адамсу содействие в решении спорных вопросов с Великобританией мирным путем и заключении перемирия, а затем мира. Переговоры не принесли результата. Англичане отказались от посредничества русского царя.

Адамс предпринял попытку договориться с русским правительством о заключении союзного договора. Был подготовлен проект документа. Однако, имея в виду продолжавшуюся войну США с Великобританией, неудачи американской армии, захват англичанами Вашингтона, Петербург затягивал переговоры, которые так и не завершились подписанием документа. Хотя победы над Францией вели к тому, что русский царь становился, по словам Пушкина, «царем царей», портить отношения с Англией он не желал, да и все более основательное знакомство с внутренним положением в США, с его республиканскими традициями не только политически, но и морально были чужды императору Всероссийскому.

В 1814 г. Адамс был отозван из Петербурга и в качестве опытного дипломата получил задание возглавить американскую делегацию на переговорах о мире с Великобританией. Переговоры в Генте не были легкими. Англичане вначале настаивали на создании индейского «барьерного государства» на северо-западе США за счет американской территории. Адамс решительно парировал эти требования, используя приемы риторики, которым он учил студентов Гарварда. В конце концов, имея в виду, что за ней прочно сохраняется Канада, а индейские вожди проявляли себя ненадежными союзниками, Великобритания согласилась на мир. Возглавлявший правительство Роберт Дженкинсон граф Ливерпуль с санкции парламента дал согласие подписать договор на основе принципа *status quo ante bellum* (предвоенного положения). Подписанный 24 декабря 1814 г. Гентский договор далеко не полностью удовлетворял требованиям США, так как англичане сохранили влияние на западных территориях Северной Америки. Но Адамс с полным основанием говорил тогда и писал позже, что это был максимум того, чего можно было добиться: США обеспечили себе право на дальнейшее независимое развитие в войне, которую вели против сильнейшей в то время державы мира. Современники и последующие исследователи признают немалую заслугу в этом самого Адамса, отдадут дань его дипломатическому искусству.

Вслед за этим Адамс был назначен послом в Лондоне, где впервые было создано постоянное посольство США. Правда, обедневший Адамс, не получавший щедрого финансирования от своего правительства, был вынужден содержать в самом центре британской столицы, на Чаринг-Кросс, перекрестке нескольких главных улиц, лишь крохотный офис. Сам же он с семьей жил в пригороде, где можно было снять недорого небольшой дом. Наибольшим достижением этого периода было подписание торгового соглашения, которое было новым свидетельством

установления равноправных американо-британских отношений. Одновременно Адамсу удалось добиться освобождения американских военнопленных и экипажей судов США, захваченных англичанами еще перед войной.

В апреле 1817 г. Адамс получил письмо от Джеймса Монро, за месяц перед этим вступившего на президентский пост, с предложением занять должность государственного секретаря. Это была достойная и заслуженная награда за годы служения стране за рубежом. В августе того же года, завершив дела в Лондоне, Джон Куинси Адамс возвратился в США и приступил к исполнению обязанностей руководителя всей внешней политики.

Монро рассматривал Адамса не только как знающего и опытного дипломата, но и как умеренного политика, бывшего федералиста, сохранившего связи в этой среде, а затем перешедшего в лагерь демократов-республиканцев и завоевавшего уважение и в своей новой партии.

Адамс являлся госсекретарем на протяжении всех восьми лет президентства Монро. Между ним и президентом выработалось полное единство взглядов. Оба они придерживались курса осторожной поддержки войн народов Латинской Америки за независимость от Испании, но в то же время сохраняли нейтралитет, воздерживаясь от непосредственного вмешательства в дела новых стран, возникавших к югу от американских границ. В то же время, поощряя развитие торговых связей с Латинской Америкой, президент и госсекретарь способствовали экономическому влиянию своей страны на континенте, признанию ее наиболее мощной державой Западного полушария.

В полном согласии с Монро Адамс предпринимал усилия по дальнейшему улучшению отношений с Великобританией, стремясь закрепить их новыми дипломатическими актами. Важным результатом стал договор Раша — Бэйгота (по именам исполняющего обязанности госсекретаря Ричарда Раша и британского посла в Вашингтоне Чарльза Бейгота) о частичной демилитаризации Великих озер (устанавливалось число военных кораблей и артиллерийских орудий каждой из стран в этом районе) и определялась пограничная линия между США и Канадой. Этот договор исследователи считают поворотным пунктом во взаимоотношениях между США и Великобританией, положивших начало активному сотрудничеству обеих стран.

Адамсу как госсекретарю принадлежала инициатива и ведущая практическая роль (вместе с президентом Монро) в урегулировании

отношений с Испанией, в частности в покупке полуострова Флориды. Мы писали об этом уже в очерке, посвященном президенту Монро. Здесь же необходимо отметить, что некоторые моменты, связанные с приобретением Флориды, стали предметом разногласий между Монро и госсекретарем Адамсом. Президент считал, что, захватив Пенсаколу — главный город Флориды в то время, генерал Эндрю Джексон превысил свои полномочия. Адамс же поддержал генерала и убедил Монро изменить свое мнение, сменить отрицательное отношение к Джексону, которого считал авантюристом, на одобрение его действий. Обычно сдержанный и осторожный госсекретарь на этот раз проявил себя явным экспансионистом, будучи убежденным, что Испания будет не в состоянии противостоять США. В результате он оказался прав: власти Испании пошли на продажу Флориды на выгодных для США условиях. После долгих и нелегких переговоров 22 февраля 1819 г. Адамс и министр иностранных дел Испании Луис де Онис, специально прибывший в США, подписали договор, определявший условия передачи Флориды США и границу между США и испанскими владениями, находившимися к югу от них.

Еще одним важным документом, подписанным под руководством Адамса и с его непосредственным участием (правда, подлинник не носил его автографа, так как был подписан в Петербурге), являлся договор с Российской империей о навигации, рыболовстве и по другим вопросам от 17 апреля 1824 г. Этот договор зафиксировал южные границы российской Аляски, определил принадлежность территории Орегон и северной части Калифорнии США и устанавливал условия торговли российских купцов на американских землях.

Уже со времени назначения Адамса государственным секретарем его рассматривали как наиболее вероятного преемника Монро на президентском посту уже в силу того, что существовал сложившийся прецедент: этот пост занимали Джефферсон, Мэдисон и Монро. К тому времени Федералистская партия потеряла влияние даже в штатах Новой Англии и оказалась не в состоянии выдвинуть своего кандидата. Однако перед выборами 1824 г. развернулась ожесточенная борьба между представителями самой Демократическо-республиканской партии. Помимо Адамса, в нее включились генерал Эндрю Джексон, секретарь казначейства Уильям Кроуфорд, спикер Палаты представителей Генри Клей. Еще один кандидат военный секретарь Джон Калхун выбыл из гонки в связи с тем, что ему было предложено Адамсом бороться вместе с ним (за место вице-президента), на что Калхун согласился.

Адамс был убежден, что именно он в наибольшей степени

заслуживает избрания, так как принес стране мир, добившись заключения благоприятных для нее международных договоров. Во время предвыборной кампании он ссылаясь и на опыт своего отца, ближайшего соратника Джорджа Вашингтона. Можно полагать, что Джон-младший избрал не лучшую предвыборную тактику. Если в самом начале предвыборной кампании ему прочили верную победу, то постепенно избирателей стала раздражать самоуверенность кандидата. Некоторые его выступления оценивали как самовосхваление.

В результате ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов в коллегии выборщиков, как того требовала 12-я поправка к Конституции. На первом месте оказался Джексон (99 выборщиков), за ним следовал Адамс (84), Кроуфорд получил 41 голос и Клей — 37. В этом случае вопрос о президенте должна была решать Палата представителей, причем в расчет принимались три кандидата, собравшие наибольшее число голосов выборщиков. Клей, таким образом, из борьбы выбывал. Этот влиятельный политик призвал своих сторонников отдать голоса за Адамса. Между кандидатами, их представителями и разного рода заинтересованными лицами шел торг, предлагались и взвешивались предложения о распределении выгодных и почетных мест, возможно, был и прямой подкуп. В течение примерно двух месяцев между выборами и голосованием в Палате представителей в прессе один за другим появлялись сенсационные материалы, разоблачавшие кандидатов и конгрессменов, а сами выборы 1824 г. получили название «торга и продажи» или даже «корруптированного торга». Клея, в частности, обвиняли в том, что он высказался за Адамса, получив от того обещание значительного поста в будущем правительстве. Действительно, в дневнике Адамса можно обнаружить запись от 9 января 1825 г. о встрече с Клеем и договоренности о поддержке. Когда Клей и в самом деле стал госсекретарем, мнение многих журналистов и политиков по поводу того, что Адамс его «купил», казалось бы, получило подтверждение. Надо при этом отметить, что никогда утверждения о коррупционном характере выборов 1824–1825 гг. не получили документального обоснования и не выходили за пределы слухов. Но, разумеется, авторитету Адамса они отнюдь не способствовали. «Америка поворачивается от патриотизма к патронажу», — писал Джон Рэндольф, блестящий конгрессмен и острый критик любых пороков республиканской системы.

Голосование 9 февраля 1825 г. дало Адамсу 13 голосов, Джексону — 7 и Кроуфорду — 4. Так Джон Куинси Адамс стал президентом — впервые в истории США не в результате решения коллегии выборщиков, а после

голосования на Капитолийском холме.

С первых дней пребывания в Белом доме новый президент испытывал чувство горькой обиды по поводу нападков, которые обрушивались на него в последние месяцы в связи с тем, что он был избран не населением страны, а Конгрессом, из-за того, что в самом Конгрессе сохранялась оппозиция против его правления, которая усиливалась на протяжении следующих лет.

По некоторым вопросам он проявлял инициативу и добивался успеха. Впрочем, это были совершенно очевидные дела, по поводу которых не возражали даже самые рьяные оппозиционеры. По другим вопросам Адамс не проявлял того энергичного напора, который был характерен для него при исполнении дипломатических миссий и в руководстве Госдепартаментом. Супруга президента Луиза говорила, что ее муж чувствовал себя в Белом доме как в государственной тюрьме.

В отличие от предыдущих президентов Адамс отказался от ротации высших кадров. Оставив на своих постах подавляющее большинство чиновников первого эшелона, он стремился продемонстрировать стремление к успокоению страстей, к умиротворению Конгресса. Однако и в Конгрессе, и в прессе такие действия или, точнее, отказ от действий были оценены как слабость и нерешительность Адамса, что явно понижало его авторитет.

Судя по дневнику Адамса, его настроения на президентском посту часто менялись, причем кардинально. Некоторые записи свидетельствовали, что он с нетерпением ожидал «освобождения» от тяжелой повседневной рутины высшего официального лица. В то же время подчас он фиксировал те или иные планы создания коалиций и групп, которые обеспечили бы ему переизбрание через четыре года. Преобладало, однако, главное стремление — провести президентский срок с наименьшим ущербом для собственного здоровья.

Адамс поднимался с постели на рассвете, читал одну-две главы Библии, а также сопутствующие философские или теологические сочинения. Затем следовала прогулка по окрестностям Вашингтона. Будучи прекрасным пловцом, президент часто пересекал широкий и бурный в Вашингтоне Потомак и после непродолжительного отдыха на противоположном берегу возвращался назад. Его заплывы наблюдали многие столичные жители. Они выражали свое крайнее удивление таким поведением высшего должностного лица. Однако популярности это не увеличивало. Скорее наоборот, вашингтонцы выражали недоумение, что глава государства тратит время попусту.

Весь день президент проводил в своем кабинете. Создавалась

видимость постоянной занятости. Однако это была скорее формальная занятость, так как один за другим следовали приемы различных делегаций, групп конгрессменов и отдельных деятелей. Тем временем министры работали в своих кабинетах, редко консультируясь с президентом и столь же редко получая его указания.

Однако Адамс подчас стремился выступать с конструктивными инициативами, направленными, как он считал, на благо народа. В первом послании о положении страны, которое он направил Конгрессу 6 декабря 1825 г., ставились амбициозные задачи: поощрение индустриального развития, быстрое освоение западных земель, защита государственных границ и их закрепление договорным путем. Ставились и такие конкретные задачи, как создание единой системы мер и весов, образование национального университета, развитие астрономических исследований («создание прожекторов, направленных в небеса»). В Конгрессе президентские предложения были приняты сдержанно. Ни одно из них, в том числе касавшееся мер и весов, которое формально было одобрено, не было доведено до принятия соответствующих законодательных актов. Законодатели буквально саботировали реализацию даже самых элементарных предложений президента. Они неоднократно цитировали его неосторожное высказывание, что «свобода — это власть», заявляя, что подлинная свобода как раз состоит в ограничении государственной власти.

Адамса нередко обвиняли, что он фактически пытался возродить Федералистскую партию, что он нарушал единство демократов-республиканцев. Порой даже высказывалось совершенно необоснованное (как, впрочем, и остальные) мнение, что президент может провозгласить себя монархом по образцу британского короля.

Одновременно и в связи с отмеченными столкновениями росли противоречия между федеральными властями и отдельными штатами. В 1826 г. Адамс столкнулся с непримиримыми противоречиями между фермерами и плантаторами штата Джорджия, с одной стороны, и индейским племенем криков, занимавшим долинные плодородные, частично болотистые земли, удобные для выращивания риса. При покровительстве губернатора Джорджии Джорджа Троупа белые плантаторы и фермеры стали захватывать индейские земли, а затем крикам был навязан неравноправный и унижительный договор о продаже их земель за смехотворно низкую цену и о переселении племени на запад.

Адамс попытался вмешаться и потребовал пересмотра договора, но не встретил поддержки в собственном правительстве. Его министры стали требовать пересмотра установившейся практики признания суверенитета

индейских племен, принятия решения Конгресса во всех случаях, касавшихся их статуса. Оставшись в одиночестве, президент был вынужден отказаться от своего требования. Он не пожелал вступить в прямую конфронтацию с губернатором Джорджии, который пригрозил, что в случае федерального вмешательства в дела его штата он призовет милицию противостоять регулярной армии. Именно тогда возник первый призрак гражданской войны, которая вспыхнет через три с половиной десятилетия и которая в 20-е гг. не разразилась, в частности, в результате примирительной позиции президента. В своем дневнике он признавал: «Мы причинили индейцам больше вреда после революции, чем французы и англичане до нас. Мы совершили страшный грех».

В основном неудачи преследовали президента Адамса в области внешней политики, которую он столь успешно проводил на прежних своих постах. Правда, были достигнуты некоторые конкретные договоренности с Великобританией относительно уточнения пограничной линии между штатом Мэн и Канадой. Однако столь важный вопрос, как торговые отношения с Великобританией, оказался почти на нуле в результате того, что обе стороны вводили все новые таможенные тарифы, носившие, по существу дела, запретительный характер.

В результате саботажа со стороны Конгресса закончилась неудачей попытка Адамса включиться в панамериканское движение на базе доктрины Монро путем участия в межамериканской конференции, которая была созвана в городе Панама в июне — июле 1826 г. Конференция проводилась по инициативе Симона Боливара, руководителя национально-освободительного движения в испанских колониях, который считался национальным героем Латинской Америки. Боливар и другие участники конференции стремились выработать единую политику по отношению к бывшей метрополии и надеялись заручиться поддержкой США. Адамс назначил делегацию, но в Конгрессе вначале отказались ее финансировать, а затем начались бесконечные дебаты о ее полномочиях, при соблюдении которых законодатели все же соглашались оплатить поездку. Тем временем конференция завершилась. США оказались вне движения, охватившего как Южную и Центральную, так и часть Северной Америки. Адамс предполагал, что в Панаме США провозгласят в отношении Латинской Америки «политику доброго соседа». Из этой затеи ничего не получилось. Но само понятие политики доброго соседа было использовано через сто с лишним лет президентом Франклином Рузвельтом в качестве основы взаимоотношений государств континента.

Джон Куинси Адамс колебался, прежде чем выставить свою

кандидатуру на второй президентский срок. Он вспоминал судьбу своего отца, которого провалили при аналогичных условиях. И все же стремление остаться на вершине власти, продолжить мероприятия, которые он начал, но оказался не в состоянии реализовать, возобладало. Избирательная борьба носила острый характер. Хотя все соперники были членами одной Демократическо-республиканской партии, их конкуренция ознаменовала начало превращения групп сторонников в соперничающие политические партии. Именно на выборах 1828 г. произошло зарождение американской двухпартийной системы. Сторонники Адамса сохранили название Республиканской партии, а вокруг генерала Эндрю Джексона стала формироваться будущая Демократическая партия.

Выборы завершили переход от «эры доброго согласия» к острой политической борьбе, часто носившей личностный характер в достижении наиболее престижных государственных постов, начиная с поста президента. Победил Джексон, получивший 178 голосов выборщиков, за Адамса проголосовали 83 члена коллегии. Он был первым ушедшим в отставку президентом, который демонстративно отказался участвовать в инаугурации своего преемника.

После выборов Джон Куинси Адамс удалился в свое имение в поселке Куинси. Вначале он был намерен полностью отойти от политики. Он впал в депрессию, связанную, правда, не столько с провалом на выборах, сколько с тем, что его сын Джордж Вашингтон, страдавший психическим заболеванием, покончил жизнь самоубийством. Однако сравнительно быстро, в значительной мере с помощью Луизы, это состояние было преодолено. На выборах в Конгресс в 1830 г. Джон выставил свою кандидатуру в Палату представителей и выиграл. В следующие годы он вновь и вновь избирался в Конгресс, оставаясь его депутатом до кончины в 1848 г.

Возвратившись в Вашингтон в возрасте 64 лет, он предполагал, что будет вести сравнительно легкую, светскую жизнь, сочетая посещение заседаний и лишь редкие выступления с различными приемами и зваными обедами. Но неожиданно для него самого у бывшего президента разыгрались политические страсти. Это, правда, не были амбиции возвращения к высшей власти, в чем его подозревал президент Джексон, но свое мнение он стал высказывать не только на заседаниях палаты, но и в комитетах. Он возглавил Комитет по торговле и мануфактурам, затем Комитет по индейским делам и, наконец, что было вполне естественно, Комитет по международным отношениям.

В качестве депутата Адамс стал решительным сторонником полной

отмены рабства, считая его позором для своей страны, являвшейся носительницей демократии только для белых. Именно он ввел в употребление термин «аболиционизм» (то есть отмена), позже получивший широчайшее распространение для обозначения ликвидации рабовладельческой системы и предоставления бывшим рабам хотя бы каких-то гражданских прав.

Адамс поддерживал разнообразные начинания, связанные с культурой и просвещением. Памятуя о своих несбывшихся научных и просветительных планах, в частности в области астрономии, он стал главным инициатором создания Смитсоновского института на средства, завещанные британским ученым Джеймсом Смитсоном на развитие науки и образования в США. Именно Адамс убедил Конгресс издать закон об использовании этих средств на создание специального общенационального учреждения по распространению научных знаний среди широких слоев населения. В августе 1846 г. был образован существующий поныне Смитсоновский институт, являющийся зонтичной организацией для большого числа национальных музеев США, расположенных в основном в столице, являющихся общедоступными и бесплатными для посещения как американцами, так и зарубежными гостями.

В 1846 г. Адамс перенес кровоизлияние в мозг (тогда это называли ударом). Он сравнительно быстро справился с недугом и даже возобновил работу в Конгрессе. Когда он появился на заседании, все присутствовавшие поднялись и встретили его овацией. Но здоровье политика было подорвано. На заседании 21 февраля 1848 г. он страстно включился в полемику по поводу войны против Мексики, которую он осуждал. Поднявшись для очередного выступления, он не смог произнести ни слова и упал, потеряв сознание. На этот раз произошел обширный инсульт. Джон Куинси Адамс скончался в здании Конгресса через два дня. Он был похоронен вначале в Вашингтоне на кладбище, специально предназначенном для бывших конгрессменов. Позже родные перезахоронили его в семейном склепе в поселке Куинси. На надгробном камне значатся только имя и фамилия.

Джон Куинси Адамс вошел в американскую историю как деятель, чьи допрезидентские и постпрезидентские заслуги были несравненно весомее, нежели то, что ему удалось сделать в качестве главы исполнительной власти. Он писал в дневнике: «Солнце моей политической жизни зашло в глубоком мраке. Но солнце моей страны сияет безоблачно».

Основные издания:

Сучугова Н. Дипломатическая миссия Джона Куинси Адамса в 1809–

1814 гг. // Русско-американские политические и культурные связи начала XIX в. М., 2007.

Adams J. Q. Diaries. New York, 2017. Vol. 1–2.

Edel Ch. Nation Builder: John Quincy Adams and the Grand Strategy of the Republic. Cambridge, 2014.

Kaplan F. John Quincy Adams: American Visionary. New York, 2014.

McCullough D. John Adams. New York, 2001.

ЭНДРЮ ДЖЕКСОН

15 марта 1767 — 8 июня 1845

7-й президент:

4 марта 1829 — 4 марта 1837

Портрет Т. Салли

Купюра достоинством в 20 долларов США с портретом Э. Джексона

Эндрю Джексон (*Andrew Jackson*), чье имя уже упоминалось в предыдущих очерках, был, вероятно, наиболее противоречивой личностью среди президентов США. Сторонники считали его одним из величайших руководителей своей страны, а противники называли уголовным преступником, инициатором массовых убийств индейцев, анархистом, грубо нарушавшим Конституцию и инструкции руководства. В каждой из этих оценок есть доля правды. Современные американские историки считают его одновременно борцом за честь нации и тираном.

Это был первый американский президент, который поднялся к вершине власти из самых глубин бедности. Будущий столь неоднозначный деятель родился в семье недавних переселенцев из Ирландии. Его родители

Эндрю-старший и Элизабет иммигрировали в Америку всего лишь за два года до рождения Эндрю-младшего, который был третьим сыном в семье. Старшие братья родились еще за океаном и в детском возрасте оказались в Америке вместе с родителями, которые чудом сохранили их жизни во время долгого и сурового океанского путешествия.

Но передраги переселения и обустройства на новом месте в южной части колонии Каролина оказались катастрофическими для отца семейства. В январе 1767 г. он скоропостижно умер совсем молодым — в возрасте 29 лет, а через два месяца родился еще один сын, названный в честь отца. Мать с тремя детьми оказалась на попечении родственников, которые содержали семью из жалости, чтобы Элизабет с сыновьями не умерли в нищете. Мальчик был фактически предоставлен сам себе.

Несмотря на нищету, мать хотела видеть своего младшего сына священником. По ее настоянию он некоторое время ходил в приходскую начальную школу, научился читать и писать. Но склонность читать книги у него так и не появилась. В общине стали рано замечать, что ребенок, а затем и подросток обладает буйной, непокорной натурой. Он проявлял интерес к разным видам оружия, рано научился стрелять, ездить верхом. При этом лошади, даже самые необъезженные, каким-то странным образом подчинялись воле Эндрю. Жители поселка считали его хулиганом, хотя признавали, что сам он не раз брал под защиту младших детей и служил для них образцом.

Все же, подчиняясь матери, женщине сильной воли, Эндрю возобновил обучение у местного учителя, который привил ему склонность к ярким выражениям и образам, но так и не смог обучить правилам грамматики. Всю жизнь, в том числе став президентом, Эндрю Джексон писал с грубыми орфографическими ошибками. С этим связана одна из версий происхождения известного американского выражения ОК (о-кей), ставшего международным. Состоит она в том, что Джексон сокращением ОК, которое писал на документах, выражал согласие с ними (он вроде бы хотел написать *all correct* — все правильно, но писал не так, как следовало по правописанию, а так, как слышал — ОК вместо АС). Версия эта мало достоверна, так как ни единого документа с подобной пометой в бумагах Джексона не обнаружено.

С раннего детства мать прививала сыну ненависть к англичанам, которые поработили ее родную Ирландию и заставили семью эмигрировать. Когда началась американская революция, Эндрю вместе со старшим братом Робертом записался в ополчение, хотя был еще подростком, правда, рослым, сильным и ловким. Он участвовал в

нескольких боях, сражался врукопашную. На всю жизнь на голове у Эндрю остался глубокий шрам от удара саблей. Оба брата попали в плен к англичанам, однако мать ухитрилась пробраться в британский лагерь и каким-то образом уговорила освободить сыновей, пояснив, что они еще дети и были схвачены по ошибке. Сохранились сведения, что британский офицер пытался заставить Эндрю чистить его ботинки, но получил отказ. За это мальчишка был жестоко избит. Джексон рассказывал через много лет, что этот инцидент превратил его враждебное отношение к англичанам в подлинную ненависть.

Вскоре в семье одна за другой произошли две трагедии. Родственники Эндрю организовали госпиталь для солдат ополчения, где лечили не только раненых, но и заболевших от какой-то инфекции. Чем именно болели солдаты, источники не говорят, но судя по признакам, это была холера. Оба сына-ополченца заразились этой страшной болезнью. Роберт вскоре скончался. Эндрю также был на грани смерти, но чудом преодолел болезнь. Мать же, ухаживавшая за обоими сыновьями, подхватила болезнь и умерла вслед за сыном. Так в 1781 г. в возрасте 14 лет Эндрю остался круглым сиротой. Отношения со вторым старшим братом Хью не сложились, и подросток считал себя совершенно одиноким.

В какой-то степени он, по всей видимости, осознал необходимость получения систематического образования, тем более что жизнь в среде дальних родственников, которые относились к нему с известным раздражением и из-за его предыдущих военных авантур, и в результате своенравного поведения, становилась невыносимой. В декабре 1884 г. 17-летний Эндрю покинул родных и, собрав незначительные средства, отправился в расположенный за 75 миль городок Солсбери, где, по слухам, было какое-то учебное заведение, в котором можно было изучать право без документов о предыдущем образовании.

В этом городке действительно существовала частная школа адвоката по фамилии МакКей. Он взялся обучать Эндрю праву, но это скорее было не систематическое обучение, а работа по переписыванию всевозможных бумаг и выполнение разных мелких поручений. Смышлелый юноша в течение трех лет фактически самоучкой овладевал элементарными правовыми нормами. В то же время, отказавшись от прямых хулиганских выходок, которые изобиловали ранее, он предавался всяческому шумным забавам. Жители Солсбери еще долго вспоминали долговязого паренька, который вечно куда-то спешил и был инициатором смешных розыгрышей и затей. Лишь через много лет поняли, что именно этот человек стал известным генералом, а затем президентом.

Учитель-адвокат выдал Эндрю некий сертификат, что он овладел основами права. Этот сертификат оказался достаточным, чтобы молодой человек был принят в адвокатуру. Не имея возможности открыть свою контору в плотно населенной местности и из-за сомнительности своего удостоверения, и за отсутствием средств, Джексон отправился на самую границу, на территорию Теннесси, где смог получить небольшую клиентуру.

Дальнейшему продвижению помогло случайное знакомство. Один из учеников МакКея Джон МакНери (обратим внимание, что все они были по происхождению ирландцами, между которыми сохранялось нечто вроде родовой связи с обязательствами помогать друг другу) стал в 1788 г. окружным прокурором в Северной Каролине и помог Джексону перебраться в недавно основанный и быстро развивавшийся город Нашвилл, превращавшийся в центр Теннесси. Здесь Эндрю получил обширную клиентуру в лице местных лавочников, владельцев мастерских и денежных контор и фермеров. Он быстро освоил искусство составления контрактов, завещаний, документов на право владения землей и т. д. Хотя в составленных им актах изобиловали грамматические ошибки, на это местные жители, также не очень грамотные, внимания не обращали.

Именно в это время Эндрю, которому лишь недавно исполнилось 20 лет, женился, причем, как оказалось впоследствии, дважды на одной и той же женщине. Он снимал жилое помещение у вдовы Рейчел Донельсон. Познакомившись с ее дочерью, которую также звали Рейчел, он проникся к ней нежными чувствами, но узнал, что юная Рейчел уже успела выйти замуж, причем не вполне удачно, за капитана армии США Льюиса Робардса. Энергичный Эндрю буквально отбил молодую жену у ее супруга. Он использовал какие-то полуфиктивные юридические предлоги, при помощи которых брак Рейчел был объявлен недействительным. Не дождавшись завершения процедуры и признания Рейчел незамужней, Эндрю поспешил оформить новый брак, который, в свою очередь, также был признан недействительным, а Рейчел к тому же была обвинена в серьезном преступлении — биандрии (двоемужестве). С огромным трудом (вероятно, при помощи взяток) дело удалось замять. Эндрю и Рейчел продолжали жить вместе, причем дама, не обращая внимания на прошлые и возможные новые неприятности, называла себя миссис Джексон. К счастью для обоих, все обошлось. Только в 1794 г., когда долгая процедура развода была завершена, Эндрю и Рейчел вступили в брак во второй раз.

Как в своих сугубо личных делах, связанных с браком, так и в юридической практике Джексон лишь отчасти руководствовался

правовыми нормами, которые ему были известны. Многие документы составлялись им на основе своего рода «обычного права», то есть привычек и обычаев, которые сложились у местных жителей. У полуюриста, полусолдата, каковым он продолжал себя чувствовать, складывались своеобразные представления о том, что позволено делать, а что «честному патриоту» делать не следует, независимо от того, как тот или иной вопрос решался законодательством.

В январе 1796 г. Эндрю Джексон, назначенный президентом Вашингтоном окружным прокурором, был избран в состав конвента, которому предстояло официально провозгласить создание штата Теннесси. Он участвовал в составлении основных законов нового штата, а затем отправился в Вашингтон в качестве его представителя в Конгрессе. Он стал членом Сената, присоединился к формирувавшейся Демократическо-республиканской партии, причем обычно поддерживал то крыло партии, которое ассоциировалось с профранцузской и антибританской политикой. Но законодательная деятельность ему показалась скучной. Через год Джексон подал в отставку и возвратился в Теннесси. Единственный факт, которым он запомнился в Конгрессе, было смелое выступление против влиятельного Александра Гамильтона, которого молодой сенатор обвинил в злоупотреблении властью.

В Нашвилле Джексон попытался вновь открыть адвокатскую контору, но успеха не имел. Он купил небольшую ферму и занялся сельским хозяйством вначале с помощью нескольких наемных работников, а затем купленных им рабов. Ферма обеспечивала минимальные потребности владельца, но особого дохода не приносила, скорее всего потому что Эндрю не проявил способностей в коммерции. Он даже пытался заняться работоторговлей, но не преуспел и в этом. Зато позже, когда он выдвинул свою кандидатуру на президентский пост, ему припомнили и женитьбу на «жене другого человека», и «безжалостную работоторговлю», которая действительно существовала, но стала в жизни Джексона лишь небольшим эпизодом.

Так прошли полтора десятилетия, заполненные рутинной и не оставившие ярких следов ни в памяти Джексона, ни у окружающих. В течение всех этих лет он мечтал о военной карьере, изучал историю войн, биографии полководцев, устраивал вместе с приятелями тактические учения, соревнования по стрельбе. Эндрю создавал о себе представление как об отставном офицере, готовом возвратиться на службу. Это было самовнушением, передававшимся окружающим, включая городское самоуправление.

Когда в 1812 г. началась война с Великобританией, губернатор штата Теннесси Арчибальд Роун поручил Джексону командование милицией и объявил его генерал-майором. Назначение не обошлось без махинаций. На должность командира милиции, в которую добровольно входило большинство свободных имущих взрослых жителей штата, претендовали и другие деятели. Сама милиция напоминала своего рода клуб, руководство которым явно способствовало социальному продвижению данного лица. Джексон смог заручиться поддержкой бывшего губернатора штата Джона Сивиера. Он и рекомендовал Эндрю своему преемнику, с которым оставался в дружеских отношениях. Сам же Джексон, заботившийся прежде всего о собственном продвижении, ответил своему покровителю неблагодарностью, представив губернатору сведения о том, что Сивиер занимался финансовыми махинациями, связанными с землевладением. Сивиер публично обвинил Джексона во лжи, оба они схватились за оружие. С большим трудом их удалось развести и предотвратить вероятное убийство одного из них.

В любом случае Джексон стал офицером высокого ранга в масштабах своего штата. Правда, в распоряжении новоиспеченного генерала оказалось всего лишь две с половиной тысячи плохо подготовленных и слабо вооруженных бойцов милиции (остальные записавшиеся в милицию предпочли от реальной военной службы уклониться). Но это его совершенно не смущало. Джексон действительно проявил немалые военные способности, хотя отчасти правы те авторы, которые считают, что он был авантюристом, который ввязывался в неподготовленные схватки, но именно этим заставлял противника врасплох и добивался успеха.

Спустившись по течению реки Миссисипи, отряд Джексона вступил в столкновения с индейским племенем криков, которых поддерживали и вооружали англичане. В результате нескольких боев крики были вынуждены начать отход из штата Алабама, где они жили в прежние годы, в западном и южном направлениях (главным образом в район Флориды, не входившей еще в состав США), причем вожди племени были напуганы зверскими расправами Джексона с воинами, попавшими в плен.

О Джексоне как о победоносном, неустрашимом и беспощадном генерале стала распространяться молва по всей стране. Он был признан генералом решением Конгресса. Когда британские войска, добившись ряда побед над американцами, стали угрожать Новому Орлеану, Джексон был назначен командующим в этом районе и добился победы в кровопролитном бою. Став профессиональным военным, он сохранил черты игрока. В 1818 г. без разрешения Конгресса и правительства он организовал рейд во

Флориду, добился ряда побед над слабо подготовленными и не ожидавшими агрессивных действий со стороны США испанцами и захватил главный город полуострова Пенсаколу. Федеральным властям приходилось считаться с тем, что неуправляемый генерал становился национальным героем. Он называл себя Старым Гикори^[3], и под этой кличкой Джексона стали прославлять по всей стране.

Перед высшими кругами США встал нелегкий вопрос. Им приходилось считаться с быстро растущей популярностью победоносного генерала, но в то же время надо было учитывать его грубость, отказ подчиняться распоряжениям начальства и даже правительственным решениям, замашки диктатора. Джексона начинали сравнивать с Гаем Юлием Цезарем. Что делать с таким деятелем, создающим серьезные помехи государственному управлению?

Президент Монро решил было отправить Джексона послом в Россию, действуя по принципу «С глаз долой — из сердца вон». Однако умудренный отставной президент Джефферсон отговорил его от такого решения, заявив: «Он вам устроит там драку меньше чем через месяц после прибытия!» В конце концов договорились назначить Джексона губернатором купленной у испанцев Флориды. Однако предсказание Джефферсона воплотилось в жизнь почти немедленно. Тотчас по прибытии к новому месту службы Джексон вступил в ряд конфликтов с испанцами, все еще занимавшими административные посты, в результате чего на него посыпались жалобы в Вашингтон.

В 1823 г. легислатура штата Теннесси вновь направила Джексона в Сенат США. Занимая этот пост, он в следующем году выдвинул свою кандидатуру в президенты. О том, что произошло на этих выборах, мы уже рассказали в предыдущем очерке. Напомним лишь, что ни один из кандидатов не получил необходимого большинства в коллегии выборщиков и президент был избран Палатой представителей. Им оказался Джон Куинси Адамс, отстававший от Джексона и по числу поданных голосов избирателей, и по количеству выборщиков.

Джексон, не просто разочарованный итогами выборов 1824 г., а негодовавший по поводу грубого нарушения «воли народа», объявил, что будет вести решительную борьбу против нарушения народного суверенитета, в том числе против «короля кокуса», как он издевательски именовал неформальное собрание представителей Демократическо-республиканской партии. Фактически Джексон начал формировать новую политическую организацию, которая вскоре получила название Демократической партии. Соответственно под нажимом обстоятельств

Демократическо-республиканская партия также подверглась реорганизации — она стала называться вначале Национально-республиканской, а затем Республиканской. В США формировалась двухпартийная система, которая видоизменялась в деталях, но в своей основе сохранилась на протяжении следующих почти двух столетий.

В течение всех четырех лет президентства Адамса-младшего Джексон играл роль народного кандидата в президенты. Он многократно выступал в том смысле, что в США должно быть установлено «прямое народное управление». Правда, никогда не разъяснялось, что именно подразумевается под этим. Но сам лозунг нравился населению, тем более что число белых избирателей-мужчин действительно в этот период быстро росло. В одной Пенсильвании, например, число лиц, участвовавших в выборах в 1824 г., составляло 47 тыс., а в 1828 г. — 152 тыс. В течение всех этих лет Джексон обвинял руководство Демократическо-республиканской партии и самого Адамса в коррупции, в том, что тот незаконно оказался на вершине власти. Ответы Адамса и его сторонников не были достаточно убедительными для массы американцев.

Избирательная кампания проходила не просто в острых политических атаках обеих партий на кандидатов противника. Лились потоки грязи. Джексона обвиняли в том, что он женился на замужней женщине, что он занимался работоторговлей вопреки законодательному запрещению. В свою очередь, по адресу Адамса распространялись версии, что, будучи послом в России, он «продал» американскую девушку императору Александру, который использовал ее для любовных утех. Вначале серьезным скандалом показалось обвинение, что Адамс приказал купить для Белого дома игорное оборудование. Оказалось, что речь идет о наборе для шахматной игры. Обо всем этом можно было бы не упоминать. Но подобные злобные и в значительной мере клеветнические обвинения служили образцом для следующих президентских кампаний вплоть до наших дней.

Эндрю Джексон стал к этому времени настолько жестким военным и политиком, что он практически не прервал избирательной кампании, когда в самый ее разгар скончалась его жена Рейчел. Сразу же после похорон он возобновил публичные выступления.

Немалую роль сыграла поддержка отставного президента Джефферсона, слова которого всячески распространялись штабом Джексона: «Я с удовольствием вспоминаю нашу совместную работу в Сенате во времена тяжких испытаний и острых битв, битв словесных, бескровных, но таких, какие принесли вам и нашей стране позднейшую славу».

Но, разумеется, именно обращение Джексона к «воле народа» принесло свои результаты: за него проголосовали 56 % избирателей, и он получил голоса 178 выборщиков, за Адамса — 43,6 % избирателей (83 выборщика).

Заняв президентский пост, Джексон, естественно, прежде всего занялся комплектованием административных органов. Многие исследователи доказывают, что именно он ввел в практику американской политической действительности раздачу высоких постов близким сторонникам. Ему приписывали фразу: «Победителю принадлежит добыча». Вполне возможно, что она действительно была произнесена. Но ведь и ранее избранные президенты, как правило, комплектовали высший эшелон чиновничества именно теми, кто оказал им поддержку и помощь в предыдущие годы и в избирательной кампании. Так что существенных изменений в систему назначений Джексон не внес. Новым было то, что делалось это теперь открыто и цинично.

Впрочем, довольно скоро Джексон изменил риторику. Он заявлял о необходимости пошатнуть «постоянный» вашингтонский истеблишмент, настаивал, что непрерывное пребывание в администрации ведет к безответственному, коррумпированному и антидемократическому поведению.

Быстрота, с которой новый президент увольнял высших чиновников и назначал на их место новых лиц (за первый год президентства он сменил около четверти чиновников, которые буквально приросли к своим постам), вызвала среди бюрократии подлинную панику. Если иметь в виду, что ранее в США длительное время существовало фактическое господство одной партии и назначения сторонников новых президентов вместо прежних чиновников происходило почти безболезненно, теперь имело место нечто вроде назначенческой революции.

На традиционно важный государственный пост — военного секретаря — Джексон назначил сенатора от Теннесси Джона Итона, с которым был близок на протяжении ряда лет. Однако как раз в это время Итон находился в центре публичного скандала, обсуждавшегося в высших кругах Вашингтона. В течение некоторого времени он, почти не скрываясь, поддерживал любовную связь с Маргарет Тимберлейк, женой военного моряка, у которой и до Итона были высокопоставленные любовники и которая в юности, будучи барменшей, вела свободный образ жизни, вступая в неоднократные, подчас случайные сексуальные связи. В то время как Итон с Маргарет позволяли себе появляться в обществе (хотя ряд дам и джентльменов, считавших себя образцами морали, отказывались общаться

с ними), супруг Маргарет Джон умер от какой-то болезни, находясь в открытом море. Распространились слухи, что он покончил с собой. Разумеется, трагедию связывали с поведением его жены. Ее даже называли проституткой. Джон Итон проявил благородство, немедленно женившись на вдове. Но это привело только к разрастанию скандала, тем более что пара не выдержала обычного срока «скорби по покинувшему сей мир».

В самом правительстве Джексона возник сумбур. Министры и даже вице-президент Джон Калхун, фигура в то время незначительная (Джексон взял его своим заместителем именно для того, чтобы он оттенял выдающуюся роль главы государства), отказывались встречаться с Итонами, пожимать руку министру. В результате Итон вынужден был уйти в отставку и отправлен подальше — послом в Испанию.

Государственным секретарем уже в первые дни президентства Джексона был назначен Мартин Ван Бюрен, политик из штата НьюЙорк, который также входил в число близких последователей Джексона и активно поддерживал его во время предвыборной кампании. Правда, в разгар министерского скандала Ван Бюрен, который пытался примирить стороны и в результате этого стал жертвой нападков с обеих сторон, вынужден был также уйти в отставку. Но на протяжении обоих сроков президентства Джексона Ван Бюрен был его советником, вице-президентом во время второго президентства и затем преемником.

Джексон вступил на президентский пост, не обладая значительным государственным опытом, не владея тонкостями политического руководства. Это было одновременно недостатком и преимуществом. В различных штатах он, общаясь с населением во время сравнительно частых поездок, произносил в основном речи общего характера, обычно направленные против политических и финансовых элит, провозглашал свою преданность правлению большинства и свою способность выражать волю народа. По-видимому, он верил или делал вид, что верил, в это свое предназначение. Ван Бюрен как-то высокопарно заметил, явно выражая позицию своего шефа: «Деятельность на благо масс была особой миссией, возложенной на него Создателем».

Свою борьбу против коррумпированной финансовой системы Джексон продемонстрировал крайне отрицательным отношением ко Второму банку США, который был ранее создан в качестве частно-государственного финансового учреждения, призванного обеспечивать стабильность валюты, финансирование центральных государственных учреждений и другие государственные расходы. Помощники Джексона обнаружили ряд действительных злоупотреблений со стороны частных вкладчиков, в

результате чего президент пришел к выводу, что расправа с этим банком продемонстрирует его намерение бороться против коррупции. В первом годовом послании Конгрессу (декабрь 1828 г.), с сожалением признав, что у него нет законных оснований для закрытия банка, срок лицензии которого истекал только в 1836 году, президент заявил, что значительная часть сограждан ставит под вопрос законность существования этого банка, который «в значительной мере потерпел провал в создании единой и твердой валюты».

Между президентом и руководством банка во главе с Николасом Биддлом развернулась подлинная война. Используя финансовые рычаги, Биддл привлек на свою сторону как конгрессменов в Вашингтоне, так и ряд видных деятелей из администрации штатов. Эти действия были не без основания использованы Джексоном, чтобы подтвердить коррупционные связи чиновников и незаконное политическое могущество финансового капитала. Народные деньги используются коммерческими элитами в своих эгоистических интересах, повторял он.

Большинство Конгресса оказалось на стороне банкиров. В 1830 г. Джексон возобновил наступление, внеся предложение создать Национальный банк, который полностью находился бы под руководством Департамента казначейства. Конгресс отклонил эту инициативу. Сражение вокруг банка продолжалось несколько лет. В 1832 г., как раз во время второй предвыборной кампании Джексона, Конгресс принял закон, продлевавший лицензию Второго банка, на который президент наложил вето, причем его обоснование носило острополемический характер. Президент противопоставлял «плантаторов, фермеров, механиков и рабочих» «денежным интересам» и приходил к выводу, что само существование Второго банка является антиконституционным.

Хотя банк оказал огромную финансовую помощь сопернику Джексона на выборах Генри Клею, антибанковская риторика, которая лежала чуть ли не в основе всей избирательной кампании 1832 г., принесла Джексону вторую победу. Опираясь на этот успех, президент добился перевода государственных вкладов из банка Биддла в несколько десятков частных банков в различных штатах. Второй банк ответил ограничением кредитов, а это привело к тому, что в самых различных кругах стала развиваться раздуваемая сторонниками Джексона кампания против господства финансового капитала вообще. Биддл был вынужден согласиться на превращение его банка в частное финансовое учреждение, действующее только в Пенсильвании. Джексон торжествовал. «Я убил Второй банк, хотя он пытался убить меня!» — заявил он. «Банковская война» действительно

увенчалась победой Джексона благодаря его настойчивости и авантюризму — почти так же, как завершались успехом его военные акции, в исходе которых первоначально сохранялись серьезные сомнения. Исход «банковской войны» Джексон считал главным своим достижением в области внутренней политики в президентские годы.

Перераспределение средств между банками, создание массы частных средних и мелких банков по всей стране имело противоречивые результаты. Часть банков быстро разорялась, возникали серьезные опасения за свое богатство и имущество в предпринимательских кругах. Беспокойство на рынке усиливало инфляцию. Джексон попытался бороться против нее, издав в июле 1836 г. циркуляр о том, что все земельные сделки должны проводиться только на базе золотых, серебряных денег или бумаг, содержащих финансовые обязательства, касающиеся земельных владений. Продажа земли за бумажные деньги запрещалась. Вопреки ожиданиям президента это не только не привело к улучшению финансовой ситуации, а усилило инфляцию. Ценность бумажных денег стала падать еще быстрее.

В следующем году Конгресс попытался отменить циркуляр Джексона, но вновь натолкнулся на президентское вето, которое преодолеть не смог.

В 1837 г. возникла даже финансовая паника, ведшая к еще большему усилению инфляции, которая с трудом была преодолена путем печатания бумажных денег. Без каких-либо новых административных актов бумажные купюры вновь приобрели полноценное хождение, а президент сделал вид, что просто этого «не заметил».

Экономика США развивалась по своим внутренним законам. Становилось все более ясным, что государственное вмешательство в хозяйственные дела, тем более мало компетентное, чревато непредсказуемыми результатами. Упрямый Джексон не считался с фактами до конца своего правления.

С определенным подозрением президент относился к различным законопроектам, предусматривавшим выделение федеральных средств на те или иные строительные предприятия. Он полагал (в основном имея на это основания), что предложения вносятся для того, чтобы облагодетельствовать не нацию в целом, а отдельные социальные или территориальные группы. Несколько раз он налагал вето на такого рода проекты. В то же время он поддерживал законы, которые способствовали укреплению стратегических позиций Соединенных Штатов. Только они способствуют интересам всего народа США, повторял Джексон.

Именно в ходе всех этих политических сражений в США сформировалась еще одна политическая партия — вигов, возникшая как

оппозиция Демократической партии и лично Джексону. В нее вошли разные мелкие группы, которые теперь поддерживали главенство Конгресса над исполнительной властью, требовали экономической модернизации и протекционистских тарифов. Свое название они заимствовали у недолго существовавшей группы американских революционеров, а те, в свою очередь, восприняли его у британской партии (предшественницы партии либералов), противостоявшей тори (будущим консерваторам). Выделились авторитетные руководители вигов Даниэль Уэбстер, Генри Клей, Уильям Гаррисон. Некоторое время к вигам принадлежал Авраам Линкольн.

Еще задолго до того, как он стал президентом, Джексон был широко известен своим беспощадным отношением к индейским племенам, которых не без основания считал союзниками англичан и против которых предпринимал жесточайшие насильственные меры с целью их оттеснения вглубь континента. Он, правда, повторял, что его действия диктуются национальными интересами и не имеют ничего общего с расовыми предрассудками против коренных американцев. Для подтверждения этого он даже усыновил индейского мальчика, родители которого погибли в бою против его же армии. После того как он стал президентом, Джексон проводил по отношению к индейцам ту же политику, которую даже в высших кругах США называли «драконовской».

Формальные переговоры с вождями племен проходили в обстановке обмана, подкупа, угроз. Когда вожди отказывались подчиняться неравноправным условиям, которые выдвигали представители президента с целью все большего оттеснения индейцев на неосвоенные земли, их просто отстраняли от власти или даже убивали, а на их место ставили более послушных, получивших из специально выделенных для этого фондов небольшую мзду. Подчас в переговорах участвовал сам президент, который представлял себя другом индейцев, но при условии, что они будут жить не в среде белых поселенцев, а в стороне от них. Уже в первом ежегодном послании Конгрессу говорилось, что естественной границей, отделяющей коренных жителей от американцев, должна быть река Миссисипи.

В мае 1830 г. Конгресс принял закон под недвусмысленным названием «Об устранении индейцев», который был тотчас подписан президентом. Закон поручал президенту и его представителям вести переговоры с индейскими племенами о покупке их земли в обмен на западные территории, расположенные вне границ существующих штатов. По мере образования новых штатов, зоны расселения индейцев все более отодвигались в пустынные и горные районы, а затем фактически

замыкались на крохотных территориях, получивших название резерваций.

Далеко не во всех случаях племена соглашались начать передвижение на запад на неравноправных условиях. В 1832 г. вожди племени семинолов подписали договор о переселении, но само племя отказалось двигаться, вожди были вынуждены подчиниться воле племенной общности. Началась война, которую племя вело против регулярной армии США до 1842 г., когда, наконец, удалось «умиротворить» семинолов, подвергшихся жестокому истреблению, и заставить их двинуться в западном направлении.

В целом за время президентства Джексона на Запад было переселено более 45 тыс. индейцев. В основном они были размещены на так называемых «индейских территориях» в районе современного штата Оклахома. Непривычные к суровому континентальному климату, новым средствам пропитания, в целом резкому изменению всех жизненных условий, индейцы страдали от заразных болезней, которые лечили местные знахари дедовскими и прадедовскими способами. Среди них была высокая смертность. Численность племен сократилась на треть.

Джексон стремился проводить традиционную политику сохранения негритянского рабства при соблюдении законодательства о прекращении ввоза на территорию США новых рабов. При этом он столкнулся со все более разраставшимся на Севере движением аболиционистов. В штатах Новой Англии стали возникать первые кружки сторонников полной ликвидации рабства, которые надеялись добиться осуществления своих целей при помощи морального давления на рабовладельцев. С конца 20-х гг. стала издаваться обширная аболиционистская литература, которая перевозилась в южные штаты и там распространялась.

«Моральное давление» привело, однако, к неожиданным результатам. В 1831 г. в районе Саутгемптона в Вирджинии произошло восстание рабов под предводительством Ната Тернера, который, правда, не умел читать, но которому пересказывали содержание аболиционистских памфлетов. Когда же 11 февраля 1831 г. произошло солнечное затмение, Нат увидел в этом божественный знак — руку черного человека, закрывшую Солнце, и призвал своих сторонников готовиться к выступлению. Само восстание произошло в августе того же года. Группы черных рабов двигались от одного имения к другому, освобождая собратьев и убивая их хозяев. Прежде чем белые организовались для ответных мер, повстанцы убили около 60 человек, включая женщин и детей.

Восстание было подавлено в течение двух дней, но сам Тернер скрывался еще два месяца. В конце концов он был схвачен, предан суду и

повешен. После смерти в знак будущей неминуемой расправы со всеми непокорными рабами с убитого уже Тернера содрали кожу и он был четвертован. Когда Джексону доложили об этом «безбожном акте», он лишь пожал плечами и заявил, что раб получил то, чего заслуживал. Во время подавления восстания и после него было убито более ста рабов.

После восстания президент направил на места циркуляр о «подстрекательских материалах», объявив распространение таковых в южных штатах уголовным преступлением. В связи с этим аболиционисты стали посылать свои агитационные материалы формально легально — по американской почте. Возникло явное противоречие между двумя актами — законом о почтовой службе, который обязывал доставлять по адресу все отправленные пакеты (разумеется, без цензуры), и президентским циркуляром.

В связи с этим в Южной Каролине произошел следующий инцидент. 29 июля 1835 г. толпа белых ворвалась в почтовое отделение и захватила полученную из Нью-Йорка посылку с агитационными материалами Американского общества против рабства. Местные власти запросили центр, как им поступать. В ответ генеральный почтмейстер Эймос Кендалл по согласованию с президентом направил инструкцию просматривать подозрительные материалы и возвращать их отправителям в том случае, если возникает подозрение, что они могут призывать к неповиновению.

Вслед за этим в решение спорного вопроса вмешался сам Джексон. Он потребовал, чтобы пакеты с печатными материалами передавались адресатам только в том случае, если последние их предварительно запрашивали, чтобы имена таких лиц или названия организаций публиковались в местной прессе, добавив: «Если имена их будут известны, каждый моральный и добрый человек будет избегать их общества». Джексон попытался поставить перед Конгрессом вопрос о запрете почтовой службе доставлять антирабовладельческую литературу адресатам, однако получил отказ. Вопрос на Капитолийском холме так и не был поставлен. Законодатели прямо говорили, что президент пытается ввести в США цензуру. Сама же инструкция по поводу отправки подозрительных изданий назад соблюдалась, но аболиционисты находили всевозможные способы, чтобы распространять свои агитационные материалы на юге. Напряжение между северными и южными штатами нарастало.

Непосредственно занимаясь внутренними, прежде всего финансово-экономическими делами в соответствии со своей, часто произвольной и субъективной позицией, Джексон значительно меньшее внимание обращал на внешнюю политику, стремясь к решению лишь конкретных вопросов по

мере того, как они оказывали влияние на внутренние дела или на общественное мнение страны. Определенная пассивность в международных делах прозвучала уже в первом годичном послании Конгрессу, в котором содержалось лишь общее положение «не требовать ничего, что не является совершенно справедливым, и не подчиняться тому, что является неправильным».

Некоторые авторы полагают, что внешняя политика Джексона носила пробританский характер. Это неточно и имеет смысл только в том отношении, что в период его президентства основные спорные вопросы возникали с Францией, которая являлась тогда основной соперницей Великобритании. На протяжении ряда лет шли переговоры о денежных возмещениях с правительством короля Луи-Филиппа, которое пришло к власти в 1830 г. в результате установления Июльской монархии после свержения Бурбонской династии. Речь шла о захвате американских судов с их экипажами в период Наполеоновских войн. Некоторое время переговоры не давали результата. По словам Ван Бюрена, отношения с Францией были «безнадежными». Однако благодаря умелым действиям посла в Париже Уильяма Райса вопрос отчасти, казалось бы, был решен подписанием в июле 1831 г. соглашения о возмещении американских потерь в сумме 5 млн долларов. Но реально выплачена была лишь незначительная часть долга и возникла длительная переписка со взаимными обвинениями по адресу каждой стороны, которая объявлялась виновной в несоблюдении договора.

В 1834 г. Джексон даже призвал Конгресс принять экономические меры против Франции, правда, не конкретизируя, что именно следовало предпринять. В ответ во французской прессе была развернута антиамериканская кампания с призывом вообще отказаться от договора 1831 г. Под угрозой прекращения выгодной для Франции торговли с США в 1836 г. французская сторона возобновила платежи, которые вносились небольшими долями вплоть до революции 1848 г., когда они полностью прекратились.

Госдепартамент США подписал ряд торговых соглашений с Великобританией, Россией и другими странами, в результате чего за восемь лет правления Джексона экспорт США увеличился на 75 %, а импорт — в два с половиной раза. Это создавало серьезный дисбаланс, который в те годы преодолеть не удалось, но который особенно не беспокоил президента.

Единственной, но оказавшейся неудачной попыткой прирастить территорию США уже знакомым путем покупки у Испании являлись

переговоры с Мексикой о принадлежности крупной территории Техас, на которой уже расселялись американцы, причем ввозившие туда рабов или приобретающие их на месте. Со временем в мало населенном Техасе американцы стали большинством населения. Они резко протестовали против попыток властей Мексики провести антирабовладельческое законодательство. Правительство США предложило за Техас сумму в 5 млн долларов, которую мексиканские власти сочли оскорбительно низкой. Американский посол в Мехико полковник Энтони Баттлер, зная привычки и вкусы президента, предложил осуществить военную операцию по захвату Техаса.

В то время как президент колебался, следует ли идти на акт прямой агрессии, произошли события, изменившие ситуацию. В 1835 г. в Техасе начались вооруженные выступления против Мексики. 2 марта 1836 г. была объявлена независимость Техаса, который с самого начала тяготел к США. Джексон вскоре признал независимую республику. Хотя формальное присоединение к США произошло позже, в 1845 г., и в правительстве, и в широком общественном мнении Техас считался американской территорией уже с середины 30-х гг.

Эндрю Джексон был первым американским президентом, на жизнь которого было совершено покушение. 30 января 1835 г., когда он покидал проходившую в Капитолии траурную церемонию, связанную со смертью одного из депутатов, безработный из Новой Англии Ричард Лоуренс произвел в него с близкого расстояния два пистолетных выстрела. Оба раза Лоуренс промахнулся, что, скорее всего, объяснялось плохой видимостью в тот день из-за тумана. Джексон сохранил присутствие духа и набросился на растерявшегося безработного, начав избивать его своей тростью. Схваченный охраной, покушавшийся на допросе вначале объяснял, что в случае смерти Джексона в стране «стало бы больше денег». Но позже он начал называть себя английским королем, а Джексона — провинившимся перед ним слугой. Покушавшийся был признан ненормальным и отправлен в сумасшедший дом. Сам же Джексон позже не раз обвинял в организации покушения политических противников, но никаких доказательств не приводил.

Когда истекал его второй президентский срок, Эндрю Джексон в соответствии со сложившейся уже традицией объявил, что более не будет выдвигать свою кандидатуру и поддержит выдвижение Мартина Ван Бюрена, которого на протяжении ряда лет считал своим основным советником.

После избрания Ван Бюрена стареющий генерал удалился в свое

поместье под названием Эрмитаж. Он приложил много усилий по приведению хозяйства в порядок, имея в виду, что оно пришло в запустение в результате безынициативности приемного сына, который до этого вел хозяйство. Джексон живо откликался на текущие события, неизменно поддерживая мероприятия Ван Бюрена. Он многократно заявлял о необходимости сильного федерального правительства, под руководством которого будет сохраняться автономия штатов. Имея в виду, что в некоторых штатах порой раздавались призывы к образованию самостоятельных государств, он выражал надежду, что «умрет в составе Союза».

Джексон умер в возрасте 78 лет в своем имении от сердечной недостаточности. Предчувствуя кончину, он составил завещание, в котором оставил имение и другую собственность приемному сыну — Эндрю-младшему, по происхождению индейцу.

По словам российского историка В. В. Согрина, «он проводил свой политический курс жесткой рукой: перетряс государственный аппарат, блокировал или даже «хоронил» с помощью вето неприемлемые решения конгресса, несмотря на ожесточенное сопротивление финансовой элиты разрушил Национальный банк... Он неизменно стремился создать себе имидж «народного президента», получившего мандат от всей нации, а потому имевшего право противопоставлять свою волю всем органам власти».

Основные издания:

Дубовицкий Г. А. Эндрю Джексон // Вопросы истории. 1992. № 8–9.

Согрин В. В. Президент США Эндрю Джексон: Путь к власти // Новая и новейшая история. 1994. № 6.

Стоун И. Первая леди, или Рейчел и Эндрю Джексон. М., 1995.

Brands H. Andrew Jackson: His Life and Times. New York, 2005.

Meacham J. American Lion: Andrew Jackson in the White House. New York, 2008.

Wilentz S. Andrew Jackson. New York, 2005.

МАРТИН ВАН БЮРЕН

5 декабря 1782 — 24 июля 1862

8-й президент:

4 марта 1837— 4 марта 1841

Происхождение 8-го президента США свидетельствовало о том, что эта страна действительно стала превращаться из элитарной демократии в общество, в котором выходец из народных низов получал возможность подняться до вершин власти. Это, однако, не означало, что «народные»

президенты — и в том смысле, что они происходили из низов, и в том, что они обращались к этим низам как к своей базе, преуспевали в политике. Президентская деятельность Мартина Ван Бюрена (*Martin Van Buren*) свидетельствовала, что прямого жизненного опыта и «опоры на массы» в США явно не было достаточно для успешного президентства.

Мартин (согласно свидетельству о рождении Маартен) родился в поселке Киндерхук (штат НьюЙорк), примерно в 20 км к югу от Олбани, столицы штата в живописной местности по течению полноводной реки Гудзон. Он появился на свет именно в штате, а не в колонии, став первым президентом, чья жизнь началась в независимом государстве. Он был и первым из ведущих государственных деятелей США, чьим родным языком не был английский — его родители были голландцами, и в семье, да и в поселке, который был нидерландским сообществом, английскую речь можно было услышать нечасто. Английский стал его вторым языком, он начал овладевать им только в школе.

Его отец Авраам считал себя именно американцем голландского происхождения (предки переселились в Америку в середине XVII в.). В юном возрасте отец участвовал в Войне за независимость, высоких чинов не достиг, а затем поселился в кругу близких по крови людей и занялся сельским хозяйством. У него была крохотная ферма, некоторое время он владел столь же небольшой корчмой. Иногда он называл себя даже рабовладельцем, потому что какое-то время у него были 2–3 раба (рабство в штате НьюЙорк было отменено в 1799 г.). Но расширить свое хозяйство Аврааму не удавалось. Он продал рабов и стал служить сельским клерком (кем-то вроде старосты), причем объявил себя сторонником, а затем членом Демократическо-республиканской партии.

В 1776 г. Авраам женился на вдове Марии Ван Ален, также голландке по происхождению, и стал приемным отцом ее троих детей. В их браке родились еще пятеро детей, из которых Мартин был третьим.

Отец стремился дать детям приличное образование, но средства для этого были мизерными. Мартин смог получить только начальное систематическое образование в местной школе, которая, правда, называлась академией, но давала только базовые знания письма, чтения, арифметических действий. В возрасте 14 лет подросток стал учеником местного юриста Питера Сильвестера, который отличался тем, что был одним из немногих местных жителей чисто американского происхождения и владел каким-то дипломом, дававшим основания заниматься юридической практикой. Неизвестно, почерпнул ли Мартин какие-то знания, служа у этого человека, но тот факт, что он научился скрупулезно

выполнять несложные задания, был очевиден. Сильвестер отучил Мартина и от деревенских привычек. Вначале он появлялся у своего хозяина в сельской одежде и вообще выглядел неряшливо. Уже в первые дни службы ему разъяснили, как важно, чтобы юрист был в современной одежде и привлекательно выглядел. Для Мартина это было особенно важно, так как он был очень низкого роста, и его часто называли «маленький Ван».

Очевидно, этот начальный опыт позволил Мартину через пару лет установить связь с выходцами из Киндерхука братьями Джоном и Уильямом Ван Несс, которые перебрались в город НьюЙорк и занялись там политикой в качестве республиканцев, сторонников Джефферсона. Вслед за братьями отправился Мартин, получил адвокатское удостоверение и начал выполнять мелкие поручения республиканских политиков. О нем заговорили как о подающем надежды юноше.

Он возвратился в Киндерхук в 1804 г. с репутацией уважаемого юриста и политика, хотя ему было всего 22 года. Через три года Ван Бюрен перебрался в пригород Нью-Йорка, где начал сравнительно успешную адвокатскую практику, постепенно привлекая все более богатых клиентов.

В 1807 г. Мартин женился на Ханне Хоуз — девушке, за которой ухаживал, еще будучи подростком. Она также была голландского происхождения и состояла со своим мужем в дальнем родстве. В браке родились пятеро детей; четверо из них прожили долгую жизнь, но никаких видных постов не достигли, что, в общем, говорило в пользу Ван Бюрена. Брак продолжался недолго: в 1819 г. Ханна скончалась от туберкулеза. Мартин больше в брак не вступал.

Все более увлекаясь политикой, Ван Бюрен постепенно выдвигался в первые ряды руководства Демократическо-республиканской партии на местном уровне. В 1812 г. он был избран в Сенат штата Нью-Йорк, а в 1815 г. был избран прокурором штата (руководителем всей юридической службы), правда, уже в следующем году потерял это место в результате борьбы между политическими фракциями.

Удачи и неудачи учили Ван Бюрена тактике игр, использования соперничества между группами и деятелями для собственной выгоды и продвижения. Его стали называть «рыжим лисом из Киндерхука» и даже «маленьким фокусником». Ставший губернатором штата НьюЙорк Джордж Клинтон ценил заслуги Ван Бюрена, который ранее активно участвовал в агитации за избрание его президентом США (Клинтон на выборах провалился, он так никогда и не занял высшую должность). Теперь Ван Бюрен стал одним из главных его советников.

Именно под руководством Мартина в штате начала формироваться

более или менее стройная машина Демократическо-республиканской партии со своей дисциплиной, регулярными собраниями, пожертвованиями в партийный фонд и т. д. Росшее влияние Ван Бюрена увенчалось тем, что в 1821 г. он был избран в сенат США. К этому времени он был уже известен как сторонник единства Севера и Юга, принципов «отцов нации», или, как он сам говорил, «старых республиканцев», противник классовой или персональной политики.

Переселившись в столицу, Ван Бюрен стал всячески покровительствовать интересам своего штата, вновь и вновь повторяя, что НьюЙорк является ключевым инструментом в сохранении и развитии Союза. Постепенно, однако, «рыжий лис» стал обнаруживать, что партийная машина дает сбой, что возникают и растут противоречия между Севером, в котором росли аболиционистские настроения, и Югом, где полностью сохранялось рабовладение, причем настроение белого населения южных штатов, не только плантаторов, но и рядовых граждан, становилось все более агрессивным по отношению к тем, кто пытался втронуться в «извечные» права на владение неграми.

Вначале сенатор попытался добиться перестройки механизма Демократическо-республиканской партии, чтобы она более гибко реагировала на противоречия между регионами страны, и добивался компромиссов. Этого, однако, ни ему, ни другим партийным деятелям добиться не удалось. Ван Бюрен задумал рискованный шаг. Видя возвышение генерала Джексона, который начал формировать новую партию, он стал «ренегатом» — порвал с традиционными республиканцами и переметнулся на сторону генерала. Вместе с Джексон и под его руководством Ван Бюрен стал атаковать президента Адамса по любым поводам с единственной целью: чтобы он во второй раз не стал президентом, чтобы была обеспечена победа Джексона.

После избрания президентом в качестве представителя новой, Демократической партии Джексон вознаградил своего недавнего, но весьма полезного соратника, предоставив ему пост государственного секретаря. Хотя Ван Бюрен только за полтора месяца перед этим был избран губернатором штата НьюЙорк, он немедленно согласился на новую должность, считая, что при малоопытном и неосторожном в заявлениях и действиях президенте-генерале он будет играть решающую роль в национальном масштабе.

На новом посту Ван Бюрен не отличился какими-либо серьезными дипломатическими успехами, хотя ему удалось вступить в переговоры с Францией по поводу возмещения за потери американских судов во время

Наполеоновских войн и заключить торговое соглашение с Великобританией. Не ограничиваясь международными делами, госсекретарь стал советником президента по вопросам таможенных пошлин и развития инфраструктуры.

В скандальном деле военного секретаря Итона Ван Бюрен вначале занял промежуточную позицию, пытаясь примирить враждовавшие стороны и доказывая, что конфликт не имеет глубоких оснований. Но на этот раз он просчитался. Обе стороны увидели промежуточную цель — как можно более дискредитировать государственного секретаря, который к тому же ранее был известным деятелем партии, считавшейся враждебной Джексону. На Ван Бюрена посыпались всевозможные обвинения в прессе, в апреле 1831 г. он вынужден был покинуть министерский пост, хотя и остался в кругу близких к Джексону советников.

Формально он был назначен послом в Лондоне, но большую часть времени проводил в Вашингтоне. Именно ему принадлежал термин «кухонный кабинет», то есть неофициальное собрание близких к президенту советников, людей, не занимавших официальных постов, которые обычно оказывали на президента большее влияние, нежели министры и члены Конгресса. Правда, по некоторым данным, термин принадлежал оппозиционной Джексону прессе, и Ван Бюрен только подхватил его, что, собственно говоря, не меняет сути дела.

На вторые президентские выборы Джексон пошел в паре с Ван Бюреном. Став вице-президентом, он проявил себя неуклонным проводником политики Джексона. Судя по имеющимся источникам, несмотря на взрывной характер президента, с Ван Бюреном у него были превосходные отношения, тем более что вице-президент фактически отказался от вмешательства в большую политику. Он ограничивался лишь советами Джексону по конкретным вопросам. Неудивительно, что, собираясь уходить в отставку, Джексон видел своим преемником именно Мартина Ван Бюрена.

Во время предвыборной кампании Ван Бюрен противостоял нескольким кандидатам от только возникшей Партии вигов, которых объединяла лишь враждебность к уходящему президенту. Сам же Ван Бюрен провозглашал себя последователем Джексона в приобретении и освоении новых территорий, образовании новых штатов, развитии инфраструктуры. Он крайне осторожно высказывался по вопросу о рабовладении. Однако его считали противником рабства, деятелем, связанным с аболиционистами, окопавшимися в его родном штате НьюЙорк. Эти нападки еще более усиливались тем, что избранный им

кандидат в вице-президенты член Палаты представителей от штата Кентукки Ричард Джонсон сожительствовал с афроамериканкой, не скрывая этого.

Несмотря на ожесточенную кампанию против него, Ван Бюрен выиграл выборы, проходившие в ноябре — начале декабря 1836 г. Он получил 170 голосов выборщиков, тогда как его главный соперник кандидат вигов сенатор от штата Огайо Уильям Гаррисон — 73. Еще три кандидата получили 51 голос. Это были первые в американской истории выборы, на которых произошло существенное разделение голосов. Тем не менее победа Ван Бюрена была бесспорной, он обеспечил себе абсолютное большинство коллегии.

В то же время по количеству голосов избирателей победа Ван Бюрена была значительно менее внушительной. Он получил чуть более половины голосов, в то время как Гаррисон — 36,6 %.

Всем своим курсом на протяжении следующих четырех лет Ван Бюрен стремился продемонстрировать, что он является продолжателем столь популярного президента, каковым был Джексон. Новый президент произвел лишь незначительные изменения в кабинете министров, оставив на своих постах не только руководителей департаментов, но и большинство чиновников более низкого ранга. Почти все министры оставались на своих местах все четыре года, усердно выполняя указания шефа.

В основном годы президентства Ван Бюрена прошли без особых событий, почему даже его имя осталось мало известным в широких кругах американцев и тем более за рубежом. И все же несколько немаловажных явлений оказывали влияние на жизнь американцев в тот период.

Одно из них было связано с финансово-экономическими проблемами. Прошло всего два месяца после того, как новый президент приступил к исполнению своих функций, как 10 мая 1837 г. ведущие нью-йоркские банки отказались менять бумажные деньги на золотые и серебряные монеты, как это им предписывалось законодательством Джексона. В прессу были переданы сообщения об отсутствии у банков валютных резервов. Финансовые учреждения всей страны быстро последовали за наиболее мощными банками. В результате возникла паника 1837 г., как стали называть это явление историки американской экономики. Началось закрытие банков, за этим последовало сокращение промышленного производства, возникла массовая безработица. Финансовая паника переросла в полномасштабный экономический кризис, который продолжался около пяти лет.

За это время акции банков, промышленных, строительных и

транспортных компаний потеряли около половины своей стоимости. Хотя через год после начала паники банки возобновили обмен бумажных денег на золото и серебро, нестабильность продолжалась в области финансов. В 1839 г. вновь возникли панические настроения, правда, продолжавшиеся на этот раз недолго. Годовой прирост инвестиций, составлявший в 1831–1836 гг. в среднем 6,6 %, упал до нуля.

Вначале Ван Бюрен обвинял во всех бедах «жадных американцев», но, поняв после докладов экспертов наивность этого объяснения, стал возлагать вину на конкуренцию зарубежных финансовых институтов и на то, что американские банки чрезмерно широко кредитовали бизнес в предыдущие годы. При этом он всячески оправдывал циркуляр своего предшественника по поводу обязательного использования в торговле твердой валюты, драгоценных металлов.

Противники Ван Бюрена, главным образом из среды Партии вигов, которая на фоне экономических трудностей стала укреплять свое влияние, обвиняли во всех бедах экономическую политику Джексона и Ван Бюрена как ее продолжателя. От президента требовали отмены золотого и серебряного обеспечения бумажных денег, выпуска «дешевых денег» и других мер, которые, как убеждали президента экономисты, могли только усугубить хозяйственные неприятности. Отставной президент, сохранявший решающее влияние на преемника, требовал сохранить прежние финансовые циркуляры в действии.

Различные выборы на федеральном и местном уровнях в 1838 г. показали, что Демократическая партия теряет свои позиции. Виги завоевывали новые места в Конгрессе и legislatures штатов.

На фоне финансово-экономического кризиса президент пытался добиться отделения государственных финансов от частных банков, создав специальное государственное финансовое учреждение с центром в Вашингтоне и отделениями в столицах штатов. Депутаты от Партии вигов в Конгрессе решительно выступили против намечаемых мер, заявляя, что правительство вторгается в священную область частного бизнеса, что действия Ван Бюрена приведут к сокращению, если не крушению, системы займов и кредита. Виги требовали восстановления национального частного банка, который был ликвидирован при Джексоне. К вигам присоединились некоторые демократы, полагавшие, что государственное финансовое учреждение на самом деле окажется чем-то подобным тому самому Второму банку, против которого ранее шла ожесточенная борьба. Так в Конгрессе сформировалась группа консервативных демократов, которые фактически перешли в оппозицию к президенту, а затем примкнули к

вигам. Дебаты в Конгрессе продолжались до 1840 г. В конце концов план создания независимой от частного бизнеса правительственной финансовой системы был отвергнут.

Ван Бюрен продолжал политику Джексона по дальнейшему оттеснению индейских племен на запад. Его представителям удалось подписать около 20 договоров с вождями племен. Однако часть индейцев упорствовала, отказываясь двигаться по «дороге слез». Особенно непокорным оказалось племя чероки, которое отказалось сниматься с места, несмотря на подписанный договор. Ван Бюрен в 1838 г. отдал приказ о насильственном выдворении племени. Непокорных вождей бросали в особые лагеря, где они подвергались издевательствам. В конце концов свыше 40 тыс. индейцев были переселены на территорию Теннесси вопреки их воле.

Одновременно во Флориде предпринимались попытки насильственного переселения племени семинолов. Их сопротивление оказалось настолько сильным, что в конце концов с их вождями был подписан договор, давший им возможность оставаться на строго ограниченных территориях в пределах полуострова.

Ван Бюрену пришлось столкнуться со все более обострявшейся проблемой рабства. В то время как на Севере усиливалось аболиционистское движение, представители которого буквально атаковали Конгресс и президента своими резолюциями и петициями, на Юге сторонники Демократической партии выступали с заявлениями о поддержке президента только в том случае, если он твердо выскажется в пользу сохранения рабовладельческой системы. Попытки Ван Бюрена отделаться общими заявлениями, его утверждения, что вопрос о рабстве не является политическим, еще больше подрывали его авторитет.

С проблемой рабства оказался связан вопрос о судьбе Техаса. В конце своего 2-го срока Джексон объявил об отсрочке признания Республики Техас, опасаясь войны с Мексикой. В то же время на Севере просто боялись, а на Юге радовались вероятному присоединению Техаса к США: там было широко распространено рабовладение. Занимая еще более осторожную позицию, чем предшественник, Ван Бюрен окончательно растерялся, когда уже в августе 1837 г. Техас обратился с предложением о вступлении в США. После консультаций и раздумий президент заявил об отказе принять Техас, приведя в качестве аргумента «конституционные препятствия», которых на самом деле не было. Главное, что тревожило главу государства в данном случае, было понимание, что принятие Техаса резко укрепит позиции рабовладельцев, чего он не желал, стремясь

сохранить статус-кво. В любом случае новая отсрочка в решении вопроса о Техасе также не способствовала авторитету Ван Бюрена.

На президентских выборах 1840 г. демократы вновь выдвинули Ван Бюрена. Однако на съезде в мае того года значительная часть участников отказалась поддержать безликого Р. Джонсона на пост вице-президента, фактически противопоставив себя этим Ван Бюрену, который настаивал на его кандидатуре. Решено было даже передать вопрос на рассмотрение съездов партии по штатам. Фактически в Демократической партии произошел раскол. Этим воспользовались виги, выдвинувшие Уильяма Гаррисона, который и добился победы. Неопределенность, нерешительность Ван Бюрена на протяжении всех четырех лет его правления подрывали его власть и привели к поражению.

Удалившись после выборов в небольшое имение в Киндерхуке, бывший президент продолжал следить за изменениями, происходившими в стране и прежде всего в родном штате НьюЙорк. В соответствии с настроениями, господствовавшими в Нью-Йорке — как в городе, так и за его пределами — он стал высказываться против рабства и даже принял участие в основании новой партии, которая получила название Партии свободной земли (*Free-Soil party*), сформировавшейся в конце 40-х гг. Партия выступала против распространения рабства на новые, западные территории, как южные, так и северные. К полной отмене рабовладения она, однако, не призывала. Стать влиятельной силой она оказалась не в состоянии.

Последние десять лет жизни Ван Бюрен занимался домашним хозяйством, писал воспоминания, которым попытался придать академическую форму, почему и назвал их «Исследование о происхождении политических партий в Соединенных Штатах и их курсах». Книга вышла уже после смерти Ван Бюрена.

Бывший президент скончался в своем доме от бронхиальной астмы, осложненной сердечными проблемами. Там же он похоронен.

Основные издания:

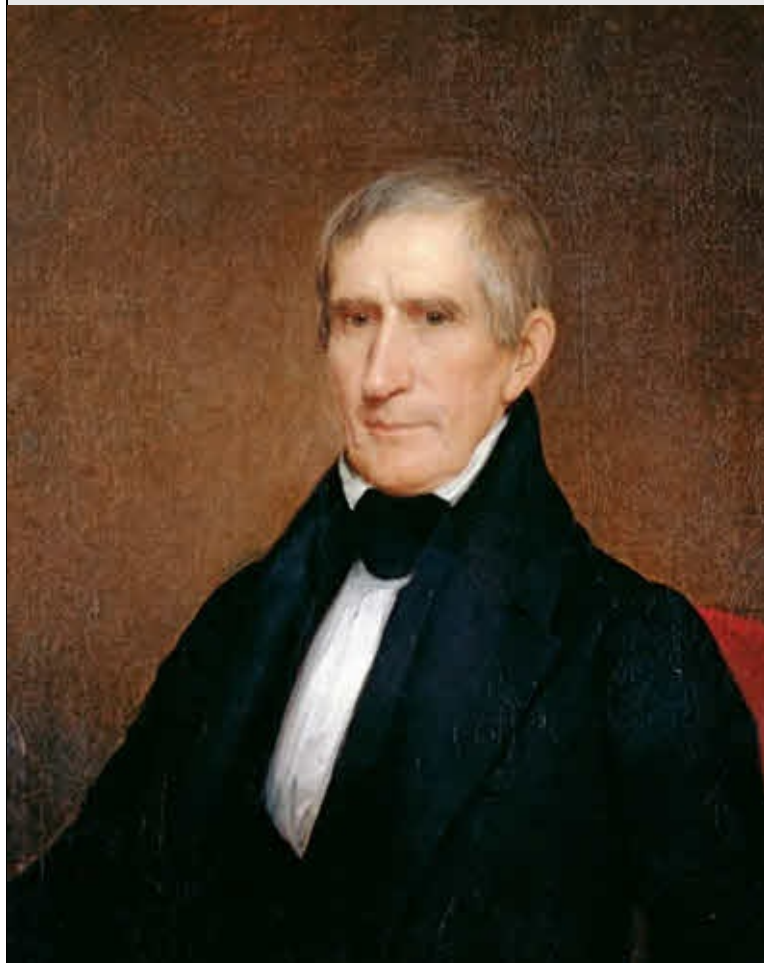
Niven J. Martin Van Buren: The Romantic Age of American Politics. New York, 1983.

Silbey J. Martin Van Buren and the Emergence of American Popular Politics. Lanham, MD, 2002.

Widmer E. Martin Van Buren. New York, 2005.

УИЛЬЯМ ГАРРИСОН

9 февраля 1773 — 4 апреля 1841

9-й президент:

4 марта — 4 апреля 1841

Портрет А. Соутуорта

Об Уильяме Генри Гаррисоне (*William Henry Harrison*) можно было бы не писать в этой книге как о президенте, хотя он нашел определенное место в истории США. Дело в том, что избранный президентом в возрасте почти

68 лет, он реально исполнял свои функции лишь две недели, а еще через полмесяца скончался. Мы пишем о нем только потому, что он занял определенный «президентский номер». И краткий рассказ о Гаррисоне будет, естественно, почти полностью посвящен его допрезидентской карьере. За тот срок, когда он находился в Белом доме, причем будучи уже тяжелобольным, этот человек не успел осуществить ничего из того, что было задумано им и его приверженцами.

Родился он в семье вирджинского плантатора Бенджамина Гаррисона, который участвовал в Войне за независимость США, был в числе лиц, подписавших Декларацию независимости, а в 1-й половине 80-х гг. XVIII в. в течение двух сроков служил губернатором своего штата.

Сам Уильям, в соответствии с традициями богатых плантаторов Вирджинии, вначале занимался с домашними учителями, а когда ему исполнилось 14 лет, поступил в колледж Хэмпден — Сидни, основанный в 1775 г. по образцу колледжа колонии Нью-Джерси (будущего Принстонского университета) и названного в честь колониальных просветителей XVII в. Джона Хэмпдена и Элджертона Сидни. Это было солидное учебное заведение, дававшее разностороннее общее образование и готовившее учеников к занятию «свободными искусствами», под которыми понималась не только творческая деятельность, но и государственная служба и юридическая практика. Уильям проучился только четыре года (ему не хватило двух лет, чтобы получить полное образование) и в 1789 г. поступил добровольцем в американскую армию. Несмотря на юный возраст, он через несколько лет стал капитаном, а затем военным руководителем приграничной Северо-западной территории (позже в основном вошедшей в штат Огайо).

В 1795 г. 22-летний Гаррисон женился на Анне Симмз, дочери полковника Армии США из штата Огайо, который занимал в своем штате различные посты и пользовался популярностью. Женитьба способствовала продвижению Уильяма по карьерной лестнице, тем более что воинственный тесть заявил, что он не будет общаться с зятем до тех пор, пока тот себя полностью не проявит на поле боя. В браке родились десять детей: четыре дочки и шестеро сыновей, причем все они дожили до взрослого возраста, что было редкостью в американских семьях того времени.

В 1799 г. Уильяма как подающего надежды не только военного, но и политика избрали в Конгресс. Он участвовал в выработке законодательства о продаже свободных земель, но в этот раз его пребывание в Конгрессе было недолгим. Всего лишь через год он, особенно не интересуясь

дебатами и законопроектами, согласился стать губернатором территории Индиана, которая не обладала тогда правами штата и включала, кроме будущего штата под этим названием, также земли, на которых затем были созданы штаты Иллинойс и Висконсин. На посту губернатора Гаррисон занимался главным образом оттеснением индейских племен. Территория недаром носила название Индианы: ее бóльшую часть населяли сравнительно организованные индейские племена, во главе которых стоял знаменитый Текумсе, который сумел объединить под своим руководством (вместе с братом Профетом, то есть пророком, прозванным так, потому что он разработал некое религиозное учение, призывавшее бороться против белых) не только родное племя шауни, но и ряд других племен, создав некое квазигосударство.

Не желая уходить со своих территорий, индейцы подняли восстание. Им удалось добиться нескольких побед над отрядами белых поселенцев. Однако в ноябре 1811 г. Гаррисон, собрав отряд численностью чуть более тысячи человек, начал наступление на индейские позиции и в бою в районе поселения Типпекану разгромил индейцев. Правда, в этом военном столкновении погибло значительно больше белых, чем индейцев, но Гаррисон, уже хорошо научившийся представлять своим согражданам товар лицом, доложил военному секретарю, что «индейцы никогда не оправятся после такого разгрома, невиданного с того времени, как они познакомились с белыми людьми». Сведения об этом бое, преувеличенные многократно, обеспечили Гаррисону славу национального героя. Его даже прозвали «Старый Типпекану», или, как говорили любившие уже тогда сокращать слова и даже названия американцы, «Старый Тип». В следующие два года он действительно одержал победу в нескольких боях против совместных сил англичан и индейцев. Во всяком случае, на территории Индианы индейцев почти не осталось, и об их господстве в этом регионе напоминало только название.

В следующие годы Гаррисон занимал различные выборные и административные посты. Он был сенатором штата Огайо, а затем членом Сената США от Огайо. В 1826–1829 гг. он являлся послом США в только что созданной республике Колумбия (бывшей испанской колонии в Латинской Америке). Однако своенравный президент Джексон отозвал Гаррисона, не предложив взамен нового назначения. Гаррисон смог устроиться на работу только клерком в небольшом городке Норт-Бенд (штат Огайо). Он пытался заняться бизнесом и по совету соседей создал небольшое предприятие по производству виски, но вскоре закрыл его, объяснив свой поступок соображениями морали. Скорее всего, заявления о

нежелании спаивать сограждан были лишь словами: просто заводик не приносил ожидаемой прибыли. Отставной военный и политик чувствовал себя глубоко оскорбленным и прилагал максимум сил, чтобы уже в отнюдь не молодом возрасте (он приближался к 60 годам) вновь получить статус, соответствующий его прежним заслугам перед Америкой. В связи с этим его заявления были скорее рассчитаны на пропагандистский эффект в случае возвращения в политику.

Чтобы вновь привлечь к себе широкое внимание, Гаррисон воспользовался первым же представившимся поводом. Когда один из его бывших подчиненных времен войны с индейцами полковник Ричард Джонсон опубликовал воспоминания, в которых приписывал себе основные заслуги в разгроме воинов Текумсе и даже в его убийстве, Гаррисон в 1834 г. опубликовал свои письма и записки, и они вызвали повышенный интерес. Оппозиционные политики увидели в бывшем герое войны кандидата, которого можно было противопоставить Джексону.

Когда в 1836 г. на митинге в городе Харрисберге (Пенсильвания) присутствующие выдвинули его на президентский пост, мелкий клерк воспринял это как шутку. Но его кандидатуру поддержала создававшаяся Партия вигов, и он стал одним из кандидатов, проиграв, однако, ставленнику Демократической партии Ван Бюрену.

В основном провальное президентство Ван Бюрена способствовало сплочению и укреплению позиций вигов. Отвергнув несколько вероятных кандидатов из числа конгрессменов и губернаторов, их съезд в декабре 1839 г. выдвинул в президенты «простого фермера» Гаррисона. Кандидатом в вице-президенты был намечен Джон Тайлер, деятель Партии вигов из Вирджинии, фигура не очень заметная за пределами своего штата. Именно на кандидатуре военного героя Гаррисона сосредоточилась шумная кампания, что подчеркивалось лозунгом «Старый Тип и Тайлер также», на что последний не обижался, считая для себя весьма почетным сам факт выдвижения и отнюдь не задумываясь о высокой государственной должности.

Именно в ходе избирательной кампании 1840 г. стали формироваться приемы громогласной уличной, в значительной степени легковесной, почти базарной агитации, которые становились характерными чертами последующих массовых действий, разрабатываемых предвыборными штабами вплоть до наших дней. Используя щедрые пожертвования банкиров и промышленников, которые негодовали по поводу антикапиталистической демагогии Джексона, виги организовывали массовые шествия, на которых гремели оркестры, в воздух летели

разноцветные шарики, развевались знамена с широковещательными и пустыми лозунгами. При этом прославлялась скромность «старого Типа», который жил якобы в деревянной хижине и в качестве напитка употреблял только яблочный сидр. Придумана была даже «детская песенка», которая пелась на всех собраниях и шествиях, хорошо запомнилась и затем передавалась из одного поколения в другое, причем реалии, связанные с ней, постепенно забывались:

«Oh, dear Van.
You're not our man;
To guide the ship,
We'll try old Tip».

«Старый Ван, пора, прощай.
Порулил и будет — знай.
Старый Тип — наш генерал —
Станет за страны штурвал».

Перевод Л. Шустера

Примеру вигов следовали демократы, имевшие своих опытных ораторов, свою прессу в каждом штате. Они не замедлили, в частности, придумать свою «детскую колыбельную песенку», которая, правда, вскоре была позабыта, но во время кампании получила широкое распространение:

«Rockabye, baby, when you awake
You will discover Tip is a fake.
Far from the battle, war cry and drum
He sits in his cabin, drinking bad rum».

«Баю-баюшки, малышка, этот Тип
К рому в своей хижине прилип.
Что ему война, команды, барабан?
Грош за ложь — ведь генерал профан».

Перевод Л. Шустера

Как оказалось, дешевые приемы агитации оказывались достаточными, чтобы привлечь на сторону того или иного кандидата, той или иной партии массу избирателей, которая под влиянием громких и бьющих в одну точку лозунгов превращалась в толпу, поддающуюся манипулированию. При этом каждый избиратель считал, что он выражает свою волю, и в какой-то степени, но только отчасти, так и было. В США продолжала формироваться современная двухпартийная система со всеми ее позитивными качествами и недостатками.

Выборы 1840 г. знаменовали собой резкое повышение активности избирателей, которая проявлялась уже в предыдущие годы. Если во время выборов 1824 г. на участки явилось 27 % белых мужчин, достигших 21 года, имевших право голоса, то в 1832 г. таковых было уже 56 %, с тем чтобы в 1840 г. достичь невиданного взлета — 78 %. Хотя в некоторых штатах разница в поданных голосах за Ван Бюрена и Гаррисона оказалась незначительной, в целом кандидат вигов одержал убедительную победу в избирательной коллегии, в которой получил 234 голоса, тогда как Ван Бюрен — 60. Разница в числе поданных голосов была несравненно меньшей — 53 % и 47 %. Виги одержали победу и в обеих палатах Конгресса.

Так формировалась новая система президентских выборов — хорошо организованных, проводимых под руководством подготовленных менеджеров, при активном участии партийного аппарата на уровне федерации, штатов, отдельных районов и населенных пунктов с привлечением креативных и циничных изобретателей новых приемов агитации и обновления старых.

Столь хорошо подготовленное президентство Уильяма Гаррисона оказалось самым кратким в истории США. Собственно говоря, реально новый президент вообще не успел заняться государственной деятельностью. Он прибыл в Вашингтон накануне инаугурации, которая состоялась 4 марта 1841 г. Это был холодный и сырой день. Тем не менее Гаррисон стремился продемонстрировать, что, несмотря на возраст, он остается все тем же героем войны и «простым американцем», которому не страшны никакие трудности, тем более такие мелкие, как дурная погода. Он отказался прибыть на Капитолийский холм в экипаже и предпочел появиться верхом на лошади, причем без пальто и шляпы. Он произнес на ветру длинную инаугурационную речь, продолжавшуюся около двух часов. Хотя уже в это время он почувствовал себя плохо, Гаррисон заставил себя посетить три инаугурационных бала, которые также стали новинкой в американской политической практике, затем прочно вошедшей в обиход.

Один из балов посетило больше тысячи гостей, которые вносили сравнительно небольшую плату в 10 долларов (по современным ценам — примерно 250 долларов).

Выступление на инаугурации воспринималось как многообещающее. Особое внимание обратили на обещание восстановить Банк США в качестве финансового учреждения, предоставляющего кредиты предпринимателям и всем гражданам на основе бумажной валюты, полностью доверять решениям Конгресса и не злоупотреблять правом вето, воссоздать квалифицированный штат государственных служащих вне партийных пристрастий.

Крайне плохое самочувствие Гаррисон посчитал простудой, которая пройдет сама собой. Он подготовил ряд назначений, в частности представил Сенату кандидатуру государственного секретаря Даниэля Уэбстера, одного из руководителей фракции вигов в Конгрессе. Вскоре ему показалось, что он почувствовал себя лучше, и 26 марта совершил длительную прогулку, во время которой простудился во второй раз. Не желая лечиться и надеясь, что болезнь вскоре пройдет, Гаррисон не подпускал к себе врачей. В результате у него началось воспаление легких, а затем плеврит. Только теперь президентом занялись врачи, которые использовали все доступные средства: опиум, касторовое масло, пиявки... Но было поздно. Начали развиваться новые заболевания: желтуха, а затем заражение крови. В ночь на 4 апреля Уильям Гаррисон скончался.

Совершенно неожиданно для самого себя президентский пост в тот же день занял вице-президент Джон Тайлер. Это был первый случай в истории США, когда вступила в силу конституционная норма о замещении президента вице-президентом. Правда, здесь возникли некоторые сложности...

Как оказалось, Гаррисон действительно не имел никакой собственности, кроме хижины в Норт-Бенде, не имел он и банковского счета и умер фактически нищим. По решению Конгресса его вдова Анна получила пенсию в 25 тыс. долларов и годовое жалованье президента (по современным оценкам, оно составляет примерно 600 тыс. долларов). Ей было предоставлено право отправлять свою почту бесплатно.

Из десяти детей Гаррисона на государственной службе продвинулся только один сын Джон Скотт, который в 1853–1857 гг. представлял штат Огайо в Палате представителей. Зато сын Джона Скотта — Бенджамин — стал 23-м президентом страны. Это был единственный случай в истории Америки, когда высший государственный пост занял внук президента. В штатах Огайо и Индиана Гаррисона чтут как героя войны,

ставшего после выигранных им битв простым американским фермером.

Основные издания:

Cleaves F. Old Tippecanoe: William Henry Harrison and His Time. New York, 1939.

Green M. William H. Harrison. Breckenridge, CO, 2007.

Owens R. Mr. Jefferson's Hammer: William Henry Harrison and the Origins of American Indian Policy. Norman, OK, 2007.

ДЖОН ТАЙЛЕР

29 марта 1790 — 18 января 1862

10-й президент:

4 апреля 1841 — 4 марта 1845

Как уже отмечалось, до 1841 г. ни один президент США не умирал на своем посту, и никто не предполагал, что Джон Тайлер-младший (*John Tyler Jr.*), человек не очень известный, выдвинутый на вице-президентский пост лишь для того, чтобы оттенить главную фигуру — Уильяма Гаррисона, —

когда-нибудь займет высший пост в стране. Его знали лишь как одного из примыкавших к вигам деятелей (именно примыкавших, поскольку официально он в Партии вигов не состоял), в основном отстаивавшим расширение прав отдельных штатов, что не вполне вписывалось в виговские принципы.

Как и многие политики высшего и среднего ранга, Тайлер происходил из Вирджинии. Он родился в аристократической семье, в графстве Чарльз-Сити. В отличие от подавляющего большинства других политиков, он был в состоянии проследить свою родословную на протяжении почти всего XVII в. В семье гордились тем, что прадед Джона Джон Тайлер-старший, известный как судья Тайлер, был другом и соучеником Томаса Джефферсона. Отец Джона-младшего Бенджамин участвовал в борьбе за независимость английских колоний в Америке, являлся членом и одно время председателем вирджинской Палаты депутатов, а затем судьей штата. Мать была дочерью известного в Вирджинии плантатора Роберта Армстеда (она умерла, когда Джону было семь лет).

Мальчик воспитывался в богатом имении отца — на плантации Гринвей, где работали свыше 40 рабов. В отличие от обычных вирджинских плантаций, выращивавших только одну культуру, на Гринвее производились хлопок, пшеница, кукуруза, табак. Видимо, отец полагал, что сын, как и его два брата и пять сестер, будет в основном помощником по хозяйству. Но хрупкое здоровье Джона — с детства на протяжении всей жизни он страдал диареей, изменило отцовские планы. В возрасте 12 лет мальчик был отправлен в подготовительный класс пользовавшегося хорошей репутацией колледжа Уильяма и Мэри в городе Уильямсбурге, где в свое время учился Джефферсон. После годовой подготовки он без всяких препятствий поступил на основной курс, который окончил в возрасте 17 лет. Понятно, что в то время колледж был просто средним учебным заведением.

Окончив школу, Тайлер изучал право у своего отца-юриста, а позже у других специалистов. Еще не достигнув 20 лет, он прошел экзамен и был принят в коллегия адвокатов. Тогда рассказывали, что в Вирджинии в это время существовал возрастной ценз для этой специальности, и Тайлер не удовлетворял его требованиям. Но он выглядел зрелым мужчиной, и его просто забыли спросить о возрасте. Нравы в молодой республике были свободными, нормы не носили твердого характера, и такого рода случаи изобиловали.

Карьера молодого человека шла в гору, отчасти в результате того, что его отец стал губернатором Вирджинии, отчасти в результате собственных

усилий. Джон купил крупную плантацию Вудберн, которая стала местом его жительства и главным источником дохода. В то же время он в молодом возрасте занялся политикой. В 1811 г. он был избран в Палату депутатов своего штата, в которую переизбирался ежегодно еще четыре раза. Он продолжал адвокатскую деятельность и совершенствовал юридический опыт, будучи членом Комитета Палаты депутатов по судам и праву. Однако он высказывался и по другим вопросам — особенно активно отстаивал расширение прав штатов и энергично выступал против создания национального банка, считая его инструментом ликвидации автономии штатов.

Во время второй англо-американской войны Тайлер вначале оставался политическим наблюдателем. Но когда военные действия распространились на Вирджинию, он счел целесообразным принять в них участие и летом 1813 г. организовал отряд милиции, который должен был участвовать в защите города Ричмонда; ему было присвоено звание капитана. Нападение на Ричмонд так и не состоялось. Не собираясь выводить свой отряд за пределы штата, Джон просто распустил его. Тем не менее власти Вирджинии сочли его действия актом патриотизма, и Тайлер был вознагражден участком земли на территориях, которые были отвоеваны у индейских племен в ходе войны 1812–1814 гг. и позже вошли в штат Айова. К тому же в 1813 г. умер его отец, и Джон унаследовал плантацию с несколькими десятками рабов. Он стал крупным плантатором, владея тремя значительными земельными участками (двумя в Вирджинии и одним на средне-западных территориях).

Так как Тайлер завоевал определенный авторитет, он в 1816 г. был избран в Палату представителей Конгресса США, где продолжал высказываться в пользу прав отдельных штатов. Реже он выступал по такому острому вопросу, как рабовладение, но в тех случаях, когда его мнение звучало, он стоял за сохранение рабства как естественного и законного положения.

В Конгрессе Тайлер представлял единственно влиятельную в «эру добрых чувств» политическую партию — демократов-республиканцев. Однако его позиции по многим вопросам существенно отличались от установок большинства парламентариев. Последние настаивали на укреплении центральных органов федерации, на предоставлении им права принимать решения о «внутреннем совершенствовании» страны путем развертывания широкого дорожного строительства, создания крупных торговых портов и других элементов инфраструктуры, требующих значительных капиталовложений из центральных финансовых учреждений,

подчиненных государству или по крайней мере связанных с ним. Тайлер же отстаивал прежнюю свою точку зрения о необходимости сохранения «суверенности» штатов. Он проповедовал явно устаревший взгляд, что в основном элементы «внутреннего совершенствования» должны проводиться в пределах отдельных штатов и только в случае острой необходимости на основе соглашения между руководством соседних штатов.

Еще до того как Джексон стал президентом, Тайлер в Конгрессе стал выступать с резкими нападками на его действия, в частности по завоеванию Флориды. Точно так же он высказывался против Миссурийского компромисса, согласно которому, как мы уже писали, в состав США должны были приниматься два штата одновременно: рабовладельческий и свободный от рабства. Требуя, чтобы вопрос о рабстве решался только на уровне каждого штата, Тайлер на словах стал признавать, что рабовладение — это зло. Однако самым фактом отстаивания права штатов на «суверенитет» в этом вопросе он явно способствовал не только сохранению, но и расширению рабовладения. На протяжении всех лет пребывания в Конгрессе он голосовал против законопроектов, которые ограничивали рабовладельческую систему.

Разочарованный в том, что его предложения не получили поддержки большинства, Тайлер в 1820 г. отказался от очередного выдвижения своей кандидатуры, заявив, что обучение его детей должным образом невозможно на низкое жалованье конгрессмена. При этом он забыл упомянуть, что получал немалые доходы от своих плантаций и использования труда рабов.

К этому времени Джон был женат и имел троих детей (дочь и двух сыновей) и явно не собирался прекращать воспроизводство потомства. Женился он еще в юном возрасте на Летишии Кристиен, дочери вирджинского плантатора. Это был, бесспорно, судя по сохранившимся документам (среди них только одно письмо, написанное Джоном невесте незадолго до свадьбы), брак по любви, в котором к первым трем детям позже добавились еще четверо. Летишия скончалась в 1842 г., уже будучи первой леди, от инсульта. Через два года стареющий Тайлер женился 2-й раз на 23-летней Джулии Гардинер, дочери крупного землевладельца из штата НьюЙорк, в браке с которой родились еще шестеро сыновей и одна дочь. Тайлер оказался, таким образом, самым многодетным президентом США. Но все это в основном будет в будущем.

Пока же Джон покинул Конгресс в марте 1821 г. и занялся правовой практикой и ведением своего хозяйства. Очень скоро он, однако, вновь почувствовал тягу к политике и в 1823 г. легко выиграл выборы в Палату

делегатов своей Вирджинии. Особыми акциями он там не отличался, выступал редко. Единственным существенным достижением были инициативы по сохранению его «альма матер» — колледжа Уильяма и Мэри, который переживал финансовые трудности. В легислатуре обсуждался вопрос о его переносе в столицу штата Ричмонд, что означало бы фактическое закрытие этого колледжа, замену его другим образовательным учреждением. Тайлер же предложил провести административную реформу колледжа, укомплектовать его квалифицированными преподавателями и одновременно выделить средства штата на это дело. Он внес несколько проектов резолюций, связанных с возрождением колледжа, которые были поддержаны. Колледж Уильяма и Мэри сохранился и в следующие годы стал престижным учебным заведением. В Вирджинии деятельность Тайлера по спасению родного колледжа была оценена высоко, значительно повысила его авторитет. Он даже был избран ректором этого заведения, правда, это была почетная должность, никаких реальных действий по руководству колледжем Тайлер не предпринимал.

В декабре 1825 г. он был избран губернатором штата. Это, правда, тогда была также в основном должность «за заслуги», так как губернатор правами почти не обладал, даже не мог налагать вето на законы. Единственным заметным проявлением Тайлера на этом посту было выступление на похоронах бывшего президента Джефферсона в июле 1826 г. В то же время некоторые рекомендации губернатора воспринимались в законодательном органе положительно. Чтобы противостоять инициативам федерального «внутреннего совершенствования», он предложил наметить план строительства дорог в масштабах штата и расширить финансирование публичных школ, которые находились в запущенном состоянии.

В начале 1827 г. легислатуре Вирджинии предстояло избрать нового сенатора федерации. На эту должность были выдвинуты несколько кандидатур, включая Тайлера. С большим трудом, лишь слегка оторвавшись от соперников, он добился большинства и в начале марта того же года отправился в Вашингтон во второй раз.

В сенате упрямый вирджинец продолжал свой курс, выступая главным образом как защитник прав штатов и противник укрепления федерального правительства. Именно с этих позиций он оценивал президентские выборы 1828 г., осторожно поддержав Джексона, которого считал сторонником укрепления федерации, но не столь рьяным, как Адамс-младший. В одном из выступлений Тайлер заявил о Джексоне: «Говоря о нем, я могу, по крайней мере, выразить некоторую надежду. Глядя на Адамса, я прихожу в

отчаяние». Вскоре, однако, он полностью разочаровался и в Джексоне, который, вопреки его ожиданиям, взял курс на укрепление федерации. Он голосовал против административных назначений Джексона, объявляя их то ли антиконституционными, то ли результатом протекции. Хотя Тайлер оставался представителем Демократическо-республиканской партии, в Конгрессе его часто называли инакомыслящим, причем с определенным уничижительным смысловым оттенком, используя слово *maverick*, первоначально означавшее неклеимый теленок, а затем бродяга. По нынешнему значению слова *maverick* оно близко к диссиденту, а иногда даже является символом повстанчества. Так что к Тайлеру этот термин относился весьма условно.

В 1832–1833 гг. в Конгрессе развернулись жаркие дебаты по поводу «нуллификационного кризиса», вызванного тем, что законодатели штата Южная Каролина угрожали выходом из США в том случае, если их будут принуждать согласиться с законом о повышенных таможенных тарифах, которые были объявлены неприемлемыми для этого штата. Прения на федеральном уровне вылились в обсуждение конституционной проблемы соотношения федерального законодательства и законов штатов. Могут ли штаты отменять общеамериканские законы? — так звучал вопрос, который большинство депутатов считали нелепым по существу, ибо сама постановка его грозила распадом страны. Тайлер же, выступив в защиту Южной Каролины и подвергнув острой критике заявление Джексона о намерении принудить силой этот штат подчиняться общегосударственному законодательству, фактически порвал с Демократическо-республиканской партией, хотя пока не объявил о выходе из нее.

В то же время Тайлер все более сближался с формировавшейся Партией вигов, в частности с Генри Клеем, фактическим руководителем оппозиции в Сенате, который стоял во главе зачаточной новой партии. Клей был фигурой противоречивой. С одной стороны, он возглавил раскол демократов-республиканцев, с другой — в ряде случаев выступал за компромиссные решения. Именно его считают инициатором Миссурийского компромисса. Неудивительно, что в руководстве новой партии, к которой фактически примкнул Тайлер, сразу начались разногласия, которые привели к разрыву между обоими деятелями, так как Тайлер выступил, как и ранее, непримиримым защитником прав штатов.

В феврале 1836 г. Тайлер объявил о разрыве с Демократическо-республиканской партией, присоединении к Партии вигов и одновременно об уходе из Конгресса в частную жизнь. Но таковая продолжалась месяцы, если не недели. В преддверии президентских выборов 1836 г. вместе с

другими вигами он развернул кампанию фактического саботажа выборного процесса. Виги выдвигали в разных штатах своих кандидатов. В числе кандидатов в вице-президенты был и Тайлер. Он и его единомышленники полагали, что они, не имея еще прочной организации во всех штатах, не в состоянии добиться победы. Речь шла о том, чтобы расколоть коллегию выборщиков, добиться переноса вопроса о выборах президента в палату представителей, где можно было надеяться на достижение неких соглашений, обеспечивающих их приход к власти. Ничего из этого не получилось. Демократическо-республиканская партия была еще достаточно сильна, чтобы одержать победу. Президентом, как мы уже знаем, был избран ее представитель Ван Бюрен.

После выборов 1836 г. Тайлер полагал, что его политическая карьера завершилась, и вновь рассчитывал погрузиться в правовую практику. Однако он был уже фигурой национального масштаба, хотя и не находился в первых рядах политиков. Поэтому, когда съезд вигов выдвинул на президентский пост генерала Гаррисона, Тайлер безоговорочно принял его предложение баллотироваться на пост вице-президента, будучи убежденным, что это — максимальный выигрыш, который он способен получить. Выбор Гаррисона носил тактический характер: Тайлер был южным рабовладельцем, и его кандидатура должна была убедить избирателей Юга, что виги не намерены полностью поддерживать аболиционистов в попытках отмены рабства.

Тайлер не предполагал серьезно заниматься политикой, имея в виду не только сложившуюся традицию, но и властный характер Гаррисона. Чтобы продемонстрировать полную лояльность избранному президенту, он после вступления в должность 4 марта 1841 г. почти сразу вернулся в свое поместье, не вмешиваясь в формирование новой администрации. Лишь для формы Гаррисон запросил его мнение о ком-то из кандидатов на министерские посты, и Тайлер ответил полным согласием с президентским мнением. Он даже не знал о тяжелой болезни президента. Когда 5 апреля к нему неожиданно явились люди из Вашингтона, сообщившие о смерти Гаррисона и о том, что он вроде бы теперь становится президентом США, это стало для Тайлера громом с ясного неба.

Впрочем, стал ли он президентом или только должен начать исполнять президентские обязанности, — это был вопрос, немедленно поставленный противниками вигов. Такой случай произошел в американской истории впервые. Между тем, соответствующая статья конституции гласила: «В случае отстранения президента от должности или его смерти, отставки либо неспособности осуществлять полномочия и обязанности по названной

должности таковые переходят к вице-президенту, и Конгресс посредством принятия закона может установить, какое должностное лицо в случае отстранения, смерти, отставки либо неспособности президента и вице-президента будет действовать как президент, и такое должностное лицо должно действовать соответствующим образом, пока не будет устранена причина неспособности либо новый президент не будет избран». Текст этот был совершенно не ясен. Во всяком случае, он требовал, казалось бы, обсуждения вопроса о преемнике умершего президента законодателями.

Тайлер, однако, проявил решительность. Он немедленно явился в Вашингтон, снял номер в отеле, где принес клятву в качестве нового президента, после чего появился в Белом доме, который объявил своей резиденцией как глава исполнительной власти. Растерянные конгрессмены и министры не оказали сопротивления. Был создан прецедент (он вошел в историю как прецедент Тайлера), который был закреплен 25-й поправкой к Конституции, вступившей в силу только в феврале 1967 г., когда уже было несколько случаев вступления вице-президента на президентский пост после смерти предшественника. Пока же противникам Тайлера ничего не оставалось, как называть его, разумеется не в лицо, «ваша случайность». Между прочим, случайно став президентом в возрасте 51 года, Тайлер оказался самым молодым из них.

Стремясь сохранить поддержку сторонников покойного президента, которые хорошо помнили, что он оказался даже на вице-президентском посту только по тактическим соображениям, Тайлер заявил, что не будет менять состава сформированного Гаррисоном кабинета. На первом же заседании правительства в Белом доме госсекретарь Даниел Уэбстер, который считался значительно более влиятельным политиком, чем новый президент, проинформировал его, что в течение последних недель все президентские решения принимались большинством голосов кабинета. Скорее всего, это была выдумка, так как в самые «последние недели» президент болел и никаких решений вообще не принимал. Своим заявлением Уэбстер явно стремился показать, что именно министры, и сам он прежде всего, должны определять политический курс. Тайлер, однако, парировал: «Прошу прощения, господа. Я очень рад, что в моем кабинете состоят такие способные государственные деятели, какими вы показали себя. И я буду рад опираться на ваши советы и помощь. Но я никогда не соглашусь, чтобы мне диктовали, что я должен делать и что не должен. В качестве президента я ответственен перед всей администрацией... Если же кто-либо будет думать иначе, будет принята его отставка». Это было достаточно твердое предупреждение, что новый президент в полной мере

считает себя таковым, что он намерен проводить собственную политику, а не курс, навязываемый ему однопартийцами.

Было решено не ограничиваться принесением клятвы, а устроить инаугурацию на заседании Конгресса, которая состоялась 9 апреля. В соответствующей речи Тайлер заявил, что намерен проводить курс джефферсоновской демократии, подчеркнув ограниченность федеральной власти и широкие права штатов, что соответствовало его курсу на протяжении допрезидентской деятельности. Большинство членов Конгресса приветствовали инаугурационную речь, тем самым закрепив положение Тайлера как полноправного президента. Правда, и после этого некоторые упрямые политики называли его вице-президентом или исполняющим обязанности президента (по-английски *acting president*), а в Белый дом подчас поступала корреспонденция с таким обозначением адресата. По требованию Тайлера эти поступления немедленно возвращались лицам или организациям, которые их направили.

Уже вскоре после вступления на президентский пост Тайлер столкнулся с серьезной оппозицией в Конгрессе со стороны части членов Партии вигов во главе с Клеем.

Правда, Тайлер одобрил и подписал фундаментальный закон о преимущественном праве покупки, который предоставлял право лицам, занявшим земли на западе без какого-либо юридического оформления (так называемым сквоттерам) право покупать участки земли в 160 акров (ок. 65 гектаров) за ничтожную плату в 1,25 доллара. Это же право распространялось на всех, кто намеревался переселиться на новые земли. Закон о сквоттерах, как его стали называть, стал мощным инструментом освоения западных земель белыми поселенцами и дальнейшего оттеснения индейцев в резервации. Были подписаны и вступили в силу и некоторые законы по конкретным вопросам, в частности о банкротстве, определявший случаи, при которых отдельные фирмы могли объявлять о своем банкротстве и получали льготы при расчете по долгам. Тайлер подписал и закон о таможенных сборах, регулировавший ввозные пошлины, повышая одни и снижая другие в зависимости от интересов американского капитала.

В то же время Тайлер наложил вето на три принятых по настоянию Клея закона о банковской системе, считая, что они ущемляют права штатов в пользу федеральных властей. Полагая, что Тайлер нарушил партийную дисциплину, Клей добился беспрецедентного решения об исключении президента из Партии вигов, объявив его предателем партийных принципов (именно Клей впервые назвал его «ваша случайность»). Оказавшись без своей партии, но сохраняя властные амбиции, Тайлер попытался склонить

на свою сторону некоторых вигов, но эта затея оказалась малорезультативной. В прессе была развернута кампания с требованием его отставки. В июле 1842 г. было даже выдвинуто требование импичмента на основании того, что президент не уважает волю Конгресса как высшего органа власти и пытается установить единоличную власть. Клей и близкие к нему конгрессмены сочли, однако, что это требование носит искусственный характер и может привести к нестабильности в стране. В результате требование импичмента было отвергнуто 127 членами Палаты представителей против 83. Тем не менее ряд членов правительства ушли в отставку, и Тайлеру пришлось заполнять вакантные места малоизвестными деятелями из числа своих близких сторонников.

Основные свои усилия Тайлер сосредоточил на территориальном расширении США и в меньшей мере на развитии торговых отношений с зарубежными странами, а в связи с этим на укреплении американского гражданского и военного флота. В ряде своих заявлений он повторял слова о необходимости экспансии, без которой Соединенные Штаты просто не смогут выжить. Наибольшую активность президент проявил в подготовке присоединения к США территории Техаса, который, как мы уже знаем, отделился от Мексики и существовал как самостоятельное государство. Тайлера предупреждали, что кампания за присоединение Техаса может породить внутренние политические взрывы, связанные прежде всего с проблемой рабовладения. В Техасе господствовали белые плантаторы, и включение этой территории в состав США резко усилило бы влияние рабовладельческого юга во всей жизни страны. Естественно, свободный север, прежде всего аболиционисты, энергично сопротивлялся аннексии Техаса. Тайлер, однако, не прислушался к благоразумным советам. Он предпочел опереться на новую, возникшую в начале 1840-х гг. организацию «Молодая Америка». Ее деятели выступали с многочисленными заявлениями на тему о том, что предназначение США не будет исполнено до тех пор, пока «весь огромный континент не окажется нашим». Впрочем, Тайлер пытался отмежеваться от наиболее агрессивных заявлений «молодых американцев», утверждая, что на территории Мексики и Канады он не претендует.

Проблема Техаса осложняла международные отношения США и вела к новому обострению отношений с Великобританией, развивавшихся волнами, и Тайлер вынужден был учитывать это. Президент Техаса генерал Сэм Хьюстон и его помощники распространяли слухи, что британское правительство будет снабжать его страну золотом и обеспечит ее политической защитой в случае, если Техас откажется от рабовладения.

Действительно, в 1843 г. последовал ряд заявлений высших британских деятелей в пользу независимости Техаса на основе отказа от рабства. Вслед за этим в Британии была развернута подлинная кампания за ликвидацию рабства по другую сторону Атлантики вообще. Аболиционисты севера США видели теперь в правительстве Великобритании своих союзников, хотя на деле речь шла не о гуманитарной позиции, а о стремлении Великобритании усилить свое влияние на Американском континенте. Об этом свидетельствовало, в частности, то, что торговые связи Великобритания поддерживала в основном с южными штатами США, закупая там хлопок и другие товары.

В этих условиях курс Тайлера на присоединение Техаса подкреплялся поддержкой правивших кругов южных штатов, рассматривавших приобретение как укрепление позиций плантаторов-рабовладельцев и как проявление американского патриотизма. Тайлер поддержал заявления «Молодой Америки» по поводу того, что британские монархисты ненавидят Американскую республику и стремятся ее вообще уничтожить, что сохранение независимости Техаса является лишь одним из шагов в их наступлении на континенте.

Одновременно с пропагандистской кампанией велись секретные переговоры с властями Техаса. В апреле 1844 г. переговоры были завершены. По поручению президента госсекретарь Джон Калхун направил проект договора о присоединении Техаса на утверждение Сената, одновременно передав в печать обширное заявление с высокой оценкой рабовладения, в котором доказывал (опираясь на статистические данные, в основном подлинные, но частично подправленные), что американские рабы живут лучше, чем белые рабочие в северных штатах и тем более чем их собратья в Европе.

Заявление Калхуна вызвало негодование в среде вигов и получило негативную оценку в Конгрессе, в котором не без основания его воспринимали как изложение взглядов президента. В результате в обеих палатах договор с Техасом был отвергнут. Так провалилось основное начинание Тайлера, которое он считал главной целью своей администрации. Включение Техаса в состав США произошло вскоре, но уже при новом президенте Джеймсе Полке.

Тайлер всячески стремился расширить экономическое влияние США на Востоке, обосновывая свои замыслы риторикой по поводу несения свободы отсталым нациям. Он направил свое представительство в Китай, которое подписало договор об экономических связях. Его правительство обратило внимание на архипелаг Гавайи, занимавший важные

геополитические и стратегические позиции на Тихом океане и являвшийся значительным объектом для выгодной торговли. В послании Конгрессу от 30 декабря 1842 г. президент, сославшись на интересы американских предпринимателей и китобоев в этом регионе, заявил, что «каждая попытка захватить в свое владение эти острова, колонизировать их и свергнуть существующие там власти не может не вызвать недовольства со стороны Соединенных Штатов». Хотя оговаривалось, что США не собираются присоединять эти острова, ясно читалось, что любое стремление ущемить их экономические и геополитические интересы в этом регионе натолкнется на сопротивление, в том числе при помощи силы.

Это послание, созвучное доктрине Монро по поводу Латинской Америки, в американской историографии часто называют доктриной Тайлера.

Отслужив свой срок как избранный президент, Тайлер стремился в 1844 г. вновь занять президентский пост. Ни Демократическая партия, ни тем более Партия вигов поддержки ему не оказали. Действующий президент все же попытался выдвинуть свою кандидатуру на съезде демократов, но они его отвергли. Он попробовал создать свою, третью партию, не утруждая себя изобретением оригинального названия. Так появилась Демократическо-республиканская партия, причем подчеркивалось, что это — не возрождение прежней партии под таким названием, а создание новой структуры.

Кампания Тайлера была сосредоточена на аннексионистских планах, прежде всего на присоединении Техаса. Соответственно обвинения по адресу оппонентов (главным из них был кандидат Демократической партии Джеймс Полк) состояли в том, что они саботировали присоединение к США новых территорий. Основной предвыборный лозунг был краток «Тайлер и Техас!» Правда, Полк парировал утверждением, что сам он выступает за присоединение Техаса к США, хотя лишь при определенных условиях (главным из них было разделение этой территории на несколько штатов).

Понимая, что у него нет каких-либо шансов на победу, Тайлер в августе 1844 г. объявил о снятии своей кандидатуры и поддержке Полка.

Уже после выборов уходящий в отставку президент, который так никогда и не стал избранным президентом, фактически по требованию своего преемника Полка вновь представил Конгрессу договор о присоединении Техаса, написав в сопроводительной декларации, что «подавляющее большинство народа и основная часть штатов выступают в пользу немедленной аннексии». В конце февраля 1845 г., фактически

накануне ухода Тайлера со своего поста, Палата представителей, а затем Сенат проголосовали за принятие в США нового штата. Он подписал соответствующий закон 1 марта, за два дня до завершения своих полномочий. 28-й штат был официально принят в союз 29 декабря. Хотя Тайлер был уже не у дел, он рассматривал это событие именно как свою победу.

После ухода в отставку бывший президент отправился в свое имение-плантацию в Вирджинии, которая до этого называлась «Грецкий орех» (*Walnut Grove*), но он ее теперь переименовал в «Шервудский лес» (*Sherwood Forest*) — по имени, взятому из легенды о Робине Гуде, имея в виду, что он, подобно герою английского эпоса, был «поставлен вне закона» — лидерами Партии вигов.

Своей плантацией, на которой были заняты несколько десятков рабов, он занимался серьезно, вникал в хозяйственные детали и получал хорошие урожаи хлопка. Его соседи, в основном сторонники вигов, в качестве «шуточки» избрали бывшего президента, на «ответственную должность» смотрителя местных дорог. Джон, однако воспринял эту работу серьезно и стал прилагать усилия, чтобы как-то улучшить коммуникации между плантациями. Не раз он обращался к соседям с предложениями и даже требованиями о пожертвовании средств на ремонт дорог в графстве Чарльз. Результаты были мизерными. Соседи даже потребовали ухода Тайлера с должности, но он от этого отказывался, пока не истек двухгодичный срок.

В конце 1850-х гг. в связи с обострением отношений между северными и южными штатами, участвовавшими в неповиновении негров в Вирджинии стали создаваться добровольные отряды рабовладельцев с целью предотвращения и возможного подавления бунтов и вмешательства северян в дела штата. Тайлер был избран командиром одного из таких отрядов, состоявшего из его соседей и их родственников. Его стали называть капитаном.

В феврале 1861 г., накануне начала Гражданской войны, бывший президент вновь занялся политикой в масштабе, более широком, чем местные инициативы. Он принял участие в «мирной конференции», состоявшейся в Вашингтоне. На конференции преобладали северяне, и Тайлер голосовал против всех ее резолюций, которые считал неприемлемыми для рабовладельческих штатов, так как они существенно ограничивали права владельцев рабов. Вслед за этим он был избран членом Конгресса Конфедерации, провозгласившей отделение южных штатов от союзного государства. В заседаниях сепаратистского Конгресса он участвовал недолго.

После отставки его здоровье ухудшилось. Он страдал частыми простудами, а зимы нередко почти полностью проводил в постели. 12 января 1862 г. во время очередной простуды ему стало плохо, и он потерял сознание. Правда, через несколько часов врачам удалось привести его в чувство, но общее состояние оставалось тяжелым. 18 января Джон Тайлер скончался. Доктора констатировали, что смерть произошла от «удара в мозг».

Согласно завещанию, Тайлер был похоронен под флагом Конфедерации. Это был единственный бывший президент США, над чьим гробом не был установлен флаг США. Он был похоронен в городе Ричмонде (Вирджиния) недалеко от могилы президента Монро.

Именем Джона Тайлера названы несколько местностей в южных штатах. Среди них город Тайлер в Техасе, получивший свое наименование в знак признания заслуг президента в присоединении Техаса к США.

Основные издания:

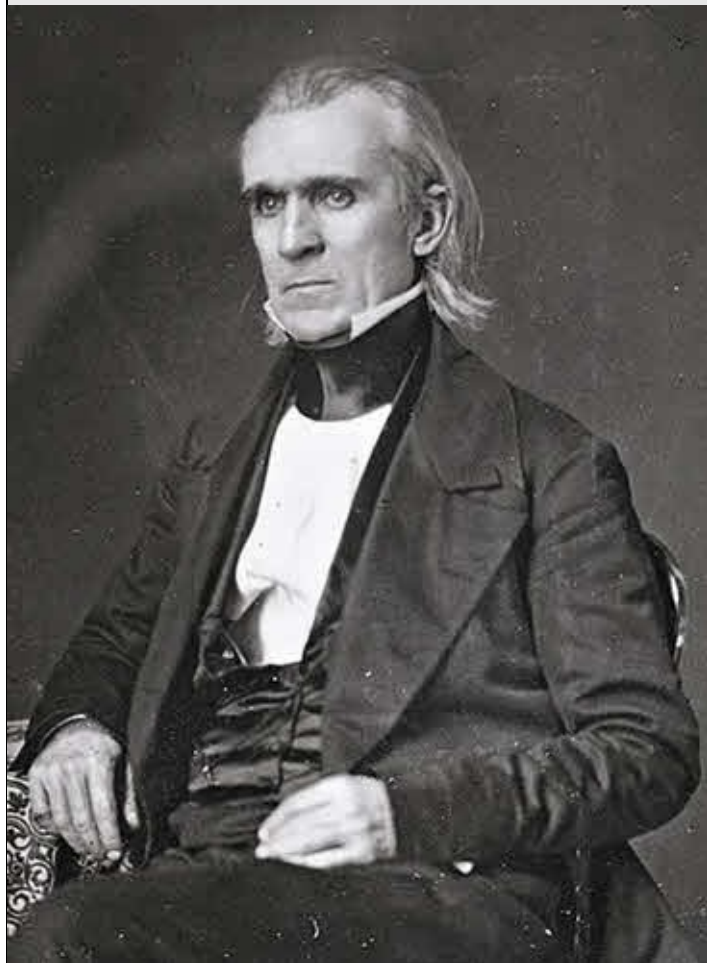
Crapol E. John Tyler, the Accidental President. Chapel Hill, 2006.

Morgan R. A Whig Embattled: The Presidency Under John Tyler. Lincoln, 1954.

Monroe D. The Republican Vision of John Tyler. College Station: Texas, 2003.

ДЖЕЙМС ПОЛК

2 ноября 1795 — 15 июня 1849

11-й президент:

4 марта 1845 — 4 марта 1849

Одиннадцатый президент США остался и в исторической литературе, и в национальной памяти одним из самых успешных руководителей страны, имея в виду, что почти всех целей, которые он ставил перед собой и своим правительством, ему удалось добиться. Главным же его

достижением считают значительные территориальные приобретения, а также признание США в качестве мировой державы.

Джеймс Нокс Полк (*James Knox Polk*) родился в крохотной деревянной хижине в местечке Пайнвилл (штат Северная Каролина) в семье фермера Сэмюэля Полка, который со временем стал более обеспеченным, приобрел крупные земельные участки и даже стал рабовладельцем. Предки Полка эмигрировали в Америку в конце XVII в. с Британских островов. Семья имела смешанное шотландско-ирландское происхождение. Если матушка Джеймса была ревностной пресвитерианкой, то отец объявлял себя деистом, выражая сомнения в истинности христианских догматов вообще. Это привело к тому, что во время крещения Джеймса (он был первым ребенком в семье, за ним последовали еще девять братьев и сестер) отец отказался назвать себя человеком, принадлежавшим к христианской религии, священник, в свою очередь, отказался проводить обряд, и только энергичное вмешательство матери, убедившей служителя, что она — искренняя верующая, позволило завершить крещение. Именно влияние матери в детстве и юности было решающим: ее старший сын всю жизнь придерживался строгой ортодоксии, принципов самодисциплины, честного труда, индивидуализма, веры в несовершенство человеческой природы, которую можно улучшать, но добиться полного успеха невозможно.

В 1803 г. семья переселилась в штат Теннесси, где продолжала заниматься фермерством. Сэмюэль, хотя у него не было юридического образования (и вряд ли было какое-либо систематическое образование вообще) был избран судьей графства и стал активно заниматься местной политикой. В его доме побывали многие политики, в том числе Эндрю Джексон, являвшийся в то время членом Конгресса. Сэмюэль, а за ним Джеймс стали приверженцами «джексоновской демократии».

В детстве Джеймс постоянно болел и физически был слабым ребенком. Однажды у него образовались камни в мочевом пузыре, доставлявшие тяжкие страдания. Отец повез мальчика в дальний путь — к знаменитому доктору в Филадельфию, но в дороге боли стали настолько невыносимыми, что поездку пришлось прервать и провести операцию у случайного врача, даже без анестезии. Операция вроде бы прошла успешно, боли прекратились, но не очень квалифицированный хирург, видимо, что-то повредил, и в результате Джеймс потерял возможность иметь в будущем детей.

Отец хотел, чтобы его дети, прежде всего старший, занялись сельским хозяйством и стали его достойными наследниками. Джеймс, однако, стремился к учебе. Отец, скорее всего по настоянию матери, оплатил учебу

в религиозной школе, находившейся поблизости, где его сын вскоре стал одним из первых учеников. Затем была учеба в Академии Брэдли в городе Мерфрисборо, а в 1816 г. уже взрослый Полк стал студентом университета Северной Каролины в городе Чепел-Хилл, который считался одним из лучших учебных заведений Америки. Вскоре он стал членом Диалектического общества, которое не носило философского характера, а было клубом ораторского искусства. Через некоторое время проявивший способности в ведении диспутов Полк стал его президентом. Оно собиралось еженедельно, причем обсуждались в основном текущие проблемы. Усвоив университетский курс быстрее, чем обычно, Полк в 1818 г. завершил высшее образование.

Он возвратился в Теннесси, обосновался в столице штата Нашвилле, где стал практиковаться в юридическом ремесле, работая помощником у одного из местных адвокатов. В июне 1820 г. Джеймса приняли в юридическую коллегию, причем первым его делом стала защита собственного отца, обвиненного в устройстве драки в публичном месте. Путем переговоров с истцами был достигнут компромисс: Сэмюэля приговорили к штрафу в один доллар.

По существу, ведение мелких юридических дел явилось стартом политической карьеры, к которой Джеймс стремился со студенческих лет. Отлично понимая, насколько ценятся в молодой республике, тем более в пограничном штате, военные заслуги, энергичный молодой человек записался в милицию штата, стал капитаном кавалерийской части, приобрел командирскую хватку, за что подчиненные даже дразнили его Наполеоном.

В 1823 г. 28-летний юрист был избран в Палату представителей штата Теннесси, причем мемуаристы обращали внимание, что во время избирательной кампании он широко пользовался таким убедительным средством агитации, как угощение спиртными напитками местных фермеров и ремесленников.

В начале 1824 г. после полутора лет ухаживаний Джеймс Полк женился на Саре Чайлдресс, дочери плантатора и торговца землей, с которой был знаком еще с детства. Хотя у супружеской пары не могло быть детей, их семейная жизнь сложилась удачно и способствовала его карьере: наблюдатели сообщали, что Сара помогала супругу в подготовке его выступлений и организации встреч. Она даже произвела впечатление на Эндрю Джексона, который как-то заметил, что она была «хорошенькой, амбициозной и умной». Можно полагать, что близкое знакомство Джексона с семьей Сары (она называла его дядя Эндрю) оказало влияние как на

политическую ориентацию Джеймса, так и на быстрое развитие его карьеры.

В том же 1824 г. в Палате представителей Теннесси разгорелись жаркие дебаты по поводу выдвижения представителя в Сенат США (напомним, что тогда сенаторов избирали законодательные органы штатов, а не избиратели). Полк энергично выступал в пользу Джексона и сыграл определенную роль в избрании последнего. А Джексон, уже взвешивавший свои шансы стать президентом, рассматривал сенатский пост как необходимый для того, чтобы дополнить свою военную славу опытом государственного деятеля. Так начал развиваться политический союз с Джексонем, переросший затем в личную дружбу. Дело дошло до того, что, называя Джексона Старым гикори, пресса подчас упоминала вместе с ним Молодого гикори — Полка.

На выборах в Палату представителей Конгресса США, проходивших в 1825 г., Полк выдвинул свою кандидатуру в качестве представителя Демократической партии и участвовал в агитации столь страстно, что родные даже опасались за его здоровье. В результате он добился победы, став в конце года депутатом.

Перебравшись в столицу, Полк сразу же проявил себя энергичным законодателем и столь же яростным сторонником Джексона, которого открыто называл своим учителем. Молодой конгрессмен часто брал слово. Начал он с критики не только администрации, но и некоторых конституционных основ. В частности, Джеймс выступил против функционирования избирательных коллегий при выборах президента, считая, что глава исполнительной власти должен избираться прямым голосованием. Его предложение не было поставлено на рассмотрение, но известие о молодом депутате, пытающемся сломать некие базовые принципы государственного устройства, причем на явно прогрессивной основе, распространилось по стране. Полк получил общеамериканскую известность.

Его позиции еще более упрочились во время и после президентских выборов 1828 г. Во время кампании он выступал в качестве советника Джексона, а после прихода Джексона к власти стал одним из наиболее лояльных и энергичных защитников его политики в Конгрессе. Фактически Джеймс оставался советником Джексона и в период его президентства. Журналисты утверждали, что он даже писал некоторые тексты выступлений президента и обоснования его вето законов. Правда, сам Полк отрицал эти факты, но анализ стиля некоторых заявлений Белого дома показывает, что в отдельных случаях без конгрессмена дело не обошлось.

Полк был одним из главных союзников Джексона в его «банковской войне», о которой мы уже писали в соответствующем очерке. Возглавляя Комитет по финансовым средствам, Полк инициировал расследование деятельности Второго банка, в результате которого пришел к выводу, что этот банк препятствует правильному расходованию государственных средств, и предложил его закрыть. Правда, на этот раз председатель комитета оказался в меньшинстве, и банк сохранился, но Джексон наложил вето на акт о его деятельности, которое законодатели не смогли преодолеть. «Банковская война» способствовала росту популярности Джексона, его переизбранию в 1832 году. А вместе с тем росло и влияние Полка.

В июне 1834 г., когда ушел в отставку спикер Палаты представителей Эндрю Стивенсон (он стал послом в Великобритании), Полк выставил свою кандидатуру на пост руководителя нижней палаты, но избран был другой депутат. Когда же в декабре 1835 г. собрался новый Конгресс, Полк повторил свою попытку, и на этот раз добился успеха. Большинство историков, исследующих этот период, согласны в том, что председательство Полка в нижней палате было важным условием проведения ряда мероприятий Джексона и его преемника Ван Бюрена.

Не всегда эти усилия были успешными. Не удалось, например, провести совместными усилиями спикера и президента реформу государственных финансов путем создания специального органа, который занимался бы всеми денежными делами правительственных учреждений. Тщательно подготовленный при участии Полка проект закона о создании «независимой казначейской системы» в палате не получил поддержки (такая система была введена только в 1840 г.).

Экономические трудности 2-й половины 1830-х гг. привели к падению влияния Демократической партии и усилению вигов. Полк с трудом был переизбран спикером в декабре 1837 г., но к этому времени у него уже созрели президентские амбиции, тем более он предполагал, что скорее всего проиграет на следующих выборах Палаты представителей, которые проводились каждые два года. Кроме того, никогда ранее руководители нижней палаты не выдвигались на президентский пост. Все эти обстоятельства обусловили решение Джеймса Полка не выдвигаться в Конгресс в 1839 г., а попытаться стать губернатором Теннесси.

Естественно, возвращение в родной штат известного федерального деятеля, руководителя Палаты представителей, близкого к президентам Джексону и Ван Бюрену, воспринималось как сенсация. Полк сразу же выступил за «очищение» штата от «порочной» политики вигов и их руководителя Ньютона Кэннона, который занимал пост губернатора и

собирался его сохранить на третий срок на очередных выборах. Полк сразу был признан главой демократов в Теннесси и их естественным кандидатом на губернаторский пост.

Проведя успешную кампанию, объездив чуть ли не все населенные пункты штата, Полк выиграл выборы 1 августа 1839 г. Одновременно Демократическая партия победила при избрании легислатуры штата и добилась того, что всеми тремя представителями от Теннесси в Палате представителей США стали демократы.

Согласно Конституции штата, власть губернатора была ограниченной. Он не имел права вето, его администрация была небольшой по численности и скупо финансировалась. Но цель Полка выходила далеко за пределы штата. На этом посту он продолжал чувствовать себя не местным, а федеральным политиком, а губернаторский пост рассматривал в основном как стартовую площадку для будущей борьбы за президентство.

Казалось, что его надежды станут тщетными, так как губернатор Полк не добился существенных успехов. Его проекты местных законов, связанных с улучшением банковской системы, строительством дорог и развитием народного образования, были отвергнуты легислатурой. Единственным существенным достижением был тот факт, что на очередных выборах в Сенат США два виги были заменены демократами. Полку-губернатору явно мешало сохранение неблагоприятной экономической ситуации в родном штате, как и по всей стране.

Постепенно терявший авторитет в штате Полк проиграл губернаторские выборы 1841 г., а затем и два года спустя. Он вновь занялся адвокатской практикой, но сохранял тесные связи со столичными политиками-демократами, с членами Конгресса и был полон решимости вновь заняться общенациональными делами.

Когда же стала разворачиваться президентская кампания 1844 г., съезду демократов были представлены различные кандидатуры, ни одна из которых не смогла собрать необходимого большинства для номинации. Один тур голосования следовал за другим. Делегаты отвергали выдвигаемые кандидатуры, считая их недостаточно решительными в вопросе о присоединении Техаса к США. Именно эта проблема рассматривалась тогда как наиболее острая. В этих условиях Полк выдвинул свою кандидатуру, опираясь на несколько заявлений, сделанных в его пользу отставным президентом Джексон, с которым перед этим встретился. Получив поддержку своей партии, кандидат вступил в сражение со столь опасным противником, как лидер вигов Генри Клей.

Свою предвыборную кампанию Полк построил на необходимости

дальнейшей решительной экспансии путем окончательного закрепления Техаса за США, обеспечения господства над побережьем Тихого океана путем включения в США территории Орегона и приобретения огромной Калифорнии. Последняя пока что принадлежала Мексике, но значительная часть ее населения и местные политики явно тяготели к США. Эти экспансионистские цели дополнялись требованиями создания независимой казначейской системы, понижения налогов и таможенных пошлин. Полк, подобно Джексону, провозглашал себя сторонником ограниченного правительства, «империи свободы», широких прав штатов.

В свою очередь опытный политик Клей доказывал, что дальнейшая экспансия может привести к войне с Великобританией или Мексикой, а возможно и с обеими странами, что окажется катастрофой для США. Он сосредоточил внимание на защите национальной промышленности, в частности путем высоких таможенных тарифов. Хотя в целом виги защищали интересы бизнеса, они разделились по вопросу о рабовладении: южане защищали распространение этой системы на Запад, северяне выступали за полный запрет рабства в новых штатах.

Проводившиеся в ноябре — начале декабря 1844 г. выборы показали политическое разделение нации между экспансионистами и сторонниками мирного, спокойного развития страны почти пополам, ибо в аргументации обеих сторон были элементы как соответствовавшие самым широким настроениям, так и противоречившие им. Сам Полк весьма сомневался в том, что сможет добиться победы. Полк получил всего лишь на 40 тыс. голосов больше, чем Клей: разница составляла менее 1,5 %. В коллегии выборщиков за Полка проголосовали 170 человек, за Клея — 105. Результаты выборов были парадоксальными в том отношении, что Полк, впервые в истории американского президентства, проиграл выборы не только в штате, где официально проживал — в Теннесси, но и в Северной Каролине, где он родился. Зато он вышел победителем в таких важнейших штатах, как Нью-Йорк и Пенсильвания. Если бы Клею удалось овладеть Нью-Йорком, в котором он пользовался ранее большим авторитетом, он стал бы президентом. Наблюдатели полагали, что Клей просто «надоел» ньюйоркцам своей осторожностью.

Так или иначе, именно Полк в марте 1845 г. принес клятву в качестве главы исполнительной власти. Ему еще не исполнилось 50 лет, и он стал самым молодым президентом США. Техника развивалась, и информация об инаугурации нового президента впервые разлетелась по всему миру по телеграфу. Точно так же впервые в мировой печати появились фото, изображавшие это событие.

При формировании кабинета Полк стремился сочетать представительство крупнейших штатов с назначением людей, преданных ему лично и сыгравших активную роль в его избирательной кампании. Деловые качества кандидатов на министерские посты интересовали его в последнюю очередь, так как он намеревался лично определять политику страны. В правительстве были представлены НьюЙорк, Пенсильвания, Вирджиния. Государственным секретарем был назначен Джеймс Бьюкенен из Пенсильвании, влиятельный и амбициозный политик, в то время слабо разбиравшийся в международных делах. Но еще более показательным было назначение историка Джорджа Бэнкрофта, выдвигавшего Полка на съезде Демократической партии, секретарем (министром) военно-морского флота. Разнобой в назначениях привел к тому, что ни одна кандидатура не встретила серьезной оппозиции в Конгрессе и все они были утверждены. Кабинет оставался стабильным на протяжении всех лет президентства Полка. Единственная замена произошла в 1846 г., когда Бэнкрофт, попросивший назначить его на дипломатический пост, был заменен другим, второстепенным, чиновником.

Свое желание решать все дела в Белом доме новый президент не скрывал. Он говорил: «Я намерен сам быть президентом Соединенных Штатов». Свое намерение, как показало ближайшее будущее, он действительно осуществил, проводя по 9—10 часов в день за работой и почти не оставляя столицу для отдыха. Он повторял ту же мысль: «Никакой президент, который верно и сознательно исполняет свои обязанности, не может позволить себе отдых. Я предпочитаю сам наблюдать за всеми действиями правительства, а не доверять общественные дела подчиненным».

Уже в инаугурационной речи Полк поставил задачи, которые он считал важнейшими для своей администрации: включить в состав США всю или часть территории Орегона, приобрести у Мексики Калифорнию с ее удобными гаванями, где создать тихоокеанские порты, сократить таможенные тарифы, воссоздать независимую казначейскую систему, которую ранее попытался основать Ван Бюрен, но которая позже была ликвидирована вигами. Он не упоминал характера своей политики по вопросу о рабстве, но фактически, заявляя о намерении сохранить основные институты, завещанные предшественниками, а затем и политической практикой, проявил себя противником ликвидации основанной на рабстве плантационной системы на Юге.

Уже в первые месяцы пребывания у власти Полк начал реализовывать свои планы. Несмотря на энергичное сопротивление вигов, ему удалось

провести в Конгрессе, правда сравнительно медленно, закон о сокращении тарифов, который позволил значительно расширить внешнюю торговлю, особенно с Великобританией. В США постепенно развивались «таможенные качели» — сокращение тарифов вело, с одной стороны, к активизации торговли, а с другой — к заполнению американского рынка иностранными товарами. Это приводило к повышению пошлин, что сокращало внешнюю торговлю и порождало новое движение за их уменьшение. Эти внешнеторговые «качели» продолжают по настоящее время.

В декабре 1845 г. Полк обратился к Конгрессу с предложением о необходимости создания новой государственной финансовой системы, с тем чтобы правительство «само хранило свои деньги и распоряжалось ими». Был внесен соответствующий законопроект, поддержанный только представителями Демократической партии, по которому с большим трудом удалось собрать голоса, обеспечившие его принятие. Полк подписал закон 6 августа 1846 г. Он предусматривал, что все общефедеральные доходы, прежде всего полученные в виде налогов, будут храниться в специальном здании в Вашингтоне — Доме казначейства, а также в его филиалах в нескольких крупнейших городах. Эта система объявлялась независимой как от федеральных банков, так и от банковских учреждений в отдельных штатах. Так в США была, наконец, основана государственная казначейская система, независимая от частного финансового сектора. Ей было предоставлено монопольное право эмиссии долларов и других государственных ценных бумаг. В этом виде она существовала до 1913 г., когда был принят закон о федеральном резерве.

Однако основное внимание президент Полк уделял неразрывно связанным между собой вопросам территориальной экспансии, военной и внешней политики. Крайне неопределенным оставалось положение Орегона — территории на западном побережье, на которую претендовала, помимо США, Великобритания, а на некоторые ее части также Россия и Испания. Постепенно, правда, последние две страны отказались от своих требований. С англичанами же представители Полка начали переговоры, которые то прерывались, то возобновлялись, причем подчас английские делегаты даже угрожали войной. Эти угрозы рассматривались в Лондоне действенными, так как США находились в опасности и на южной границе, где назревала война с Мексикой.

Полк, однако, решительно отверг британские требования арбитража, заявив, что готов к военным действиям, как на юге, так и на севере, и внес в Конгресс проект резолюции, отвергавшей планы совместной американо-

британской оккупации Орегона. Граница между США и Канадой провозглашалась проходящей по 49-й параллели. Конгресс принял резолюцию уже 27 апреля 1845 г., причем за нее голосовала и часть вигов.

Как оказалось, воинственные заявления англичан имели показной характер. Лондон согласился на проведение границы без дальнейших переговоров и арбитража. 15 июля 1846 г. Сенат США утвердил англо-американский договор о границе в районе Орегона. Против голосовала незначительная группа крайних экспансионистов, которые требовали, чтобы территория США на западном побережье была расширена до границ русской Аляски. Орегонский договор предусматривал проведение границы по 39-й параллели, правда, остров Ванкувер целиком оставался за Великобританией, но судоходство по каналам и проливам в этом регионе было открыто для обеих сторон.

Между тем подготовка и реализация присоединения Техаса к США привели к серьезному военному конфликту с соседней Мексикой. При этом Полк не только не стремился погасить конфликт, но, будучи убежденным в решающем военном превосходстве США, стимулировал войну. В июне 1845 г. генералу Закари Тейлору, ставшему к этому времени известным военачальником, был вручен секретный президентский приказ выйти на границу Техаса с Мексикой с 4-тысячной армией, а в Мексиканский залив была отправлена военная эскадра. 8 марта 1846 г. Тейлор вступил на мексиканскую территорию, а 23 апреля Мексика объявила войну США. В ответ на это объединенное заседание палат Конгресса по предложению президента, в свою очередь, приняло резолюцию об объявлении войны соседней стране. Если вначале против войны высказались 67 представителей вигов, то при завершающем голосовании таковых осталось только 14. Милитаристско-патриотический курс Полка одерживал вверх. 13 мая США объявили войну Мексике. Тейлору было приказано перейти реку Рио-Гранде и начать наступление на Мехико. Численность мексиканской армии была примерно в четыре раза меньше, чем американской, причем войска Мексики состояли в основном из индейцев, хорошо владевших холодным оружием, но почти не имевших оружия огнестрельного. Флоту США Мексика вообще ничего не могла противопоставить.

В этих условиях война по существу свелась к постепенному захвату американцами новых территорий как к югу от Техаса, так и на западном побережье, в районе Калифорнии, где действовали в основном военные корабли США, с которых высаживались десанты.

Правда, против американских войск выступили не только регулярные мексиканские части. В ряде районов, захваченных США, произошли

крестьянские восстания. Однако они были разрозненными и их быстро подавили.

Тем временем между властями Республики Техас и США завершились переговоры о присоединении. Договор был одобрен Сэмом Хьюстоном, который уже прекратил исполнение функций президента Техаса, но оставался фактическим лидером этой псевдонезависимой страны, а затем и Конгрессом Техаса. В декабре 1845 г. Полк подписал резолюцию Конгресса США о присоединении Техаса, который стал 28-м штатом.

Между тем война против Мексики продолжалась с явным преимуществом США, хотя в некоторых сражениях американцы терпели поражения. В целом же мексиканские войска были деморализованы и в сентябре 1847 г. оставили столицу страны Мехико. Продолжалась, правда, партизанская война, но в целом исход кампании был определен. 2 февраля 1848 г. в мексиканском городе Гваделупе-Идальго был подписан мирный договор. Он предусматривал так называемую «уступку», по которой Мексика передала США около 1,4 млн км² территории в обмен на 15 млн долларов США — сумму смехотворную^[4]. Мексика признала аннексию США территорий современных Техаса и Калифорнии. Некоторые «уступленные» районы были включены в другие штаты.

Американские политики на протяжении нескольких лет напряженно дебатировали вопрос о рабстве на новых территориях, в результате чего был достигнут компромисс 1850 г., признававший только Калифорнию штатом, свободным от рабства.

Территориальные приобретения, осуществленные при Полке, составили более половины территории современных США. На этом экспансия США на континенте почти завершилась. В будущем страна расширится в Северной Америке только за счет приобретения Аляски у России (и крохотной полоски земли у Мексики), а вне континента — путем завоевания колоний, из которых только одна — Гавайский архипелаг — в отдаленном будущем станет частью США в виде отдельного штата.

На фоне столь грандиозных территориальных приобретений другие мероприятия Полка в области внутренней и внешней политики представлялись незначительными. Президент инициировал создание нового центрального ведомства — Департамента внутренних дел (*Department of the Interior*), образованного в последние дни его правления. Это министерство сильно отличалось от европейских ведомств с тем же названием, которые относились к силовым и отвечали главным образом за внутренний порядок. Американское министерство ведало

государственными землями и национальными ресурсами, а также делами, связанными с коренными американцами (в будущем ему также отойдут вопросы населения заморских территорий). Во внешних делах наблюдатели отметили установление консульских связей с Ватиканом.

Еще до выборов Полк неоднократно заявлял, что президент США должен избираться только на один срок, а заняв должность, подчеркнул, что намерен на своем примере показать достаточность этого срока для решения важных вопросов. Связанный этим обязательством, Полк, еще сравнительно молодой политик, отказался баллотироваться на второй срок.

По возвращении в Теннесси Полк собирался заняться сельским хозяйством и просветительской деятельностью, однако пал жертвой начавшейся эпидемии холеры. Он скончался в Нашвилле в своем доме, получившем название Полк-плейс. Его супруга пережила его на 42 года — она скончалась в 1891 г. Оба супруга похоронены на кладбище Капитолия своего штата.

Несмотря на то что он находился у власти один срок и руководил страной при ожесточенном сопротивлении вигов, Джеймс Полк по праву относится к числу самых успешных президентов страны, деятелем, до предела работоспособным и активным, главным достижением которого было закрепление США не только как ведущей державы Американского континента, но и великого мирового государства.

В память о президенте выпущены почтовые марки и монеты, его имя присвоено улицам в ряде городов. Фермерская хижина, в которой родился Полк, и дома, где он жил в штате Теннесси, стали популярными музеями.

Основные издания:

Bomeman W. Polk: The Man Who Transformed the Presidency and America. New York, 2008.

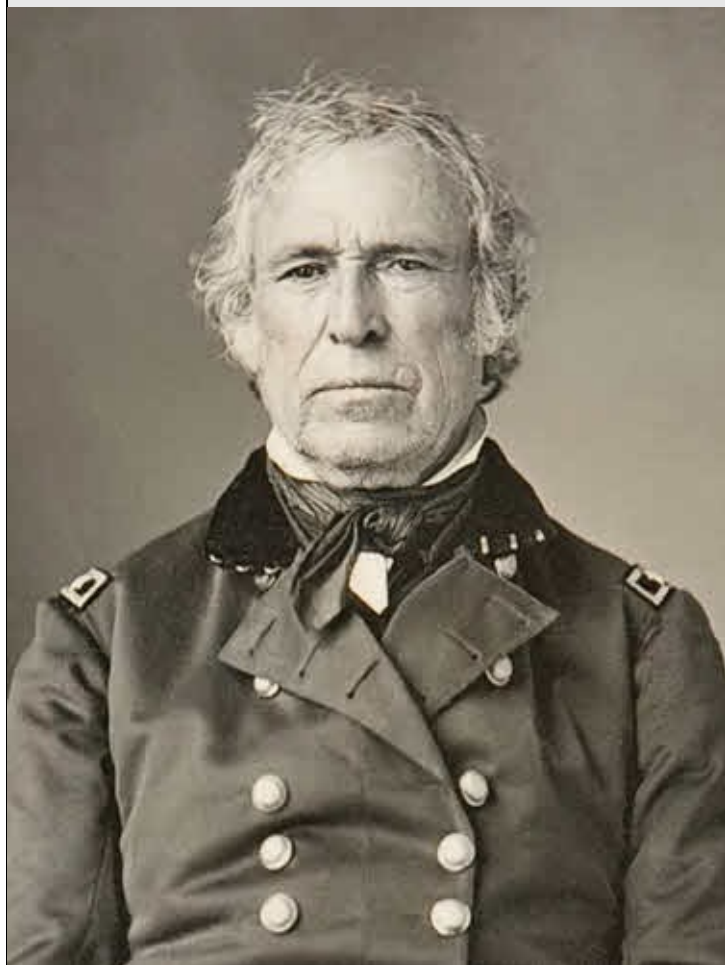
Dusinberre W. Slavemaster President: The Double Career of James Polk. New York, 2003.

Leonard Th. James K. Polk: A Clear and Unquestionable Destiny. Wilmington, Delaware, 2000.

Seigenthaler J. James K. Polk. New York, 2004.

ЗАКАРИ ТЕЙЛОР

24 ноября 1784 — 9 июля 1850

12-й президент:

4 марта 1849 — 9 июля 1850

Генерал Закари Тейлор (*Zachary Taylor*), не обладавший никаким политическим опытом, не имевший гуманитарного образования и никогда не занимавший выборных постов, не мог предположить, что он станет президентом США. В определенном смысле это был случайный президент,

оказавшийся на высшем посту в результате патриотического угара от победы в войне с Мексикой, в которой он сыграл значительную роль.

Закари родился в семье плантатора из графства Ориндж (Вирджиния) Ричарда Тейлора. Он был третьим из выживших пяти сыновей. Считая, что на западных рубежах страны он сможет вести более прибыльное хозяйство, Ричард Тейлор вскоре после рождения третьего сына перебрался на территорию Кентукки, на реку Огайо, где купил обширную плантацию. На плантации использовался рабский труд.

Закари получил в основном домашнее образование, в школу он почти не ходил. Мать научила его читать и писать, выполнять арифметические действия. Упоминают, правда, некие учебные заведения, которые вроде бы посещал мальчик. Отмечался и его «быстрый ум». Но по разным причинам, скорее всего потому, что систематического образования эти школы не давали и родители предпочитали домашнее обучение, посещение учебных заведений быстро заканчивалось. Закари так и не овладел правописанием, и, будучи военачальником и президентом, писал с грубыми грамматическими ошибками. Современники отмечали, что и писал-то он с большим трудом, тщательно выводя каждую букву. Тем не менее читать его рукописи было очень трудно.

Трудовая деятельность Тейлора началась на плантации отца, на которой он вместе с братьями руководил отдельными участками, во многих случаях сам работая на хлопковом поле. Вместе с тем еще с раннего возраста отец соответственно своим навыкам приучал его к строгой дисциплине, владению оружием, верховой езде, умению командовать людьми. Закари не читал военную литературу, впрочем, он и вообще книг почти не читал. Похоже, что к этому занятию он не только не привык, но оно было для него затруднительным. Знаниями по военной истории он не обладал, о прошлых войнах знал из рассказов родных.

А среди родственников были люди выдающиеся. Одним из них был будущий президент Мэдисон, который иногда появлялся в имении. Мечтая о военной карьере, Закари в 1809 г., за год до избрания Мэдисона на высший пост, попросил его помочь ему попасть на какую-нибудь должность в армии, и в мае того же года 24-летний плантатор, не имевший ни военного образования, ни боевого опыта, был зачислен в 10-й пехотный полк сразу в звании старшего лейтенанта. По другим источникам, это произошло 3 мая 1808 г. и полк был не 10-м, а 7-м. Рекомендую его, Мэдисон сослался на слабость американской армии в условиях военной тревоги, связанной со столкновениями с англичанами, предшествовавшими американо-британской войне, и на то, что его протеже имеет перспективы

роста.

Закари был направлен в один из военных лагерей в районе Нового Орлеана. Лагерь плохо снабжался, солдаты и офицеры часто болели. Служба не была в полном смысле слова регулярной. Впрочем, молодой офицер смог овладеть первичным военным опытом, навыками командования. Армейская служба все больше ему нравилась. Но он также покупал и продавал ценные бумаги и даже приобрел небольшое имение, к которому позже прибавил новые земли. Плантация стала со временем значительной, на ней работали около двухсот рабов. Основным товаром, который на ней производился, был сахар.

В июне 1810 г. Закари женился на Маргарет Смит, с которой познакомился за год до этого, приехав на отдых и лечение в Луисвилл. Маргарет происходила из семьи военного, участника Войны за независимость и своим воспитанием вполне подходила тому милитаристско-дисциплинарному духу, который был органически свойствен ее мужу. В браке родились пять дочерей и один сын, который станет генералом армии конфедератов, а после войны напишет интересные воспоминания.

В ноябре 1810 г. Тейлор получил звание капитана, а летом следующего года его направили в Индиану, где он возглавил Форт-Нокс (его предшественник просто сбежал, растратив казенные деньги). Теперь, оказавшись в положении относительно независимого командира, Тейлор впервые проявил свои командные качества. Он быстро навел порядок в форте, установил жесткую дисциплину. Посетивший форт губернатор территории Уильям Гаррисон с оттенком удивления высказал одобрение действиями нового командира.

Когда в 1812 г. началась война с Великобританией, Тейлору было поручено командовать частями, которые сначала отбивались от союзных англичанам индейских племен, а затем перешли в наступление. Летняя кампания 1812 г. принесла ему первую, хотя и ограниченную победу над англичанами и их союзниками-индейцами. Командование оценило храбрость Тейлора и его солдат: не прослужив еще положенного срока в капитанском звании, он получил временное звание майора. Это был, как считают военные историки, первый опыт присвоения временного, более высокого, звания за заслуги в условиях войны. Позже такая практика получит широкое распространение.

В следующие месяцы Закари принял участие в военных действиях на западных границах США, в основном в качестве помощника генералов Сэмюэля Гопкинса и Бенджамина Говарда. Он проявил храбрость и умение

руководить солдатами в боевой обстановке, особенно во время боя в ноябре 1812 г. в районе Уилд-Кэт-Крик, недалеко от Форт-Нокса. После этого в районе форта наступило успокоение, и Тейлор даже забрал сюда свою семью.

Постепенно за Тейлором закрепилась слава удачливого командира. В 1814 г. он даже заменил заболевшего генерала Говарда в экспедиции вверх по Миссисипи, завершившейся успешным боем в районе острова Кредит, в котором сражение велось не только с индейцами, как до этого, но и с регулярными британскими частями. Правда, вслед за этим он был вынужден отступить, так как силы противника оказались значительно крупнее, чем он предполагал. Это, однако, не повлияло на репутацию Тейлора.

По окончании войны Тейлор был уволен в отставку, но по его просьбе через год был восстановлен в армии и теперь уже в звании майора на постоянной основе. Военная служба продолжалась в относительно мирное время — относительное потому, что почти непрерывно вспыхивали мелкие восстания индейских племен, которые жестоко подавлялись, в чем Тейлор активно участвовал.

В течение двух лет Тейлор командовал крупным Форт-Говардом на территории Мичигана. В апреле 1819 г. ему было присвоено звание подполковника, причем он, несмотря на еще не очень высокое звание, считался перспективным военным и даже приглашался на прием к президенту Монро. Затем последовали новые назначения, в основном связанные с продвижением на запад, созданием новых военных постов, а затем и укрепленных фортов. Несмотря на то что Закари был военным практиком, а в теории разбирался слабо, в 1826 г. он был вызван в Вашингтон и включен в состав комитета, разрабатывавшего основы строительства и организации вооруженных сил США. По всей видимости, ни он, ни его начальство не были удовлетворены тем, как вел себя мало разбиравшийся в теоретических вопросах военный. Ему же просто было скучно в столице, он стремился вернуться «на поле действия». В 1828 г. Тейлору это удалось, и он возглавил Форт-Кроу в Мичигане. К 1838 г. сопротивление индейцев было в основном подавлено, и Тейлор, который к этому времени стал полковником, сыграл в этом немалую роль.

В середине 30-х гг. Тейлор попытался воспрепятствовать браку своей 17-летней дочери Сары с лейтенантом Джефферсоном Дэвисом, амбициозным молодым человеком, которому позже предстояло стать президентом южной Конфедерации во время Гражданской войны 1861–1865 гг. Он хорошо относился к лейтенанту, но считал, что быть женой

военного — нелегкая судьба для молодой женщины. После четырех лет споров Сара все же вышла замуж за Дэвиса. Но брак был недолгим — Сара скончалась всего через три месяца от малярии — болезни, распространенной на проходившей через дикие места западной границе. Для полковника это была серьезная потеря, которую он встретил, как полагалось, по его мнению, солдату — своих чувств он никак не проявил.

В 1838 г. Тейлор получил наконец генеральское звание. Новый бригадный генерал был назначен командующим американскими войсками во Флориде, где продолжил наводить порядок жесткой рукой, преследуя любое неповиновение индейцев и изгоняя их племена с территории полуострова. Он получил характерное прозвище *Old rough and ready*, которое можно лишь приблизительно перевести как Старый, но верный грубиян. Видимо, прозвище верно отражало основные черты нашего персонажа.

В преддверии аннексии Техаса Тейлор в апреле 1844 г. был направлен в Форт-Джезуп в Луизиане, где должен был подготовить войска к возможному мексиканскому вторжению, став командующим всеми американскими войсками в этом важном регионе. Были и генералы более высокого ранга, которые могли занять этот пост, но президент Полк избрал именно Тейлора, зная, что он не поддерживает связей с вигами и декларирует свою аполитичную позицию.

Ему удалось быстро привести войска в боевую готовность, а вслед за этим он получил приказ президента разместить свои части «на или вблизи от реки Рио-Гранде», то есть, по представлению властей США, на границе между квазинезависимым Техасом и собственно Мексикой. Уже это означало начало военного конфликта, так как мексиканское правительство считало, что граница проходит не по Рио-Гранде, а значительно севернее — по реке Нуэсес. Тейлор вторгся на спорную территорию, откуда был готов начать наступление вглубь Мексики. Он даже назвал свои силы «армией оккупации» (*Army of Occupation*).

Когда в мае 1846 г. война действительно началась, Тейлор почти сразу одержал победу в боях в районе Ресака де ла Пальма, хотя численно мексиканские войска в этом районе значительно превосходили его силы. Эта победа сразу превратила его в национального героя, тем более что в прессе весьма колоритно описывалось гуманное обращение генерала с пленными мексиканцами. Его начали сравнивать с Дж. Вашингтоном и Э. Джексоном — двумя военными, которые во многом благодаря своим победам на поле боя заняли президентские посты. Уже в июне последовало новое повышение — до генерал-майора.

Переведенный на западное побережье, Тейлор и там добился новых побед. Особо значительной была битва в районе Буэна-Виста. Мексиканский генерал в том районе Антонио Санта-Анна располагал армией в 20 тыс. человек, тогда как у Тейлора было всего 6 тыс. солдат и офицеров. Тем не менее он не отступил, хотя президент Полк специальным приказом дал ему на это право. Вступив в бой, он добился полной победы. При этом Тейлор, научившись определенному искусству представлять ход событий в выгодном для себя свете, скрыл от своего начальства, от прессы и политиков, что Санта-Анна располагал мало подготовленными силами с устаревшим вооружением. В то же время Тейлор многократно заявлял, как он горд тем, что добился победы над генералом, которого называли «Наполеоном Запада», хотя на самом деле у этого деятеля, который ранее был президентом Мексики, а позже вновь станет во главе этого государства, было немало чисто авантюристических черт.

Народного героя стали избирать почетным членом всевозможных патриотических обществ, которые прочили ему политический успех. Президент Полк стал высказывать опасение, что успешного генерала могут использовать политические противники, имея в виду его крайнюю общественную неопытность и в то же время растущее самомнение. Опасаясь новых военных побед генерала, Полк отозвал его из районов военных действий, назначив командующим всеми войсками США на Западе.

Сложившейся ситуацией воспользовались виги, которые попытались прибегнуть к помощи популярного генерала, тем более что он, по-прежнему отстаивая свой независимый статус, все же подчас высказывался по политическим вопросам. Обращали внимание, что, выступая за сохранение рабовладельческой системы (он продолжал через своих родных вести плантационное хозяйство, используя рабский труд), он считал непрактичным распространять рабовладение на новые, западные территории, где трудно было производить как хлопок, так и сахар — основные продукты южных плантаций. Он считал, что при всех противоречиях между севером и югом раскол страны не только нежелателен, но приведет к катастрофе. Другие его высказывания, в частности по экономическим вопросам, носили настолько дилетантский характер, а порой были просто малограмотными, что на них просто не обращали внимания.

В среде влиятельных вигов развернулись споры по поводу номинации президента в 1848 г. Многие предлагали вновь выдвинуть Г. Клея, которого называли «великим стариком партии». Однако дважды уже потерпевший

поражение на выборах, Клей был очень ненадежной кандидатурой. Тейлора рассматривали как более перспективного кандидата, причем партийные боссы были уверены, что править при нем будут именно они, имея в виду неопытность кандидата.

На предвыборном съезде вигов в Филадельфии Тейлор получил 111 голосов, тогда как Клей — 97 (были и другие кандидаты, собравшие еще меньшее число). Так виги впервые в истории США выдвинули кандидатом в президенты политически малограмотного человека, к тому же не обладавшего общей культурой, особенно не надеясь на его избрание.

Оказалось, однако, что демократов разделяли в это время внутренние разногласия, которые их резко ослабили. Неспособные выдвинуть авторитетного кандидата, они остановились на маловлиятельном политике из Мичигана Луисе Кассе, который в ходе кампании своими противоречивыми заявлениями ухитрился настроить против себя как сторонников, так и противников рабства. Кроме того, влиятельная организация демократов из штата НьюЙорк поддержала не партийного кандидата, а бывшего президента Ван Бюрена, который выступал как представитель партии Фри сойл (Партии свободной земли), выдвинувшей крылатый, хотя и поверхностный лозунг: «Свободная земля, свободный труд, свободные люди». Правда, на практике и эта сила ратовала лишь против распространения рабства на новые территории, то есть выступала с тем требованием, в пользу которого высказывался Тейлор. Его активно поддержали лишь некоторые лидеры вигов, среди которых был и Авраам Линкольн. Предполагалось, что позиции кандидата укрепит Миллард Филлмор, известный нью-йоркский политик, возглавлявший финансовый комитет в Палате представителей, который был номинирован на пост вице-президента.

Раскол в среде демократов привел к победе Тейлора с небольшим преимуществом. Выборы состоялись 7 ноября 1848 г. Это был первый случай проведения выборов по всей территории США в один день, определенный Конгрессом. Принятое решение гласило, что отныне все президентские выборы будут проводиться в первый вторник после первого понедельника ноября каждого високосного года. С тех пор это правило неуклонно соблюдается по наши дни.

Результаты были следующими. За Тейлора было подано 1,4 млн голосов (47,3 %), и он получил поддержку 163 выборщиков. За Касса голосовали 1,2 млн (42,5 % и 127 выборщиков), за Ван Бюрена 291,5 тыс. (10,1 % и ни одного выборщика). Тейлор был последним президентом, избранным от партии вигов, которая затем стала постепенно терять

влияние и позже прекратила существование.

К удивлению общественности, Тейлор после победы не появился в Вашингтоне, а до конца января следующего года оставался на западном побережье, командуя там войсками. В то же время он с помощью писем, а иногда отправляя своих эмиссаров, сформировал правительство, которое повсеместно признавалось как кабинет умиротворения. В него не был включен ни один из известных вигов. В кабинет вошли три южанина и три северянина, причем ни один из южан не занимал экстремистских позиций. Седьмое и главное место в правительстве — госсекретаря — досталось сенатору Джону Клейтону — из крохотного штата Делавэр, находившегося как раз посередине между Севером и Югом.

Вступив на высший пост в начале марта 1849 г., Тейлор стремился проводить курс сохранения рабовладельческого хозяйства на Юге в сочетании с полным прекращением владения рабами на новых территориях Запада. Ему удалось сохранять добрые отношения с аболиционистами Нью-Йорка, вести дружеские дискуссии с известным в то время борцом за полную отмену рабства сенатором Уильямом Суардом, одним из основателей новой Республиканской партии, которая в центр внимания поставила именно проблему отмены рабства. В то же время бывшему мужу своей скончавшейся дочери Джефферсону Дэвису, становившемуся одним из лидеров наиболее воинственных рабовладельцев, он говорил, что в случае необходимости будет «мечом защищать» существовавший порядок на Юге. Многим такая позиция казалась беспринципной, искусственной, и в значительной степени это было так, особенно имея в виду и то, что Тейлор до президентства не был политиком, и то, что он стал во главе государства благодаря силам, стремившимся к статус-кво.

Политику примирения Тейлор проводил и в отношении индейских племен. В ряде случаев местные инциденты с индейцами вызывали крайнее обострение обстановки в местах расселения племен, в частности во Флориде (где сохранялись семинолы) и Нью-Мексико (где проживало племя навахо). Хотя генералы призывали к жестокому подавлению возникавших бунтов, президент отклонял их требования, настаивая на сохранении мира. Обычно возникавшие конфликты удавалось разрешить, не прибегая к массовым репрессиям.

Столь же умеренный курс, рекомендуемый советниками и министрами, Тейлор проводил во внешней политике. Его правительству удалось заключить несколько договоров с образовавшимися в последние десятилетия центральноамериканскими государствами. Один из них предусматривал строительство канала, на территории Никарагуа, который

соединил бы Атлантический и Тихий океаны. Предполагалось, что сооружение канала будет осуществлено совместно с Великобританией. Проект не был реализован, но породил дискуссии по поводу наиболее удобного района осуществления этого масштабного проекта, который в конце концов привел к созданию Панамского канала.

Внимание многих состоятельных американцев в это время все чаще обращалось на остров Кубу, находившийся всего в 150 км от Флориды. Остров, являвшийся испанской колонией, был богат природными ископаемыми, удобен для создания плантаций сахарного тростника. Зрели идеи проникновения на остров. На самом острове в среде местной элиты также возникло движение за присоединение к США как к стране с более развитой экономикой и большими коммерческими возможностями. В 1850 г. вспыхнуло восстание под руководством губернатора одной из провинций Нарсисо Лопеса, на помощь к ним из Флориды направилась группа американцев, преимущественно военных авантюристов. На юге США развернулось движение за масштабное вторжение на Кубу, но Тейлор, руководствуясь как собственным военным опытом, так и политической ориентацией на умеренность во внешних делах, отказался их поддержать. Восстание было подавлено, а Лопес казнен испанцами. Более того, по распоряжению президента в США было открыто уголовное дело против тех, кто поддерживал Лопеса. Правда, они были оправданы, но сами намерения Тейлора вызвали одобрение испанской монархии, отношения с которой улучшились.

В то же время основное внимание президента было сосредоточено на внутренних противоречиях, связанных со все той же проблемой, которая будоражила страну в течение долгого времени, — вопросом о рабстве на новых территориях. Ситуация сложилась так, что в Палате представителей преобладали сторонники ограничения рабовладения, а в Сенате — его защитники. В результате после окончания войны с Мексикой обе палаты принимали резолюции противоположного свойства, перебрасывая решения одна другой, а в новых штатах и на приобретенных территориях сохранялось военное управление и не создавалась гражданская администрация. Споры шли вокруг так называемого «условия Уилмота» — документа члена Палаты представителей Дэвида Уилмота о выделении средств на новые территории при условии, что на них будет запрещено рабство. Более того, Сенат одобрил документ под названием «Адрес южных депутатов Конгресса своим избирателям», написанный крайним сторонником рабовладения Д. Калхуном, который звучал прямым обвинительным актом по отношению не только к аболиционистам, но и к

выступавшим за ограничение рабства. Все они являлись, по мнению Калхуна и его единомышленников, чуть ли не государственными преступниками.

Политическое положение осложнилось тем, что как раз в это время в Калифорнии были открыты крупные запасы золота и началась «золотая лихорадка», быстро приведшая к огромным потокам переселенцев, хлынувших на эту территорию. Это были в основном свободные мелкие собственники, подчас неимущие, требовавшие быстрейшего провозглашения Калифорнии отдельным штатом, причем свободным от рабства. За один 1850 г. население небольшого поселка Сан-Франциско выросло с 800 до 40-тыс. человек. Возник новый, быстро растущий город.

Давление на президента со стороны калифорнийских политиков и поддерживавшей их основной массы новых жителей было настолько сильным, что Тейлор выразил согласие на включение Калифорнии в США в качестве 31-го штата, свободного от рабства. После нескольких месяцев споров в Конгрессе Палата представителей в 1850 г. приняла соответствующее решение. В ответ Калхун пригрозил отделением южных штатов и провозглашением там самостоятельного государства. Впервые со времени создания США оказались под угрозой распада.

Без непосредственного участия президента, но с его одобрения в Конгрессе был в конце концов выработан так называемый Компромисс 1850 г., инициатором которого стал Г. Клей. Точнее говоря, это была серия компромиссов, частично удовлетворивших интересы как северных, так и южных штатов. Рабство отменялось в Калифорнии, но сохранялось в Техасе и Нью-Мексико. В округе Колумбия (то есть в столице) запрещалась работоторговля, но усиливались меры по розыску и наказанию беглых рабов (в частности, разрешались их поиски в штатах, где рабство было запрещено). Этот пункт компромисса вызвал особое негодование аболиционистов. В то же время Тейлор был удовлетворен решением, позволившим сохранить единство страны. Он приписывал себе активную роль в достижении соглашения, хотя на самом деле являлся только наблюдателем, хотя и весьма заинтересованным в сделке.

Компромисс 1850 г. оказался последним государственным актом, свидетелем которого был Закари Тейлор. Однако подписать соответствующие документы он не успел. 4 июля 1850 г., в день национального праздника — Дня независимости — он принимал участие в публичных торжествах. Погода была очень жаркой. Президент, выступивший на открытом воздухе, почувствовал себя плохо, выпил несколько стаканов холодного молока и съел несколько столь же холодных

фруктов. К вечеру он вновь почувствовал себя плохо, а на следующий день тяжело заболел. Острое кишечное заболевание никакими существовавшими в то время медицинскими средствами вылечить не удалось, и еще через четыре дня Тейлор скончался. Он был похоронен в Луисвилле (штат Кентукки).

Почти сразу стали распространяться слухи, что Тейлор был отравлен то ли мышьяком, то ли каким-то другим ядом в качестве мести за его позицию по вопросу о рабстве (речь шла о кознях как рабовладельцев, так и аболиционистов). В связи с тем, что разного рода обвинения возникали вновь и вновь на протяжении почти полутора столетий, в 1991 г. с согласия потомков Тейлора была проведена эксгумация тела и с использованием новейших научных достижений проведен соответствующий анализ. Он установил, что скорее всего Тейлор скончался от острого гастроэнтерита — воспалительного заболевания желудка и тонкой кишки. Правда, осторожные врачи полностью не исключили возможности отравления, но сочли, что степень таковой вероятности крайне низка.

Президент Закарий Тейлор был одним из тех «случайных» государственных руководителей, которые оказали лишь незначительное влияние на развитие своей страны.

Основные издания:

Eisenhower J. Zachary Taylor. New York, 2008.

Bauer K. Zachary Taylor: Soldier, Planter, Statesman of the Old Southwest. Baton Rouge, 1993.

Fry J. A Life of Gen. Zachary Taylor. Bedford, MA, 2009.

МИЛЛАРД ФИЛЛМОР

7 января 1800 — 8 марта 1874

13-й президент:

9 июля 1850 — 4 марта 1853

Неожиданно став президентом, вице-президент Миллард Филлмор (*Millard Fillmore*) продолжил галерею «случайных руководителей» исполнительной власти США. Это был последний (хотя и не избранный) президент от Партии вигов и второй, занявший пост в результате смерти

предшественника. Он был единственным, который позже будет дважды неудачно баллотироваться на высший пост.

Миллард Филлмор был сыном небогатого фермера из штата НьюЙорк. Его отец Натаниэль был потомком выходцев из Шотландии, а мать Фиби происходила из рода английских иммигрантов. Всего у родителей было девять детей, и Миллард был вторым ребенком, появившимся на свет в поселке Саммерхилл недалеко от городка Моравия, к северу от крупнейшего города, который дал свое имя штату. Это была живописная озерная местность, получившая название Фингер-лейкс (то есть Пальчиковые озера).

Однако ни у родителей, ни у детей времени любоваться красотами природы не было. Ферма едва сводила концы с концами, о чем свидетельствовал тот факт, что Миллард родился в полуразвалившейся бревенчатой хижине, в которой обитала вся семья.

Считая, что сельский труд для сына бесперспективен, отец отдал его учеником к портному, а в 14-летнем возрасте подросток стал рабочим в находившейся неподалеку портняжной мастерской в поселке под звучным названием Спарта. Работать было тяжело и неинтересно, но отец был настойчив: он лишь перевел сына на большее крупное предприятие — ткацкую фабрику в другом городке, но под названием не менее обещающим — Нью-Хоуп (Новая Надежда).

Преимущество этого места состояло в том, что здесь находилась единственная в округе публичная библиотека, в которой стал проводить почти все свободное время молодой человек, до этого не имевший никакого образования, но упорный и дисциплинированный. Начав с элементарной грамоты, он довольно быстро стал овладевать сравнительно широким кругом знаний. Ему удалось даже поступить в школу для взрослых, которую именовали академией, но давала она лишь поверхностные знания. Однако в академии Миллард познакомился с молодой учительницей Абигейл Пауэрс, которая была всего двумя годами старше его (по другим данным, она была его соученицей).

В 1819 г. семья Филлморов перебралась в пригород Моравии, где Натаниэль продолжал вести фермерское хозяйство на земле, взятой в аренду у землевладельца и в то же время местного судьи. Убедившись, наконец, в способностях своего сына, старший Филлмор уговорил судью принять Милларда к себе младшим клерком, вначале с испытательным сроком, который юноша прошел настолько успешно, что судья согласился одновременно обучать его праву.

Склонный к перемене мест отец вскоре вновь переселился в район

города Буффало, на самом севере штата НьюЙорк, где купил ферму, от которой наконец начал получать некоторый доход. Последовав за отцом, Миллард стал преподавать в местной школе и выполнять поручения здешнего суда, которые не требовали официального признания в качестве юриста, но обеспечивали определенную правовую практику. В результате в 1823 г. в возрасте 23 лет настойчивый молодой человек смог вступить в нью-йоркскую коллегия адвокатов и открыть свой крохотный офис. Он переписывался с Абигейл, иногда встречался с ней. В феврале 1826 г. они вступили в брак, в 1828 г. родился сын Миллард-младший, а в 1832 г. — дочь Мэри.

Занимаясь адвокатской практикой в Буффало, Миллард-старший постепенно заинтересовался политикой. Вначале речь шла о местных делах. Высокий и интересный молодой человек, опираясь на собственный жизненный опыт, стал активно поддерживать народное образование. Он быстро завоевал авторитет и даже в 1842 г. получил почетную должность канцлера местного университета, который, правда, был таковым только по названию, скорее представляя собой школу рабочих профессий. К этой должности Миллард относился серьезно, выступал инициатором сбора средств в пользу заведения, посещал его и оставался канцлером (разумеется, почетным) всю жизнь.

В 1828 г. Миллард был избран в Ассамблею штата НьюЙорк и следующие два года переизбирался. В ассамблее он выступал с прогрессивных позиций, став инициатором законов о предоставлении права выступать в суде свидетелям без клятвы на Библии и о прекращении выносить тюремные приговоры за долги. Одновременно он также записался в местную милицию, где через некоторое время дослужился до звания майора.

В 1832 г. молодой юрист выдвинул свою кандидатуру в Палату представителей Конгресса США и был избран. Именно в это время из ряда мелких групп началось формирование Партии вигов, в которой депутат сразу стал одним из активистов. Он выступал, как и другие виги, против «джексоновской демократии», предоставлявшей слишком большие права штатам, за строительство федеральных дорог и мостов, за создание единой национальной инфраструктуры, за постепенное ограничение и в перспективе отмену рабства. Он покровительствовал родному штату, способствовал решениям о развитии городов Олбани и Буффало, в частности строительству водных сооружений в их районах на реке Гудзон и озере Эри — одном из Великих озер. Он активно выступал за реконструкцию сооруженного еще в 1820-е гг. судоходного канала Эри,

который связал озера с Атлантическим океаном, и добился выделения на это необходимых средств. Видимо, эти заботы побудили конгрессмена заняться и инфраструктурой столицы. Он выступил инициатором строительства моста в центре Вашингтона через реку Потомак.

На конгрессмена обратил внимание влиятельный массачусетский сенатор Даниэль Уэбстер, который взял его под свое покровительство. Со временем между ними установилась дружба, продолжавшаяся до смерти Уэбстера, когда Филлмор уже был президентом, а Уэбстер госсекретарем.

В 1834 г. Филлмор отказался участвовать в выборах (причины не вполне ясны, он объяснял, что решил заняться личными делами), но в следующие годы вновь избирался от своего штата, а в 40-е гг. выдвигался на пост вице-президента и губернатора штата НьюЙорк, но в обоих случаях не добился успеха. Миллард Филлмор постепенно стал фигурой, известной в национальном масштабе, хотя не выходившей на первые роли. На выборах 1848 г. он стал кандидатом Партии вигов в вице-президенты и вместе с Закари Тейлором одержал победу.

В президентской администрации Филлмор чувствовал себя не просто второстепенным лицом, но чуть ли не лишним. Он попал в вице-президенты как компромиссная фигура, а его соперник сенатор Уильям Суард — лидер новой Республиканской партии и явный недоброжелатель Филлмора — стал главным советником Тейлора и с ходу блокировал робкие попытки вице-президента высказывать свои суждения и советы. Единственной реальной заботой, правда, вне новой должности, стало председательствование в совете Смитсоновского института, который превращался в национальный центр культуры.

В этих условиях между президентом и вице-президентом возник прямой конфликт по вопросу о Компромиссе 1850 г. Филлмор заявил Тейлору, что он открыто выступит в Конгрессе против входивших в этот пакет законов, в частности о сохранении рабства в некоторых новых западных штатах, и в случае равенства голосов в Сенате подаст в качестве председателя отрицательный голос. В действительности такая ситуация сложиться не могла, так как в верхней палате преобладали сторонники компромисса, но между президентом и вице-президентом наметился явный конфликт. Конец ему положила смерть Тейлора 9 июля 1850 г. На следующий день Филлмор принес присягу в качестве главы государства.

Став президентом, Миллард Филлмор несколько изменил свое отношение к компромиссу. Он полностью поддержал принятие Калифорнии в Союз в качестве свободного штата, настоял на том, чтобы в штате Нью-Мексико также было запрещено рабство, и поддержал тех, кто

выступил против территориальных претензий Техаса на территории Нью-Мексико. В то же время он согласился с фактически неизбежным: сохранением рабовладения в самом Техасе. Соответствующие законы были утверждены Конгрессом. Прямое столкновение Севера и Юга на некоторое время было отложено, хотя его неизбежность была ясна.

В связи с пресловутым компромиссом наблюдатели сразу отметили разницу в стиле руководства государством между покойным Тейлором и Филлмором. Если Тейлор, многие годы прослуживший в армии, представлялся жестким и бескомпромиссным, то его преемник, карьерный политик и адвокат, выглядел склонным к компромиссам. В наибольшей степени это проявилось в отношении к южным экстремистам, угрожавшим разрывом с США. В то время как Тейлор выражал готовность подавить любую их попытку силой, Филлмор всячески стремился умиротворить их, выступал с успокоительными заявлениями. На севере, выходцем откуда был сам президент, такая политика воспринималась с опасениями за судьбы страны.

В то же время уже первыми своими актами новый президент четко продемонстрировал разрыв с политикой предшественника, уволив в отставку весь кабинет министров и назначив на министерские посты ряд своих близких и друзей. Он не упразднил должность вице-президента, как утверждают некоторые авторы, уже в силу того, что существование этой должности было предусмотрено Конституцией, но объявил, что при нем вице-президента не будет. Пост государственного секретаря получил Даниэль Уэбстер, ставший теперь альтер эго Филлмора. Правда, болезни и старость (ему было около 70 лет) привели к тому, что на новом посту он не был активен, а в конце 1852 г. скончался.

Одобрив законодательство, связанное с Компромиссом 1850 г., Филлмор вынужден был заняться опасной ситуацией, сложившейся на границе Техаса и Нью-Мексико. Пообещав преобразовать Нью-Мексико в штат (на самом деле штат здесь был образован только в 1912 г.) и заявив, правда менее уверенно, что эта территория будет свободна от рабства, Филлмор был озабочен тем, чтобы погасить территориальные споры и претензии властей Техаса на часть этой территории. Путем тайных переговоров с конгрессменами, представителями Техаса и Нью-Мексико, Филлмор смог добиться очередного компромисса: территория Нью-Мексико «уступала» Техасу 33,3 квадратных мили — то есть небольшой клочок земли. Обе стороны были вроде бы удовлетворены — Нью-Мексико почти не потеряла свои земли, а в Техасе пропаганда уверяла, что штат расширился. К тому же президент дал согласие на распространение рабства

на все новые западные территории за исключением Калифорнии, что еще более успокоило правившие круги Техаса.

Немалые заботы президенту доставлял закон о поимке беглых рабов, который на Севере называли драконовским. Южане жаловались президенту на снисходительность по отношению к беглецам на Севере, обвиняли его в пренебрежении к законодательству. Точно так же северяне находили все новые противоречия в законе, используя любые пробелы и лазейки, чтобы освободить бежавших от возвращения владельцам. Они также требовали, чтобы президент вмешивался в каждом случае, освобождал от наказания укрывателей беглецов, и обвиняли его в предательстве, когда тот отказывался принять их сторону. Появление в 1852 г. и широкое распространение на севере романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», в котором рассказывалось о перипетиях беглецов и их укрывателей, еще более обострило ситуацию.

В ответ Филлмор смог провести законодательство, запрещавшее работорговлю в столичном округе Колумбия. Он представил этот акт как свою крупную победу, хотя на деле это была в лучшем случае моральная победа севера, а скорее всего лишь показная мера, так как округ Колумбия занимал незначительную территорию, а в соседних штатах Вирджиния и Мэриленд работорговля продолжалась, как и ранее.

Подобно Тейлору, Филлмор стал президентом, не имея политической базы. Если Тейлор был избран под лозунгами военной славы, то Филлмор, карьерный политик, будучи компромиссной фигурой, пользовался поддержкой лишь меньшинства Партии вигов, которая все быстрее двигалась к упадку. Дело дошло до того, что на съезде вигов штата НьюЙорк президент был обвинен в покровительстве рабовладельцам. Его сторонники покинули съезд, но это был акт явного бессилия. Становилось ясным, что Филлмор не в состоянии контролировать свою партию.

Филлмор проводил осторожную политику на Американском континенте. Он поощрял развитие торговых отношений как со странами Латинской Америки, так и с Канадой. В то же время он продолжал политику Тейлора по отношению к Кубе, признавая ее испанской колонией и отказываясь поддержать разных авантюристов, которые вновь и вновь пытались организовать вторжения на остров.

При помощи вначале Уэбстера, а после его смерти нового госсекретаря Эдварда Эверетта Филлмор сосредоточил свою внешнюю политику главным образом на попытках расширить американское влияние на Дальнем Востоке и Тихом океане. Предметом особой заботы стала попытка «открыть» Японию для торговых и других связей с США. Здесь

американцы фактически действовали совместно с европейскими странами, в частности с Россией, хотя официальных соглашений на этот счет не было. По распоряжению президента к японским берегам была направлена эскадра под командованием коммодора Мэттью Перри с письмом президента к японским властям, в котором выдвигалось предложение установить экономические связи. Прямых угроз в письме не было, но оно звучало как ультиматум. Эскадра достигла Эдо (будущего Токио) в июле 1853 г., когда полномочия Филлмора уже завершились. Облик современных боевых кораблей поразил японцев, которые пользовались тогда оружием, почти не изменившимся со Средних веков. Прямого ответа японцы не дали. Но в следующем году к японским берегам вновь подошла эскадра Перри, и на этот раз с США был подписан договор (март 1854 г.) о торговле и мореплавании, который предусматривал открытие американцам нескольких японских портов для торговли, остановки и ремонта судов и др. Так в результате инициативы Филлмора началось постепенное «открытие» Японии.

Президент ревниво следил за попытками европейских держав поставить под свой контроль Гавайский архипелаг, который США уже в это время считали зоной своего влияния. Когда стало известно о попытке французского президента Луи Наполеона Бонапарта (который вскоре стал императором Наполеоном III) в конце 1849 г. объявить Гавайи своей колонией, Филлмор выступил с угрожающим заявлением, что США «не потерпят такого рода действий». Вместе с протестами Великобритании и других европейских стран эта акция заставила Францию отступить, а американское влияние на островах усилилось.

Если сам Филлмор был не очень выразительной фигурой, то его супруга Абигейл очень быстро сжилась с ролью первой леди и, по существу дела, явилась основоположницей относительно самостоятельной общественной роли жены президента. Она ввела в обиход прием посетителей, откликалась на письма граждан, на которые отвечала лично и через помощниц. Ее считали законодательницей моды, причем она демонстрировала одежду, сшитую не только портными, но и при помощи машин, все чаще появлявшихся на фабриках. По свидетельству очевидцев, Филлмор советовался с женой и не принимал решений без учета ее мнения.

Филлмор долгое время колебался, выдвигать ли свою кандидатуру на выборах 1852 г. В конце концов он решил баллотироваться, но съезд Партии вигов в Балтиморе в июне 1852 г. после длительных дебатов и 52-х туров голосования (это был своего рода рекорд) высказался за кандидатуру генерала Уинфилда Скотта. Филлмор остался президентом, который так

никогда и не был избран на этот пост. На выборах победил представитель Демократической партии Франклин Пирс. Последние месяцы пребывания Филлмора в Белом доме не ознаменовались какими-либо существенными событиями. 4 марта 1853 г. он передал свой пост новому президенту.

Менее чем через месяц после его ухода в отставку скончалась жена Филлмора Абигейл, простудившаяся на инаугурации Пирса. Бывшего президента продолжали преследовать беды. В июле следующего года от холеры умерла его дочь Мэри.

В какой-то мере придя в себя от потерь, Филлмор во 2-й половине 1855 — первой половине 1856 г. совершил длительную зарубежную поездку в Европу и на Ближний Восток, во время которой пропагандировал демократические институты своей страны. Принимали его с почетом. Ему была предложена степень почетного доктора гражданского права Оксфордского университета Великобритании, но он отклонил ее, ссылаясь на то, что не имеет научных достижений.

Тем временем его сторонники в США в 1856 г. развернули кампанию за выдвижение Филлмора в президенты в 1856 г. Его возвращение в США в июне этого года отмечалось как событие в Нью-Йорке, а затем и в других местах. Его поддерживали, однако, маловлиятельные группы, основным лозунгом которых было сохранение единства США путем взаимных уступок борющихся политических сил. Неудивительно, что Филлмор завоевал лишь 3-е место, по существу дела провалившись на выборах.

Возвратившись к правовой практике в Нью-Йорке, бывший президент вскоре женился во второй раз на богатой вдове Кэролайн Макинтош. Они обосновались в Буффало, где провели остаток жизни, занимаясь общественной деятельностью и благотворительностью. Среди их заслуг было основание исторического общества и госпиталя в этом городе.

В 1860-е гг. большинство вигов присоединились к Республиканской партии. Филлмор отказался последовать их примеру, отстаивая сохранение партии, хотя понимал, что это безнадежное дело.

Когда в 1861 г. началась Гражданская война, Филлмор объявил о полной поддержке севера, внес деньги в фонд ведения войны за сохранение единства страны и даже записался в милицию, хотя и признавал, что его отряд — это «дедушки с седыми головами», которые реально не будут в состоянии воевать. В то же время, будучи сторонником сохранения Союза во что бы то ни стало, он полагал, что администрация не предприняла необходимых мер для предотвращения войны, что стране угрожает раскол. До конца жизни он, будучи северянином, так и не стал рьяным поборником эмансипации, точно так же как оставался энергичным противником

агрессивных рабовладельцев Юга. Неудивительно, что на выборах 1864 г. он поддержал не Авраама Линкольна, а кандидата Демократической партии Джорджа МакКлеллана, веря, что план демократов по немедленному прекращению войны и возвращению отделившихся штатов при условии сохранения в них рабовладения может быть реализован.

Состояние здоровья стареющего Милларда оставалось хорошим вплоть до того момента, когда в феврале 1874 г. у него произошло кровоизлияние в мозг, а за первым ударом 6 марта последовал второй. Через два дня он скончался.

Миллард Филлмор был похоронен на одном из кладбищ Буффало. На похороны его приехала большая группа государственных деятелей. Хотя Филлмор был не очень удачливым президентом, его памяти посвящены почтовые марки, в ряде городов, в частности в Сан-Франциско, есть улицы, названные его именем, а в штате НьюЙорк — городок Филлмор. Его в наибольшей степени чтут в городе Буффало, которому он посвятил значительную часть своей государственной и общественной деятельности. На местном кладбище ежегодно проводятся церемонии, посвященные его памяти.

Основные издания:

Finkelman P. Millard Fillmore. New York, 2011.

Payback R. Millard Fillmore: Biography of a President. New York, 2015.

Scarry R. Millard Fillmore. Jefferson, NC, 2001.

ФРАНКЛИН ПИРС

23 ноября 1804 — 8 октября 1869

14-й президент:

4 марта 1853 — 4 марта 1857

Разумеется, к Гражданской войне 1861–1865 гг. привела сама логика развития США, комплекс объективных и субъективных обстоятельств социально-экономического, политического, морально-этического свойства. Но большинство историков согласны в том, что немалую роль на этом

судьбоносном этапе национального развития сыграли личности президентов, стоявших во главе страны в 50-е гг., их слабость как государственных деятелей, их тугодумие и нежелание решать внутренние проблемы путем разумных компромиссов. Подлинным воплощением такого неудачного правления стало время Франклина Пирса (*Franklin Pierce*). Даже авторы, симпатизирующие ему, признают, что он имел посредственные способности и оказался просто подавлен своей деятельностью. Его подчас называют самым слабым американским лидером, во всяком случае одним из таковых.

Франклин Пирс появился на свет в местечке Хиллсборо, штат Нью-Гэмпшир, на северо-востоке США. Он был потомком англичан, которые эмигрировали за океан еще в 30-х гг. XVII в. Его отец Бенджамин служил лейтенантом во время Войны за независимость, затем занимал различные должности в милиции и даже дослужился до звания бригадного генерала. После войны вместе со второй женой Анной (первая умерла во время родов) он купил участок земли в пограничном Нью-Гэмпшире и занялся сельским хозяйством, воспитанием семьи (Франклин был пятым из восьмерых детей). Отец активно участвовал в местной политике и был членом Демократическо-республиканской партии.

Родители стремились дать детям приличное образование: Франклин посещал местную школу, а в возрасте 12 лет его отдали в более авторитетное заведение в соседнем городке Хэнкоке. Учителя и соученики говорили о нем как о прилежном ребенке, а затем как о подростке, не отличавшемся особыми способностями. Этого, впрочем, для провинциального учебного заведения было достаточно. Позже он учился в колледже Боудин в городе Брансуик (штат Мэн), считавшемся одним из образцовых гуманитарных учебных заведений (именно здесь получил образование великий поэт Генри Лонгфелло). Но и тут Франклин не только не выделялся, а был одним из самых слабых учеников. Тем не менее колледж он окончил и некоторое время работал сельским учителем. Существенного дохода и тем более уважения окружающих эта работа не приносила, и Франклин поступил учеником в юридическую контору бывшего губернатора Нью-Гэмпшира Ливи Вудбери, который, в свою очередь, рекомендовал его в правовую школу города Нортхэмптона в штате Массачусетс.

В 1827 г. молодой Пирс был принят в адвокатскую коллегию и одновременно занялся местной политикой, став членом Демократической партии. В следующем году его избрали в Генеральную ассамблею штата. Хотя порой над ним подсмеивались в связи с недостаточной

аргументированностью выступлений и в то же время повышенным апломбом, коллеги по ассамблее в 1831 г. выбрали его спикером. При этом явно сказывались приятельские отношения, которые молодой, не очень компетентный, но рвущийся к власти юрист устанавливал в самых разных, но всегда влиятельных кругах. Как правило, он использовал некоторые выгодные личные особенности: глубокий, звучный голос и хорошую память на лица и имена.

Продвижению Франклина неожиданно способствовала политическая карьера его отца. Отставной генерал пользовался в небольшом штате Нью-Гэмпшир авторитетом как ветеран революции. Вокруг него объединились демократы, противостоявшие нарождавшейся партии вигов. В результате Бенджамин Пирс был избран губернатором и активно покровительствовал сыну.

Жизнь в провинции все более тяготила Франклина. Реальные перспективы продвижения к высоким постам он видел только в столице. Приложив все силы, очарование и демагогию, он добился выдвижения своей кандидатуры в Палату представителей Конгресса США, в которой оказался в 1833 г., через два года был переизбран, а в 1836 г. стал сенатором. Происходило это в условиях, когда старая Республиканская партия в штате приходила в упадок, а виги только формировали свои организации. Фактически в течение некоторого времени демократы, сторонники Эндрю Джексона, господствовали в Нью-Гэмпшире. Когда Джексон посещал штат, Пирс находился среди почетных граждан, приветствовавших человека, считавшегося героем. За десять лет пребывания в Конгрессе Пирс не проявил себя выдающимся оратором или политиком, но его считали верным демократом, сторонником Джексона и добросовестным членом комитетов, в которые его исправно избирали.

Успешный карьерный политик не оказался счастливым в личной жизни. В 1834 г. он женился на дочери священника Джейн Эпплтон. В браке родились три сына, но два из них умерли в раннем возрасте, а третий погиб, о чем мы расскажем ниже. Ранняя смерть двоих детей, вероятно, была связана с тем, что Джейн страдала туберкулезом и душевной неуравновешенностью (ее порой называли душевнобольной). Вероятно, такая ситуация привела к тому, что Франклин стал сильно выпивать. Он не стал алкоголиком в полном смысле слова, но запои у него бывали. Близкие тщательно скрывали их от общественности.

В основном придерживаясь политики Демократической партии, Пирс в Палате представителей и в Сенате, несмотря на свое происхождение и связи с севером страны, проявил явные симпатии к рабовладельцам,

называя аболиционистов возмутителями спокойствия. Правда, для того чтобы как-то приспособиться к настроениям, господствующим в северной части страны, Пирс заявлял, что считает рабство «моральным злом», но в прямом противоречии с этим утверждал, что аболиционизм должен быть уничтожен — иначе «это будет означать конец нашего Союза».

Пирс отказался от повторного выдвижения своей кандидатуры в Сенат, объясняя это сугубо семейными причинами: болезнью жены, которой был противопоказан сырой столичный климат. Видимо, сказалась и склонность к широкому образу жизни, которой не соответствовало скромное жалование конгрессмена. Но главное состояло, очевидно, в том, что он просто не видел возможности выбиться в руководство Сената, а быть одним из многих не желал.

Завершив шестилетнюю сенатскую службу, Пирс отправился в столицу Нью-Гэмпшира Конкорд, где открыл адвокатскую контору. Естественно, бизнес бывшего конгрессмена в небольшом городе процветал. В то же время он стал одним из лидеров местных демократов и руководил различными национальными и местными избирательными кампаниями, проходившими в штате.

Уже в 1842 г. он был избран председателем организации Демократической партии в своем штате. Имея в виду, что в организации были внутренние разногласия по многим местным вопросам (строить ли железнодорожную линию, как относиться к антиалкогольному движению и др.), Пирс на словах провозглашал, что приоритетами являются «порядок, умеренность, компромисс и партийное единство», но на практике поддерживал ту фракцию, которая в тот или иной момент была к нему лично наиболее близкой.

Когда началась война с Мексикой, Пирс записался в армию, заявив, что готов служить рядовым. Его, однако, почти сразу произвели в полковники, а затем в бригадные генералы. Он участвовал в нескольких боях, в частности в столкновении в районе города Контрерас. Этот бой оказался для Пирса буквально катастрофой. То ли он, ударившись в панику, отпустил поводья, то ли испугался конь. Так или иначе, но Пирс упал и повредил колено. У солдат создалось впечатление, что генерал проявил трусость. Хотя на следующий день он вновь возглавил свою бригаду, но на коня больше не садился. Авторитет командира был подорван. В следующие месяцы его бригада продолжала участвовать в боях и даже вступила в захваченный Мехико.

В декабре 1847 г. Пирс возвратился в Конкорд, где его приветствовали как героя. Но вскоре до Нью-Гемпшира донеслись слухи, что этот политик

и военный не проявил в бою храбрости. Пирс яростно опровергал их, но они продолжали распространяться.

Участвуя в послевоенных политических спорах, главным образом по вопросам, связанным с характером и границами новых территорий, Пирс поддерживал те условия Компромисса 1850 г., которые были наиболее благоприятны южным рабовладельцам, и осуждал безоговорочное включение Калифорнии в США как свободной территории. В самом Нью-Гэмпшире демократы продолжали господствовать, и Пирс, вновь возглавивший парторганизацию, пользовался авторитетом.

В 1851 г. его сторонники стали уговаривать Пирса выдвинуть свою кандидатуру на пост президента. Он колебался. С одной стороны, воздух для демократов, по его выражению, «пах победой», так как партия вигов постепенно приходила в упадок, а новые республиканцы, набиравшие силу, все еще не пользовались высоким авторитетом. С другой — в среде самих демократов была масса претендентов, и Пирс полагал, что у него мало шансов.

Когда в начале июня 1852 г. в Балтиморе собрался съезд демократов, было ясно, что ни одна из ведущих фигур партии — Джеймс Бьюкенен, Стивен Дуглас, Луис Касс — не имеют шансов собрать требуемые две трети голосов. В течение трех дней проводились нескончаемые туры голосования, и ни один кандидат не одерживал победы. Фамилии Пирса в бюллетенях не было. Тем временем его сторонники вели тайную работу среди делегатов Юга, убеждая, что иметь в качестве президента политика Севера, чьи симпатии остаются на стороне их принципов, будет наилучшим решением. Перед 49-м голосованием представитель Северной Каролины выступил с заявлением, в котором предложил Пирса как кандидата, который должен соответствовать интересам всей партии. Результаты голосования оказались поразительными: за Пирса были поданы 282 голоса, а за всех остальных кандидатов — 5. Чтобы еще более усилить поддержку юга, кандидатом в вице-президенты был выдвинут Уильям Кинг из рабовладельческой Алабамы. Принятая съездом партийная платформа выражала поддержку Компромиссу 1850 г.

Пирс стал кандидатом в президенты от демократов, но оставался почти неизвестным за пределами своего штата. «Кто такой этот Пирс?» — таковым был недоуменный вопрос, звучавший в прессе. Демократы поспешили издать серию кратких биографий кандидата, в которых подчеркивали, что он признает конституционные права юга и в то же время является верным северянином. Пирс позже утверждал, что он не был доволен выдвижением, так как его жена не терпела Вашингтон. Он,

конечно же, лицемерил: что мешало просто отказаться от выдвижения?

Виги выдвинули кандидатом генерала Уинфилда Скотта — участника многих сражений минувшей войны. Однако противоречивая позиция генерала по вопросу о рабстве — он то высказывался за сохранение компромисса, то осуждал рабовладение — лишила его поддержки на юге и ослабила позиции на севере. По числу поданных голосов Пирс лишь незначительно обогнал Скотта, но в коллегии выборщиков генерала поддержали лишь четыре штата. Так 2 ноября 1852 г. Франклин Пирс был избран президентом США.

Менее чем за два месяца до вступления в должность произошла катастрофа. 6 января 1853 г. Пирс с женой и 11-летним сыном — единственным оставшимся в живых ребенком — возвращался на поезде в Конкорд из Бостона, где они были в гостях у знакомых. Через несколько минут после отправления поезд сошел с рельсов. Вагон, в котором находились избранный президент с семьей, опрокинулся. Каким-то чудом Франклин с женой отделались легкими ушибами, сын же получил такой удар в голову, что скончался на месте. Депрессия, которая владела Пирсом, усиливавшаяся еще более тяжким душевным состоянием жены, по мнению ряда исследователей, оказала настолько глубокое на него влияние, что предопределила нерешительность и противоречивость на протяжении всей президентской деятельности.

Впрочем, внешне новый президент старался не показывать своего горя. Он внес новизну в процесс инаугурации, впервые поклявшись в верности Конституции и народу не на Библии, а на своде законов США и произнеся инаугурационную речь по памяти, не пользуясь текстом. Впрочем, речь была малосодержательной. Президент призывал к наступлению мира и процветания, не конкретизируя, что именно имеет в виду. Он избегал слова «рабство», вновь обещая сохранять «сотрудничество в Союзе». Американки сдерживали слезы, когда слышали слова о его собственной недавней трагедии: «Вы были свидетелями моей слабости, вы должны поддержать меня своей силой».

Пирс образовал кабинет в основном из политиков второго ряда, предоставив места представителям различных фракций, в том числе тем, кто возражал против его номинации. Наиболее значительной фигурой в кабинете был Уильям Марси, являвшийся военным секретарем при Полке. В то время значительно менее весомой фигурой являлся Джефферсон Дэвис из штата Миссисипи, назначенный военным секретарем, будущий президент южной Конфедерации. Отношения между президентом и министрами были неровными. Представляя враждовавшие фракции, чуть

ли не каждый из них считал, что его заслуги недооцениваются, а тем самым ущемляются интересы группы, которую он представлял.

Стремясь как можно осторожнее и реже вникать во внутренние дела, Пирс значительно большее внимание уделял внешней политике. Впрочем, речь шла главным образом о второстепенных вопросах и формальностях. Президент решил, в частности, что американские дипломаты за рубежом должны продемонстрировать, что они являются представителями демократической республики. Поэтому традиционная одежда и облик дипломатов, включая пышные парики, были заменены обычной гражданской одеждой. Поначалу это вызвало враждебные разговоры при дворах европейских монархов, но вскоре к такому поведению привыкли, и никакого влияния на контакты этот образ поведения не оказал.

Пирс стремился продемонстрировать свою приверженность доктрине Монро. По его требованию Великобритания отозвала свои воинские части из Никарагуа и Гондураса, не считая необходимым закрепляться на территориях этих небольших центральноамериканских государств. С той же Британией было подписано соглашение о разрешении американским рыболовным судам заходить в территориальные воды Канады, а канадские торговцы получили, в свою очередь, льготное право операций в соседних американских штатах.

Президент считал исключительно важным проведение трансконтинентальной железной дороги, которая, по его мнению, укрепила бы экономику страны, закрепила бы влияние США в центральной, а затем и в южной части континента. Она облегчила бы связи восточных и центральных штатов с западной частью страны. Удобнее всего было бы провести ее часть через соседнюю с США территорию Мексики. Пирс направил крупного предпринимателя Джеймса Гадсдена, являвшегося, в частности, президентом железнодорожной компании Южной Каролины, в Мехико для переговоров о покупке соответствующей полосы земли. Вначале речь шла о 250 тысячах квадратных миль, затем размеры покупки сократились до 54 тыс. миль. При утверждении в Сенате договора, подписанного в декабре 1853 г., отказались еще более чем от 20 тыс. миль. В результате «покупка Гадсдена», а по существу дела покупка Пирса, оказалась настолько непрактичной, что от планов строительства железной дороги в этом районе отказались. Десять миллионов долларов, уплаченных Мексике, были затрачены попусту. В самой же Мексике эту покупку называли предательством национальных интересов. Отношения между США и Мексикой оставались напряженными. Покупка завершила определение границ континентальных США (за исключением Аляски).

Воинственные и экспансионистские круги США, объединенные, в частности, организацией «Молодая Америка», продолжали в эти годы настаивать на приобретении Кубы либо путем покупки у Испании, либо в результате прямого военного захвата. Пирс направил делегацию в Европу, которая вела переговоры о приобретении острова. Испанцы давали неопределенные ответы, назначали непомерные, по мнению американцев, цены.

Тем временем в марте 1854 г. возник открытый конфликт. Власти Кубы задержали в порту Гаваны американский корабль и арестовали его капитана по обвинению в нарушении портовых правил. «Молодая Америка», поощряемая военным секретарем Дэвисом, стала призывать к войне против Испании, к захвату Кубы. Вначале Пирс, казалось бы, следовал их призывам. Однако на севере возникла оппозиция против экспансионистского плана, главным образом в связи с тем, что он явно вел к расширению сферы рабовладения. Тем временем после уплаты штрафа в 6 тыс. долларов капитан был освобожден и судно продолжило рейс. В то же время посольство США в Мадриде по требованию Пирса продолжало настаивать на торговой сделке, однако испанские власти, пригрозив, что вышлют посольство (это был явно показной жест — Испания не обладала достаточными силами, чтобы конфликтовать с США), согласились выплатить компенсацию за задержку американского корабля на Кубе. США получили 53 тыс. долларов. Вопрос о Кубе остался нерешенным.

Все вопросы внешней политики в общественном мнении, в рамках политических партий, в палатах Конгресса рассматривались в значительной мере сквозь призму все более разраставшегося конфликта между промышленным Севером и аграрно-рабовладельческим Югом. В период правления Пирса конфликт сосредоточился прежде всего на статусе территории Небраска, которая была частью Луизианы, купленной у Мексики, куда устремились тысячи американцев в стремлении приобрести дешевую землю. Подавляющее большинство из них надеялось, что эта территория в соответствии с Миссурийским компромиссом 1820 г. будет свободной от рабства, что здесь будет преобладать относительно мелкое землевладение (Небраска находилась к северу от линии разграничения свободных и рабовладельческих штатов и территорий).

Однако в Конгрессе развернулись бурные споры. Южане требовали, чтобы на Небраску не были распространены условия компромисса, так как ее рассматривали как удобное место для укрытия беглых рабов из юго-западных штатов. В начале 1854 г. сенатор от свободного штата Иллинойс Стивен Дуглас внес проект закона о разделении территории на две части —

Небраску и Канзас (проект получил условное название билль Канзас — Небраска), причем предполагалось, что Канзас будет рабовладельческим, а Небраска — свободным штатом. Это предложение уже нарушало Миссурийский компромисс. Но в ходе обсуждения при согласии президента в проект были внесены изменения, которые сводились к тому, что сами жители в будущем определяют статус обеих территорий, в будущем штатов. Так под видом «народного суверенитета» южане стремились расширить зону рабовладения, надеясь, что их политическим представителям удастся одолеть значительно менее организованных фермеров.

Южане смогли привлечь на свою сторону автора первоначального плана Дугласа, пообещав ему свою поддержку в финансировании быстрорастущего центра Иллинойса Чикаго и даже в выдвижении его кандидатуры на президентский пост. Вместе с ведущими сенаторами из южных штатов Дуглас посетил Белый дом и заручился согласием Пирса на проведение нового варианта билля Канзас — Небраска. Объявлено было, что отныне — это дело всей Демократической партии, обеспечиваемое партийной дисциплиной.

Причины, по которым Пирс отказался, таким образом, от Миссурийского компромисса в пользу южных рабовладельцев, не вполне ясны. Он, сам выходец из Новой Англии, отлично понимал, какой шторм вызовет проведение этого плана в жизнь. По-видимому, президент, желая сохранить некий баланс, оказался под влиянием южан и связанного с ними в то время сенатора Дугласа и фактически сам пошел на нарушение пресловутого баланса.

В результате 4 марта 1854 г. закон был принят Сенатом большинством в 37 против 14. В нижней палате представители Демократической партии разделились ровно пополам (44 против 44). Закон был принят 113 голосами против 100. То ли по наивности, то ли из лицемерия (скорее второе), Пирс подписал закон, заявив, что проблема решена мирным путем. Однако на деле, серьезно нарушив равновесие между северными и южными штатами, билль Канзас — Небраска только ускорил Гражданскую войну. Неопределенная позиция президента, который выступал с разного рода обещаниями Северу, а на деле покровительствовал Югу, явилась одной из причин фактического раскола Демократической партии на две резко критиковавшие одна другую фракции.

Стремясь как можно скорее добиться провозглашения Канзаса рабовладельческой территорией, южане после принятия закона буквально ринулись туда, покупая земли и переводя на них своих рабов. В противовес

им аболиционисты организовывали боевые группы, которые стремились воспрепятствовать распространению рабовладения на Канзас. Начались многочисленные конфликты, часто вооруженные и кровавые. На весь мир разнеслись известия о нападении в мае 1856 г. южных переселенцев (вместе с их рабами) на основанный противниками рабства город Лоуренс на востоке Канзаса, в результате чего город был разграблен и разрушен. Ответом стало нападение отряда аболиционистов на поселок Потаватоми, где у власти стояли сторонники рабства. В результате поселок также был разрушен и несколько его жителей убиты. В американской и зарубежной прессе стали писать о «кровоточащем Канзасе». Эти события были прелюдией гражданской войны.

Президент Пирс просто растерялся. Он решил было отделаться административными мерами, направив в качестве временного губернатора Канзаса северянина, а на аналогичную должность в Небраску — южанина. Ничего позитивного из этой затеи не получилось. Посланный в Канзас Эндрю Ридер из Пенсильвании, вместо того чтобы улаживать споры мирным путем, на что надеялся президент, занялся нелегальным бизнесом, скупкой подешевке земель за счет создаваемых здесь индейских резерваций. Летом 1855 г. он был отозван, его преемник юрист Уилсон Шэннон, объявивший себя сторонником рабовладения, также был отозван, и только третий временный губернатор генерал Джон Гиери начал наводить хоть какой-то порядок.

Франклин Пирс надеялся на второй срок президентства, но Демократическая партия не поддержала его, выдвинув на президентский пост Джеймса Бьюкенена.

После отставки Пирс возвратился в Нью-Гэмпшир, вновь поселился в Конкорде, где занялся земельной торговлей, сохраняя внимание к политике. В 1860 г. он выступил с осуждением Республиканской партии за ее «непримиримость» к южанам и в то же время мягко пожурил рабовладельческие штаты за их «торопливость» в выходе из Союза. Когда Авраам Линкольн стал предпринимать меры по сохранению единства США, он стал резко критиковать президента за его отказ от демократических норм и даже назвал узурпатором власти. На выступления Пирса обращали все меньшее внимание. Он стал все чаще напиваться чуть ли не до потери сознания. Скончался он в забвении от цирроза печени — неизбежного последствия тяжелого алкоголизма. Похоронен он на кладбище Конкорда.

Основные издания:

Gara L, The Presidency of Franklin Pierce. Lawrence, 1991.

Holt M. Franklin Pierce. New York, 2010.

Wallner P. Franklin Pierce: Martyr for the Union. Concord, NH, 2007.

ДЖЕЙМС БЬЮКЕНЕН

23 апреля 1791 — 1 июня 1868

15-й президент:

4 марта 1857 — 4 марта 1861

Джеймс Бьюкенен (*James Buchanan*) рассматривается большинством исследователей как фигура противоречивая. Этот был один из самых опытных политиков, которые когда-либо приступали к исполнению обязанностей президента США, а оставил пост, когда его страна вступила в

период распада, когда перспектива, что одна из самых мощных мировых держав просто прекратит существование, стала как никогда реальной.

Джеймс был сыном Джеймса Бьюкенена-старшего и его жены Элизабет. Отец был иммигрантом первого поколения, переселившимся в Америку в 1763 г. в возрасте 22 лет из Ирландии, где его семья страдала от неурожаев картофеля, выращиванием которого занималась. Поселившись в Пенсильвании, Джеймс сравнительно быстро выделился в сообществе иммигрантов, занявшись вначале фермерством, а затем и торговлей.

Джеймс-младший появился на свет в хижине в местечке Коув-Кэп, а вскоре после его рождения (он был первым из одиннадцати братьев и сестер) семья переселилась в окрестности городка Мерсерсберг, где приобрела более крупную ферму. Отец вел успешное хозяйство, выгодно продавал свою продукцию и вскоре стал одним из самых богатых людей в округе, занявшись также торговлей землей.

Джеймс-младший учился вначале в деревенской школе под пышным названием Академия Олд Стоун, а затем в течение двух лет (1807–1809) в колледже Дикинсон в находившемся неподалеку городе Карлайл. Преподаватели отмечали, что это был способный, но непослушный и недисциплинированный юноша, который даже за какой-то проступок был исключен. Правда, после покаяния он был восстановлен и завершил образование с отличием.

Сразу после получения удостоверения об окончании колледжа Джеймс отправился в Ланкастер — в то время столицу Пенсильвании, где поступил учеником к известному адвокату Джеймсу Гопкинсу. Три года, проведенные в адвокатской конторе, дали молодому человеку и основные прикладные знания в юридическом ремесле, и понимание жизненных условий разных слоев общества. В 1812 г. он, успешно сдав экзамен, был признан членом коллегии юристов. При этом Бьюкенен принял разумное решение: в то время как другие адвокаты один за другим отправились в новую столицу штата Харрисберг, он остался в Ланкастере и вскоре стал процветающим юристом, обычно выигрывавшим дела, для ведения которых его нанимали люди разного имущественного положения. Его практика росла, и в 1821 г. он заработал, например, 11 тыс. долларов (сумма, примерно равная 220 тыс. долларов в 2018 г.).

В 1818 г. Джеймс познакомился с Энн Коулмэн, дочерью местного торговца и владельца небольшого металлургического предприятия. Вскоре молодые люди объявили о предстоящем браке. Однако внезапно отец Энн сообщил о разрыве помолвки, не объяснив причин. Скорее всего, это было связано со слухами о том, что Джеймс собирался жениться по

меркантильным соображениям, в которые Коулмэн поверил. Объяснения Бьюкенена ни к чему не привели. В 1819 г. Энн скончалась от какой-то заразной болезни, в связи с чем Джеймс явно горевал, но ему запретили появляться на похоронах. Он так и остался холостяком. Впоследствии ходили всевозможные слухи по этому поводу, вплоть до того, что он был гомосексуалистом, однако никаких доказательств этого не приводилось. У него были друзья среди женщин, в той или иной степени интересовавшиеся политикой, но ни о каких сексуальных связях документы не упоминают.

Рост благосостояния вместе с опытом и авторитетом привел к тому, что Джеймс занялся политикой. Он присоединился к группе федералистов и при их поддержке был избран помощником прокурора в городе Либанон в Пенсильвании. На этом посту он отличился раскрытием нескольких преступных группировок, которые ранее власти не могли разоблачить, завоевал репутацию ответственного человека, достойно исполняющего обязанности. Результатом было избрание в Палату представителей штата в 1814 г., в которой Бьюкенен состоял, правда, всего два года, вернувшись затем к адвокатуре.

Перерыв в политической деятельности был связан, видимо, с тем, что у Джеймса были более амбициозные планы. Действительно, в 1821 г. он выдвинул свою кандидатуру в Конгресс США в качестве деятеля Партии федералистов, а затем избирался в Палату представителей еще несколько раз (до 1831 г.) как «республиканец-федералист», что было связано с постепенным упадком федералистской партии. В Конгрессе он стал приверженцем Эндрю Джексона и вслед за ним отстаивал права штатов, их приоритет перед федеральным правительством. Он участвовал в конструировании следовавшей за Джексонном Демократической партии. Связан он был в основном с деятелями юга и подвергал резкой критике деятелей Новой Англии как «опасных радикалов». Он был активен в комитетах Палаты представителей по сельскому хозяйству, а затем по правовым вопросам, председателем которого стал.

Прослужив в Конгрессе пять сроков, Бьюкенен возвратился было к частной жизни. Хотя у него не было никакого дипломатического опыта, он все же принял предложение президента Джексона отправиться послом в Российскую империю. В нескольких письмах на родину он писал, что его окружают доброжелательные люди, хотя и отмечал, что ему тяжело жить в стране, где отсутствует свобода печати и общественного мнения. Джеймс получил несколько аудиенций царя Николая I, на которого произвел положительное впечатление. Послу удалось сблизиться с министром иностранных дел графом К. В. Нессельроде.

Главным достижением его посольства, продолжавшегося чуть более года, было подписание договора о торговле и мореплавании, который устанавливал принцип наибольшего благоприятствования в экономических отношениях. Подписанный Бьюкененом и Нессельроде 18 декабря 1832 г. трактат объявлял торговлю и мореплавание во владениях обеих сторон свободными и основанными на взаимности. Жителям России и США разрешалось торговать везде, где позволялась иностранная торговля. Им гарантировались свободное ведение дел, безопасность и покровительство властей страны пребывания. Договор действовал до 1911 г.

Бьюкенен попросил отозвать его из Петербурга, ссылаясь на суровость русского климата. Но, по всей видимости, причина состояла в том, что он не желал долго оставаться на отшибе политической жизни своей страны. Действительно, по возвращении на родину он выдвинул свою кандидатуру в Сенат США, выиграл выборы и затем переизбирался еще два раза. Он явно стремился к высшим постам и даже отклонил предложение президента Ван Бюрена о назначении его генеральным прокурором.

Бьюкенену не раз приходилось высказываться по вопросу о рабовладении. Во всех этих случаях он ссылался на принципы «джексоновской демократии», то есть невмешательства в права штатов. Однажды он заявил, что права южных штатов столь же неоспоримы, как и право подачи петиций, предусмотренное Конституцией. Точно так же, соглашаясь на неоспоримое право северных штатов развиваться на основе вольнонаемного труда, Бьюкенен критиковал аболиционистов, считая, что они погрязли в «излишней и недопустимой страсти». Сенатор пользовался авторитетом прежде всего в южных штатах, однако и на севере его считали относительно умеренным и, главное, выступавшим за единство страны во что бы то ни стало. Его кандидатура в президенты обсуждалась на съезде демократов 1844 г., однако номинирован был Д. Полк.

Вспомнив, вероятно, миссию Бьюкенена в Петербург и в целом его авторитет, Полк предложил ему стать государственным секретарем. Рассматривая этот пост как важнейший шаг на пути к высшей власти, Бьюкенен принял предложение и руководил американской внешней политикой на протяжении всего президентства Полка — до 1849 г. Правда, руководство международными делами сосредоточивалось в Белом доме, и Бьюкенен в основном исправно выполнял указания президента, связанные прежде всего с территориальным расширением США. В отдельных случаях он, однако, позволял себе высказывать несогласие с мнением высшего исполнительного лица, в частности предложив в ходе войны против Мексики аннексировать большую территорию, чем было первоначально

намечено. Это вызвало недовольство президента, который увидел в действиях госсекретаря лишь намерение добиваться высшего поста. Действительно, имея в виду намерение Полка оставаться президентом только один срок, Бьюкенен всерьез полагал, что его шансы на номинацию велики. Однако съезд Демократической партии 1848 г. предпочел сенатора Луиса Касса, который на выборах потерпел поражение, уступив Белый дом Закари Тейлору.

Уйдя в отставку, Бьюкенен вернулся к частной жизни. На накопленные средства он купил дом с садовым участком на окраине Ланкастера, принимал высокопоставленных визитеров, внимательно следил за развитием политической обстановки и готовился к новым боям. Он укрепил свое общественное положение, возглавив наблюдательный совет колледжа Франклина и Маршалла в этом городе и занимал эту должность почти до конца жизни, включая президентские годы. В 1852 г. его опять выдвигали в президенты от Демократической партии, и вновь он не прошел номинацию, причем отказался от предложения Ф. Пирса стать его партнером на выборах в качестве кандидата в вице-президенты.

Поскольку к власти вновь пришла его партия, Джеймс согласился возобновить дипломатическую деятельность, приняв пост посла в Лондоне. Скорее всего, это было признанием, что в Белый дом попасть так и не удастся, и Джеймс решил, что представительство в наиболее мощной стране Европы и «царице морей» будет достойным завершением политической карьеры. Ему пошел уже седьмой десяток лет, что в те времена считалось старостью.

В Лондоне посол проявил высокую активность. Он регулярно встречался с британским государственным секретарем по иностранным делам Джорджем Вильерсом графом Кларендоном, добиваясь, чтобы англичане перестали вмешиваться в дела Центральной Америки, в частности выводя оттуда своих военных советников. Много времени и сил занимали дела, связанные с проблемой Кубы. По настоянию президента Пирса Бьюкенен, послы в Испании и Франции Пьер Соул и Джон Мейсон, встретившись в бельгийском городе Остенде в 1854 г., составили секретный план покупки или вооруженного захвата Кубы, который был направлен госсекретарю Уильяму Марси. При этом подчеркивалось, что Куба должна войти в США как рабовладельческий штат, так как отмена на острове рабства угрожала бы спокойствию на юге. Этот Остендский манифест в результате утечки информации стал достоянием широких кругов. На него обрушились за рубежом, он был подвергнут критике и внутри страны, в том числе в умеренных кругах Демократической партии.

В результате власти США от плана отмежевались. Вопреки опасениям Бьюкенена, Остендский манифест не причинил ему значительного вреда, тем более что в Демократической партии все более усиливались настроения в пользу незыблемости рабовладения на юге.

На предвыборном съезде Демократической партии в городе Цинциннати (штат Огайо) в начале июня 1856 г. Бьюкенен оказался главным противником действовавшего президента Пирса, который стремился к переизбранию. Авторитет Пирса был, однако, подорван неудачами его четырехлетнего правления, особенно кровопролитиями в Канзасе, которые он не был в состоянии предотвратить. Съезд отказался его поддержать. Основным соперником Бьюкенена на съезде был Стивен Дуглас, но с каждым туром голосования позиция Дугласа слабела, пока, наконец, в 15-м туре за Бьюкенена были поданы 2/3 голосов. Его противником от Республиканской партии выступал популярный исследователь Запада Джон Фримонт, ратовавший за отмену рабства. В выборах участвовал также бывший президент М. Филлмор, ставший кандидатом Американской партии — коалиции бывшей консервативной фракции вигов и противников иммиграции в США, особенно из стран, где господствовала католическая религия.

Во время кампании Бьюкенен энергично отстаивал платформу демократов, включавшую поддержку акта о беглых рабах, осуждение аболиционистской агитации, полное овладение Мексиканским заливом. Правда, лично он не проводил агитационных поездок, ограничиваясь письмами к избирателям и выступлениями в печати.

Выборы 4 ноября 1856 г. принесли победу Бьюкенену во всех южных штатах, кроме Мэриленда, и в пяти свободных штатах, включая его родную Пенсильванию. За него было подано 1,8 млн голосов (45,3 %), тогда как за Фримонта — 1,3 млн (33,1 %), а за Филлмора — 823 тыс. (21,5 %). В коллегии выборщиков Бьюкенен получил 174 места, Фримонт — 114, а Филлмор — 8. Это были первые выборы, на которых третья партия завоевала ощутимое число голосов, хотя и осталась далеко позади первых двух. Победитель оказался первым в истории США президентом, не получившим абсолютного большинства голосов.

Хотя новый президент далеко не был политическим новичком, годы, проведенные вне прямых контактов с общественными элитами, привели к тому, что, по оценке многих наблюдателей и последующих историков, он оказался «близоруким» в том смысле, что явно недооценивал глубину оппозиции рабовладению, которая все более овладевала общественностью севера и оказывала влияние на поведение рабов на юге. Вместо того чтобы

заняться поисками компромиссов, Бьюкенен четко продемонстрировал свою ориентацию, образовав правительство в основном из рабовладельцев или деятелей, относившихся к ним примирительно. Даже госсекретарь Л. Касс (ранее кандидат в президенты), получивший образование и политически оформившийся в свободном Иллинойсе, никогда не выступал против распространения рабства на западные территории. Кабинет был подобран на основе личностных связей, а не в соответствии с компетентностью его членов. Госсекретарь Касс, которому было уже 74 года, по свидетельству многих, был дряхл и особой активности не проявлял.

Так опытный в прошлом политик с самого начала своего президентства избрал опасный с точки зрения общенациональных интересов вариант сохранения единства страны. Опираясь на избирателей Юга, он фактически игнорировал позиции экономически растущего и промышленно доминирующего Севера. Здесь, укреплялась новая Республиканская партия, которая вначале выступала за запрещение рабства на новых территориях, но постепенно переходила к полному отвержению рабовладения.

Когда Бьюкенен приступил к исполнению президентских обязанностей, всю страну будоражило рассмотрение в Верховном суде дела негра Дреда Скотта, бывшего раба из Миссури, теперь проживавшего на территории Миннесоты в качестве свободного человека, который был здесь схвачен властями и отправлен в Миссури в качестве раба. Скотт смог добиться рассмотрения его дела в судах все более высокой инстанции. Делу было придано столь широкое звучание, что Бьюкенен специально остановился на нем в инаугурационной речи. По существу, его слова о том, что рассмотрение дела «Дред Скотт против Сэнфорда» (Джон Сэнфорд претендовал на то, что Скотт является его рабом) должно закрепить «федеральный рабовладельческий кодекс», комментировались как давление на Верховный суд. Действительно, через два дня после инаугурации Верховный суд вынес решение, которое в северных штатах было сочтено шагом к полному возвращению к рабству и потому стоявшему вне какой-либо законной процедуры, а в южных также подверглось осторожной критике, так как могло непосредственно развязать вооруженный внутренний конфликт. Решение гласило: «1. Негр не имеет прав гражданина. 2. Раб, взятый своим хозяином на свободной территории, не имеет права стать свободным. 3. Конгресс не имеет власти запретить рабство на каких-либо территориях, следовательно, Миссурийский компромисс является неконституционным». Иначе говоря, решение

высшего судебного органа устанавливало, что рабство законно на всей территории США.

Республиканские лидеры обвинили президента в конспирации с целью полного восстановления рабовладельческой системы. Особенно энергично критиковал его позицию становившийся все более популярным Авраам Линкольн. Так с первых дней пребывания в Белом доме Джеймс Бьюкенен, вместо того чтобы стать символом умиротворения страны, оказался в роли прямого защитника старых порядков. Нельзя сказать, что Бьюкенен действительно был крайним реакционером, сторонником распространения рабовладения на всю страну, как его изображали Линкольн и другие республиканцы. Он ориентировался на джексоновский принцип преимущественного права штатов и был готов принять их решения, в том числе направленные на ограничение или даже отмену рабства.

Естественно, прежде всего он попытался умиротворить «кровотокающий Канзас». Он направил туда в качестве временного губернатора бывшего министра Роберта Уокера с поручением добиться внутреннего согласия, не предвешая вопроса о рабовладении. Хотя сам Уокер был в свое время рабовладельцем, он проявил себя трезвым администратором и уже вскоре после прибытия доложил президенту, что большинство избирателей территории (примерно 2/3) выступает за недопущение рабства. Против губернатора развернулась пропагандистская кампания. Его называли «хитрым предателем», объявляли, что губернатор — «самый ярый аболиционист».

В связи с проблемой Канзаса Бьюкенен допустил серьезную ошибку. Под давлением пропагандистской кампании и согласившись с советами своих министров и советников он не поддержал Уокера. Президент объявил законными выборы в Конвент Канзаса, хотя существовала масса доказательств, что они были проведены с использованием обманных методов и под давлением рабовладельцев. Попытку Уокера распустить Конвент Бьюкенен не допустил. В результате Конвент, собравшийся в городе Лекомптоне, проголосовал за Конституцию, которая узаконивала здесь рабовладельческие порядки. В знак протеста Уокер ушел в отставку, которая была принята президентом. Позже этот деятель полностью поддержал единство США во время Гражданской войны и работал финансовым агентом правительства Линкольна в Европе, собирая средства на помощь своей стране.

Позиция президента усилила размежевание в Демократической партии. В то время как южные штаты поддерживали его, представители севера оказались в одном лагере с республиканцами, резко критикуя

Бьюкенена за его позицию по канзасскому вопросу. Против Бьюкенена выступил такой авторитетный деятель партии, как С. Дуглас из Чикаго, выдвигавшийся ранее на президентский пост. Бурные прения развернулись в Палате представителей, которой предстояло утвердить или отвергнуть конституцию новой территории, прежде чем она станет штатом. Конституция была отвергнута 120 голосами против 112. Бьюкенен оказался в состоянии войны со значительной частью собственной партии.

Неудачи преследовали президента и по другим вопросам. Во время промежуточных выборов 1858 г. он пытался скомпрометировать своего однопартийца С. Дугласа, но это ему не удалось. Правда, Дуглас проиграл выборы республиканцу Линкольну, но оставался наиболее популярным деятелем Демократической партии в северных штатах. Конфликт с президентом не только не понизил его авторитет, но, наоборот, превратил в фигуру, весьма влиятельную в обеих партиях.

Трудности имели место и в области экономики. В августе 1857 г. разразилась очередная паника, которая была проявлением начавшегося экономического кризиса, охватившего вслед за США ведущие европейские страны. Многие банки штатов и тысячи бизнесов понесли финансовые потери. Бьюкенен обвинял в панике и падении производства биржевых спекулянтов. Ему с полным основанием отвечали, что покупка и перепродажа активов является естественным и необходимым элементом любого рыночного хозяйства. Кризис, правда, не был продолжительным. Нью-йоркские банки возобновили платежи уже в декабре 1857 года, а в целом банковская система начала полностью функционировать в мае 1858 г., процентные же ставки достигли докризисного уровня к ноябрю. Тот факт, что кризис 1857–1858 гг. стал первым международным экономическим спадом, отразился на негативном восприятии США и их президента за рубежом. Эти события также ослабили авторитет Бьюкенена на родине.

Внешняя политика президента не была активной. Она была направлена главным образом на расширение влияния США в Центральной Америке, проникновение в новые районы Мексики с целью их возможного отторжения и на продолжение переговоров с Испанией по поводу приобретения Кубы. Ни одно из этих направлений не получило развития.

Именно Джеймс Бьюкенен и его окружение вступили в переговоры с Россией о покупке Аляски, которая с 1799 г. находилась во владении Российской империи. Инициатива исходила от Петербурга. Вопрос о продаже Аляски США перед императором Александром II поставил губернатор Восточной Сибири граф Н. Н. Муравьев-Амурский, который

полагал, что с развитием железных дорог влияние США неизбежно распространится на всю Северную Америку, а России следует сосредоточиться на закреплении своих позиций в Восточной Азии. В 1857 г. русский посол в США барон Э. А. Стеклов вступил в переговоры с правительством Бьюкенена и получил положительный ответ на предложение об «уступке» этой огромной, хотя и крайне слабо заселенной территории. Начался, правда, торг о цене, который до конца правления президента так и не завершился. В следующие годы вопрос временно сошел с повестки дня в связи с Гражданской войной в США и вновь стал предметом переговоров во 2-й половине 60-х гг.

В 1860 г. предстояли очередные президентские выборы. Бьюкенен заранее объявил, что не будет выдвигать свою кандидатуру. В самой же Демократической партии разногласия вызвали раскол на южную и северную фракции, и президент оказался неспособным предотвратить катастрофическое для демократов развитие событий. Имея в виду преобладание северной фракции в численном отношении, во влиянии на массы населения на севере и западе страны, единственным кандидатом, который мог более или менее реально претендовать на избрание, был Стивен Дуглас, к 1859 г. ставший лидером не только партийной организации штата Иллинойс и города Чикаго, но и весьма популярным деятелем во всей индустриально развитой части страны. Бьюкенен прилагал все силы, чтобы скомпрометировать Дугласа и не допустить его выдвижения на высший пост. Более того, именно по наущению президента была предпринята попытка исключить Дугласа из партии, но преодолеть сопротивление местной организации не удалось.

На партийном съезде в городе Чарльстоне (Южная Каролина) в апреле 1860 г. созревший ранее партийный раскол стал открытым и сенсационным. Когда стало известно о выдвижении на президентский пост Дугласа, делегации южных штатов одна за другой покинули съезд. Тем не менее голосования не давали Дугласу необходимых 2/3 голосов оставшихся делегатов. После безрезультатного 57-го тура решено было приостановить съезд для дальнейших негласных переговоров. 18 июня съезд возобновился в городе Балтиморе (Мэриленд). Делегации южных штатов появились в зале, но сразу демонстративно внесли проект резолюции о распространении рабовладения на все новые территории. Проект был отвергнут, и южане, которых прозвали теперь «глотателями огня», вновь ушли со съезда. На этот раз Дуглас был выдвинут кандидатом уже во втором туре.

Собравшись на свой съезд в том же Балтиморе, южане приняли

резолюцию, отвергнутую в апреле в Чарльстоне, о расширении сферы рабовладения и выдвинули своего кандидата — действовавшего вице-президента Джона Брекинриджа, который в правительстве Бьюкенена был почти незаметен. Скорее всего, Брекинридж воспринимался теперь как преемник уходящего президента. Сам же Бьюкенен фактически поддержал раскол, высказавшись в пользу Брекинриджа. Подлинным обманом нации стало заявление президента, что его вице-президент является действительным кандидатом Демократической партии.

Республиканцы выдвинули своим кандидатом популярного адвоката Авраама Линкольна, который не отличался решительностью в отстаивании принципов свободы. По этому вопросу, который стал основным в американской политической жизни, его позиция мало отличалась от позиции Дугласа, но он представлял явно новые силы.

На выборах 6 ноября Линкольн добился победы главным образом потому, что Демократическая партия находилась в состоянии полной дезинтеграции. Он получил около 40 % голосов, тогда как Дуглас — 29,6 %, а Брекинридж — 18 %. Остальные голоса собрал Джон Белл, выдвинутый остатками Партии вигов совместно с другими малыми группами. Иначе говоря, оба кандидата Демократической партии вместе собрали значительно больше голосов, чем представитель республиканцев. Так Джеймс Бьюкенен оказался последним президентом, избранным от Демократической партии, до той поры, когда она начала оживать под новыми лозунгами в 1880-е гг.

Еще в октябре 1869 г. командовавший американской армией генерал У. Скотт предупреждал Бьюкенена, что избрание Линкольна, скорее всего, приведет к выходу из Союза по крайней мере семи южных штатов. Генерал рекомендовал направить в эти штаты крупные воинские части с артиллерией. Никаких мер Бьюкенен не принял. Когда же Линкольн был избран президентом, Бьюкенен подготовил приказ об укреплении южных фортов, но военный секретарь Джон Флорид убедил его не вводить в силу это распоряжение по той причине, что оно было обречено на невыполнение.

В обстановке, разогретой до предела, уходящий президент обратился с прощальным посланием к Конгрессу, в котором отрицал право отдельных штатов на выход из Союза, считая это смертельным ударом по США. Он в то же время признал, что Конституция не содержит положений, запрещающих штатам отделяться или образовывать новые государственные объединения. Бьюкенен фактически стал на сторону мятежников, оправдывая в сложившихся условиях «революционное сопротивление

правительству». При этом он догматически ссылаясь на «народный суверенитет» и «джексоновскую демократию». После этого выступления начался фактический распад правительства. Секретарь казначейства Хауэлл Кобб ушел в отставку, объявив, что президент «стал безответственным».

В эти последние месяцы своего правления терявший власть Бьюкенен пытался все же убедить южан не покидать Союз. Когда 20 декабря легислатура Южной Каролины первой объявила о выходе из США, Бьюкенен тщетно попытался вступить в переговоры и пойти на новые уступки. Он предложил даже поправку к Конституции, которая защищала рабство в штатах и на территориях на основе их внутреннего законодательства. Поправка была утверждена Конгрессом 2 марта 1861 г. накануне ухода президента в отставку и направлена на ратификацию штатов, но была поддержана только на юге и в силу не вступила.

Сам же Бьюкенен отправился в Форт-Самтер (Южная Каролина), где тщетно пытался договориться с властями штата об условиях его возвращения в Союз. Но за Южной Каролиной последовали еще шесть южных штатов. В дело вступали различные группы посредников, включая губернаторов ряда штатов. Раскол все более явно становился фактом.

Четвертого марта Бьюкенен оставил Белый дом, передав власть Линкольну. Когда через два месяца после завершения президентства Бьюкенена вспыхнула Гражданская война, он осудил мятежников, объявив о своей приверженности единству страны, о поддержке действующего президента. Однако и в Конгрессе, и в прессе нередко раздавались обвинения, что именно в результате его бездействия или даже сговора с рабовладельцами произошел раскол и вспыхнула братоубийственная война. Возвратившийся в Ланкастер бывший президент в течение ряда лет получал враждебные письма, в которых его нередко называли предателем.

В мае 1868 г. Бьюкенен простудился. Болезнь резко его ослабила, переросла в воспаление легких и через две недели 77-летний Бьюкенен умер, как было сообщено, от «потери дыхания», то есть по существу от общего прекращения жизненных функций. Похоронен он в Ланкастере.

Памяти Бьюкенена посвящен небольшой мемориал в столице США. Его именем названы несколько городов на юге.

Американские историки оценивают Бьюкенена сдержанно. Его считают опытным политиком и дипломатом, который на президентском посту оказался не в состоянии добиться мирного решения конфликта. В то же время ряд авторов доказывают, что объективно конфликт достиг таких измерений, что ни он, ни какой-либо другой государственный деятель не был в состоянии предотвратить неизбежную войну между прогрессивным

промышленным Севером и аграрным рабовладельческим Югом.

Основные издания:

Jean H. James Buchanan. New York, 2004.

Stampp K. America in 1857: A Nation on the Brink. New York, 1990.

Strauss R. Worst. President. Ever: James Buchanan, the POTUS Rating Game, and the Legacy of the Least of the Lesser Presidents. Lanham, MD, 2016.

АВРААМ ЛИНКОЛЬН

12 февраля 1809 — 15 апреля 1865

16-й президент:

4 марта 1861 — 15 апреля 1865

Купюра достоинством в 5 долларов США с портретом А. Линкольна

В значительной части исторической литературы, в публицистике, в памяти американцев Авраама Линкольна (*Abraham Lincoln*) чтут как одного из величайших государственных деятелей, как человека, внесшего огромный вклад в сохранение федеративного государства и в развитие США в прогрессивном направлении на основе освобождения от рабства. При полной обоснованности этих оценок авторы серьезных исследований об этом президенте отмечают сложность его характера, его амбиции, которые часто оказывались выше его способностей, приступы депрессии, тот факт, что его проклинали не только на юге рабовладельцы, но и наиболее последовательные аболиционисты, считая недостаточно способным и даже бесхребетным.

Как любая крупная историческая фигура, Линкольн не был безгрешен. Он был деятелем своего времени, отличался противоречивыми качествами, но при этом действительно внес огромный вклад в то магистральное направление, по которому развивались США в следующие полтора века.

Авраам был вторым сыном Томаса и Нэнси Линкольн. Родился он в бревенчатой однокомнатной хижине на ферме Синкер-Спринг близ города Ходженвилл, штат Кентукки. Предки родителей были переселенцами из Англии, перебравшимися за океан в 30-х гг. XVII в. Дед Авраама, носивший то же имя, стал обитателем территории Кентукки, осваиваемой американцами, в 1780-е гг. Он участвовал в рейдах против индейских племен и был убит в одном из боев. После гибели своего отца Томас, отец Авраама, нанимался на разные работы, часто менял место жительства, а в начале XIX в. обосновался в графстве Хардин, основанном на северной границе территории Кентукки братьями Джоном и Уильямом Хардинами, офицерами, участниками Войны за независимость.

Томас Линкольн и Нэнси Хэнкс поженились в 1806 г. В феврале 1807 родилась их дочь Сара. Через два года появился на свет Авраам. Еще один ребенок умер в младенчестве.

Томас владел значительным фермерским участком, но не умел должным образом оформлять право на землю, так что дважды с семьей попадал в сложные ситуации. В первый раз он был вынужден переселиться в 1811 г. чуть севернее, в район Ноб-Крик, где был приобретен участок земли в 230 акров (93 гектара). Однако в 1815 г. возник новый юридический спор вокруг этой земли, который Томас также проиграл, в результате чего у него осталась лишь полоска земли. В результате Томас Линкольн, разочаровавшийся в земельных правилах Кентукки, которые считал несправедливыми, предпринял новое путешествие. На этот раз он поселился на территории Индианы, на берегу реки Огайо, где земельный кодекс был более определенным и права землевладельца более надежными.

Однако места в этой приграничной зоне были дикими. Подчас дорогу в лесу приходилось прокладывать при помощи топора. Новая ферма Линкольников находилась на краю густого леса. Только в 1818 г. здесь была образована администрация нового графства Спенсер. Не получая от земледелия дохода, достаточного для содержания семьи, Томас подрабатывал в качестве плотника, и изготовленные им шкафы ценились в округе, в основном потому что продавал он их за бесценок.

Как и Нэнси, Томас принадлежал к баптистской церкви, причем к группе под названием Сепаратные баптисты. Эта группа придерживалась особо строгих правил поведения, запрещая своим членам употребление

алкоголя, танцы и, что особенно важно, иметь рабов. Отрицание рабовладения прививалось Аврааму с детства, хотя через много лет, в политической деятельности, он не занимал столь однозначной позиции.

В октябре 1818 г. умерла Нэнси. Домашним хозяйством год с небольшим занималась дочь Сара, а в 1919 г. Томас женился вторично на вдове Салли Джонстон, у которой уже было трое детей. Салли относилась к детям мужа как к родным. Уже вскоре Авраам называл ее мамой.

Вопреки тем историкам, кто утверждал, что будущий президент и «спаситель нации», выйдя из простой семьи и проживая в приграничной полосе, любил физический труд, был лесорубом ит. д., свидетельства очевидцев показывают, что в подростковом возрасте он предпочитал умственные занятия, постоянно «что-то читал, писал, шифровал, сочинял стихи» и избегал ручной работы. Привыкшие к иному образу жизни соседи даже называли его лентяем. Круг чтения был разнообразным. Свидетели называют, наряду с обычными книгами, такими как «Приключения Робинзона Крузо» Дефо и басни Эзопа, обязательной Библией, исторические сочинения и биографию Вашингтона.

Читать и писать его научили не отец и мать, которые были то ли вообще безграмотными, то ли едва разбирались в печатном тексте. Известно, во всяком случае, что Нэнси вместо подписи ставила крестик. Позже за самообразованием мальчика следила в основном мачеха, владевшая элементарной грамотностью. Грамотным подросток стал поздно, только примерно к пятнадцати годам. Лишь иногда с Авраамом занимались случайные учителя, но продолжались такие занятия недолго. Общеобразовательной школы, по-видимому, в той местности, где проживали Линкольны, не было вообще.

Все же в подростковом возрасте приходилось помогать семье. Авраам нанимался на различные подсобные работы по строительству, действительно иногда участвовал в рубке леса, передавая заработок в домашнее хозяйство и почти не оставляя себе денег на развлечения, которых, впрочем, в районе фермы фактически не было. Он был рослым, физически крепким, готовым постоять за себя.

Весной 1830 г. семья еще раз переселилась в сторону запада, на территорию Иллинойс. Но Авраам не последовал за отцом, с которым отношения становились все более прохладными, скорее всего потому, что Томас оставался малограмотным и не видел перед собой других целей, кроме приличного заработка и обеспечения семьи. В дальнейшем отношения с отцом и приемной матерью сводились главным образом к тому, что сын помогал им деньгами.

Молодой человек отправился в графство Сэнгамон, где в поселке Нью-Сайлем нанялся к некому купцу и судовладельцу то ли рабочим, то ли матросом. Во всяком случае, несколько лет он перевозил товары по реке Сэнгамон, а затем по рекам Иллинойс и Миссисипи в Новый Орлеан. Там он участвовал в погрузке новых товаров и возвращался в Нью-Сайлем на том же торговом пароходике. Доверие к молодому человеку росло. Он стал фактическим помощником капитана, научился управлять кораблем во время движения по бурным рекам. В то же время молодой человек продолжал упорно заниматься самообразованием, часто пользуясь помощью учителя местной школы. Занятый целый день, зарабатывая себе на пропитание и постепенно откладывая средства на будущее, он по ночам читал книги при свете лучины.

Одновременно он пытался попробовать себя в политике и в 1832 г. выдвинул свою кандидатуру в законодательное собрание Иллинойса, но потерпел поражение. Именно после этого, познакомившись с местным судьей, он решил изучать право, считая, что адвокатская практика является наиболее приемлемым для него интеллектуальным занятием и средством продвижения в общественной жизни. В 1833 г. Авраам получил должность землемера, считавшуюся «интеллектуальной». Как обычно, он отнесся к новой работе серьезно и стал изучать не только теорию топографии, но и математические предметы.

Биографы отмечают, что в юности у Линкольна было несколько связей с девушками, которые продолжались недолго и в которых каждая сторона не стремилась к браку. Можно полагать, что Авраам, воспитанный в баптистских принципах, искал такую пару, которая была бы ему верной и послушной женой. Скорее всего, он не пренебрегал и материальными соображениями. В 1839 г. Авраам познакомился с Мэри Тодд, дочерью зажиточного предпринимателя из Лексингтона (штат Кентукки). Ее отец имел несколько рабов и не был особенно расположен к неимущему человеку, уже не юноше, который начал ухаживать за его дочерью. Все же состоялось обручение, была назначена свадьба. Она, однако, была отменена. Документы свидетельствуют, что инициатором разрыва был Линкольн. Причиной разрыва стала ссора, вызванная, по всей видимости, вздорным характером Мэри, явно поощряемым ее родителями. Но девушка была очень привлекательной внешне, у Авраама сохранились к ней нежные чувства. Когда примерно через год они случайно встретились вновь, любовь вспыхнула с новой силой, возобновились встречи. В ноябре 1842 г. в доме сестры Мэри в городе Спрингфилде состоялась свадьба.

Брак изначально не был удачным. Правда, Линкольн, который в это

время, наряду с работой на торговом пароходе, стал учиться праву, пытался обзавестись собственным хозяйством и стать благополучным семейным горожанином. В Спрингфилде он купил домик, в котором хозяйничала Мэри, впрочем, не особенно склонная к какому-либо труду. Несмотря на скромные доходы супруга, она нанимала служанок, и Аврааму нередко приходилось просто выкручиваться, чтобы расквитаться с долгами. Между ними происходили ссоры, вызванные приступами ревности жены, Авраам уходил из дома, а на вопросы, куда он направляется, отвечал: «Наверное в ад!» Тем не менее нормы баптистской этики решительно запрещали развод, и брак сохранялся, хотя между Авраамом и Мэри постепенно возникало отчуждение. Оно углубилось в результате смерти детей. Правда, первый ребенок Роберт, родившийся в 1843 г., прожил долгую жизнь. Он стал известным юристом и военным секретарем США. Но следующие трое сыновей — Эдвард, Уильям и Томас — умерли от болезней в детском и подростковом возрасте. Потеря детей оказала немалое влияние на обоих Линкольнов. Она вконец испортила характер Мэри, которая стала истеричной, предельно ревливой и самовластной. Что же касается Авраама, то у него появилось ощущение мистицизма и предопределенности судьбы. Через много лет он как-то произнес одному из своих подчиненных офицеров: «Говорили ли вы когда-нибудь с мертвыми? После смерти Вилли я обнаруживаю, что каждый день я невольно разговариваю с ним, как будто он находится рядом со мной».

Очевидцы вспоминали, что после смерти детей у Линкольна временами наступали периоды «меланхолии». Это был очень мягкий термин, ибо, судя по описаниям того, в чем она заключалась, речь шла о глубокой депрессии, требовавшей клинического лечения. Близкие к Линкольну люди говорили, что у него временами появлялось глубокое и необоснованное чувство вины, причем он не мог объяснить, в чем именно виноват, нарушалась концентрация внимания, возникала длительная бессонница. Это, однако, были временные состояния, которые возвращались, но вновь проходили, существенно не препятствуя карьере.

Как и большинство белых поселенцев на западной границе, которая постепенно продвигалась вглубь континента, Линкольн служил в местной милиции, участвовал в нескольких столкновениях с индейцами, получил звание капитана.

Изучая право, причем не так, как это обычно происходило, в определенном учебном заведении или у опытных юристов, а путем самостоятельного чтения сочинений, главным образом из области английского юридического опыта и норм, Линкольн во все большей

степени вовлекался в политику. В 1834 г. он вновь выдвинул свою кандидатуру в легислатуру Иллинойса и добился победы. Выступал он от Партии вигов, но активным вигом не стал, поддерживал связи с демократами, некоторые из них выступали в его пользу как «честного политика». К самой Партии вигов он относился с известной критикой, считая, что она не полностью соответствует интересам широких слоев американцев. Он признавал, что виги добиваются победы, в частности на президентских выборах, но считал, что эти победы главным образом зависели от личного авторитета кандидатов, в частности полученного в результате их подлинных или приписанных им воинских достижений, а не по причине доверия партийному курсу. Линкольн все более убеждался, что Партию вигов необходимо реорганизовать, а возможно, заменить новой партией, которая выработает приемлемую программу, по крайней мере соответствующую пожеланиям большинства населения Иллинойса.

Линкольн говорил на собраниях, что жителям Иллинойса необходима партия, которая вместо патернализма и элитизма выдвинет на первый план «демократический национализм», свойственный настроениям молодой американской нации. В основу политики, утверждал он, необходимо положить воспитание народа в таком духе уважения к закону, чтобы это настроение стало подлинной религией.

В 1836 г. Линкольн, пожалуй, единственный из крупных американских деятелей, был принят в коллегию юристов, не имея каких-либо свидетельств о предыдущем специальном образовании, только на основе своих правовых знаний, проявленных во время строгого экзамена. Вслед за этим совместно с двоюродным братом жены Джоном Стюартом он открыл в Спрингфилде адвокатскую контору, которая вскоре завоевала авторитет среди жителей и стала приносить доход. О Линкольне говорили, что он ведет успешную полемику в суде и обычно добивается успеха.

Одновременно он продолжал работать в Палате представителей Иллинойса, куда избирался четыре раза подряд в качестве представителя вигов. В основном он занимался здесь местными хозяйственными делами, связанными с инфраструктурой. Как видно из протоколов Палаты представителей, особое внимание депутата привлекало строительство Иллинойского и Мичиганского канала, который должен был связать Великие озера с рекой Миссисипи и способствовать превращению Чикаго в крупный транспортный центр в то время, когда железнодорожное строительство не получило еще широкого распространения. Сооружение канала, начатое еще до избрания Линкольна, то прерывалось в результате финансовых трудностей, то возобновлялось, причем наблюдатели

отмечали, что именно красноречивые выступления молодого юриста в наибольшей степени способствовали принятию позитивных решений о строительстве.

В легислатуре происходили бурные прения по вопросу о праве избирать и быть избранным. Линкольн выступал за отмену того пункта законодательства, который ограничивал активное избирательное право, предоставляя его только белым землевладельцам. Он считал, что такое ограничение сужает возможности избрания достойных представителей нации в законодательные органы. В то же время Линкольн считал возможным сохранение некоторых ограничений избирательного права даже для белых, утверждая, что необходимо соблюдать определенный имущественный ценз, что нищие и бездомные не способны ответственно относиться к гражданским правам и общественному долгу. В то же время он считал правильным предоставление избирательного права женщинам.

К вопросу о рабовладении депутат относился осторожно. Он считал, что рабство должно быть отменено, но постепенно, путем ограничения рабовладения теми территориями, на которых оно действует согласно местному законодательству. В то же время он выступал против аболиционизма, утверждая, что его крайняя доктрина ведет скорее к закреплению, а не устранению зла. Линкольн выступал за освобождение рабов путем добровольного согласия их владельцев, возможно при помощи небольшого выкупа за счет средств благотворителей. Он считал важной работу Американского колонизационного общества, которое стремилось продолжать политику президента Монро по переселению бывших рабов в Африку, на территорию Либереи, несмотря на то, что эта страна, как показывала ее практика, оказывалась в руках безответственных деятелей и требовала все новых вспомоществований, главным образом из Америки, чтобы продолжать хотя бы нищенское существование.

Хотя Линкольн уже в годы работы в Палате представителей Иллинойса считал необходимым принципиальное обновление Партии вигов, он продолжал состоять в ней, называя себя «старым вигом». В ряде публичных выступлений он проповедовал принципы этой партии, в частности экономическую модернизацию с использованием централизованной банковской системы, протекционистские тарифы, которые давали бы средства на «внутреннее совершенствование» страны, строительство железных дорог и связанную с ним урбанизацию.

В 1843 г. Линкольн выдвинул свою кандидатуру в Палату представителей Конгресса США. На этих выборах он потерпел поражение, но в 1846 г. был избран от Иллинойса, являясь единственным вигом,

ставшим депутатом от этого штата. В Конгрессе Линкольн работал активно. Он был одним из авторов (совместно с Джошуа Гиддингсом) законопроекта о ликвидации рабовладения в столичном округе Колумбия. Правда, в законопроекте была сделана уступка рабовладельцам, предоставлявшая право задерживать в округе и возвращать владельцам беглых рабов.

Так что и в Конгрессе о переходе Линкольна на аболиционистские позиции речи не было. Он выступал в то же время за то, чтобы рабство не было распространено на все новые территории, завоеванные в ходе американо-мексиканской войны. Что же касается самой войны, то Авраам в принципе был против нее, считая, что война велась президентом Полком преимущественно во имя воинской славы. Он требовал, чтобы Полк правдиво отчитался перед Конгрессом, каковы были американские жертвы, бесполезно, по его мнению, принесенные в ходе военной кампании.

Позиция Линкольна была подвергнута острой критике в Иллинойсе, охваченном, как и другие штаты, военно-патриотическим угаром. Он пробыл в Конгрессе только один срок и не был переизбран. А в местной печати его даже называли презрительной кличкой «пятнистый», что на лексиконе штата означало «не имеющий устойчивой точки зрения», изменчивый. Позже Линкольн, уже погружившийся в противоречия Гражданской войны, несколько раз выражал сожаление о своей позиции во время войны с Мексикой, считая свои упреки по адресу президента Полка неосновательными.

Как уже известному политику Линкольну была предложена должность губернатора территории Орегон на западном побережье. Здесь, однако, преимущественным положением обладали демократы, являвшиеся политическими противниками вигов. Считая перемещение на эти отдаленные земли, тем более связанное с фактическим прекращением правовой и политической карьеры в Иллинойсе, нецелесообразным, Линкольн отклонил предложение и вновь занялся частной правовой практикой. Имея в виду, что он занимался юридическими делами далеко не только в крупных городах, а выезжал на периферию, нередко в почти дикие и заброшенные места, он вскоре получил лестное прозвище «юрист прерий». Постепенно возникла определенная специализация: Линкольн наиболее охотно включался в споры между транспортными компаниями.

По подсчетам юристов, Линкольн выступал в Верховном суде штата по 175 делам, в том числе в 51, по которым требовались решения в пользу или против позиции адвоката. Он выиграл 31 дело. Такой итог не был ошеломляющим успехом, но все же свидетельствовал о грамотности и

опытности адвоката, побеждавшего в большинстве случаев. Он гордо повторял, что его прозвали в штате «честный Эйб». Кличка Эйб, являвшаяся сокращением от имени Эйбрахам (именно так произносилось имя Линкольна), стала со временем обычной в разговорах о нем, в том числе в период президентства. В отдельных случаях Эйб отказывался от гонорара, когда ему было очевидно, что клиент настолько беден, что полностью разорится, если уплатит немалый гонорар адвокату.

В основном сосредоточиваясь на гражданских, преимущественно коммерческих, спорах, Линкольн лишь иногда участвовал в защите обвиняемых в уголовных преступлениях. В 1858 г. в прессе всей страны освещалось дело некоего Уильяма Армстронга, обвинявшегося в убийстве в ночное время. Линкольну удалось поставить под сомнение показания одного из свидетелей. Проведенный по его требованию следственный эксперимент показал, что лунный свет был настолько тусклым, что узнать в лицо обвиняемого не было никакой возможности. В результате Армстронг был оправдан. Имея в виду, что практика следственного эксперимента, тем более по ходатайству адвоката, только начинала внедряться, это дело позже цитировалось в прецедентных решениях и в пособиях по юриспруденции, а имя Линкольна как новаторского специалиста получало все более широкую известность.

В то же время, по мере того как в условиях приобретения новых территорий неуклонно обострялись противоречия между Севером и Югом, Линкольн постепенно все более внимательно следил за политическими столкновениями и высказывал по ним свое мнение. Он выступал за «постепенную эмансипацию», против распространения рабства на новые территории и осуждал «экстремизм» с обеих сторон. Когда из среды умеренных демократов, в частности из уст С. Дугласа, стали раздаваться предложения о «народном суверенитете», то есть о том, чтобы изъять вопрос о новых землях из ведома Конгресса и передать его для решения на места, на усмотрение представительств новых штатов и территорий, Авраам вначале отмалчивался, но затем стал решительно выступать против этого. Он понимал, что в результате хорошо организованным политическим силам на Юге удастся навязать Западу свою волю.

Шестнадцатого октября 1854 г. он выступил в городе Пеона, штат Иллинойс, с трехчасовой речью, в которой обосновал свое отрицательное отношение к биллю Канзас — Небраска, в котором выражена была позиция Дугласа и следовавших за ним демократов. Он подчеркнул, что билль лишь на словах выражает «среднюю позицию», а на самом деле он ведет к расширению рабовладения, его закреплению. Эта речь, а также несколько

менее значительных выступлений, последовавших за ней, означали возвращение Линкольна к политической жизни. Он отмежевался от вигов и стал одним из деятельных членов растущей новой Республиканской партии.

Линкольн не участвовал в учредительном съезде Республиканской партии, проходившем в городе Рипоне (штат Висконсин) 28 февраля 1854 г. Его выступление в Пеоне было более кардинальным, нежели исходные установки партии. Они не полностью выражали взгляды Авраама, который в то время еще не выступал за полную и немедленную отмену рабства — речь являлась известным преувеличением собственной позиции. По существу, Линкольн не только присоединился к республиканским программным установкам, объявленным уже в Рипоне, но вскоре стал активным и руководящим деятелем партии. Он преодолел первоначальные опасения, что эта партия станет опорной базой крайних аболиционистов, и убедился, что она вполне может занять умеренную позицию.

Республиканцы, в частности Линкольн, выступали за отмену акта Канзас — Небраска, за запрещение рабства севернее 36-й параллели, а позже за раздачу свободных земель бесплатно всем желающим и установление высоких ввозных пошлин на ввозимые в США европейские товары. Партия быстро создавала свои структуры в городах севера, выражая интересы не только промышленников, но и широких слоев населения. Уже вскоре появился символ партии — слон, олицетворявший мощь.

На выборах 1854 г. кандидатура Линкольна была выдвинута в легислатуру Иллинойса без его ведома. Он был избран, но отказался занять свое место, так как претендовал на избрание в Сенат федерации. Добиться избрания ему не удалось, но он все более выделялся в общественном сознании, в прессе как наиболее значительный руководитель республиканцев в штате Иллинойс, которые приступили к формированию своей парторганизации. Ее учредительный съезд состоялся в городе Блумингтоне в мае 1856 г. Фактически съездом руководил Линкольн. При его непосредственном участии готовилась платформа организации, в которой указывалось, что статус новых штатов и территорий должен регулироваться решениями Конгресса, а не произволом местных властей, что Канзас должен быть принят в Союз как штат свободный.

Авраам Линкольн активно участвовал в предвыборной борьбе 1856 г. Он поддержал кандидата в президенты от «третьей силы» Милларда Филлмора. Как мы знаем, президентом был избран представитель Демократической партии Бьюкенен. Однако республиканцы Иллинойса

добились важной победы — избрания губернатором штата своего представителя Уильяма Биссела.

Все более ощущая себя одним из лидеров республиканцев, Линкольн, несмотря на свою нелюбовь к теоретическим постулатам, в ряде выступлений стремился обосновать принципы новой партии. Он критиковал «старый патернализм» вигов, утверждал возможность и необходимость социальной мобильности. В противовес виговской идее гармонии классовых интересов он утверждал, что Америка должна стать «бесклассовым обществом». Впрочем, он оговаривался, что это отнюдь не означает отсутствия имущественных различий, которые естественны и являются стимулом общественного развития. Речь шла об индивидуальной инициативе и интенсивном труде, сопутствующих удаче, которые чреваты вознаграждением, когда рабочий становится капиталистом. Иначе говоря, «бесклассовость» понималась Линкольном как отсутствие строгих классовых перегородок. Отсюда возникала идея «американской мечты» — возможности восхождения простого человека к высотам богатства и власти.

По вопросу о рабстве позиция Линкольна оставалась умеренной, но несколько противоречивой. Он не выступал за полную его отмену, тем более в ближайшей перспективе. В то же время в некоторых его речах подобно выступлению в Пеоне говорилось, что рабовладение — это грех, что оно причиняет вред самим белым людям, блокирует прогресс, противоречит республиканским принципам отцов-основателей. Он энергично выступил против решения Верховного суда по делу Дреда Скотта. Утверждая, что это решение явилось продуктом «конспиративной деятельности» демократов, навязано ими высшему судебному органу; республиканский лидер провозглашал: «Авторы Декларации независимости никогда не собирались утверждать, что все люди одинаковы по своему цвету, размерам тела, интеллекту, моральному уровню или социальным способностям, но они полагали, что все люди созданы равными — равными по определенным, неотъемлемым правам».

Перед выборами в Сенат 1858 г. республиканцы Иллинойса выдвинули Линкольна, который вступил в предвыборную борьбу с авторитетным С. Дугласом. Между ними состоялись несколько туров дебатов, в ходе которых республиканский представитель продолжал аргументировать позицию отцов-основателей США по поводу равенства возможностей и прав всех жителей страны (он явно лукавил, ибо основатели США сами были рабовладельцами и отнюдь не считали своих рабов равными с ними по возможностям гражданами), тогда как Дуглас исходил из принципа демократов по поводу прав штатов определять свой статус. Дебатам были

свойственны резкие тона, которые подчас переходили в прямые обвинения, граничившие с оскорблениями.

Победу одержал Дуглас, переизбранный в Сенат. Линкольн, однако, приобрел известность как лидер республиканцев не только в Иллинойсе, но и в национальном масштабе. О нем стали говорить как о наиболее вероятном их кандидате на очередных президентских выборах. Вначале он колебался, следует ли ему выдвигать свою кандидатуру. Он ссылаясь на то, что, пользуясь популярностью в центральных штатах севера, он менее известен на северо-востоке страны, где активно действуют другие республиканские политики. 1859 г. прошел в колебаниях, причем Авраам подчас впадал в депрессивное состояние, заявляя, что его пытаются затянуть в пропасть, что он потерпит на выборах, если выдвинет свою кандидатуру, позорное поражение, а это будет означать поражение всей партии. Все же оптимистическое настроение в конце концов возобладало.

В январе 1860 г. он дал понять своим сторонникам и прессе, что примет номинацию, если она будет ему предложена.

Двадцать седьмого февраля 1860 г. Линкольн выступил с речью в нью-йоркском Манхэттене, в здании Куперов-ского института. Хотя на присутствующих активистов Республиканской партии и других приглашенных Линкольн вначале произвел странное впечатление своей небрежной одеждой и кажущейся застенчивостью, по мере того как он развивал свою аргументацию, присутствовавшим становилось ясно, что это — деятель, который может повести за собой широкие массы избирателей.

На съезде республиканцев Иллинойса 9—10 мая Линкольн был выдвинут в президенты единодушно в первом же туре. Вслед за этим 18 мая в Чикаго состоялся национальный съезд партии. На нем выдвигались и другие кандидаты. Но уже в третьем туре кандидатура Линкольна получила поддержку 2/3 участников, что требовалось для официального выдвижения. На пост вице-президента был выдвинут Ганнибал Хэмлин из штата Мэн — бывший демократ, политик малоизвестный, избранный для того, чтобы привлечь на сторону Линкольна тех, кто колебался в определении партийных предпочтений.

Выборы 1860 г. застали Демократическую партию в состоянии разброда. Как мы уже знаем, она раскололась на две враждовавшие фракции, выдвинувшие своих кандидатов, что облегчило победу Линкольна. Этому способствовало и то, что республиканскому кандидату удалось подобрать эффективную команду помощников, которые удачно пропагандировали его образ как идеального политика, лесоруба из прерий, «честного Эйба», парня, который всегда одевается просто. Короче говоря,

для рядовых американцев это был «один из наших». В то же время в издаваемых брошюрах и плакатах о Линкольне говорилось как об опытном, «глубокомысленном», образованном кандидате, принимающем только обдуманные, хорошо взвешенные решения. Это должно было привлечь на его сторону более зажиточную и консервативную публику. Иначе говоря, предвыборная кампания Линкольна явилась важным этапом на пути формирования современной предвыборной агитации, по существу дела рекламой, призванной увлечь толпу, более или менее охотно поддающуюся внешнему интенсивному воздействию.

Предвыборный штаб Линкольна впервые обратил особое внимание на молодых избирателей. Для агитации в их среде была создана специальная организация под странноватым названием «Широкое пробуждение», причем само это наименование уже пробуждало интерес в молодежной среде. В организацию удалось привлечь значительный круг молодежи из крупных городов, которой нравились популярные лозунги, призывы к самостоятельности юношеских выступлений, к более определенной «молодежной идентичности», а также полувоенная структура и дисциплина. Это был первый в американской истории случай создания молодежной политической организации, следовавшей за определенной партией и активно участвовавшей в избирательной кампании. В условиях нестабильности выборного года создание такой организации было явной удачей Линкольна, который часто встречался с ее участниками и для которых он представлялся чуть ли не Богом.

Пока другие кандидаты вели активную кампанию, Линкольн был сдержан и в основном молчалив. В то же время его сторонники проводили многочисленные собрания и митинги, издавали сотни плакатов и брошюр, в которых пропагандировались партийные лозунги и подчас косвенно, подчас прямо утверждалось, что Линкольн — единственный человек и политик, который способен спасти страну от распада. Опять-таки впервые в истории американских выборов агитация проводилась в самых широких массах, листовки и памфлеты издавались для того времени огромными тиражами, достигавшими 150–200 тыс. экземпляров.

На выборах 6 ноября Линкольн был избран президентом. Если быть точным, он стал президентом, избранным северными и западными штатами. Из пятнадцати южных штатов в десяти за него не был подан ни один голос. Из 996 графств юга он выиграл только в двух. Когда победа республиканского кандидата, явного противника по крайней мере расширения рабства, стала очевидной, угроза раскола страны переросла в реальность. Вслед за Южной Каролиной, объявившей о выходе из США 20

декабря, примеру последовали Флорида, Миссури, Алабама, Джорджия, Луизиана, Техас. Руководящие органы этих штатов объявили о создании собственного государства под названием Конфедеративные Штаты Америки. Еще восемь штатов, в том числе непосредственно примыкающие к столице Мэриленд и Вирджиния, не присоединились к Конфедерации, но объявили о возможности присоединения, если центральное правительство будет проводить враждебную по отношению к Югу политику. 9 февраля 1861 г. Джефферсон Дэвис был избран временным президентом Конфедерации.

Линкольн, еще не вступивший на президентский пост, объявил незаконным отделение южных штатов, отказался признать Конфедерацию и объявил ее провозглашение преступлением против нации.

Некоторые политики, главным образом из числа северных демократов, пытались выступить посредниками, надеясь, что в случае твердых обещаний Линкольна сохранить статус-кво южные штаты могут отказаться от раскола. Однако Линкольн проявил в данном случае твердость, заявив: «Я лучше умру, чем соглашусь на любую уступку или компромисс, которые будут выглядеть так, как будто я покупаю привилегию обладания властью, на которую имею конституционное право». Это, однако, были лишь слова. На практике избранный президент стремился предотвратить военное столкновение внутри нации. Он не согласился на выработку специальной поправки к Конституции, предусматривавшей продление линии Миссурийского компромисса на западные территории с гарантией сохранения рабовладения к югу от нее. Им, однако, был одобрен проект другой поправки, объявлявшей сохранение рабства в тех штатах, в которых оно существовало до включения в США новых территорий. Перед вступлением в должность новый президент направил письмо губернаторам, в том числе южных штатов (таковые теперь существовали только на бумаге), информируя их о предстоявшем принятии соответствующего конституционного дополнения.

Линкольн отправился из Спрингфилда в Вашингтон на инаугурацию в специальном вагоне железнодорожного состава заранее, с тем чтобы сориентироваться в столице и подготовить свою речь, которая в условиях начала 1861 г. должна была принципиально определить главное направление развития страны. О его поездке было объявлено, происходила она открыто. Линкольн останавливался в крупных городах, встречался с жителями. Сведения о предстоящем появлении Линкольна в Вашингтоне распространились по всей стране. Врагам президента удалось без особого труда разузнать подробности путешествия. В Балтиморе, всего лишь в паре

часов езды от Вашингтона, на жизнь Линкольна было подготовлено покушение. Действия террористов были предотвращены, а сами они были схвачены благодаря умелому поведению нанятого Линкольном для своей охраны руководителя сыскного агентства Алана Пинкертона.

Линкольн проявил способность распознавать лиц и учреждения, которым можно было доверять. Он договорился об охране в условиях, когда столица США оказалась почти в центре бунта рабовладельцев, с агентством Пинкертона, основанным в 1850 г. Это агентство ввело в практику расследований подробное описание преступников, расклейку портретов подозреваемых, вознаграждения за помощь. Напомним, что именно фамилией Пинкертона была названа серия романов детективно-приключенческого жанра, пользовавшихся популярностью в начале XX в., автор (или авторы) которых так и остались неизвестными. Правда, имя героя было заменено на Нат, чтобы анонимного автора или издателей не обвинили в клевете или каком-то другом преступлении.

У Линкольна были все основания беспокоиться за свою жизнь. Его секретарь вспоминал: «Почта президента была просто заражена грубыми и дерзкими угрозами». Предполагая, что именно в Балтиморе, на последней станции перед Вашингтоном, может быть совершено нападение, Пинкертон со своими агентами прибыл в город в начале февраля. Его агентам удалось внедриться в преступные группировки и получить сведения о предполагаемых планах злоумышленников. Они были схвачены.

В инаугурационном выступлении 4 марта Линкольн обращался прежде всего к мятежным южным штатам. Он убеждал их, что Союз должен оставаться нерушимым, что отделение незаконно, что он, президент, ни в коем случае не будет первым атакующим, но использование оружия против единства страны будет им в соответствии с законом рассматриваться как бунт и встречено силой. Он в то же время стремился внести в раскаленную атмосферу хотя бы минимальное успокоение. «У меня нет намерения прямо или косвенно вмешиваться в институт рабства в тех штатах, в которых оно существует», — говорил он. Все эти примирительные слова были тщетными. Взбунтовавшаяся Конфедерация не желала вести переговоры. Гражданская война — самая страшная из всех возможных войн, война внутри одной нации — оказалась на непосредственной повестке дня. Теперь достаточно было любого повода, чтобы вспыхнули военные действия. Такой повод нашелся, когда комендант Форт-Самтер, непосредственно примыкавшего к городу Чарльстону в Южной Каролине, обратился к своему командованию с просьбой о присылке дополнительных сил в связи с тем, что власти штата (который они теперь не считали штатом

объединенного государства) отказались его снабжать. Понимая, что выполнение запроса может вызвать необратимые последствия, армейское командование обратилось к президенту. Линкольн распорядился немедленно направить в Самтер подкрепления живой силой, техникой и снабдить форт новой амуницией и пищевыми припасами. Оценив это как начало военных действий, власти Конфедерации отдали приказ о захвате форта. 12 апреля 1861 г. на форт было совершено нападение крупными силами. После недолгого боя его защитники сдались. Так в США началась Гражданская война.

Хотя в северных штатах продолжались призывы решить противоречия на основе переговоров даже после захвата форта, Линкольн теперь проявил твердость. 15 апреля он обратился к штатам, верным Союзу, с призывом укрепить федеральную армию, доведя ее до 150 тыс. человек, направить войска на освобождение Самтера, укрепить оборону столицы, которая оказалась между Мэрилендом, власти которого колебались, но в массе белого населения преобладало враждебное отношение к Линкольну, и Вирджинией, которая стояла накануне присоединения к Конфедерации. Линкольн призывал сохранить Союз, который, как он провозглашал, продолжал существовать, несмотря на предательские действия раскольников.

К середине мая от США откололись 11 штатов, которые объявили своей столицей главный город Вирджинии Ричмонд. В составе США остались 23 штата, включая четыре рабовладельческих, власти которых после острой внутренней борьбы сочли целесообразным не порывать с федерацией. Помимо этого произошел внутренний конфликт в Вирджинии. Ряд ее западных графств отказались войти в Конфедерацию и провозгласили создание нового штата Западная Вирджиния, который позже был принят в США.

Нельзя сказать, что Линкольн был уверен в быстром достижении победы. В первые месяцы войны им часто овладевали пораженческие настроения, возникало чувство отчаяния, в результате чего он в течение нескольких дней просто не занимался делами, а «размышлял» о судьбе страны и собственной незавидной судьбе, взвешивал, правильно ли поступил, спровоцировав нападение на Форт-Самтер, не является ли он сам главным виновником пролития братской крови. Такого рода настроения довольно быстро уступали место повышенной военно-политической активности, которую стремились стимулировать наиболее деятельные члены кабинета. Среди них самым энергичным являлся государственный секретарь Уильям Сьюард. Вначале Линкольн возлагал немалые надежды на

военного секретаря Саймора Камерона. Он, однако, не проявил должных способностей государственного мужа. Более того, вскоре в его ведомстве были обнаружены крупные финансовые злоупотребления. В начале 1862 г. президент уволил Камерона и назначил военным секретарем Эдвина Стэнтона, бизнесмена, в прошлом консервативного демократа, который теперь перешел в лагерь республиканцев. С новым министром были установлены тесные отношения. Стэнтон исправно выполнял распоряжения Линкольна, особенно важные в условиях войны.

Развернутая по инициативе правительства агитация, присоединение к ней организаций Республиканской партии и многочисленных общественных движений и прессы, поддержка промышленного и банковского капитала привели к патриотическому подъему в северных штатах. Проводились массовые митинги, произносились пламенные речи, принимались патриотические резолюции.

Линкольн объявил южные штаты в состоянии мятежа, ввел морскую блокаду их побережья, чтобы не допустить помощи из европейских стран, в частности Великобритании, с которой юг был связан экономически, объявил о наборе в армию не менее 75 тыс. добровольцев и предоставлении льгот в получении американского гражданства тем иммигрантам, которые будут воевать в армии северян. Армия, однако, не была должным образом подготовлена к ведению военных действий. Во главе нее стояли неопытные генералы. Не проявил необходимых способностей и генерал Джордж МакКлеллан, которого Линкольн в начале ноября назначил командующим всеми армиями. Начавшиеся в июне 1861 г. бои имели местное значение, причем армии севера большей частью их проигрывали, иногда даже обращаясь в бегство. Оказывалось, во-первых, что выступать на митингах было легче, чем идти в бой с угрозой для жизни, а во-вторых, для ведения боя и тем более военной кампании необходимы были знания и опыт.

Напряженное положение сохранялось, временами усиливаясь до крайности в тех рабовладельческих штатах, которые не решились выйти из Союза. В штате Мэриленд произошло несколько нападений толпы на войска, когда те перегружались из одного железнодорожного состава в другой, а вслед за этим сожжены два небольших моста, что воспрепятствовало, правда на краткое время, переброске войск. После этого Линкольн издал прокламацию об отмене гражданских прав в зоне военных действий в том случае, если военные руководители на местах сочтут это необходимым. Иначе говоря, он предоставил генералам право самостоятельно вводить военное положение. Во исполнение этого распоряжения в Мэриленде военные арестовали почти все руководство

штата, включая губернатора. В Конгрессе действия президента были подвергнуты острой критике. Депутаты все еще не могли осознать, что страна находится в состоянии войны.

Положение Севера еще более осложнил захват 8 ноября 1861 г. британского парохода «Трент» (*Trent*) с эмиссарами Юга на борту. Оказалось, что Великобритания осмелилась нарушить морскую блокаду. США вновь оказались на грани войны с «владычицей морей».

Лишь постепенно экономические преимущества северных штатов вместе с приобретенным военным опытом и появлением новых талантливых военачальников начинали отражаться на ходе военных действий. Сказался и тот факт, что Линкольн как Верховный главнокомандующий оказался способен быстро распознавать таланты генералов и назначать их на ответственные посты.

Особенно яркой в этом отношении была судьба Улисса Гранта, который возглавлял вначале небольшой отряд добровольцев, но вскоре стал генералом и получил под свое начало целые армии. (Гранту, ставшему позже президентом США, посвящен отдельный очерк.) В то же время Линкольн был крайне недоволен действиями МакКлеллана. После нескольких неудачных сражений тот был смещен с поста командующего, а на его место назначен добившийся нескольких побед Эмброуз Бернсайд. Впрочем, и этот генерал не раз терпел поражения.

Понимая необходимость принятия решительных политических мер, способных коренным образом изменить ход войны и победоносно завершить ее в кратчайшие сроки, Линкольн и его ближайшие советники, прежде всего госсекретарь Сьюард мучительно размышляли, что следует предпринять. Они надеялись, что изменению характера войны будет способствовать принятый по предложению президента 20 мая 1862 г. акт о гомстеде (об участках-усадебках, то есть о земельных наделах из фонда свободных земель). Согласно этому закону каждый гражданин США, достигший 21 года и не воевавший на стороне юга, мог бесплатно получить из общественного фонда в западной части страны участок земли до 160 акров (65 гектаров). Требовалось уплатить лишь регистрационный сбор в 10 долларов. По истечении пяти лет поселенец, начавший обрабатывать землю и возводить на ней какие-либо строения, получал эту территорию в полную собственность. Всего было роздано около двух миллионов гомстедов общей площадью около 285 млн акров (115 млн гектаров, что составляло около 12 % всей территории страны). Это была подлинная аграрная революция.

Акт о гомстеде бесспорно укрепил позиции центрального

правительства и особенно Линкольна в качестве главы государства. В какой-то мере он повлиял на ход войны. Но решающий перелом все же не происходил. В этих условиях президент пошел на новый революционный шаг. 30 декабря 1862 г. он подписал прокламацию об освобождении рабов во всех враждебных Союзу штатах. Она вступала в силу немедленно — с 1 января 1863 г. Правда, в самих США прокламация подверглась критике аболиционистов, так как в ней не шла речь об отмене рабства в принципе. Сам Линкольн высказывался по поводу издания прокламации осторожно: «Моя главная цель в этой борьбе состоит в сохранении Союза. Если бы я мог сохранить Союз, не освобождая ни одного раба, я бы сделал это; если бы я мог сохранить его, освобождая всех рабов, я бы сделал это; если бы я мог сохранить его, освободив часть рабов и оставив остальных в их нынешнем положении, я также это бы сделал».

Но практически прокламация Линкольна означала отмену рабства, которая позже была закреплена специальной поправкой к Конституции. Именно так ее восприняло население северных штатов и рабы на территории Конфедерации, которые ответили на нее массовыми восстаниями и присоединением к армиям северян. Точно так же поняли ее в странах Европы, где осторожное отношение к американским событиям быстро сменилось сочувствием к делу севера. Российское правительство Александра II, незадолго перед этим опубликовавшее положение об отмене крепостного права, сообщило, что американцы следуют его примеру, и выразило сочувствие делу Линкольна.

Меры, принятые Линкольном и его правительством наряду с другими факторами, включая международные, привели к тому, что кампания 1863 г. стала переломной. Правда, начало года было для северян неудачным: командовавший армией Конфедерации талантливый военачальник и защитник «особого образа жизни на юге» генерал Роберт Ли добился нескольких побед в штатах Мэриленд и Вирджиния. Обе стороны готовились к решающему сражению, которое произошло в районе небольшого городка Геттисберг, штат Пенсильвания, 1–3 июля. Важной особенностью этой битвы было то, что она впервые происходила на территории северного штата, вглубь которого проникла армия Ли. В первый день Ли удалось добиться тактического успеха, однако затем северяне перешли в контрнаступление и заставили противника отойти. Это, бесспорно, была победа, причем добытая малой кровью: потери Ли составили 27 тыс. человек, а генерал Джозеф Мид, командовавший армией Союза, потерял 23 тыс.). Мид не решился преследовать Ли, так как его армия была ослаблена. Однако перелом в военных действиях был

безусловным. В следующие месяцы побед главным образом добивались северяне.

После поражений 1863 г. шансы на победу у Конфедерации практически исчезли. Политики и военные эксперты как в США, так и в Европе рассуждали теперь главным образом о том, как долго сможет продержаться Конфедерация против явно превосходящих сил Союза. Авторитет президента Линкольна неизмеримо вырос. Он закрепил его, посетив 19 ноября 1863 г. Геттисберг и произнеся яркую речь при открытии солдатского кладбища в районе того самого поля боя, где четверть с половиной месяца ранее проходило сражение. Выступление было кратким — чуть более двух минут, — однако вошло в историю как образец ораторского искусства (хотя некоторые авторы считают, что ничего особого, существенно отличавшегося оттого, за что и как выступал Линкольн ранее, эта речь не содержала). По всей видимости, именно торжественно-траурный контекст, простота и краткость выступления обеспечили Геттисбергской речи такую славу. По-видимому, важен также был и контраст: Линкольн выступил после губернатора Массачусетса Эдварда Эверетта, произнесшего огромную речь (свыше двух часов), пышную и нудную, полную исторических параллелей и ученых обобщений. После выступления Линкольна последовала тишина. Никто не аплодировал. Все присутствующие долго стояли неподвижно и затем стали молча медленно расходиться.

Линкольн говорил: «Минуло 87 лет, как отцы наши основали на этом континенте новую нацию, своим рождением обязанную свободе и убежденную, что все люди рождены равными. Сейчас мы проходим великое испытание гражданской войной, которая решит, способна ли устоять эта нация или любая нация, подобная ей по рождению или по призванию. Мы сошлись на поле, где гремела великая битва этой войны. Мы пришли, чтобы освятить часть этой земли — последнее пристанище тех, кто отдал свои жизни ради жизни этой нации. И это само по себе вполне уместно и достойно. Но все же не в нашей власти освятить это поле, сделать священной, одухотворить эту землю... Давайте же мы, живые, посвятим себя тому неоконченному делу, которое вершили здесь эти воины. Давайте посвятим себя здесь великой работе, которая нам предстоит, и преисполнимся еще большей решимости отдать себя той цели, которой павшие здесь отдали себя всецело и до конца».

Отношение современников к этой речи не было вполне однозначным. Политические противники смешивали выступление, как, впрочем, и другие речи президента, с грязью. Связанная с Демократической партией газета

«Чикагское время» (*Chicago Times*) писала: «Каждый американец должен ощущать жжение стыда за такие глупые, поверхностные и мутные высказывания, изрекаемые человеком, которого образованным иностранцам представляют как президента США». Но подавляющее большинство граждан США уже тогда отнеслось к словам президента с глубоким уважением. По сей день в США геттисбергское выступление называют самой знаменитой речью в Америке.

Тем временем военная обстановка складывалась в пользу северян. У них появлялись новые талантливые полководцы. Одним из таковых стал Уильям Шерман. Вначале он командовал отрядом добровольцев, затем обративший на него внимание Линкольн назначил его командующим армией, действовавшей на Восточном театре. На этом посту он заменил Гранта, ставшего главнокомандующим. В мае 1864 г. Шерман во главе 100-тысячной армии вторгся в Джорджию, проводя тактику «выжженной земли», не щадя пленных и используя восставших рабов, которые убивали всех подряд — виновных и невиновных. Гражданская война приобретала все более разрушительные очертания. 2 сентября был занят крупнейший город штата — Атланта. Сам Грант непосредственно руководил войсками, действовавшими в Вирджинии, где он осадил город Петерсберг, причем в боях впервые организованно участвовали «цветные отряды», то есть полурегулярные части негров.

К весне 1865 г. победа севера стала очевидной и общепризнанной. Отступавшие армии южан попытались закрепиться в районе Аппоматтокса, однако 9 апреля вынуждены были сдаться Гранту. Президент Конфедерации Дэвис и члены его правительства были арестованы. Конфедерация прекратила существование.

Нам, однако, необходимо вернуться немного назад, так как еще во время войны (хотя она и шла к победоносному завершению), в США прошли очередные президентские выборы. Авторитет Линкольна к этому времени был исключительно высок. Он, однако, был опытным политиком и отлично понимал, что демократически проведенные выборы в условиях войны могут привести к неожиданным результатам. Население устало, оппозиция сохранялась, и необходимо было вести активную предвыборную кампанию, чтобы сохранить власть.

Линкольн намеревался продолжать руководить страной. Понимая, что для этого ему необходимо сплотить как можно более широкие политические силы, он выступил инициатором коалиции республиканцев с так называемыми «военными демократами» — фракцией, образовавшейся в Демократической партии, которая выступала за союз с республиканцами

в достижении победы над югом. Линкольн воспользовался тем, что демократы раскололись не только на южную и северную группы, но и внутри севера: «военным демократам» противостояли «мирные демократы», главным лозунгом которых было прекращение гражданской войны во что бы то ни стало.

Именно к «военным демократам» принадлежал военный секретарь Стэнтон. В качестве кандидата на пост вице-президента был подобран также член этой группировки Эндрю Джонсон. Более того, сохраняя Республиканскую партию как таковую, Линкольн решил выступить на выборах в качестве кандидата некоего особого политического образования — Национальной партии Союза, хотя фактически таковой не существовало. Это был лишь предвыборный прием — фактически под этим названием выступала Республиканская партия, сохранявшая в отдельных штатах свои организации под прежним названием.

Съезд республиканцев под новым, временным названием состоялся в Балтиморе в начале июня. Была утверждена предвыборная платформа, основными пунктами которой были «безоговорочная капитуляция» Конфедерации (такой термин появился в политическом лексиконе впервые), принятие поправки к Конституции об отмене рабства, создание законодательства о помощи ветеранам войны, нейтралитет по отношению к европейским делам и следование доктрине Монро, поощрение иммиграции, строительство трансконтинентальной железной дороги. В платформе специально отмечалось смелое поведение частей, состоявших из черных американцев. Выражалась благодарность Линкольну за умелое руководство страной в условиях войны. Линкольн был выдвинут в президенты уже в первом туре голосования.

Как раз в то время, когда шла подготовка к выборам, армии севера потерпели несколько поражений. Эти события не повлияли на общий исход войны, но оказали воздействие на настроения избирателей. Склонный преувеличивать опасность, Линкольн высказался в том смысле, что, скорее всего, он потерпит на выборах поражение. К предвыборным дням относился написанный им текст обращения к нации с клятвой, что и в случае неудачи на выборах он не оставит своего поста, пока не будет полностью разгромлена Конфедерация. Подумав, Линкольн решил не предавать этот текст гласности (он был обнаружен в запечатанном конверте на его рабочем столе).

Демократическая партия севера оставалась к выборному году в состоянии раскола. Ее отдельные фракции выдвинули кандидатами генерала Д. МакКлеллана и сенатора Д. Фримонта.

В выборах 8 ноября не участвовали южные штаты, то есть они проводились в 25 штатах, в том числе в трех новых, образованных в условиях войны (Канзас, Западная Вирджиния, Невада). Вопреки опасениям, Линкольн одержал блестящую победу. Он победил в 22 штатах, завоевав 212 голосов выборщиков (МакКлеллан получил всего 21 место в коллегии). Правда, по количеству поданных голосов результаты были скромнее (в пользу Линкольна голосовали чуть более 55 % избирателей, или 2,2 млн человек). 4 марта 1865 г. состоялась вторая инаугурация Авраама Линкольна. Его речь не содержала каких-либо новых по сравнению с избирательной платформой положений. В основном она была выражением скорби о погибших с обеих сторон.

Уже в условиях войны на территориях юга, занятых войсками федерации, по распоряжениям Линкольна начинали проводиться социально-экономические и политические преобразования, которые позже, уже после его гибели, получили название реконструкции. Фактически преобразования были начаты после издания прокламации об освобождении рабов и формирования в 1863–1864 гг. временных «реконструкционных» правительств в Теннесси, Арканзасе и Луизиане, а также предоставления земель в пользование и собственность бывшим рабам в Южной Каролине, что рассматривалось как прецедент для других территорий.

При Линкольне реконструкционные мероприятия проводились крайне осторожно. Президент рекомендовал сразу же освобождать тех рабов, которые изъявляли желание отправиться воевать. Остальные должны были оставаться в течение года на положении временных работников на плантациях с оплатой в 10 долларов в месяц. Формальное освобождение рабов автоматически не сопровождалось легализацией ранее заключенных фактических браков между черными и белыми — они были редкостью, но все же иногда возникали. Дети от таких браков по-прежнему изымались из семей — теперь под предлогом «предоставления им хорошего присмотра и жилья до достижения совершеннолетия». Фактически они во многих случаях продолжали использоваться как рабочая сила на плантациях.

Первой получила «амнистию» Луизиана. Когда большая часть ее территории была занята и 10 % белого населения принесли присягу на верность США, президент разрешил проведение в штате выборов. Луизианские представители первыми из штатов юга появились в Конгрессе. Они, однако, приняты не были. Большинство депутатов проголосовало за то, что Луизиана возвратит себе права штата только после того, как присягу принесет большинство населения.

Разумеется, наиболее радикальным мероприятием первого,

вступительного этапа реконструкции являлось освобождение рабов. Прокламация Линкольна на этот счет законодательным документом не являлась и носила временный характер. В связи с этим для закрепления нового статуса черного населения и в целом характера государства Линкольн внес в Конгресс проект 13-й поправки к Конституции, которая гласила: «В Соединенных Штатах или в каком-либо месте, подчиненном их юрисдикции, не должно существовать ни рабства, ни подневольного услужения, кроме тех случаев, когда это является наказанием за преступление, за которое лицо было надлежащим образом осуждено».

Поправка была утверждена Конгрессом 31 января 1865 г., то есть в тот промежуток, когда Линкольн одновременно являлся действовавшим и избранным на новый срок президентом. Она была ратифицирована 27 штатами — необходимым количеством для ее вступления в силу, к началу декабря того же года и стала составной частью Конституции. Любопытно, что ратификация ее остальными штатами затянулась более чем на полтора столетия. В Кентукки ратификация прошла в 1976 г., в Миссисипи — в 1995-м. При этом руководство Миссисипи по неизвестным причинам не позаботилось о направлении соответствующего документа в Федеральный реестр США. И только в феврале 2013 г. начавшийся быстро и затянувшийся на долгие годы процесс юридического оформления 13-й поправки завершился, когда офис Федерального реестра США официально сообщил о получении законно оформленного документа штата Миссисипи.

Процесс реконструкции продолжался. В марте 1865 г. по распоряжению Линкольна федеральные власти начали образовывать бюро помощи освобожденным рабам и беженцам. Эти органы помогали в получении жилища и одежды, подыскивали работу, выделяли конфискованные у рабовладельцев-повстанцев земли для сдачи в аренду, а затем и в собственность освобожденным.

Наиболее радикальные республиканцы и бывшие аболиционисты требовали лишить всех бывших граждан Конфедерации, не доказавших свою оппозиционность к ней, избирательных прав сроком на пять лет. Линкольн выступил против столь кардинальной меры, полагая, что она явно будет способствовать произволу, сведению личных счетов. Уже 8 декабря 1864 г. он опубликовал прокламацию об амнистии, которой объявлялось помилование и предоставление гражданских прав тем взрослым белым жителям штатов Конфедерации, которые не участвовали в работе госучреждений, не обращались жестоко с пленными, а затем принесли клятву на верность Союзу. В результате решением Конгресса избирательного права были лишены только военные и гражданские лидеры

Конфедерации, в центре и на местах. Всего этому наказанию, не очень суровому, но унижительному, было подвергнуто от 10 до 15 тыс. человек.

Перед президентом стоял нелегкий вопрос о предоставлении избирательного права освобожденным рабам. Таковых всего насчитывалось около 4 млн человек. Наделение их правом голоса явно усилило бы позиции юга в Конгрессе США и при выборах президента. Если учесть, что подавляющее большинство бывших рабов были безграмотными, не разбирались в политике, находились в той или иной степени в наследственно сложившейся, привычной зависимости от бывших владельцев, это могло привести к неожиданным и нежелательным с точки зрения республиканцев и их лидера последствиям.

Линкольн не торопился с решением вопроса о предоставлении черным избирательного права. Он стоял на той позиции, что делать это следует лишь в перспективе, сроки которой не определялись. Он говорил, что избирательное право надо предоставлять не всем цветным сразу, а сперва только ветеранам войны и «наиболее разумным» в гражданском смысле. Именно в таком духе он выступил 11 апреля 1865 г., за три дня до покушения на него. При его жизни вопрос так и не получил разрешения. В проблеме избирательного права Авраам Линкольн, в противовес республиканским радикалам и различным левым группам, проявил разумную осторожность, отлично понимая, что безграмотный человек в политике совершенно не разбирается, что он легко может стать безвольным элементом толпы, манипулируемой правящими или оппозиционными политиками, преследующими свои, зачастую далекие от общечеловеческих ценностей цели. Линкольн понимал и фактически передал соответствующий завет потомкам, что, прежде чем доверять безграмотным влияние на государственные дела, этих людей необходимо просветить.

Естественно, говоря о Линкольне, историки и публицисты почти исключительно имеют в виду его деятельность, связанную с ведением гражданской войны и началом реконструкции юга. Но необходимо обратить внимание, что при выработке связанных с этими событиями судьбоносных решений Линкольн стремился расширить сферу своего внимания и с удовольствием занимался делами культурного, просветительного и бытового характера.

С незапамятных времен в Америке отмечался День благодарения как осенний праздник благодарности Богу, родным и близким за хороший урожай и благосостояние семьи, за добрые отношения между людьми. В 1863 г., в разгар Гражданской войны, Линкольн объявил День благодарения

национальным праздником, отмечаемым в ноябре, после окончания земледельческих работ. По этому поводу он издал специальную прокламацию, в которой утверждал, что именно в условиях войны особенно важно помнить о мирном труде и его достижениях. С тех пор этот праздник является одним из главных в США.

Именно Линкольн был инициатором выделения крупных государственных ассигнований в 1864 г. на охрану природных богатств в районе Йосемитской долины и окружающих горных склонов Сьерра-Невады в Калифорнии, что положило начало созданию Йосемитского национального парка — подлинного сокровища живой и неживой природы. 30 июня 1864 г. он подписал документ, получивший название Йосемитского гранта, предоставлявший этой территории статус парка, охраняемого государством. Это был первый случай, когда крупная территория была исключена из хозяйственного употребления и гарантировалось ее использование только для сохранения природы в первозданном состоянии и использования лишь в образовательных, научных и туристических целях. Так возник прецедент для дальнейшего создания в США сети национальных парков.

Линкольн был полон сил и планов мирного развития страны по окончании Гражданской войны, которая явно приближалась к победоносному завершению. 14 апреля 1865 г. он посетил вашингтонский театр Форда, где шла комедия «Наш американский кузен» (по пьесе британского драматурга Тома Тейлора). Во время спектакля актер Джон Бут, который только начал свою работу в этом театре, но ранее не раз бывал в нем и знал все входы и выходы, пробрался в президентскую ложу, в тот момент, когда охранник президента с его разрешения на несколько минут вышел в фойе, и выстрелом в голову смертельно ранил Линкольна.

Ранее Бут был тайным агентом конфедератов, в основном занятым доставкой им дефицитных медикаментов. В то же время уже в течение длительного времени он участвовал в тайных сходах противников президента, планировавших его убийство. Предполагалось, что одновременно с президентом будет убит генерал Улисс Грант, который также собирался посетить спектакль, но в последний момент он изменил свой план, решив вместо посещения театра навестить своих близких. Хорошо знавший текст пьесы, Бут произвел выстрел в тот момент, когда после очередной реплики должен был последовать взрыв смеха и заглушить звук выстрела. Этот план в основном удался. Театрально воскликнув по-латыни «*Sic semper tyrannis!*» («Такова участь тиранов!»), Бут воспользовался возникшей суматохой и скрылся. Линкольна перенесли

в дом напротив, куда были вызваны врачи.

На след Бута почти сразу удалось напасть. Он, однако, умело скрывался и добраться до него смогли только через 12 дней, 26 апреля. Настигли его в небольшом поселке в 70 милях от Вашингтона, где он прятался в амбаре. Выйти и сдаться полиции он отказался. Амбар подожгли. Бут вышел, направив револьвер на преследовавших, и был убит одним из них, сержантом Бостоном Корбеттом.

В Вашингтоне же в ночь на 15 апреля врачи констатировали, что Линкольн находится в коме. Попытки привести его в сознание не дали результата. В семь часов с минутами утром того же дня президент скончался. Стоявший у его изголовья военный секретарь Стэнтон произнес: «Теперь он принадлежит векам». Через три часа вице-президент Эндрю Джонсон принес клятву в качестве президента США.

Тело Авраама Линкольна в специальном железнодорожном составе преодолело траурный путь от Вашингтона до Спрингфилда. Поезд делал продолжительные остановки на всех крупных станциях для прощальных церемоний.

Покойному президенту посвятили свои произведения многие поэты. Среди них выделялось стихотворение Уолта Уитмена «Мой капитан», в котором говорилось:

О капитан! Мой капитан! Рейс трудный завершен,
Все бури выдержал корабль, увенчан славой он.
Уж близок порт, я слышу звон, народ глядит, ликуя,
Как неуклонно наш корабль взрезает килем струи.
Но сердце! Сердце! Сердце! Как кровь течет ручьем
На палубе, где капитан уснул последним сном!
О капитан! Мой капитан! Встань и прими парад,
Тебе салютом вьется флаг и трубачи гремят;
Тебе букеты и венки, к тебе народ теснится,
К тебе везде обращены восторженные лица.

Перевод М. Зенкевича

Линкольн был похоронен в Спрингфилде на кладбище Оук-Ридж.

Его трагическая гибель способствовала созданию вокруг его имени и деятельности ореола мученика, отдавшего жизнь восстановлению единства страны и освобождению рабов. В среде чернокожего населения США культ

Линкольна стал особенно неоспоримым. Любая критика в его адрес, любая констатация недостатков и противоречий в его деятельности рассматривается с тех пор как проявление расизма, что затрудняет объективное изучение и оценку деятельности Авраама Линкольна.

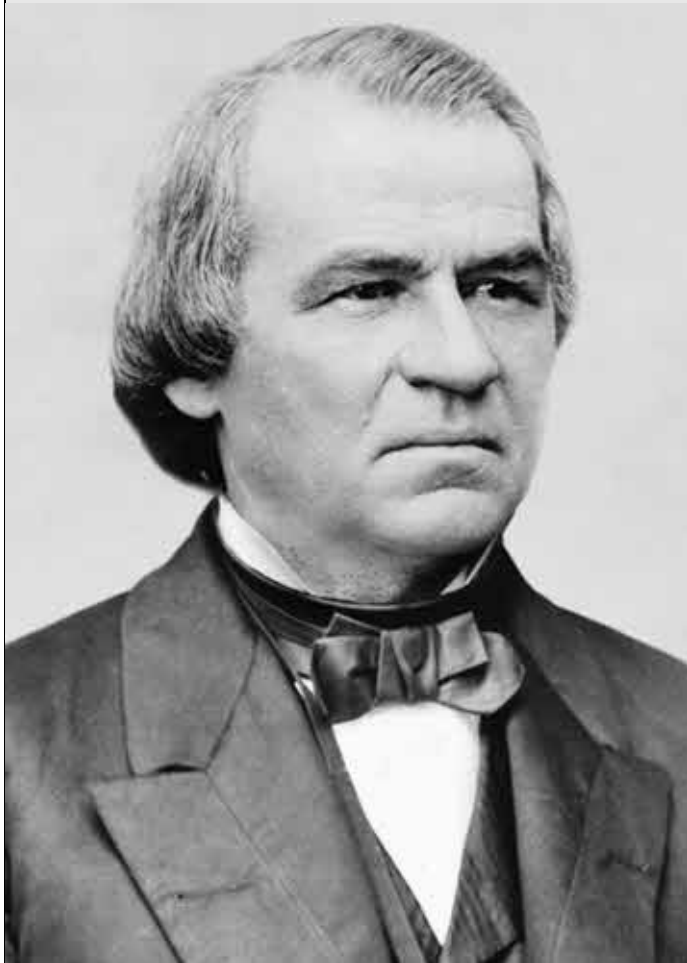
В США сохраняется память об Аврааме Линкольне как об одном из крупнейших государственных деятелей. Его портрет изображен на банкноте в пять долларов и на монете в 1 цент. В каждом крупном городе США есть улица или площадь, носящая его имя. В Спрингфилде находится Президентская библиотека и музей Линкольна. В ряде других городов созданы мемориалы, посвященные президенту. Главный из них — мемориал в центре Вашингтона. Созданный в 1914–1922 гг. скульптором Даниэлем Френчем, он представляет собой обширное полукруглое строение, поддерживаемое 36 колоннами (по числу штатов в конце президентства Линкольна). В центре сооружения находится статуя сидящего в задумчивости Линкольна. Жизни Линкольна посвящены многие произведения художественной литературы, пьесы, кинофильмы.

Основные издания:

- Иванов Р. Ф.* Авраам Линкольн и Гражданская война в США. М., 2004.
Олейников Д. И. Авраам Линкольн. М., 2016.
Сэндберг К. Линкольн. М., 1961.
Burlingame M. Abraham Lincoln: A Life. Baltimore, MD, 2008.
Dirck B. Lincoln Emancipated: The President and the Politics of Race. DeKalb, 2007.
Harris W. Lincoln's Rise to the Presidency. Lawrence, 2007.
McGovern G. Abraham Lincoln. London, 2008.
McPherson J. Abraham Lincoln. Oxford, 2009.
Steers E. The Lincoln Assassination Encyclopedia. New York, 2010.
White A. Lincoln: A Biography. New York, 2009.

ЭНДРЮ ДЖОНСОН

29 декабря 1808 — 31 июля 1875

17-й президент:

15 апреля 1865 — 4 марта 1869

Вступление на президентский пост Эндрю Джонсона (*Andrew Johnson*) стало первым, но, к сожалению, не единственным случаем, когда вице-президент превращался в президента США не в результате естественной смерти своего предшественника, а после его убийства. Он оказался в Белом

доме в самый сложный период истории США — непосредственно после окончания Гражданской войны. Объективные обстоятельства в совокупности с личностными чертами, прежде всего упрямой убежденностью в правильности и справедливости всех собственных решений, привели к тому, что он, сменивший убитого Линкольна, оказался неспособным сплотить американскую нацию, которая продолжала оставаться в состоянии разброда, несмотря на убедительную победу севера. Его нежелание идти на компромиссы стало одной из главных причин того, что США не смогли при нем преодолеть послевоенный хаос и расовую нетерпимость. Он стал первым президентом, отношения которого с Конгрессом оказались такими напряженными, что против него было инициировано дело об импичменте.

Каков был путь к власти этого деятеля, в очередной раз случайно оказавшегося на высшем посту? Джонсон был ровесником Линкольна — старше его на полтора месяца. Как и Линкольн, он прошел нелегкий путь из низов к политическому Олимпу.

Он родился в быстро росшем городе Роли, столице Северной Каролины, в семье рабочего. Его отец Джекоб вначале был полицейским и даже получил низшее звание констебля. Но с административной службой у него что-то не заладилось, и он вынужден был перейти на работу в таверну, занимаясь физическим трудом и выполняя обязанности посыльного. Мать Эндрю Мэри работала там же официанткой, а попутно прачкой, обслуживая богатых соседей. Оба они были неграмотными. Позже Джонсон многократно напоминал коллегам и населению о своем скромном происхождении.

У Эндрю были старший брат Уильям и старшая сестра Элизабет, которая умерла в раннем детстве. Когда Эндрю было три года, отец умер от сердечного приступа. Вскоре мать вновь вышла замуж, но это не улучшило положения семьи, так как второй муж был таким же бедняком, как и первый. С детских лет Эндрю вынужден был вместо учебы помогать семье. В десять лет он вместе с братом был определен подсобным рабочим в магазин, а через три года отдан в ученики к портному. Это была двойная удача: овладев ремеслом, он мог несколько повысить свой социальный статус, став из рабочего ремесленником, но главное, портной стал обучать его грамоте. Договор с портным был заключен на шесть лет, но через два года Эндрю вместе с братом просто сбежали. Возмущенный портной пытался вернуть их и даже дал объявление в местную газету, обещая вознаграждение за их поимку. Возвратить их, однако, не удалось. Эндрю перебрался в небольшой северокаролинский городок Картидж, но надолго

там не задержался и двинулся дальше, вначале в Южную Каролину, а затем, подобно десяткам тысяч других искателей лучшей доли, на неосвоенные земли Запада.

Пройдя пешком сотни миль, перевалив через Голубой хребет, он в конце концов осел в западной гористой части Теннесси в Гринвилле. Городок ему понравился тем, что его здесь приняли как специалиста: портных в городе почти не было, а одежда, которую шил молодой человек, пришлась по вкусу местным жителям. Он довольно быстро стал уважаемым жителем и основал собственный портняжный бизнес. Доходы были не велики, но все же Эндрю смог перевести в свой новый город мать и отчима, которые стали помогать в ведении дела. Постепенно бизнес расширялся. Джонсон стал заниматься коммерцией, покупать акции, играть на бирже. Крупным собственником он не стал, но превратился в процветающего средней руки бизнесмена. Он нанял помощников и слуг, а сам сосредоточился на ответственной работе закройщика и позже хвалился своим мастерством. «Мои изделия не рвались и долго не изнашивались», — рассказывал он.

Еще в 1827 г., в возрасте 18 лет, он женился на 16-летней Элизе МакКардл, дочери сапожника, которая была грамотной и стала обучать молодого супруга элементарным знаниям — вначале грамматики и арифметики, а затем и более сложным материям. Эндрю оказался способным учеником. Хотя он никогда не посещал учебные заведения, он стал писать почти без ошибок, пристрастился к книгам, а главное, постепенно овладевал ораторским искусством, тому, как лучше донести свои мысли до аудитории в простой форме. Он с особым интересом читал книги о видных ораторах, тайком тренировался в произнесении речей и в ведении споров, а затем переносил вроде бы приобретенные навыки на политические диалоги со своими клиентами.

Властный по природе и не терпевший возражений в обыденной жизни, он уже в молодом возрасте стал подумывать о карьере политика, и Элиза полностью была с ним в этом согласна. Застенчивая по природе, не любившая застолий и массовых сходов, она с охотой занималась домашним хозяйством и воспитанием детей в то время, как муж постепенно переходил от портняжества к политике. В семье родились две дочери и трое сыновей. Из них определенную известность получила только старшая дочь Марта, которая вышла замуж за сенатора Дэвида Пэттерсона и в период президентства своего отца по существу выполняла роль первой леди (или, как говорили американцы, первой дочери) в Белом доме в связи с болезненным состоянием матери (она болела туберкулезом) и ее

нежеланием вести публичную жизнь. Судьба двух сыновей была незавидной: они стали алкоголиками, к тому же один из них страдал туберкулезом, унаследованным от матери. Сыновья умерли в сравнительно молодом возрасте — двое еще при жизни отца (сын Роберт покончил самоубийством).

Стремление начать карьеру политика у Джонсона стимулировалось совпадением его имени и сходством фамилии со знаменитым президентом Эндрю Джексонем, который также жил в Теннесси. Портному льстило, когда не очень образованные клиенты спрашивали его, не является ли он потомком прославленного деятеля. Обычно он отвечал уклончиво, что можно было принять за излишнюю скромность.

Когда в 1829 г. в Гринвилле проходили муниципальные выборы, Эндрю создал Общество механиков, от которого выставил свою кандидатуру. Он был избран членом муниципалитета, носившего название Совета старейшин. Здесь он оттачивал ораторское мастерство, выступая против владельцев хлопковых плантаций и других крупных собственников, говоря о тяготах простого народа и защищая интересы ремесленников, мелких торговцев и рабочих. Его речи были полны негативных эмоций, ощущалось, что он ненавидит угнетателей и, как свидетельствовали некоторые современники, просто им завидует. Выступления Джонсона отличались грубостью, оскорбительной терминологией. Он явно примерял на себя поговорку «Нет худшего господина, чем бывший раб».

Но к реальным рабам Джонсон относился подобно подавляющему большинству белого населения своего штата: право собственности на них он под сомнение не ставил. После восстания рабов под руководством Ната Тернера в 1831 г. в Теннесси был созван специальный конвент штата, на котором был предложен проект новой конституции, предусматривавший лишение права голоса свободных черных жителей на том основании, что они являются, мол, фактическими врагами американского государства. Хотя Джонсон не был участником конвента, он выступал в пользу принятия новой конституции, которая была одобрена, а сам он, проявив теперь себя как сравнительно умеренный деятель, в 1833 г. стал членом Законодательного собрания штата, а в феврале 1834 г. был избран мэром Гринвилла.

За этим последовал дальнейший карьерный рост. Джонсон, правда, проиграл на выборах 1837 года, но через два года вновь был избран в Ассамблею штата, а затем в его Сенат. Казавшиеся смелыми оппозиционные выступления, вместе с неопределенностью политических связей (он выступал то как виг, то от имени Демократической партии)

создали Эндрю репутацию смелого политика, готового ринуться в бой и отстаивать свои принципы.

В 1843 г. он был избран в Палату представителей Конгресса США, в 1853–1857 гг. занимал пост губернатора Теннесси, а затем стал сенатором. Он активно выступал за бесплатное предоставление земельных участков американцам, желавшим заняться сельским хозяйством на территории новых штатов и других приобретенных земель. Его считают одним из авторов законодательных предложений о гомстедах, которые затем заимствовал Линкольн. Джонсон выступал в Сенате и по другим вопросам, но наибольшее количество страстных речей он посвятил именно аграрному продвижению на Запад на основе мелкой частной собственности. Он покинул Сенат за два месяца до того, как в мае 1862 г. был, наконец, принят внесенный Линкольном закон о гомстедах, о котором шла речь выше.

При всех недостатках и особенностях его политического пути Джонсон был сторонником сохранения и укрепления Союза в тот период, когда между севером и югом возникли глубокие противоречия, которые привели к расколу страны. Когда образовалась Конфедерация южных штатов и лидеры Теннесси примкнули к ней, Джонсон оказался единственным сенатором (из 22, представлявших юг), отказавшимся покинуть высший законодательный орган Союза и присоединиться к конфедератам. Его смелое поведение привлекло национальное внимание. Общественность севера одобряла поведение сенатора, тогда как на юге его проклинали.

Тем не менее весной 1862 г. Джонсон покинул Сенат, так как срок его полномочий истек, а выборы в конфедеративных штатах, уже ведших гражданскую войну с северными, не проводились. Эндрю Джонсон продолжил активную агитацию за сохранение единства США и в поддержку Линкольна. Он объявил себя «военным демократом» и «южным юнионистом», возглавив небольшую группу последователей, выступавших за союз с Республиканской партией. Его позиция привлекла внимание Линкольна, который несколько раз встречался с ним, а затем, уже в марте 1862 г., назначил военным губернатором Теннесси, часть которого была занята войсками федерации.

Джонсон некоторое время колебался, прежде чем принять президентское предложение. Это было связано с тем, что у большинства белого населения Теннесси сохранялось враждебное отношение к Линкольну и к армейским частям северян, которые, хозяйничая на занятых территориях, подчас скатывались до банальных карательных операций против местного населения. После непродолжительных раздумий он

согласился и руководил штатом три года, до весны 1865 г. Он проводил сравнительно осторожную политику, стараясь не допустить мародерства и защищая интересы местного населения перед командирами воинских частей и центральным правительством.

К концу 50-х гг. амбициозный Джонсон стал подумывать о высшей государственной должности. Он вел переговоры о выдвижении на президентский пост в 1860 г., но отказался от своего намерения, поняв, что неизбежно проиграет авторитетному Линкольну и лишь испортит установившиеся с ним добрые отношения. Готовясь к выборам 1864 г., Линкольн решил подобрать в качестве кандидата в вице-президенты не представителя Республиканской партии, а такого деятеля, который продемонстрировал бы его стремление к созданию в руководстве США широкого политического союза. Обсуждались и другие кандидатуры из числа «военных демократов», но Линкольн остановился именно на Джонсоне, имея в виду его связь с югом и успешное военное руководство штатом Теннесси. Тот немедленно ответил согласием.

Четвертого марта 1865 г. на инаугурации Джонсон произнес не характерную для него, краткую и сбивчивую речь, которую позже объяснял своим болезненным состоянием и тем, что прибыл в Вашингтон перед самой церемонией, поскольку был занят наведением порядка в Теннесси. Очевидцы, однако, отмечали, что он вел себя странно и походил на пьяного. Как обстояло дело в действительности, так до конца не выяснено. Можно, видимо, поверить Джонсону, что у него было лихорадочное состояние, ибо он как амбициозный карьерист вряд ли мог себе позволить выпить лишнего перед столь ответственным и торжественным событием.

Через шесть недель произошло то самое трагическое событие, которое внезапно превратило Эндрю Джонсона в действующего президента. Заговорщики планировали убить кроме Линкольна и других высших официальных лиц, включая вице-президента. Однако тот, кому было поручено осуществить покушение, в последний момент струсил и отказался от своего плана. 15 апреля 1865 г. Эндрю Джонсон поклялся верно служить стране и народу в качестве 17-го президента США. Он продемонстрировал свое уважение памяти покойного Линкольна, отказавшись переехать в Белый дом в течение шести недель, которые понадобились вдове покойного президента, медленно и неохотно паковавшей свои вещи перед отъездом из резиденции.

Первая проблема, которая встала перед новым президентом, состояла в том, как проводить начатую Линкольном реконструкцию во вновь присоединенных штатах. В отличие от гибкого и склонного к

компромиссам Линкольна Джонсон повел себя как жесткий догматик, следовавший установленным им самим нормам и не желавший приспособливаться к обстоятельствам. На словах Джонсон вел себя как последователь Линкольна, но условия изменились: гражданская война завершилась, а он вел себя так, как будто она продолжалась. Он попытался провести в жизнь «10-процентный план», то есть возвращение южных штатов в Союз после того, как 10 % их избирателей принесут клятву верности США. Большинство же в Конгрессе настаивало на «50-процентном плане», что явно откладывало восстановление прав южных штатов. Помимо этого, недовольство законодателей вызвало стремление Джонсона игнорировать их волю, ссылаясь на пример Линкольна. Однако последний действовал в условиях войны, когда ситуация требовала чрезвычайных мер. Теперь же конгрессмены со все большим недовольством относились к тому, что президент пытался править страной при помощи своих распоряжений, игнорируя право законодательной инициативы.

Джонсон стал проводить так называемую президентскую реконструкцию. Он издал серию распоряжений, определявших условия возвращения южных штатов в Союз. Они должны были ратифицировать 13-ю поправку к Конституции, запрещающую рабство. Все жители юга, обладавшие собственностью в 20 тыс. долларов и более, должны были, помимо принесения клятвы верности Союзу, обратиться лично к президенту с ходатайством об амнистии и о восстановлении их собственности, которая считалась временно находившейся в распоряжении вооруженных сил. Требовалось также, чтобы на местах были погашены долги Конфедерации, а временные законодательные органы приняли постановления с осуждением прежних документов, связанных с выходом из США. Все эти требования были для юга унижительными и лишь усиливали взаимное отчуждение и ненависть.

Джонсона особенно интересовали личные ходатайства о прощении со стороны крупных землевладельцев юга. Он проводил целые дни, принимая таковых и выслушивая их унижительные просьбы о помиловании. Исследователи называют такое поведение президента просто садистским. В то же время Джонсон явно противоречил себе, торопясь принять южные штаты в Союз в то время, когда Конгресс находился на каникулах. Один за другим, начиная с Северной Каролины в конце мая, президентскими распоряжениями были восстановлены права всех штатов за исключением Техаса из расчета, чтобы все было закончено до того, как конгрессмены соберутся на очередную сессию. Джонсон делал все возможное, чтобы и в

северных, и в южных штатах именно его признали творцом нового единства страны. Конгрессу предлагалось смириться со свершившимся фактом. Но законодатели не пожелали сдаваться без боя. Обе палаты приняли решения о неприятии в свой состав депутатов от южных штатов до одобрения высшим органом факта членства их штатов в федерации. Был образован Объединенный комитет обеих палат по реконструкции, которому было поручено рассмотреть дело каждого штата и определить, готов ли он к восстановлению в правах. Главным условием этого была объявлена проверка каждого штата и уведомление, что с бывшими рабами обращаются справедливо.

Проверки показали, что в южных штатах значительным, подчас решающим влиянием пользуются бывшие конфедераты. Джонсон столкнулся с тем, что его поспешные меры фактически привели чуть ли не к реставрации прежних рабовладельческих порядков. В южных штатах происходили безнаказанные убийства бывших рабов, в то время как большинство продолжало нести «временную службу» на плантациях. Как оказалось, в законодательных органах южных штатов на руководящих постах оказались 6 бывших членов правительства Д. Девиса, 58 депутатов законодательных органов штатов Конфедерации, 4 генерала и многочисленные офицеры конфедеративной армии. В нескольких штатах были приняты так называемые «черные кодексы», лишавшие бывших рабов гражданских прав. Когда Джонсону доложили эти данные, он был просто растерян.

Он, однако, продолжал вести себя крайне непоследовательно и противоречиво. Поддержав 13-ю поправку к Конституции, внесенную Линкольном, о ликвидации рабства, и придерживаясь намерения постепенно расширять гражданские права освобожденных негров, Джонсон резко высказался против 14-й поправки, которая была внесена в Конгресс еще в 1866 г. и утверждена только 9 июля 1868 г. Президент придирался к мелочам, но главным мотивом отрицательного отношения безусловно было то, что его опередили, что не он был инициатором конституционного дополнения. Поправка ввела предоставление гражданства США любому лицу, родившемуся на территории страны, и запрещала лишение этого права иначе чем по приговору суда. В основном, 1-м разделе поправки говорилось: «Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные юрисдикции оных, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают». В то же время поправка запрещала занятие государственных должностей лицам, ранее принесшим присягу на верность Конституции

Конфедерации и впоследствии участвовавшим в вооруженном мятеже против правительства США или оказавшим «помощь или поддержку» врагам США.

Джонсон заявил, что поправка нарушает права штатов, и призвал штаты не ратифицировать ее. Еще до ее утверждения он совершил тур по городам страны, выступая главным образом против поправки, в защиту суверенитета штатов, но также резко критикуя Конгресс в целом за принятие «несправедливых решений». Он проповедовал, что гражданские права не требуют специальной охраны со стороны федерации. Встречали его холодно, в некоторых местах присутствовавшие выкрикивали оскорбительные слова. Кроме того, когда тексты выступлений президента появились в печати, оказалось, что он, по существу дела, везде повторял одну и ту же речь, лишь слегка дополняя ее для создания «местного колорита». В результате пресса стала высмеивать президента.

Тем временем Конгресс, где после промежуточных выборов 1866 г. укрепилась Республиканская партия, руководители которой были теперь во враждебных отношениях с президентом, приступил к выработке законов, которые обычно называли реконструкцией по инициативе Конгресса. Четырьмя актами, принятыми в 1867–1868 гг., десять штатов, которые ранее входили в Конфедерацию, были разделены на пять военных округов во главе с генералами, становившимися военными губернаторами. В каждом округе размещались оккупационные войска. Правительства штатов, ранее признанные Джонсоном, были распущены. Под руководством военных губернаторов началась регистрация избирателей, причем право голоса безоговорочно получали бывшие рабы, а около 50 тыс. лиц, в разной степени связанных с властями Конфедерации, были лишены избирательных прав. Вслед за этим проводились выборы на конвенты штатов, которым предстояло выработать и утвердить новые конституции. Эти конституции подлежали ратификации голосованием избирателей. Только по завершении всех этих процедур намечалось проведение выборов в законодательные органы штатов, после чего новые (по существу дела, старые) штаты могли быть приняты в федерацию.

Президент Джонсон выступил против всей этой программы, объявив ее антиконституционной. Он утверждал, что принятые законы нарушают суверенитет штатов и узурпируют президентскую власть. В то же время он с определенным основанием подчеркивал, что избирательное право получает масса людей безграмотных и невежественных. Ему отвечали, что среди черных, избираемых на ответственные посты, немало выходцев с севера, имеющих высшее образование. Этот аргумент, однако, отнюдь не

был опровержением утверждения Джонсона по поводу неграмотности бывших рабов, являвшегося повторением того, что еще недавно говорил Линкольн.

Президент налагал вето на законы, а Конгресс их преодолевал 2/3 голосов. Используя свою власть в качестве Верховного главнокомандующего, Джонсон вступил в конфликт с военными губернаторами округов, назначенными решениями Конгресса, стремясь отстранить их от власти. В южной части страны возникала новая угроза хаоса.

В этих условиях оппозиция президенту появилась и в правительстве, члены которого, особенно военный секретарь Эдвин Стэнтон, в прошлом единомышленник Джонсона по группе «военных демократов», теперь выступили за сотрудничество с Конгрессом и нахождение приемлемой компромиссной линии. В августе 1867 г. Джонсон потребовал отставки Стэнтона. Последний отказался. Тогда президент своей волей отстранил министра и назначил на его место популярного генерала Улисса Гранта, который был успешен на фронтовых линиях, но слаб в понимании и разрешении политических конфликтов. Вслед за этим Джонсон сменил двух военных губернаторов округов и заменил их более консервативными деятелями.

В ответ в Конгрессе срочно был проведен закон о пребывании в должности, который запрещал президенту увольнять любое лицо, утвержденное на этой должности Сенатом (это относилось прежде всего ко всем министрам). Джонсон попытался вступить в объяснения и направил Сенату доклад о причинах смещения Стэнтона. Сенат счел объяснения неудовлетворительными и восстановил Стэнтона в должности, причем Грант безоговорочно возвратил ему министерский портфель. Джонсон вновь уволил Стэнтона, вступив, таким образом, в конфликт не только с Конгрессом, но и с принятым законом. Это было для президента крайне опасно.

Теперь радикальные члены Палаты представителей, уже некоторое время готовившие предложения об импичменте, получили возможность дать делу законный ход. В начале марта 1868 г. нижняя палата приняла постановление об импичменте, основная часть пунктов которого связана была с увольнением Стэнтона. С конца марта по начало мая этот вопрос обсуждался в Сенате. Хотя большинство присутствовавших высказалось за отстранение Джонсона от должности (35, против 19), одного голоса не хватило для того, чтобы импичмент вступил в силу (для него, напомним, требовалось 2/3 голосов). Джонсон был спасен. В последние месяцы своего

правления он вел себя осторожнее, не вступая в конфликты с законодателями.

На протяжении всех четырех лет пребывания в Белом доме Эндрю Джонсон, занятый проведением собственной линии реконструкции и особенно конфликтами с Конгрессом, мало обращал внимания на иные проблемы управления, в частности связанные с внешней политикой. Эта область была почти полностью доверена опытному госсекретарю У. Сьюарду. Главным мероприятием в этой области было увеличение территории США за счет покупки у России Аляски. Как уже отмечалось, переговоры по этому вопросу велись еще до Гражданской войны, а по ее окончании вопрос был вновь поставлен российской стороной. Правительство Александра II, не заинтересованное во владении и освоении территории на другом континенте и крайне нуждавшееся в валюте, в декабре 1866 г. приняло принципиальное решение о продаже территории по другую сторону Берингова пролива площадью свыше 1,5 млн км² за сумму не менее 5 млн долларов золотом. В марте 1867 г. в Вашингтон прибыл бывший российский посол в США Эдуард Андреевич фон Стёкль, который вступил в переговоры со Сьюардом, заручившимся согласием Джонсона на заключение сделки. Американцы оказались уступчивыми. Быстро был согласован договор о продаже Аляски за 7,2 млн долларов (из расчета около 5 долларов за 1 км²). 30 марта был подписан документ, который официально значился как «Высочайше ратифицированная конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских Колоний». К США переходили не только собственно Аляска, но также береговая полоса Британской Колумбии (она сохранила название, хотя принадлежала России), Алеутские и некоторые другие острова. США передавалось все недвижимое имущество на этой территории и относившиеся к ней документы.

Судьба конвенции оказалась в руках Сената, которому предстояло решить вопрос о ратификации. В Комитете по иностранным делам высказывались сомнения в пользе для США обременительного приобретения, тем более сразу по окончании Гражданской войны и при сохранившейся внутренней напряженности. Сказался и конфликт между законодательной властью и президентом. В конце концов восторжествовало мнение о целесообразности приобретения, в основном по геополитическим соображениям — США получали более широкий выход к Тихому океану. 18 октября 1867 г. состоялась официальная церемония передачи Аляски и смежных территорий США. Этот день в США ежегодно отмечается как

День Аляски (равноправным штатом она стала только в 1959 г.).

В 1960-е гг. в СССР распространялись слухи, явно поощряемые с самых верхов, что Аляска не была продана, а сдана в аренду то ли на 99, то ли на 100 лет, что США незаконно удерживают эту территорию за собой, а СССР не выдвигает на нее требования только во имя смягчения международной напряженности. Цель слухов состояла в стимулировании антиамериканских настроений. На самом деле никаких оснований для этой версии (она повторяется по наше время) не было. Согласно договору Аляска безоговорочно переходила в собственность США. Ее ценность для страны не только в геополитическом отношении, но и с экономической точки зрения стала ясной после того, как там в конце XIX в. были открыты крупные залежи золота и начался новый этап золотой лихорадки.

Эндрю Джонсон пытался выдвинуть свою кандидатуру на президентский пост от имени Демократической партии в 1868 г., но был отвергнут ее съездом. Он оставил Белый дом в марте 1869 г., так ни разу и не будучи избранным на высший государственный пост.

После отставки Джонсон возвратился в Теннесси, где участвовал в местной политике и несколько раз выдвигал свою кандидатуру в Сенат США, терпел поражения, но в конце концов в 1875 г. был избран. Через четыре месяца после того как он стал сенатором, у него один за другим произошли два кровоизлияния в мозг. В возрасте 66 лет Джонсон скончался. Похоронен он в городе Гринвилле.

Почти все американские историки согласны в том, что Эндрю Джонсон был одним из худших президентов США. Память о нем сохраняется только в некоторых правых кругах штата Теннесси.

Основные издания:

Gordon-Reed A. Andrew Johnson. New York, 2011.

Schroeder-Lein G., Zuczek R. Andrew Johnson: A Biographical Companion. Santa Barbara, 2001.

Stewart D. Impeached: the Trial of President Andrew Johnson and the Fight for Lincoln's Legacy. New York, 2009.

УЛИСС ГРАНТ

27 апреля 1822 — 23 июля 1885

18-й президент:

4 марта 1869 — 4 марта 1877

Купюра достоинством в 50 долларов США с портретом У. Гранта

Улисс Грант, ставший национальным героем США в годы Гражданской войны, выросший в условиях войны в талантливого полководца, так и остался военным с весьма ограниченным политическим кругозором. Он пополнил список неудачливых президентов США: его администрация оказалась глубоко коррумпированной, и он проявил почти полную неспособность руководить страной, хотя пребывал на посту два срока.

Хайрам Улисс Грант (*Hiram Ulysses Grant*) стал известен стране не по своему первому, вроде бы главному имени, потому что оно ему не нравилось, и он представлялся по второму имени, которое и вошло в историю. Он родился в местечке Пойнт-Плезант (штат Огайо) на берегу реки Огайо, недалеко от города Цинциннати в семье купца средней руки

Джесси Гранта. В семье хранили память о предках — англичанах, переселившихся за океан еще в 30-х гг. XVII в. Вспоминали о деде по имени Ноа, который участвовал в Войне за независимость, а затем занимался сельским хозяйством в Пенсильвании.

Отец Улисса в начале 1820-х гг. переселился в Огайо, где занялся ремеслом дубильщика. В 1821 г. он женился на дочери своего собрата по профессии Ханне, которая в следующем году родила сына. Имя Улисс было взято по выбору из нескольких имен, которые были написаны на листочках бумаги и помещены в шапку отца. Оно понравилось родителям, но в честь отца матери деда мальчику было дано и второе (точнее первое) имя, к которому он не привык.

Джесси Грант считался передовым человеком в штате, где основная часть населения осуждала рабовладение. Он был активистом Партии вигов, а затем стал решительным аболиционистом. В таком духе он воспитывал своих детей, прежде всего первенца, а затем и еще пятерых (всего в семье было трое сыновей и три дочери).

В 1823 г. Джесси с семьей перебрался в более крупный город Джорджтаун в том же штате, где Улисс поступил в школу — вначале общественную, которую затем сменил на частную, где можно было получить более приличное образование. Но мальчик, а затем юноша особенно не интересовался науками. Зато он страстно полюбил лошадей, возился с ними и превосходно овладел искусством верховой езды. Поскольку сын мало интересовался и семейным делом, отец доверил ему осуществлять перевозки: там были задействованы столь любимые сыном лошади. Впоследствии, почти всю жизнь, в том числе в президентские годы, верховая езда была самым приятным времяпрепровождением Гранта.

Особенностью Улисса, отчасти свойственной ему с детства и связанной с воспитанием в семье, в которой не придерживались строгих религиозных норм, было сдержанное отношение к церкви. Он не посещал религиозных заведений, окружающим объяснял, что молится молча. Не связывая себя с официальной или неофициальной церковью, он позже говорил, что ощущает себя агностиком, считающим, что потусторонний мир существует, но не поддается познанию.

Вскоре родители сочли, что наиболее приемлемой для старшего сына будет военная карьера, с чем он согласился. По просьбе отца член Палаты представителей от Огайо Томас Хеймер рекомендовал 16-летнего Улисса в Военную академию в Вест-Пойнте. Успешно сдав вступительные экзамены, он был зачислен на курс в июле 1839 г. и проучился четыре года. Правда, вначале он был разочарован тем, что в академии учили

теоретическим предметам, а тренировки, практические занятия, в частности связанные с верховой ездой, не считались главными. Однако постепенно Улисс приспособился к военной подготовке и отказался от намерения покинуть академию после первого года обучения, о чем подумывал вначале.

Он так и остался посредственным кадетом, однако то ли изменения в расписании занятий на старших курсах, то ли занятия в свободное время, а скорее всего и то, и другое, привлекли внимание преподавателей. Грант оказался самым способным наездником, легко выигрывал соревнования, связанные с конным спортом и тактикой кавалерии. На выпускной церемонии Улисс грациозно проскакал на огромном коне, выполняя разнообразные акробатические упражнения, в том числе с холодным и огнестрельным оружием. Он произвел впечатление на присутствовавшего здесь генерала Уинфилда Скотта.

По окончании академии (ему было присвоено звание 2-го лейтенанта) Грант изъявил желание служить офицером в кавалерии, но свободных мест в небольшой армии не оказалось. От назначения в пехоту он отказался — военная служба по окончании академии не была обязательной. Имея в виду, что во время обучения ему легко давались математические предметы, Улисс решил пожертвовать военной карьерой и стать учителем математики. В то же время он считал необходимой службу в Национальной гвардии.

Во время одного из сборов национальных гвардейцев в районе Сент-Луиса в 1844 г. он познакомился с сестрой своего товарища по Вест-Пойнту Джулией Дент. Молодые люди полюбили друг друга. В августе 1848 г. состоялась скромная свадьба. Не обошлось без семейных трудностей. Имея в виду, что родители Джулии имели рабов, отец Улисса отказался приехать на свадьбу. Правда, после этого родители мужа благосклонно приняли молодых в своем доме в Огайо и сочли Джулию членом своего семейства. После бракосочетания Грант все же стал служить в армии, так как офицерское жалованье было надежным доходом и позволяло содержать семью, в которой со временем родились четверо детей — трое сыновей и дочь. Несмотря на нежелание идти в пехоту, ему пришлось нести службу именно в пехотных частях в Детройте, затем в штате НьюЙорк и, наконец, в Калифорнии.

Когда в 1846 г. началась война с Мексикой, Грант служил в Луизиане, а затем был переведен на западный берег. В мае 1846 г. часть, которой командовал Грант, впервые вступила в бой в районе Пало-Алто. В связи с тем что он проявил себя как храбрый и находчивый командир, было, наконец, удовлетворено его желание перейти в кавалерию. В боях в районе

Ресака, а затем Монтерея он вновь проявил мужество и способности хладнокровно руководить боевыми действиями своего полка. В следующие месяцы он участвовал в наступлении на столицу Мексики, проявляя инициативу в каждом бою. Ему были присвоены одно за другим звания 1-го лейтенанта, а затем капитана. Если доверять его написанным через много лет мемуарам, Грант, послушно выполняя приказы начальства и проявляя тактическую инициативу, относился отрицательно к войне против Мексики в принципе, считая, что она ведет к укреплению рабовладельческой системы в США и носит несправедливый характер.

По окончании войны продолжалась служба в Калифорнии, которая все менее удовлетворяла капитана. У него происходили столкновения со старшими офицерами. Нередко он позволял себе лишнюю порцию виски, за что получал замечания от старших офицеров. После одного из столкновений с командиром полка, которое чуть не завершилось дракой (Грант назвал его тираном), не видя перспектив продвижения по службе, Грант в 1854 г. подал рапорт об увольнении в отставку. Дурному настроению способствовало и то, что он доверчиво отнесся к некому заезжему авантюристу, которому отдал значительную по тому времени сумму в полторы тысячи долларов якобы для вложения в какой-то бизнес. Отсутствие бдительности и доверчивое отношение к нечестным дельцам будет характерно для Гранта и в следующие годы, в том числе во время президентства.

В июле 1854 г. Улисс Грант был уволен из армии без обычного в этих случаях повышения в звании. Он воссоединился со своей семьей в Сент-Луисе. Перед ним встала проблема, чем заняться, имея в виду, что в возрасте 32 лет у него не было никакой гражданской специальности. Отец предложил ему участие в его бизнесе, связанном с выделкой кожи, но Улисс вначале отклонил это предложение не только потому, что оно ему не нравилось, но и в связи с тем, что характер возможной работы означал разлуку с семьей. Некоторое время он работал на ферме брата Джулии, но это занятие оказалось убыточным. Кроме того, на ферме были заняты рабы, а это Улиссу, воспитанному в аболиционистском духе, не нравилось. К тому же ферма не была успешной, а родственник старался, чтобы почти вся небольшая прибыль отходила ему. В результате Улисс расстался с фермой¹ даже одно время работал уличным продавцом и развозил на тележке уголь из одного двора в другой. Заработок был незначительным — примерно 50 долларов в месяц (около полутора тысяч долларов в 2018 г.), что не хватало на содержание семьи.

На помощь пришли родственники жены. На занятые у тестя деньги

Грант купил крохотный участок земли и построил на нем хижину, которую далеко не оптимистически назвал *Hardscrabble* (скудный, изматывающий). И это дело оказалось неудачным. Во время паники 1858 г. землю и домик пришлось продать. В то время, когда он попытался было заняться сельским хозяйством, тесть подарил ему одного раба, которого Улисс принял скорее всего, чтобы не обижать отца Джулии. Однако вскоре раб был отпущен на свободу без выкупа, хотя сам Грант нуждался в средствах. Антирабовладельческое настроение возобладало.

В конце концов в 1860 г. Улисс согласился работать клерком в фирме своего отца, занявшись продажей кожаных изделий. Казалось, что так, меняя одну работу на другую, влача жалкое существование, пройдет вся жизнь этого уже не юного, почти 40-летнего человека. Никто не мог предположить, что всего через четыре года он окажется командующим армией США и вторым после президента авторитетом в стране. Крутой поворот в жизни Гранта произошел в годы Гражданской войны.

На следующий день после того, как Линкольн 15 апреля 1861 г. обратился с призывом о вступлении в армию добровольцев, в городе Галене, штат Иллинойс, где тогда жил Грант, состоялся патриотический митинг, после которого он заявил: «Я никогда больше не вернусь в этот магазин кожаных товаров!» Он был инициатором нового митинга, на котором шла запись местных добровольцев. Был сформирован отряд будущих участников войны, командиром которого как инициатор и наиболее компетентный в военном деле человек стал Улисс. На него обратили внимание власти Иллинойса. Он был назначен помощником губернатора и занялся формированием воинских частей.

Как оказалось, несмотря на годы, проведенные в заботах о заработке на жизнь в качестве фермера и мелкого торгового клерка, у Улисса сохранились воинское мышление, решительность, смелость, то есть качества, которые необходимы для быстрой военной карьеры в условиях войны, тем более при отсутствии мощной регулярной армии и комплектовании частей из числа необученных, хотя и патриотически настроенных новобранцев. Улисс занялся боевой подготовкой полка, сформированного в Иллинойсе. В июне ему было присвоено звание полковника и он был назначен командиром 21-го Иллинойского добровольческого пехотного соединения. Первоначально в его части царили полугражданские настроения, дисциплина была крайне слабой. Грант проявил жесткий характер, ввел суровые наказания за малейшие нарушения приказов и быстро превратил часть в образцовое воинское подразделение.

Полк Гранта был направлен в штат Миссури для ведения боев против частей Конфедерации, участвовавших в бунте против федеральных властей. Продвижение по службе продолжалось. В начале августа Гранту было присвоено звание бригадного генерала. Он был назначен комендантом военного округа, созданного в юго-восточной части Миссури, и разместил свою штаб-квартиру в Кайро. Здесь он начал готовить наступление на силы конфедератов в долинах рек Миссисипи, Теннесси и Кумберленд.

По воспоминаниям участников Гражданской войны, Грант с самого ее начала продолжал учиться. Он нередко допускал ошибки, но никогда более не повторял их. Его далеко не всегда удовлетворяло руководство боевыми операциями со стороны генералов, стоявших во главе армии. Он несколько раз вступал в стычки со стоявшим непосредственно над ним генералом Генри Халлеком (он командовал Западным театром военных действий) — бывшим преподавателем Вест-Пойнта, военным теоретиком, который оказался на практике слабым командиром. Халлек твердо верил в важность тщательной подготовки к бою и придавал больше значения оборонительным укреплениям, нежели быстрым и агрессивным действиям. Чувствуя потенциал Гранта, Халлек обычно шел на мировую и считался с его рекомендациями. Грант же относился к Халлеку с известным предубеждением, называя его «старые мозги».

В феврале 1862 г. Грант развернул наступление на юг, занял укрепленные Форт-Генри и Форт-Донелсон, причем последний — несмотря на возражения осторожного Халлека. Республиканская пропаганда с восторгом вещала об этих победах. Они действительно были успехом, но отнюдь еще не сокрушительным, как пытались представить журналисты. Грант представал в глазах читающей публики, а затем в народной молве как подлинный герой. Он был в очередной раз повышен в звании — стал генерал-лейтенантом.

Некоторые победы Гранту доставались с большим трудом. В апреле 1862 г. его части были внезапно атакованы в Теннесси войсками южного генерала Альберта Джонсона, которые почти окружили армию северян в районе местечка Шайло. Понеся крупные потери (на тот момент это было самое кровавое столкновение в войне), Грант смог контратаковать, и южане отступили. Конфедераты оказались не в силах блокировать дальнейшее продвижение федеральных сил вниз по течению Миссисипи. Правда, результаты этой битвы, в которой федеральные войска понесли первые крупные потери, вызвали волну критики по адресу Гранта, которого обвиняли, что он одинаково легко жертвует жизнями противника и собственных солдат. Считая это несправедливым, Грант на

непродолжительное время почти впал в депрессию. Несколько раз он появлялся перед своими подчиненными в пьяном виде. Сведения об этом также проникали в прессу. Понимая, что его репутация находится под угрозой, генерал смог взять себя в руки, реорганизовал армию и продолжил наступление. Последовал ряд новых побед, которые полностью восстановили репутацию Гранта. В общественном мнении генерала вновь стали прославлять как героя и победителя. О его пьянстве больше не упоминали, тем более что он действительно перестал позволять себе лишние порции виски или, по крайней мере, не показывался в неприглядном состоянии перед подчиненными.

После появления прокламации Линкольна об освобождении рабов Грант распорядился о принятии негров в армию северян в качестве добровольцев и о формировании из них отдельных частей. Хотя аболиционисты призывали к созданию общих подразделений, в которых служили бы солдаты обеих рас, Грант то ли не решился, то ли не пожелал (скорее последнее) пойти на столь решительное преодоление дискриминации. В то же время части, состоявшие из черных, под его командованием успешно участвовали в боях.

Еще бóльшую славу принесла Гранту битва при Виксберге в штате Миссисипи в начале июля 1863 г. Здесь он предпринял дерзкий маневр, форсировав могучую Миссисипи во главе ударной силы, составлявшей около 20 тыс. человек (часть его солдат погибла при переправе, что он предвидел, но с этим не считался), а затем атаковал силы конфедератов, значительно превосходившие его армию. 4 июля он принудил к сдаче около 10 тыс. солдат и офицеров во главе с генералом Джоном Пембертоном. Командующий армией северян доложил об этом Линкольну как о «подарке ко Дню независимости США».

Не назначая его официально главнокомандующим (Верховным главнокомандующим по своей должности был президент), Линкольн фактически поставил после этого Гранта во главе всех федеральных сил. Он действительно стал генералом победы, хотя вел военные действия безжалостно, не обращая внимания на огромные потери в собственных войсках. На юге, да и в некоторых изданиях севера Гранта называли «мясником».

В середине 1864 г. Грантом и его штабом был разработан план всеобщего наступления, который выполняли под его руководством генералы, ранее занимавшие намного более высокие посты, чем он. Превосходящие силы северян теснили южан, добиваясь новых побед вплоть до капитуляции генерала Ли в районе Аппоматтокса 9 апреля 1865

г., что фактически завершило Гражданскую войну.

Вскоре новый президент США Эндрю Джонсон объявил об амнистии Ли, который затем спокойно проживал на юге, пользуясь популярностью среди белого населения. Добавим, что в некоторых городах юга США в наши дни сохранились памятники генералу Ли и другим генералам Конфедерации. В 2017 г. в городе Шарлотсвилл (штат Вирджиния) произошло столкновение между группой правых активистов и разъяренной толпой, попытавшейся разрушить памятник Ли. Они называли себя «антифашистами», хотя никакого отношения к таковым на самом деле не имели, а по существу были подогреты политиками из Демократической партии, стремившимися настроить население против нынешней администрации. Президент Д. Трамп с полным основанием по этому поводу заявил: «Сегодня мы демонтируем статуи генералов-южан, а кто будет следующим? Джордж Вашингтон или Томас Джефферсон, которые были рабовладельцами?» Памятник Ли все же был сброшен с пьедестала, что стало опасным прецедентом, напоминающим выходки «пролеткультовцев» в Советской России. Разум, правда, в конце концов возобладал, и памятник вновь поставлен на место.

Но вернемся к Гранту. Немедленно после победы над Ли Грант отправился в Вашингтон, где был с почетом принят Линкольном. Генерал участвовал в заседании правительства, а затем был приглашен президентом на спектакль в театре Форда, о чем стало известно заговорщикам, запланировавшим одновременное убийство Линкольна и Гранта. В последний момент, однако, по настоянию жены Джулии Грант отказался от посещения театра и отправился к родственникам в Филадельфию, избежав, таким образом, возможного убийства. После гибели президента военный секретарь Стэнтон немедленно известил об этом Гранта, который возвратился в Вашингтон и принял участие в траурной церемонии. Очевидцы рассказывали, что суровый генерал плакал, не скрывая слез.

Грант пользовался такой славой, что специальным решением Конгресса в июле 1866 г. было провозглашено создание нового высшего воинского звания генерала Армии США (*General of the Army of the United States*), или «четырёхзвездного генерала», которое рассматривалось как персональный почетный военный титул, причем одновременно это звание мог иметь только один действующий военачальник. Звание тотчас было присвоено Гранту, а одновременно с этим генералом Армии США посмертно был провозглашен Джордж Вашингтон.

К новому президенту Джонсону Грант относился с недоверием. Он говорил жене, что отношение Джонсона к белым южанам таково, что

гражданская война может вспыхнуть вновь. Тем не менее, сдерживая свои чувства, он продолжал службу, воздерживаясь от открытой критики президента, хотя в кругах Конгресса было известно о его позиции.

Учитывая популярность Гранта, Джонсон уговорил его отправиться в конце 1865 г. в длительную командировку на Юг для выработки рекомендаций по проведению там реконструкции. Доклад генерала не понравился президенту. Грант рекомендовал создавать бюро освобожденных с участием как представителей правительства, так и бывших рабов, которые обладали бы широкими правами в решении вопросов, связанных с превращением негров в полноправных граждан. Президента не удовлетворило и мнение Гранта, что Юг еще не готов к самоуправлению, что его территория нуждается в опеке федеральных властей и армии. Более сочувственно Джонсон отнесся к мнению, что федеральное правительство должно принять меры по обеспечению благоприятных условий жизни ветеранов войны, как белых, так и черных.

Когда Джонсон сместил военного секретаря Стэнтона, он назначил на его место Гранта, рассчитывая, что популярность генерала будет способствовать укреплению его собственных позиций. Военным секретарем Грант работал пять месяцев, но сразу же возвратил этот пост Стэнтону, когда Конгресс отверг назначение президента и принял решение о грубом нарушении им закона о пребывании в должности. Слабо разбиравшийся в вопросах высокой политики, не желая вмешиваться в конфликт между президентом и Конгрессом (хотя в глубине души считавший позицию Конгресса более основательной), Грант на протяжении своего пребывания в правительстве, по существу дела, лишь молча следил за развитием событий. Скорее всего, он принял назначение не из каких-либо политических или карьерных соображений, а как почетную должность.

Разъяренный Джонсон вновь отстранил Стэнтон от поста и попытался вернуть его Гранту. Последний, однако, на заседании правительства заявил, что подчиняется решению Конгресса. Джонсон осмелился публично обругать «национального героя». На этом попытка их сотрудничества завершилась.

Конфликт с президентом превратил Гранта из военного героя еще и в крупную политическую фигуру, хотя он, судя по его последующим заявлениям, отнюдь на это не претендовал. Однако Республиканская партия теперь видела в нем наиболее значительную фигуру, которую можно было бы противопоставить всем другим кандидатам на президентских выборах 1868 г. Гранта уговорили стать политиком. В начале 1868 г. он объявил себя

сторонником Республиканской партии и согласился стать ее номинантом. На съезде 20–21 мая в Чикаго Грант получил необходимое большинство голосов уже в первом туре и стал партийным кандидатом. Для того чтобы политически уравновесить неопытного в гражданских материях генерала, на пост вице-президента был выдвинут спикер Палаты представителей Шайлер Колфакс, радикальный республиканец из Индианы. Колфакс с удовольствием дал согласие на выдвижение, полагая, что в случае избрания он будет фактически руководить страной при мало развитом в политическом отношении президенте.

Утвержденная съездом платформа содержала требования предоставления неграм права голоса на юге как шага на пути к их превращению в равноправных граждан, но высказывалась за предоставление штатам севера права решать вопрос о голосовании черных. В платформе выдвигались требования поощрения эмиграции из стран Европы в США и наделения полными правами иммигрантов, содержалась резкая критика президента Джонсона как узурпатора. Демократическая партия выдвинула кандидатом губернатора штата НьюЙорк Горацио Сеймура, отказав в доверии президенту Джонсону, который попытался выдвинуться от демократов.

Кампания, как это уже стало обычаем в США, носила острый характер. Но Грант не принимал в ней участия, ограничившись письмом о согласии на номинацию, которое завершалось словами: «Пусть восторжествует мир». Эти слова стали основным и удачным лозунгом республиканцев, исходивших из того, что страна крайне устала от четырех лет гражданской войны и последующей за ней политической конфронтации о путях проведения реконструкции. Нация действительно стремилась к миру и считала победоносного Гранта таким же победоносным миротворцем.

Выборы состоялись 3 ноября. Вопреки ожиданиям, победа Гранта не была столь сокрушительной, как на это надеялись республиканцы. Он получил чуть более 3 млн голосов против 2,7 млн проголосовавших за Сеймура. Значительная часть американцев все же предпочитала на посту президента профессионального политика, а не героя войны. Отрицательные для Гранта результаты в некоторых южных штатах были связаны с тем, что здесь начались активные выступления куклукс-клана, которому во многих случаях удавалось просто запугать негров, заставив их отказаться от голосования или даже проголосовав против Гранта. В то же время большинство новых избирателей высказались за республиканского кандидата как за своего освободителя, не вдаваясь в подробности

платформы. В коллегии выборщиков победа Гранта оказалась значительно более определенной: он получил 214 голосов, тогда как его соперник — 80.

Бывший президент Джонсон отказался посетить инаугурацию Гранта 4 марта 1869 г., оставив Вашингтон, даже не поздравив нового президента.

Сразу после победы Грант допустил первую из ошибок, которыми изобиловало его восьмилетнее президентство. Он образовал правительство из своих друзей и сторонников, почти не проводя политических консультаций. Государственным секретарем был назначен Элияху Уошберн, член Палаты представителей, который на протяжении всех лет войны выступал политическим покровителем Гранта. Пробыл он на своем посту менее двух недель, после чего, поняв, что не в состоянии справиться со всем комплексом международных дел, попросился в отставку и был назначен послом в Париж. Он сыграл значительную роль в качестве посредника во время переговоров о перемирии во время Франко-прусской войны в 1870 г. Уошберн был заменен сенатором Гамильтоном Фишем, который оказался более подготовленным и сохранил пост на протяжении обоих сроков президентства Гранта.

Что же касается поста военного секретаря, который Грант считал особенно важным, то на него был назначен его старый друг Джон Роулинс, служивший в армии под его началом на протяжении всей Гражданской войны. Его деятельность вызвала постоянно нараставшее недовольство конгрессменов, а через полгода, в сентябре 1865 г., он умер. Его место занял Уильям Белкнап из Айовы, старый знакомый и подчиненный президента. Ряд других назначений также был связан с прошлыми добрыми отношениями независимо от квалификации и других качеств новых министров. Большинство из них были бывшими военными. Отдельные назначения, сделанные Грантом, должны были засвидетельствовать его стремление к полному восстановлению единства нации. Таковым было назначение бывшего генерала армии конфедератов Джеймса Лонгстрита на пост руководителя таможни, что вначале было встречено с негодованием радикальными республиканцами. С другой стороны, среди белого населения юга вызвало крайнее недовольство назначение двух черных на дипломатическую службу, правда, на отнюдь не самые важные посты — в Либерию и на Гавайи.

Некоторые из министров правительства Гранта оказались охваченными жадой обогащения. Непосредственно в денежные скандалы оказался вовлеченным позже Белкнап, которого обвиняли в злоупотреблениях при покупке земель у индейских племен. Министру угрожало расследование, а затем и увольнение. Чтобы не испытывать

судьбу, он сам ушел в отставку. Другие же министры, сами не являвшиеся коррупционерами, поощряли все более нараставший по мере развития промышленной революции дикий капитализм и оказывались в той или иной степени связанными с набиравшим силу финансовым капиталом. В плену спекулятивных махинаций оказался со временем и сам президент.

В отличие от Джонсона Грант с первых недель своего правления проводил курс на реконструкцию в полном соответствии с решениями Конгресса. На протяжении первого года его президентства было почти завершено возвращение в США южных штатов, ратифицировавших 15-ю поправку к Конституции и предоставивших право голоса неграм. Оставалась Джорджия, правительственные органы которой все еще сопротивлялись утверждению требуемого законодательства. На них было оказано давление, оккупационные власти отказывались вводить в действие принимаемые местными властями решения, что вызывало недовольство населения своим неопределенным положением. В конце концов и этот штат подчинился воле федеральных властей, и в феврале 1871 г. сенаторы из Джорджии были приняты в Конгресс, что завершило восстановление единства страны.

На юге, однако, полного спокойствия не было. Здесь появилась масса выходцев из северных штатов, которые стремились подешевке скупить как крупную, так и среднюю собственность. Имея в виду, что обычно это были люди небогатые и в то же время настроенные авантюристично, их стали называть карпетбеггерами (саквояжниками), подразумевая под этим презрительным словом любителей легкой наживы. Постепенно термин стал употребляться в более широком смысле — в отношении занимавших ответственные должности в южных штатах политических назначенцев Гранта, которые, подобно частным авантюристам, воспринимались как захватчики и грабители.

Атмосфера беспокойства связана была и с деятельностью куклукс-клана. Эта тайная организация была образована бывшими солдатами-южанками и проповедовала превосходство белых, выступала с угрозами по отношению к негритянским активистам и их белым покровителям. Имели место случаи расправы после предупреждений, которые посылались в причудливой форме (то ли в виде ветки дуба, то ли горсти зерен апельсина). Случаев расправы (обычно сожжения на костре) было лишь несколько, но из-за слухов, которые распространялись и самими куклуксклановцами, и теми, кому они угрожали, люди ощущали опасность, преувеличенную в сотни раз.

Грант отдал распоряжение о беспощадной расправе с куклукс-кланом.

По его предложению в апреле 1871 г. был принят закон о куклукс-клане, который предоставлял президенту право вводить военное положение в отдельных местностях, где проявлялась активность этой организации. Здесь временно отменялись гражданские права и подозреваемые в терроре предавались военным судам, действовавшим по ускоренной процедуре и выносившим, как правило, жестокие приговоры. Преданные военному суду куклуксклановцы обычно приговаривались к повешению. Наряду с действительными куклуксклановцами жертвами правительственной расправы, подчас приобретающей террористический характер, становились южане, критически высказывавшиеся относительно уравнивания в правах белых и черных. К 1873 г. организации куклукс-клана перестали существовать; они возродились через несколько десятилетий, в новых условиях расового противостояния. Пока же на Юге страсти улеглись, что позволило Гранту в 1873 г. объявить амнистию всем бывшим деятелям Конфедерации.

Правительство Гранта обратило внимание на просветительную сторону реконструкции. На Юге, а попутно с этим и на Севере, начала создаваться система общественных (государственных) начальных школ, пока еще не узаконенная в национальном масштабе. Правда, в южных штатах с согласия местных и центральных властей она была основана на принципе сегрегации — черные обучались отдельно от белых. Почти в каждом крупном и среднем городе появились школы, где дети обучались бесплатно. Однако централизованного финансирования просвещения не существовало, штаты же выделяли незначительные средства. В результате в общественных школах не хватало учителей, а их квалификация была низкой. В сельской же местности возникала система «взаимного обучения», при которой дети разного возраста и уровня подготовки собирались в одном классе с единственным учителем, под руководством которого старшие обучали младших тому, что они уже знали сами. Понятно, насколько низким был уровень подготовки.

Для того чтобы подготовить хотя бы минимальное число учителей-негров, правительство выступило инициатором создания специальных колледжей, на которые были выделены средства из бюджета. Получил известность университет штата Миссисипи имени Алкорна. Он был основан еще в 1830 г. под названием колледж Оукленд, в котором обучались только белые. Но в ходе реконструкции правительство передало здания колледжа с прилегающими землями для создания высшего педагогического учебного заведения, специально предназначенного для черных. Так в 1871 г. с санкции Гранта был образован университет, в

котором и преподавателями, и студентами были исключительно негры. Назван он был в честь покровительствовавшего университету губернатора штата Джеймса Алкорна.

Грант считал необходимым развитие на Юге железнодорожной сети, считая, что это выведет его из изоляции, будет способствовать преодолению разрухи и обеспечит интеграцию с промышленно развитыми частями страны. С этой целью были выделены крупные государственные средства, а власти штатов стали инициаторами займов, субсидий и благотворительных взносов. Одновременно в южных штатах были введены специальные налоги. Однако строительство железных дорог стало наиболее коррупционной сферой деятельности. Один за другим вскрывались факты воровства, причем основная их часть так и не была раскрыта. Но и те, что привели к судебным процессам, показывали огромные масштабы взяточничества и незаконного обогащения. В Северной Каролине, например, был обнаружен некий делец, который потратил на взятки чиновникам свыше 200 тыс. долларов и получил из казны субсидию в несколько миллионов на прокладку железной дороги, а затем все деньги потратил на биржевые спекуляции и развлечения. Все же масштабы железнодорожного строительства были впечатляющими: за 20 лет (с 1870 г.) сеть железных дорог на Юге увеличилась почти в три раза (с 11 до 29 тыс. миль). Собственниками и управляющими железных дорог являлись обычно северяне.

Президент попытался ввести какое-то подобие порядка в политику властей по отношению к индейским племенам. Ко времени его вступления на высший пост существовало около 370 договоров с вождями племен, в которых числилось свыше 250 тыс. коренных жителей континента. Почти сразу после того, как он стал президентом, Грант назначил Эли Паркера из племени сенека, первого индейца, занявшего должность в администрации, комиссаром по индейским делам, а тот, в свою очередь, возглавил Совет индейских комиссионеров, который должен был, с одной стороны, следить за тем, чтобы покончить с коррупцией во взаимоотношениях с племенами (эта задача так и не была выполнена — коррупция процветала), а с другой — подготовить новую систему взаимоотношений между властями и племенами. В 1871 г. правительство внесло в Конгресс проект закона об аннулировании системы договоров с индейскими племенами. Принятый и подписанный президентом закон объявлял о ликвидации племен как таковых и соответственно договоров с ними, рассматривал индейцев в качестве «подопечных» федерального правительства, ставил целью внедрение в индейскую среду «американской культуры и знаний».

Большинство племен отказывались следовать этому закону. Напряженность во взаимоотношениях с коренными американцами продолжалась. Фактически закон 1871 г. привел лишь к формальному лишению племен их суверенитета, который и так фактически не существовал уже на протяжении длительного времени. Провозглашая политику мира по отношению к индейцам, Грант направлял войска на подавление восстаний племен. С санкции Верховного главнокомандующего сжигались поселки, вождей убивали, если они сразу не объявляли о сдаче, а пытались выставить какие-то условия.

В области внешней политики правительство Гранта проводило осторожный курс, стремясь не отягощать международными осложнениями трудности реконструкции. Сравнительно серьезной проблемой в первые годы правления Гранта были претензии его правительства к Великобритании в связи с секретными связями с конфедератами. Особое негодование американских политиков вызвала покупка у Британии конфедератами крупного военного корабля «Алабама». В Конгрессе раздавались утверждения, что Великобритания нарушила заявленный ею нейтралитет, выдвигались требования репараций, а некоторые наиболее рьяные депутаты даже вели разговоры об оккупации Канады. Согласно их заявлениям, парусный шлюп «Алабама» в 1862–1864 гг. причинил значительный экономический ущерб США, повредив или ограбив более 60 американских кораблей, везших зерно в Европу.

По поручению Гранта госсекретарь Фиш вступил в переговоры с Великобританией, исходя из убеждения, что мирные отношения между обеими странами необходимо сохранить и что достаточно будет небольшого примирительного жеста со стороны Британской монархии, чтобы считать соответствующие инциденты улаженными. Британские представители согласились с таким подходом. В мае 1871 г. был подписан Вашингтонский договор, согласно которому дело было передано международному трибуналу. Британская сторона выразила сожаление тем, что произошло, но отказалась признать вину своего правительства. Трибунал, состоявший из представителей Италии, Швейцарии и Бразилии (при участии сторон конфликта), собрался в Женеве в сентябре 1872 г. и постановил, что Великобритания должна уплатить США 15,5 млн долларов компенсации. Обе стороны согласились с решением. Грант по этому поводу выступил со специальным миролюбивым заявлением. Обращение к международному посредническому трибуналу явилось первым случаем в практике двусторонних споров. Это был важный прецедент в развитии международного права.

Если отношения с Великобританией были урегулированы, то полным провалом для Гранта оказалась его попытка включить в состав США островное государство Доминиканскую республику, находившуюся на острове Гаити. Доминикана находилась в тяжелейшем экономическом положении, население нищенствовало, правительство проявляло неспособность управлять. Президент страны Буэнавентура Базе в 1869 г. предложил Гранту включить Доминиканскую республику в состав США. Грант загорелся идеей территориального расширения, создания военного плацдарма на Карибах. Он выступил с рядом законодательных предложений о принятии этой страны в США, особенно подчеркивая возможность переселения в Доминикану негров с юга, которые при этом оставались бы гражданами США. В Конгрессе, однако, возникла решительная оппозиция, ибо было ясно, что новую территорию надо будет целиком содержать за счет американского бюджета. Сенат несколько раз отвергал предложения президента, от которых он в конце концов отказался. Провал этого плана, который опытные политики называли авантюрой, вызвал кризис в Республиканской партии. Влиятельный сенатор-республиканец Чарльз Самнер, являвшийся председателем Внешнеполитического комитета и выступавший против включения Доминиканы в США, в результате парламентских интриг был снят со своего поста. От республиканцев откололась группа, выступавшая против Гранта, которая назвала себя Либерально-республиканской партией.

В такой обстановке проходили президентские выборы 1872 г., на которых Гранту противостоял Хорсе Грили, выдвинутый одновременно отколовшейся группой и Демократической партией. У Грили, однако, была репутация перебежчика, что в условиях США резко понижало его авторитет, и Грант выиграл выборы без особого труда.

Став президентом вторично, он уверовал в силу своей власти и обаяния. Если на протяжении первого срока президент вел себя более или менее осторожно, то после переизбрания стал ввязываться в различные авантюры и сомнительные предприятия, покровительствовал друзьям, причем некоторые из них оказались коррупционерами, проводил через республиканское большинство Конгресса законы, которые подвергались острой критике общественностью.

Правительство проявило полную беспомощность, когда в 1873 г. в США, как и в ряде европейских стран, произошел биржевой крах, за которым последовала так называемая «долгая депрессия», продолжавшаяся в той или иной степени до 1896 г. В сентябре 1873 г. в США обанкротились несколько банковских фирм, причем причиной этого стало неисправное

выполнение финансовых обязательств правлениями железных дорог, охваченных строительной лихорадкой и связанной с ней коррупцией (за 1870–1873 гг. было построено 237 тыс. миль железнодорожных путей, что было рекордом для всего мира). Затем начались банкротства промышленных фирм, особенно металлургических предприятий, связанных с железнодорожным строительством.

Вместо того чтобы принять какие-то меры, в частности выделив субсидии или другими способами поддержав экономику, Грант объявил о невмешательстве. Он внес проект закона о резком повышении (примерно в два раза) жалованья членам Конгресса, судьям Верховного суда и другим высшим чиновникам, включая самого президента. Такое увеличение жалованья согласно законодательству было возможно, но, согласно традиции, соответствующие меры могли вводиться только для тех, кто в данный момент не стоял у власти (в частности, было желательно их ввести для тех, кто будет избран в результате очередных выборов). Воспользовавшись тем, что это положение не было зафиксировано в законодательстве, в закон 1873 г. было включено специальное положение, предусматривавшее обратную силу. Это вызвало негодование по всей стране, но законодатели позицию Гранта одобрили, и его предложения приобрели силу закона. Этот закон в прессе был назван Актом о захвате жалованья.

В то же время президентство Гранта ознаменовалось целой серией серьезных финансовых скандалов и раскрытием коррупционных схем. Сам президент, по всей видимости, не был взяточником, но в мошеннических действиях участвовали его подчиненные, близкие знакомые и родственники. Когда раскрывалось то или иное дело, Грант предпринимал усилия, чтобы его замять. В этом активно участвовал его личный секретарь и доверенное лицо еще по Гражданской войне генерал Орвилл Бэбкок, который тщательно наблюдал за тем, чтобы разного рода скандальные дела не стали достоянием общественности. В результате в основном виновные выходили сухими из воды.

Первая мошенническая схема была разработана финансистами Джеймсом Гулдом и Джеймсом Фиском, которые заручились поддержкой братьев самого Гранта и его жены. Группа стала скупать золото, в результате чего его рыночная стоимость за несколько месяцев резко выросла. Последовал общий рост цен, особенно на железнодорожные перевозки, в чем в наибольшей степени была заинтересована эта группа. Через некоторое время схема перестала работать, так как Казначейство США бросило на рынок золотые резервы. Об этом Гулду и Фиску стало известно заранее, и

они продали свои ценные бумаги перед началом их падения. Журналистам удалось вскрыть эти действия, в прессе были опубликованы результаты расследования. Однако привлечь виновных к уголовной ответственности так и не удалось, так как не была найдена соответствующая статья в законодательстве.

За этим последовал скандал на Нью-йоркской таможне, через которую при условии высоких ввозных пошлин до 40 % стоимости товара шла основная часть грузов, ввозимых в США из Европы. Назначенцы Гранта Мозес Гриннелл и Томас Мерфи, получавшие товар на таможне, не регистрировали часть его, а отправляли на частные склады, получая крупные доходы за счет сэкономленных сборов. В 1872 г. разразился скандал. Департамент казначейства провел расследование, результаты которого не давали прямых оснований для обвинения в преступном сговоре и извлечении незаконного дохода. Повторное же расследование пришло к выводу, что дела на таможне велись правильно и чиновники не замешаны в какой-либо преступной деятельности. По всей видимости, здесь не обошлось без крупных взяток.

Разоблачения, связанные с преступлениями высших чиновников, продолжались. В 1875 г. был вынужден покинуть свой пост, но не был предан суду секретарь по внутренним делам Колумбус Делано. Он был уличен в получении взяток в связи с распродажей федеральных земель. Тот факт, что дело Делано замяли, был связан с тем, что в нем участвовал брат президента Орвилл. Еще одним коррупционным скандалом того же 1875 г. было дело «шайки виски». В деле были замешаны производители алкоголя и чиновники Департамента казначейства. Предприниматели давали взятки чиновникам, которые помогали им скрывать доходы и этим укрывали от налоговых сборов. Дело «шайки виски» так и не завершилось.

Президентство Гранта относилось ко времени бурного послевоенного индустриального развития, биржевых спекуляций, стремительного обогащения отдельных дельцов, разорения других. Все это вело к особому жизненному стилю людей имущих, которые жили сегодняшним днем, не брезгуя никакими средствами, грубо нарушая традиционную мораль. Марк Твен назвал это время «позолоченным веком».

Когда истекал второй срок его президентства, Грант не был еще старым — ему было 54 года. Имея в виду, что ограничение пребывания одного лица на высшем посту двумя сроками было традицией, не закрепленной законодательно, он подумывал о выдвижении своей кандидатуры на третий срок. Родные и близкие, а также некоторые советники рекомендовали ему идти на выборы, имея, в частности, в виду,

что в Республиканской партии не было, по их мнению, других достойных кандидатов. Однако общественное мнение было настроено против. Палата представителей даже приняла специальную резолюцию, носившую двухпартийный характер (233 голоса против 18), в которой без упоминания фамилий декларировалось, что ограничение президентства двумя сроками является гарантией предотвращения в США диктатуры одного лица. Резолюция не носила обязательного характера, но когда Гранту настоятельно посоветовали не выдвигать свою кандидатуру, имея в виду, что не был исключен провал на выборах в связи с финансовыми скандалами, он неохотно отказался от своего намерения.

Когда в 1876 г. Республиканская партия выдвинула на президентский пост Ратерфорда Хайеса, Грант поддержал эту кандидатуру, выступил с одобрением номинации. Выборы были «грязными», было немало случаев фальсификации, но администрация Гранта, который еще оставался президентом, стремилась скрыть их фактически обманной характер, добиваясь победы Республиканской партии.

Оставив Белый дом, Улисс с супругой предпринял путешествие за рубеж, которое продолжалось два с половиной года. Как оказалось, популярность, которую он приобрел в качестве полководца Гражданской войны, полностью сохранилась. Повсеместно его встречали самые высокопоставленные лица, на улицах его с энтузиазмом приветствовали толпы. Грантов принимали британская королева Виктория, германский рейхсканцлер Отто фон Бисмарк, папа Римский Лев XIII, император Японии Мэйдзи... Все это вновь побудило Гранта попытаться выдвинуть свою кандидатуру на выборах 1880 г. В США, однако, о нем уже начинали забывать, реконструкция завершилась фактическим примирением Юга и Севера. Республиканская партия отказалась поддержать кандидатуру Гранта.

После отставки Грант участвовал в различных финансовых компаниях, вкладывал средства в строительные и другие проекты. Однако ни биржевого чутья, ни каких-либо серьезных экономических знаний у него не было. В большинстве случаев бывший президент оказывался в проигрыше. Он вступал в сотрудничество с разного рода денежными дельцами, которые его бессовестно обманывали. Временами он не был в состоянии погасить долги. На генеральскую пенсию он рассчитывать не мог, так как, став в свое время кандидатом в президенты, покинул армию и теперь не имел необходимой выслуги лет. Отставным же президентам пенсия не полагалась. Его бывшие соратники и сторонники создали фонд Гранта в 250 тыс. долларов, за счет которого Улисс с семьей было обеспечено

комфортабельное жилье в городе Гален, а также небольшой дом в Нью-Йорке. Лишь за несколько дней до смерти Конгресс принял постановление о назначении ему содержания в сумме полного жалования генерала Армии США.

Бывший президент решил заняться публицистикой и написал несколько статей об эпизодах Гражданской войны, которые оказались интересными читателям, получили одобрение критиков и стали стимулом для подготовки мемуаров. Сблизившийся в начале 80-х гг. с Грантом писатель Марк Твен, обладавший огромным авторитетом в кругу издателей, договорился о выгодном контракте. Позже Твен изменил решение и подписал с Грантом договор о публикации мемуаров в его, Твена, издательской фирме. В 1884 г. Грант начал писать воспоминания. Вскоре, однако, почувствовав себя плохо, он обратился к врачам. Они установили у него рак горла в запущенном состоянии, который распространился на пищевод. Последние месяцы жизни бывший генерал и президент, преодолевая нараставшую слабость, мужественно работал над книгой, которую завершил за несколько дней до смерти. «Личные воспоминания Улисса Гранта» были выпущены посмертно, а затем многократно переиздавались, став важным источником, в основном по периоду Гражданской войны.

Улисс Грант был похоронен в Нью-Йорке в Риверсайд-парке. В 1897 г. над его могилой был открыт мемориал Могила Гранта (или Мавзолей Гранта), являющийся самой большой гробницей на территории Северной Америки. Во многих городах сооружены памятники генералу и президенту, его именем названы улицы, площади, парки. В его честь назван город в штате Канзас. Портрет Гранта изображен на американской купюре в 50 долларов.

С ноября 2017 г. на базе государственного университета штата Миссисипи в городе Старквилл работает Библиотека и музей Улисса Гранта — комплексный научно-просветительный центр, хранящий архивные документы, связанные с деятельностью Гранта, имеющий обширную музейную экспозицию и проводящий работу по популяризации знаний по американской истории во 2-й половине XIX в.

Основные издания:

Grant U. The Complete Personal Memoirs. Cambridge, MA, 2017.

Brands H. The Man Who Saved the Union: Ulysses S. Grant in War and Peace. New York, 2012.

Calhoun Ch. The Presidency of Ulysses S. Grant. Lawrence, 2017.

Longacre E. General Ulysses S. Grant: The Soldier and the Man. Cambridge, 2006.

White R. American Ulysses: A Life of Ulysses S. Grant. New York, 2016.

РАТЕРФОРД ХЕЙС

4 октября 1822 — 17 января 1893

19-й президент:

4 марта 1877 — 4 марта 1881

Республиканец Хейс в американской истории известен тем, что попал на президентский пост в результате чуть ли не самых «грязных» в истории США выборов. По остальным параметрам он себя никак не проявил, хотя и был известным политиком, временами выступая как радикальный

аболиционист. На президентском же посту он вел себя крайне осторожно.

Ратерфорд Берчард Хейс (*Rutherford Birchard Hayes*) родился в городе Делавер (штат Огайо) в семье Ратерфорда-старшего и Софии Хейс, в прошлом уроженцев штата Вермонт, которые перебрались с северо-восточной границы в центр страны за несколько лет до рождения сына, ставшего вторым ребенком (у него была старшая сестра Фанни). Отец приобрел небольшой универсальный магазин, позволявший вести скромный, но вполне обеспеченный образ жизни. Однако за несколько недель до рождения сына Ратерфорд-старший заболел какой-то непонятной скоротечной болезнью и умер. Мальчик родился, уже будучи наполовину сиротой. София Хейс взяла на себя и бизнес, и ведение домашнего хозяйства. Больше она замуж не вышла, полностью посвятив себя семье. Ей помогал младший брат Сардис, который некоторое время жил с ними в одном доме и которого мальчик считал чуть ли не отцом. Позже Сардис стал успешным бизнесменом и не раз помогал Ратерфорду. В семье часто вспоминали о предках, об их участии в Войне за независимость в составе милиции Вермонта. Сохранившиеся документы того времени дали Хейсу позже возможность стать членом общества «Сыновья американской революции», что считалось почетным для любого политика.

Ратерфорд учился в общинной школе в Делавере, после окончания которой в 1836 г. поступил в школу методистской общины в соседнем Норуолке, а через год мать отправила его в штат Коннектикут в школу более высокого уровня, в которой, правда, основное внимание уделялось древним языкам. Вернувшись в Огайо, Ратерфорд посещал еще несколько учебных заведений, преподаватели которых отмечали его усидчивость и хорошую память, но каких-либо талантов в своем ученике не отмечали.

В старших классах Ратерфорд стал интересоваться политикой. Его симпатии были на стороне вигов. Решив стать профессиональным политиком, он озаботился тем, чтобы получить юридическое образование. Недолгое время он изучал право самостоятельно и под руководством местных юристов в главном городе штата Коламбусе, а в 1843 г. поступил в правовую школу Гарварда. Здесь он, уже имевший базовые правовые знания, в 1845 г. получил диплом и возвратился в Огайо, где открыл свою контору во Фримонте. Вначале дела у него шли не очень, но постепенно он заработал авторитет, особенно после того, как успешно провел дело своего дяди Сардиса, связанное с земельной тяжбой. Вскоре Ратерфорд переехал в Цинциннати, где в 1850 г. основал юридическую фирму — сперва с партнерами, а затем самостоятельно. Вначале он занимался главным образом коммерческими делами, но позже стал выступать и по уголовным

делам и приобрел известность успешной защитой нескольких лиц, обвиненных в убийствах. По одному делу он смог убедить судей в том, что женщина, совершившая убийство, в момент преступления была не в себе, в результате чего она была приговорена не к повешению, что казалось почти неизбежным, а к лечению в психиатрической клинике.

В нескольких случаях Хейс выступал адвокатом по делам беглых рабов, которые нашли приют в Цинциннати, пользуясь тем, что штат Огайо был свободным, а рядом, по другую сторону реки, находился рабовладельческий штат Кентукки. Некоторые дела ему удалось выиграть. Постепенно Хейс становился аболиционистом и одним из активистов формировавшейся местной организации Республиканской партии, причем определенное влияние на него в этом смысле оказало изменение в семейном положении. В течение нескольких лет он был знаком с девушкой по имени Люси Уэбб, которая была девятью годами младше его и происходила из семьи врача, активного участника аболиционистского движения, бесплатно лечившего бежавших рабов. Настроения отца передались дочери, которая помогала беглецам и была активисткой движения трезвенников. Позже, когда Люси была уже супругой президента, ее часто называли «лимонадной леди», так как она отказывалась принимать участие в приемах, на которых подавали спиртные напитки... Когда Хейс перебрался в Цинциннати, они стали встречаться, а в декабре 1852 г. поженились. Люси родила троих сыновей, продолжая одновременно заниматься общественной деятельностью.

Между тем Хейс постепенно втягивался в городскую политику. В 1859 г. он был избран солиситором Цинциннати, то есть городским чиновником, наблюдавшим за правильным ведением судопроизводства. Когда после избрания Линкольна президентом стала разгораться гражданская война, Хейс занял довольно странную позицию. Он твердо выступал против рабовладения и считал, что можно пожертвовать единством страны во имя избавления от каких бы то ни было уступок штатам, которые намеревались порвать с Союзом. «Пусть они уходят», — говорил он на собраниях республиканцев. В то же время в самом Цинциннати после выборов 1860 г. большинство получили представители Демократической партии, противники Линкольна. Весной 1861 г. Хейс был смещен с поста городского солиситора. Он собирался вернуться в адвокатуру и даже объявил о создании своей конторы, однако известие о начале военных действий коренным образом изменило его планы.

Хейс записался добровольцем в воинскую часть, которую начал формировать губернатор Огайо Уильям Деннисон. Точно неизвестно, по

каким причинам юрист, не имевший никакого военного опыта, получил звание майора 23-го добровольческого пехотного полка Огайо. Видимо, среди волонтеров просто не было более или менее грамотных. После тренировки, продолжавшейся около месяца, полк был направлен в западную часть Вирджинии. Первый бой против сил Конфедерации, в котором участвовал Хейс, произошел в сентябре в районе Карнифекс-Ферри. Полк смог отбить атаку, и хотя Ратерфорд ничем особым не отличился, но все же принял участие в контратаке, заставившей неприятеля отступить. После боя он получил звание подполковника и возглавил полк, который расположился на зимние квартиры в Западной Вирджинии. Несколько месяцев он не участвовал в боях, впрочем, той зимой и на других участках активных действий не было. Весной стычки возобновились. Хейс со своими солдатами участвовал в нескольких рейдах в тыл противника. Во время одного из них он был легко ранен в ногу, но после недолгого лечения возвратился в строй.

Первое крупное сражение, в котором он по-настоящему принял боевое крещение, произошло 14 сентября на границе Вирджинии и Мэриленда, в районе Южной горы. Войсками северян командовал генерал Джордж МакКлеллан, южанами — генерал Роберт Ли. Бой шел за овладение перевалами в Аппалачских горах, важных для дальнейших военных действий. Ли вынужден был отступить. Правда, МакКлеллан победой не воспользовался...

Во время атаки на окопы противника Хейс был ранен в левую руку (что привело к раздроблению кости и большой потери крови), но остался на поле боя. Правда, его подчиненные вели себя отнюдь не столь отважно: они не обратили внимания, что их командир потерял сознание, бросили его и отошли, оставив его лежащим посреди поля. Лишь позже, спохватившись, кто-то из солдат возвратился за Хейсом и помог ему добраться до своих окопов. После боя его отправили в госпиталь, где он провел около месяца.

Мужество офицера вновь было оценено, он был произведен в полковники, а после выздоровления стал командиром бригады и вскоре получил временное звание бригадного генерала. В следующие месяцы он участвовал в боях на различных участках и в 1864 г. был еще раз ранен в плечо. Впрочем, как командир он особых талантов не проявил: он мужественно и исправно исполнял приказы, но каких-либо достоинств в области оперативного мышления у него не было. Тем не менее его имя было известно командованию и сам Грант отзывался о нем положительно как о генерале, проявившем «мужество и качества хорошего организатора».

Характеристика была все же явно сдержанной.

Хейс завершил войну в звании временного генерал-майора, после чего вернулся в Огайо и навсегда оставил военную службу. Еще находясь в армии, Хейс был выдвинут в родном штате в Палату представителей Конгресса США. Хотя он непосредственно не участвовал в кампании, ограничившись только несколькими письмами к избирателям, он как храбрый военный, внесший вклад в победу, был избран. Почти сразу после возвращения в Цинциннати Хейс отправился в столицу для работы в Конгрессе. В Палате представителей он, не являвшийся официально членом партии как недавний военный, сразу же присоединился к группе умеренных республиканцев, хотя по ряду вопросов голосовал вместе с радикальным, аболиционистским крылом депутатов.

Он энергично выступил за 14-ю поправку к Конституции, запрещавшую рабовладение в США, и призывал к ее скорейшей ратификации. После убийства Линкольна и вступления на президентский пост Эндрю Джонсона Хейс стал одним из наиболее рьяных оппонентов нового президента. Он был в числе тех депутатов, которые ратовали за проведение глубокой реконструкции юга, прежде чем бывшие штаты Конфедерации получат полные права в органах власти. Он выступал за принятие закона о запрещении президенту смещать высших чиновников, прежде всего министров, без санкции Сената. Этот закон был принят, в частности благодаря его усилиям. Одновременно Хейс выступал за реформирование гражданской (государственной) службы в принципе с целью устранить из административных органов партийных назначенцев. Эта реформа не нравилась многим конгрессменам и так и не была проведена. Позже, став президентом, Хейс продолжал добиваться реорганизации административных служб.

Пребывание в Конгрессе было недолгим. Хейс пришел к выводу, что значительного влияния на общегосударственные дела он оказать не в состоянии. Между тем в родном штате Огайо приближались губернаторские выборы. Пост губернатора в последние годы занимал представитель Демократической партии, всячески затягивавший ратификацию 15-й поправки. В планах Хейса были и различные меры, касавшиеся улучшения экономической и культурной ситуации. Он выставил свою кандидатуру на губернаторский пост и легко победил.

Пост местного руководителя он занимал с 1868 по 1872 г. Хейс снискал популярность среди местного населения снисходительностью по отношению к преступникам, совершившим сравнительно небольшие нарушения законов. Он многократно использовал право помилования и

завоевал репутацию «доброго губернатора», хотя и не выступавшего с крупными инициативами. Наиболее значительной областью, в которой он проявил себя, было образование, в частности высшее. Хейс стал инициатором основания крупного сельскохозяйственного и механического колледжа, который позже был преобразован в государственный университет штата Огайо.

Считая, что он накопил определенные знания и опыт для административной службы в национальном масштабе, но находясь пока на распутье, Ратерфорд Хейс в 1872 г. отказался выдвигать свою кандидатуру на новый срок и вернулся к частной жизни. Перед этим, правда, он обратился к президенту Гранту, памятуя свою службу под его началом во время недавней войны, с просьбой предоставить ему какой-либо пост в Вашингтоне. Грант отказал, причем в резкой форме. Ему, видимо, не понравилось, что ничем существенным на войне не отличившийся бывший генерал осмеливается обратиться прямо к президенту.

Хейс вернулся к юридической практике и одновременно занимался коммерческими операциями с землей, и хотя особого чутья он не проявил, но и не разорился. Его доход почти исключительно составляли адвокатские гонорары. В 1873 г. он получил наследство: его дядя Сардис завещал ему свой дом в городке Спидел-Гроу, куда Хейс переселился и продолжал здесь свои юридические дела. Кроме того, он распоряжался завещанием Сардиса, который оставил немалые средства на благотворительные цели, в частности на основание библиотек. В одной из них, самой крупной, расположенной в Спидел-Гроу, Хейс стал председателем наблюдательного совета.

Его, однако, все больше тянуло вновь заняться политикой, хотя бы на местном уровне. Когда активисты Республиканской партии в 1875 г. предложили ему вновь выставить свою кандидатуру на пост губернатора Огайо, он согласился и вновь легко выиграл выборы. Но на этот раз на пост он так и не вступил, так как волей судеб оказался в центре избирательной кампании федерального масштаба. 1876 год стал годом очередных президентских выборов. Достойной замены Гранту — человека, который мог бы противостоять вероятному кандидату демократов губернатору Нью-Йорка Сэмюэлю Тилдену, — у республиканцев не было.

Предвыборный съезд Республиканской партии состоялся в городе Цинциннати в июне 1876 г. Вначале кандидатом был выдвинут спикер Палаты представителей Джеймс Блейн. Он, однако, оказался не в состоянии набрать большинство в 2/3 голосов, хотя из тура в тур и увеличивал число своих сторонников. Появлялись новые кандидаты, но и они не меняли положения. К тому же в прессе были опубликованы

сенсационные сообщения, обвинявшие Блейна в участии в коррупционных схемах. Неизвестно, насколько они были обоснованными, но позиции кандидата подорвали. Тогда делегация штата Огайо выдвинула в качестве кандидата, вроде бы устраивавшего все фракции партии, своего губернатора. В 7-м туре голосования Хейс набрал необходимое число голосов. Для того чтобы укрепить позиции республиканского кандидата, на пост вице-президента был номинирован член Палаты представителей от штата НьюЙорк Уильям Уилер.

Платформа съезда носила неопределенный характер, имея в виду, что вести борьбу теперь предстояло с таким кандидатом Демократической партии, который был не просто хорошим организатором, но снискал репутацию реформатора. На съезде демократов в президенты был действительно выдвинут Сэмюэль Тилден. Его появление на политической авансцене свидетельствовало, что демократические организации севера, хотя на словах и поддерживали консерваторов юга и дискриминацию там черного населения, по существу переходили на позиции стимулирования индустриального развития, поощрения относительно свободных рыночных отношений, укрепления демократических свобод. Иными словами, по основным вопросам политики они теперь существенно не отличались от Республиканской партии. Борьба между партиями переходила к столкновению между личностями. А это предвещало именно личностные средства противостояния, фактически предусматривавшие нечистоплотные трюки.

В ходе полемики сторонники обоих кандидатов обливали грязью соперников. В прессе выдвигались всевозможные обвинения. При этом у демократов было явное преимущество, так как они широко использовали действительно существовавшие во время правления Гранта вскрытые, но до конца так и не разоблаченные коррупционные схемы. Обозреватели предрекали победу Тилдена.

Избирательный штаб республиканцев фактически возглавил бывший генерал периода Гражданской войны Даниель Сиклс — человек сомнительной репутации, в свое время убивший любовника своей жены, но оправданный судом по причине «временного умопомешательства», которое ни в чем другом не проявилось. Сиклса обвиняли в расхищении государственных средств, однако ни по одному из обвинений дело до суда так и не дошло; он умело выходил сухим из воды. Хейсу явно очень хотелось теперь стать президентом любой ценой, если он доверил руководство своей кампанией такому сомнительному менеджеру. Этот человек считал особенно важным получить большинство голосов в штатах

Южная Каролина, Луизиана и Флорида, где черные, в подавляющем большинстве неграмотные и малограмотные, имели теперь право голоса и где они под давлением оккупационных сил, все еще находившихся в этих штатах, должны были проголосовать за республиканского кандидата. Сиклс направил телеграмму местным оккупационным властям этих штатов, требуя обеспечить победу Хейса. Телеграмма была понята правильно. Выборы в названных штатах проводились комиссиями, которые бессовестно их фальсифицировали. Демократы отвечали подобным образом, организуя многочисленные голосования одних и тех же своих сторонников на разных избирательных участках. Кроме того, обе партии использовали, по существу дела, фальшивые бюллетени. Демократы раздавали неграмотным избирателям свои бюллетени, на которых был напечатан портрет Линкольна. Принимая эти бюллетени за республиканские, новые избиратели-негры бросали их в урны. Республиканцы ответили подобным образом: на своих бюллетенях они напечатали портреты Тилдена. Возникла невероятная путаница. Дело дошло до того, что в Южной Каролине, по данным избирательных комиссий, проголосовал 101 % избирателей!

Итоги голосования оказались спорными. Обе стороны уверяли в своей победе, обвиняя противника в фальсификациях. Разобраться в том, кто победил, было почти невозможно. В результате было решено, что все бюллетени из названных трех южных штатов будут доставлены в Вашингтон, где председатель Сената лично их проверит на объединенном заседании обеих палат. Такой подсчет был начат, но почти сразу стало ясно, что конца ему не предвидится. Чуть ли не по каждому случаю возникали споры, и подсчет останавливался.

Возникала опасность, что так будет продолжаться до начала марта, то есть до времени инаугурации, и США останутся без президента вообще. В конце концов был достигнут компромисс. Решением Конгресса была образована Национальная избирательная комиссия в составе 15 человек — по пять представителей от палат и члены Верховного суда. Комиссия большинством в один голос приняла решение признать победу Хейса при негласном условии, что он, став президентом, пойдет на уступки Югу, в частности завершит реконструкцию, выведет федеральные войска из тех штатов, где они еще находились, и примет меры к прокладке трансконтинентальной железной дороги через южные штаты. На этих условиях демократы согласились прекратить начатый ими фактический саботаж работы Конгресса — затягивание прений до бесконечности, которое получило теперь название филибастер (от слова флибустьерство).

Решение Национальной комиссии по выборам о признании Хейса победителем было принято 2 марта, то есть почти накануне инаугурации. Согласно официальному подсчету, Хейс получил меньше голосов избирателей, чем Тилден, но на один голос больше в коллегии выборщиков. Было признано, что за Хейса проголосовали чуть более 4 млн избирателей (около 48 %), а за Тилдена — почти 4,3 млн (50,9 %). В коллегии выборщиков оказалось 185 сторонников Хейса и 184 сторонника Тилдена.

В любом случае теперь была возможность провести инаугурацию нового президента, которая, правда, состоялась не 4, а 5 марта в связи с тем что 4 марта пришлось на воскресенье. В инаугурационной речи Хейс в основном сформулировал условия компромисса, на которые пошли демократы (разумеется, о том, что это компромисс, никаких упоминаний не было). Было одобрительно встречено его заявление, что своей партии лучше всего служит тот деятель, который лучше всего служит своей стране.

Формируя кабинет, Хейс столкнулся с серьезным противодействием в собственной партии, деятели которой требовали назначений на министерские посты. Президент же стремился назначить на наиболее ответственные должности не партийных номинантов, а компетентных специалистов. Особое недовольство в Сенате вызвало назначение на пост секретаря по внутренним делам Карла Шурца, видного сторонника Линкольна, участника революции 1848 г. в Германии, эмигрировавшего в США и принявшего активное участие в Гражданской войне. Хейса обвиняли, что он назначил на министерский пост немца, а не коренного американца. Президент смог отстоять своего назначенца. Несколько легче, но также при сопротивлении Конгресса, государственным секретарем был утвержден Уильям Эвартс, отличавшийся способностями улаживать казавшимися бесконечными споры.

Основным мероприятием Хейса во внутренней политике было завершение сложной и противоречивой реконструкции южных штатов. Ее прекращение было главным пунктом компромисса, который позволил Хейсу занять Белый дом. Но он и без этого понимал, что с военным положением и связанными с ним злоупотреблениями следует кончать. Уже в марте 1877 г. он издал распоряжение о выводе федеральных войск, еще остававшихся в южных штатах. С Юга вынуждены были постепенно убираться остававшиеся еще там карпетбеггеры. Власть возвращалась в основном к деятелям Демократической партии. Они теперь не помышляли о восстановлении рабовладельческой системы, но сохранили расовую дискриминацию, выражавшуюся в первую очередь в отделении черных от белых (сегрегации) и лишении негров права голоса под разнообразными

предложениями. В результате этого развернулась миграция негритянского населения на Север, где они пополняли ряды рабочих.

В то же время ошибаются авторы, которые утверждают, что реконструкция провалилась. Воссоединение штатов на условиях промышленно развитого Севера означало конец экономической разобщенности страны. Либерально-рыночные отношения утвердились на территории всех США, которые теперь превратились в страну с единым национальным рынком. Создавались благоприятные условия для подъема промышленности, дальнейшего крупного железнодорожного строительства, для бурного развития бизнеса и преодоления затянувшейся хозяйственной депрессии.

Став президентом, Хейс попытался реализовать свои идеи реформирования общественной (государственной) службы, что отчасти проявилось в способе назначения им министров. Главное, к чему он стремился, — прекратить назначения на административные посты лиц, оказавших те или иные услуги победившей партии или отдельным ее деятелям, невзирая на их знания и компетенцию. В июне 1877 г. президент издал распоряжение о запрещении назначения на ответственные посты лиц в зависимости «от их связи с политическими организациями, съездами или избирательными кампаниями». Президент отверг так называемую «сенаторскую благожелательность», то есть обязательный учет мнения сенаторов при назначении на должности в штатах, которые они представляли. Президент требовал проведения экзаменов для лиц, претендующих на занятие административных должностей. В качестве примера он уволил все руководство Нью-йоркской таможни, к тому же запятнанное разнообразными незаконными и полузаконными махинациями. По его распоряжению новое начальство таможни было назначено после проведения открытого конкурса.

В то же время попытка президента провести через Конгресс закон о реформе гражданской службы натолкнулась на упорное сопротивление депутатов, которые стремились сохранить за собой выгодное и почетное право подбирать чиновников высокого ранга по своему усмотрению. Провести реальную реформу гражданской службы удалось в США позже — законом, принятым в 1883 г.

Хейс был первым президентом, который столкнулся с массовым движением наемных рабочих, отчасти носившим насильственный характер. Ко времени его президентства быстрорастущий рабочий класс не имел каких-либо значительных профессиональных организаций. Однако в его среде росло недовольство сокращением заработной платы и массовыми

увольнениями в связи с депрессией. В наибольшей степени такие настроения были характерны для железнодорожной сферы. В результате летом 1877 г. вначале на дороге Балтимор — Огайо, а затем на других линиях и на обслуживающих предприятиях вспыхнула забастовка с требованиями прекращения произвольных увольнений и сохранения заработной платы на прежнем уровне. В нескольких местах отмечались насильственные действия, в частности поджоги домов собственников и администраторов.

Пресса развернула истерическую кампанию против забастовки, назвав ее преддверием коммунистического бунта, и сравнивала с Парижской коммуной 1871 г. Вашингтонская газета «Национальный республиканец» (*National Republican*) писала: «Нельзя отрицать, что коммунистические идеи нашли отклик в сердцах американских рабочих», а железнодорожная забастовка — это «проявление коммунизма в самой страшной его форме». Эти нелепости были ясны президенту, который, как и другие политики, понимал, что рабочих заботит не мифический коммунизм, а реальные условия существования. От Хейса требовали, чтобы он направил федеральные войска на подавление выступлений, хотя в большинстве случаев они носили сравнительно мирный характер. Президент проявил определенную выдержку. Действительно, в Балтимор, Филадельфию и некоторые другие места были посланы дополнительные федеральные части, но с приказом открывать огонь только в случае массовых насильственных действий. В то же время забастовка побудила его выступить с несколькими заявлениями в пользу государственного регулирования условий труда. Он даже высказался за 8-часовой рабочий день на железных дорогах. Но серьезно к этой проблеме он не отнесся, видимо, позабыв о ней после завершения стачки на условиях незначительных уступок предпринимателей.

Хейс отмечал, что в некоторых случаях, в частности в Калифорнии, забастовки носят не столько чисто классовый, но в значительной степени этнический и даже расовый характер. Основным требованием здесь было устранение из железнодорожного строительства и из эксплуатации дорог рабочих-китайцев, которые в массовом порядке иммигрировали в США и составили на западном побережье немалую часть рабочей силы. Общее возмущение ростом числа китайских рабочих заставило Хейса поставить вопрос о прекращении бесконтрольной иммиграции путем выработки соответствующего договора с Китаем. Летом 1880 г. в Китай была направлена специальная миссия во главе с президентом Мичиганского университета Джеймсом Энджеллом, который был назначен послом в этой

стране. 17 ноября был подписан Пекинский договор (или договор Энджелла), который предусматривал временное прекращение иммиграции китайцев, не имевших профессии и образования, тогда как иммиграция «белых воротничков» продолжалась беспрепятственно. Правительство США брало обязательство защищать права и интересы китайских рабочих, уже находившихся на американской территории. Одновременно был подписан договор об ограничении импорта опиумных продуктов из Китая. Оба документа были ратифицированы в 1881 г., уже после истечения срока полномочий Хейса.

В других вопросах внешняя политика Хейса не была активной. Впрочем, его не раз упрекали в «империалистических намерениях» по отношению к Мексике. Но эти обвинения не были оправданы. Они были связаны с тем, что Хейс разрешил американским войскам преследовать на территории Мексики уголовных преступников, которые пытались перейти границу и укрыться в США. Никаких территориальных претензий к соседней стране Хейс не предъявлял.

Еще в самом начале своего правления Ратерфорд Хейс заявил, что при любых обстоятельствах он будет хозяином Белого дома только один срок. Он неоднократно повторял, что долгое пребывание одного лица у власти ведет к «проституированию как самого лица, так и власти». Он считал, что следует изменить Конституцию так, чтобы президентский срок продолжался дольше — возможно, шесть лет. Но во всяком случае, надо было, по его мнению, законодательно закрепить пребывание одного лица на высшем посту в течение одного срока. Выдвижение на президентский пост старого знакомого по Огайо Джеймса Гарфилда Хейс оценил как одобрение народом его политики.

Оставив Белый дом после инаугурации Гарфилда, Хейс возвратился в Спигел-Гроу, где провел оставшиеся 12 лет своей жизни. Покидая Вашингтон, он заявил, что посвятит себя своему хобби прежних лет — просвещению населения. Он энергично выступал за предоставление всем детям возможности бесплатно учиться путем создания по всей стране хорошо оборудованных государственных школ с учителями высокой квалификации, получающими достойное жалованье. Чрезмерно оптимистически он заявлял, что образованные люди смогут так преобразовать общество, чтобы оно начало продвижение к идеалу. Образование, считал он, является ключевым для экономического роста и расширения гражданских прав.

Университеты штата Огайо, один за другим, привлекали бывшего президента в свои наблюдательные советы. В этом качестве он оказывал

помощь государственному университету штата, Уэслианскому университету в городе Делавэр, университету Уэстерн резерв в Кливленде. Хейс уделял особое внимание обучению неимущих черных детей. Он возглавил влиятельный и богатый фонд Слейтера, основной задачей которого было финансирование школ для черных. Активно в этой работе участвовала и его супруга Люси. После ее смерти в 1889 г. Хейс продолжал покровительствовать школам. Символичным стал тот факт, что именно во время его поездки в город Кливленд по делам университета штата Огайо у него произошел сердечный приступ. Ему помогли срочно возвратиться домой в Спигел-Гроу, где он через три дня скончался.

Память Хейса чтут главным образом в штате Огайо. Там, в городе Спигел-Гроу, с 1915 г. работает его мемориальный музей; там же находится его личный архив, доступный для исследователей. В городах штата можно встретить улицы и площади, носящие его имя.

Основные издания:

Barnard H. Rutherford Hayes and His America. Newtown, Connecticut, 2005.

Hoogenboom A. Rutherford Hayes: Warrior and President. Lawrence, Kansas, 1995.

Trefousse H. Rutherford B. Hayes. New York, 2002.

ДЖЕЙМС ГАРФИЛД

19 ноября 1831 — 19 сентября 1881

20-й президент:

4 марта — 19 сентября 1881

Джеймса Абрахама Гарфилда (*James Abraham Garfield*) в США почти не помнят, вспоминая лишь, что это был второй после Авраама Линкольна президент, павший жертвой покушения. Но в отличие от Линкольна он умер после ранения всего лишь через полгода после вступления в

должность и перед этим тяжело страдал в результате неудачной операции, последовавшей за ранением. У него были обширные планы, но ни одного из них осуществить он не успел.

Джеймс был младшим из пятерых детей Абрама Гарфилда, потомка иммигрантов-англичан, которые поселились вначале в Массачусетсе, а затем переехали в район Нью-Йорка. В поисках лучшей жизни Гарфилд с женой Элизой перебрался в центральную часть страны, в штат Огайо, где зарабатывал на жизнь поденным трудом в графстве Ориндж. Отец Джеймса умер вскоре после рождения младшего сына. Мать вновь вышла замуж, но отчим не заботился о детях от первого брака, и вскоре Элиза рассталась с ним, причем по своей инициативе (подобное было в те времена редкостью, соседи осуждали ее поступок, а над детьми издевались соседские ребята).

Имея какое-то поверхностное образование, Элиза научила сына читать. Он оказался ребенком высоких способностей. У него была прекрасная память, он с ходу запоминал прочитанное по ночам, так как в дневное время приходилось с ранних лет зарабатывать на хлеб для всей семьи физическим трудом.

В 16 лет Джеймс покинул материнскую хижину. Он нашел работу на речном канале в районе Кливленда, где грузил мулов на крохотные товарные суденышки, а затем вез их по назначению новым хозяевам. За год ему удалось накопить небольшую сумму, которая позволила поступить на льготных основаниях в местную школу. Он был намного старше соучеников, которые вначале смеялись над переростком, но вскоре прониклись к нему уважением, так как он быстро овладевал знаниями, особенно в области лингвистики, и вскоре легко переходил с древнегреческого языка на латынь. Одновременно он зарабатывал себе на жизнь, работая помощником столяра. Эта работа его мало устраивала. Он стремился к интеллектуальным занятиям и вскоре нашел возможность заняться таковыми, став частным учителем (тьютором) детей зажиточных родителей, которым не давались самостоятельные занятия.

Затем последовали несколько других учебных заведений, главным образом в штате Массачусетс, в которых Гарфилд согласно выработанному уже им методу учился и одновременно вел занятия с отстающими учениками, зарабатывая этим на хлеб. Наиболее авторитетным из этих заведений был колледж Уильямса, дававший хорошую подготовку в «свободных искусствах», то есть в области гуманитарных наук и права. Джеймс добросовестно выполнял задания, у него сохранялась и развивалась великолепная память. Но как сказал один из его учителей, «искры гения у него не было». Зато в северо-восточном штате он проникся

идеями равенства и стал аболиционистом.

В 1856 г. 25-летний Гарфилд наконец завершил свои студенческо-преподавательские хождения по различным городам и возвратился в Огайо, имея репутацию образованного молодого человека. Он стал преподавать в колледже в городе Хираме, а в следующем году стал его президентом. Как видно, в провинциальном городке почти не было квалифицированных преподавателей, если почти юноша совершил такой карьерный взлет за краткое время. Обеспечив себе определенное общественное положение и неплохой доход, Джеймс получил возможность создать семью. В 1858 г. он женился на своей давней ученице по колледжу в городе Хирам дочери фермера Лукреции Рудолф. В следующие годы в семье родились семеро детей, из которых пять прожили долгую жизнь, хотя ничем особым не выделились (двое умерли в младенчестве).

Ко времени возвращения в Огайо карьерные цели Гарфилда изменились. Он решил заняться политикой, а самым удобным путем к этому было приобретение специальности юриста. В то время, для того чтобы стать таковым, в его штате получение специального образования в одном из университетов не требовалось. Достаточно было пройти обучение в одной из адвокатских фирм и, главное, сдать экзамен для поступления в юридическую коллегию. Память Джеймса оставалась великолепной, трудолюбия также было не занимать. Руководя колледжем, он одновременно поступил учеником в правовую фирму в Кливленде. В 1861 г. ему удалось с первой попытки сдать экзамен, и он получил официальное признание в качестве юриста. Это позволило открыть в Хираме небольшую адвокатскую контору, в которую местные жители обращались с разнообразными жалобами, учитывая образованность и «мудрость» человека, который был одновременно адвокатом и руководителем местного колледжа.

Постепенно о Гарфилде узнали и за пределами Хирама. Сохранивший антирабовладельческие настроения, он установил связь с местной организацией Республиканской партии. Еще до того как он стал официально признанным юристом, Гарфилд был избран в Сенат штата Огайо, где пробыл недолго, но выступил с важным предложением о выделении средств на проведение геологических исследований с целью выявления минеральных ресурсов. Но и местный Сенат, и нация в целом в 1861 г. стояли перед проблемами, намного более весомыми, чем проведение геологических экспедиций. Началась Гражданская война. Джеймс попытался сразу же записаться в отряд добровольцев, однако губернатор Огайо Уильям Деннисон, который, оценив дисциплинированность и

организаторские качества сенатора, предложил ему некоторое время продолжать службу в том же качестве, занявшись сбором средств на вооружение и обмундирование добровольческих отрядов. Весну и начало лета 1861 г. он провел в поездках по штату, выступая на собраниях, на которых проводился сбор средств. Вслед за этим он был командирован в Иллинойс, где удачно закупил партию огнестрельного оружия, заслужив благодарность губернатора и Сената.

Завоевав таким образом полное доверие администрации штата, Гарфилд был назначен командиром 42-го пехотного полка Огайо, и ему было присвоено звание полковника. Полк, правда, существовал только на бумаге, его еще предстояло создать, и первая задача новоиспеченного полковника состояла именно в этом. Он набрал в свою часть в основном учеников колледжа, соседей по Хираму. Осенью в окрестностях города Коламбуса начались тренировки, а в декабре полк был направлен в штат Кентукки, где поступил в распоряжение бригадного генерала Карлоса Бьюэлла. У этого генерала была сомнительная репутация, так как он был единственным из военачальников севера, у которого были рабы. Поговаривали даже о его сочувственном отношении к южанам. Однако у Гарфилда сложились деловые отношения с начальником. Он исправно выполнял приказы, участвовал в нескольких небольших боях, в которых ничем особым не отличился, но и не проявил трусости. В январе 1862 г. руководимые им части добились победы в районе Миддл-Крик. В связи с этим успехом Гарфилд получил звание бригадного генерала. В конце 1862 г. приказом генерала Гранта он был назначен начальником штаба Камберлендской армии генерал-майора Уильяма Розекранса, вместе с которым провел несколько успешных операций во взаимодействии с войсками генерала Уильяма Шермана, с которым установились близкие отношения.

Гарфилд участвовал в военных действиях лишь до 1863 г.: он был избран в Палату представителей от Республиканской партии и оставил военную службу с согласия командования. В декабре 1863 г. Гарфилд занял свое место в Конгрессе. Он присоединился к группе радикальных республиканцев и выражал недовольство и удивление политикой Линкольна, к которому относился с почтением, считая, что президент ведет себя в войне и в преобразовании юга страны чрезмерно осторожно. Совместно с депутатом от Пенсильвании Таддеусом Стивенсом он предложил разработать законопроект о конфискации земли у рабовладельцев. Однако Линкольн заявил, к величайшему огорчению Джеймса, что, если таковой закон будет принят, он наложит на него вето.

Полностью поддержав прокламацию президента об освобождении рабов, конгрессмен рассуждал, что она не может считаться полной, так как ее естественным дополнением должно было бы стать лишение бывших рабовладельцев гражданских прав. Полное разрушение рабовладельческой системы, считал он, может быть осуществлено только путем предания суду ее носителей.

Гарфилд находился, таким образом, на крайне радикальном крыле Республиканской партии, не учитывая реальной обстановки в стране, в том числе на севере, где сохранялось неоднозначное отношение к предоставлению неграм политических прав, с чем Линкольн должен был считаться, к тому же, как мы знаем, считал необходимым предоставление черному населению всех гражданских прав только по мере его просвещения.

От большинства республиканских политиков Гарфилд отличался и тем, что резко выступал против возможности откупиться от службы в армии путем уплаты определенного денежного взноса. Он произнес в Палате представителей страстную речь, в которой называл практику откупа отвратительной. И по этому вопросу он встретил сопротивление президента. Когда же вопрос был поставлен на голосование, оказалось, что Гарфилд был единственным депутатом, голосовавшим за собственное предложение.

Тем не менее он приобрел репутацию твердого и самоотверженного республиканца, прилагавшего все силы для победы севера, для реконструкции юга. На партийном съезде 1864 г. было внесено предложение выдвинуть Гарфилда кандидатом в вице-президенты. Съезд, однако, предпочел Эндрю Джонсона, который стал вице-президентом, а вслед за этим, после убийства Линкольна, перебрался в Белый дом.

Практика нового президента, его стремление к скорейшей ликвидации последствий Гражданской войны и восстановлению бывших мятежных штатов в Союзе путем фактического возвращения к власти недавних мятежников вызывала крайнее недовольство радикальных республиканцев, включая Гарфилда. Если раньше он критически относился к Линкольну, то теперь стал восхвалять убитого президента, противопоставляя его нынешнему. Что же касается Джонсона и его курса на примирение с югом, то, по словам Гарфилда, он «сошел с ума или опьянен опиумом».

Оказавшись в решительной оппозиции Джонсону, Гарфилд был одним из инициаторов ограничения власти президента путем принятия закона, запрещавшего ему увольнять ответственных чиновников без согласия Сената. Но все же со временем Гарфилд начинал понимать, что его крайняя

позиция не способствует умиротворению страны. Когда президентский пост занял Грант, радикальная республиканская оппозиция в Конгрессе фактически перестала существовать, в частности в связи с тем, что Гарфилд занял более умеренную позицию. Наиболее четко изменение взглядов конгрессмена проявилось в 1871 г., когда обсуждался вопрос о запрещении куклукс-клана как террористической организации. В конце концов он проголосовал за этот закон, но перед этим заявил, что «буквально разрывается» между негодованием по поводу действий «этих негодяев» и своей озабоченностью по поводу той опасности своеволия, которую закон предоставляет президенту, давая ему возможность по своему произвольному решению отменять хотя бы на время и хотя бы в какой-то местности гражданские права.

В 1875 г. Демократической партии, которая становилась выразителем интересов индустриального развития страны, удалось получить большинство в Палате представителей. К этому времени авторитет Гарфилда стал настолько значительным, что его признали лидером республиканского меньшинства. Он представлял партию в ряде комитетов палаты и рассматривался в качестве вероятного спикера в случае, если республиканцам вновь удастся добиться большинства. На выборах 1876 г. он поддержал своего земляка по Огайо Хейса.

Хотя он подумывал уже об отставке и возвращении к частной юридической практике, коллеги и сам кандидат в президенты убедили его продолжить парламентскую деятельность, и он в очередной раз выиграл выборы в Палату представителей. Хотя во время выборов, как и ранее, Гарфилд постоянно демонстрировал, что является «честным игроком», он отнюдь не был лишен партийных пристрастий. Во время споров по поводу итогов голосования в южных штатах Хейс попросил Гарфилда выступить в качестве «нейтрального наблюдателя» в предварительном пересчете голосов в Луизиане. Было совершенно очевидно, что здесь, как и в других штатах, обе партии использовали мошеннические трюки, что реальный победитель может быть определен только путем проведения повторных выборов. Но «нейтральный наблюдатель» пришел к выводу о победе Хейса, и это оказало определенное воздействие на дальнейший пересчет голосов в Конгрессе. Позже, когда Конгресс образовал свою избирательную комиссию для окончательного решения вопроса о президенте, Гарфилд был в нее включен, хотя демократы резко выступали против него, утверждая, что он являлся агентом Хейса. Естественно, в комиссии он голосовал в пользу Хейса.

После избрания последнего президентом Гарфилд стал его самым

надежным сторонником в Конгрессе, а сам Хейс, обязавшийся не выдвигать свою кандидатуру повторно, несколько раз говорил, что рад был бы видеть его своим преемником. Когда же в 1880 г. наступило время очередных президентских выборов, некоторые деятели Республиканской партии называли Гарфилда «серой лошадкой», претендующей на высшую должность в стране. Как мы видели, это было далеко не так. Джеймс был к этому времени политиком национального масштаба. Но действительно в истории США не было еще ни одного случая, когда бы на президентский пост претендовал не губернатор штата, не крупный военачальник, не вице-президент или госсекретарь, а всего лишь член Палаты представителей. Большинство обозревателей предрекали Гарфилду провал уже при номинации.

Предвыборный съезд Республиканской партии состоялся в Чикаго. Он открылся 2 июня и продолжался до 8 июня. В партийной истории это был самый продолжительный съезд, так как он никак не мог определить кандидата в президенты. Потребовались 36 туров голосования, чтобы решение было наконец принято. Столкнулись две группы делегатов. Одна из них, концентрировавшая внимание на проблемах индустриального развития, выдвигала своим кандидатом известного политика Джеймса Блейна, который намечался в президенты и ранее. Другая группа, явно отстававшая от проблем дня, повторяла установки реконструкции, равенства всех граждан и др. Вначале эта группа считала своим кандидатом бывшего президента Улисса Гранта, который решил было номинироваться вновь. Преимущество было на стороне Блейна, но нужного большинства он набрать не мог никак. Тогда группа, выступавшая за наибольшее внимание к социально-экономическим проблемам, выдвинула своим основным кандидатом Гарфилда, который и перед этим фигурировал в качестве кандидата, но набирал небольшое число голосов. В 36-м туре Гарфилд получил наконец необходимые 2/3 голосов и стал кандидатом республиканцев. Участники противоположной группы были частично удовлетворены тем, что кандидатом в вице-президенты был определен их активный деятель юрист из Нью-Йорка Честер Артур. Демократическая партия выдвинула своим кандидатом профессионального военного Уинфилда Хэнкока.

Непосредственно после номинации Гарфилд попытался примирить фракции. Он встретился с партийными лидерами, в том числе со всеми бывшими кандидатами в президенты, и дал им ряд обещаний, которые затем зафиксировал в официальном письме о принятии номинации. По существу дела, это была программа будущего президента. Речь шла об

обеспечении в стране твердой валюты, опирающейся на золотой запас, введении повышенных импортных тарифов, проведении реформы гражданской службы в духе, в каком намеревался, но не успел ее осуществить Хейс. Во всяком случае, Гарфилд обязался провести назначения, не консультируясь с партийными лидерами. Вряд ли последним понравилось это намерение, но ситуация складывалась так, что ни один политик не был в состоянии сохранить авторитет, не высказываясь за кардинальное совершенствование гражданской службы.

На практике различия в программах обоих кандидатов не были существенными. Поэтому кампания, по ироническому выражению циничных журналистов, напоминала «размахивание окровавленными рубашками»: каждая сторона обвиняла другую в развязывании Гражданской войны и в ее жертвах. Имея в виду, что со времени окончания войны прошло уже 15 лет, такой способ противостояния мало привлекал избирателей. Постепенно республиканские активисты изменили характер выступлений, обращая наибольшее внимание на экономические проблемы, прежде всего на выгоду интенсивного промышленного развития для всех американцев и на то, что демократы вроде бы выступают за сохранение аграрного характера страны, что не соответствовало действительности.

Несколько более эффективным было выдвижение на первый план вопроса о ввозных пошлинах: сторонники Гарфилда доказывали, что они защитят национальную промышленность и обеспечат всеобщую занятость населения. При этом, естественно, отвергались доводы демократов по поводу того, что такого рода меры надо предпринимать осторожно, чтобы они не привели к таможенной войне.

Выборы завершились почти на равных, что уже становилось явным признаком сближения политических позиций обеих партий. Гарфилд получил всего лишь на 2 тыс. голосов больше, чем его соперник. В коллегии выборщиков разница была несравненно более существенной: кандидата республиканцев поддержали 214, а Хэнкока — 155 голосов.

Еще до инаугурации Гарфилд сформировал кабинет, включив в него представителей обеих партийных фракций республиканцев, а также беспартийных. Как и ожидалось, пост госсекретаря занял Дж. Блейн, которого считали блестящим переговорщиком. Из других министров следует отметить Роберта Линкольна — старшего сына А. Линкольна, который в свое время воевал в армии северян в Гражданской войне в качестве капитана, а затем окончил Гарвардский университет. Какими-либо существенными военными знаниями Линкольн не обладал, его назначение было данью памяти отцу и должно было засвидетельствовать намерение

продолжать курс реконструкции в новых формах. Оба назначения должны были показать общественности примирительный настрой президента по отношению к враждовавшим группам в его партии.

Президент намеревался сосредоточить управление страной в Белом доме. Очевидцы обращали внимание, что он начинал рабочий день в семь часов утра и трудился до позднего вечера. Не имевший опыта в органах исполнительной власти, Гарфилд заявил, что будет лично заниматься отбором чиновников на государственную службу до тех пор, пока не будет выработан соответствующий закон. Эта попытка уменьшить коррупцию оказалась почти сразу неудачной. Выстраивались огромные очереди лиц, стремившихся получить выгодное место. Гарфилда ловили на улице с такого же рода просьбами. Уже через месяц после вступления в должность он перепоручил отбор чиновников соответствующим министрам, хотя и после этого его продолжали осаждать просители.

Столкновения между фракциями продолжались. Каждая из них добивалась назначения в министерства и федеральные ведомства в центре и на местах своих сторонников. Провести закон о гражданской службе Гарфилд не успел. Точно так же не вышли за пределы предварительных наметок его намерения расширить государственное содействие народному образованию.

Единственное практическое дело, которое смог завершить Гарфилд, было проведенное по его заданию расследование положения в почтовом ведомстве, связанное с многочисленными жалобами на неаккуратную доставку почты, пропажу корреспонденции и, главное, на некомпетентность и взяточничество чиновников. Расследование было быстрым и жестким. Оно не привело к арестам и судебным процессам, но помощник генерального почтмейстера Томас Брэйд и ряд других были сняты с должностей.

Новому президенту едва удалось наметить характер внешней политики. Хотя он, как и госсекретарь, выступал за повышенные таможенные тарифы, было принято решение поощрять свободную торговлю со странами Латинской Америки с целью до предела ограничить экономическое проникновение европейских государств на континент. Было объявлено о созыве в 1882 г. Панамериканской конференции с целью выработки соответствующих многосторонних и двусторонних соглашений. Гарфилд обдумывал также возможности расширения американского влияния на океанах путем строительства крупного военного флота. Он дал задание организованному им Департаменту военно-морского флота подготовить соответствующий проект модернизации имеющихся военных

кораблей и создания новых. И эти намерения пришлось реализовывать наследникам.

В начале июля 1881 г., когда в Вашингтоне установилась необычно жаркая погода, Гарфилд решил на недолгое время выехать из столицы, чтобы принять участие в празднике, который проводился в колледже Уильямса в Массачусетсе, где он когда-то учился, и одновременно познакомить с этим учебным заведением своих сыновей. Хотя в США уже был случай убийства президента, считалось, что это было связано с условиями Гражданской войны. Охрана высшего должностного лица осуществлялась одним-двумя не очень проворными слугами, планы передвижений публиковались в газетах.

Второго июля на железнодорожном вокзале Вашингтона, когда президент в сопровождении госсекретаря Блейна ожидал своего поезда, в него был произведен выстрел. Стрелял неудачливый адвокат Чарльз Гито, который перед этим просил назначить его на дипломатическую службу (консулом в Париже, хотя ни французским языком, ни какими-либо дипломатическими навыками он не владел), но получил естественный отказ.

Ранение в спину казалось не очень тяжелым, Гарфилд сохранил сознание. Находясь в больнице, он даже провел одно заседание кабинета министров. Однако операция была проведена неудачно. Врачи не смогли обнаружить пулю, начался воспалительный процесс, состояние Гарфилда ухудшалось, возникли серьезные сердечные проблемы. Все это привело к смерти президента через два с половиной месяца после ранения. Покушавшийся Гито по приговору суда был повешен.

Джеймс Гарфилд был похоронен в Кливленде. Позже над его могилой был сооружен мемориал, открытый в 1890 г. В Вашингтоне и ряде других городов были сооружены памятные статуи, именем убитого президента названы улицы и площади.

В американском общественном мнении и отчасти в историографии пример Гарфилда неоднократно являлся доказательством того, что даже выходец из беднейшей семьи может в демократических США подняться до высших государственных постов.

Основные издания:

Ackerman K. Dark Horse: The Surprise Election and Political Murder of James A. Garfield. New York, 2003.

Doenecke J. The Presidencies of James A. Garfield & Chester A. Arthur. Lawrence, Kansas, 1981.

Rutkow /.James A. Garfield. New York, 2006.

ЧЕСТЕР АРТУР

5 октября 1830 — 18 ноября 1886

21-й президент:

19 сентября 1881 — 4 марта 1885

Честер Алан Артур (*Chester Alan Arthur*) был уже не первым вице-президентом, вынужденным принести президентскую клятву в связи со смертью своего руководителя. Обычно в таких случаях деятели, занявшие высший пост в силу трагической случайности, скрывали мысли и чувства,

владевшие ими. С Артуром все было по-другому: очевидец рассказывал, что, узнав о смерти Гарфилда, «он сидел в своей комнате, рыдая, как ребенок, прикрывая руками лицо». Можно полагать, что это были искренние чувства, что Артур отнюдь не был рад, что оказался на президентском посту. Через два часа он, следуя установленной традиции, принес клятву верности Конституции и народу в качестве главного должностного лица страны.

Честер Артур был сыном протестантского проповедника Уильяма Артура, несшего службу в Фэрфилде, небольшом городе северо-восточного штата Вермонт, на границе Канады. Как и его жена Мальвина, Уильям вел свою генеалогию от англо-шотландских переселенцев XVII в. Оба они гордились тем, что их предки участвовали в Войне за независимость, хотя не занимали в континентальной армии каких-либо видных постов. Уильям был активным аболиционистом, что подчас вызывало недовольство среди его паствы, которая обычно открыто не высказывалась в пользу рабства негров, но и не стремилась к вмешательству в то, что происходило на Юге.

Честер был пятым ребенком в семье (всего у него было семь сестер и братьев, приобретших разные специальности и проживших разные судьбы, но никто, кроме него, не занялся политикой).

Перед этим семья часто меняла место жительства, одно время жила по другую сторону границы, в Канаде. Впрочем, граница была чисто условной, ее пересекали и переселялись по обе стороны запросто. Когда Честеру было два года, семья в очередной раз переселилась, теперь в штат НьюЙорк, и обосновалась в растущем городе Скенектади, где Уильям продолжил свою пасторскую деятельность. Через много лет, когда Артур был выдвинут в вице-президенты, журналисты распространили версию, что он, согласно Конституции, не может быть избран на искомый пост, так как родился якобы за пределами США. Вначале утверждали, что он переехал с родителями из Ирландии. Когда эта версия была опровергнута, стал распространяться слух, что он появился на свет в Канаде. Артуру и его советникам пришлось потратить немало сил, чтобы получить достоверные документы о том, что местом его рождения был Вермонт.

Хотя родители продолжали менять места жительства в связи с потребностями религиозного направления, к которому принадлежал отец, все переселения были в пределах северной части штата НьюЙорк, где и учился Честер. В возрасте 15 лет он поступил в колледж Юнион в Скенектади, где получил образование, которое называли тогда классическим в силу того, что основное внимание уделялось древним языкам. В этом колледже у Артура возник интерес к политике. Он стал

симпатизировать Партии вигов. Вместе со своими товарищами он следил за внутренними стычками в этой партии, уверял их в правоте опытного парламентария Генри Клея. В колледже Честер познакомился с несколькими юношами из семей ирландских иммигрантов, которые даже образовали свое нелегальное Братство фениев (по названию легендарной дружины древних ирландцев) и мечтали о возвращении на родину для борьбы против английского господства. Впрочем, в основном их активность состояла в том, что они носили одежду зеленого цвета, считавшегося ирландским национальным цветом. Честер также не раз появлялся в таком одеянии. Видимо, именно это послужило основанием для возникшего через много лет слуха, что он был иммигрантом из Ирландии.

Во время каникул Честер подрабатывал, давая частные уроки и заменяя учителей в начальной школе, находившейся рядом с колледжем. Юноша проявил себя настолько активным в политических спорах, что его избрали председателем Общества дебатов, а вслед за этим он был принят в общество Фи Бета Каппа. Это была большая честь. Названная по первым буквам древнегреческого выражения «Любовь к мудрости — руководство к жизни», это была самая старая и авторитетная студенческая организация в США, попасть в которую считалось счастьем.

После окончания колледжа в 1848 г. 18-летний Честер стал преподавать в школах различные предметы, в основном языки, и одновременно готовиться к получению профессии юриста. Несколько лет он совмещал преподавательскую работу с овладением правовыми дисциплинами в юридической школе городка Балстон-Спа во все том же штате НьюЙорк. Видимо, уровень правовой подготовки в крохотном провинциальном месте Артура не устроил, и в 1853 г., собрав кое-какие сбережения, он предпринял смелый шаг — отправился в город НьюЙорк. Официально Нью-Йорком именовали только ту часть быстрорастущего города, которая располагалась на острове Манхэттен. Но Честер был достаточно разумен, чтобы не пытаться устроиться в нем, где жилье, пропитание и все услуги были невероятно дороги. Он довольствовался более дешевой частью фактического Нью-Йорка — районом Бруклина, который считался (как и сегодня) одновременно и районом Нью-Йорка, и отдельным городом.

Ему удалось договориться о приеме в качестве ученика в одну из известных юридических фирм, хозяином которой был Эрастус Калвер, активно выступавший против рабства. Бюро Калвера располагалось в Бруклине, хотя он вел дела по всему Нью-Йорку и пользовался растущей

популярностью. Калвер обычно выигрывал дела богатых клиентов, которые платили ему высокие гонорары. В то же время он пользовался уважением радикальных членов формировавшейся Республиканской партии в связи с его активными выступлениями против распространения рабства на новые штаты и территории.

Обучение у Калвера продолжалось лишь год. Его оказалось достаточно, чтобы подающий надежды молодой человек в 1854 г., сдав экзамен, был принят в юридическую коллегия. В том же году он присоединился к Калверу в совместной адвокатской фирме. В некоторых судебных процессах, имевших политический характер или хотя бы оттенок, Артур играл ведущую роль. В 1854 г. он выиграл дело черной женщины Элизабет Грэхем, которую из-за цвета кожи не пустили в вагон городской конной железной дороги, начавшей функционировать совсем недавно, в 1852 г. Имея в виду, что судебные решения в штате Нью-Йорк в значительной степени носили прецедентный характер, решение по делу, выигранному Артуром, фактически привело к десегрегации этой дороги, а затем и другого транспорта в Нью-Йорке.

В 1856 г. Честер познакомился с Эллен Херндон, дочерью морского офицера из Вирджинии, служившего затем на гражданском флоте. После непродолжительного ухаживания состоялось обручение. Правда, свадьба была отложена в связи с гибелью отца Эллен Уильяма Херндона, который был капитаном парохода «Центральная Америка», затонувшего во время урагана в сентябре 1857 г. Честер и Эллен поженились в 1859 г. В браке родились два сына и дочь. Старший сын умер в возрасте трех лет. Второй сын и дочь прошли долгую жизнь скромных американских граждан.

Современники отмечали, что временами между супругами возникали конфликты, связанные с политическими симпатиями и взглядами, особенно обострившиеся во время Гражданской войны. Эллен, как говорили, тайно сочувствовала конфедератам, в армии которой служили ее родственники, тогда как супруг был непримиримым борцом против отколовшегося юга. Но брак сохранился вплоть до кончины Эллен в 1880 г.

В 1856 г. Артур отделился от фирмы Калвера, создав свою юридическую контору. Одновременно он записался в отряд милиции штата и проходил краткосрочную военную подготовку в лагерях недалеко от города. В какой-то мере полученные военные знания пригодились, когда в 1861 г. началась Гражданская война. Губернатор Нью-Йорка Эдвин Морган создал свой штаб. Подбирая задание для известного уже юриста, губернатор не нашел лучшей должности, как «главного инженера», то есть, согласно тогдашней терминологии, специалиста по любым машинам (от

слова *engine* — машина). Как видно, подлинных знатоков машин в распоряжении Моргана не было вообще.

Не очень обоснованное назначение вскоре было отменено, и Честер стал квартирмейстером нью-йоркской милиции, причем ему было присвоено звание бригадного генерала. В течение года он успешно занимался размещением, обмундированием и вооружением добровольческих частей, пришедших в огромный город из провинции. Честер стремился попасть на фронт и даже договорился с командованием 9-го пехотного полка, готовившегося к отправке на боевые позиции, о зачислении в него. Более того, Артуру было предложено стать во главе полка. Однако губернатор Морган настоял на том, чтобы то ли полковник, то ли бригадный генерал (во всей этой путанице отчетливо проявлялся нерегулярный характер формировавшихся частей) оставался в Нью-Йорке на посту квартирмейстера. Постепенно Артур расширил деятельность за пределы штата. Он встречался с государственным секретарем У. Сьюардом, договариваясь с ним о практических вопросах, связанных с подготовкой отправки на фронтовые позиции дополнительных 120 тыс. офицеров и солдат-добровольцев.

Правда, в 1864 г., когда к власти пришел другой губернатор, Рубен Фентон, близкий к Линкольну, но представлявший иную фракцию в республиканском лагере, Артур не смог наладить с ним отношения и покинул свой пост. Но к этому времени Гражданская война завершилась, и вскоре сам пост квартирмейстера (который, как оказалось, Артур продолжал формально занимать, несмотря на расширение его функций) был упразднен. К этому времени относится сближение Артура с властным сенатором Роско Конклингом, который выступал против чрезмерной, по его мнению, централизации, за предоставление более широких прав штатам, но по ряду вопросов высказывал особое мнение только для того, чтобы продемонстрировать свое особое положение. Вряд ли Артур по всем вопросам был согласен с Конклингом, позиции которого подчас были противоречивыми. Он, например, выступал против закона об обязательных платежных средствах, вводившего в США единую валюту — государственный доллар (до этого был полный разноречивость в платежных средствах). Но Артуру, продолжавшему рваться вверх по карьерной лестнице, необходим был мощный покровитель, каковым долгое время считали Конклинга. Последний обратил внимание на адвоката, проявившего организаторские способности, стал привлекать его к выполнению своих заданий и даже фамильярно называть сокращенным именем Чет.

Так Артур, который до этого был более или менее самостоятельным адвокатом и начинающим политиком, стал превращаться в дисциплинированного функционера, должным образом выполнявшего полученные задания. Постепенно, как отмечали наблюдательные подчиненные, он стал проявлять «меньший интерес к принципам, чем к манерам менеджеров».

В 1871 г. по инициативе и рекомендации Конклинга «Чет» Артур получил весьма выгодное назначение с высокой зарплатой — стал руководителем таможни порта Нью-Йорка, в распоряжении которого было около тысячи сотрудников, причем значительная часть из них была замешана в сомнительных коммерческих сделках. Вряд ли сам Артур участвовал в этих схемах и брал взятки, но факты снисходительного отношения к явным преступникам имели место. В результате ревизии, проведенной в 1878 г., Артур лишился почетного и выгодного поста. Покровительство Конклинга тем не менее он не утратил. В сентябре 1879 г. Артур был избран председателем Исполнительного комитета организации Республиканской партии штата Нью-Йорк. Именно Конклинг предложил выдвижение Артура на пост вице-президента в 1880 г. Весьма польщенный исполнитель воли шефа заявил ему: «Пост вице-президента — величайшая честь, о которой я только мог мечтать».

Когда же мечта стала явью и Артур был избран вице-президентом вместе с президентом Гарфилдом, его сотрудничество с Конклингом продолжалось. Их встречи, повторение Артуром того, что перед этим произносил сенатор, не укрылись от глаз журналистов. В одной из газет появилась даже карикатура, изображавшая Артура, чистившего башмаки Конклинга. В то же время поняв, что нежданно-негаданно он может оказаться на высшем посту в связи с ранением и все более ухудшавшимся состоянием Гарфилда, Артур начал выбираться из цепких объятий сенатора. Это было крайне нелегко хотя бы потому, что в прессе вновь и вновь повторялись слова Гито, покушавшегося на Гарфилда, что он совершает убийство именно для того, чтобы президентом стал Артур, что Артур его безусловно помилует. Полупомешанный искатель выгодного назначения полагал, видимо, что, несмотря на свое преступление, получит дипломатический пост из рук нового президента.

В этих условиях Артур вел себя крайне осторожно. Он почти не появлялся в Вашингтоне, проводил время в Нью-Йорке, в основном сидя в своем доме и почти не откликаясь на просьбы прессы об интервью. Когда ему предложили взять на себя исполнение президентских обязанностей на время болезни Гарфилда, он от этого отказался. Такое поведение повысило

симпатии и доверие общественности к вице-президенту. Газета «Нью-Йоркские времена» (*The New York Times*), которая перед этим опубликовала о нем несколько чуть ли не издевательских материалов, откликнулась на тот факт, что он стал президентом, в совсем ином тоне: «Ни один человек не принимал президентский пост при более шокирующих обстоятельствах, ни один человек не нуждается больше, чем он, в благожелательном приеме».

Артур проявил, таким образом, хорошее чутье и понимание, как ему следует вести себя в условиях, которые волею случая возводили его на вершину власти. Он находился в своем доме на Манхэттене, когда 19 сентября поступило давно ожидаемое сообщение о смерти президента. В ночь на 20 сентября член Верховного суда штата НьюЙорк Джон Брэйдс привел Артура к присяге в качестве нового президента США.

Прежде чем отправиться в Вашингтон, Артур обратился с посланием к Конгрессу, призывая его созвать немедленно специальную сессию для избрания председателя Сената. Это было связано с тем, что вице-президент являлся по должности председателем верхней палаты. Кроме того, председатель Сената становился бы теперь новым президентом страны в том случае, если бы Артур прекратил исполнение обязанностей до истечения срока. Это обращение в самых широких общественных кругах сочли важным документом, обеспечивающим соблюдение высшей властной преемственности. Оно было оценено как проявление государственного мышления и собранности. Прибыв в столицу, Артур вновь обратился к Конгрессу с предложением о немедленном созыве специальной сессии. Таковая вслед за этим состоялась, председателем Сената *pro tempore* (то есть исполняющим обязанности) был избран республиканец Дэвид Дэвис.

Вначале с недоумением, но затем с пониманием большинство американцев встретили тот факт, что, став хозяином Белого дома, Честер Артур почти немедленно занялся переоборудованием президентской резиденции. Он лично заказывал мебель, проводил измерительные работы и даже, стоя на лестнице, развешивал портреты и картины. Всей этой возне был придан символический характер. Артур, который стяжал себе репутацию почти консерватора (вслед за Конклингом), стремился обновлением Белого дома показать свою тягу к новому стилю правления. Из Белого дома была вывезена масса старого оборудования и просто утиля, который предыдущие президенты не решались выбрасывать, считая их реликвиями. В таком подходе была своя логика. Старые брюки Линкольна или клетка для птиц, принадлежавшая Гранту, были мемориальными

экспонатами, но место им было в соответствующих музеях, а не в резиденции работающего президента.

Хотя некоторые журналисты желчно критиковали Артура за неуместные расходы не только на переоборудование резиденции, но и на многочисленные приемы, которые стали входить в моду, в целом общественное мнение отнеслось положительно к этим нововведениям. Они, по мнению американцев, которых опрашивали журналисты, должны были засвидетельствовать перед миром успехи нации, которая в глазах иностранцев становилась в один ряд с ведущими европейскими державами.

Первоначально Артур стремился продемонстрировать преемственность в отношении только намечавшейся политики покойного предшественника, оставив на своих постах его министров. Однако уже вскоре министры, считавшие президента представителем соперничавшей группы в Республиканской партии, стали один за другим покидать кабинет. Серьезной потерей был уход госсекретаря Блейна. Его заменил бывший сенатор от штата Нью-Джерси Фредерик Фрелингуйсен, который не отличался активностью. Если иметь в виду, что и Артур занимался почти исключительно внутренними делами, легче понять, почему внешняя политика в годы его президентства не отличалась инициативами. Более того, испытывая враждебные чувства по отношению к бывшему госсекретарю, его преемник через подставных лиц предал огласке некоторые документы Блейна, в частности его переписку с зарубежными послами США, в которых давались конкретные поручения и оценки, подчас нежелательные для зарубежных партнеров. Одна из публикаций переписки Блейна с послом США в Чили привела к срыву намечавшегося посредничества США в войне этой страны с Перу. Не состоялась и намечавшаяся Блейном Панамериканская конференция в Вашингтоне. Артур заморозил план созыва этой встречи, опасаясь, что на ней США пришлось бы занять определенную позицию в войне, происходившей в Южной Америке, а он этого не желал.

Другие назначения также носили фракционный характер. Все новые министры принадлежали к группе, возглавляемой бывшим шефом Артура Конклингом.

Некоторые инициативы правительства Артура находились на грани внутренней, внешней и военной политики. По предложению секретаря по делам военно-морского флота Уильяма Чандлера была начата модернизация ВМФ, на который после окончания Гражданской войны не обращалось внимания и корабли которого были теперь устаревшими или просто негодными для ведения военных действий. Проведенная в 1882 г.

проверка показала, что почти все военные корабли были парусными, не имели современного вооружения и большинство из них были бы просто потеряны в первых морских боях. Даже Бразилия и Турция превосходили США численностью и качеством своего военного флота, доложили эксперты. Из 700 военных кораблей различных классов, которыми располагали США непосредственно после гражданской войны, в строю теперь оставалось не более 40 судов.

По распоряжению Артура были приняты меры к созданию современного военного флота. В начале 1883 г. по его предложению Конгресс принял решение о строительстве четырех крупных стальных военных кораблей, получивших название крейсеров. Двигателями крейсеров «Чикаго», «Йорктаун», «Бостон» и «Атланта» являлись паровые машины, хотя сохранялись и паруса. В городе Ньюпорт (штат Род-Айленд) был открыт военно-морской колледж. При Чандлере был создан отдел военно-морской разведки. Сам же департамент, который ранее существовал скорее на бумаге, становился более или менее действенным органом руководства созданием нового флота с целью превращения США в военно-морскую державу.

Определенная ирония заключалась в том, что Артур, в прошлом ярый фракционер, пошел, наконец, по пути действительного реформирования гражданской службы, планы которого намечались, но по разным причинам не претворялись в жизнь прежними президентами. Ко времени его вступления на пост в Конгрессе уже рассматривался проект закона, внесенный сенатором от Демократической партии Джорджем Пендлтоном. Прения, однако, затягивались. Члены Палаты представителей и сенаторы не могли отрешиться от старых представлений о «вознаграждении» активных членов своих партий путем назначения их на ответственные и выгодные государственные посты. Такой метод раздачи должностей получил в прессе злобное название «дележа добычи». Уже в первом годичном послании Конгрессу в 1881 г. Артур призвал к скорейшему рассмотрению столь актуального законопроекта. Он напомнил, что убийство его предшественника Гарфилда было связано именно с попыткой получения выгодной должности. Такой поворот не был вполне оправдан, так как сводил общую государственную проблему к частному, хотя и трагическому, случаю. Однако воспоминания о недавнем событии, как и тот факт, что законопроект, внесенный представителем другой партии, соответствовал настроению президента-республиканца, способствовал ускорению законодательного процесса.

В январе 1883 г. был, наконец, принят закон о регулировании и

совершенствовании гражданской службы, обычно именуемый законом Пендлтона. Создавалась постоянная назначаемая президентом Комиссия по гражданской службе, которая должна была проводить открытую конкурсную проверку кандидатов на службу. Проверка проводилась в форме письменных экзаменов. Нарушение закона каралось заключением до пяти лет или штрафом, а в некоторых случаях тем и другим одновременно. Закон был принят на двухпартийной основе. В Сенате за него голосовали 38 человек, против 5, в Палате представителей — за 155 депутатов, против 47.

Комиссию по гражданской реформе возглавил беспартийный юрист Дорман Итон, который уже ряд лет выступал за проведение соответствующих преобразований, изучал постановку государственной службы в Великобритании и опубликовал книгу на эту тему. Назначение Итона было воспринято позитивно в обеих партиях. Под его руководством комиссия создала свои отделения в штатах, стала посылать регулярные доклады президенту. Подчас она даже выходила за пределы своих полномочий, пытаясь сократить сбор денежных средств на проведение избирательных кампаний. Закон Пендлтона оказался сравнительно надежным средством комплектования государственных учреждений компетентными сотрудниками и значительного сокращения коррупции, хотя полностью избавиться от нее при назначении чиновников не удалось. Закон действует по настоящее время. Проведение его в жизнь, внимание к его исполнению были главной заслугой президента Артура.

Ему, однако, не хватало выдержки для напряженной руководящей деятельности. С самого начала пребывания в Белом доме он не перегружал себя делами, устраивал частые выезды в отпуск, принимал посетителей лишь по несколько часов, и не каждый день. Со временем президент, как он говорил близким, чувствовал себя все более уставшим и стремился избавиться от «надоедающей ответственности». Сотрудники удивлялись такому поведению, имея в виду высокую активность Артура в допрезидентские годы. Оказалось, что он страдал рядом болезней, в частности воспалением почек (в наше время эта болезнь называется пиелонефритом). Довольно часто у него повышалась температура, возникали головные боли и боль в пояснице. К тому же во время поездки во Флориду в 1883 г. он заболел малярией.

Несмотря на болезни и общую усталость, Артур надеялся, что в 1884 г. его выдвинут на президентский пост, что явно противоречило его общему настроению. Сказалось, видимо, давление однопартийцев. Проводил он свою кампанию пассивно, и республиканский съезд выдвинул в

президенты его старого оппонента Блейна. Хотя на словах Артур согласился с номинацией, в течение всей избирательной кампании он никак себя не проявлял. Последним публичным появлением уходящего в отставку президента было его председательство на открытии в столице Мемориала Джорджа Вашингтона, строительство которого было наконец завершено после почти сорокалетней работы.

Оставив Белый дом в начале марта 1885 г. в связи со вступлением на президентский пост демократа Гровера Кливленда, Артур отклонил предложение баллотироваться в Сенат и вернулся в НьюЙорк. Он формально возглавил юридическую контору «Артур, Нивелс и Ренсом», но практически почти не участвовал в ее деятельности в связи со все более ухудшавшимся здоровьем.

Проведя лето 1886 г. в прохладном Коннектикуте, Артур вернулся в НьюЙорк. Осенью состояние его здоровья стало резко ухудшаться. Чувствуя приближение конца, он 16 ноября распорядился сжечь все свои бумаги, как личные, так и государственные. Эта акция, носившая явно депрессивный характер, лишила страну важного комплекса документов, связанных в основном с положением в Республиканской партии в 70-е — 1-й половине 80-х гг. и с деятельностью Артура на посту президента.

На следующий день у Честера Артура произошло обширное кровоизлияние в мозг и 18 ноября он скончался в возрасте 56 лет. Он был похоронен в окрестностях города Олбани. В 1889 г. над его могилой был сооружен монумент, созданный известным скульптором Эфраимом Кейзером.

В американской историографии Честера Артура оценивают как президента, чьей главной заслугой было успокоение страны после покушения на жизнь Джеймса Гарфилда и его смерти. Его подчас называют отцом гражданской службы в США.

Основные издания:

Feldman R. Chester A. Arthur. Minneapolis, 2006.

Greenberger S. The Unexpected President: The Life and Times of Chester A. Arthur. New York, 2017.

Karabell Z. Chester Alan Arthur. New York, 2004.

ГРОВЕР КЛИВЛЕНД

18 марта 1837 — 24 июня 1908

22-й президент:

4 марта 1885 — 4 марта 1889

24-й президент:

4 марта 1893 — 4 марта 1897

Стивен Гровер Кливленд (*Stephen Grover Cleveland*), который

предпочитал, чтобы его называли только вторым именем, являлся единственным американским политиком, который занимал президентский пост не просто дважды, а с перерывом, став 22-м и 24-м президентом своей страны, причем в промежутке он был кандидатом на высший пост, но проиграл выборы. Это был первый президент от Демократической партии после длительного перерыва в результате конфронтации между Севером и Югом, когда Белый дом был резиденцией только республиканцев. Это свидетельствовало о происходившей в стране определенной политической переориентации, изменении политических позиций, связанных со смещением Республиканской партии в сторону консервации национальных приоритетов, а Демократической партии — в направлении большей опоры на общественные низы, что было теснейшим образом связано с усилением демагогических приемов в ее пропаганде и всей деятельности. Он был одним из двух президентов от Демократической партии (вторым был Вудро Вильсон во 2-м десятилетии XX в.), ставшим во главе страны представителем от этой партии в эпоху, когда в политической жизни преобладали республиканцы.

Стивен Гровер Кливленд родился в местечке Колдуэлл (штат Нью-Джерси, соседствующий с Нью-Йорком) в семье пресвитерианского священника по имени Ричард. По отцовской линии семья происходила от английских иммигрантов из города Кливленда, по названию которого и возникла семейная фамилия. Происхождение матери было более сложным: среди ее предков были англичане, ирландцы и немцы.

Пятому ребенку в семье (всего было девять детей) дали имя в честь первого пастора пресвитерианской церкви в городке, где он родился. Но ни родителям, ни ему самому не нравилось двойное имя. Из двух имен было избрано второе, ибо первое — Стивен — казалось слишком традиционным, обычным, а Гровер звучало для родных значительнее.

Когда Гроверу было четыре года, семья переселилась в штат НьюЙорк, где обосновалась в горном городке Файетвилле, по соседству с которым находится красивейшее Грин-Лейк, то есть Зеленое озеро. Здесь Гровер провел почти все детство. Соседи считали его озорным ребенком, любителем спортивных игр и разных шуточек над взрослыми, которые иногда казались стоявшими на грани хулиганства. Подчас отцу-священнику выговаривали, что он плохо воспитывает сына, и Гроверу приходилось выслушивать долгие наставления.

Мальчик учился в местной школе. Одновременно отец отдал его на обучение к местному торговцу, с которым поддерживались дружеские отношения. Во всяком случае, элементарными основами грамоты и

арифметики Гровер в Файетвилле овладел. Правда, в 1850 г. отец надолго оставил Файетвилл, так как был назначен секретарем миссионерского общества в городе Клинтоне. Отец с увлечением занимался миссионерской деятельностью, не задумываясь о содержании семьи, материальное состояние которой постоянно находилось на грани бедности.

В 1853 г. вместе с семьей Ричард переехал в окрестности более крупного города Ютика. Здесь, однако, отец прожил недолго: вскоре он заболел язвой желудка, которую толком лечить в провинции не умели, и умер. Теперь Гроверу пришлось прекратить посещение школы, чтобы участвовать в содержании семьи. Он уже был достаточно грамотным, и ему удалось в течение года поработать в Нью-Йорке, в школе для слепых детей, где он был помощником учителя.

Но Гровер стремился продолжить образование. Старейшины церкви, где отец был священником, как-то пригласили его и заявили, что ему будут выделены деньги на обучение, если он пообещает стать проповедником. Но повторять судьбу отца Гровер не желал. Он лишь поблагодарил за предложение и в 1855 г. отправился в дальние края в поисках каких-либо благоприятных возможностей, правда, пользуясь тем, что в других городах у него были родственники.

Края оказались не очень дальними. Первым и ставшим единственным местом назначения оказался сравнительно крупный город Буффало на севере штата НьюЙорк. Здесь жил дядя Гровера Льюис Аллен, у которого был небольшой бизнес. Он взял 18-летнего юношу на работу клерком, но вскоре обнаружил его прекрасную память, умение общаться, грамотную речь. По совету Аллена Гровер устроился помощником и одновременно учеником в местную юридическую фирму. Получал он нищенскую зарплату, но настойчиво овладевал профессией, понимая, что она вполне может стать фундаментом для продвижения. Обучение было успешным, и в 1859 г. молодой человек сдал экзамен, позволивший вступить в юридическую коллегия штата НьюЙорк. Вначале он стал младшим партнером в той фирме, в которой ранее учился, но в 1862 г. открыл свою небольшую контору в Буффало.

Это было уже время, когда началась гражданская война. Способная носить оружие молодежь штата должна была служить в армии. Но был и другой, не очень похвальный для патриотического сообщества путь — нанять заместителя. Гровер, который предпочитал не испытывать военную судьбу, избрал именно его — он нашел польского иммигранта, не подлежавшего обязательной воинской службе, который согласился за плату воевать вместо него. Он предпочел продолжать заниматься адвокатским

бизнесом, накапливать состояние, помогая при этом своей матери, младшим сестрам и братьям, которые оставались в Ютике.

Постепенно Кливленд приобрел авторитет успешного адвоката. Он выиграл несколько дел, которые местная публика считала провальными. Среди них была защита группы ирландцев, которых обвиняли в создании террористической группы фениев. Кливленду удалось доказать, что за пределы абстрактных разговоров об освобождении родины от британского господства группа не выходила. Ее члены были оправданы. Симпатии местной прессы Гровер привлек успешной защитой редактора рекламной газеты, которого обвиняли в клевете.

Вел он сравнительно скромный образ жизни, сторонился высшего общества, но позволял себе в свободное время выпивку с друзьями в дешевых трактирах и общение с хорошенькими девушками, которые соглашались на близость без повышенных требований. К нему, однако, относились как к серьезному юристу, человеку трудолюбивому и обычно добивающемуся успеха.

Еще работая помощником в правовой фирме, Кливленд заинтересовался политикой. Его хозяева примыкали к Демократической партии и оказали влияние на формирование его ориентации. В отличие от основной части штата НьюЙорк, где преобладали республиканцы, поддерживавшие президента Линкольна и активно участвовавшие в Гражданской войне против юга, имущие круги Буффало в значительной своей части занимали противоположную позицию. Это было связано скорее не с идеологическими, а с местными соображениями. Буффало находился на границе Канады, и контакты с канадцами были постоянными. Канада же принадлежала Великобритании, которая, в свою очередь, по различным соображениям поддерживала южную Конфедерацию. Сложилось так, что в Буффало, в котором никогда не было рабства, сильна была организация Демократической партии, которая терпимо, если не сочувственно, относилась к Конфедерации. Так Кливленд стал сторонником Демократической партии, с чем, видимо, было отчасти связано то, что он отказался пойти в армию и нанял вместо себя другого человека.

Первую попытку выйти на общественную арену Гровер предпринял уже по окончании Гражданской войны, в 1865 г. Он принял участие в выборах прокурора графства, центром которого был Буффало. Это была довольно большая и населенная территория, носившая название графства Эри по наименованию находившегося рядом одного из Великих озер Северной Америки. Случилось так, что его соперником оказался Лаймон

Бэсс — другой бывший ученик той самой правовой фирмы, в которой начинал юридическую работу Кливленд. Бэсс выступал как кандидат Республиканской партии. Победил он, но с минимальным отрывом. Приятельские отношения между ними сохранились.

Кливленд продолжал юридическую практику, но намерений получить выборную должность не оставлял. Такая возможность возникла, когда в 1870 г. открылась вакансия шерифа того же графства Эри (к этому времени подобные должности стали выборными) — то ли руководителя, то ли сотрудника полицейской службы, в обязанности которого входили поддержание правопорядка, помощь судебным органам в отправлении правосудия, управление местными исправительными заведениями. В различных штатах функции шерифов могли иметь разный объем и характер. В северо-восточных штатах, к которым относился НьюЙорк, шерифы имели минимальные права — управляли тюрьмой, обеспечивали безопасность судов, вручали повестки в суд. Полиция им не подчинялась.

Несмотря на то что сколько-нибудь больших возможностей эта должность не сулила, Кливленд принял участие в выборах и выиграл их в начале 1871 г. Имея в виду ограниченность его функций и прав, часть биографов считает, что эта работа, продолжавшаяся десять лет (он переизбирался каждые два года), была потерянным временем. Вряд ли с этим можно согласиться. Кливленд накапливал административный опыт, учился работать дисциплинированно, не уклоняясь от самых неприятных акций (он дважды сам приводил в исполнение приговоры о повешении), но в то же время закрывал глаза на случаи взяточничества, когда они были связаны с лицами, с которыми надо было поддерживать нормальные отношения.

В этот период у Кливленда возникла неприятность личного характера, которая была вроде бы преодолена, но позже широко использована оппонентами и чуть было не стоила президентского кресла. Уже не юноша, но еще холостяк, он вступил в связь с некой вдовой по имени Мария Хэлпин, которая забеременела то ли от него (он решительно отрицал сей факт), то ли от кого-то другого. Пытаясь заставить Кливленда жениться, эта дама обвинила его в изнасиловании, в результате которого она родила ребенка. Кливленд убедил судей, что Мария Хэлпин была алкоголичкой и пыталась соблазнить не только его, но и других мужчин, чтобы заставить взять ее в жены. В результате эту даму даже на краткий срок отправили в исправительное заведение. Что же касается крохотного ребенка, то Кливленд, по его словам, решил позаботиться о нем просто из добрых чувств и устроил его в какую-то бездетную семью (вскоре ребенок был

возвращен матери). Что было на самом деле, так и осталось неизвестным. Был ли это его ребенок или нет — неведомо. Но когда дотошные журналисты во время избирательной кампании 1884 г. раскопали эту историю, Кливленду и его штабу стоило немало сил и средств, чтобы убедить избирателей, что он был ни при чем.

Пока же Кливленд считался честным и добросовестным чиновником, что в Буффало было редкостью. Не только местная, но и национальная пресса публиковала разоблачительные статьи об администрации города и графства. В этих условиях лидеры местной организации Демократической партии попытались восстановить свою репутацию, выдвинув Кливленда на пост мэра города. На состоявшихся в 1881 г. выборах он получил большинство голосов и в январе 1882 г. вступил в должность. Почти сразу он стал широко известен непримиримостью к коррупционным схемам и административному покровительству бизнесам, связанным с партией, стоявшей у власти. Ему предстояло просто утвердить решение местной легислатуры о контракте на очистку улиц, подписанном с некой фирмой с оплатой из казны свыше 400 тыс. долларов, тогда как другая фирма, не связанная с партийной машиной, предлагала свои услуги с оплатой на 100 тыс. долларов дешевле. Партийные боссы демократов из Буффало были уверены, что их однопартиец послушно одобрит контракт. Но Кливленд отказался это сделать, запретил подписывать документы. Машина Демократической партии вынуждена была не только считаться с этим, но использовала поведение Кливленда в своих целях. Вслед за этим мэр вновь стал известен тем, что лично нашел фирму, которая согласилась за сравнительно небольшую плату (значительно меньшую, чем предлагали другие компании, связанные с партийными штабами) осуществить переоборудование городской канализации.

Все эти неожиданные для нью-йоркской провинции действия создавали Кливленду репутацию неподкупного и эффективного чиновника, отдающего все силы заботе о благе населения. Очень скоро партийные лидеры стали рассматривать его кандидатуру в качестве возможного номинанта на пост губернатора Нью-Йорка. Проработав мэром менее одного года, Кливленд был выдвинут на должность губернатора одного из важнейших и крупнейших штатов. Съезд партийной организации штата номинировал именно его, так как соперничавшие группы никак не могли договориться между собой, а провинциальный и авторитетный мэр не входил ни в одну из фракций.

Выборы в конце 1882 г. привели к блестящей победе Кливленда. За него голосовали около 540 тыс. человек, тогда как за соперника, кандидата

республиканцев Россуэлла Флауэра — чуть более 340 тыс. Демократы получили большинство голосов в обеих палатах легислатуры. Но оказалось, что губернатор, который, как полагали партийные чиновники из так называемого Таммани-холла (так традиционно называлось руководство организации Демократической партии штата — название было взято по имени дружественного белым поселенцам вождя одного из индейских племен еще в XVIII в.) будет выполнять их волю, оказался непослушным. Он понимал, что руководители Таммани-холла замешаны в коррупции, склонны к преступным методам. Он отказался сотрудничать с ними. За первые два месяца работы губернатором в столице штата городе Олбани Кливленд наложил восемь вето на законы, принятые легислатурой, считая, что они связаны с прямым покровительством частным фирмам. В то же время губернатор стремился проводить межпартийный курс. Он встречался с молодым депутатом от Республиканской партии Теодором Рузвельтом, также будущим президентом США. Оказалось, что оба они выступают за избавление от влияния партийной машины на управление штата.

Не все меры Кливленда получали общественную поддержку. Недоумение и недовольство вызвало его вето на решение легислатуры о снижении платы за пользование нью-йоркской надземной конной железной дорогой. Губернатор, однако, разъяснил незавидное финансовое состояние надземки, которую просто пришлось бы закрыть в случае понижения цены на билеты. Его вето в результате не привело к заметному снижению популярности.

Известность Кливленда росла стремительно. Почти не было дня, чтобы газеты не сообщали о том или ином его акте, предложении, вето, выступлении. В течение короткого времени он стал из провинциального адвоката и полицейского чиновника одним из известнейших политиков.

На предвыборном съезде Демократической партии 1884 г., который проходил в Чикаго 8—11 июля, Кливленд оказался главным кандидатом на пост президента, хотя в 1-м туре не собрал необходимых 2/3 голосов. Во 2-м туре, однако, его поддержало требуемое большинство, и он стал партийным кандидатом, взяв в свои напарники в качестве кандидата в вице-президенты губернатора штата Индиана Томаса Хендрикса.

Республиканская партия выдвинула кандидатом Джеймса Блейна, который имел репутацию опытного политика, но уже успел надоесть избирателям своими многочисленными выборными неудачами. К тому же во время избирательной кампании, которая, как и предыдущие, отнюдь не обходилась без грязных методов, Блейн был обвинен в коррупции — самом распространенном преступлении, в котором были после Линкольна

замешаны многие республиканские деятели.

В противоположность этому о Кливленде даже представители конкурентной партии говорили как о деятеле, не замеченном в сомнительных сделках. В его штабе был выработан и стал использоваться в различных случаях и вариациях главный лозунг: «Публичный офис — это публичное доверие». Республиканцы, однако, раскопали давние сведения о любовной афере Кливленда в Буффало, о том, что он вроде бы отправил в тюрьму свою любовницу и отказался от собственного ребенка. В газетах появились слезливые материалы на эту тему, вплоть до одного из таковых, напечатанного под заголовком:

«— Мама, где же мой папа? — А он собирается в Белый дом!» Пресса республиканцев не скупилась на карикатуры, изображавшие Кливленда, отвергавшего протянутого к нему плачущего младенца. Кливленд признал, что принимал участие в судьбе ребенка, оказывал материальную помощь в его содержании, но свое отцовство отвергал. Вспомнили и службу шерифом. В связи с ней Кливленда называли «палачом из Буффало». Можно полагать, что эти материалы несколько снизили число голосов, поданных за демократического кандидата. Но в основном избирателей больше волновали факты взяточничества чиновников из бывших республиканских администраций, чем частные любовные дела кандидата демократов.

Все же преимущества, которыми пользовалась Республиканская партия в качестве правившей в течение ряда лет, ее заслуги в победе над Конфедерацией и в ликвидации рабства в обществе ощущались сильно. Это предопределило тот факт, что выборы были выиграны Кливлендом с незначительным отрывом от соперника, хотя с весомым преобладанием в коллегии выборщиков. 4 ноября за Кливленда голосовали 4,9 млн избирателей (48,8 %), за Блейна — 4,8 млн (48,3 %). Иначе говоря, результат был почти ничейным. Но за Кливлендом шли 219 выборщиков, а за Блейном — 182. Это означало, что за демократического кандидата в большинстве штатов было подано минимальное большинство голосов. Кливленда поддержали восток и юг, Блейна — центр и запад страны.

В соответствии с традицией, 4 марта 1885 г. Гровер Кливленд, который три года назад был всего лишь мэром провинциального города, вступил на пост президента США. Кливленд был вторым, кто вступил на свой пост, будучи холостяком (первым, напомним, был 15-й президент Джеймс Бьюкенен, который так и не женился). Поразительно, что 48-летний джентльмен, ставший теперь во главе государства, в самом начале этого решающего этапа своей деятельности вздумал обзавестись семьей.

Видимо, помощники и друзья не раз говорили ему, что в Белом доме необходима хозяйка, что выполнять эти функции должна супруга президента, а не его сестра Роуз, которая предложила ему свою помощь. Уже в 1885 г. Кливленда навестила Френсис — дочь его старого приятеля по колледжу Оскара Фолсома, которого уже не было в живых. Френсис Фолсом была давней знакомой Гровера — точнее, он опекал ее еще с ранних лет. Теперь он, к своему удивлению, увидел, что девочка превратилась в 20-летнюю красавицу, и немедленно в нее влюбился. Предложение о браке было тотчас принято. В июле следующего года состоялась свадьба. Френсис Кливленд стала самой юной первой леди США. В прессе, даже не весьма дружественной по отношению к президенту, признавалось, что она наполняла Белый дом свежестью и жизненной радостью. В браке родились пятеро детей — три дочери и двое сыновей, самый младший из которых Френсис-Гровер Кливленд стал известным актером и прожил до 1995 г.

Став руководителем исполнительной власти, Кливленд провозгласил, что он твердо придерживается принципа разделения властей, что он не намерен вторгаться в функции Конгресса и будет аккуратно и достойно исполнять существовавшее и новое законодательство. В то же время он не колебался в отстаивании своих позиций, когда считал, что тот или иной закон не соответствует интересам нации. За свое первое президентство он наложил вето более чем на 300 законов, что превышало число вето всех его предшественников. В этом проявилось стремление Кливленда к созданию сильной и авторитетной президентской власти, в значительной степени утратившей былое влияние в результате того, что оказавшиеся на высшем посту преемники Линкольна не проявили себя с лучшей стороны.

Кливленд включил в правительство авторитетных членов своей партии, которых рассматривал в основном как исполнителей своей воли, ибо стремился сконцентрировать выработку решений в Белом доме. Из министров наибольшим авторитетом пользовался госсекретарь Томас Баярд, ранее занимавший место в Сенате и несколько раз безуспешно выдвигавшийся в президенты. Баярд был единственным министром, которому была дозволена хотя бы какая-то инициатива. Сторонник улучшения отношений с Великобританией, он убедил президента, что добрые отношения с бывшей метрополией являются важным инструментом дальнейшего расширения международного влияния США. Баярд провел успешные переговоры, в результате которых было заключено выгодное для США соглашение с Великобританией о рыболовстве в Северной Атлантике и разграничении сфер промыслов с Канадой. Было подписано тарифное

соглашение с Испанией, урегулированы споры с Германией, связанные с торговлей на островах Тихого океана.

В то же время Кливленд был сторонником крайне осторожной внешней политики. В известном смысле он оставался провинциалом, никогда не покидавшим территории США (лишь однажды он совершил путешествие на острова Карибского бассейна, которое считал важным событием своей жизни). В то время в кругах обеих партий росли «империалистические настроения» (в смысле приобретения новых территорий подобно тому, как поступали ведущие европейские державы). От Кливленда требовали значительно большего вовлечения в мировые дела, что соответствовало бы растущей мощи его страны. Он, однако, заявлял в ответ, что США должны, как и ранее, придерживаться доктрины Монро, то есть не отвлекаться на дела, не связанные с Американским континентом. Несколько шире ему, в силу складывавшихся обстоятельств, пришлось заниматься международными делами во время второго президентства, к чему мы возвратимся. Первый его срок в Белом доме был заполнен внутренними делами.

Кливленд был первым президентом от Демократической партии, который занял этот пост после более чем 20-летнего перерыва. Перед ним сразу возникла проблема заполнения вакантных мест в государственном аппарате, перемещения и замещения чиновников. С одной стороны, он должен был выполнять предписания реформы гражданской службы, то есть проводить назначения на основе конкурса. С другой стороны, активные демократы, выступавшие в его пользу во время избирательной кампании, требовали своего назначения на выгодные должности. Надо было выполнять закон и опасно было раздражать сторонников.

Президент сразу объявил себя национальным, а не партийным лидером. Он заявил, что ни один сторонник Республиканской партии, являющийся государственным служащим и добросовестно исполняющий свой долг, не будет уволен. Фактически при нем стала складываться система профессионального чиновничества, которое занимает второстепенные посты в административных учреждениях и не подлежит перемещению по партийным соображениям, независимо от того, какая политическая сила пришла к власти.

В то же время Кливленд согласился на значительное расширение персонала департаментов правительства и других ведомств. За время его первого пребывания в Белом доме их аппарат увеличился примерно на 40 %. На создаваемые должности назначения проводились в основном в соответствии с требованиями конкурсного отбора. Однако в ряде случаев

президент сам занимался назначениями, предоставляя посты наиболее активным своим сторонникам. Так что, начав преодоление системы вознаграждения, «дележа добычи», Кливленд далеко не всегда придерживался этой практики.

Тем не менее деятели оппозиционной Республиканской партии признавали, что в течение обоих его президентских сроков не произошел ни один коррупционный скандал, что было обычным явлением в предыдущие годы. Он демонстрировал свою личную порядочность, оплачивая расходы из собственного кармана в то время, когда проводил отпуск или отдыхал по выходным дням вне Вашингтона. Для практики высших лиц США это было необычно.

Президентство Кливленда было периодом продолжавшегося бурного развития железнодорожной сети, особенно в западной части страны. В дополнение к первой трансконтинентальной железной дороге, введенной в строй в 1869 г., в 1881 и 1882 гг. было завершено строительство еще двух дорог, пролежавших через всю территорию США с востока на запад. Трассу дорог определяли компании. В большинстве случаев при этом возникали всяческие злоупотребления. Дороги удлинялись, становились извилистыми. Через годы ряд из них пришлось выпрямлять. Компаниям предоставлялась земля по 10 миль в обе стороны от дороги. Кроме того, собственники дорог и их строительства вымогали у властей штатов и городов дополнительные субсидии и земли, угрожая, что в противном случае дорога пройдет в стороне от них. Среди населения, прежде всего фермеров, распространялись опасения, что железнодорожные магнаты овладеют фактической властью в тех местах, где проходило строительство дорог и особенно после их введения в эксплуатацию. В судебные органы подавались жалобы на злоупотребления и взяточничество, связанные с дорожным бумом, но большинство дел закрывались.

Администрация президента и он сам, проведя несколько расследований, выступили с инициативой принятия закона, который давал бы право штатам по их взаимному согласованию и в необходимых случаях федеральной администрации вмешиваться в дела компаний, добиваясь, чтобы они соблюдали национальные интересы, устанавливали приемлемые цены на услуги, объективно подходили к установлению льгот. В 1887 г. по предложению президента Конгресс принял закон о торговле между штатами, содержание которого выходило за пределы его заголовка. В законе было несколько малозначимых норм, регулировавших коммерческие отношения между штатами, но главным его положением было создание специальной комиссии, которая устанавливала правила и условия

проведения железных дорог, следила за установлением справедливых тарифов на перевозки пассажиров и грузов, устраняла дискриминацию в этой области, добивалась, чтобы железнодорожные компании полностью выполняли условия договоров с администрацией штатов. Подписав закон, Кливленд назначил руководителем комиссии уважаемого юриста, профессора правовой школы Мичиганского университета Томаса Кули, который приложил немало сил, чтобы действительно навести порядок на железных дорогах.

Расследования, проводимые комиссией Кули, показали многочисленные злоупотребления со стороны железнодорожных компаний. Было установлено, что ими были получены под государственные гранты огромные территории, которые использовались не по назначению или вообще не использовались, а сдавались в аренду с получением незаконной прибыли. В результате у компаний было отобрано и возвращено (или передано) фермерам около 81 млн акров земли. Владельцы железных дорог развернули бурную кампанию против Кливленда, но вернуть потерянное оказались не в состоянии.

В целом же президент в своей экономической политике исходил из принципов классической политической экономии, то есть свободного развития без вмешательства государства, которое должно было оставаться «ночным сторожем» лишь на те случаи, когда происходили серьезные злоупотребления, носившие уголовный характер или граничившие с этим. Принцип невмешательства государства в хозяйственные дела за исключением случаев злоупотреблений и нарушения законодательства Кливленд возводил в догму. Когда Конгресс в 1887 г. принял решение о выделении незначительной суммы в 10 тыс. долларов на закупку семян для фермеров Техаса, которые в течение нескольких лет страдали от засухи, президент наложил вето, исходя из «принципиальных» соображений, апеллируя к теории «ограниченного правительства».

Точно так же он руководствовался, не вполне к месту, догматическими установками, отказываясь повышать пенсии ветеранам войны и назначать пенсии их родным. Он также воспрепятствовал принятию закона о пенсиях американцам, чья инвалидность не была связана с участием в войне. Этим он помешал расширению находившегося в зачатке социального законодательства, которое в 80-е гг. уже начало оформляться в систему в некоторых европейских странах. Но совсем остаться в стороне от хозяйственных и тем более финансовых проблем Кливленд не мог. Одним из волнующих вопросов 1-й половины 80-х гг. была валюта — должна ли она опираться на запасы золота и серебра или только на золото. Дискуссии

по этому вопросу шли десятилетия, но в годы первого президентства Кливленда обострились. При этом разногласия проявлялись не по линии ведущих партий, а по экономико-географическим регионам страны. Демократы и республиканцы запада и юга, где преобладала мелкая собственность, выступали за введение серебряного стандарта, наряду с золотым, а некоторые даже выступали за исключительное использование серебра в качестве основы бумажных денег. На этой основе возникали утопии по поводу «дешевых денег», которые легче будет зарабатывать трудовой Америке, в результате чего воцарится «серебряный век». В то же время на северо-востоке страны, где в экономике прочно утвердился крупный капитал, придерживались твердых установок на сохранение только золота в качестве основы любых денежных обязательств.

Хотя Кливленд считал себя «народным» президентом, он резко выступил против отмены золотого стандарта, считая, что его замена или даже дополнение серебром неизбежно приведет к инфляции, повредит кредиту, отрицательно скажется на внешней торговле. Ему пришлось столкнуться с энергичными выступлениями в Конгрессе в пользу двойного стандарта (золото — серебро), что, в частности, выразилось в принятии и практической реализации принятого еще в 1878 г. закона, обязывавшего Департамент казначейства закупать серебро и чеканить серебряные монеты. Подсчеты, проведенные департаментом при Кливленде, показали, что это на практике приводило к понижению курса доллара примерно на 20 %, то есть подтверждало соображения президента и его правительства по поводу опасности инфляции. Имея в виду, что большинство депутатов от Демократической партии выступали за сохранение этого закона, Кливленд отказался от первоначального намерения выступить за его отмену. Дело ограничилось тем, что по его поручению секретарь казначейства Даниэль Мэннинг, выступавший, как и президент, за сохранение золотого стандарта, просто саботировал выполнение закона о закупке серебра. Инфляция происходила, но была, по убеждению президента, меньшей, чем стала бы, если бы правительство последовательно выполняло соответствующий закон.

Еще одной проблемой, стоявшей на грани экономики и внешней политики, были таможенные пошлины. В предыдущие годы администрации Республиканской партии придерживались политики высоких таможенных тарифов, которые подчас приводили на грань экономического противостояния с европейскими странами. Тем не менее результат был налицо: к 1888 г. казна обладала огромным золотым запасом — 125 млн долларов. Еще во время предвыборной кампании Кливленд

выступал за значительное понижение пошлин, а став президентом, начал подготовку тарифной реформы. В декабре 1887 г. он посвятил почти все свое годовое послание Конгрессу именно этой проблеме. Правда, президент на этот раз исходил, как он подчеркивал, не из теории, а из практических условий. Учитывая их, он критиковал протекционизм, убеждал, что высокие пошлины ведут к повышению цен на внутреннем рынке, от чего страдают рядовые граждане, что они также соответствуют интересам только крупного бизнеса, что сохранение высоких пошлин было бы проявлением покровительства крупному капиталу. Конгрессу было предложено рассмотреть вопрос о значительном снижении ввозных пошлин на продукты, жизненно необходимые населению, и на сырье, но сохранить протекционистские тарифы на табачные изделия, спиртные напитки и другие «предметы роскоши». На Капитолийском холме предложения Кливленда были встречены в основном неодобрительно, прежде всего республиканцами, но также частью депутатов от Демократической партии. Был внесен законопроект члена Палаты представителей Роджера Миллса о сравнительно небольшом понижении ввозных пошлин — в среднем с 47 % до 40 %. Закон удалось с трудом провести через нижнюю палату, однако в Сенате он был заблокирован. Высокие пошлины сохранились, и добиться их понижения президент оказался не в состоянии.

Четыре года президентства пролетели быстро. Кливленд научился управлять государством. Он сожалел о скоропостижной смерти вице-президента Хендрикса, который пробыл на своем посту всего лишь несколько месяцев. Но эта кончина не оказала влияния на государственную деятельность, так как Кливленд и в то время, когда вице-президент был жив и здоров, не допускал его к выработке ответственных решений.

На съезде Демократической партии 1888 г. Кливленд легко выиграл номинацию. Он был почти убежден, что добьется победы и на выборах. Однако произошло непредвиденное.

Кандидатом от Республиканской партии был выдвинут Бенджамин Гаррисон из штата Индиана, имевший немалый опыт государственной и военной деятельности, хотя и не обладавший выдающимися способностями. Надеясь на то, что его авторитет сыграет решающую роль в глазах избирателей, прежде всего фермеров и мелких собственников, Кливленд отнесся к проведению кампании легкомысленно. Он полностью доверился председателю Национального комитета Демократической партии Кальвину Брайсу, который не проявил организаторских способностей и инициативы. В то же время республиканцы смогли провести агрессивную

кампанию, организовать широкий сбор средств и, главное, убедить избирателей в ошибочности политики Кливленда по таким ключевым вопросам, как таможенные пошлины и золотой (серебряный) стандарт. В результате Кливленд потерпел поражение, власть возвратилась к республиканцам, президентом стал Гаррисон.

Сдав дела своему преемнику в начале марта 1889 г., Кливленд возвратился к частной жизни. Он, однако, рассматривал этот этап лишь как временный. Оставив Вашингтон, Кливленд отправился в НьюЙорк, где был принят в известную юридическую контору Бэнгса, Стетсона и других адвокатов. Участие бывшего президента в фирме было скорее декоративным, чем практическим. Он изредка появлялся в своем кабинете, просматривал бумаги, но судебных дел не вел. После четырех лет напряженной работы он предпочитал отдыхать и заниматься рыбной ловлей в районе своего летнего особняка Грей-Гейблз на мысе Кейп-Код в районе залива Баззард (штат Массачусетс).

Гровер, однако, занимался не только рыбной ловлей и семейными делами. С глубоким неодобрением он следил за мероприятиями Гаррисона, в частности новым повышением ввозных пошлин, значительной государственной закупкой серебра и проведением антитрестовского закона, который мог быть использован не только против нарождающихся промышленных концернов, но и против возникавших профсоюзных объединений наемных рабочих и служащих. Вначале он воздерживался от открытой критики политики преемника. Но постепенно свои настроения он стал выражать откровенно, в частности в открытых письмах к своим сторонникам.

Несмотря на поражение во время предыдущих выборов, Кливленд смело вступил в борьбу за президентское место в 1892 г. Это был не первый случай, когда бывший президент пытался возвратиться в Белый дом (вспомним хотя бы о такой попытке Гранта), но первый и пока единственный, когда эта попытка увенчалась успехом.

Против Кливленда попытались объединиться разные партийные группы — сторонники серебра как валюты, защитники высоких ввозных пошлин и даже боссы нью-йоркского Таммани-холла, которые теперь немного присмирели, но надеялись вернуть свое влияние в случае возвращения демократов к власти без Кливленда. Его противники объединились вокруг губернатора штата НьюЙорк Дэвида Хилла, давнего недруга, соперника и политического противника Кливленда, настаивавшего на сохранении системы патронажа при назначении на государственные посты. Но авторитет Кливленда, особенно в центральных и западных

штатах, был настолько непреодолимым, что он был номинирован в первом же туре голосования съезда, состоявшегося в Чикаго. Научившийся балансировать в тех случаях, когда это могло принести пользу, Кливленд с трудом, но все же согласился, чтобы в паре с ним баллотировался Эдлай Стивенсон из Иллинойса, являвшийся одним из наиболее известных сторонников введения серебра как валютной базы. Гровер исходил из незначительности практической роли вице-президента, а досрочно покидать президентский пост он, человек еще не старый (ему было 55 лет), никак не собирался.

Республиканцы вновь выдвинули Гаррисона, то есть в отношении первых лиц вроде бы повторялись события, происходившие четырем годами ранее. Но в отличие от выборов 1888 г. кампания 1892 г. проходила значительно менее крикливо. Были и истерические статьи в прессе, и ложные обвинения, и орущие толпы на митингах. Но действительно, случаев подтасовок во время голосования было значительно меньше. Более того, за две недели до выборов умерла жена республиканского кандидата, и Кливленд объявил о полном прекращении кампании. Это был своего рода пропагандистский ход, и он сыграл свою роль.

Разумеется, итоги голосования были определены более важными проблемами. Четыре года правления Гаррисона воспринимались значительным количеством американцев как период усиления влияния большого бизнеса, что связывали с повышением импортных пошлин и законодательством, ущемлявшим права рабочих организаций. Многие жители западных штатов, традиционно поддерживавших республиканцев, высказались за кандидата третьей партии Джеймса Вивера. Его Популистская партия была таковой не только по названию. Она раздавала щедрые обещания 8-часового рабочего дня, высоких пенсий ветеранам войны и труда, свободного обращения серебра. Более того, в конце кампании, понимая, что победит один из двух кандидатов крупных партий, часть групп Популистской партии призвала избирателей голосовать за Кливленда. Так же поступили нарождавшиеся профсоюзы.

В результате на выборах, состоявшихся 8 ноября 1892 г., победы добился Кливленд, хотя разница в числе поданных голосов была не очень существенной. За Кливленда голосовали 5,5 млн избирателей, за Гаррисона — 5,2 млн. В коллегии выборщиков демократа поддержали 277 человек, республиканца — 145. Впервые более миллиона голосов и 22 места в коллегии выборщиков получила третья, Популистская, партия. На выборах впервые проявила себя Социалистическая рабочая партия. Но оказалось, что идеи социализма не привлекают американских рабочих: за ее кандидата

Саймона Уинга голосовала 21 тыс. избирателей (менее 0,2 %). Двухпартийная система, утвердившаяся в США, в полной мере сохраняла свои позиции.

Второе президентство Кливленда в основном было сосредоточено на экономических проблемах и в значительной мере связанных с ними взаимоотношениях и конфликтах труда и капитала. Вскоре после второй инаугурации Кливленда на фондовом рынке США началась очередная паника, явившаяся свидетельством длительной депрессии, сменившейся стагнацией. Паника обострилась в связи с явной нехваткой золота на валютном рынке, которая, в свою очередь, была связана с усиленным введением в оборот серебра в период правления Гаррисона. Кливленд был инициатором проведения специальной сессии Конгресса, которой предстояло принять экстренные меры. Дебаты носили острый и длительный характер, но в конце концов линия президента возобладала. Правда, ему пришлось столкнуться не только с республиканским меньшинством, но и с некоторыми депутатами от собственной партии, в частности с молодым членом Палаты представителей от Небраски Уильямом Брайаном, в будущем руководителем влиятельного крыла в лагере демократов, которое по ряду вопросов было близким к сходному по своим взглядам левому крылу республиканцев.

В результате Кливленду пришлось несколько смягчить свою позицию, но в главном он остался непреклонным. По его предложению Конгресс принял решение о прекращении государственной закупки серебра для использования его в монетарной области и об ограничении использования монет из этого металла, уже находившихся в обращении. Полностью решить денежно-финансовые проблемы, однако, не удавалось. Золотые резервы государства продолжали уменьшаться, хотя и не столь высоким темпом. В результате Кливленд вынужден был неохотно согласиться на выпуск государственных облигаций, а также частных ценных бумаг, которые гарантировались государством. Их продажа за золото позволяла в некоторой степени пополнить государственный резерв драгоценного металла.

Президенту Кливленду пришлось приспособлять свои воззрения к социально-экономическим реалиям. Оказывалось, что «чистого» предпринимательства не существует, что государству приходится сотрудничать с крупным капиталом, использовать его помощь и в то же время оказывать ему поддержку для предотвращения экономического хаоса, который, как теперь понимал президент, чреват социальными беспорядками и даже взрывами.

Социально-экономическая политика Кливленда была также направлена на пересмотр высоких таможенных ставок, введенных предыдущей администрацией, и на обеспечение достаточного финансирования государственных учреждений за счет внутренних источников. Кливленд действовал осторожно, понимая, что какие-либо крутые меры могут вызвать волну хозяйственных неурядиц. По его инициативе член Палаты представителей от Западной Вирджинии Уильям Уилсон совместно с сенатором Артуром Горманом из Мэриленда (оба они были членами Демократической партии) в декабре 1893 г. внесли в Конгресс проект закона о сокращении ввозных пошлин. Впрочем, вначале все было не так просто. Уилсон выступил с проектом, сильно сокращавшим пошлины, а по некоторым видам товаров (уголь, древесина, сахар и продукты из него) вообще их отменял. Это вызвало гнев крупных производителей соответствующих продуктов. Тогда в дело вступил Горман, внесший дополнения в проект закона, значительно его смягчавший и вводивший внутренний налог на доходы, превышавшие 4 тыс. долларов в год.

По всей видимости, сценарий такого развития событий был выработан в Белом доме заранее. Когда компромиссный закон был принят, Кливленд выступил с театральным его осуждением и даже заявил о «партийном бесчестии», выражавшемся в том, что за него голосовали демократы. Но на этот раз он не использовал свое право вето, которое применял ранее многократно. Все дело ограничилось тем, что он не подписал закон, заявив, что не будет препятствовать его введению в действие. Так президент пытался сохранить свое лицо борца против протекционистских тарифов, фактически сохраняя высокие ставки, хотя и слегка пониженные по сравнению с существовавшими ранее.

Гровер Кливленд был первым американским президентом, которому пришлось иметь дело с растущим и начинавшим создавать свои организации рабочим движением. Быстро формировавшийся рабочий класс США мало напоминал подвергавшийся суровой эксплуатации пролетариат Европы. У рабочих до конца XIX в. сохранялся выбор — продолжать наемную работу или уйти на запад, получить почти бесплатно землю и заняться фермерским трудом. С этим считались предприниматели, и рабочие получали заработную плату, позволявшую содержать подчас многочисленную семью. В то же время постепенно, по мере сокращения возможностей на получение свободной земли, предприниматели стремились сократить заработную плату и не допустить каких бы то ни было улучшений в характере труда. В этих условиях стали создаваться

рабочие организации. Первой значительной из них был Орден благородных рыцарей труда, образованный в 1869 г. Его численность быстро выросла до 700 тыс. человек, но в 80-е гг. он стал терять популярность, в частности после демонстрации в Чикаго в 1886 г., во время которой неизвестными были брошены бомбы, а орден обвинили в связях с анархистами.

Со 2-й половины 80-х гг. стала развиваться и распространять свое влияние на рабочее движение образованная в 1886 г. Американская федерация труда (АФТ), основателем которой была группа цеховых профессиональных объединений, порвавших с рыцарями труда, во главе с Сэмюелем Гомперсом. АФТ выдвинула в качестве основной своей задачи сокращение рабочего дня и его постепенное доведение до 8 часов. Вместе с тем она выступала за сохранение, а в некоторых случаях за повышение заработной платы, улучшение условий труда, заключение коллективных договоров предпринимателей с профсоюзами. Гомперс и другие руководители организации решительно выступали против социалистических учений и участия в политической борьбе, указывая, что рабочим важны не теории, а реальные материальные достижения. Они считали, что рабочим организациям следует сотрудничать с предпринимателями, но в то же время не отказывались от забастовок. Возникали и другие, порой экстремистские, профессиональные организации.

Серьезный характер носила забастовка на предприятиях компании Джорджа Пульмана в Чикаго, занимавшейся производством железнодорожных вагонов. В условиях депрессии, а затем стагнации в 1893–1894 гг. спрос на вагоны Пульмана упал, компания уменьшила их производство, а вслед за этим провела сокращение числа работников и объявила о понижении оставшимся заработной платы на 20–30 %. В то же время оплата за жилье в домах компании, где проживало большинство рабочих, была оставлена на прежнем уровне. Результатом стала забастовка, организованная Американским союзом железнодорожников во главе с Юджином Дебсом (этот союз не входил в АФТ и его называли «диким»). С завода Пульмана забастовка распространилась на железные дороги почти всей страны. Общее число участников составило около 250 тыс. человек. Движение на дорогах застопорилось, что могло поставить под угрозу всю хозяйственную жизнь. Стачка сопровождалась демонстрациями. Возникали столкновения с полицией, были факты кровопролития.

В этих условиях Кливленд, который перед этим безуспешно предлагал рабочим и предпринимателям правительственный арбитраж, вынужден был пойти на жесткие меры. Он выступил с распоряжением, адресованным

генеральному прокурору Ричарду Олни, запрещающим каким-либо организациям (имелся в виду союз железнодорожников) вмешиваться в движение поездов в любой части страны. В то же время специально подчеркивалось запрещение препятствовать работе железнодорожного узла Чикаго. В этот город был направлен контингент федеральных войск, что вызвало протест губернатора Иллинойса Джона Алтгелда, однопартийца Кливленда. Армейские части были направлены и в другие центры железных дорог. Кливленд заявил: «Если потребуется использовать всю армию и весь военный флот, чтобы доставить почтовую открытку в Чикаго, эта открытка будет доставлена».

Между забастовщиками и солдатами произошло несколько столкновений, Дебс арестован за нарушение президентского распоряжения и сопротивление войскам. Он был приговорен к шести месяцам заключения. Потребовалось не более недели, чтобы восстановить движение поездов вначале в Иллинойсе, а затем и в других местах забастовки.

В подавлении стачки железнодорожников Кливленд проявил решительность и твердость характера. Пресса обеих партий поддержала его действия. Стремясь продемонстрировать свою объективность, он назначил комиссию экспертов, которая расследовала причины, вызвавшие беспорядки на железных дорогах. Комиссия признала, что решения Пульмана о сокращении числа рабочих и снижении заработной платы не были вызваны острой необходимостью, что у компании были средства, чтобы продолжить функционировать на прежних условиях. Но законодательства Пульман не нарушил, и предъявлять к нему претензии со стороны государства было бы несправедливо. Действия президента эксперты признали обоснованными.

Внешняя политика Кливленда во время второго президентства была значительно активнее, чем в период первого, хотя носила по-прежнему преимущественно периферийный характер.

Главной проблемой стала судьба Гавайского архипелага. Ранее Кливленд крайне осторожно относился к перспективе включения в состав США этой отдаленной тихоокеанской территории, на чем настаивали некоторые политики, которых считали настроенными «империалистически». Единственное, на что тогда согласился Кливленд, было взять в аренду у Гавайев крупную гавань Перл-Харбор, расположенную по соседству со столицей Гонолулу. Здесь была размещена база американского Тихоокеанского флота.

Но накануне возвращения Кливленда в Белый дом в 1893 г. на Гавайях произошли крупные события. Оппозиционные королеве Лилиуокалани

силы при участии иностранных, прежде всего американских, агентов организовали переворот, одним из мотивов которого была защита иностранной собственности. Гавайи были провозглашены республикой и обратились с просьбой о принятии в состав США, на что в последние дни своего правления Гаррисон дал согласие. Был срочно выработан договор, подписанный обеими сторонами и направленный на ратификацию в Сенат.

Кливленд решил действовать осторожнее, понимая, что, наряду с геополитическими и стратегическими преимуществами, включение этой огромной территории, состоявшей из множества островов, создаст Соединенным Штатам массу экономических, социальных и международных проблем. Он отозвал договор из Сената и направил на Гавайи посольство, которое скорее было комиссией по расследованию положения в этой стране. Оказалось, что на Гавайях фактически продолжалась гражданская война. Бывшая королева смогла освободиться из заключения и стремилась возвратиться к власти. Кливленд был готов поддержать ее, но она оказалась упрямой, отказываясь предоставить амнистию участникам переворота, в том числе тем, которые фактически были представителями США. В результате в июле 1894 г. королева опять была смещена, повторно была провозглашена Республика Гавайи, которая, учитывая местные настроения, более не обращалась с просьбой о принятии в США.

По предложению Кливленда на некоторое время были отвергнуты требования «империалистов» о включении Гавайев в США. Последовало признание этой республики и с ней были установлены дипломатические отношения. Фактически, однако, Гавайи превращались в сателлита США и были включены в их состав в 1898 г. при президенте МакКинли.

Кливленд многократно провозглашал свою приверженность доктрине Монро, причем придавал ей самое широкое звучание. Он подчеркивал, что для него эта доктрина означает не только недопущение новых европейских колоний в какой-либо части Западного полушария, но и заинтересованность США в том, чтобы взаимоотношения латиноамериканских стран со странами Европы не выходили за рамки обычных дипломатических контактов. Президент претендовал на роль арбитра в возможных конфликтах и сделках между странами континента к югу от границ США и заокеанскими партнерами.

Когда в 1897 г. возник спор между правительством Венесуэлы и Британской Гвианой по поводу границ, по требованию Кливленда Госдепартамент направил Великобритании серию нот с требованием участия США в посредничестве для урегулирования конфликта. В то же

время все эти ноты были выдержаны в дружеских тонах по отношению к Британии, правительство которой пришло к выводу о допустимости американского участия в арбитраже, который состоялся в Париже и привел к мирному решению.

Поддерживая официально добрососедские отношения со странами Латинской Америки и в то же время поощряя экономическое проникновение в них американских компаний, Кливленд в то же время сохранял статус-кво с европейскими странами, предотвращая их попытки проникновения на Американский континент.

В середине второго президентства у Кливленда была обнаружена злокачественная опухоль на верхней челюсти. Чтобы избежать всевозможных слухов и пересудов, президент решил провести операцию по ее удалению секретно. Он объявил, что решил отдохнуть на яхте своего знакомого, нью-йоркского банкира Элиаса Бенедикта. Действительно, летом 1893 г. он отправился в прибрежное путешествие, но вместе с командой хирургов и необходимым оборудованием для операции. Гроверу была удалена часть челюсти, но особые условия работы, а может быть, недостаточная квалификация хирургов, привели к тому, что следы операции отразились на внешнем облике Кливленда. Оказалось также, что у него исказилась речь.

Пришлось делать операцию повторно, уже в клинических условиях, но также в тайне. На этот раз недостатки первой процедуры удалось в основном устранить при помощи установленных во рту плотных резиновых протезов. Чтобы скрыть вторичную операцию от общества, была распространена версия об удалении нескольких испорченных зубов.

Только в 1917 г. один из врачей, участвовавших в первой операции, рассказал прессе о том, что в действительности произошло. Имея в виду, что Кливленд после операций прожил еще 15 лет, в следующие годы медики высказывали сомнение, была ли у него действительно злокачественная опухоль, да еще в таком трудно поддающемся оперативному вмешательству месте, не ошиблись ли тогда специалисты. Однако проведенный в 1980-е гг. анализ сохраненной после операции ткани показал, что у президента действительно был рак, но такой, который развивается очень медленно и обычно не дает метастазов.

После выборов 1896 г., на которых исполнительная власть вновь возвратилась к республиканцам, Кливленд отправился вместе с семьей в штат Нью-Джерси, в район города Принстона, где находился ставший уже знаменитым университет. Он вошел в наблюдательный совет университета, но активности в нем не проявлял. Оставшиеся годы были для этого ранее

активнейшего деятеля временем отдыха. Лишь изредка он давал интервью, вспоминая о прошлом, и столь же редко публиковал в газетах, главным образом местных, краткие статьи, в основном мемуарного характера, но обычно не содержавшие каких-либо ранее неизвестных сведений. Там же, в Принстоне, он тихо скончался в возрасте 71 года.

Память о Кливленде сохраняется главным образом в Буффало, где в центре города возвышается его скульптура, его имя носят местный колледж и публичная школа. В 2013 г. его имя было занесено в почетную книгу Зала славы штата Нью-Джерси, что вызвало сомнения у части американской общественности, указывавшей, что Кливленд был связан с этим штатом только после отставки.

Портрет Кливленда помещен на оригинальной купюре в 1 тыс. долларов, выпущенной в 1928 г., и на почтовых марках, появившихся в разные годы.

Основные издания:

Brodsky A. Grover Cleveland: A Study in Character. New York, 2000.

Cleaver N. Grover Cleveland's New Foreign Policy: Arbitration, Neutrality, and the Dawn of American Empire. New York, 2014.

Jeffers H. P. An Honest President: The Life and Presidencies of Grover Cleveland. New York, 2000.

Nevins A. Grover Cleveland: A Study in Courage. New York, 1933.

БЕНДЖАМИН ГАРРИСОН

20 августа 1833 — 13 марта 1901

23-й президент:

4 марта 1889 — 4 марта 1893

Большинство американских историков причисляют Бенджамина Гаррисона (*Benjamin Harrison*) к президентам-неудачникам, которых было немало. Некоторые его биографы, однако, с полным основанием полагают, что он был скорее не неудачником, а своего рода «промежуточным» главой

исполнительной власти. Бенджамин Гаррисон, внук того самого Уильяма Гаррисона, который умер всего лишь через месяц после вступления на должность президента, занимал свой пост в тот период, когда США быстро модернизировались, приобретали облик современной высокоразвитой державы. Он прилагал силы, чтобы исполнительная власть соответствовала этим изменениям, сталкиваясь с ожесточенным сопротивлением консерваторов в рядах обеих ведущих партий. Он был популярным кандидатом в президенты, но почти ничего из того, что было намечено его администрацией, не удалось воплотить в жизнь. Не случайно на смену ему пришел уже бывший президентом перед ним инициативный Гровер Кливленд.

Бенджамин родился в местечке Норт-Бенд, штат Огайо, на берегу реки под тем же названием, близ города Цинциннати. Он происходил из известной семьи, имевшей репутацию участников борьбы за независимость. Будучи внуком президента, Бенджамин всю жизнь гордился дедом и горько сожалел, что тот не смог проявить своих способностей на столь ответственной должности, скончавшись из-за простуды.

Но взаимоотношения в семье не были простыми. Неизвестно, по каким причинам между отцом Бенджамина Джоном-Скоттом и дедом-президентом отношения были натянутыми. В прошлом член Палаты представителей, куда он избирался дважды, Джон-Скотт отказался от политической карьеры и предпочел ей ведение фермерского хозяйства. Ферма отнюдь не обогатила его, но позволяла содержать семью в относительном достатке. Когда его отец был избран президентом, Джон-Скотт даже не был приглашен на инаугурацию. И за инаугурацией, и за болезнью и смертью Уильяма Гаррисона в 1841 г. его потомки могли следить только по газетам.

Хотя средства семьи были ограниченными, детство Бена прошло в спокойной сельской обстановке. Он был активным ребенком, увлекался рыбной ловлей и охотой за мелкими грызунами, которых ловил в сконструированные отцом клетки с капканами. Иногда он помогал по хозяйству, но это не носило обязательного характера. Обучение ребенка вначале было домашним. Грамоте его научила мать Элизабет, строго придерживавшаяся пресвитерианства и требовавшая от сына хорошего знания библейских текстов.

Все же, считая, что Бен должен получить приличное образование, родители позже наняли тьютора, который подготовил подростка к поступлению в колледж. В возрасте 14 лет ему удалось поступить в колледж Фармер в Цинциннати. Это было учебное заведение

сельскохозяйственного профиля, то есть «фермерский колледж», дававший в основном прикладные знания и лишь самые элементарные сведения в области чтения, письма и вычислений (в основном связанных с ведением хозяйства). Этот колледж Бен посещал два года. Он запомнился подростку прежде всего тем, что здесь он познакомился со своей будущей женой Кэролайн, дочерью учителя и пресвитерианского священника Джона Скотта. В 1859 г. Гаррисон перевелся в старый, но не очень авторитетный университет в городке Майами, также в районе Цинциннати, где, наряду с общим образованием, давались знания в области экономики, финансов и права. Но основное внимание и здесь уделялось теологии.

В этом заведении, которое являлось университетом скорее по названию, а фактически было обычным средним учебным заведением с чуть расширенными программами в области «свободных искусств» (истории, экономики, политики), служили все же отдельные яркие преподаватели. Гаррисону особенно запомнился Роберт Бишоп, преподававший историю, в основном церковную, и превосходно знавший развитие всех христианских школ в США. Неудивительно, что на всю жизнь Бенджамин Гаррисон остался приверженцем пресвитерианства.

Окончив колледж в 1852 г., Бенджамин, решивший, как и многие его сверстники, задумывавшиеся о карьере политика, стать юристом, поступил учеником в контору еще малоопытного адвоката Беллами Сторера, будущего конгрессмена-республиканца, начинавшего свою практику в Цинциннати. Именно под руководством Сторера формировались политические воззрения молодого человека, вскоре вступившего в Республиканскую партию.

Но одновременно Бенджамин устраивал свою личную жизнь. Совсем юным, не имея за душой ни сбережений, ни недвижимой собственности, он посватался к Кэролайн Скотт и, как это ни было удивительно, получил согласие ее отца на брак. В октябре 1853 г. состоялась свадьба 20-летнего Бенджамина и Кэролайн, которая была одним годом старше. Брак оказался счастливым. Пара воспитала сына Рассела, через годы занимавшего видные дипломатические посты, и дочь Мэри, которая, став взрослой, вышла замуж за вице-президента компании «Дженерал электрик» (*General Electric*) Роберта МакКи.

Вопреки обычаю, требовавшему, чтобы супружеская пара жила самостоятельно, а глава семьи содержал жену и детей, вначале Бенджамин и Кэролайн жили почти на иждивении родителей с обеих сторон, так как заработная плата ученика судьи была крохотной. Правда, вскоре Бен получил небольшое наследство, завещанное ему тетушкой. Полученный

земельный участок он старался обрабатывать сам в соответствии с теми отрывочными знаниями, которым его учили в колледже. Но он не оставлял и работу у адвоката.

В 1854 г. Гаррисон был принят в юридическую коллегия штата Огайо. Учитывая, что это была глубокая провинция, экзамены особой трудности не представляли, память у молодого человека была превосходной. Он получил документы адвоката, после чего решил отправиться в еще более глубокую провинцию, чтобы там начинать свою практическую деятельность. Земельный участок был продан, и Гаррисоны выехали в Индианаполис, являвшийся столицей штата Индиана, остававшийся крохотным городком, но имевший неплохие перспективы развития в связи с тем, что здесь недавно проложили железную дорогу и был построен вокзал.

Начав юридическую практику, вначале совместно с другим адвокатом, старше его по возрасту, Гаррисон вскоре отделился и открыл собственную фирму. Довольно быстро он завоевал определенный авторитет — не столько адвокатскими выступлениями, сколько общественной деятельностью и особенно участием в джентльменском клубе, в котором выступал с речами, пропагандировавшими установки Республиканской партии. Одновременно он и его супруга стали регулярно посещать церковные службы, что было встречено с одобрением местными старожилками, которые видели в приверженности церкви залог благочестия и верного выполнения служебных и прочих обязанностей. В 1857 г. Гаррисон был избран городским прокурором, а в 1869 г. стал членом суда штата Индиана. Одновременно рос его авторитет в партийной организации, в которой он стал главным оратором и функционером.

Когда началась Гражданская война, Гаррисон сперва не принял всерьез происходившие события и продолжал обычную адвокатскую и общественную работу. Он колебался, следует ли ему идти добровольцем и даже тогда, когда президент Линкольн в 1862 г. объявил о необходимости массового вступления в армию на волонтерских началах всех тех, кто желает сохранить США единым и свободным государством. Только после того как губернатор Индианы Оливер Мортон пожаловался перед общественностью на крайнюю нехватку желающих служить отечеству, Бенджамин преодолел колебания, которые он перед этим связывал с необходимостью содержать семью. Губернатор, сам принадлежавший к Республиканской партии, к этому времени хорошо знал Гаррисона и считал, что тот может ему серьезно помочь в организации добровольческих частей.

Бенджамин действительно объехал значительную часть штата,

выступал на всевозможных собраниях, агитируя за формирование добровольческого полка, а затем, по возвращении в Индианаполис, был в июле 1862 г. назначен командиром батальона в звании капитана. Вначале он не хотел принимать даже это невысокое воинское звание, ссылаясь на отсутствие у него военного опыта. Но, убедившись, что и другие добровольцы в этом отношении не отличаются, он приступил к командованию подразделением, а через месяц был повышен в звании и стал командиром полка. С августа того же года Гаррисон участвовал в военных действиях на территории Кентукки, постепенно овладевая военным опытом и командирскими навыками.

В течение двух лет 70-й Индианский полк под его командованием участвовал в боях и охранял железнодорожные пути в Кентукки, а затем в Теннесси. Его военные заслуги были отмечены, в начале 1864 г. он был назначен командиром бригады, которая затем участвовала во многих боях. Вслед за этим ему было присвоено звание бригадного генерала. Так сугубо штатский человек стал фактически профессиональным военным.

В Индиане о Гаррисоне помнили. В 1864 г. он вновь был избран в суд штата, хотя находился в армии и свою кандидатуру не выдвигал. Возвратившись в следующем году в Индианаполис, он возобновил эту работу, которая была для него уже привычной. Она не была оплачиваемой, но приносила небольшой доход, так как ему разрешалось предоставлять платные услуги местным юристам, рассылая им судебные решения. Он возобновил также свои адвокатские выступления и пользовался в этом качестве авторитетом.

Все это побудило Гаррисона попытаться выйти на более престижные позиции. В 1872 г. он выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора штата, надеясь на покровительство Мортон, который уходил в отставку. Мортон, однако, высказался за другого кандидата, и Гаррисон выборы проиграл. Пришлось продолжать юридическую практику и одновременно выступать в пользу других республиканцев, которые претендовали на различные посты в национальном масштабе и в Индиане. В 1876 г. он вновь баллотировался на губернаторский пост и опять потерпел неудачу.

Блестящего успеха он добился в 1877 г., когда на железнодорожном узле Индианаполиса возникла стачка, которая, как опасались власти, могла перерасти в бунт. Гаррисон проявил наибольшую активность. Он был организатором отрядов «гражданской милиции», которые охраняли административные здания, сооружения в районе вокзала и дома собственников. Одновременно он вступил в переговоры с организаторами стачки и договорился о компромиссных условиях ее прекращения.

Постепенно индианский юрист выходил на национальную арену, в частности участвуя в съездах Республиканской партии, предшествовавших президентским выборам, выступал на них, поддерживал кандидатов на высший пост. В 1880 г. Гаррисон был избран в Сенат США. Ставший президентом Джеймс Гарфилд предложил ему пост в правительстве, но Бенджамин предпочел остаться в Конгрессе. Он пробыл в Сенате один шестилетний срок, особой активности не проявлял, но входил в его комитеты и даже возглавлял Комитет по транспорту. В нескольких случаях его выступления получали известность по всей стране. В противоположность депутатам-демократам, выступавшим за сокращение государственных расходов, он предлагал пойти на повышение налогов на крупные состояния и за этот счет значительно повысить пенсии ветеранам Гражданской войны (об общем введении пенсий он не помышлял) и выделить больше средств на образовательные цели, в частности в южных штатах. По некоторым вопросам у него возникали разногласия с курсом собственной партии. Он, например, считал неоправданными меры по резкому ограничению иммиграции из Китая в западные штаты, считая, что они нарушают добрые отношения, складывавшиеся с этой страной. Пребывание в Конгрессе продолжалось сравнительно недолго. В 1886 г. Гаррисон провалился на выборах, сенаторами от Индианы были избраны представители Демократической партии. Бенджамин возвратился в Индианаполис, возобновил свою юридическую практику, но продолжал активно участвовать в местной и национальной политической жизни.

Он отправился на съезд Республиканской партии 1888 г., отнюдь не предполагая, что станет на нем кандидатом в президенты. Съезд проходил в Чикаго 19–25 июня. Вначале было распространено мнение, что кандидатом будет выдвинут Джеймс Блейн, который уже несколько раз выдвигался на высший пост и каждый раз на том или ином этапе терпел поражение. Теперь же Блейн, явно уставший от бесплодных баталий и предполагавший, что они не приведут к успеху и теперь, в самом начале съезда сообщил о своем отказе от номинации. Тотчас появилась масса других кандидатов, которые по разным причинам не удовлетворяли партийную верхушку, прежде всего все того же Блейна, который считал их провальными. Съезд был рекордным по числу выдвинутых кандидатов. Всего их оказалось 18. Среди них были конгрессмены, губернаторы, мэры, бывшие министры. Гаррисон, выдвинутый уже в первом туре, но получивший незначительное число голосов, был одним из тех, кого относили к «бывшим» государственным деятелям.

На этом съезде, между прочим, впервые слово было предоставлено

черному делегату Фредерику Дугласу, бывшему рабу, бежавшему на север, ставшему активным аболиционистом, общественным деятелем и журналистом. Съезд, однако, был отнюдь не готов к признанию заслуг Дугласа. Он получил лишь один голос. Блейн, считавшийся лидером партии и пользовавшийся высоким авторитетом среди большинства делегатов, публично не высказывался в чью-либо пользу. Но он, как говорится, «положил глаз» на Гаррисона еще до съезда, решив, что именно этот не замешанный в последние годы в межпартийных и внутрипартийных спорах деятель может оказаться наиболее подходящим кандидатом. По всей видимости, соответствующая работа негласно проводилась на съезде, в результате чего в каждом новом туре голосования число голосов, подаваемых за Гаррисона, увеличивалось. Наконец, в 8-м туре он получил необходимые 2/3. Кандидатом в вице-президенты был выдвинут Леви Мортон из Нью-Йорка, в прошлом член Палаты представителей, а в это время посол во Франции. Так создавался баланс кандидатур между центральными и восточными штатами.

На выборах Гаррисон конкурировал с Кливлендом, добивавшимся избрания на второй срок. Республиканцы сражались прежде всего за сохранение и даже увеличение таможенных ставок, доказывая, что именно таким образом они обеспечат дальнейшее быстрое индустриальное развитие страны, а следовательно, рост влияния США в мире и повышение благосостояния всего населения. Высокие таможенные тарифы рассматривались в выступлениях партийных агитаторов и самого Гаррисона в Индиане (он во время кампании не покидал свой штат) чуть ли не как гарантия высоких доходов предпринимателей, высоких заработков рабочих и служащих, что считалось лекарством от социальных болезней. Эта агитация в основном встретила благоприятный прием на северо-востоке, в центре страны и на дальнем западе. За резкое понижение пошлин выступали главным образом на юге.

Согласно традиции, Кливленд формально не участвовал в предвыборной агитации. Гаррисон традицию нарушил. Он, однако, не только не покидал Индиану, но выступал главным образом возле своего дома, почему его кампания получила ироническое название агитации у порога. Разумеется, тексты или изложения выступлений передавались корреспондентам и распространялись по стране.

Итоги выборов оказались неожиданными. Гаррисон получил чуть меньше голосов, чем Кливленд (47,8 % против 48,6 %), но в избирательной коллегии у него оказалось 233 голоса против 168 сторонников бывшего президента. При этом штаб Гаррисона обвиняли в подкупе избирателей. В

печати появились сенсационные материалы, в том числе письмо, якобы написанное другом и сторонником республиканского кандидата Уильямом Дадли, являвшимся во время кампании казначеем Национального комитета Республиканской партии. В письме лишь слегка прикрито говорилось о подкупе избирателей и избирательных комиссий с целью обеспечения большинства в пользу Гаррисона. Разумеется, и сам Дадли, и кандидат занялись энергичными опровержениями. Появление этого письма и других, сходных с ним материалов понизило число голосов, поданных за Гаррисона. Но главным результатом была победа в избирательной коллегии. К тому же в обеих палатах Конгресса республиканцы получили большинство мест.

Инаугурационная речь Гаррисона 4 марта 1889 г. была полна оптимизма и даже самовосхваления, что обычно не было ему свойственно. Он говорил: «Никогда народ не имел власти, более достойной его уважения и любви в стране, столь огромной, столь прекрасной и столь благоприятной для предприимчивости и труда».

В прошлом трудолюбивый чиновник и дисциплинированный адвокат, Гаррисон попытался изменить стиль работы в Белом доме. Он стремился использовать для удобства руководства государственными делами технические новинки. В 1889 г. по его распоряжению в Белом доме впервые был установлен телефон. Он был запатентован Александром Беллом еще в 1876 г., но был крайне неудобен в эксплуатации. Теперь были созданы распределительные щиты, что позволило создать стационарную централизованную телефонную связь. Президент получил возможность непосредственной связи с министрами, конгрессменами, бизнесменами. Впервые в Белом доме появилось электрическое освещение. Президент и его супруга восхищались ярким светом, который тем более поражал посетителей во время приемов. Но ни Бенджамин, ни Кэролайн не решались прикоснуться к выключателю, опасаясь «электрического шока». Они признавались, что подчас засыпали с включенным электричеством.

Вначале в практику был введен прием посетителей три раза в неделю. Вскоре, однако, оказалось, что поток желающих встретиться с президентом был таков, что очередь растянулась на несколько лет. Личный прием был отменен, вместо этого с посетителями беседовали клерки. В основном же контакты с желающими получить должность, жалобщиками и др. осуществлялись по почте. Тем не менее в практику Белого дома был введен твердый распорядок, четкое распределение времени на различные виды занятий.

В то же время «маленький Бен», как его называли за низкий рост,

вскоре стал шокировать и сотрудников, и посетителей, и конгрессменов своей холодностью и внешним безразличием. Оказалось, что он не очень способен вести актерскую игру, представлять дело так, будто очень заинтересован в вопросах, которые перед ним ставили собеседники. Вспоминали, что он мог произнести страстную речь в защиту какого-либо своего предложения, чаще всего связанного с излюбленной темой высоких таможенных тарифов, а затем свести на нет все благоприятное впечатление одной-двумя равнодушными фразами, которые отсутствовали в тексте подготовленной речи, или даже отсутствующим выражением лица.

В некоторой мере такая отчужденность скрадывалась активным поведением первой леди. Кэролайн Гаррисон попыталась создать в президентской резиденции картинную галерею, а затем небольшой сад редких растений. Однако и та и другая инициативы не были осуществлены, так как Конгресс отказал президенту в необходимых для этого не столь уж больших денежных фондах. Кэролайн в какой-то мере компенсировала эту неудачу, став во главе женской организации «Дочери американской революции», которая выступала за расширение прав женщин, в частности за предоставление им избирательного права.

Кабинет министров был подобран в соответствии с личными предпочтениями и интересами президента. Единственное исключение составлял госсекретарь. На эту должность был назначен вездесущий Джеймс Блейн, который вначале был и главным политическим советником президента, хотя позже между ними возникли определенные разногласия. Блейн ушел в отставку и фактически прекратил политическую активность. Госсекретарем был назначен Джон Фостер, профессиональный дипломат, служивший ранее в Мексике, России и Испании, а теперь послушно исполнявший распоряжения Гаррисона. Все остальные семь министров были пресвитерианцами, все они служили в армии во время Гражданской войны, пятеро из них были юристами. Верный своей привычке к организованности и порядку, президент установил правило проводить два раза в неделю заседания правительства в полном составе и в определенный день недели принимать каждого министра для обсуждения вопросов, касавшихся предстоявших правительственных и президентских решений.

Со стороны министров была предпринята попытка «умилостивить» президента. По договоренности с другими министрами генеральный почтмейстер Джон Ванамейкер вместе с несколькими предпринимателями купили в подарок первой леди небольшой коттедж на мысе в штате Нью-Джерси. Вначале Гаррисон принял подарок благосклонно. Но в прессе раздались негодующие возгласы по поводу попыток «купить»

министерские посты, и президент изменил свое решение. Он заставил дарителей принять чек на 10 тыс. долларов, который полностью покрывал стоимость подарка.

Во внутренней политике немалое внимание президента занимали вопросы, связанные с осуществлением реформы гражданской службы. Соответствующий закон, ликвидировавший систему вознаграждения и введивший практику назначения на должности по конкурсу в зависимости от деловых качеств претендентов, был, как мы знаем, принят ранее, но практика реализации закона Пендлтона 1883 г. была, по мнению президента, неудовлетворительной. При его непосредственном участии продолжали разрабатываться перечни должностей и специальностей, подлежавших конкурсному замещению. В Конгрессе было немало депутатов, стремившихся возродить вознаграждение за верную службу — практику, граничившую с коррупцией. Сторонники «вознаграждения» и приверженцы конкурса были в обеих партиях, и президенту приходилось подчас идти на уступки, чтобы дело не дошло до открытого конфликта, в том числе со своими сторонниками. В прессе даже появилась карикатура, изображавшая несчастного президента, восклицающего по поводу «политического футбола»: «Что же мне делать, если каждая команда хочет первой ударить по мячу?» Гаррисон назначил в комиссию по гражданской службе активиста Республиканской партии Теодора Рузвельта, который энергично настаивал на проведении в жизнь закона Пендлтона. Но практически дело почти не сдвигалось с мертвой точки.

Еще в бытность сенатором Гаррисон выступал за расширение помощи ветеранам Гражданской войны, за распространение помощи на их семьи и введение в целом пенсий по старости как акта социального законодательства. Теперь, став президентом, он был основным инициатором внесения в Конгресс законопроекта о пенсиях иждивенцам и инвалидам, который был проведен республиканским большинством сравнительно быстро и в 1890 г. стал законом. Впервые были введены пенсии не только инвалидам, но всем участникам войны, а также, в случае смерти таковых, их родителям, вдовам и детям. По существу дела, это был новый, более широкий акт зачаточного социального законодательства, которое конгрессмены приняли с большим трудом. Получатели же пенсий закон приветствовали, авторитет президента вырос.

Правда, проведенные вскоре расчеты показали, что вводимые пенсии (расходы на них за время президентства Гаррисона составили 139 млн долларов) поглощали значительную часть приходных статей госбюджета. Вместе с другими расходами на совершенствование инфраструктуры и

особенно на военно-морское строительство они приводили к быстрому росту государственного долга. Конгресс 1889–1891 гг. был прозван в прессе «Конгрессом миллиарда долларов». В этом было значительное преувеличение, но факт убыточности бюджета явно наличествовал. Если в 1890 г. пенсии получали 5,4 тыс. ветеранов, то к 1893 г. число пенсионеров выросло почти вдвое, составив 9,6 тыс. В 1894 г. на пенсии тратилось 37 % бюджета.

К тому же пенсионное бюро, созданное в рамках Департамента внутренних дел, не отличалось точностью работы. Его руководитель Джеймс Тэннер щедро раздавал пенсии. Не раз его и его сотрудников обвиняли во взяточничестве. Ни один случай взятка не был доказан, но тот факт, что доверчивостью Тэннера пользовались мошенники, был очевиден. Гаррисон уволил Тэннера, заменив его Грином Роумом, бывшим бригадным генералом, а затем членом Палаты представителей от штата Иллинойс. Его также обвиняли в злоупотреблениях, но скорее по инерции. Во всяком случае, некоторый порядок в пенсионном деле был наведен. Тем не менее Гаррисона упрекали с обеих сторон: активные республиканцы — за нищенский характер пенсий и бюрократическую волокиту в их оформлении, демократы — за безрассудную трату государственных средств.

Другой актуальной проблемой оставалась тарифная политика. Гаррисон, как и другие республиканцы, на протяжении многих лет высказывался, в противоположность демократам, за сохранение высоких ввозных пошлин, которые позволили бы за их счет добиться более интенсивного развития американской индустрии, улучшить внутреннюю инфраструктуру, понизить внутренние налоги.

Один из ведущих членов Палаты представителей Уильям МакКинли и сенатор Нельсон Олдридж внесли законопроект, повышавший и без того высокие ввозные пошлины, которые никак не мог ранее понизить Кливленд. В отношении некоторых товаров предлагаемые меры носили запретительный характер, то есть вынуждали зарубежных поставщиков просто отказаться от их ввоза в США. Проект был согласован с президентом. Но он в данном случае попробовал сыграть на настроениях американцев (в том числе оппозиции), возражавшей против повышения пошлин. Гаррисон предложил некоторое уменьшение пошлин и небольшие государственные субсидии тем американским производителям, которые могли пострадать от предпринимаемых мер. Например, сократив пошлины на сахар, предлагалось его производителям давать субсидию в два цента за каждый фунт произведенного сахара. В таком виде закон МакКинли был

принят в начале октября 1890 г. Несмотря на смягчения, ввозные пошлины были самыми высокими по сравнению со всеми существовавшими в США ранее. Демократы жестко критиковали закон. Таможенные качели не останавливались.

Республиканская партия и президент всячески демонстрировали, что являются выразителями интересов всего народа. Между тем, в прессе и в кругах экономистов с тревогой наблюдали, что рост крупного капитала приводит к объединению фирм, образованию концернов, охватывающих различные отрасли производства, сбыта, банковской системы. Высказывались опасения, оказавшиеся обоснованными лишь частично, что этот процесс может привести к возникновению монополий, которые будут диктовать не только свой экономический курс, но и оказывать серьезное влияние на политику властей. Буквально истерически на этот процесс реагировали социалисты, которые, впрочем, на массы американцев серьезного влияния не оказывали.

И все же сенатор от штата Огайо Джон Шерман в 1890 г. внес в Конгресс проект закона, провозглашавший преступлением препятствие свободе торговли путем создания трестов. Такие объединения следовало распускать, а на их организаторов можно было наложить высокие штрафы и даже подвергнуть тюремному заключению до десяти лет. Антитрестовские настроения были настолько сильны, что в Палате представителей закон Шермана был принят лишь при одном голосе против, а в Сенате единогласно. В то же время представители АФТ указывали, что некоторые положения закона могли быть использованы против профсоюзов. Гаррисон согласился с этим, но в июле 1890 г. закон подписал.

Хотя вначале предполагалось, что закон будет использован против мощного объединения миллионера Джона Рокфеллера «Стандард ойл» (*Standard Oil*), реально никакие репрессивные меры ни против Рокфеллера, ни против других объединений приняты не были. На реализацию закона даже не были выделены средства. Его применение ограничилось несколькими незначительными судебными процессами. Закон Шермана прозвали «спящим актом». Так что и в этом вопросе, начав вроде бы активно проведение определенного курса, власти остановились, не развив инициативу. Позже, однако, его применение стало более значительным, когда у власти стояли Уильям МакКинли и Теодор Рузвельт.

Не привели к ожидаемому результату и попытки Гаррисона и его сторонников провести через Конгресс законодательство, которое реально защищало бы гражданские права черных американцев. По согласованию с президентом депутат Генри Лодж внес в Палату представителей проект

акта о федеральных выборах, который не содержал принципиальных новаций, но требовал «обеспечить всем гражданам свободное право голоса и другие права, предусмотренные конституцией и законами». В Палате представителей закон был принят незначительным большинством, в Сенате отвергнут. Точно так же был отвергнут законопроект, предусматривавший субсидирование школ, независимо от расы учеников. Президенту пришлось ограничиться призывами к соблюдению конституционной поправки о равенстве рас в своих ежегодных обращениях к Конгрессу, но они ничего не меняли на практике.

Бóльших результатов правительство Гаррисона добилось в оснащении страны мощным военным флотом. Продолжая курс предыдущих администраций, он инициировал выделение фондов на создание современных, хорошо вооруженных крупных кораблей. Правда, конгрессмены упрекали президента, что он стремится строить слишком большие и дорогие военные корабли, но в этом вопросе Гаррисону удалось добиться поддержки большинства законодателей. В сотрудничестве со сталелитейной корпорацией Эндрю Карнеги были построены «боевые корабли», то есть военные суда наибольшей мощности (в России их вскоре будут называть линейными) «Индиана», «Техас», «Орегон» и «Колумбия». Так США на практике готовились к предстоящим, хотя пока отнюдь не предугаданным потрясениям начала следующего века.

Президентство Гаррисона ознаменовалось новыми государственными мерами в области охраны природы, которые были начаты Линкольном, но не поддержаны следующими президентами. Действия были осторожными, так как неизбежно вторгались в частную собственность. Когда в начале 1891 г. в Конгресс был внесен проект закона о ревизии земельной собственности, связанный с необходимостью продажи еще неосвоенной земли то ли фермерам, то ли железнодорожным компаниям, Департамент внутренних дел по наущению президента внесло в него дополнение, разрешающее администрации сохранять в собственности государства отдельные «лесные пространства» для «резервации» дикой природы. Подписав закон в марте 1891 г., Гаррисон через месяц издал распоряжение о создании в штате Вайоминг первой «лесной резервации» согласно новому закону. Так было положено практическое начало Йеллоустонскому национальному парку, новому подлинному сокровищу живой природы, который был формально основан еще в 70-е гг., но практически не функционировал.

Гаррисон и первый госсекретарь Блейн были инициаторами значительно более активной внешней политики, нежели та, которую

проводили прежние президенты. Их курс был направлен прежде всего на расширение влияния США на Американском континенте. В октябре 1889-го и в апреле 1890 г. двумя этапами в Вашингтоне была, наконец, проведена первая международная конференция американских государств, которая официально не называлась панамериканской, но в широком общественном мнении, в прессе обозначалась именно так. Такого рода конференция задумывалась уже давно, но по различным причинам не проводилась. Она продемонстрировала мощь принимавшей стороны, подчеркнула ее решающее влияние на континенте и в то же время, подтвердив верность доктрине Монро, провозгласила необходимость не допускать конфликтов между странами Центральной и Южной Америки, особенно таких, которые могли бы привести к вмешательству европейских государств. Правда, в конференции не участвовали такие крупные страны, как Бразилия (в результате внутренних процессов перехода от монархии к республике) и Мексика (у нее оставались напряженные отношения с США). Но в целом конференция, по мнению Гаррисона, игравшего роль хозяина и выступавшего на ней, прошла успешно, положив начало регулярным встречам ведущих государственных деятелей стран континента. Было образовано Международное бюро американских республик, подписаны соглашения об арбитраже и таможенном союзе. Конференция была бесспорным выигрышем для США, давая явные преимущества уже в силу их растущей экономической и военно-морской мощи.

Предпринимались и другие дипломатические инициативы. Гаррисон наметил смелый шаг, назначив негра Фредерика Дугласа послом в Гаити с намерением создать здесь военно-морскую базу. Дуглас был принят с уважением, однако от предоставления акватории под базу власти Гаити, которые часто менялись в результате череды переворотов, отказались.

Отношения с европейскими странами к началу правления Гаррисона были напряженными в результате того, что в ряде из них еще с середины 80-х гг. был запрещен импорт свинины из США, в которой были обнаружены некие вредные бактерии. После вступления в должность Гаррисон предпринял комплекс мер, чтобы преодолеть этот запрет, который вносил раздражение во взаимоотношения и был скорее связан с конкуренцией германских и французских фирм, производивших мясные продукты. По предложению президента Конгресс принял решение об инспекции мяса, предназначенного на экспорт. Одновременно послы США во Франции и Германии вступили в переговоры, доказывая высокие качества американской свинины и угрожая ответными мерами, в частности введением запретительных пошлин на импортируемый в США из Германии

свекловичный сахар. «Мясной кризис» удалось преодолеть. В сентябре 1891 г. Германия, а за ней Дания, Франция и Австро-Венгрия отменили введенный ранее запрет. В США это считали успехом американской политики.

Ухудшившаяся экономическая ситуация в США в начале 90-х гг., усилившиеся кризисные явления значительно понизили шансы Гаррисона на повторное выдвижение в президенты. Против него в Республиканской партии сложилась серьезная оппозиция в связи с упорным и высокомерным нежеланием президента удовлетворять требования партийных деятелей о предоставлении им важных административных постов. Все же он с трудом добился выдвижения на съезде, но активной предвыборной кампании не проводил. Создавалось впечатление, что он не очень-то и стремился стать президентом во второй раз. Однажды Гаррисон заявил даже, что у него есть две возможности — «стать кандидатом или навсегда приобрести славу политического труса».

Его положение крайне осложнилось тем, что болезнь первой леди, страдавшей туберкулезом по крайней мере с 1892 г., вступила в критическую стадию. 25 октября, за две недели до дня выборов, Кэролайн скончалась. Как мы уже отмечали, в память о ней обе стороны — и сам Гаррисон, и его соперник Кливленд — объявили о прекращении предвыборной агитации. Все преимущества, однако, были на стороне Кливленда, который выиграл выборы. Гаррисон оказался единственным президентом, чьим предшественником и преемником был один и тот же человек.

Покинув Вашингтон после второй инаугурации Кливленда, Гаррисон возвратился в Индианаполис, где был с почетом встречен согражданами. В 1894 г. он провел несколько месяцев в Сан-Франциско, читая лекции по праву в Стэнфордском университете, находившемся неподалеку от города.

Когда приблизился очередной срок президентских выборов, группа деятелей Республиканской партии стала уговаривать Гаррисона последовать примеру Кливленда и выставить свою кандидатуру, но он от этого отказался. Он поддержал кандидатуру Уильяма МакКинли и даже совершил поездку по стране, выступая с агитационными речами на собраниях и митингах.

Он написал ряд статей полупублицистического, полумемуарного характера о сущности федерального правительства и обязанностях президента, которые затем были включены в вышедшую в 1897 г. книгу «Это наша страна».

В 1896 г. 62-летний Гаррисон женился на старой знакомой — 37-

летней Мэри Диммик, племяннице и секретаре своей покойной жены. Дети Бенджамина резко осудили его 2-й брак и отказались присутствовать на свадьбе. В 1897 г. у весьма пожилого уже по меркам конца XIX в. бывшего президента появилась еще одна дочь, которую называли Элизабет. В будущем она станет известным юристом и борцом за женское равноправие.

В феврале 1901 г. Бенджамин Гаррисон заболел гриппом, который не удалось остановить и последствием которого стало воспаление легких. Он скончался в своем доме в Индианаполисе в возрасте 68 лет. В этом же городе он был похоронен рядом с могилой его 1-й жены. 2-я жена Мэри прожила еще долгую жизнь, пережила обе мировые войны и скончалась в 1948 г. Она покойся рядом со своим супругом и его 1-й женой.

Бенджамин Гаррисон был предпоследним американским президентом, чье правление завершилось в XIX в. Он был инициатором ряда экономических и социальных мер, соответствовавших переходной эпохе, которые в период его пребывания в Белом доме не осуществились вообще или только начали робко проводиться. Но почти все его биографы отмечают личную честность президента.

Сложилось так, что Бенджамин Гаррисон оказался тем президентом, портрет которого запечатлен на наибольшем числе почтовых марок. Первая из них появилась в 1902 г., то есть уже через год после смерти бывшего президента. На ней воспроизведен портрет по фотографии, сделанной его женой Мэри. Всего до настоящего времени появилось шесть марок в его честь. В 1908 г. в Индианаполисе был воздвигнут памятник Гаррисону, созданный Чарльзом Найхаузом и Генри Бейконом. Именем Гаррисона назван крупный транспортный пароход.

В 1951 г. в доме Гаррисона в Индианаполисе был открыт мемориальный музей с архивом, доступным для исследователей.

О Бенджамине Гаррисоне многократно высоко отзывались последующие американские президенты, начиная с У. МакКинли и завершая Р. Рейганом — естественно, только представители Республиканской партии.

Основные издания:

Calhoun Ch. Benjamin Harrison. New York, 2005.

Moore Ch., Hale H. Benjamin Harrison: Centennial President. New York, 2006.

Socolofsky H., Spetter A. The Presidency of Benjamin Harrison. Lawrence, 1987.

УИЛЬЯМ МАККИНЛИ

29 января 1843 — 14 сентября 1901

25-й президент:

4 марта 1897 — 14 сентября 1901

Президентство Уильяма МакКинли-младшего (*William McKinley Jr.*) в современной американской историографии оценивается как переход от безуспешных и «случайных» президентов к двум эффективным государственным лидерам. Некоторые авторы считают его правление

своеобразным «введением» к годам правления Теодора Рузвельта — действительно одного из величайших руководителей США. МакКинли был уникальным в том отношении, что он был последним президентом, участвовавшим в Гражданской войне, и первым, чья исполнительная власть завершилась в XX в.

Уильям МакКинли был уроженцем штата Огайо, который дал (или с которым были связаны на протяжении многих лет) несколько высших деятелей США, о которых уже шла речь. Было ли это связано с какими-то особенностями штата, находящегося на Среднем Западе страны? Весьма сомнительно. По всей видимости, это была случайность, каковых в человеческой истории немало.

Родился Уильям в крохотном городке Найлз на севере этого штата. Хотя это скорее был не город, а большое село, здесь находился металлургический заводик, который давал гордым провинциалам основание считать Найлз промышленным центром. Отец будущего президента Уильям-старший был потомком англичан, шотландцев и ирландцев, которые иммигрировали в XVIII в., жили в Пенсильвании, где и появился на свет старший МакКинли. Семья переселилась в Огайо, когда он был ребенком. Здесь он, став взрослым, поступил на металлургическое предприятие рабочим, здесь он женился на Нэнси Аллисон, предки которой были англичанами. Оба они принадлежали к методистской церкви и требовали «методичного» соблюдения евангельских предписаний, проповедовали, что люди по природе грешны и поэтому должны соблюдать смирение. Свои верования родители передали Уильяму-младшему, который на протяжении всей жизни исправно посещал молитвенные дома методистов и заверял, что во всей своей деятельности руководствуется догматами этой церкви.

У Уильяма-младшего были пять сестер и трое братьев. Из них только сестра Абигейл умерла в раннем детстве, остальные прожили долгую жизнь. Сестры выходили замуж и занимались домашним хозяйством, братья были бизнесменами средней руки. Никто из них не занял видного общественного поста. Уильям родился седьмым.

В 1852 г., когда ему было девять лет, семья переехала в городок Поланд, который, видимо, когда-то основали какие-то поляки, но теперь там их не было, зато находилась семинария методистов, куда мальчика отправили учиться. Поландская семинария была небольшим средним учебным заведением для мальчиков, где в основе учебного процесса лежали основы христианской религии и морали. Наряду с этим изучались основы грамотности и арифметики, а также классические языки.

Уильям был добросовестным учеником, несмотря на хрупкое здоровье он участвовал в спортивных соревнованиях и в общественных организациях, которые, как и учителя, проповедовали равенство всех перед Богом и, следовательно, перед обществом. В 1859 г. он успешно окончил семинарию, а затем поступил в колледж Аллегейни в Пенсильвании. Это учебное заведение считалось высшим в том смысле, что давало знания в области «свободных искусств», а не только учило общеобразовательным предметам и религиозным постулатам. МакКинли проучился всего год. По всей видимости, он собирался продолжать здесь обучение, о чем свидетельствовало, что он был принят в известное студенческое объединение «Сигма, альфа, эпсилон», лозунгом которого были слова «Подлинные джентльмены». Но обучение было прервано в связи с болезнью и дурным душевным состоянием, связанным, видимо, с тем, что он, воспитанный методистами, стремился только к овладению максимумом знаний, тогда как его товарищи, люди молодые и озорные, позволяли себе всяческие вольности — от выпивок до общения с соблазнительными девицами. Возвратившись в родные пенаты, Уильям пытался продолжать образование, но семейные финансы были крайне скудными, и он был вынужден устроиться на работу. Сначала он служил почтальоном, доставляя в огромной сумке письма адресатам. Затем ему, имевшему все же какое-то образование, удалось устроиться учителем «всех предметов» в частную школу поблизости от Поланда.

Но все это продолжалось недолго. Когда в 1861 г. началась Гражданская война, МакКинли записался в отряд «гвардейцев из Поланда», став одним из инициаторов его создания. Ему было всего 18 лет, и на какую-либо командную должность рассчитывать не приходилось. Он начал войну рядовым, в ходе ее набирался военного опыта и получал невысокие офицерские звания.

«Гвардия Поланда», точнее, небольшая группа солдат и унтер-офицеров из этого городка, была принята в состав 23-го пехотного полка, сформированного в столице штата Коламбусе. Если к студенческой жизни в Пенсильвании МакКинли не смог привыкнуть, то солдатская служба пришлась ему по душе. Видимо, и здесь сказались методистские установки дисциплины и самоотдачи во имя долга и справедливости. Гражданская война, которая велась за единство нации и равенство всех жителей страны, включая черных, представлялась ему святым делом, которому следовало полностью себя посвятить.

Все же, видимо, военные занятия не были слишком обременительными, так как МакКинли нашел время и силы, чтобы

установить связь с несколькими местными газетами; он посылал в них корреспонденции о жизни и быте новобранцев. Это были первые опыты его публицистической деятельности. Статьи, имевшие форму писем, были наивными и стилистически слабыми, но звучали искренне и прославляли патриотический долг и армейскую службу. Порой между солдатами и офицерами возникали подобию конфликтов, связанные главным образом с тем, что тренировки проводились с устаревшим оружием и все продолжались и продолжались, тогда как шла война и надо было, по мнению Уильяма и его товарищей, отправляться на боевые позиции. Во время одного из таких конфликтов Уильям познакомился с майором Рутерфордом Хейсом, который смог убедить солдат, что командование поступает правильно, тщательно готовя их к предстоящему участию в войне. Стиль руководства, свойственный Хейсу, произвел впечатление на МакКинли, который попросил Хейса о встречах. Начинающий журналист рассчитывал использовать их в своих новых письмах в газеты. Так началась и все более укреплялась дружба с будущим президентом, которая продолжалась до смерти Хейса в 1893 г.

В июле 1861 г. полк, в котором служил МакКинли, был направлен в Западную Вирджинию, а в сентябре начались первые бои. Вскоре после этого на молодого грамотного солдата обратило внимание начальство, и он был переведен в штаб бригады, где стал заниматься снабжением своего полка боеприпасами и продовольствием. Ему было присвоено звание сержанта. Он был обрадован, когда узнал, что командиром его полка назначен старый знакомый Хейс, который вспомнил любознательного солдата и стал его покровителем. Вскоре сержант МакКинли возвратился в свой 23-й полк, который участвовал в многочисленных боях, терпел поражения и одерживал победы. Полк находился на передовой во время сражения при Энтитеме в сентябре 1862 г., которое считается одним из самых кровопролитных во время Гражданской войны. Ни одна вражеская пуля не задела МакКинли, который проявил безусловное мужество и элементарные командирские качества.

Зимой 1862/63 г. активные военные действия прекратились. Полк МакКинли расположился на зимние квартиры в городе Чарльстон (Западная Вирджиния), а сам Уильям вместе с несколькими другими унтер-офицерами был послан в Огайо с задачей провести набор в полк новых добровольцев. В Коламбусе МакКинли встретили как ветерана и почти героя, хотя, по его словам, никаких подвигов за ним не числилось — он лишь добросовестно выполняет воинский долг. Тем не менее губернатор штата Дэвид Тод своей волей присвоил ему звание 2-го лейтенанта и выдал

соответствующую грамоту, которую следовало предъявить командирам: понятие о субординации в США было довольно своеобразное.

Возвратившись на фронтовую линию, Уильям весной и летом 1863 г. и в 1864 г. участвовал в новых боях. МакКинли не раз врывался вместе со своими солдатами в окопы противника и заставлял его отступать. Несколько раз он руководил выполнением ответственных и сложных задач по отсечению частей Конфедерации от линий снабжения. Успешное выполнение заданий вело к продвижению по службе: МакКинли стал 1-м лейтенантом, затем капитаном, был прикомандирован к штабу бригады. Годы войны превратили его в квалифицированного офицера, с мнением которого считались даже генералы. Перед самым окончанием войны ему было присвоено звание майора. Командование предлагало ему остаться в регулярной армии офицером с перспективой быстрого продвижения к генеральскому званию. Но он вновь почувствовал себя в основном штатским человеком, отказался от соблазнительного предложения и возвратился в Огайо уже в феврале 1865 г.

Позже, правда, он не раз вспоминал годы войны и своих товарищей по оружию. Он вступил в ветеранскую офицерскую организацию — Легион верных, созданную в 1865 г., стал одним из ее руководителей в штате Огайо. Вместе со своими коллегами он в течение ряда лет работал над объемистым справочником, который был выпущен в 1886 г. в 12 томах под названием «Официальный регистр солдат штата Огайо в войне против повстанцев. 1861–1866». Историки высоко оценивают эту работу, важную для изучения Гражданской войны.

Став вновь человеком штатским, Уильям, подобно многим молодым людям, повзрослевшим на войне, стал все больше интересоваться политикой. Точно так же, как и другие будущие видные политики, он понимал, что наиболее благоприятный путь для вступления на общественное поприще — приобретение профессии юриста. Вначале он поступил на работу в юридический офис в Поланде. Поняв, однако, что серьезных знаний он там не приобретет, Уильям отправился в столицу штата НьюЙорк Олбани, где проучился около года в юридической школе, основанной в 1851 г. Это было самостоятельное высшее учебное заведение, поддерживавшее договорные связи с местным университетом. Расположенная рядом с Верховным судом крупнейшего штата и другими правовыми заведениями, работники которых являлись одновременно профессорами школы, она давала прекрасную правовую подготовку.

В марте 1867 г., возвратившись в Огайо, МакКинли сдал экзамен и был зачислен в коллегия юристов своего штата. Вслед за этим он создал в

небольшом городе под названием Кантон свою адвокатскую фирму. Вскоре МакКинли объединился с опытным юристом, бывшим судьей Джорджем Белденом. Объединенная контора быстро завоевала авторитет, клиенты вскоре стали рассматривать юристов как почти гарантию выигрыша в гражданском процессе. Реже фирма бралась за уголовные дела, но также ими не пренебрегала. МакКинли стал получать устойчивый доход, который позволил ему прибавить к юридическому бизнесу дополнительный — сдачу жилых помещений в аренду.

На главной улице Кантона, которая так и называлась *Main street* (Главная улица), он купил квартал небольших жилых домов, квартиры в которых нанимали на год или на более продолжительное время семьи среднего и малого достатка. О МакКинли стали говорить, что он — честный и добросовестный домовладелец, который не обманывает клиентов, идет им навстречу в случае необходимости, откладывая или даже понижая платежи. Доход от сдачи внаем жилья стал на много лет важным дополнительным средством обеспечения благосостояния становившегося все более известным адвоката.

МакКинли был обрадован, когда в Огайо возвратился его старший товарищ по Гражданской войне Р. Хейс, который был выдвинут на пост губернатора. Уильям включился в агитацию в его пользу вначале в графстве Старк (в него входил Кантон и его окрестности), а затем и в других графствах. Так уже в 1867 г. он практически вступил в политику, агитируя за Хейса и став вслед за ним активистом Республиканской партии. В самом графстве Старк влияние республиканцев и демократов было примерно равным. Когда МакКинли после избрания Хейса губернатором в 1868 г. сам решил попробовать попасть на выборную должность, он вначале был почти уверен, что из этого ничего не получится. Тем не менее в 1869 г. он выдвинул свою кандидатуру на должность прокурора-обвинителя своего графства, которую перед этим ряд лет традиционно занимал представитель Демократической партии. Неожиданно для себя он одержал победу, причем подавляющим большинством голосов. Явно сказалось доверие к МакКинли как к юристу и домовладельцу, а не как к представителю партии. Правда, через два года демократы выдвинули на эту должность другого известного местного юриста — Уильяма Линча, и МакКинли выборы проиграл.

Юридическая практика, частный бизнес домовладельца, вступление в политику сочетались с созданием семьи. В течение нескольких лет Уильям, которого близкие друзья называли Биллом, был знаком с Айдой, дочерью единственного крупного кантонского банкира Джеймса Сакстона, которая

считалась местной красавицей, не говоря уже о том, какой выгодной партией она могла оказаться для возможного супруга. Билл и Айда познакомились случайно на пикнике в 1867 г. Вскоре начались ухаживания, продолжавшиеся несколько лет. Принимая сватовство Уильяма, который был старше ее на четыре года, серьезно, Айда откладывала женитьбу, стремясь завершить образование в женской семинарии в штате Пенсильвания.

В январе 1871 г. Айда и Уильям обвенчались. Они любили друг друга, могли стать счастливой парой, но жизнь распорядилась иначе. В раннем возрасте умерли две дочери, которых трепетно любили супруги. После этого у Айды, которая и до брака не отличалась крепким здоровьем, начались приступы меланхолии, а затем и эпилепсии, которые с большим трудом поддавались лечению. Бывали случаи, когда эпилептические припадки происходили на публике. Она превратилась в инвалида. Уильям заботливо ухаживал за ней и тогда, когда стал занимать ответственные посты, в том числе и будучи президентом.

У Айды появилась мания: она желала, чтобы муж постоянно был рядом с ней. Это в какой-то мере ухудшило отношения между супругами, так как Уильям все активнее занимался политикой, а настойчивые требования жены этому отнюдь не способствовали. Но в меру сил он старался проводить время с женой. Позже, на приемах в Белом доме, присутствовавшие удивлялись, почему первая леди сидит рядом с президентом, хотя по протоколу должна быть в центре противоположной стороны стола.

Популярность МакКинли как адвоката и местного политика все более росла. Она получила новое звучание в 1876 г., когда он выступил защитником группы рабочих-шахтеров, обвиненных в драке со штрейкбрехерами, во время которой последним были нанесены тяжелые побои. Ораторское искусство МакКинли, его юридическая аргументация произвели такое впечатление на присяжных, что почти все обвиняемые (за исключением одного, в отношении которого имелись бесспорные доказательства жестокого избиения им штрейкбрехера) были оправданы. Итоги суда превратили МакКинли в кумира местного профсоюза шахтеров.

Этот процесс позволил юристу-политику приобрести еще одного друга и сторонника, причем в противоположном лагере. На суде несколько раз присутствовал миллионер из Кливленда Маркус Ханна, фирма которого владела, наряду с другими предприятиями, как раз теми шахтами, на которых работали подсудимые рабочие. МакКинли с его аргументацией настолько понравился предпринимателю, что он стал приглашать его в

гости, беседовать с ним на политические темы, а затем стал ярким приверженцем МакКинли во всех выборных кампаниях, жертвуя крупные средства в его фонды. Поддержка Ханна сыграла немалую роль в политическом продвижении Уильяма.

В том же 1876 г. МакКинли был выдвинут в Палату представителей Конгресса США. Номинируя его, участники съезда республиканцев штата Огайо апеллировали именно к тому, что за него, скорее всего, проголосуют «синие воротнички», то есть рабочие, прежде всего шахтеры. Эти предположения оказались верными: МакКинли стал депутатом Конгресса, а его покровитель Хейс был избран президентом США.

Теперь оказалось, что второй источник дохода Уильяма — жилые дома — был особенно важным: его депутатская заработная плата оказалась примерно вдвое меньше, чем гонорары адвоката.

МакКинли впервые появился в Конгрессе, когда новый президент Хейс созвал его внеочередную сессию, посвященную проблемам таможенных тарифов и национальной валюты. Будучи депутатом от Республиканской партии, Уильям занимал относительно самостоятельную позицию, подчас расходясь с большинством своей партии и даже с позицией президента. Он полностью поддержал введение протекционистских пошлин на ряд товаров, считая, что в результате этого выиграют в первую очередь мелкий бизнес и рабочие. Полностью поддержав Хейса по вопросу о введении высоких таможенных тарифов, МакКинли, считая себя представителем низов, разошелся с президентом в другой проблеме, будоражившей законодателей, — о валюте, о золотом или серебряном обеспечении бумажных денег. Если Хейс стремился полностью отказаться от серебра как валютной основы, то МакКинли присоединился к той группе конгрессменов, которая пыталась возродить серебро как важное платежное средство. На МакКинли обратили особое внимание, когда он, известный в вашингтонских кругах как друг президента и страстный сторонник его политики, выступил вдруг против президентского курса и предложил пересмотреть закон 1873 г., вводивший жесткий золотой стандарт. Конгрессмены стали говорить о МакКинли как о депутате, имеющем собственное мнение. Понятия депутатской партийной дисциплины и солидарности не существовало, хотя обычно голосование в палатах четко проходило по партийным фракциям. Отступление Уильяма от партийного курса не привело к отчуждению от него других депутатов-республиканцев. Сохранились хорошие отношения и с президентом, хотя Хейс был раздражен поведением своего сторонника. В 1878 г. на рассмотрение Конгресса был поставлен внесенный демократическим

большинством законопроект, обязывавший правительство закупить большую партию серебра для изготовления из него монет различной ценности. В отличие от подавляющего большинства республиканской фракции МакКинли голосовал за него. Закон был принят, президент наложил на него вето, которое было преодолено обеими палатами. В Палате представителей МакКинли голосовал вместе с большинством.

В последующие годы конгрессмен из Огайо многократно переизбирался. Он провел в палате 14 лет, до 1890 г. В 1878 г. он был избран в состав влиятельного комитета по финансово-бюджетным вопросам, носившим традиционное название Комитета по путям и средствам, не соответствовавшее реальному содержанию его работы. Комитет, образованный еще в 1795 г., в основном занимался проблемами бюджета, налогов как важнейшего средства бюджетных доходов, внешнеторговых тарифов и другими связанными с этим проблемами. Само же название объясняли тем, что этот орган должен был находить пути и средства пополнения бюджета.

Постепенно МакКинли приобретал опыт парламентской деятельности, овладевал хозяйственными знаниями, в чем ему на помощь приходили крупные бизнесмены, прежде всего Ханна, с которым он поддерживал дружеские отношения. Если во 2-й половине 70-х — 1-й половине 80-х гг. Ханна с его огромным капиталом и вытекавшими отсюда возможностями поддерживал нескольких республиканских политиков, то в следующие годы он сделал основную ставку именно на МакКинли, которого считал наиболее перспективным.

В 1889 г. МакКинли был избран председателем Комитета по путям и средствам, став, таким образом, одним из наиболее влиятельных конгрессменов. Руководство комитетом рассматривалось как возможный этап на пути к президентству — в разное время комитет возглавляли будущие президенты Дж. Полк и М. Филлмор.

Хотя в начале работы в Конгрессе у МакКинли возникали разногласия с большинством республиканской фракции, постепенно расхождения сгладились. Позже он стал одним из наиболее жестких приверженцев высоких тарифов, что полностью совпадало с позицией фракции и республиканских президентов. Когда же президентом был демократ Кливленд, МакКинли фактически возглавил оппозицию попыткам резко понизить ввозные пошлины, к чему стремился президент, и сыграл ведущую роль в том, что понижение пошлин оказалось минимальным. В начале 1890 г. МакКинли при помощи нескольких других конгрессменов от Республиканской партии подготовил проект закона о ввозных пошлинах,

который резко повышал их тарифы, на некоторые товары более чем на 50 %. В нем были некоторые важные новации по сравнению с прежними протекционистскими планами и актами. Наряду с общим повышением таможенных тарифов он отменял ввозные пошлины на сахар, чай, кофе и некоторые другие товары, но предоставлял президенту право восстановить их в отношении тех стран, которые вводят «неравные и неразумные пошлины» на американские товары. Цель состояла в том, чтобы побудить другие страны понизить тарифы на основе взаимности. Ясно было, что исполнительной власти предоставлялась возможность использовать проблему пошлин в политических целях. Принятый обеими палатами и подписанный 1 октября 1890 г. президентом Гаррисоном, этот закон стал известен как «тариф МакКинли». Правда, закон действовал недолго: в 1894 г. он был заменен по инициативе президента-демократа Кливленда новым актом, вновь снижающим пошлины. МакКинли же прочно вошел в политическую практику, в лексикон публицистов как автор протекционистского законодательства.

Одновременно Уильям становился все более влиятельным деятелем Республиканской партии. Он участвовал в ее предвыборных съездах, выступал на них, поддерживая того или иного кандидата. Его избирали председателем комиссии по подготовке предвыборной платформы. Бывали случаи, когда он председательствовал на заседаниях. На съездах, как и в Конгрессе, доминировала тема таможенных тарифов. Она была опасной и противоречивой, так как и у сторонников, и у противников покровительственных пошлин были свои сильные и слабые стороны аргументации. «Таможенные качели» продолжали свое движение, и каждый их наклон в ту или иную сторону отражался на судьбах сторонников и противников.

В 80-е гг. в выборных органах штата Огайо большинство обычно получали демократы, выступавшие против высоких пошлин. МакКинли продолжали избирать в Конгресс, но каждый раз со все бóльшим трудом. На выборах 1890 г., когда президентом стал демократ Кливленд, его сторонники в Огайо приложили большие усилия, чтобы провалить МакКинли. Его возможное неизбрание в Конгресс рассматривалось как серьезная неудача Республиканской партии. Это понимали и сами республиканцы. В штате, в частности в городе Кантоне, особенно близком МакКинли, столкнулись лучшие пропагандистские силы обеих партий. Сюда даже приехал президент Гаррисон, чтобы поддержать своего сторонника. Сам МакКинли усиленно отстаивал свой тариф как защиту трудовых американцев. Он вновь, как и в первые месяцы своей работы в

Конгрессе, сильно преувеличивал его смысл, вплоть до того, что в одной из речей заявил: «Они [высокие тарифы. — *Авт.*] принесут нашей стране процветание, которого не было в нашей истории и несравнимое с историей всего мира».

Агитаторы Демократической партии ответили на это ходом весьма оригинальным. Выдвинув в Палату представителей пользовавшегося авторитетом вице-губернатора Джона Уорика, они наняли массу разносных торговцев, которые стали посещать дома жителей Кантона и окрестных городов и поселков, предлагая купить дешевую жестяную посуду, которая ранее продавалась за мелкую монету, по двойной цене. Когда же возмущенные жители спрашивали, откуда взялось такое стремительное повышение цен, проинструктированные торговцы отвечали, что связано это с пошлинами МакКинли. Слабо разбиравшиеся в экономических делах, но стремившиеся сберечь каждый цент обыватели во многих случаях воспринимали такую «наглядную агитацию» всерьез и на выборах голосовали против человека, который заставлял их тратить лишние деньги. В результате МакКинли проиграл очередные выборы, незначительно, всего примерно на 300 голосов, отстав от Уорика.

МакКинли, однако, подготовил убедительный ответ. Используя щедрую помощь М. Ханны и развернув, в свою очередь, агитацию с использованием самых разнообразных «наглядных», хотя в значительной мере обманных методов, МакКинли в 1891 г. был избран губернатором Огайо. Его мало волновал тот факт, что в этом штате губернатор имел относительно небольшую власть, мог, например, только рекомендовать к принятию те или иные законы, но не обладал правом вето. Больше заботило то, что сложилось на протяжении последних десятилетий: волей судьбы этот среднеамериканский штат играл важную роль в выдвижении на первый план деятелей общенационального масштаба, в том числе и последнего президента от Республиканской партии Гаррисона.

В качестве губернатора МакКинли, провозгласивший необходимость плодотворного сотрудничества предпринимателей и наемных рабочих, выступил инициатором закона о создании арбитражных советов, на рассмотрение которых передавались диспуты между бизнесменами и профсоюзами. Закон был принят. Арбитражные советы получили даже право налагать штрафы на тех владельцев предприятий, которые нарушили свои соглашения с профсоюзами. По существу, именно в Огайо начала зарождаться практика коллективных договоров предпринимателей с рабочими объединениями. Хотя на деле это положение закона о штрафах предпринимателей никогда не применялось, губернатору была обеспечена

поддержка профсоюзов, входивших в АФТ. В 1893 г. МакКинли был переизбран губернатором, на этот раз подавляющим большинством голосов.

Нет точных сведений, когда именно Уильям МакКинли стал задумываться по поводу номинации на высший пост исполнительной власти. Можно полагать, что именно это он имел в виду, когда, потерпев поражение 1890 г., выдвинул свою кандидатуру в губернаторы Огайо. Став губернатором, он стремился расширить свое влияние за пределы штата, заботился, чтобы информация о его достижениях распространялась через печатные органы по всей стране. Эффективную помощь в этом продолжал оказывать М. Ханна, который сам стал сочетать предпринимательскую активность с политическими амбициями. Вскоре он станет сенатором и в этом качестве будет разносторонне поддерживать МакКинли.

Во время избирательной кампании 1892 г. кандидатура МакКинли вначале фигурировала в списке претендентов на номинацию, но после первых туров, в которых он оказался на третьем месте, Уильям отказался от выдвижения. Следующие четыре года значительно укрепили его положение в партии.

Республиканский предвыборный съезд 1896 г. состоялся в городе Сент-Луисе (штат Миссури) 16–18 июня. Хотя были выдвинуты и другие кандидаты, МакКинли, взявшего в качестве кандидата в вице-президенты представителя индустриальных штатов восточного побережья Гаррета Хобарта, который был председателем Сената штата Нью-Джерси, выиграл номинацию уже в первом туре. Можно не сомневаться, что наряду с поддержкой организованных квалифицированных рабочих в лице АФТ в номинации сыграл свою роль крупный капитал, привлеченный Ханной, который являлся руководителем всей кампании. Он получил на съезде 661 голос, тогда как остальные пять кандидатов собрали в совокупности 239 голосов.

Кандидатом Демократической партии неожиданно оказался молодой демагог Уильям Брайан, который воспользовался нестабильной экономической ситуацией, порожденной рыночной паникой 1893 г., снижением доходов предпринимателей, ростом безработицы, рядом забастовок, сопровождавшихся насилиями. Брайан провозгласил себя сторонником «свободного серебра», уверяя избирателей, что при помощи этого могучего средства можно решить все хозяйственные проблемы. Агитация Брайана, его моралистская риторика, его безответственные заявления, включавшие фальшивую статистику (часто цифры, просто выдуманные на ходу, вслед за этим опровергались специалистами),

свидетельствовали, что в Демократической партии порой к руководству приходили отъявленные демагоги, стремившиеся к власти любой ценой.

В противоположность Брайану МакКинли проводил избирательную кампанию спокойно, не покидая своего штата, в котором он перед этим прекратил исполнение губернаторских полномочий. Подобно ироническому термину по поводу избирательных кампаний Кливленда, агитацию МакКинли часто называли «выступлениями у своего порога». Впрочем, по существу дела, личное участие МакКинли в кампании носило общенациональный характер, так как «на пороге дома» он ежедневно принимал делегации со всей страны. Перед каждой делегацией МакКинли выступал с краткой речью, а затем вручал делегатам дешевые сувениры, подготовленные заранее в большом количестве.

Вначале Ханна вел переговоры с влиятельными сенаторами и членами Палаты представителей о поддержке МакКинли с обещаниями выгодных назначений и других преимуществ. Когда сведения об этом стали попадать в прессу, номинант проявил волю, строжайше запретив подобные махинации. Ханна оставался главным организатором кампании, но сосредоточил теперь внимание на создании своего рода консервативной коалиции, основанной на золотом стандарте и покровительственных внешнеторговых тарифах. В коалицию входили представители крупного индустриального капитала, успешные фермеры, квалифицированные рабочие, значительная часть лиц свободных профессий. Наиболее сильные позиции она заняла в штатах восточного побережья и запада страны, отчасти в северной части центральных штатов, главным образом вокруг Чикаго и в Огайо. Опорой Брайана, вопреки его ожиданиям, оказался менее развитый юг, горные штаты с их бедным, частично разоряющимся фермерством, южная часть центральных штатов, которая также в наибольшей степени пострадала от хозяйственных неурядиц.

Республиканская партия организовала, помимо выступлений ее представителей в ходе кампании, то, что Ханна назвал «образовательной кампанией». Были напечатаны и разосланы по домам избирателей и по всяким другим адресам, в ряде случаев по несколько раз, брошюры, общий тираж которых составил около 250 млн экземпляров (и это при населении на рубеже XX в., включавшем младенцев, 76 млн человек!). В брошюрах популярно объяснялось, в чем, по мнению авторов, состояли преимущества высоких тарифов и золотого стандарта.

Результатом было почти триумфальное возвращение республиканцев к власти. МакКинли получил почти на 2 млн голосов больше, чем Гаррисон на предыдущих выборах. Всего за него голосовали чуть более семи млн

человек, тогда как за Брайана — 6,5 млн. Как уже бывало, положение в коллегии выборщиков было иным — МакКинли поддержал 271 выборщик, а Брайана — 176.

Приступив, согласно традиции, к исполнению президентских обязанностей в начале марта 1897 г., МакКинли сразу же попытался продемонстрировать, что он намерен «оживить» президентскую администрацию, которая, по его мнению, была скомпрометирована властью демократов в предыдущие четыре года. Начал он с того, что объявил Белый дом местом, куда может обратиться с вопросом любой американец. Разумеется, это была очередная демагогическая акция, которая свелась к организации нескольких приемов представителей разных групп населения в резиденции президента.

Вместе с тем была предпринята успешная попытка установить хорошие отношения с прессой. Впервые был создан репортерский пул, то есть группа журналистов, на постоянной основе освещающих деятельность президента и его администрации. Для этой группы было отведено специальное помещение в Белом доме. Кроме того, регулярно стали проводиться пресс-конференции первого лица, на которых МакКинли иногда «проговаривался», то есть как бы случайно, а на самом деле заранее обдуманно сообщал журналистам сведения, которые до этого хранились в тайне. Попасть на встречу в Белый дом стремились тысячи журналистов, получавшие же доступ воспринимали это как награду за труды и расхваливали президента.

МакКинли подбирал свой кабинет министров традиционным способом, учитывая соотношение групп в Республиканской партии, позиции по основным вопросам, предыдущие связи и дружбу и, к сожалению в меньшей мере, деловые качества. В подборе кадров он не проявил должного понимания различных факторов, влиявших на назначения. Впрочем, как правило, это проявлялось не сразу, и ошибки приходилось устранять новыми назначениями.

Особо важным вначале считалось назначение сенатора от Огайо Джона Шермана государственным секретарем. Президент исходил из того, что имя этого деятеля было широко известно как инициатора ряда важных законов (в том числе антитрестовского закона 1890 г.), как неоднократного кандидата на президентский пост. Но с этим назначением МакКинли ошибся. Весьма пожилой (ему было 74 года) сенатор не проявил активности и к тому же был мало знаком с внешнеполитическими проблемами. Не смещая Шермана со своего поста, МакКинли назначил заместителем госсекретаря старого знакомого по Кантону Уильяма Дея.

Именно он фактически исполнял функции своего номинального руководителя. Через год Шерман ушел в отставку и Дей стал госсекретарем. Но теперь у него возникли разногласия с президентом, так как госсекретарь высказывался за умеренные территориальные требования по итогам войны с Испанией, а президент желал больших приобретений.

Военным секретарем вначале стал Рассел Алджер, ветеран Гражданской войны и губернатор штата Мичиган. Но он не проявил организаторских данных и был заменен известным юристом из штата НьюЙорк Элиху Рутом, проявившим большую инициативу, в частности в расширении сети военно-учебных заведений, подчинении Национальной гвардии федеральным властям и вообще наведении порядка в вооруженных силах.

Уже вскоре после прихода в Белый дом МакКинли предпринял усилия по проведению в жизнь требований своей партии касательно таможенных тарифов. В июле 1897 г. был принят закон об общем повышении пошлин и снижении их на взаимных началах в отношениях с другими государствами. Попробовав вначале по старой памяти ввести двойную — золотую и серебряную базу для всех валютных операций, президент вскоре отказался от подобных опытов и возвратился к традиционной политике республиканцев, активно поддержав закон о золотом стандарте, который в окончательном виде был принят в марте 1900 г. Закон объявлял золото единственным стандартным платежом, свободно обмениваемым на бумажные деньги и другие государственные или одобренные государством платежные обязательства, категорически запрещал биметаллизм, то есть использование серебра в качестве платежа.

В центре внимания МакКинли находились вопросы внешней политики. Первой проблемой стала судьба Гавайев, ставших фактически полуколонией США. В 1-й половине 90-х гг. на Гавайи началось массовое переселение из Японии. Американские власти опасались, что за этим может последовать любая неожиданность, в том числе прямое изменение ориентации вплоть до признания японского суверенитета над архипелагом. В начале 1897 г. с властями Гавайев было договорено о присоединении к США вначале на правах территории с перспективой в неопределенном будущем превращения в штат. В июле того же года проект договора был направлен в Сенат, где для утверждения такого рода документа требовалось большинство в 2/3.

МакКинли считал исключительно важным включение Гавайских островов в США с геополитической и стратегической точек зрения, особенно в свете назревавшей войны с Испанией. Однако в Сенате он

встретил противодействие, главным образом со стороны тех, кто был связан с производителями сахара. Они опасались конкуренции гавайских сахарозаводчиков и падения цен. Была использована петиция неких гавайских деятелей (под ней стояли 38 тыс. собранных ими подписей), которые возражали против присоединения. Сторонникам МакКинли пришлось проводить «индивидуальную работу» с членами Палаты представителей и Сената, постепенно привлекая их на свою сторону. В результате был внесен второй проект резолюции депутата от штата Невада Френсиса Ньюлэнда, выдержанный в более осторожных тонах, согласно которому создавалась комиссия для выработки окончательного статуса и законов Гавайев в рамках США.

Фактически это означало аннексию островов. МакКинли подписал резолюцию 7 июля 1898 г. 12 августа состоялась передача власти над Гавайями американской администрации. Формально Гавайи становились не колонией, а территорией США. Более того, когда комиссия, назначенная Конгрессом, представила свой доклад, вновь возникли возражения против обладания архипелагом. Обосновывались они и доктриной Монро, и опасениями, что часть территории США окажется под властью цветного населения. Все же в 1900 г. Конгресс одобрил Органический закон Гавайев, определивший их статус как территории США с выборным управлением. Это была победа МакКинли.

Наиболее серьезной проблемой, с которой столкнулся новый президент, было положение на Кубе. Здесь с 1895 г. шли военные действия между местными повстанцами и испанской армией. Во главе восстания стоял журналист и поэт Хосе Марти, почитаемый на острове по сей день. Хотя Марти в том же году погиб в бою, восстание продолжилось. Главными средствами борьбы против него испанские власти сочли экономическое удушение населения и прямой террор. Была разработана специальная программа, согласно которой на Кубе создавался искусственный голод. Стороны были непримиримы, никакие компромиссные решения их не устраивали. Повстанцы добивались независимости острова, испанцы считали его составной частью своей монархии, а кубинцев испанцами, поднявшими бунт.

Тем временем в США по всей стране проходили митинги в поддержку повстанцев, выдвигались требования войны с Испанией за освобождение Кубы. Под влиянием этой шумихи МакКинли, который вначале занимал осторожную позицию, вынужден был оказывать все большее дипломатическое давление на испанские власти, требуя автономии Кубы. Такая позиция, однако, кубинских повстанцев не устраивала: они

продолжали требовать полной независимости. 1898 год начался резким обострением обстановки на Кубе. Испания формально объявила автономию острова, но одновременно начала направлять карательные отряды в районы, где продолжалось сопротивление.

МакКинли решил действовать с позиции силы. К берегам Кубы был направлен броненосный крейсер «Мэн», само присутствие которого в порту Гаваны должно было продемонстрировать испанской монархии озабоченность правительства США ее политикой на острове. 15 февраля на крейсере произошел большой силы взрыв. Сразу погибли 253 человека и еще восемь вскоре скончались от ран. Моментально стали распространяться сведения, что корабль был поражен испанской миной. Позднейшие расследования доказали необоснованность этой версии, скорее всего, произошел несчастный случай, однако подавляющее большинство американских политиков, а затем и граждан США поверили, что имела место диверсия испанцев.

МакКинли направил в Мадрид резкую ноту, требуя немедленного подписания перемирия с повстанцами и угрожая в противном случае прямым вмешательством. Испанцы отвергли вмешательство, хотя предложили провести переговоры, стремясь оттянуть конфликт. 11 апреля МакКинли обратился с посланием к Конгрессу, в котором фактически призвал законодателей одобрить любые действия президента, которых потребует складывавшееся положение. Это означало, что президент был готов начать против Испании войну за Кубу. 19 апреля была принята резолюция, предоставляющая президенту право прямого вмешательства в кубинские дела, если этого потребует развитие событий.

Явно не учитывая соотношения сил, Испания ответила разрывом дипломатических отношений с США, а затем и объявлением войны. 25 апреля по предложению президента Конгресс одобрил объявление войны Испанской монархии. Обе стороны твердили, что не преследуют агрессивных целей, а защищают жизненные интересы своих стран. В этом смысле МакКинли выступал не только в Конгрессе, но и перед журналистами. Страна была охвачена ура-патриотическим угаром.

С санкции президента дополнительно были предприняты новые пропагандистские усилия. В газете «Нью-Йоркский утренний журнал» (*New York Morning Journal*), принадлежавшей набиравшему силу газетному магнату Уильяму Херсту, появился репортаж с Кубы. Корреспондент сообщал, как сам при помощи веревочной лестницы героически освободил из тюрьмы на Кубе то ли юную участницу антииспанского восстания, то ли дочь такового участника, и эта информация перепечатывалась по всей

стране. В честь «героини» (через некоторое время оказалось, что это была местная проститутка, отбывавшая срок за участие в мелком преступлении) и ее освободителя устраивались пышные демонстрации. Девицу привезли в Вашингтон, и МакКинли принял ее на самом высоком уровне.

Война продолжалась чуть более трех месяцев. Несмотря на то, что сухопутные силы США, высадившиеся на Кубе, не проявили высоких боевых качеств (ВМФ действовал успешнее), отсталая Испания оказалась еще менее подготовленной к войне. Уже 1 мая американская эскадра commodora Джорджа Дьюи одержала победу в Манильской бухте (Филиппины). Хотя местные вожди стремились к независимости, МакКинли проводил курс на превращение Филиппин в американскую колонию и распорядился беспощадно подавить повстанцев.

Но основные военные действия разворачивались на Кубе. Президент с удовлетворением выполнял обязанности Верховного главнокомандующего. В Белом доме был создан командный пункт, оснащенный телеграфом, с детальными картами местности, постоянно проводимыми совещаниями министров. Придирчивая американская пресса признавала, что при всех ошибках и неорганизованности, проявлениях трусости со стороны отдельных генералов война была выиграна в значительной мере благодаря жесткому руководству со стороны президента. В этом было известное преувеличение, но то, что президент лично руководил операциями, сомнений не вызывает.

Испанский гарнизон Сантьяго-де-Куба капитулировал 17 июля. Вслед за этим сдались испанские войска на соседнем острове Пуэрто-Рико. Правительство Испании запросило переговоров о мире. Они начались в Вашингтоне 26 июля при посредничестве посольства Франции. МакКинли потребовал крупных уступок со стороны Испании. В середине августа ее правительство согласилось отказаться от Кубы и Пуэрто-Рико и передать судьбу Филиппин на рассмотрение мирной конференции. Конференция была созвана в Париже, и 10 декабря 1898 г. был подписан мирный договор, подтвердивший полную победу США. Испания признала независимость Кубы, передавала США Филиппины, острова Гуам и Пуэрто-Рико. США становились колониальным государством. В левой международной журналистике испано-американскую войну 1898 г. стали называть первой войной, носившей империалистический характер, то есть войной за передел уже поделенного колониального мира.

Как это ни удивительно, в Конгрессе нашлись депутаты, которых по различным причинам не устраивали условия Парижского мира, и его ратификация Сенатом находилась под вопросом. Одни считали, что США

должны были потребовать крупную денежную контрибуцию от Испании, другие выражали уверенность, что заморская империя стране не нужна, что она только отяготит американскую казну. И теперь МакКинли проявил качества сильного лидера. Он отправился на юг, где произнес ряд речей, доказывавших, насколько благоприятны условия мира для индустриального развития южных штатов. В результате большинство демократической фракции Конгресса высказалось в пользу условий мирного договора. 6 февраля 1899 г. Сенат ратифицировал Парижский договор.

Умиротворение новых территорий давалось нелегко, особенно на Филиппинах, где весной 1899 г. было введено военное управление и проводилось жестокое подавление выступлений повстанцев. МакКинли удалось во 2-й половине 1899 г. перейти к гражданскому управлению островами путем образования Филиппинской комиссии, однако в разных частях островов из-за вспыхивающих волнений приходилось то вновь вводить, то отменять военное положение. Лишь в начале 1900 г. удалось образовать более или менее прочное управление островами.

Другой важной послевоенной проблемой стало умиротворение Кубы. МакКинли не собирался включать остров в состав США. Это запрещало и соответствующее решение Конгресса — поправка сенатора Генри Теллера к резолюции об объявлении войны Испании, в которой говорилось, что вступление войск США на территорию Кубы не должно привести к аннексии острова, а ставит своей целью передать власть ее народу. В то же время МакКинли был убежден, что США должны обеспечить себе решающее влияние на этом острове, находящемся в непосредственной близости от американской территории, на который издавна претендовали военные круги и часть бизнеса. Президент опасался, что на Кубу начнется проникновение европейских стран. Военно-политический и юридический механизм был найден в документе под названием «поправка Платта».

В течение трех лет после войны с Испанией Куба находилась под американской оккупацией. Военные власти по указаниям президента провели ряд реформ. Католическая церковь была отделена от государства, введен гражданский брак, проведены санитарные мероприятия и главное — распущена повстанческая армия. В апреле 1900 г. был принят закон о предоставлении избирательного права мужчинам начиная с 21 года, умеющим читать и писать и владеющим хотя бы каким-то имуществом. Было создано Учредительное собрание, которое приступило к подготовке конституции. Все было бы отлично, но оставить остров на произвол судьбы, точнее, предоставить ему полную самостоятельность американское руководство и прежде всего президент абсолютно не желали. В

соответствии с фактическим указанием президента сенатор от штата Коннектикут Орвилл Платт в феврале 1901 г. внес дополнение (поправку) к законопроекту о выделении средств на содержание американских вооруженных сил на Кубе. Поправка была утверждена обеими палатами, а 2 марта 1901 г. ее подписал МакКинли. В документе было восемь пунктов, но главными были 3-й и 7-й. Они соответственно предусматривали, что США имеют право на интервенцию «для охраны независимости Кубы, поддержания правительства, способного защитить жизнь, собственность и свободу личности», а Гавана обязывалась предоставить США землю под военно-морские базы и угольные концессии.

На Кубе поправка Платта была воспринята с недовольством. Различные силы — не только бывшие повстанцы, но и имущие круги — считали, что страна может превратиться в полуколонию США. МакКинли пришлось идти на умиротворение. 25 апреля 1901 г. он принял делегацию Учредительного собрания Кубы, которой обещал, что после принятия поправки кубинскими властями и внесения ее текста в договор с США Кубе будут предоставлены тарифные уступки. 12 июня Учредительное собрание специальным документом согласилось с поправкой Платта, 20 июня была провозглашена независимость Кубы, а в мае 1903 г., уже при новом президенте Теодоре Рузвельте, был подписан американо-кубинский договор, в текст которого полностью включили поправку Платта, а другими статьями были введены сниженные пошлины на кубинский сахар и на поставляемые на Кубу американские товары. Вслед за этим на территории Кубы стали создаваться американские военные базы.

В области внутренних дел МакКинли был значительно более сдержан. В 1899 г. своим исполнительным распоряжением он расширил перечень государственных должностей, для зачисления на которые требовались конкурсные экзамены. Несколько активнее по его распоряжению стали выполняться требования антитрестовского закона. По этому поводу президент выступал несколько раз, подчеркивая свое враждебное отношение к «трестовской практике», ведущей к повышению цен и ухудшению положения рядовых американцев. Был проведен ряд судебных процессов, решения которых предусматривали роспуск объединений, имевших признаки монополий, хотя в полном смысле монополиями не являвшихся.

Следующий, 1900 год был годом очередных президентских выборов. Перспективы переизбрания МакКинли были благоприятными. Главным его козырем был успешный итог войны 1898 г., превращение США в колониальную державу, фактическое овладение Кубой. К тому же после

смерти в 1899 г. вице-президента Г. Хобарта МакКинли стал подумывать о том, чтобы баллотироваться вместе с Теодором Рузвельтом, который участвовал в военных действиях 1898 г., проявил мужество, а затем успешно руководил штатом НьюЙорк в качестве его губернатора. Правда, МакКинли предупреждали, что Рузвельт — человек властный и может стать помехой столь же властному МакКинли, но преимущества сотрудничества с Рузвельтом перевесили опасения. Окончательно МакКинли склонился к этому накануне съезда Республиканской партии, который проходил в Филадельфии 19–21 июня. МакКинли и Рузвельт были выдвинуты уже в первом туре. Соперником стал, как и на предыдущих выборах, Уильям Брайан.

В оставшиеся до выборов месяцы шли острые дискуссии, главным образом по внешнеполитическим вопросам. Брайан выступал с антиимпериалистических позиций, тогда как МакКинли энергично защищал присоединение новых территорий и превращение США в океанскую и колониальную державу. Был выдвинут кандидат Социал-демократической партии Америки Юджин Дебс. Впоследствии Дебс и другие социалистические (а затем и коммунистические) кандидаты неоднократно выдвигались на президентский пост, но никогда не собирали ни в одном штате голосов, необходимых для утверждения хотя бы одного выборщика.

Республиканские кандидаты на высшие исполнительные должности получили немногим более 7,2 млн голосов (51,6 %), тогда как демократические номинанты — 6,3 млн (45,5 %). За республиканцев были 292 выборщика (65,3 %), за демократов — 155.

У МакКинли были обширные планы касательно второго президентского срока. Он говорил французскому послу, что собирается покончить с устаревшей традицией, согласно которой президент США не имеет права выезжать за пределы своей страны вплоть до завершения своего срока. В качестве демонстрации отказа от таковой традиции он собирался посетить прежде всего Кубу. Он намеревался продолжить практику заключения тарифных соглашений с другими странами, шире применять антитрестовское законодательство. Однако осуществление этих планов в той мере, в какой они совпадали с их намерениями, пришлось на долю преемников.

Пятого сентября 1901 г. МакКинли приехал в город Буффало, где собирался выступить на открывшейся здесь панамериканской выставке. На следующий день в одном из павильонов должен был состояться президентский прием: всем желающим предоставлялась возможность

пожать руку президенту. В выстроившуюся очередь попал и человек, решивший убить МакКинли. Это был 28-летний поляк Леон Чолгош, недавно потерявший работу и посещавший собрания анархистов. Наслушавшись там речей об эффективности индивидуального террора, он решил воплотить их в жизнь. Спрятав пистолет под платок, которым обмотал руку, Чолгош, когда подошла его очередь, произвел в МакКинли два выстрела и был сбит с ног.

Президент был доставлен в местную больницу, в которой было установлено, что одна пуля, попавшая в живот, задела жизненно важные органы и застряла в спине. Состояние раненого было тяжелым, но вначале опасений за его жизнь не было.

Чолгош же, отправленный в полицию, высказал удовлетворение, что убил, как он полагал, лидера насильственной империи. Преступник был приговорен к смертной казни, приведенной в исполнение на электрическом стуле, который стал использоваться для этой цели взамен повешения.

Принятые медиками меры, казалось, были эффективными. Но 12 сентября врачи допустили ошибку, разрешив МакКинли принимать твердую пищу. Он же, проголодавшись, явно злоупотребил ею. Была растревожена рана в желудке, состояние стало быстро ухудшаться. 13 сентября президент потерял сознание, а на следующий день скончался. После прощания в Буффало, а затем в Вашингтоне гроб с телом покойного президента был отправлен специальным поездом в Огайо, где состоялись похороны на городском кладбище Кантона. Рядом с могилой Уильяма МакКинли позже была похоронена его супруга Айда. В 1907 г. над могилой был сооружен монумент, который был открыт президентом Т. Рузвельтом.

В честь МакКинли была названа гора Денали на Аляске, высочайшая точка Северной Америки. Портрет президента помещен на 500-долларовой банкноте. Памятники МакКинли можно увидеть во многих городах США, граждане которых чтут память этого президента. Но так поступают не всегда. В апреле 2018 г. в городе Арката (Калифорния) по решению местных властей была снесена статуя МакКинли, который, по словам постановления этих властей, «оскорблял, насиловал и убивал представителей коренного населения». Само по себе это клевета на МакКинли, который ни сам, ни посредством кого-либо никого не оскорблял, не насиловал и не убивал. К тому же, кто именно имелся в виду под «коренным населением», в этом постановлении не указывалось. По всей видимости, имелись в виду афроамериканцы, которые отнюдь не являлись «коренным населением» США (преследование коренного населения — индейцев — завершилось задолго до президентства

МакКинли). К огромному сожалению, это отнюдь не единственный варварский акт тех псевдогосударственников, которые вместо изучения истории выдвигают на первое место пресловутую «политическую корректность», оборачивающуюся воинствующей безграмотностью и нетерпимостью к инакомыслящим, а в конечном счете во многих случаях дискриминацией белого населения.

Основные издания:

Merry R. President McKinley: Architect of the American Century. New York, 2017.

Morgan H. William McKinley and His America. Kent, Ohio, 2003.

Phillips K. William McKinley. New York, 2003.

ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ

27 октября 1858 — 6 января 1919

26-й президент:

14 сентября 1901 — 4 марта 1909

Мировой полицейский. Карикатура на Т. Рузвельта

Президентство Теодора Рузвельта (*Theodore Roosevelt*) было одним из наиболее динамичных периодов новой американской истории. Рузвельт в полной мере использовал исполнительную власть во имя модернизации США, превращения их в быстроразвивающееся общество и в великую державу, активно действующую на мировой арене. Рузвельт искренне верил, что своевременные прогрессивные меры смогут предотвратить опасные радикальные, тем более революционные изменения в жизни американского общества.

Изложить биографию Теодора Рузвельта в кратком очерке невероятно трудно, и авторы позволили себе ограничить рассказ о его допрезидентских годах лишь перечислением основных вех.

Допрезидентская карьера человека, родившегося в семье нью-йоркского бизнесмена средней руки, носившего то же имя, что и его сын,

включала такие разнообразнейшие виды занятий, как изучение права в Колумбийском университете в Нью-Йорке, жизнь в глубокой провинции в Дакоте в качестве ковбоя, работа комиссаром полиции в Нью-Йорке, подготовка флота США к войне в качестве заместителя секретаря по делам ВМФ, командование знаменитым полком отчаянных всадников-добровольцев на Кубе во время войны 1898 г., губернаторство в крупнейшем штате НьюЙорк.

Уже в молодости Теодор проявил большие способности: у него была великолепная память, он овладел скорочтением и мог прочитать сотни страниц книжного текста за несколько часов. Он профессионально занимался американской историей, в частности историей продвижения США на запад, в молодости увлекался ботаникой и стал автором научной публикации о бабочках и других насекомых. Это был человек яркий и самобытный во многих отношениях. Он оказался самым молодым президентом страны. В то же время Рузвельт был политиком до мозга костей, способным использовать складывавшиеся обстоятельства к собственной выгоде и к выигрышам для своих сторонников.

Когда в Буффало анархист произвел выстрелы в президента МакКинли, вице-президент находился на отдыхе. Он охотился в горах, а затем просто путешествовал по горному массиву Адирондак на севере штата НьюЙорк. Ему с большим трудом передали сообщение о ранении президента. Когда Теодор смог добраться до Буффало, МакКинли находился уже при смерти. 42-летний Рузвельт 14 сентября 1901 г. принес присягу в качестве нового президента. 22 сентября он с женой Эдит, ее родителями и шестью детьми переселился в Белый дом.

Ко времени вступления Рузвельта на пост президента в США в основном сложилось политическое течение, получившее название прогрессизма. Его сторонники стремились положить конец коррупции, наладить деловые методы управления страной, полностью следовать антитрестовскому законодательству и расширять его, начать постепенное преодоление дискриминации цветного населения, прекратить расхищение природных ресурсов. Рузвельт относил себя к прогрессистам, по поводу чего высказывался еще в бытность губернатором и вице-президентом. Теперь же, став президентом, он посчитал необходимым осуществить идеи прогрессизма в национальном масштабе, преодолевая сопротивление тех членов Конгресса, в основном депутатов от Демократической партии, которые отстаивали сугубую автономию отдельных штатов, прежде всего южных.

Формулируя свою программу действий, Рузвельт провозгласил

необходимость сильной исполнительной власти. Только такая власть, по его убеждению, могла наладить деловое сотрудничество различных социальных элементов формировавшегося индустриального общества. Речь шла о взаимоотношениях между бизнесом и рабочими организациями, бизнесом и потребителями, ветвями государственной власти, предпринимательскими, рабочими и другими общественными организациями.

Для реализации программы необходима была команда единомышленников, которой Рузвельт вначале не имел. Став очередным «случайным» президентом, он просто не имел времени для подготовки к высшей должности. Вначале определенное влияние на него оказывал М. Ханна, которого Рузвельт «унаследовал» от МакКинли. Ханна советовал «спешить медленно», и Теодор последовал его совету: он постепенно отодвигал Ханну и его группу с важнейших постов, заменяя их собственными советниками. Рузвельт понимал, что устранение Ханны из Белого дома вызовет крайне отрицательную реакцию в Сенате, где тот пользовался серьезным влиянием, не говоря о крупном капитале. Поэтому уже в первый день пребывания в Белом доме Ханна был приглашен к новому президенту и получил предложение остаться на неофициальном посту главного советника. Рузвельт сосредоточил интерес Ханны на проблемах международной коммерции, прежде всего на строительстве канала в Центральной Америке, который должен был соединить Тихий и Атлантический океаны. В Конгрессе обсуждались два варианта прокладки канала: через территорию Никарагуа и через колумбийскую провинцию Панаму. Проконсультировавшись с экспертами, Рузвельт предпочел панамский вариант и через того же Ханну убедил Конгресс в его преимуществах.

Фактически отстранив Ханну от решения внутривластных дел, Теодор смог сформировать неофициальный кабинет, который подчас называл «теннисным», так как его члены собирались в неофициальной обстановке, часто якобы для спортивных игр. Подчас члены «теннисного кабинета» менялись, но основной его состав оставался постоянным. Входили в него предприниматели и юристы, старые знакомые Теодора по университету и войне на Кубе Гиффорд Пинчот, Уильям Муди, Генри Стимсон, сын убитого в 1881 г. президента Джеймс Гарфилд. Наибольшим политическим долгожителем станет Стимсон, который в годы Второй мировой войны займет должность военного секретаря США.

Следуя примеру своего предшественника, Рузвельт создал пресс-корпус Белого дома — группу журналистов, которые, как предполагалось,

будут сочувственно освещать его политику. Они получили помещение в Белом доме, смогли пользоваться телефонами. Журналисты были благодарны Рузвельту за помощь, а это способствовало созданию его благоприятного образа в СМИ. В то же время два могущественных медиамагната Уильям Херст и Джозеф Пулитцер, основоположники разоблачительного журнализма и «желтой» прессы, поддерживавшие Демократическую партию, оказались врагами Рузвельта, называли его консерватором и мнимым реформатором. В их прессе появлялись злобные рисунки, изображавшие Рузвельта хищным истребителем живой природы, хвастуном и лгуном.

Для пропаганды личности Рузвельта подчас использовались случайные эпизоды, в частности связанные с тем, что он позволял себе в свободное время охотничьи вылазки, подобные тем, которые практиковал, когда был ковбоем. Одна из таких вылазок состоялась в ноябре 1902 г. в штате Миссисипи. Охота была утомительной. В конце концов какие-то льстецы поймали раненого медведя и привязали его к дереву, чтобы президент мог его прикончить одним выстрелом. Рузвельт отказался стрелять и распорядился убить медведя, чтобы прекратить его мучения. Вслед за этим в печати стали появляться материалы об этой охоте, хвалившие Рузвельта за благородное поведение. История с медведем стала тем, что в наши дни называют пиаром. Воспользовавшись этим, ловкий мелкий предприниматель Моррис Мичтом изготовил медвежонка-куклу, назвал его *Teddy-bear* («Медведь Тедди») и выставил игрушку в витрине своей лавочки в Нью-Йорке. Неожиданно ее, а затем все новые экземпляры «медведя Тедди» стали быстро раскупать. Мичтом поставил дело «на поток», повысил цену, но спрос продолжал расти. В результате «медведь Тедди» стал популярной мягкой игрушкой, ее в разных вариантах (чтобы не нарушать торговой марки Мичтома) начали производить многие другие предприниматели. Сам же Мичтом, заручившись согласием президента, стал главным поставщиком этого товара на рынок. Он разбогател, основал крупную фабрику игрушек. «Медведь Тедди» способствовал популяризации Рузвельта в разных слоях общества, включая маленьких детей, а также в странах Европы, в том числе в России. Игрушка существует по сей день, оставаясь одной из самых любимых кукол американской детворы.

Обеспечив себе относительно широкую поддержку низших и средних слоев общества, Рузвельт попытался развернуть прогрессистскую направленность своей деятельности. 19 февраля 1902 г. было объявлено, что администрация президента возбуждает судебное дело о нарушении

антитрестовского законодательства против Северной холдинговой компании ценных бумаг — мощного треста, охватывавшего железные дороги и связанные с ними предприятия, собственниками которого были миллионеры Э. Гарриман, Дж. П. Морган и др. Возбуждая процесс против железнодорожных магнатов, Рузвельт стремился прежде всего обуздать конкретных могучих действующих лиц, продемонстрировать, что именно президент владеет ситуацией, а не магнаты промышленности. Одновременно он создавал прецедент для следующих аналогичных дел. Решением суда холдинговая компания была распущена. В прессе стали писать, что Рузвельт поднял большую дубинку против большого бизнеса.

Это было неверно. Рузвельт был убежден, что крупное предпринимательство, не ведущее к созданию монополий, является естественным и необходимым средством индустриализации и модернизации. Он повторял это во время своих многочисленных поездок по разным штатам. При этом он призывал проводить различие между «компаниями порядочными и безнравственными», хотя затруднялся ответить на вопрос, в чем именно состоит безнравственность.

Стремясь создать «сильное правительство», Рузвельт считал, что оно необходимо для того, чтобы вести активную внешнюю политику в связи с выходом США на международную арену и превращением их в колониальную державу. Его действия в этой области по наши дни рассматриваются специалистами как наиболее успешная сфера его деятельности.

Прежде всего было необходимо решить проблемы, связанные с последствиями испано-американской войны, в частности урегулировать ситуацию на Филиппинах, где в последние годы президентства МакКинли вроде бы наступило успокоение, но после вывода оттуда основного американского военного контингента возобновились вооруженные выступления местного населения. На Филиппины были вновь направлены американские солдаты, которые вновь начали убивать мирных жителей, создавать концентрационные лагеря, на словах для того, чтобы изолировать партизан, а по существу просто для расправы с филиппинцами. Прогрессистский курс внутри страны в полной мере сочетался с укреплением колониальной системы.

Немалое беспокойство президенту доставляла Куба, где разместились крупные силы ВМС США, а среди населения набирало силу движение за отмену поправки Платта и установление полной независимости. В 1906 г. положение стало настолько тревожным, что Рузвельт направил на остров «миссию умиротворения» во главе с У. Тафтом, занимавшим пост военного

секретаря, подкрепив миссию еще несколькими военными кораблями и крупными силами морской пехоты. Тафт был объявлен временным губернатором, а американские войска взяли под контроль государственные учреждения Гаваны. В то же время Рузвельт распорядился, чтобы солдаты и офицеры выказывали дружелюбие по отношению к местному населению. Это указание было воспринято своеобразно: примерно 10 % солдат заразились венерическими болезнями, широко распространенными на острове. Добившись умиротворения, американские войска в конце 1906 г. были выведены с Кубы.

В то же время, считаясь с расстановкой сил на мировой арене и понимая, что его страна должна демонстрировать свое стремление к миру и готовность идти на уступки, Рузвельт решился пойти на довольно смелый шаг — частично пересмотреть считавшуюся «священной коровой» доктрину Монро.

Сделано это было еще до оккупации Кубы, что лишь подтвердило предусмотрительность американского президента. Основы отчасти нового подхода ко взаимоотношениям со странами Латинской Америки были сформулированы Рузвельтом в послании Конгрессу от 6 декабря 1904 г. Там говорилось: «Хронический беспорядок и неспособность поддерживать узы, которыми связаны цивилизованные народы, могут в Америке, как и в любом другом регионе, вызвать необходимость вмешательства какой-либо цивилизованной нации. В пределах же Западного полушария приверженность США доктрине Монро может заставить их, вопреки собственному желанию, выступить в качестве полицейской силы». Вскоре, 30 января 1905 г., выступая в Военно-морской академии в Аннаполисе, штат Мэриленд, Рузвельт конкретизировал «новый подход», заявив, что его страна «имеет право на интервенцию» в случае невыполнения другими американскими государствами своих финансовых и иных обязательств. Речь при этом не шла об обязательствах только перед США. Подход был шире: США в лице своего президента брали на себя представительство интересов европейских государств. Тем самым признавалась возможность участия стран Европы в латиноамериканских делах — во всем, кроме попыток приобретения новых территорий. На свет появилось то, что в политическом лексиконе получило название дополнения Теодора Рузвельта к доктрине Монро.

В следующие годы рузвельтовское дополнение несколько раз использовалось в локальных конфликтах, возникавших в Латинской Америке. Каждый раз США выходили из них, добившись своих целей по умиротворению борющихся сил, по уплате внешних долгов и др., а заодно

продемонстрировав всему миру свое доминирующее положение на континенте. Однако были и более масштабные проблемы. Одной из них являлось строительство канала между Тихим и Атлантическим океанами. Напомним, Рузвельт считал, что канал должен пройти по Панамскому перешейку (на тот момент это была территория Колумбии). Здесь лет 15 назад уже велись работы французской компанией, но она, погрязнув в коррупции, обанкротилась.

По инициативе президента у французов была приобретена соответствующая полоска земли, но с получением разрешения возникли проблемы. Понимая важность канала, а также учитывая, что срок договора с французами истек в 1904 г. и тогда все строения переходили бы Колумбии, ее власти потребовали выплаты им значительной суммы. В конце концов президент США сделал ставку на авантюристов, которые решили устроить в Панаме «национальную революцию», оправдывая ее тем, что местное население говорило на жаргоне испанского языка, чуть отличавшемся от того, которым пользовались в основной части Колумбии. Рузвельт выступил с заявлением, что, если в Панаме произойдет революция, он «не будет возражать». Это был сигнал. В начале ноября 1903 г. в Панаме была образована «революционная хунта», которая объявила об отделении от Колумбии. 6 ноября Рузвельт признал независимость Панамы. Новые власти вскоре подписали договор о строительстве канала, властям Колумбии пришлось смириться. Строительство началось в 1904 г. и завершилось, когда Рузвельт уже покинул свой пост. Но за ним сохранилась слава инициатора этого грандиозного сооружения.

Рузвельт стремился к максимальному участию в решении мировых конфликтов, что должно было демонстрировать возрастающую мощь его страны, одновременно укрепляя ее позиции в отдельных стратегически важных пунктах. Благоприятные возможности для этого возникли, в частности, в связи с ходом Русско-японской войны 1904–1905 гг. Поражения русских войск и начавшаяся в России революция побудили правительство Николая II искать пути к миру. В свою очередь, Япония, истощенная военными действиями, испытывавшая тяжелый финансовый кризис, также стремилась завершить войну. Рузвельт с тревогой наблюдал за ходом войны. Его волновали в первую очередь не моральные соображения, а изменения геополитической ситуации. Ослабление России воспринималось как угроза, что на Европейском континенте и в целом в мире резко усилятся позиции Германии, столкновения с которой, пока только дипломатические, уже происходили на Западном континенте. Рузвельт не желал чрезмерного ослабления России, как и Японии. Но

бесперспективность войны вскоре стала очевидной.

Побуждаемый обеими сторонами, Рузвельт согласился на посредничество, стремясь к стабилизации положения на Тихом океане, к недопущению дальнейшего ослабления России и непредсказуемых внутренних изменений, к которым могла привести революция. Не желал президент и ущемления интересов Японии. К тому же именно ее правительство обратилось к США с просьбой о содействии в заключении мира.

Одной из целей Рузвельта было укрепление позиций США на Дальнем Востоке, прежде всего в Китае, на территории которого США добивались «открытых дверей». Так что, беря на себя посредническую миссию, он исходил прежде всего из национальных интересов.

Конечно, Рузвельт не был главным миротворцем, на чем настаивают значительная часть американских историков, касающихся российско-японских переговоров о мире. Решающую роль сыграла позиция самих заинтересованных стран. Но тот факт, что Рузвельт внес большой вклад в подготовку Портсмутского мира, остается фактом.

Переговоры делегаций, возглавляемых соответственно председателем Комитета министров России С. Ю. Витте и японским министром иностранных дел Комура Дзитаро, проходили в тихом американском городе Портсмуте, штат Нью-Гемпшир, под наблюдением президента США. Японской делегации он рекомендовал «построить золотой мост к разбитому врагу». После сравнительно непродолжительного торга 5 сентября 1906 г. был подписан Портсмутский мирный договор, носивший компромиссный характер. Перед отъездом главы обеих делегаций побывали в гостях у Рузвельта. На русского сановника «имение» американского президента не произвело впечатления. В своих воспоминаниях Витте писал: «Обыкновенная дача небогатого бюргера».

Хотя в прессе различных стран подчеркивали роль президента США в выработке Портсмутского мира, Рузвельт был крайне удивлен, узнав, что ему присуждена Нобелевская премия мира за посредническую миссию и содействие в заключении договора, решение о чем было принято Нобелевским комитетом 10 декабря 1906 г. Он стал первым главой государства и первым американцем, который ее удостоился. Рузвельт не считал возможным отправиться в Христианию (Осло) для получения премии. Он полагал, что это было бы не вполне этично для лидера мировой державы. От имени Рузвельта диплом, медаль и денежный чек принял посол США в Норвегии Герберт Пейрс, после чего зачитал послание президента США, в котором сообщалось, в частности, что денежная сумма

будет использована на создание в США «промышленного комитета мира», цель которого должна была состоять в установлении справедливых отношений между американскими гражданами.

Президент Рузвельт уделял внимание дальнейшему строительству ВМФ США, который в публицистике того времени получил название «великого белого флота». Все новые корабли окрашивались по распоряжению президента в белый цвет, который должен был подчеркнуть их мощь и красоту. Создавались корабли разных классов, прежде всего наиболее мощные — линкоры и крейсера, разрабатывались и внедрялись новые виды вооружения, повышалась эффективность огня, увеличивалась скорость, строились военно-морские базы и базы снабжения судов. Если в 1900 г. США занимали по мощи ВМС шестое место в мире, то в 1907 г. они перешли на второе, уступив только Великобритании. В 1908 г. была предпринята крупная пропагандистская акция — кругосветное путешествие «великого белого флота», которое было начато на восточном и завершено на западном побережье США, после чего корабли, обогнув континент, вновь возвратились на исходную базу. В течение всей акции Рузвельт наблюдал за ней, а участники экспедиции подчеркивали роль президента в создании могущественного флота США.

Когда наступил високосный 1904-й — год очередных президентских выборов, Рузвельт был убежден, что проявил себя достаточно успешным руководителем государства, чтобы претендовать на избрание с высокой степенью вероятности успеха. Республиканский съезд состоялся в Чикаго 21–23 июня 1904 г. Произошел уникальный случай — у действовавшего президента не оказалось ни одного соперника. Республиканская платформа ставила в качестве главных задач будущей администрации, если она окажется в руках этой партии, соблюдение протекционистских тарифов во внешней торговле, поддержание золотого стандарта валюты, дальнейшее укрепление ВМФ и быстрое строительство коммерческих судов. Прения были недолгими. Выступили всего несколько человек. Уже в первом туре голосования Рузвельт и Чарльз Фербенкс, сенатор из Индианы, выдвинутый на пост вице-президента, получили номинацию. Выдвижение было единогласным — за него голосовали все 994 делегата.

В стане демократов царил разброд. Они выдвинули кандидатом не очень известную фигуру — председателя апелляционного суда штата НьюЙорк Элтона Паркера.

Кампания проходила вяло. Но на последние ее недели советники Паркера приберегли, как они полагали, сильный ход. Собрав данные, что ряд промышленно-финансовых корпораций внесли средства в

предвыборный фонд Рузвельта, и сопоставляя эти сведения с антитрестовскими выступлениями администрации, штаб демократов обвинил президента в вымогательстве и обмане общественности. В прессе появились сенсационные сведения, что те хозяйственные объединения, которые финансировали предвыборную кампанию Рузвельта, не подвергаются преследованиям в соответствии с антитрестовским законодательством. Эти разоблачения несколько оживили антирузвельтовскую агитацию. Изощряясь в оскорблениях, один из демократических агитаторов заявил, что Рузвельт — «диктатор, недостойный завязывать шнурки на ботинках президента МакКинли» (забыв, видно, что сам МакКинли был республиканцем).

На выборах 8 ноября — в первый вторник после первого понедельника ноября первого високосного года в XX в. Рузвельт одержал блестящую победу. Он и его штаб были уверены в исходе голосования, но не ожидали, что итоги будут настолько впечатляющими. Теодор все же опасался каких-либо случайностей, особенно имея в виду запутанность американской избирательной системы, не прямой характер выборов.

Рузвельт победил во всех штатах Севера, Среднего и Дальнего Запада и даже в нескольких штатах Юга, где до этого времени ни разу не одерживал верх ни один республиканский кандидат. Особенно впечатляющей была победа в Миссури, в котором ранее республиканцы получали ничтожное число голосов. Хотя процентный перевес казался небольшим (Рузвельт получил 56,4 % голосов), его победа над Паркером была внушительной, так как в выборах участвовали и другие кандидаты, отвлекшие на себя некоторое количество избирателей. Паркер получил 37,6 %, социалистический кандидат Ю. Деббс — 2,3 %, остальные три кандидата совокупно — чуть более 3 %. Еще более внушительной была победа в коллегии выборщиков — сторонники Рузвельта имели в ней 336 мест, сторонники Паркера — 140. Остальные кандидаты остались без выборщиков. Такую убедительную победу, как Рузвельт в 1904 г., ранее не одерживал ни один кандидат в президенты.

Узнав о победе, Рузвельт допустил немалую ошибку, встретившись на следующий день с репортерами. В ответ на вопрос о его политических намерениях через четыре года, он заявил, и эта информация почти тотчас появилась в прессе, что не намерен баллотироваться в 1908 г. Заявление было однозначным и твердым. 4 марта 1905 г. состоялась первая и единственная инаугурация президента Теодора Рузвельта. В своей речи он сказал о вызовах перед нацией, связанных с мощным промышленным развитием последнего времени, о том, как согласовать эти вызовы с

демократическими принципами, с самоуправлением, являвшимся признанным способом общественной жизни американцев.

На торжественных балах, последовавших за инаугурацией, музыкальные группы и хоры исполняли любимую песню Рузвельта *There'll Be a Hot Time in the Old Town Tonight* («Тут, в старом городе, сегодня будет жарко»). Эту песенку, сочиненную композитором Теодором Метцем в 1896 г., распевали солдаты Рузвельта на Кубе в 1898 г., после чего она стала как бы символом храбрости американцев и их готовности к любым испытаниям. Одно из четверостиший звучало так:

Where you hear that the preaching does begin,
Bend down low for to drive away your sin.
And when you get religion,
You want to shout and sing.
There'll be a hot time in the old town tonight!

«Когда тебя, дружок, к молитве призовут,
Забудь скорее о пути греховном, жалком,
А как поверишь, пой-танцуй от счастья. Тут,
В старом городе, сегодня будет жарко!»

Перевод Л. Шустера

После избрания Теодор Рузвельт в полном смысле приступил к проведению прогрессистского курса, оформляя его законами и исполнительными распоряжениями.

Немалые усилия Рузвельт приложил к тому, чтобы превратить Вашингтон, точнее, округ Колумбию, в образцовый современный город. Это была сложная задача, так как большинство населения столицы составляли крайне нуждавшиеся негры (высокопоставленные правительственные служащие предпочитали жить за пределами центра). Созданная вскоре после выборов 1904 г. президентская жилищная комиссия установила, что в двух-трех кварталах от Капитолия не было канализации и водопровода.

С огромным трудом Рузвельт добился от Конгресса выделения средств на благоустройство города. Вслед за этим были приняты столичные акты об ограничении детского труда, ответственности нанимателей при несчастных случаях на производстве, происшедших в результате несоблюдения

техники безопасности, о выделении средств на строительство водопровода, о создании детских площадок. Эти инициативы поначалу принимались в штыки, и только многократное документальное подтверждение острой необходимости проведения каждого мероприятия давало возможность убедить конгрессменов-однопартийцев в их острой необходимости. Подчас Рузвельту приходилось преодолевать нелепые возражения, например, по поводу того, что детские площадки, строительство которых финансируется государством и муниципальными властями, — это зародыш социализма.

Хотя далеко не всё, что предлагалось, удалось осуществить и примеру столицы последовали лишь некоторые города, которым приходилось изыскивать средства на модернизацию из местного, а не федерального бюджета, условия жизни в Вашингтоне улучшились, хотя он лишь отчасти стал превращаться в образцовый город. Меры по модернизации столицы были только началом политики Рузвельта, преследовавшего цель сделать жизнь людей более безопасной, менее зависимой от злоупотреблений со стороны крупного бизнеса. Важную роль в этом отношении сыграли два закона, проекты которых были внесены по инициативе Рузвельта. Оба они были приняты летом 1906 г. и тотчас введены в действие.

Закон о чистой пище и чистых лекарствах имел долгую историю. Более двух десятилетий в Конгрессе то возникала, то затухала полемика по поводу того, имеет ли государство право вмешиваться в регулирование производства продуктов питания и лекарственных средств. Отсутствием правового регулирования в этой области пользовалось множество мошенников, производивших некачественную или просто вредную продукцию. Представляя законопроект, администрация Рузвельта, в частности Департамент сельского хозяйства, опиралась на расследования, проводимые «разгребателями грязи», прежде всего писателем Эптоном Синклером и корреспондентом популярного журнала «Кольере» (*Collier's*) Сэмюэлем Адамсом. Ими было установлено, что чикагские фирмы по упаковке мяса поставляют недоброкачественную продукцию, что лекарства, в том числе предназначенные для детей, содержат опасные компоненты, включая опиум, что в прессе публикуется хвалебная реклама вредных пищевых продуктов и лекарств.

Химическое бюро, созданное в Департаменте сельского хозяйства в 1862 г., практически бездействовало 40 лет, пока во главе него в 1902 г. не оказался инициативный Харвей Уили, который начал с благословения президента проводить своеобразные, порой опасные эксперименты. Уили набрал молодых добровольцев, которые должны были употреблять в пищу продукты с различными консервантами, обычно используемыми

предпринимателями. Так определялось влияние добавок на здоровье. Участников эксперимента называли «отравленным отрядом». Было установлено, что ряд консервантов крайне отрицательно влияет на здоровье, а в ряде случаев химические средства использовались, чтобы замаскировать низкое качество продуктов. Результаты работы Уили и его команды стали инструментом в руках Рузвельта для оказания давления на Конгресс.

Подписанный и вступивший в силу 30 июня 1906 г. закон явился первым в истории США актом, регулировавшим производство, оптовую и розничную продажу, рекламу пищевых продуктов и лекарств. Контроль за его исполнением поручался Химическому бюро. Оно должно было осуществлять выборочную инспекцию соответствующих продуктов. Закон запрещал импорт в США и перевоз из одного штата в другой (такая формулировка была необходима, поскольку торговля в пределах штата регулировалась местным законодательством) фальсифицированных или неверно обозначенных на этикетке пищевых и лекарственных продуктов. Впервые вводилось требование, чтобы на этикетке каждого товара указывался его полный состав. Виновные в нарушении закона шли под суд.

В тот же день, 30 июня 1906 г., Рузвельт подписал еще один закон, связанный с продовольственной проблемой, — об инспекции мясных продуктов. Этот акт провести было легче и потому, что он был тесно связан с предыдущим, и вследствие того, что истории с поставками потребителям, в том числе армии, гнилого мяса уже ряд лет буквально заполняли страницы газет. Закон предоставлял право Департаменту сельского хозяйства проводить инспекцию скота (виды которого были подробно перечислены) на скотобойнях — как в живом состоянии, так и в виде туш, а также сырого мяса, приготовленного к поставке потребителям.

Принятие, а затем проведение в жизнь обоих законов было серьезной победой Рузвельта. Он не только добился нового уровня федерального законодательства, охранявшего здоровье и права потребителей, не только укрепил федеральную власть. Он добился, что Конгресс, считавший, что государство в области экономики должно играть роль лишь «ночного сторожа», начинал отказываться от этой догмы. Государственные органы выходили за пределы обязанностей «ночного сторожа» экономики, беря на себя роль установления определенных норм и контроль за их исполнением. Однако при этом возникала опасность роста бюрократии со всеми ее негативными сторонами, прежде всего волокитой и коррупцией. Это был и остается заколдованный круг, вырваться из которого не была в состоянии ни одна государственная администрация.

Важным направлением деятельности Рузвельта в его второй срок стала кампания по наведению порядка на железных дорогах. Этот вопрос не был для него новым. Еще с 1880-х гг. крупнейшие железнодорожные компании ввели в практику снижение тарифов для связанных с ними фирм, являвшихся наиболее крупными заказчиками перевозок. Первоначально оплата проводилась в соответствии с законом о торговле между штатами 1887 г. по обычным ценам, формировавшимся в ходе рыночной конкуренции, но затем фирмы — владельцы товаров стали получать частичные возвраты стоимости в виде купонов на новые, порой бесплатные перевозки, льготные квитанции и билеты. Причиненный железнодорожным магнатам ущерб последние стремились возместить, вводя повышенные цены по сравнению с обычными тарифами.

В Конгресс был внесен законопроект члена Палаты представителей от штата Айова Уильяма Хэпберна, согласованный с Рузвельтом. Проект был призван установить более строгие правила регулирования цен на железнодорожные перевозки. 4 марта 1906 г., как раз когда в Сенате начались дебаты по этому законопроекту, Рузвельт представил Конгрессу и опубликовал в печати доклад о концерне Джона Рокфеллера «Стандард Ойл», который контролировал 41 компанию, а последние держали под своим руководством множество более мелких производителей. Рузвельт связал частный вопрос о железных дорогах с общим вопросом борьбы с монополизмом.

С большим трудом, преодолевая сопротивление не только демократов, но и части республиканцев, Рузвельт путем переговоров и уговоров добился принятия закона Хэпберна, который был подписан президентом 29 июня 1906 г. Закон предоставлял право Комиссии по торговле между штатами устанавливать максимальные железнодорожные тарифы на перевозку коммерческих грузов, запрещал предоставлять бесплатные или льготные билеты и тарифы кому бы то ни было кроме железнодорожных служащих. Комиссия получила право знакомиться с финансовыми документами железнодорожных компаний, которые обязывались вести определенный, стандартизированный бухгалтерский учет. Одновременно под юрисдикцию комиссии передавались мосты, терминалы, паромные переправы, линии транспортировки нефти.

Образованная по распоряжению Рузвельта специальная комиссия в течение двух лет изучала операции «Стандард Ойл» и пришла к выводу, что доминирующее положение концерна на рынке предопределено его «нечестной практикой» — нарушением правил контроля за транспортировкой нефтепродуктов, незаконными сделками с

железнодорожными компаниями, монопольно высокими ценами в одних случаях и бросовыми ценами тогда, когда требовалось разорить конкурентов, созданием фиктивно независимых компаний, индустриальным шпионажем. На основе выводов комиссии Департамент юстиции возбудил дело против концерна, выдвинув требование его роспуска по обвинению в монополизме. Само расследование, а затем тянувшееся долгое время рассмотрение дела в судах (после каждого обвинительного приговора компания подавала апелляцию, пока дело не дошло до Верховного суда) привело к ослаблению позиций «Стандард Ойл»: уже в 1906 г. ее доля в отрасли упала почти вдвое и продолжала падать в следующие годы. В конце концов в мае 1911 г., через два с лишним года после завершения президентства Рузвельта, Верховный суд США поддержал решения судов низших инстанций и потребовал немедленного и обязательного разделения «Стандард Ойл» на 90 промышленных объединений различной мощности, наиболее крупными из которых стали «Стандард Ойл, Нью-Джерси» (будущий «Эксон») и «Стандард Ойл, НьюЙорк» (будущий «Мобил»).

Рузвельта стали называть борцом с трестами. Большинство людей произносили эти слова (точнее говоря, одно английское слово, звучащее очень энергично, — *trustbuster*) с одобрением, меньшинство — собственники и акционеры крупнейших корпораций, поддерживавшие их печатные органы, — с недовольством и порой с ненавистью. При этом, однако, неверно полагать, что Рузвельт стремился добиться роспуска всех крупных корпораций. В отличие от более радикальных прогрессистов, которые проповедовали возвращение к временам мелкого и среднего бизнеса со свободной конкуренцией, Рузвельт считал централизацию производства позитивным фактом современной экономической жизни. Для него важны были два фактора — недопущение монополизации и сохранение конкуренции, а также чтобы мощные экономические объединения оказывали влияние на правительственную политику, а тем более становились сильнее правительства.

Второе президентство Рузвельта было временем дальнейшего развертывания его любимого детища — сохранения для нынешнего поколения и потомков живого и растительного мира страны, а также памятников прошлого. Законом 1905 г. была образована Лесная служба под руководством известного природоохранителя и друга Рузвельта Гиффорда Пинчота. Это был первый в истории США акт, специально посвященный охране лесных просторов, рассматривавший леса не только с точки зрения отдыха и развлечения людей, но и хозяйственного использования на основе

научных данных. В течение второго срока Рузвельт издал несколько распоряжений, в соответствии с которыми была создана 51 зона охраны дикой птицы (в основном в пределах охраняемых национальных лесных массивов) и четыре зоны охраны диких зверей.

В 1906 г. по инициативе и при полном содействии президента Конгресс принял закон о древностях, подписанный 8 июня того же года. Он предоставлял право руководителю исполнительной власти издавать прокламации о создании национальных монументов — памятников природы и истории. Под национальными монументами в то время понимали не какие-либо новые сооружения, а территории и определенные места, связанные с выдающимися историческими событиями, которые требовали изучения специалистами и где какие-либо работы могли проводиться только лицами, имевшими необходимую квалификацию и получившими право на проведение работ в виде «открытых листов» административных органов.

Отчасти закон о древностях перекликался с другими актами, проведенными правительством Рузвельта, в частности связанными с созданием парков и прочих природоохранных зон. Но в отличие от них теперь намечались меры по охране не только памятников природы, но того, что в прошлом было создано человеческими руками. 24 сентября 1906 г. Рузвельт подписал первую прокламацию о создании национального монумента — Девиле Тауэр в штате Вайоминг. Вслед за этим появились несколько новых подобных монументов. После тщательного изучения каньона Чако и окрестной территории, на которой предполагалось обнаружение памятников американской древности, 11 марта 1907 г. этот каньон также был провозглашен национальным монументом. Всего до завершения президентства Рузвельта им было издано 18 таких прокламаций. Последняя — о древностях на горе Олимпус (штат Вашингтон) — появилась 2 марта 1909 г., то есть в предпоследний день пребывания Теодора в Белом доме.

Помня свое заявление, что он не будет избираться повторно, Рузвельт стремился вести себя так, чтобы остаться в памяти американцев в качестве «народного президента». И ответственные государственные деятели, и общественные организации, и пресса признавали, что в среде рядовых американцев Теодор Рузвельт продолжает пользоваться большой популярностью. Его называли «наш Тедди», многократно повторяли его высказывания против «незаконно приобретенного богатства». Газеты всей страны умилялись его интервью, в котором президент проинформировал, что носит костюм, стоящий всего 4 доллара. Когда однажды Рузвельт

выступил с очередной речью в пользу «чистоты мотивов и свободы от незаконных доходов», вдев в петлицу пиджака цветок хризантемы, в прогрессистских кругах, а также среди профсоюзных активистов стало модным появляться на публике с таким же цветком.

В качестве кандидата Республиканской партии на выборах 1908 г. Рузвельт поддержал близкого к нему деятеля Уильяма Тафта, считая, что тот будет продолжать его «справедливый курс». Хотя в ходе избирательной кампании у Теодора порой возникали опасения в связи с выступлениями Тафта в пользу трестов, он считал, что это — лишь тактический ход.

Рузвельт не собирался на покой. Ему было всего 50 лет. Он предполагал совершить несколько экспедиций, а также заняться литературным творчеством, понимая, что издатели и редакторы журналов будут охотно и за немалые гонорары публиковать тексты, написанные столь популярной личностью.

Теодор Рузвельт покинул Белый дом 4 марта 1909 г., удовлетворенный избранием Тафта. Через три недели он вместе с сыном Кермитом и большой группой экспертов отправился в продолжавшееся несколько месяцев путешествие по тропам Африки. Экспедиция ставила разведывательные, исследовательские и собирательские цели. Рузвельт и его группа охотились на леопардов, слонов и других животных, изучали быт племен, собирали памятники природы и местной культуры. Путешествие завершилось посещением европейских столиц. Бывшего президента принимали главы государств, его приветствовали восторженные толпы. Ряд университетов присвоил ему ученые степени. В Осло Рузвельт выступил с Нобелевской лекцией.

Вернувшись на родину, Теодор опубликовал книгу о своих африканских приключениях, которая стала бестселлером. В американские музеи были переданы тысячи экспонатов, собранных экспедицией. Со свойственной ему энергией и эрудицией Рузвельт стал выступать в прессе на политические, социальные, культурные темы.

Между тем правление Тафта не радовало Теодора. По его мнению, наследник оказался деятелем робким и непоследовательным. В Республиканской партии усиливалось правое крыло, но вместе с тем все четче выделялось левое течение под прогрессистскими лозунгами. Сохранявший тягу к политике, Рузвельт постепенно вновь включился в общественную деятельность. Он встречался с Робертом Лафоллетом, сенатором от штата Висконсин, которого теперь рассматривали как лидера прогрессистов. К предложениям сенатора о совместных выступлениях он отнесся осторожно. Он не отказывался от сотрудничества, но при условии,

что именно он, Теодор, будет в этой связке ведущим. Это было логично, так как популярность Рузвельта намного превосходила авторитет Лафоллета. Прочный союз обоих деятелей так и не удалось создать.

С конца 1910 г. у Рузвельта зрела мысль о необходимости создания третьей крупной партии, которая была бы в состоянии повести борьбу за власть. Но он оттягивал решение о разрыве с республиканцами, к которым принадлежал с юных лет, от имени которых руководил страной более семи лет. Рузвельт все еще надеялся сплотить Республиканскую партию на базе прогрессизма или «нового национализма», как он теперь часто говорил, фактически отождествляя одно понятие с другим. Однако на практике он все более отчуждал от себя консервативные и даже умеренные круги этой партии, способствовал ее углублявшемуся расколу.

С осени 1911 г. Рузвельт и его сторонники приступили к формированию структур новой партии, которую называли Прогрессивной. От осторожной критики политики Тафта как защитника крупного капитала он перешел к прямому его разоблачению, как личности лицемерной. Тафт отвечал, что Рузвельт никогда не был верен своему слову, что он эгоист до мозга костей.

Прежде чем объявлять о создании новой партии, Рузвельт попытался повести за собой республиканцев. В апреле 1912 г. он совершил агитационную поездку по ряду городов, завершив ее в Чикаго, где должен был состояться предвыборный съезд Республиканской партии. Повсеместно он выступал в защиту простых людей, против хищнической части капитала, говорил о необходимости принятия новых законов в защиту интересов малого бизнеса, фермеров, рабочих, резко критиковал политику Тафта.

Съезд республиканцев открылся 18 июня. Вначале казалось, что шансы Тафта и Рузвельта примерно равны. Но партийной машине, действовавшей в угоду президенту, удалось перетянуть на его сторону часть делегатов. Другие предпочитали отмалчиваться. Но вскоре стало ясно, что Тафт соберет большинство. В этих условиях Рузвельт пошел на разрыв. 19 июня его сторонники покинули съезд, а на следующий день провозгласили образование Прогрессивной партии. В августе она собрала свой съезд, который выдвинул Теодора Рузвельта кандидатом в президенты.

Но партия была организационно слаба. Она испытывала серьезные трудности с финансированием, в нее не пошли многие конгрессмены, которые ранее объявляли себя прогрессистами. По существу, она являлась партией одного Рузвельта и стояла на позициях рузвельтовского «нового национализма», под которым все более определенно понималось сильное

правительство, способное вмешиваться во все сферы жизни общества, защищать интересы средних и низших слоев населения при сохранении крупной и крупнейшей собственности, не носящей монополистического характера и готовой к сотрудничеству как с лицами наемного труда и их организациями, так и с государственной властью, с теми предпринимателями, которые чувствуют ответственность перед обществом, жертвуют средства на просветительные, культурные и другие благотворительные цели. Рузвельт и его партия отнюдь не собирались выходить за рамки общества относительно свободного предпринимательства.

И все же, несмотря на слабости Прогрессивной партии, на выборах 1912 г. впервые фигурировали не две, а три крупные партии. Соперниками Рузвельта были кандидат республиканцев Тафт и представитель Демократической партии губернатор штата Нью-Джерси Вудро Вильсон.

Во время избирательной кампании 14 октября в городе Милуоки (штат Висконсин) на Рузвельта было произведено покушение, оказавшееся неудачным. Пуля попала в футляр для очков, который вдавился в грудь и образовал небольшую ранку. Все же произошел перелом ребра, и Теодора отправили в больницу Чикаго. Он был вынужден прервать кампанию. Как оказалось, стрелял полупомешанный иммигрант из Германии Ион Шранк, который затем давал противоречивые показания и по приговору суда отправлен в дом для умалишенных.

Только 30 октября Рузвельт возобновил выступления, сосредоточив внимание на намерении провести широкое социальное законодательство. Как показали опросы, покушение и ранение понизили его шансы на победу не менее чем в два раза.

Выборы состоялись 5 ноября. Победил Вильсон. Рузвельт оказался на втором месте, собрав 4,2 млн голосов (27,4 %). Результаты выборов 1912 г. были единственным случаем в американской истории после Гражданской войны (вплоть до наших дней), когда представитель третьей партии занял второе место, оттеснив республиканского кандидата. С морально-политической точки зрения это был результат, которым любой другой политик мог бы гордиться. Но Рузвельт был практиком до мозга костей: он понимал, что не добился победы из-за раскола Республиканской партии, и если бы республиканцам удалось выдвинуть его единым кандидатом, он, скорее всего, одержал бы победу. Между прочим, итог американских выборов привлек внимание российских социал-демократов. Лидер большевиков В. И. Ленин со свойственной ему ненавистнической риторикой по отношению ко всем, кто не был согласен с его непримиримой

«классовой» демагогией, обозвал Рузвельта «любезным шарлатаном» и «обманщиком». Рузвельт, писал Ленин, «заведомо нанят миллиардерами-ловкачами для проповеди этого обмана».

Сразу после выборов Прогрессивная партия стала распадаться. Несмотря на авторитет и влияние Теодора Рузвельта, несмотря на энергию и преданность его соратников в центре и на местах, американцы в своем большинстве сохранили приверженность традиционным политическим ценностям и институтам, не пожелали ломать сложившуюся политическую систему, предпочли неизведанным путям развития страны поворот к консерватизму, хотя и облеченный в модернистские лозунги.

Первое время после поражения Рузвельт находился в состоянии депрессии и лишь постепенно стал возвращаться к общественной жизни. В декабре 1912 г. он был на год избран председателем Американской ассоциации историков и выступил на ее съезде с ярким сугубо профессиональным докладом «История как литература». В 1913 г. появилась в свет «Автобиография» — воспоминания, доведенные до самого последнего времени. С тех пор эта книга переиздается в США почти каждый год.

В 1914 г. Рузвельт предпринял еще одно путешествие — на этот раз по рекам бассейна Амазонки. Он явно не учел всех трудностей и не рассчитал свои силы. Под конец казалось, что его группа обречена на гибель. Но случайная встреча с несколькими искателями каучуконосов позволила вызвать помощь, и участники экспедиции были спасены. Добыча, полученная экспедицией, была незначительной, но тем не менее она была с благодарностью принята бразильскими музеями и нью-йоркским Национальным музеем естественной истории.

После начала мировой войны Рузвельт назвал ее страшной трагедией, возникшей чуть ли не случайно, которой вполне можно было бы избежать. Он высказывался в поддержку президента Вильсона, объявившего о нейтралитете США. Но постепенно симпатии Рузвельта склонились в сторону Антанты. С конца 1914 г. он стал страстно выступать против Германии, называл немцев агрессорами, утверждал, что они ведут войну варварскими методами, нарушая элементарные права человека. Он также предлагал, чтобы нации создали международный инструмент для арбитража во имя мирного решения конфликтов. Он приветствовал вступление США в войну в апреле 1917 г. и даже сам собирался отправиться воевать во главе сформированного им добровольческого соединения. Это было явной утопией, имея в виду и возраст, и ухудшавшееся состояние здоровья. Но он приветствовал вступление в

армию своих сыновей и других членов семьи. Самый младший его сын Квентин погиб на фронте.

Как раз в тот день, когда было подписано перемирие, завершившее мировую войну, 11 ноября 1918 г., Рузвельт был госпитализирован в тяжелом состоянии, связанном с атеросклерозом и другими заболеваниями. Его слегка привели в порядок, и он смог возвратиться домой. Но в ночь на 6 января 1919 г. ему стало плохо, и он скончался, несмотря на попытки привести его в чувство. 8 января был объявлен Конгрессом днем траура. 9 января состоялось совместное заседание палат, исполнительных органов и Верховного суда, посвященное Теодору Рузвельту. Память неординарного руководителя и яркого политика почтила вся страна.

Ныне среди живых уже нет ни одного внука Теодора Рузвельта, но живы правнуки, их дети и внуки. По нашим приблизительным подсчетам, в США проживают свыше пятисот прямых потомков Теодора Рузвельта. Они заняты в самых различных профессиях, часть из них носит другие фамилии, и посторонние люди не знают их происхождения. Но все они глубоко чтут память своего предка.

Память своего неординарного президента чтут не только его потомки. В США нет, пожалуй, ни одного крупного города, в котором не было бы улицы, площади, парка или другого объекта, названного его именем.

В 1924 г. в Нью-Йорке по решению легислатуры штата на территории Центрального парка возле главного его входа был создан Мемориал Теодора Рузвельта с ротондой и памятным залом. Мемориал Рузвельта является важным памятным местом и в Вашингтоне. Он расположен на столичной реке Потомак — на острове, также носящем его имя, и представляет собой открытую облицованную гранитом площадку с бассейнами и фонтанами. На гранитных плитах высечены изречения Рузвельта, а в центре находится его статуя (автор Пол Мэншип), представляющая президента в характерной для него позе оратора. Кроме того, в США открыты для посетителей несколько домов-музеев и других памятных мест, связанных с именем президента, которые отнесены законодательством к общенациональным историческим памятным местам.

Память о Теодоре Рузвельте, трезвом и в то же время авантюрном, азартном и расчетливом, храбром и осторожном, правдивом и демагогичном, цельном и противоречивом, память об исследователе-натуралисте, борце за права людей и сохранение живой природы, историке и путешественнике, человеке необычной судьбы и многих ярких талантов, сохраняется в американском обществе, по крайней мере той его части, которая связывает свою судьбу с традициями предков.

Основные издания:

Белявская И. А. Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978.

Уткин А. И. Теодор Рузвельт: Политический портрет. М., 2003.

Roosevelt Th. An Autobiography. Auckland, 2014.

Brinkley D. The Wilderness Warrior: Theodore Roosevelt and the Crusade for America. New York, 2009.

Dalton K. Theodore Roosevelt: A Strenuous Life. New York, 2002.

Gould L. Theodore Roosevelt. London, 2012.

Morris E. Theodore Rex. New York, 2002.

Thompson J. Theodore Roosevelt Abroad: Nature, Empire, and the Journey of an American President. New York, 2010.

УИЛЬЯМ ТАФТ

15 сентября 1857 — 8 марта 1930

27-й президент:

4 марта 1909 — 4 марта 1913

По сравнению со своим предшественником Уильям Говард Тафт (*William Howard Taft*) в качестве президента был невзрачной личностью. Впрочем, со столь ярким человеком, каким был Теодор Рузвельт, трудно сравнивать другого политика. Тафт был одним из немногих американских

руководителей, который вышел не из низших или средних слоев, а был сыном видного чиновника, который дослужился даже до министерского поста в кабинете У. Гранта. Тафт являлся единственным в истории США президентом, который после отставки возглавил еще одну ветвь государственной власти, став председателем Верховного суда. Но произошло это после того, как он, блестяще выигравший выборы 1908 г. (321 голос выборщиков), позорно проиграл в 1912 г., получив только 8 голосов в выборной коллегии.

Уильям Говард Тафт происходил из того же провинциального штата Огайо, который, как это ни удивительно, дал стране несколько президентов. Его отец Альфонсо Тафт, по профессии юрист, в свое время окончил престижный Йельский университет, работал в штате Коннектикут, а позже, еще до рождения Уильяма, переехал в Огайо, в город Цинциннати, где, наряду с адвокатской практикой, стал членом городского совета и попечительского совета местного университета. Позже, когда его сын был ребенком, а затем подростком и юношей, Альфонсо поднялся до правительственных высот: он был военным секретарем, а затем генеральным прокурором во время президентства Гранта. В 80-е гг. Альфонсо Тафт был послом США в Австро-Венгрии, а затем в России.

Карьера отца предопределила будущее сына, который, правда, в начале своего пути никак не предполагал, что станет главой исполнительной власти. Детство и юность будущего президента проходили под тенью энергичного и властного родителя. Матерью Уильяма была вторая жена Альфонсо Луиза-Мария (в девичестве Торрей) из Бостона, дочь местного торговца. От первого брака у Альфонсо осталось двое сыновей, во втором браке родились еще два мальчика. В детстве Уильяма не считали блестящим ни в учебе, ни в спорте. Учителя отмечали, что многие предметы ему давались с трудом, но он проявлял упорство. Нередко ему повышали оценки не вполне заслуженно, так как учителя знали, что память и сообразительность у него были ниже среднего уровня, но трудился он изо всех сил. Отец же требовал от него самых высоких баллов и не удовлетворялся посредственными оценками.

Уильям окончил среднюю школу в пригороде Цинциннати, где жила семья. Это была привилегированная школа, одно из старейших средних учебных заведений в США, носившее имя своего основателя богача-благотворителя Уильяма Вудворда. Вначале школа была предназначена для бедных детей, родители которых не могли платить за их обучение. Но сам статус «старейшей» школы позже привел к тому, что в нее подбирались наилучшие учителя, а учениками становились дети из привилегированных

семей. При средних способностях Уильям Тафт получил вполне основательное общее образование.

Естественным продолжением было продолжение отцовской традиции — юноша поступил в Йельский университет. Расположенный в городе Нью-Хейвене (штат Коннектикут), это был один из старейших американских университетов, составлявший вместе с Гарвардом и Принстоном «большую тройку» самых уважаемых не только в США, но и в большинстве стран мира. За несколько лет до поступления туда Уильяма в Йельском университете впервые в истории США была учреждена ученая степень доктора философии, которая по сей день является официальным признанием научных достижений исследователя в гуманитарных науках — далеко не только в области философии.

Поступивший в университет в 1874 г. в возрасте 17 лет, Уильям был крупным, полным юношей, отличавшимся известным тугодумием и завидным трудолюбием, которые вызывали уважение у одних профессоров и соучеников и насмешку у других. И те и другие, правда, отмечали, что он честно зарабатывал свои оценки, в меру способностей выполнял задания, был честен во взаимоотношениях с окружающими.

В 1878 г. Уильям окончил университет, получив квалификацию юриста, и возвратился в Цинциннати. А через два года он сдал экзамен в столице штата Коламбусе и был принят в коллегия адвокатов, одним из руководителей которой был его отец. При этом по требованию отца он окончил еще правовую школу в самом Цинциннати: Альфонсо считал необходимым, чтобы сын детально изучил правовую систему родного штата.

В эти же годы Уильям попробовал свои силы в журналистике, сотрудничая в газете «Цинциннати коммерческий» (*The Cincinnati Commercial*), где освещал главным образом местные новости. Оказалось, что у него выработалась способность точно и достоверно, хотя и не очень гладко описывать события, причем в духе, созвучном позиции владельцев газеты. Ему предлагали перейти на постоянную журналистскую работу, обещая высокое жалованье. Но Уильям все же предпочел юридическую практику. Он открыл адвокатскую контору в Цинциннати, но особой популярностью она не пользовалась скорее всего в связи с тем, что клиенты предпочитали другого, более солидного адвоката с той же фамилией — его отца. Так, отчасти в силу обстоятельств, отчасти по собственному желанию Уильям Тафт стал постепенно втягиваться в административную деятельность. В конце 1880 г. он был назначен заместителем прокурора графства Гамилтон (в которое входил Цинциннати). На этом посту он

проработал чуть более года, а в январе 1882 г. перешел на должность руководителя Управления по сбору налогов в том же графстве. Здесь Уильям невольно оказался в центре местного скандала. В его управлении работали сотрудники, политически нежелательные властям штата. От него потребовали их увольнения, но молодой чиновник оказался упрямым и отказался это сделать, заявив, что речь идет о компетентных работниках. В результате после споров и принуждений пришлось увольняться ему самому.

В марте 1883 г. он был вынужден вернуться к частной практике. Но и на этот раз она продолжалась недолго. В 1887 г. новый губернатор Огайо Джозеф Форакер, знакомый с отцом Уильяма, предложил 30-летнему юристу занять вакантную должность в суде штата. Это было временное решение: должность была выборной и назначение следовало подтвердить при очередном голосовании избирателей. Тафт согласился с предложением и не прогадал. На выборах он стал постоянным судьей на предстоящие пять лет.

Познакомившись с миллионером М. Ханной, один из офисов которого находился в Цинциннати, Тафт через него установил связь с некоторыми деятелями Республиканской партии, к которой присоединился, хотя пока и не стал ее активным членом. В то же время он занимал консервативные позиции, о чем явно свидетельствовало одно из сохранившихся его решений в качестве судьи штата. Речь шла о трудовом споре 1889 г. между профсоюзом каменщиков и компанией братьев Паркеров. Последние подали в суд на профсоюз в связи с тем, что тот призывал рабочих не наниматься в эту компанию, которая не выплачивала полностью договоренную заработную плату. Тафт признал профсоюз виновным в бойкоте предприятий, хотя речь на деле шла о действиях, не попадавших под это определение. Через много лет, на выборах 1908 г., это его решение будет использовано его противниками.

В начале 80-х гг. Уильям познакомился с дочерью местного судьи Элен Херрон, которая была четырьмя годами младше его. В июне 1886 г. они поженились, после чего отправились в трехмесячный свадебный тур по Европе. Как видно, состояние Тафта к этому времени было значительным, если он мог позволить себе такое путешествие. В браке родились двое сыновей и дочь. Известность получил только старший сын Роберт, который стал сенатором США и одним из лидеров консервативных республиканцев, изоляционистом и противником «нового курса» Франклина Рузвельта в 30-е гг.

Элен, которую обычно называли Нелли, так и не стала в полном

смысле слова первой леди. Через два месяца после переезда в Белый дом она перенесла инсульт, от которого так и не оправилась. Тем не менее она пыталась участвовать в приемах и давать советы мужу, которые он вряд ли принимал во внимание. Несмотря на тяжкую болезнь, Элен прожила долгую жизнь. Скончалась она в 1943 г.

Между тем юридическая и политическая карьера Тафта успешно развивалась. Этому способствовали изменения в его характере. Он почти избавился от тугодумия, приобрел навыки легкого общения с людьми, полезными ему, производил впечатление эрудированного человека. Разумеется, продвижению способствовала и успешная карьера отца. Уильям считал своей целью получить место в Верховном суде США, на котором он смог бы прожить всю жизнь в достатке и почете (напомним, что эта должность была пожизненной). Он писал губернатору Форакеру письма с просьбами ходатайствовать перед президентом Гаррисоном о таком назначении в начале 1889 г., когда в Верховном суде возникла вакансия.

Президент внял просьбе, но решил, что способный и верный ему, по заверениям Форакера, 32-летний юрист еще молод для таковой должности. Вместо нее он в феврале 1890 г. назначил Тафта генеральным солиситором — представителем правительства в Верховном суде, своего рода правительственным адвокатом. Получив высокое назначение, Тафт перебрался в Вашингтон, установил связи с ведущими конгрессменами-республиканцами и другими влиятельными лицами. Особо важным было знакомство с Теодором Рузвельтом, с которым удалось завязать дружбу, продолжавшуюся и в годы, когда Рузвельт стал президентом, и способствовавшую сохранению Тафта на вершине политической жизни.

Уильям стал генеральным солиситором, когда это место было вакантным в течение нескольких месяцев. Со свойственным ему трудолюбием он занялся ликвидацией «белых пятен». Он тщательно готовил выступления и за краткое время, когда занимал свою должность, выиграл в Верховном суде 15 дел из 18, в которых фигурировало правительство. Между тем в 1891 г. правительство Гаррисона провело судебную реформу, включавшую создание федеральных апелляционных судов в 11 создаваемых крупных округах. В марте 1892 г. Тафт был назначен федеральным судьей VI округа (штаты Огайо, Мичиган, Кентукки и Теннесси) с центром в его родном Цинциннати. Уильям возвратился в провинцию с двойственным чувством. С одной стороны, он становился самостоятельным судьей высокого ранга, значительно менее зависящим от политических перипетий, от столичных министров и конгрессменов. С другой стороны, он полагал, что надолго, если не навсегда, лишает себя

возможности возвращаться в высшем свете, влиять на решения важных политиков. Положительные эмоции все же преобладали. Жалованье окружного судьи не было значительным, но старший брат Чарльз, ведущий успешный бизнес, обеспечил ему постоянный и высокий доход, позволивший обзавестись собственным комфортабельным домом и загородным поместьем.

В новой должности Тафт провел восемь лет, до 1900 г. Решения, которые он принимал по жалобам на приговоры судов низшей инстанции, четко основывались на федеральном законодательстве и прецедентах. Современники-юристы признают, что он был судьей компетентным, тщательно следящим за правовой практикой. Отмечалось, правда, что в делах, связанных со спорами между рабочими организациями и предпринимателями, он, как правило, становился на сторону крупного бизнеса. Так что в полной мере от политических настроений и влияний он свободен не был, продолжая тяготеть к консерваторам, несмотря на сохранявшуюся переписку и редкие встречи с Теодором Рузвельтом, который все более становился прогрессистом. Тафт признавал, что его мечтой остается получить место в Верховном суде.

Судебную деятельность Тафт вскоре стал сочетать с преподаванием. В 1896 г. он возглавил отделение права собственности в юридической школе Цинциннати, был избран профессором и еженедельно читал лекции по частному праву — тому разделу правовой науки, который регулирует отношения между частными лицами в области собственности. Он проявил определенное новаторство в преподавании, начав применять так называемый кейс-метод (метод ситуационного анализа) в своих лекциях, которые постепенно превращались в собеседования со студентами. Им предлагались случаи из правовой практики, и студенты должны были определить возможные решения и выбрать наилучшие из них, соответствующие законодательству.

Формально не участвуя в политике, Тафт оставался приверженцем Республиканской партии, хотя не всегда выражал согласие с теми или иными ее решениями. Он писал в частной корреспонденции, что ему не нравится кандидатура МакКинли в президенты. Тем не менее во время избирательной кампании 1896 г. он сдержанно высказался в его поддержку, чтобы не порывать с партийными боссами. Когда же МакКинли был избран, Тафт надеялся получить место в Верховном суде, где в 1898 г. вновь появилась вакансия. Однако МакКинли, видимо помня, что Тафт вначале не был его энергичным приверженцем, назначил на освободившееся место другого человека — бывшего генерального прокурора Джозефа МакКенну.

В начале января 1900 г. Уильям получил срочный вызов к президенту. Он надеялся, что речь будет идти о новом, более высоком назначении в судебной сфере. Однако президент его огорошил предложением отправиться на Филиппины, которые стали американским владением в результате войны 1898 г. с Испанией и где с большим трудом удавалось подавлять восстания местного населения. Тафту предстояло возглавить группу по созданию на Филиппинах гражданской администрации. Принятие предложения означало уход с поста судьи, не говоря уже о том, что предстояло отправиться на отдаленную и опасную территорию. МакКинли, однако, пообещал Тафту, что при появлении первой же вакансии в Верховном суде будет рекомендовать его на заветное место. Это положило конец сомнениям. Правда, дотошный Уильям попросил президента подтвердить, что назначение в Верховный суд состоится независимо от результата миссии — ее успеха или провала, на что МакКинли согласился.

В апреле 1900 г. во главе группы политиков и юристов Тафт отправился в столицу Филиппин Манилу и вслед за этим был назначен гражданским губернатором архипелага. При этом сохранялась и должность военного губернатора, которую занимал властный генерал Артур МакАртур (отец будущего известного генерала Второй мировой войны Дугласа МакАртура), который считал, что образование гражданского правительства является нелепостью в условиях продолжавшейся партизанской войны. Между обоими деятелями возникла ссора. Победил Тафт, добившийся ликвидации должности военного губернатора и отзыва МакАртура на родину.

В соответствии с указаниями президента Тафт пытался привлечь местных жителей к участию в управлении островами. Он провозглашал, что считает филиппинцев равными американцам. На практике все свелось к тому, что несколько местных деятелей были назначены на второстепенные посты. В определенной мере действия губернатора привели к внутреннему успокоению, хотя главная причина заключалась в том, что население устало от непрерывной войны и террора американских военных. Партизанские выступления почти прекратились. Тафт счел свою миссию успешной.

Он выразил формальное соболезнование в связи с гибелью президента МакКинли, но в глубине души был удовлетворен, что президентом стал его старый знакомый Теодор Рузвельт, с которым не прекращал переписки и в то время, когда находился на островах. В январе 1902 г. Тафт приехал в длительный отпуск на родину, что связано было с некой инфекцией,

которую он подхватил на Филиппинах, после чего даже вынужден был перенести операцию. Отдых сопровождался рядом важных встреч, прежде всего с президентом Рузвельтом. Их отношения стали еще более прочными и доверительными, Рузвельт считал Тафта своим другом и политическим сторонником.

Губернатор доложил президенту, что подлинное успокоение на островах может наступить только в том случае, если к управлению будет широко привлечено местное население, в частности представители земледельцев. Положение осложнялось тем, что основная часть земельных угодий принадлежала католическим орденам, которые нещадно эксплуатировали местное крестьянство. Рузвельт направил Тафта в Ватикан на переговоры с папой Римским Львом XIII о выкупе земли и устранении католических орденов с Филиппин. Конкретное соглашение подписано не было, но, по-видимому, аргументация Тафта убедила понтифика, что сохранить крупную земельную собственность в новых американских владениях на длительное время не удастся. В 1903 г. между США и Ватиканом было подписано соглашение о выкупе земельной собственности у католической церкви, выезде с Филиппин испанских монахов и подготовке священников из местного населения. Тафт возвратился на Филиппины и продолжал руководить местной администрацией до конца 1903 г.

В некоторых кругах республиканцев в 1903 г. начались разговоры о выдвижении Тафта на президентский пост. Трезво оценивая слабость своих шансов и не желая идти на конфронтацию с Рузвельтом, Тафт исключил свою кандидатуру задолго до того, как избирательная кампания вступила в практическую стадию. Он объявил, что считает свою миссию на островах незавершенной. И все же Рузвельт предпочитал, чтобы его друг и сторонник занял пост в столице. Тафту было предложено место военного секретаря. В декабре 1903 г. он покинул Манилу, а в январе следующего года занял одну из важнейших министерских позиций. Президент не предполагал, что Уильям будет реально руководить военными делами, которые он перепоручил профессиональным военным, а решение важнейших вопросов сосредоточил в Белом доме. Тафта он рассматривал скорее как ближайшего советника по правовым вопросам, особенно в преддверии президентской избирательной кампании.

Имея в виду, что Рузвельт не собирался выдвигать свою кандидатуру в 1908 г., Тафта вскоре стали рассматривать как вероятного кандидата Республиканской партии на высший исполнительный пост. Сам Рузвельт высказывался в сходном духе, расхваливая своего советника, который ни в

чем ему не противоречил. Это, правда, вызывало опасения у некоторых из окружения Рузвельта в том, что близость Тафта к нему и его полное согласие с прогрессистскими решениями вызывает подозрение, так как они считали Тафта лицемером, рвущимся к власти. Сам же Рузвельт какие-либо опасения отвергал.

Рузвельт использовал Тафта в ряде сложных военнополитических операций. Он непосредственно наблюдал за строительством Панамского канала и держал в узде марионеточное правительство Панамы, обеспечивая наиболее благоприятные условия для работ. Он возглавил американскую миссию в Японию, которая была направлена Рузвельтом для укрепления отношений с этой страной перед подписанием Портсмутского мира. Важной была миссия Тафта на Кубу, где он в сентябре 1906 г. возглавил вторую американскую военную интервенцию с целью умиротворения острова, на котором происходили частые перевороты. Тафт был объявлен временным губернатором и подготовил образование гражданского правительства, которому передал власть, и затем покинул остров.

В избирательной кампании 1908 г. попытались участвовать несколько представителей Республиканской партии, но администрация Рузвельта и он сам предприняли все усилия, чтобы выдвинут был друг и последователь действовавшего президента Уильям Тафт. На предвыборном съезде Республиканской партии в Чикаго в июне 1908 г. против Тафта не было сколько-нибудь серьезной оппозиции, и он получил номинацию уже в 1-м туре голосования. За него голосовали 702 делегата, а за остальных семерых 208. Кандидатом в вице-президенты стал консервативный член Палаты представителей от штата НьюЙорк Джеймс Шерман (не путать с автором антимонопольного закона Джоном Шерманом). 30 июня Тафт оставил министерский пост и полностью сосредоточился на выборах.

Теодор Рузвельт поддержал Тафта при условии, что тот в случае избрания сохранит в основном его кабинет и будет продолжать «справедливый курс». Хотя Тафт во время предвыборной борьбы часто поступал вопреки советам Рузвельта, в частности демонстрируя свою поддержку крупного капитала в столкновениях с профсоюзами, Рузвельт продолжал его поддерживать.

Соперником Тафта был демократ Уильям Брайан, уже выдвигавший свою кандидатуру в президенты. Теперь Брайан и Тафт соревновались в том, кто именно из них будет более достойным продолжателем дела Рузвельта в проведении прогрессивных реформ. Значительная часть избирателей понимала, что Брайан лицемерит: ведь именно он был соперником Рузвельта на предыдущих выборах.

Тафт начал свою кампанию демонстративным посещением президента Рузвельта, сообщив прессе, что нуждался в его «совете и критике». Едкие журналисты моментально пустили в ход «шутку», что фамилия Тафт расшифровывается как *Take advice from Theodore* («Получать советы от Теодора»).

По подавляющему большинству вопросов кандидат республиканцев обещал продолжать политику предшественника. Он говорил, что рабочий класс имеет право на организацию и забастовки, но не на бойкот (правда, не очень вразумительно объясняя, что имел в виду под бойкотом). Он повторял, что корпорации и вообще богачи должны соблюдать законы. В то время как Брайан выступал за национализацию железных дорог, Тафт высказался за сохранение их в частной собственности, но под строгим государственным контролем. Вызвало одобрение обещание дополнить антитрестовское законодательство, сделать его более эффективным и в то же время исключить профсоюзные объединения из его сферы.

На выборах, состоявшихся 3 ноября, за Тафта голосовали 7,7 млн избирателей (51,6 %), за Брайана — 6,4 млн человек (43 %). Остальные голоса были поданы за кандидатов малых партий и групп. В коллегии выборщиков соотношение было иным: сторонниками Тафта оказался 321 человек, Брайана поддержали 162 выборщика. Характерно, что часто посещавший Рузвельта во время избирательной кампании, Тафт перестал бывать в Белом доме после победы на выборах. Тем не менее в инаугурационной речи 4 марта 1909 г. он снова пообещал продолжать «справедливый курс» своего предшественника.

Но, переместившись в Белый дом, Тафт фактически сразу стал совершенно другим человеком, чем тот, каким он был в администрации Рузвельта. Выйдя из тени выдающегося руководителя, он оказался человеком робким и непоследовательным. Он не встречался с гражданами на массовых собраниях, страшился пресс-конференций, проводил их редко, на вопросы отвечал уклончиво и подчас не к месту. Наблюдатели острили, что при обращении к нему: «мистер президент» Тафт оглядывался в поиске лица, которому были адресованы эти слова.

В то же время Тафт заменил значительную часть министров Рузвельта своими людьми, что он обещал не делать ни в коем случае. При этом некоторых из назначенных на ответственные посты лиц (например, президента Гарвардского университета Чарльза Элиота, которому было предложено стать послом в Лондоне) Рузвельт явно недолголюбил. По этому поводу Теодор высказывал негодование. На пост государственного секретаря был назначен малоактивный Филандер Нокс, который в свое

время занимал пост генерального прокурора в кабинете Рузвельта, но был отстранен от должности в связи с тем, что не принимал во внимание распоряжения президента.

Тафт игнорировал многие обязательства, взятые на себя во время выборов. Пообещав сокращение таможенных тарифов, он охотно подписал закон Пейна — Олдрича, вводивший повышенные пошлины на ряд импортируемых товаров. Точно так же вместо введения налога на наследство, что намечалось в предвыборной платформе, новый президент просто позабыл об этом.

В 1911 г. Тафт предпринял акцию, которая должна была продемонстрировать Рузвельту, что они стали прямыми личными врагами. Президент воспользовался политико-юридическим арсеналом самого Рузвельта, что явно должно было сделать акцию еще более унижительной. Она была приурочена к 53-му дню рождения Теодора, 27 октября, что Тафт, видимо, считал своеобразным зловещим «подарком». В этот день правительство по распоряжению президента возбудило уголовное дело против корпорации «Юнайтед Стейтс стилл» (*United States Steel Corporation*), основным владельцем которой был Дж. П. Морган. Корпорация обвинялась в нарушении антитрестовского законодательства, хотя на протяжении предыдущих двух десятилетий в ее практике незаконные операции административными и судебными органами не замечались. Но дело, собственно, было не в этом. После того как Морган сыграл важную роль в спасении США от экономического кризиса во время биржевой паники 1907 г., выделив крупные средства на стабилизацию денежного рынка, благодарный Рузвельт пообещал ему, что его сталелитейной корпорации не будут предъявляться обвинения по закону Шермана. Возбуждением судебного дела против этой корпорации Тафт (скорее всего, не столько он сам, человек нерешительный, сколько его советники) просто издевался над Рузвельтом не только в связи с тем, что отказался выполнить обязательство предшественника, но и тем, что действовал в том стиле, который проповедовал «новый национализм» Рузвельта.

В преддверии съезда Республиканской партии 1912 г. Рузвельт развернул агитационную кампанию против Тафта, которая носила резкий, порой оскорбительный характер. Этот конфликт завершился расколом в Республиканской партии, о котором шла речь выше.

Может создаться впечатление, что все президентство Тафта сводилось к продолжительному конфликту с Рузвельтом. Разумеется, это не так, хотя значительную часть энергии и времени обеих сторон занимал именно этот

жесткий конфликт. Значительное внимание уделялось внешней политике. В правление предыдущих президентов она в основном была сосредоточена в Белом доме. Тафт попытался сохранить эту тенденцию, но вместе с тем реорганизовать Госдепартамент так, чтобы он обеспечивал президента квалифицированными рекомендациями. С этой целью ведомство было реорганизовано по географическому принципу путем создания секций Дальнего Востока, Латинской Америки и Западной Европы. Правда, подтвердились прогнозы Рузвельта касательно госсекретаря — Ф. Нокс оказался работником малоинициативным и к тому же не смог наладить деловых отношений ни с Конгрессом, ни с представителями других стран. Что же касается американских дипломатических миссий за рубежом, то они использовались главным образом для решения вопросов внешней торговли, прежде всего для заключения таможенных соглашений о взаимном снижении тарифов.

По отношению к Латинской Америке правительство Тафта сосредоточило внимание на трех проблемах: военно-дипломатической защите строительства Панамского канала путем включения в двусторонние документы упоминаний о принадлежности этой зоны США и размещения на территории Панама американских воинских частей; подтверждении приверженности доктрине Монро в ее дополненном Рузвельтом варианте; интенсивных капиталовложений в латиноамериканскую экономику. Не было ни одной страны Южной Америки, в ведущие отрасли хозяйства которых не вкладывался бы американский капитал. В 1912 г. Тафт впервые употребил по отношению к Латинской Америке выражение «дипломатия доллара» и объяснил его так: «Это — политика замены пуль долларами... Это — откровенное стремление расширить торговлю Америки, причем безусловно предполагается, что правительство США должно оказывать всяческую возможную поддержку всем законным и полезным предприятиям американцев за границей».

Столь откровенное заявление встретило неоднозначную реакцию в Центральной и Южной Америке, где правящие круги явно предпочитали бы слышать более обтекаемую формулировку. В то же время капиталовложения США безусловно способствовали экономическому развитию соответствующих стран, хотя не вели к их подлинной модернизации. Нищета населения, политическая нестабильность, частые государственные перевороты в странах континента сохранялись.

Ко времени вступления Тафта в должность крайне напряженная ситуация сложилась в Мексике, где развертывалось повстанческое движение против диктатора Порфирио Диаса. Нередко повстанцы

переходили границу США, чтобы купить (или даже захватить) лошадей, амуницию, продукты, оружие. По распоряжению президента американские воинские части преследовали повстанцев, а в ряде случаев действовали вместе с мексиканскими правительственными войсками. Тафт дважды встречался с Диасом. Эти контакты вызвали резкое осуждение в либеральной прессе США и у части республиканских депутатов Конгресса. В 1910 г. волнения в Мексике переросли в революцию. На этот раз Тафт занял более осторожную позицию, заявив о невмешательстве в дела соседней страны.

В свое время проработавший несколько лет на Филиппинах, Тафт проявлял заинтересованность в развитии отношений с восточноазиатскими государствами. Особое внимание уделялось Китаю, по отношению к которому выдвигались требования «открытых дверей» для американской торговли. Было подписано соглашение об участии американского капитала в строительстве железных дорог в Китае, однако китайские власти отказались от его выполнения. Собственники акций получили неадекватно высокое возмещение своих расходов, что вызывало недовольство в США.

Начавшаяся в 1911 г. демократическая революция в Китае, приведшая к свержению династии Цин, встретила одобрение общественности США. Тафт, однако, отнесся к китайским событиям крайне сдержанно, заявив, что признание нового режима во главе с Сунь Ятсеном возможно только на основе совместной политики Западных держав.

Отношения с европейскими странами не были приоритетными. Тафт добивался заключения то ли международного договора, то ли серии двусторонних соглашений о решении спорных вопросов путем арбитража. Ни один, ни другой проекты провести не удалось как из-за отрицательного отношения к ним со стороны правительств европейских стран, так и в результате оппозиции в Конгрессе, где опасались, что арбитраж может привести к усилению вмешательства европейских стран в дела Западного континента. Все же некоторые спорные вопросы удалось урегулировать при помощи арбитража. Касались они второстепенных проблем: уточнения границы с Канадой в районе штата Мэн, охоты на морских животных в Беринговом море, рыбной ловли в районе Ньюфаундленда.

Внутри страны правительство Тафта продолжало курс на судебное преследование концернов, у которых власти обнаруживали «монополистические тенденции». При этом поход против того или иного объединения подчас носил не столько экономический характер, сколько был связан с политическими или даже личными мотивами.

Администрация Тафта совершила шаг назад по сравнению с прежними

президентами по вопросу о гражданских правах черного населения. Уже в своем инаугурационном выступлении Тафт объявил, что он не будет назначать черных американцев на федеральные должности, так как это вызовет дополнительные расовые трения. Такой курс получил поддержку расистских организаций и в целом белого населения южных штатов, которые даже объявили о «новой южной политике» президента. Эта опора была для него очень важной, имея в виду, что в северной части страны он постепенно терял позиции. Последовало увольнение черных с официальных постов в южных штатах.

О провале Тафта в президентской кампании 1912 г. мы уже писали в очерке, посвященном Рузвельту. Вновь став рядовым гражданином, Тафт был намерен возвратиться к юридической практике. Однако возникли препятствия. Оказалось, что именно он назначил за четыре года своего президентства многих судей высокого ранга, и теперь в назначении его самого можно было усмотреть конфликт интересов. Бывшему президенту грозила элементарная безработица, так как он не имел значительных накоплений и не был в состоянии заняться бизнесом. Из нелегкого положения удалось выйти, когда ему была предложена профессорская должность в Йельском университете. Здесь он вначале прочитал курс «Современное государственное управление», в значительной степени представлявший воспоминания о собственном президентстве, а следующие годы преподавал свою давнюю дисциплину «Частное право».

С президентом Вильсоном, который был его конкурентом на выборах 1912 г., Тафт установил внешне дружеские отношения, хотя по ряду вопросов критиковал его политику. Его привело в негодование, когда Вильсон назначил на освободившееся место в Верховном суде популярного адвоката Луиса Брэндейса, вместо того чтобы назначить его самого. По этому поводу Тафт даже высказался в печати. Что касается внешней политики Вильсона, то Тафт поддерживал ее полностью, в том числе решение о вступлении США в мировую войну. Он даже демонстративно вступил в Национальную гвардию штата Коннектикут, хотя, разумеется, отправляться на войну не собирался.

Надежда попасть в Верховный суд в конце концов осуществилась, когда на выборах 1920 г. к власти вновь пришла республиканская администрация президента Уоррена Гардинга, которого Тафт в меру своих сил поддерживал. Сразу после избрания Гардинг спросил Тафта, примет ли он назначение в Верховный суд, на что претенциозный бывший президент ответил, что готов согласиться только на место председателя этого высшего судебного органа.

Вопрос остался открытым, но через полтора месяца после инаугурации Гардинга, в мае 1921 г., председатель Верховного суда Мэксин Уайт внезапно умер. Краткое время президент колебался, так как пообещал место в суде еще одному юристу. Но через своих знакомых Тафт продолжал давление. 30 июня президент назначил Тафта членом Верховного суда, Сенат сразу утвердил его, а вслед за этим он стал председателем, точнее, главным судьей (*chief justice*). Тафт чувствовал удовлетворение в связи с тем, что он оказался единственным в американской истории деятелем, который в разное время возглавлял две ветви власти США.

Под руководством Тафта Верховный суд рассмотрел ряд дел, связанных с полномочиями исполнительной власти, коммерческими делами, проблемой гражданских прав. По каждому вопросу принимались решения, которые обосновывались в духе, свойственном Тафту, — как Конституцией и другими законами, так и судебной практикой. Среди важнейших решений надо отметить приговор 1926 г. о том, что президент США вправе увольнять без санкции Сената тех государственных чиновников, назначение которых требовало сенатского одобрения. В 1927 г. суд был вынужден вмешаться в скандальное коррупционное дело нефтяного месторождения Типот-Доум в штате Вайоминг, переданного в частную собственность, хотя оно являлось топливным резервом военноморского флота. О самом скандале будет рассказано ниже. Тафт же прореагировал на него в связи с тем, что замешанный в это дело бизнесмен отказался передать в распоряжение Конгресса связанные с этим делом бумаги. Верховный суд обязал передать бумаги на рассмотрение законодателей. Несколько решений были связаны с нарушениями «сухого закона», фактически запрещавшего в США спиртные напитки. Во всех этих делах Тафт упорно поддерживал «сухой закон», хотя становилось все более ясно, что он действует только формально и приносит стране и ее населению лишь вред.

Уже ко времени назначения председателем Верховного суда здоровье Тафта стало ухудшаться. Он пытался сохранить силы, вел здоровый образ жизни, каждый день ходил пешком на работу в Капитолий, где специальные помещения были отведены для Верховного суда.

Тафт был инициатором строительства нового представительного здания высшего судебного органа, расположенного рядом с Капитолием и Библиотекой Конгресса. Аргументируя перед Конгрессом острую необходимость сооружения нового здания, Тафт убедил, что две ветви власти не могут находиться в одном помещении. При его жизни было завершено проектирование и началась подготовка строительства. Но

переезд в новое помещение состоялся только в 1935 г., когда Уильяма Тафта не было в живых.

В конце 20-х годов стали замечать, что у Тафта часто возникают провалы памяти. Дело дошло до того, что на инаугурации президента Герберта Гувера в марте 1929 г. он забыл текст клятвы, которую вслед за ним должен был повторять новый глава исполнительной власти. О все большем умственном распаде свидетельствовало даже последовавшее за этим заявление: «Я становлюсь старым и медленным, менее острым и часто путаюсь. Но пока дела будут развиваться так, как они идут, и я способен соответствовать своему месту, я должен оставаться в суде, чтобы предотвратить приход большевиков к контролю над страной». И это было сказано в той стране, где коммунисты не могли получить ни одного депутатского места или места в коллегии выборщиков, где они были просто чужды населению!

В конце 1929 г. Тафт прекратил практическое участие в работе суда. Он вроде бы отправился на отдых и лечение в Северную Каролину. Там, однако, у него начались галлюцинации. Вернувшись в Вашингтон в конце января 1930 г., он 3 февраля подписал документ об отставке, вряд ли сознавая, что именно он делает. Через месяц он умер в своем доме в столице. 11 марта состоялись похороны на Арлингтонском национальном кладбище: он стал первым президентом, упокоившимся здесь (вторым будет Джон Кеннеди).

По мнению ряда биографов, Тафт был значительно более успешным председателем Верховного суда, нежели президентом.

Единственный значительный монумент Тафта находился над его могилой. В честь его выпущена почтовая марка. Подчас говорят, что подлинным памятником, связанным с ним, является величественное здание Верховного суда, сооруженное по проекту архитектора Касса Джилберта. Мраморное здание украшено большим количеством статуй исторических деятелей и аллегорическими фигурами. В здании периодически проводятся экскурсии (когда нет заседаний), причем гиды обязательно упоминают, что оно построено по инициативе Уильяма Тафта, который был и президентом страны, и председателем Верховного суда.

Основные издания:

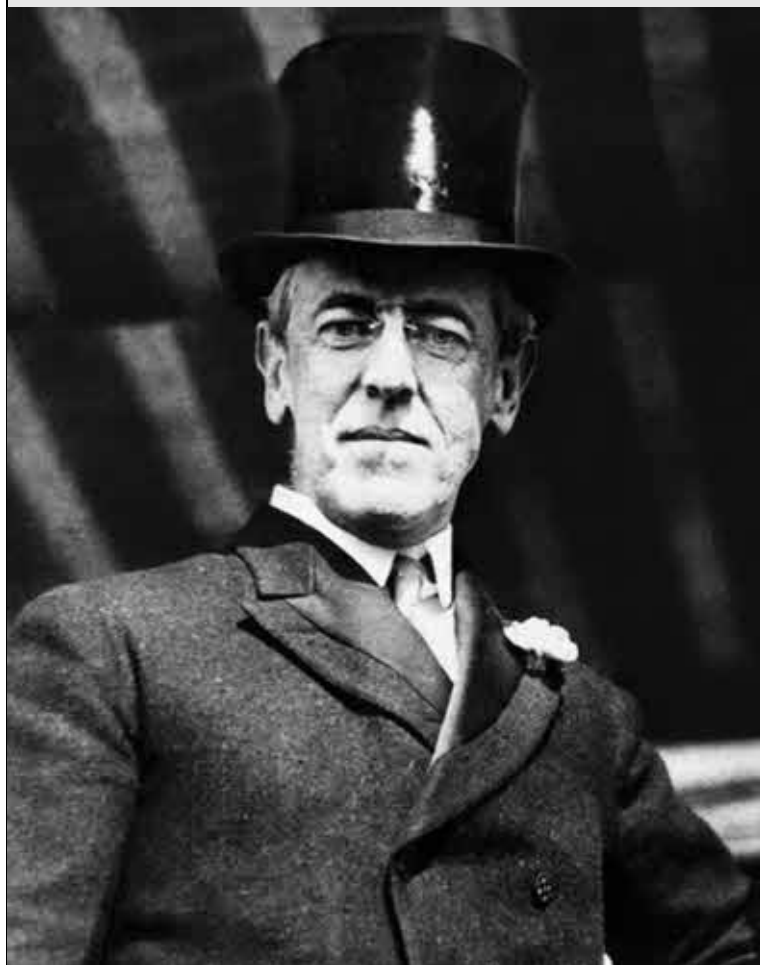
Burton D. William Howard Taft, Confident Peacemaker. Philadelphia, 2004.

Gould L. Chief Executive to Chief Justice: Betwixt the White House and Supreme Court. Lawrence, 2014.

Lurie J. William Howard Taft: Progressive Conservative. Cambridge, 2011.

ВУДРО ВИЛЬСОН

28 декабря 1856 — 3 февраля 1924

28-й президент:

4 марта 1913 — 4 марта 1921

Карикатура на В. Вильсона

Этот президент был первым и пока единственным представителем той части американского истеблишмента, которая занималась изучением и преподаванием прошлого и настоящего человеческих сообществ. Томас Вудро Вильсон (*Thomas Woodrow Wilson*) был историком и политологом, имел ученую степень доктора философии и был университетским профессором. Как такой человек втянулся в столь необычное для этой среды дело, как политика, как он поднялся на вершины государственной деятельности, да еще в переломный период не только для США, но и для всего человечества?

Собственно говоря, имя, данное при рождении ребенку, было Томас. В качестве второго имени, которые очень часто даются американским детям и выбираются произвольно, была взята девичья фамилия его матери Джанет. Уже в детстве мальчику больше нравилось второе имя, которое стало

главным, а о первом попросту позабыли.

Он был третьим (из четырех) ребенком Джозефа и Джанет Вильсон, живших в городе Стонтоне, штат Вирджиния. Отец был потомком ирландских иммигрантов, мать — недавней американкой (ее англо-шотландские родители приехали за океан только в 1807 г.). Джозеф Вильсон был протестантским священником, но у него была небольшая плантация, на которой использовался рабский труд. Он защищал рабство, считал его естественным состоянием американских негров. Как вспоминали его современники, он не был рьяным эксплуататором рабов, вел себя по отношению к ним сравнительно гуманно и даже как-то организовал для них воскресную школу.

Будущий президент рассказывал, что первым его воспоминанием (в возрасте четырех лет) были тревожные разговоры родителей о том, что президентом избран Линкольн и что скоро начнется война.

Джозеф Вильсон был активным церковным деятелем. Во время Гражданской войны он энергично выступал за дело конфедератов, организовал в своей церкви госпиталь для раненых солдат и сам служил капелланом в армии генерала Р. Ли. Свою активность, связанную с конфедератами, позже и Джозеф, и его сын энергично отрицали. Но как иначе можно было оценить его инициативу по созданию Южной пресвитерианской церкви, что означало откол от северных пресвитерианцев? После победы Севера и восстановления единства США, в годы реконструкции власти не вторгались в церковные дела. Раскольническая Южная церковь так и сохранилась, и Джозеф Вильсон играл в ней важную роль, занимая должность заявленного клерка (*stated clerk*), то есть заместителя высшего должностного лица — модератора. Одновременно он проповедовал в пресвитерианской церкви в городе Огаста (штат Джорджия), куда семья переехала вскоре после рождения Томаса Вудро. Сам Вудро стал членом этой ветви христианства в возрасте 18 лет и оставался, по крайней мере на словах, ее приверженцем всю жизнь. Это отнюдь не мешало ему через годы исследовать американскую историю и политику с вполне рациональных позиций.

Но это произойдет в будущем. Пока же, когда мальчику было лишь несколько лет, родители были обеспокоены тем, что, как им казалось, он медленно развивался в умственном отношении. Врачи, правда, успокаивали, определив, что ребенок страдает дислексией, то есть нарушением способности к овладению навыками чтения. Судя по их практике, этот дефект должен был пройти, не оставив следов. Именно так и произошло. В возрасте десяти лет Вудро (теперь уже без двойного имени)

научился читать и, подобно проголодавшемуся человеку, набросился на литературу. В следующие годы он овладел стенографией, чтобы, как он говорил, компенсировать свою детскую отсталость, хотя одно с другим было мало связано.

Учился он вначале дома, затем в церковной школе Огасти. В 1874 г. он поступил в колледж штата Нью-Джерси, который уже в это время часто именовали Принстонским университетом по названию городка, в котором он находился. Официально переименование произошло в 1896 г., тогда же колледж получил университетский статус. Но это было лишь формальным закреплением привилегированного положения, которое занимало это учебное заведение, являясь одним из авторитетных образовательных и научных центров страны.

Вильсон был образцовым студентом, проявив особый интерес к национальной политической истории и только складывавшейся новой отрасли, которую большинство профессоров не считало наукой. Это была политология, которая рассматривалась тогда в университете главным образом как ближайший к современности отрезок истории. Студент Вильсон придерживался в целом такой же позиции, хотя уже в годы обучения стремился выделить специфические особенности политологии как отрасли, имеющей относительную самостоятельность, являющуюся разделом истории и в то же время отличающуюся от нее по объектам изучения и по методам добывания истины.

Вудро стал членом студенческого общества «Пи Каппа Пси» (по первым буквам древнегреческого изречения «Большая радость служить другим») — одного из старейших «братств», в состав которых принимались молодые люди, наиболее выделившиеся то ли учебными и научными достижениями, то ли спортивными успехами. Общество организовывало разного рода мероприятия и оказывало материальную помощь своим членам и другим нуждавшимся студентам.

Вильсон участвовал в дискуссионном клубе, организованном по инициативе общества, проявил интерес к печатным изданиям вигов, а затем Демократической партии. Это особенно четко проявилось в 1876 г., когда во время предвыборной кампании он принял участие в агитации за кандидата демократов губернатора штата НьюЙорк Сэмюэля Тилдена, который выборы проиграл, лишь незначительно отстав от своего соперника из Республиканской партии. С этого времени Вильсон числился в Демократической партии, что было связано как с семейной традицией (в высших кругах южных штатов примыкать к республиканцам считалось просто неэтично), так и с тем, что республиканцы преобладали у власти, а

демократы казались партией, способной позитивно повлиять на ускоренную модернизацию страны.

Вудро окончил университет в 1879 г. Затем в течение года он посещал лекции в юридической школе штата Вирджиния, после чего был принят в коллегия юристов. Сам факт того, что молодой человек, который уже почти избрал своей профессией историю, вдруг стал на какое-то время студентом-юристом, да еще в провинции, свидетельствовал, что у Вудро к этому времени уже сталкивались два интереса — наука и политика. К занятию исторической наукой он считал себя подготовленным, а политическая деятельность традиционно требовала юридического образования, членства в соответствующем объединении и, желательно, адвокатского или другого правового опыта.

В течение короткого времени он попытался вести юридические дела в городе Вилмингтоне (штат Северная Каролина), где жили в это время его родители. Но вскоре он потерял интерес к правовой практике, значительно больше его привлекала история становления американского государства и развитие тех юридических норм, на которых оно основывалось. Несмотря на опасения и возражения родителей, юридическая контора была закрыта. Впрочем, отец проявил великодушие и предоставил 27-летнему сыну средства на продолжение обучения. На этот раз речь шла о получении степени доктора философии, для чего необходимо было изучить большой массив научной литературы, документальные первоисточники, написать и защитить докторскую диссертацию (*Ph.D. Thesis*).

Решив заниматься историей, Вильсон избрал в качестве научного учреждения университет Джонса Гопкинса в городе Балтиморе, штат Мэриленд. Этот университет, названный по имени его основателя и благотворителя, был образован в 1876 г. к 100-летию США. Следуя образцу европейских, в частности германских, университетов, это заведение быстро завоевало авторитет не только в США, но и за рубежом.

В 1883 г. Вильсон поступил в университет на тот этап обучения, который в США стали называть «постобразовательным» и который равнозначен российскому понятию аспирантуры. Вудро изучал исторические дисциплины, политологию, углублял знания в немецком и французском языках. Одновременно он по своей инициативе прослушал лекционный курс известного профессора Ричарда Эли по проблемам конкретной экономики, что, как он полагал, было необходимо для успешного анализа исторических явлений. Результатом трехгодичной работы стал труд «Управление Конгресса: Исследование в области американской политики», за который автору была присуждена степень

доктора философии, а работа опубликована отдельным изданием.

Интенсивная исследовательская работа сопровождалась созданием семьи. В год поступления в аспирантуру (будем употреблять русский термин) Вудро отправился на некоторое время в город Роум (штат Джорджия), где находилось имение родственников, которое пришло в запустение из-за плохого ведения хозяйства. Он отнюдь не был способен наладить хозяйство и поехал туда не для помощи, а чтобы проявить родственные чувства. Но там он познакомился с Эллен Акксон, дочерью священника, которая произвела на него такое глубокое впечатление, что он уже через пару недель сделал ей предложение. После недолгих, скорее показных колебаний Эллен приняла предложение. Состоялось обручение, но брак был отложен по взаимному согласию. Вудро необходимо было подготовить научный труд и стать доктором в Балтиморе, а Эллен приходилось ухаживать за отцом, который после смерти жены находился в депрессии. Излечить родителя не удалось: его пришлось поместить в психиатрическую лечебницу, где он покончил с собой. Придя в себя после потери матери и отца, Эллен рассталась со своим домом в Роуме и поступила в художественную школу в Нью-Йорке. Поняв, однако, что совмещать художественную карьеру с семейной жизнью будет нелегко, она пожертвовала карьерой. В июне 1885 г. состоялась свадьба 25-летней Эллен и 29-летнего Вудро. Брак продолжался до кончины Эллен в 1914 г. У супругов родились три дочери — Маргарет, Джесси и Элеонора. Все они стали активными общественными деятельницами, хотя не занимали заметных постов.

После защиты и публикации диссертации Вильсон стал преподавателем. Он получил должность в частном женском колледже в городе Брин-Мар (штат Пенсильвания), где проработал три года, преподавая дисциплины, которые ему поручались, независимо от интересов и специализации. Хотя он был специалистом в области новой истории, ему приходилось даже читать курсы истории Древней Греции и Древнего Рима. Затем последовали другие учебные заведения. Нигде Вудро не чувствовал себя «в своей тарелке», так как, для того чтобы стать «своим» в американском университете, необходимо было проработать там немало лет и установить соответствующие связи, нередко жертвуя собственными взглядами.

Положение Вильсона улучшилось, когда в 1890 г. он получил возможность поступить на работу в свою *alma mater* — Принстонский университет. Правда, и на этот раз работа оказалась не вполне соответствующей специализации и интересам: он стал руководить

департаментом юриспруденции и политэкономии. Уже тогда в большинстве американских университетов понятие департамента было чем-то средним между кафедрой и факультетом. Вильсон возглавил небольшой коллектив преподавателей, группы аспирантов и студентов, специализировавшихся в соответствующих отраслях. Если иметь в виду, что он получил значительный по тем временам оклад — 3 тыс. долларов в год (примерно 90 тыс. долларов в 2018 г.), он примирился с тем, что стал вести работу в знакомых, но не очень его интересовавших научных отраслях. К тому же Вильсон сотрудничал с другими университетами. Он выезжал в Балтимор, где читал лекции в университете им. Джонса Гопкинса по вопросам американской истории, в НьюЙорк, где обучал студентов основам конституционного права. Это расширяло его кругозор, позволяло приобрести новых коллег и знакомых, не говоря уже о дополнительных источниках дохода.

Профессор отдавал все силы тому, чтобы Принстонский университет восстановил былую славу, стал во главе американской науки. Его авторитет рос, что привело к тому, что в 1902 г. его избрали президентом университета. Он не рассматривал эту должность как почетную, а стремился совершенствовать научную деятельность и подготовку специалистов. В 1905 г. по его инициативе была создана система прецепториев, то есть научных семинаров, которые существенно дополнили стандартные лекционные методы обучения. В прецепториях студенты готовили доклады, основанные не только на существующей литературе, но и на базе собственных исследований. Первым в США Принстонский университет стал готовить научных работников уже на студенческой скамье.

Научное творчество профессора Вильсона казалось многим его современникам странным, нарушающим каноны, сложившиеся в консервативном сообществе. Уже в первой своей книге о правлении Конгресса он подверг критике некоторые конституционные основы США, считая их устаревшими и требующими значительной переработки. Он считал, что в США необходимо ввести обычную парламентскую систему по образцу передовых европейских стран, а действующую систему трех ветвей власти считал громоздкой и подверженной коррупции. Он видел главное направление совершенствования политической системы страны в сближении Конгресса и президентской администрации, в сокращении возможности для президентов руководить страной при помощи исполнительных распоряжений, которые, как он полагал, подчас ведут к нарушению конституционных основ и компрометируют Конституцию.

Однако позже, особенно став государственным деятелем, Вильсон никогда не повторял своих отрицательных оценок конституционных основ США и не пытался внести в них существенные изменения.

В 1890 г. вышел новый крупный труд Вудро Вильсона «Государство», в котором впервые излагалась история государственного строительства в США. Книга рассматривалась в качестве учебного пособия, но она значительно выходила за рамки такового. Государственные институты автор оценивал как средство излечения социальных болезней и создания в перспективе общества благосостояния. Именно Вудро Вильсон употребил понятие «всеобщего благосостояния», которое почти через век стало использоваться для обозначения современного западного общества, обеспечивающего основные жизненные условия для всех тех его членов, которые ведут честный образ жизни. Он, правда, не задумывался об отрицательных сторонах подобного общества, которые через много лет проявились на практике.

В следующие годы появились новые труды, в которых рассматривались отдельные этапы американской политической истории. Важным итогом стал вышедший в 1902 г. четырехтомник «История американского народа», в котором содержалась попытка рассмотреть в комплексе различные стороны развития общества в США, включая историю культуры и быта. Не делая каких-либо фактологических или теоретических открытий, Вильсон стремился поставить изучение прошлого страны на твердые научные основы, не ограничиваясь изложением развития экономики или политических структур. Позже он вернулся к политологическо-правовому анализу современности в книге «Конституционное правление в США», вышедшей в 1908 г. Он считал, что США должны заимствовать британский опыт формирования правительства на партийной основе, причем президент должен являться официальным лидером той партии, которая добивается победы на выборах.

В качестве президента университета и автора книг, которые широко обсуждались в прессе, Вудро Вильсон становился все более известной личностью, особенно в штате Нью-Джерси. Он приобрел репутацию реформиста и человека, не бросающего слов на ветер, противостоящего как крайне консервативным элементам Демократической партии, так и демагогам типа Брайана. Когда в 1910 г. приближались очередные выборы губернатора штата, национальные боссы демократов обратили особое внимание на респектабельного профессора, предложив ему перейти от теории к практике, попытавшись возглавить важный штат. В середине июля 1910 г. Вильсон встретился в Нью-Йорке с ведущими депутатами обеих

палат от Демократической партии. Правда, возникли сомнения, связанные с тем, что у Вильсона не было необходимого опыта административной деятельности. Он, однако, в конце концов убедил, что руководство крупным коллективом студентов, аспирантов, преподавателей, технических и прочих служащих в университете равнозначно таковому опыту. На съезде демократов Нью-Джерси в середине сентября он был выдвинут в губернаторы.

Вступив в соревнование с кандидатом Республиканской партии Вивианом Луисом, занимавшим в штате пост уполномоченного по банкам, Вильсон быстро отказался от профессорского стиля аргументации и перешел к откровенно политическим методам борьбы с немалыми элементами демагогии. Оказалось, что он способен увлекать аудиторию и обладает определенным ораторским талантом. Во время предвыборной кампании Вильсон проявлял себя как прогрессист, в какой-то степени копируя бывшего президента от республиканцев Теодора Рузвельта, обещая ввести в штате законодательство по охране труда и нормированию рабочего дня.

На выборах в начале ноября Вильсон одержал победу. Демократы овладели также Генеральной ассамблеей (нижней палатой) штата, хотя в Сенате республиканцы сохранили большинство. Став губернатором, Вильсон проявил решимость проводить самостоятельный курс, не считаясь с партийной машиной. С первых дней пребывания на новом посту он пытался проводить реформы. Важнейшими из них были: введение обязательных предварительных выборов (праймериз) в партиях перед общими выборами на все должности в рамках Нью-Джерси; проведение акта о противодействии коррупции; меры о «компенсациях рабочим», включавшие обязательную оплату нескольких дней в году по болезни; помощь неимущим, в частности путем создания бесплатных медицинских учреждений. Все эти меры были лишь нормативными, осуществить их на практике Вильсон не успел, но явно обозначилась тенденция — губернатор был прогрессистом в духе Рузвельта, фактическим последователем которого он себя позиционировал, несмотря на то, что принадлежали они к разным партиям и лично друг другу не симпатизировали.

Уже через год, к середине 1911 г., губернатор Нью-Джерси приобрел всеамериканскую известность. Его начинали сравнивать с Теодором Рузвельтом — знаменосцем прогрессивных реформ. Столь же ожесточенными были и нападки со стороны консерваторов, которые не гнушались вспоминать, что губернатор одного из северных штатов происходил из семьи рабовладельцев. И то и другое побудило Вильсона и

его сторонников, прежде всего из среды общественных активистов штата и Принстонского университета, заранее начать президентскую кампанию 1912 г. В прессе писали о стремительном взлете Вильсона, однако ему не хватало опытных политических менеджеров, которые возглавили бы кампанию, и средств на ее проведение.

Немалую помощь оказали бизнесмены-южане, переехавшие на север. Они видели в Вильсоне воплощение нового единства страны, называя себя «северными южанами». Среди них выделялись Уильям МакЭду, родом из штата Джорджия, который совмещал в Нью-Йорке адвокатскую деятельность с финансовыми операциями, и Джозеф Дэниэлс, видный журналист и издатель. Неожиданно Вильсон подучил поддержку Уильяма Брайана, который, отчаявшись стать президентом, отказался от своих амбиций и пришел к выводу, что именно в кандидатуре Вильсона может воплотиться прогрессистское направление, по которому, как он был убежден, должна двинуться Демократическая партия. В качестве демонстрации своей поддержки он пригласил Вильсона на обед. Правда, неустойчивый Брайан колебался, то отказывая Вильсону в одобрении его деятельности, то вновь поддерживая.

В то же время южные демократы часто протестовали против его выдвижения, утверждая, что он не является подлинным южанином, что он перебежчик, воспринявший «северный» образ мыслей. Но тот факт, что Вильсон действительно по происхождению был южанином, predetermined его широкую поддержку в штатах региона. Постепенно сложился малоестественный блок южных консерваторов и северных прогрессистов.

Предвыборный съезд Демократической партии происходил в Балтиморе 25 июня — 2 июля. Сам факт проведения съезда в этом городе был удачей для Вильсона, так как он в свое время работал в здешнем университете им. Джонса Гопкинса и городские круги оказывали ему поддержку. Вначале большинство делегатов высказывались в пользу спикера Палаты представителей Шампа Кларка, который, однако, не набирал необходимых 2/3 голосов. Вильсон из тура в тур оказывался на втором месте. Однако внезапное заявление Брайана, что Кларк является «кандидатом Уоллстрита», а Вильсон действительно представляет интересы народа, привело к серьезному сдвигу. В новых турах за Вильсона подавалось все большее число голосов, пока, наконец, при 46-м голосовании он получил необходимое количество сторонников.

В качестве кандидата в вице-президенты был избран губернатор штата Индиана Томас Маршалл, который стоял на умеренно консервативных позициях, но поддержал Вильсона во время последних голосований.

Выдвижением Маршалла Вильсон продемонстрировал, что он в какой-то мере научился маневрировать, идти на компромиссы во имя достижения основного результата.

Выборы 1912 г., как нам уже известно, были соревнованием не двух, а трех ведущих кандидатов, что резко облегчило положение Вильсона. Раскол в Республиканской партии, образование Прогрессивной партии предопределили, что предвыборная кампания будет сосредоточена на столкновении не столько принципов, сколько личностей — сравнительного новичка Вильсона и опытного Рузвельта. Вначале казалось, что преимущества на стороне последнего, однако предвыборный штаб Вильсона, который возглавил МакЭду, смог выработать такой подход к прогрессизму, который постепенно привлекал все большее число сторонников. Американцев в какой-то мере насторожили заявления Рузвельта о необходимости «нового национализма», в который он включал широкое вторжение государства в сферу частного бизнеса и ограничение индивидуальных и групповых интересов.

По совету своего штаба и прежде всего МакЭду демократический кандидат противопоставил «новому национализму» «новую свободу», которая, в сущности, также являлась лишь пропагандистским лозунгом. Ведя полемику с Рузвельтом, Вильсон высказывался за социальное и экономическое обновление путем динамичной, но осторожной опоры на личные интересы граждан, в том числе представителей бизнеса. Он повторял, что вопросы собственности имеют малое значение по сравнению с человечностью, «по сравнению с красной кровью, отданной американцами». В то же время Вильсон высказывался за расширение антитрестовского законодательства и стал обвинять Рузвельта в том, что, будучи президентом, тот не проводил достаточных мер против монополистических тенденций. По общим проблемам управления позиция Вильсона была более определенной: он отстаивал снижение таможенных тарифов и ограничение власти федерального правительства. К Рузвельту Вильсон обращался с оттенком иронии, называя его «нерегулярным республиканцем», что было несправедливо и в то же время просто бесило Теодора, который отвечал резкостями. Оба кандидата соревновались примерно на равных, тогда как Тафт явно отставал.

Выборы состоялись 5 ноября 1912 г. За Вильсона проголосовали 6,3 млн избирателей (41,8 %), за обоих его главных соперников вместе 7,6 млн (50,6 %). Иначе говоря, если бы республиканцы не раскололись, Вильсон, скорее всего, проиграл бы. В избирательной коллегии оказалось 435 сторонников Вильсона, 88 выборщиков поддержали Рузвельта и всего лишь

8 — Тафта.

Новый президент ничем не удивил страну в своей инаугурационной речи, зато отказался от проведения ставших уже традиционными балов с огромной ценой входных билетов, проведя вместо этого скромный ужин в Белом доме с семьей и друзьями. В то же время в Вашингтоне, который тяготел к югу своим местоположением, и в крупных городах южных штатов состоялись массовые празднества белого населения по поводу того, что на президентский пост впервые после 1848 г. (тогда был избран вирджинец Закари Тейлор) президентом стал уроженец юга. Вильсон высказал по этому поводу чувство досады, отметив, что он представляет в равной степени все регионы страны.

Вильсон образовал правительство, состоявшее не из специалистов, а из политиков — лояльных по отношению к нему и к партийному курсу демократов. Государственным секретарем был назначен Уильям Брайан, который постепенно отказывался от своего демагогического антикапиталистического настроя. Вильсон отдавал должное роли Брайана в его выдвижении в президенты от Демократической партии в 1912 г. Правда, в 1915 г., когда уже бушевала мировая война и становилось ясным, что США не удастся избежать вступления в нее, Брайана сменил более опытный человек — специалист по международному праву Роберт Лансинг, который выступал вначале за благожелательный нейтралитет по отношению к странам Антанты, а затем за непосредственное участие США в войне.

Бывший руководитель избирательной кампании Мак-Эду стал секретарем казначейства, а его главный помощник Дэниэлс получил Департамент ВМФ, хотя никакого отношения ни к флоту, ни к военным делам ранее не имел. В этом департаменте на первый план начал выходить дальний родственник Теодора Рузвельта Франклин Рузвельт, ставший заместителем секретаря — позже один из наиболее известных президентов США.

Свое намерение работать в тесном единении с Конгрессом Вильсон продемонстрировал, выступив на внеочередном совместном заседании палат с двухчасовой речью. В следующие годы свои регулярные послания «О положении страны» Вильсон, в отличие от предыдущих президентов, представлял Конгрессу лично, выступая на объединенных заседаниях палат с кратким их обоснованием. Установив непосредственные отношения с руководителями палат и лидерами обеих фракций, Вильсон сумел сблизить исполнительную и законодательную ветви власти в большей степени, чем предыдущие президенты. Одновременно он укрепил связь с прессой, начав

проводить раз в две недели пресс-конференции, на которых аккредитованным журналистам разрешалось задавать любые вопросы. Даже если они ставили президента в тупик, он никогда не отказывался от ответа, хотя нередко они носили характер отговорок. Тем не менее журналисты были удовлетворены более широкой, чем у его предшественников, открытостью нового президента.

Созвав в 1913 г. очередную сессию Конгресса, Вильсон добился, что заседания продолжались лишь с несколькими небольшими каникулами в течение 18 месяцев. За это время, пользуясь большинством, которым обладали демократы, он провел три важных группы законов. В очередной раз были понижены ввозные пошлины и в то же время введена шкала прогрессивного подоходного налога. Провести это законодательно Вильсону помогла 16-я поправка к Конституции США, предложенная еще в 1909 г., но принятая Конгрессом только в феврале 1913 г., то есть накануне его вступления в должность. Поправка наделяла Конгресс правом собирать федеральный подоходный налог, поступления от которого целиком направлялись в федеральный бюджет. Теперь было установлено, что от уплаты федерального налога освобождались лица с доходом до 3 тыс. долларов в год. Получавшие от 3 до 500 тыс. долларов уплачивали в федеральную казну 1 % дохода, а свыше этой суммы — 7 %. Это позволило частично компенсировать бюджетные потери от сдвига вниз таможенных качелей. Но главным было то, что демократы развернули шумную пропаганду своей политики частичного возвращения народу доходов, полученных крупнейшими финансовыми магнатами. Правительство выступило с инициативой проведения финансовой реформы и создания резервной системы, позволяющей, как надеялся Вильсон, сравнительно быстро устранять возникающие проблемы в денежном обращении. В декабре 1913 г. после длительных дебатов и с определенными трудностями был проведен закон, предусматривавший создание Федеральной резервной системы (ФРС), состоящей из особого центрального агентства (фактически аналог Центрального банка), осуществляющим контроль и руководство всей банковской системой страны. Помимо руководящего органа в систему вошли 9 (позже 12) федеральных резервных банков, расположенных в крупнейших городах, и около 3000 коммерческих банков-членов. ФРС возглавлял назначаемый президентом Совет управляющих, а также подчиненные ему Комитет по операциям на открытом рынке и Консультационные советы. Капитал всей системы являлся частным, носил акционерный характер, но в управлении руководящую роль играло государство. В США впервые была создана централизованная федеральная

банковская система.

Следующим важным аспектом политики Вильсона было сокращение привилегий крупного бизнеса. Хотя уже 20 лет действовал антимонопольный закон, многие его положения были сформулированы так, что реально бороться с монополизмом было невозможно, как ни старались администрации МакКинли, Рузвельта, Тафта. Закон, внесенный в Конгресс Г. Клейтоном, фактически был разработан в кабинете Вильсона. Так называемый антитрестовский закон Клейтона был принят после острых дебатов и подписан президентом 15 октября 1914 г. Он не отменял закона Шермана 1890 г., но вводил существенные дополнения: ограничивал деятельность трестов, запрещая ценовую дискриминацию (то есть продажу одного и того же товара различным покупателям по разным ценам) и продажу товаров «в нагрузку». При этом было четко определено, что закон не распространялся на рабочие и фермерские организации (ранее были попытки в судебном порядке приравнять их к монополиям). Для контроля над трестами создавалась Федеральная торговая комиссия. Общество положительно приняло положение о личной ответственности, в том числе уголовной, тех финансовых магнатов и высших менеджеров трестов, которые были виновны в создании монополий. Все эти положения Вильсон объявлял воплощением «новой свободы». В свой второй срок Вильсон дополнил этот пакет законов новыми актами. Были приняты законы о федеральной помощи фермерам, о частичном запрещении и общем ограничении детского труда, о введении восьмичасового рабочего дня на железных дорогах, проходящих более чем через один штат. Впрочем, все сколько-нибудь значительные железные дороги охватывали ряд штатов, и принятие закона означало ограничение рабочего дня во всей отрасли и являлось важным этапом развития американского социального законодательства. Впрочем, эти меры (как и одновременное повышение зарплаты) были вызваны тем, что в стране назревала всеобщая забастовка железнодорожников, и Вильсон пытался всеми силами ее не допустить.

Он и раньше вмешивался в трудовые конфликты. В 1914 г. президент предложил свое посредничество во время забастовки солидарности шахтеров в штате Колорадо, после того как части Национальной гвардии атаковали лагерь забастовщиков, следствием чего стала гибель двух десятков шахтеров и членов их семей. Возникло даже некоторое подобие гражданской войны. Собственники шахт, в числе которых был Джон Рокфеллер, отказались от президентского арбитража, и Вильсон был вынужден направить в район столкновений федеральные войска. Только их присутствие заставило обе стороны отступить.

Летом 1914 г., когда резко ухудшилось состояние здоровья его жены Эллен, Вильсон был вынужден ненадолго отойти от дел. У нее в течение нескольких лет развивалась болезнь почек, переросшая в тяжелую почечную недостаточность. Эту болезнь лечить тогда не умели, и в начале августа 1914 г. Эллен скончалась. Президент искренне переживал, но натура политика взяла верх, тем более что ситуация в мире резко осложнилась: 1 августа началась Первая мировая война. Постепенно становилось ясно, и в первую очередь президенту, что мировая держава, какой являлись США, экономически, политически, морально связанная со Старым Светом, вряд ли сможет остаться вне игры. Летом 1916 г. начали создаваться лагеря, в которых добровольцы, главным образом из числа студентов университетов, проходили военное обучение, с тем чтобы затем сдать экзамены на офицерское звание. В июне 1916 г. Конгресс принял закон об обороне, согласно которому была вдвое увеличена численность Национальной гвардии, причем разрешена «федерализация» национальных гвардейцев, то есть их подчинение общеамериканским властям и их боевое использование, не только на территории США, но и за их пределами. Президент получал дополнительные права по регулированию производства вооружений.

Параллельно США пришлось в эти годы вести весьма болезненные для обеих сторон военные действия против мексиканской повстанческой армии Франсиско (Панчо) Вилья, которая вторгалась на территорию США, захватывала и грабила приграничные города и поселки. Борьба с повстанцами была поручена генералу Джону Першингу.

Тяжелая международная ситуация и необходимость в связи с этим решать множество вопросов позволили Вильсону выйти из состояния, близкого к депрессии. В марте 1915 г. он познакомился с приглашенной в Белый дом на ужин Эдит Голт, богатой южанкой и вдовой известного вашингтонского ювелира, зрелой красавицей с пышными формами. Пригласила ее сестра Вудро, по всей видимости, с матримониальными намерениями. План сработал. Эдит стала бывать в президентской резиденции, а в декабре 1915 г. состоялась скромная свадьба, на которую были приглашены только самые близкие. Новобрачная стала активно помогать супругу, она просматривала входящую корреспонденцию и подчас решала, какие письма попадут на стол президента, а какие нет. Это породило слухи, что страной правит не Вудро, а Эдит Вильсон, что, конечно, не соответствовало действительности.

Хотя США явно шли к вступлению в войну, предвыборная кампания 1916 г. проводилась Вильсоном под главным лозунгом «Он уберег нас от

войны». При этом кандидат от республиканцев бывший губернатор штата НьюЙорк Чарльз Хьюз выступал за частичную мобилизацию и усиленную подготовку армии к возможному вовлечению в конфликт. Сторонники Вильсона обвиняли Хьюза, что он втягивает страну в войну, и это стало важным козырем демократов в президентской кампании. Сам Вильсон вел кампанию, акцентируя внимание на достижениях своей администрации и воздерживаясь от прямой критики Хьюза: во-первых, тот был явным прогрессистом, а во-вторых, сам Вильсон не исключал вступления США в войну.

Программы кандидатов были практически одинаковыми и Вильсон выиграл выборы с большим трудом. За него голосовали 9,1 млн человек (49,2 %) за Хьюза — 8,5 млн (46,1 %), да и разница в коллегии выборщиков была не очень существенной (277 и 254). Подсчет голосов длился несколько дней и вызвал острые споры, так как в ряде штатов Вильсон выиграл с незначительным большинством (в Миннесоте разница составляла 393 голоса, а в Нью-Гемпшире — 54).

Во время предвыборной кампании и особенно после повторного избрания все большую роль стал играть политтехнолог Эдвард Хауз, которого обычно называли полковником, хотя в армии он не служил. (Это был почетный титул, присвоенный ему в родном штате Техас за заслуги в общественной деятельности.) Современники и исследователи по-разному оценивают роль Хауза: одни считают, что он фактически определял политику президента в годы войны, другие утверждают, что он был лишь послушным исполнителем воли Вильсона. Видимо, истина лежит посередине. Опубликованный в США в 1926–1928 гг. трехтомный «Архив полковника Хауза» (он издан на русском языке в 1937–1939 гг.) свидетельствует, что Вильсон чаще всего обсуждал свои внешнеполитические намерения именно с ним. Полковник постоянно выезжал с дипломатическими поручениями, в том числе секретными, в страны Европы, где с ним на равных вели переговоры главы государств.

В 1915 г. Германия развернула неограниченную подводную войну. Одной из первых ее жертв стал британский лайнер «Лузитания», среди пассажиров которого были американцы. 7 мая 1915 г. он был торпедирован германской подводной лодкой, среди 1198 погибших оказалось 128 граждан США. Пресса превратила этот инцидент в мощный аргумент в пользу скорейшего вступления в войну. Но Вильсон медлил с окончательным решением. Одна за другой направлялись ноты протеста, выдвигались требования компенсации, на которые Германия отвечала уклончиво. В феврале 1917 г. пришли тревожные известия из России: монархия пала, к

власти пришло Временное правительство, объявившее о победе демократии.

После патетического выступления Вильсона 2 апреля на совместном заседании обеих палат 4 апреля США объявили войну Германии, причем в стране была развернута бурная пропагандистская кампания, объявлявшая, что война идет между демократией и деспотизмом, который олицетворяет германский милитаризм. 18 мая по предложению Вильсона был принят закон о создании массовой армии путем организации мобилизационно-призывной системы. Командующим действующей армией был назначен Дж. Першинг.

Весной 1918 г. американские войска стали прибывать на старый континент. Постепенно их численность достигла миллиона человек. Вместе с тем Вильсон обдумывал условия завершения войны. Он отверг предложение Першинга объявить, что США будут участвовать в войне до полной капитуляции Германии и ее союзников.

Что же касается большевистского переворота в ноябре 1917 г. и начала Гражданской войны в России, то Вильсон и в целом власти США не заняли какую-либо определенную позицию. В ответ на запрос японского командования (Япония участвовала в войне на стороне Антанты) относительно помощи в борьбе против большевиков на Дальнем Востоке, американское командование по согласованию с Вильсоном заявило: «Мы не смотрим на большевиков как на врагов, так как они представляют одну из политических партий России. Действуя против них, мы стали бы вмешиваться во внутренние дела России».

Вильсон, однако, не был последователен. Сравнительно небольшие американские силы (12–13 тыс. человек) были направлены на российский север в районы Мурманска и Архангельска и на Дальний Восток. Активного участия в военных действиях они не принимали и вскоре были выведены. Так что версия советской историографии насчет того, что США якобы играли ведущую роль в «иностранной военной интервенции» против Советской России, повторяемая в последние годы некоторыми российскими пропагандистами, действительности не соответствует.

Вильсон предпринял немалые усилия по созданию «внутреннего фронта», то есть обеспечению максимального содействия военным действиям. С этой целью была создана система временных государственных управлений в области военной промышленности, продовольственного снабжения населения, топлива и т. д. Руководители этих ведомств (это были бизнесмены, получавшие жалованье в размере 1 доллар в год) образовали Военный кабинет, который проводил

еженедельные заседания во главе с президентом. Среди членов кабинета были будущие видные политики, включая будущего 31-го президента Герберта Гувера. Президент установил деловые контакты с профсоюзными объединениями, в частности с руководителем АФТ С. Гомперсом и лидерами союзов железнодорожников.

Вильсон выступил с инициативой создания первого в истории государственного ведомства пропаганды — Комитета общественной информации, которое возглавил публицист и писатель Джордж Грил. Как указывалось в распоряжении Вильсона, комитет был образован для разъяснения правительственных решений, поддержания высокого морального уровня населения, осуществления «добровольной цензуры печати» (видимо, под этим подразумевалось самоограничение критики), а также пропаганды за рубежом. В 1917 г. через Конгресс был проведен закон о шпионаже, а в следующем году — закон о подстрекательстве к мятежу, на основании которых подвергались преследованию те, кто выступал против войны или проводил прогерманскую пропаганду. Ряд лидеров левых профсоюзов, анархистов, а также зарождавшихся коммунистических групп, выступавших против войны, были арестованы по обвинению в саботаже.

Во 2-й половине 1917 г. президент под началом полковника Хауза создал группу политологов, историков и экономистов, которая разработала предложения, изложенные Вильсоном в Конгрессе 8 января 1918 г. Это были знаменитые «14 пунктов» — вильсоновская программа мира. В известной степени это был ответ на Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов, в котором содержалось невыполнимое предложение заключения всеобщего мира «между народами», игнорируя правительства. В число условий мира Вильсон включил всеобщее сокращение вооружений, создание международного объединения наций, предоставление независимости Польше, фактическое введение принципа «открытых дверей» и «равных возможностей» в мировой торговле. Пункт, посвященный России, можно было толковать по-разному, но бесспорным в нем было явное непризнание большевистской власти. Он гласил: «Освобождение российских территорий, решение ее вопросов исходя из ее независимости и свободы выбора формы правления». Одобренные союзниками США, хотя и неохотно, «14 пунктов» стали одной из основ будущего послевоенного мирового устройства.

В 1918 г. германские войска попытались предпринять несколько наступательных операций на территории Франции. Все они оказались неудачными. В их отражении, а затем и в контрнаступлении принял участие Американский экспедиционный корпус. 11 ноября в Компьенском лесу

было подписано соглашение о прекращении военных действий. Уже в декабре Вильсон отправился в Европу. Он стал первым американским президентом, посетившим Старый Свет во время исполнения своих обязанностей. Он возглавил американскую делегацию на Парижской мирной конференции, войдя вместе с британским премьером Дэвидом Ллойд Джорджем, премьером Франции Жоржем Клемансо и премьером Италии Витторио Орландо в «большую четверку», фактически решавшую все проблемы, хотя в конференции (январь 1919 — январь 1920) участвовали 27 государств.

Вильсон находился в Париже полгода (с трехнедельным перерывом в марте, когда он уезжал в Вашингтон для консультаций и отдыха). В начале конференции президент США вел себя агрессивно, настаивая на полном включении в документы «14 пунктов» и особенно энергично требуя утверждения устава международной организации, которая получила название Лиги Наций. Во время пребывания в США он осознал, что общественность его страны и конгрессмены вряд ли примут его план, так как это означало бы широкое вовлечение США в зарубежные дела, против чего в стране с сохранявшимися изоляционистскими настроениями возражали широкие слои населения и видные политики. После возвращения в Париж Вильсон попытался включить в устав Лиги Наций положения доктрины Монро, а также пункты, в которых четко было бы сказано о праве выхода отдельных государств из Лиги и о ее невмешательстве во внутренние дела отдельных стран. Вильсон настаивал, чтобы договор с Германией не привел к чрезмерному ослаблению этого государства. Ллойд Джордж и особенно Клемансо выступили против. Последний настаивал на фактическом превращении Германии во второстепенное аграрное государство, находившееся под контролем Антанты, что Вильсон считал нереальным и опасным. Несколько раз он угрожал, что покинет конференцию, но своих угроз не исполнил. На нем явно сказались перегрузки последних лет, и именно в Париже состояние здоровья президента США стало резко ухудшаться. Он часто пропускал заседания, ссылаясь на плохое самочувствие. Постепенно его влияние на ход конференции слабело, как и интерес к европейским делам.

Вместе с другими участниками конференции Вильсон 28 июня 1919 г. подписал в Версальском дворце мирный договор, после чего покинул Европу, хотя конференция еще не завершилась и предстояло согласование и подписание мирных договоров с союзниками Германии.

Сенаторы-республиканцы еще раньше предупреждали Вильсона, что выступят против ратификации, если в договоре будет хотя бы упоминание о

Лиге Наций. Вильсон же, уже начинавший терять чувство реальности, к этим предостережениям не прислушался и продолжал надеяться, что Сенат ратифицирует договор, текст которого включал устав Лиги Наций. Но добившаяся успеха на промежуточных выборах в Конгресс в ноябре 1918 г. Республиканская партия отказалась поддержать президента, а результаты выборов стали рассматриваться как осуждение народом США всей политики Вильсона.

Вернувшись в США в июле 1919 г., Вильсон оказался в крайне неблагоприятной ситуации. Экономическое положение страны резко ухудшалось. После отмены ограничительных мер военного времени и перехода на производство мирной продукции быстро росли цены и безработица. Массовые забастовки и революционная риторика возникших в 1919 г. двух крохотных компартий вызвали антибольшевистскую истерию в прессе, пугавшей население «красной опасностью», которая вот-вот поразит США. Вильсон же упорно стремился добиться ратификации Версальского мира. Он вел переговоры с сенаторами-республиканцами, пытаясь убедить их в важности Лиги Наций для США, однако наткнулся на упорное сопротивление. В сентябре 1919 г. Вильсон предпринял трехнедельную поездку по стране. В многочисленных выступлениях он стремился привлечь население на свою сторону. Однако патетические и в то же время мрачные пророчества, что отказ от мирного договора поставит под угрозу всю мировую цивилизацию, включая США, были встречены без энтузиазма, в лучшем случае жидкими аплодисментами. Эта неудачная поездка не только укрепила позиции оппонентов Вильсона в Сенате, но и сильно сказалась на его здоровье. 25 сентября во время выступления в штате Колорадо он потерял сознание, после чего был вынужден прервать агитационный тур и вернуться в Вашингтон.

Обсуждение вопроса в Сенате продолжалось до весны 1920 г. В конце концов 19 марта 1920 г. верхняя палата проголосовала против ратификации. В Лигу Наций, являвшуюся детищем Вильсона, его страна так и не вошла. Позже США подписали договор с Германией, но никаких упоминаний об этой международной организации там не было. Но обо всем этом Вильсон если и знал, то выразить словами свое отношение к развитию событий не был в состоянии. Он даже не смог поблагодарить за присуждение ему 6 октября 1919 г. Нобелевской премии мира «за привнесение фундаментального закона человечности в современную международную политику».

Второго, а затем 6 октября у Вудро Вильсона произошли кровоизлияния в левое полушарие мозга, от последствий которых он уже

не оправился. Он больше не мог говорить, ослеп на один глаз (вторым глазом он мог различать лишь очертания предметов, читать самостоятельно он не мог). Через несколько месяцев в результате усилий наиболее квалифицированных врачей его состояние немного улучшилось, но к государственной деятельности он уже не вернулся.

В течение нескольких месяцев жена и помощники скрывали истинное состояние президента, организовав, в частности, фальшивое интервью с журналистом Луисом Сейболдом, за которое тот получил Пулитцеровскую премию 1921 г. (когда выяснилась правда, разразился скандал, но премии его не лишили). Фактически без ведома президента, но от его имени было наложено вето на решение Конгресса 28 октября 1919 г., вводившее в действие 18-ю поправку к Конституции — о «сухом законе». Эта пресловутая поправка была принята Конгрессом еще в декабре 1917 г. вопреки позиции президента, который заранее объявил, что наложит на нее вето. Поправка была принята под давлением антигерманских организаций, которые утверждали о том, что именно из Германии в Америку пришли пивные. Антиалкогольное движение было поддержано рядом организаций трезвенников, женских объединений и др. Вильсон, занятый войной, не обратил на этот документ внимание.

В конце же 1919 г. вето Вильсона было преодолено обеими палатами Конгресса, и поправка вступила в силу в январе 1920 г. Поправка запрещала производство, импорт и продажу любых алкогольных напитков, хотя и не распространялась на потребление алкоголя. Возникал, правда, вопрос, как можно было потреблять спиртные напитки, если любые операции, связанные с ними, были запрещены. «Сухой закон» никогда фактически не выполнялся, но привел к нелегальному производству спиртных напитков, часто крайне низкого качества, развитию черного рынка и контрабанды, резкому увеличению смертности от алкоголизма и отравления спиртным. В связи с полной несовместимостью «сухого закона» с реалиями он был отменен по инициативе президента Франклина Рузвельта.

Еще одна поправка к Конституции, принятая в то время, когда Вудро Вильсон фактически перестал исполнять президентские обязанности, предоставляла избирательные права женщинам. На этот раз она соответствовала намерениям президента, который выступил в ее поддержку в Конгрессе еще в январе 1918 г. 19-я поправка, запрещавшая лишение права голоса на основании половой принадлежности, была утверждена в июне 1919 г., ратифицирована штатами и вступила в силу в августе 1920 г. Под документом стояла подпись Вильсона, хотя он не был в

состоянии ее поставить.

После ухода в отставку в марте 1921 г. состояние здоровья Вильсона несколько улучшилось. Он поселился в престижном «посольском квартале» Вашингтона и попытался заняться адвокатской практикой, но оказался не в состоянии вести дела, и в конце 1922 г. его контора была закрыта.

Вильсон скончался в своем доме 3 февраля 1924 г. от нового кровоизлияния в мозг. Он был похоронен в вашингтонском кафедральном соборе, став единственным президентом, чьи останки покоятся в столице страны. Его личные и государственные бумаги, согласно завещанию, хранятся ныне в рукописном фонде Библиотеки Конгресса США.

В честь президента Вильсона названы улицы и площади многих городов, а в столице — мост Вудро Вильсона через реку Потомак. С 1930 г. в Принстонском университете действует Школа общественных и международных отношений им. Вудро Вильсона. Экспонаты и документы, посвященные ему, являются важными материалами в Зале славы штата Нью-Джерси. Портреты Вильсона напечатаны на нескольких почтовых марках США. Из зарубежных стран память Вильсона больше всего чтут во Франции: в Париже есть авеню Вильсона, его именем названы улицы в Страсбурге, Бордо и Марселе. Памятник американскому президенту поставлен и в столице Чехии Праге.

Основные издания:

Уткин А. И. Вудро Вильсон. М., 2010.

Berg A. Wilson. New York, 2013.

Cooper J. Woodrow Wilson: A Biography. New York, 2009.

Maynard Ж Woodrow Wilson: Princeton to the Presidency. New Haven, 2008.

Thompson J. Woodrow Wilson. New York, 2002.

УОРРЕН ГАРДИНГ

2 ноября 1865 — 2 августа 1923

29-й президент:

4 марта 1921 — 2 августа 1923

Правление Уоррена Гамалиеля Гардинга (*Warren Gamaliel Harding*), согласно оценке большинства американских историков, свидетельствовало, что волна или даже шторм случайного столкновения партийных интересов, наряду с другими текущими факторами социально-политического бытия,

подчас заносит на высший пост не просто случайную фигуру, а личность третьеразрядную, не очень грамотную, неспособную осуществлять руководство огромной страной. То, что США выжили при таких президентах, как Гардинг, у которого был весьма посредственный интеллект, свидетельствует, что в них к 1920-м гг. сложился настолько эффективный государственный механизм, что он мог функционировать даже без президента. Президенты требовались в важные поворотные моменты, причем страна находила возможности в критические периоды обнаруживать таких деятелей, которые были способны двинуть ее вперед. Что же касается Гардинга, то этот деятель, не умевший правильно прочесть написанные для него выступления, всеми серьезными авторами оценивается как один из тех, за кого американскому народу должно быть стыдно.

Как и некоторые его предшественники, Гардинг был родом из штата Огайо. Его родители, жившие в Блуминг-Гроув — небольшом поселке на востоке штата, принадлежали к низшему слою среднего класса. Отец Джордж работал вначале учителем, а затем занялся медициной, хотя он окончил лишь годичную фельдшерскую школу, что не помешало ему называть себя доктором. Успехом он не пользовался и зарабатывал мало. Мать Уоррена Элизабет была более успешной, работая акушеркой и пробуя силы в гомеопатии.

Только в 14 лет Уоррена, старшего сына Джорджа и Элизабет, отдали в местную начальную школу. Но ни о каком более высоком уровне образования ни родители, ни сам Уоррен не мечтали, учитывая посредственный уровень его способностей. Окончив школу, Уоррен попробовал свои силы вначале в качестве учителя, а затем в страховом бизнесе. Ни то ни другое у него не получилось. Чуть более успешными были дела на издательском поприще. Вместе с несколькими знакомыми Уоррен купил крохотную провинциальную газету, выходившую в городке Марион, причем в «пакет» вместе с газетой по какому-то капризу ее бывшего владельца входил льготный железнодорожный билет в Чикаго, где проходил предвыборный съезд Республиканской партии 1884 г. Другие владельцы газеты воспользоваться билетом не пожелали. Гардинг же решил съездить в «город ветров», как называли бурно-растущий Чикаго. Попутно пришлось побывать на самом съезде, так как иначе нельзя было оправдать низкую стоимость билета. 18-летний начинающий издатель представился на съезде как журналист, познакомился с известными публицистами, став по чистой случайности членом Республиканской партии и представителем второй древнейшей профессии (под первой имелась в виду проституция).

Правда, тогда этот термин еще не употреблялся, но общество уже в те годы считало журналистов продажными писаками. Гардинг был признан делегатом и проголосовал за выдвижение кандидатом в президенты бывшего госсекретаря Джеймса Блейна.

Вернувшись в Огайо, Гардинг узнал, что его (и других владельцев) газета конфискована шерифом за долги. Он нанялся в другую местную газету, которая поддерживала демократов и, научившись освещать события и высказывать то или иное мнение, стал агитировать за их кандидата Г. Кливленда, продемонстрировав качества беспринципного журналиста. В следующие годы Гардингу с друзьями удалось восстановить свою газету, которую они объявили, в соответствии с настроениями в городке, умеренно республиканской. Немалую роль сыграл тот факт, что Уоррен был внешне привлекательным молодым человеком и производил благоприятное впечатление на провинциальных дам. В конце концов газета «Звезда» (*Star*) стала публиковать прилично оплачиваемую рекламу, и Гардинг вышел из финансовых затруднений, в которых первоначально находился.

Его положение улучшила и женитьба в 1891 г. на Флоренс Вильфе, дочери местного банкира, самого богатого человека в Марионе. Невеста была на пять лет старше жениха и успела побывать замужем. Брак был явно по расчету. Правда, отец Флоренс не одобрил ее второго замужества и долгое время не поддерживал отношений с зятем, но выделил дочери значительные деньги, еще более укрепившие положение Гардинга. Флоренс оказалась дамой требовательной, заносчивой, ее в местных кругах называли герцогиней. Она считала мужа человеком недалеким, давала ему всевозможные советы и требовала их выполнения. Результатом стали многочисленные внебрачные связи Уоррена, которые в будущем негативно скажутся на его репутации.

Постепенно Гардинг втягивался в местную политику, которую считал более интересным занятием, чем только издание газеты. Он стал выступать на собраниях и митингах. Тот факт, что его речи были не очень грамотными и не вполне логичными, особого впечатления на публику не производил, больше внимания привлекали его приятная внешность и пафос оратора, порой доходивший почти до истерии. Постепенно Уоррен приобрел известность. В 1899 г. он был избран в Сенат штата Огайо, а в 1903 г. стал заместителем губернатора. Занимая эти посты, Гардинг стремился, чтобы его выступления соответствовали основному настрою населения штата. Он проявлял умеренный консерватизм, защищал протекционизм (хотя часто путался в определении этого термина), выступал против «новой иммиграции», призывал относиться недоверчиво к организованному

рабочему движению и др.

В 1910 г. Гардинг осмелился выдвинуть свою кандидатуру на пост губернатора штата, но на выборах провалился. Зато в 1914 г. он добился успеха на выборах в Сенат США и смог перебраться в столицу. Он поставил своей главной задачей продержаться в Конгрессе как можно дольше, имея в виду, что избираться в Сенат на очередные шесть лет можно было любое количество раз, и некоторые сенаторы заседали там по несколько десятилетий. Гардинг выступал редко, обычно, в соответствии с уже выработанной привычкой, улавливая мнение большинства своей фракции и поддерживая его не столько аргументами, сколько эмоциями. Позже подсчитали, что за первый год своего сенаторства он пропустил почти половину заседаний и избегал участвовать в голосовании, когда его позиция могла вызвать недовольство избирателей. Почти во всех случаях он голосовал в пользу крупного бизнеса и против законопроектов, выражавших интересы фермерских и рабочих организаций.

В 1918–1919 гг. в среде республиканцев штата Огайо стали говорить о Гардинге как возможном кандидате на президентский пост. Связано это было с тем, что республиканцы не могли найти авторитетного кандидата, а также с тем, что штат зарекомендовал себя в качестве родины нескольких президентов. Гардинга считали одним из возможных кандидатов в силу его «безобидности», приятной внешности и апломба, с которым он произносил малосодержательные речи. В ответ на запросы он отвечал, что «сможет как президент сделать не меньше хорошего, чем многие другие люди, которые претендуют на этот пост».

Вначале ни он сам, ни его сторонники из Огайо не считали его реальным претендентом. Самому Гардингу было важно закрепить за собой репутацию политика, баллотировавшегося на президентский пост, что само по себе считалось серьезным успехом. Но постепенно выяснилось, что у республиканцев нет серьезных деятелей, претендующих на высший пост в условиях послевоенной неопределенности. С весны 1920 г. Гардинг стал по-настоящему задумываться о Белом доме.

На предварительных выборах, на которых он был выдвинут только в двух штатах — Огайо и Индиане, фигурировали не весьма авторитетные фамилии: генерал Леонард Вуд, губернатор Иллинойса Фрэнк Лоуден, сенатор Хайрам Джонсон. Гардинг выиграл праймериз только в своем штате и подумывал о снятии своей кандидатуры, имея в виду, что своего добился — он уже побывал кандидатом в президенты. Однако руководители его кампании и особенно жена, которая и была фактическим главным менеджером (наряду с официальным — Генри Догерти), убедили

его продолжать гонку. Догерти был расчетливым юристом из Огайо, который неоднократно выдвигался на выборные посты, но постоянно проваливался. Он сделал ставку на Уоррена именно как на «серую лошадку». Основным лозунгом, который соответствовал настроениям масс, был отказ от чрезвычайных мер военного времени и возвращение к нормальной жизни. Спокойного и уравновешенного Гардинга, отнюдь не стремившегося к каким-либо великим свершениям, представляли живым воплощением этой «нормальности». Догерти, Флоренс Гардинг и их помощники понимали, что их кандидат не имеет больших шансов на официальное выдвижение. Но столь же небольшие шансы имели другие кандидаты, и вся надежда состояла в том, что выдвижение зайдет в тупик, и тогда Гардинг, возможно, выйдет на первый план. Об этом Догерти цинично и откровенно говорил уже за несколько месяцев до выборов.

Именно так и произошло. Съезд состоялся в Чикаго в июне 1920 г. Выдвинуты были 12 кандидатов. Соперничество в основном развернулось между Вудом и Лоуденом, Гардинг фигурировал в списке, но по числу голосов вначале занимал одно из последних мест. Один тур сменялся другим, но 2/3 голосов никто из кандидатов собрать не мог. Перед 10-м туром партийные боссы провели совещание, на котором Догерти, представлявший интересы Гардинга, убедил их, что измученные необычной для Чикаго этого времени жарой и просто не видевшие выхода из тупика делегаты согласятся на компромиссную, непретенциозную фигуру, которой являлся его хозяин. В «прокуренном номере» отеля «Блэкстоун» руководители делегаций решили поддержать Гардинга. Выражение «прокуренный номер» (*smoke-filled room*), впервые употребленное корреспондентом агентства «Юнайтед Пресс» Раймондом Клэппером, вошло в американский политический жаргон и стало обозначать тайное политическое совещание, на котором боссы принимают согласованные решения, затем навязывающиеся широкой публике.

В результате в 10-м туре Гардинг получил необходимое большинство и стал республиканским номинантом. На пост вице-президента его менеджеры попытались выдвинуть сенатора Ирвина Ленрута из штата Висконсин, с которым кандидат был хорошо знаком, но съезд эту кандидатуру отверг. Кандидатом в вице-президенты стал Кальвин Кулидж — губернатор Массачусетса, который перед этим сыграл решающую роль в подавлении необычной для США забастовки полицейских и заслужил репутацию решительного политика, причем он был явно более популярным, чем кандидат в президенты.

Соперником Гардинга стал кандидат демократов Джеймс Кокс —

губернатор того самого Огайо, сенатором от которого являлся Гардинг. Этот парадокс обусловил еще бóльшую остроту борьбы, тем более что Кокс считался прогрессистом, последователем Вильсона, политику которого Гардинг теперь осуждал. По материалам, подготовленным Догерти и его помощниками, Гардинг в своих выступлениях обвинял предыдущую администрацию в том, что военный экономический бум сменился падением производства в связи с переходом на выпуск мирной продукции. Вильсона обвиняли в отказе от решения внутренних проблем и преступном вмешательстве в зарубежные дела. Всячески отвергалось участие США в Лиге Наций. Забастовки в сталелитейной и мясообрабатывающей промышленности, расовые столкновения, анархистская и коммунистическая агитация, в целом оказывавшие малое влияние на жизнь американцев, всячески раздувались и в выступлениях Гардинга и других республиканских активистов превращались в «красную угрозу», нависшую над США.

В результате столь посредственный политик, республиканская «серая лошадка» Гардинг победил. «Возвращение к нормальности» оказалось тем ключом, который открыл ему двери в Белый дом. Немалую роль сыграло и то, что выборы 1920 г. были первыми, в которых участвовали женщины. На них успокоительные заявления Гардинга вместе с его внешностью и патетикой в голосе производили глубокое впечатление. 2 ноября на всеобщих выборах Гардинг одержал убедительную победу. За него голосовали 16,1 млн человек (60,3 % избирателей). В коллегии выборщиков он получил 404 места. За его соперника Кокса проголосовали 9,1 млн избирателей (34,1 %), а в избирательной коллегии у него оказалось 127 мест. Никто из других кандидатов (включая представителя Социалистической партии Юджина Дебса) не получил ни одного места в коллегии выборщиков.

С приходом Гардинга в Белый дом страна погрузилась в атмосферу отказа от трудностей военных лет, в обстановку умеренной работы, расслабленного отдыха. Всем образом жизни, всячески доносимым до общества, Гардинг культивировал такой подход. Отнюдь не скрывалось, что он любит карточные игры и многие часы проводит за игрой в покер, что он курит самые дорогие сигары. Правда, одновременно сообщалось, что президент решительно и целеустремленно осуществляет мирную перестройку страны. Но это соответствовало действительности лишь в минимальной степени. Гардинг на самом деле немало времени проводил в своем кабинете, но в основном выслушивая и утверждая решения министров, которым было поручено не только исполнение законов и

распоряжений президента, но и их инициатива и подготовка. Его образ мышления и действия соответствовали неоднократные официальные заявления Белого дома, что президенту следует окружать себя «лучшими умами», консультироваться с руководителями Конгресса и партий, что его главная функция состоит в том, чтобы координировать политический процесс.

Правительство было образовано в основном из действительно способных политиков. Госсекретарем стал Чарльз Хьюз, бывший губернатор Нью-Йорка и соперник Гардинга во время выдвижения на президентский пост. Секретарем казначейства стал Герберт Гувер, известный своей деятельностью непосредственно после войны по оказанию помощи голодающему населению Европы. Явным исключением из этой группы стал Догерти, который был назначен генеральным прокурором в благодарность за руководство предвыборной кампанией. Циничный и склонный к незаконному обогащению, этот человек создал в Департаменте юстиции группу приближенных (она получила прозвище «банды из Огайо»), которые затем не раз попадались на коррупции и покровительстве преступникам, на махинациях с собственностью и др.

Министрам была предоставлена почти полная самостоятельность. Заседания кабинета хотя и проводились, но на них обычно принимались уже выработанные руководителями ведомств решения. С подачи соответствующих министров Гардинг сформулировал основные задачи послевоенного оживления страны, сосредоточив внимание на внутренних проблемах. Главными вопросами, которые решали его министры в сотрудничестве с палатами Конгресса, были повышение таможенных тарифов и снижение внутренних налогов, создание единой национальной бюджетной системы, расширение торгового флота, усиление контроля над иммиграцией и общее ее сокращение, поощрение новых хозяйственных отраслей, в частности развития авиации и радиосвязи.

Президент стремился к максимальному сотрудничеству с Конгрессом, опасался таких действий, которые могли вызвать недовольство руководителей республиканской фракции. Его попытки включиться в законодательный процесс были крайне редкими и обычно оказывались неудачными. Палаты Конгресса отвергли подготовленный в Белом доме проект увеличения субсидий на строительство торгового флота, а Палата представителей — его план отказа от выплаты денежных субсидий ветеранам мировой войны. По всем остальным вопросам предложенной им внутренней повестки дня были приняты ограниченные законодательные меры, из которых наиболее значительным был закон о предоставлении

кредитов фермерам, что несколько улучшило ситуацию на потребительском рынке и привело к небольшому снижению цен на основные продукты продовольствия. Другой существенной мерой было принятие закона о квотах на иммиграцию, который давал преимущество на въезде в США на постоянное место жительства выходцам из Западной и Северной Европы в ущерб жителям восточной и южной частей континента.

Хотя Гардинг провозглашал, что основное внимание следует уделять внутренним проблемам, Хьюз на посту госсекретаря добился важных для США внешнеполитических результатов. Прежде всего необходимо было демонстративно покончить с наследием мировой войны. Имея в виду, что США не ратифицировали Версальский мир и вообще не участвовали в подписании мирных договоров с другими державами, Госдепартамент внес предложение в Конгресс об официальном объявлении прекращения состояния войны. Соответствующее решение было принято на совместном заседании обеих палат и 2 июля 1921 г. подписано Гардингом. Вслед за этим 25 августа в Берлине был подписан договор о восстановлении дружеских отношений между США и Германией, за которым последовали аналогичные договоры с Австрией и Венгрией. С Германией были восстановлены дипломатические отношения и налажены торговые связи.

По инициативе Хьюза в столице США была созвана международная конференция по вопросам морских вооружений, проблемам Дальнего Востока и Тихого океана. Конференция проходила в ноябре 1921 — феврале 1922 г. В ней участвовали 9 стран и британские доминионы, но фактически все вопросы решались делегациями США, Великобритании, Японии. Советская Россия не была приглашена на конференцию и официально заявила о непризнании ее решений. В ходе конференции были подписаны договоры четырех, пяти и девяти держав, причем все они в той или иной степени отвечали интересам США.

Договор четырех (США, Великобритании, Франции и Японии) обязывал участников соблюдать права на островные владения на Тихом океане и ликвидировал англо-японский союзный договор 1902 г. Договор пяти (те же и Италия) был посвящен морским вооружениям. Он устанавливал соотношение тоннажа линкоров и авианосцев таким образом, что США получали право довести свой ВМФ до тоннажа британского флота. Великобритания отказывалась от принципа иметь флот, равный двум другим крупнейшим флотам мира. Наконец, Договор девяти, подписанный всеми участниками конференции, провозглашал территориальную целостность и неприкосновенность суверенитета Китая, но в то же время признавал по отношению к этой стране принцип «открытых дверей и

равных возможностей» в области торговой и предпринимательской деятельности, обязывая не прибегать к использованию внутренней обстановки в Китае для получения особых прав и привилегий, которые могут причинить ущерб правам и интересам других государств — участников договора. Китай, таким образом, рассматривался как объект полуколониальной деятельности других держав. Гардинг удобно для себя позабыл, что в Договоре девяти воплощены идеи Вудро Вильсона, которого он ругал последними словами.

Хотя Гардинг прилагал все силы, чтобы сохранить популярность, далеко не все его или, точнее, его министров, мероприятия получили одобрение как в Конгрессе, так и в общественном мнении. Особо важным в этом отношении был вопрос о вознаграждении (бонусах) участников мировой войны. В 1922 г. Конгресс принял закон о выплате ветеранам разовых пособий в среднем по тысяче долларов. Гардинг, естественно по подсказке секретаря казначейства, заявил, что выделяемые суммы увеличат государственный долг и подорвут финансы страны. Он наложил вето, которое было преодолено в Палате представителей, но преодолеть его в Сенате не удалось. Закон в действие не вступил, что вызвало негативный резонанс в обществе.

Летом 1923 г. Гардинг совершил большую поездку по стране, пытаясь улучшить свой имидж у населения, почему и назвал ее «поездкой понимания». Он выступал с многочисленными речами (имевшими практически одинаковый текст), в которых обещал провести новые законы в пользу фермеров, начать создание единой национальной системы шоссейных дорог, вложить средства в развитие авиации и радио и даже создать федеральный департамент, который будет заниматься социальным обеспечением.

По-видимому, во время поездки президент, у которого и раньше бывали сердечные приступы и который страдал от бессонницы, не рассчитал свои силы. Находясь в Калифорнии, он во время поездки поездом из Сиэтла в Сан-Франциско потерял сознание. Врачи обнаружили «сердечный кризис» (обширный инфаркт), от которого 2 августа Гардинг умер. Он был похоронен в городе Марионе.

Еще при жизни Гардинга в его окружении стали возникать финансовые скандалы, которые администрация пыталась всячески скрыть от широкой публики. Отдельные факты попадали в прессу, но реальные масштабы стали известны уже после его смерти. Самый крупный был связан с махинациями вокруг нефтехранилища «Типот-Доум», предназначенного для снабжения военных кораблей. Подчинялось это

хранилище в силу какой-то бюрократической нелепости не Департаменту ВМФ, а секретарю по внутренним делам Алберту Фоллу (видимо, в связи с тем, что его ведомство курировало все природные ресурсы). Фолл же оказался нечистым на руку: за выбор нефтяных компаний, которые за большие деньги снабжали огромное хранилище, он получал взятки. А затем хранилище было продано за полцены частной компании. Как оказалось, Гардинг знал или догадывался о махинациях Фолла, но покрывал его, не допуская серьезного расследования. Правда, весной 1923 г. Фолла отправили в отставку, но и это было лишь средством скрыть его преступления. Только после смерти Гардинга было проведено расследование, продолжавшееся несколько лет, в результате которого Фолл в 1929 г. отделался сравнительно мягким наказанием — годом тюрьмы и штрафом в 100 тыс. долларов (такова была сумма лишь одной, в наибольшей мере доказанной взятки).

Под влиянием этого скандала множились расследования, связанные с покойным Гардингом. Дело доходило до курьезов и мелочей. Выяснив, что Флоренс Гардинг была дамой властной и часто командовала своим мужем, некоторые журналисты заподозрили ее в том, что она отравила президента во время путешествия. Версий было много, а одна из них заключалась даже в том, что супруга стремилась убийством мужа сохранить его добрую репутацию! Предпринятое расследование показало необоснованность обвинения, но версии продолжают множиться вплоть до наших дней. Самого же покойного Гардинга в печати обвиняли даже в том, что во время действия «сухого закона» в Белом доме подавали к столу крепкие напитки.

Но были и серьезные раскрытия. Выяснилось, что руководитель Бюро ветеранов Чарльз Форбс, который почему-то понравился Гардингу во время его поездки на Гавайи и стал ответственным чиновником только по этой причине, присвоил и растратил миллионы долларов. Привлечь его к ответственности не смогли — адвокатам удалось убедить присяжных и судей в том, что обвинения не вполне доказаны.

Журналистами подсчитано (очень приблизительно и скорее всего с сильным преувеличением), что некомпетентность Гардинга и злоупотребления членов его администрации обошлись стране примерно в 2 млрд долларов.

Основные издания:

Dean J. Warren Harding. New York, 2004.

Morello J. Selling the President, 1920: Albert D. Lasker, Advertising, and the Election of Warren G. Harding. New York, 2001.

Sibley K. First Lady Florence Harding: Behind the Tragedy and Controversy. Lawrence, 2009.

КАЛЬВИН КУЛИДЖ

4 июля 1872 — 5 января 1933

30-й президент:

2 августа 1923 — 4 марта 1929

**Кальвин Кулидж в национальном костюме
индейцев лакота**

«Если вы, ребята, согласитесь, то можете получить кое-что от Санты».

Карикатура на К. Кулиджа

Время правления Джона Кальвина Кулиджа (*John Calvin Coolidge*), неожиданно для себя ставшего президентом, в США обычно называют периодом процветания. Дело в том, что возникший в связи со злоупотреблениями администрации Гардинга скандал не только не заглох, а после его внезапной смерти стал расти как снежный ком. На его фоне начиналось президентство Кулиджа. Многие историки считают, что Кулиджу просто повезло возглавлять исполнительную власть в такой период, другие доказывают, что в это процветание ему удалось внести личный вклад. Во всяком случае, по сравнению с президентом, на смену которому он пришел, подавляющее большинство американских историков отдают бесспорное предпочтение Кулиджу.

Родившийся в день главного государственного праздника США, — что его родные, а затем и он сам считали счастливым предзнаменованием, — Джон Кальвин Кулидж уже в молодости отбросил свое первое имя и стал известен стране только по второму, считая, что фамилия великого франко-швейцарского реформатора церкви XVI в. является достаточной и достойной, чтобы пользоваться только ею в качестве имени.

Он был старшим из двух сыновей Джона Кулиджа-старшего и его жены Виктории, живших в самом северо-восточном углу США, в городке Плимут-Нотч (штат Вермонт). Отец Кальвина, которого в детстве называли Кал, был зажиточным фермером, который одно время владел небольшим магазином, а также был членом легислатуры своего штата. Время от времени он занимал и другие выборные должности, являясь арбитражным судьей и сборщиком налогов. У него была репутация надежного и ответственного человека, готового прийти на помощь нуждающимся.

Когда Калу было 12 лет, от туберкулеза умерла его мать. Вскоре отец вторично женился на местной школьной учительнице, с которой у мальчика установились теплые отношения. Семейство Кулидж гордилось своими предками, среди которых были участники Войны за независимость и члены выборных федеральных органов. Вспоминали Джона Кулиджа, который, по сведениям, передаваемым из поколения в поколение, был одним из видных офицеров революционной армии и участвовал в ряде решающих сражений против англичан.

Кальвин получил хорошее образование. После окончания местной школы, а затем Джонсберийской академии — частной средней школы в том же штате Вермонт, которая пользовалась хорошей репутацией, он поступил в колледж Амхерст в штате Массачусетс, считавшийся одним из авторитетных учебных заведений на восточном побережье. Кулидж активно участвовал в студенческой жизни, в братстве «Пи Гамма Дельта», лозунгами которого были «Дружба, знание, обслуживание, мораль и превосходство». Это было одно из старейших студенческих братств в США, оказывавших помощь своим членам и другим студентам и провозглашавших содружество не только во время обучения, но и в течение всей жизни. С рядом членов братства Кулидж поддерживал связь многие годы.

Он был одним из основателей дискуссионного клуба колледжа и часто выступал в нем, совершенствуя искусство полемики. Как Кулидж позже рассказывал, особо большое влияние на него оказали лекции профессора философии Чарльза Гармана, которого считали одним из видных американских неогегельянцев. Впрочем, попытки Кулиджа объяснить, в

чем именно состояло учение, которого придерживался этот профессор, были довольно путаными и сводились в основном к моральным обязательствам каждого человека перед обществом.

Колледж дал Кулиджу хорошее общее образование. Он не был образцовым студентом, но получил вполне приличные знания в области истории, философии, а главное — навыки в ораторском искусстве. Но это была лишь первая ступень высшего образования, не дававшая определенной специальности. По желанию отца, которое совпало с намерениями самого Кальвина, подумывавшего о карьере политика, он решил получить квалификацию юриста. Чтобы избежать лишних расходов, был избран путь стажировки у хорошего адвоката, а не вторая ступень университетского обучения.

Кальвин отправился в Нортгемптон (главный город графства Хэмпшир в штате Массачусетс), где практиковал знакомый отца Джон Хэммонд. Работа в конторе Хэммонда, считавшегося опытным юристом, позволила Кальвину детально изучить местные правовые проблемы. Более общие вопросы изучались самостоятельно. В 1895 г. 23-летний Кулидж был принят в правовую ассоциацию Массачусетса, правда, получив право юридической практики только в масштабе графства. Видимо, бостонские юристы сочли, что для более масштабной деятельности необходима более обширная база, чем работа в юридической конторе в провинциальном городе. Кальвин был расстроен таким ограничением, но был полон решимости преодолеть его успешным ведением дел. Так и произошло. Свой юридический офис Кулидж открыл в том самом Нортгемптоне, в котором учился правовому искусству. Вначале он опасался вступить в конкуренцию со своим учителем, но тот заверил Кальвина, что практики хватит на обоих.

Здесь он при несколько необычных обстоятельствах познакомился с будущей женой Грейс Гудхью. Окончившая Вермонтский университет и овладевшая искусством преподавания в школе для глухонемых, она работала в специальной школе в Нортгемптоне, которая располагалась напротив дома, где жил Кальвин. Однажды занимаясь домашней работой, она увидела в окне напротив молодого человека в нижнем белье и почему-то в шляпе, который брился перед зеркалом. Девушка рассмеялась и привлекла к себе внимание растерявшегося мужчины. Теперь они просто не могли не познакомиться. Они стали встречаться. В октябре 1905 г. состоялась свадьба 33-летнего Кальвина и 26-летней Грейс. У них родились двое сыновей. Старший, Джон, стал железнодорожным чиновником и дожил до 2000 г., младший, Келвин, скончался подростком от случайного

заражения крови. Судя по доступным источникам, Кулиджи были счастливой парой. В политическую жизнь своего мужа Грейс открыто не вмешивалась, оставаясь лишь приветливой хозяйкой дома.

В провинциальном Нортгемптоне Кулидж вел в основном дела, связанные с коммерческим правом. Он заработал репутацию трудолюбивого адвоката, стремившегося урегулировать дела клиентов путем соглашения, избегая судебных процессов. К его услугам стали прибегать бизнесмены соседних городов.

Еще будучи учеником Хэммонда, Кулидж, вслед за наставником, стал членом Республиканской партии, влияние которой в этот период преобладало в штатах Новой Англии. Следовал он и примеру отца, являвшегося местным партийным активистом. В 1896 г. Кальвин участвовал в предвыборной агитации за МакКинли, в основном выполняя технические поручения местного республиканского штаба. Но участвовавших в политике партийцев было немного, и в 1896 г. Кулидж, несмотря на его высказываемые вначале сомнения, стал членом городского комитета республиканцев. В 1898 г. он был избран в городской совет Нортгемптона, а затем последовала серия новых назначений. Не будучи сторонником глубоких реформ, политических новаций, Кулидж проявлял себя дисциплинированным работником, аккуратно исполнявшим все порученные задания. Это привело к быстрому политическому успеху. В 1899 г., отклонив предложение вновь выдвинуться в городской совет, он стал солиситором Нортгемптона. Новая должность была важной, так как являлась платной и позволяла Кальвину сократить свою адвокатскую практику. Он постепенно становился профессиональным политиком. Должность солиситора была выборной. Выборы проводились каждый год. В 1902 г. Кулидж проиграл выборы и возвратился к частной юридической практике. Однако приобретенный политический опыт и, главное, все более зревшие амбиции стимулировали Кулиджа оставаться членом городского комитета республиканцев, в котором он все более выделялся, проводя агитационные кампании, готовя соответствующие материалы и решения. В 1906 г. его кандидатура была выдвинута в Палату представителей Массачусетса. Он одержал победу над кандидатом демократов, после чего отправился в столицу и одновременно самый крупный город штата Бостон, в котором до этого бывал лишь изредка.

Хотя Кулидж не получил существенных постов в комитетах палаты, он выступал чуть ли не по всем вопросам и вскоре стал фигурой заметной. Так как он высказывался за предоставление права голоса женщинам и прямые выборы сенаторов в штатах и федерации (они пока еще избирались

легислатурами), он стяжал себе репутацию прогрессиста. Одновременно ему удалось установить важные политические связи с федеральными сенаторами Уинтропом Крэнью и Генри Лоджем, которые, как считалось, контролировали республиканские организации Массачусетса и намечали продвижение их представителей в выборные органы.

Пробыв в легислатуре штата два года, установив полезные связи, научившись выступать в законодательном органе, Кулидж вернулся в Нортгемптон, где выдвинул свою кандидатуру в мэры. Он был хорошо известен местным жителям и в 1910 г. легко победил. Новый мэр, как говорили в городе, оправдал ожидания. Правда, он немного повысил городские налоги, но смог устранить возникшее недовольство, увеличив заработную плату учителям общественных школ и погасив городские долги. Когда в 1911 г. ушел в отставку сенатор Массачусетса от графства Хэмпшир, в которое входил Нортгемптон, Кулидж выдвинул свою кандидатуру в верхнюю палату штата. В очередной раз он победил демократического кандидата и вновь перебрался в Бостон, уже чувствуя себя опытным политиком. Действительно, ему почти сразу поручили возглавить комитет по расследованию положения на предприятии по производству шерстяных тканей в городе Лоуренсе, где проходила затяжная забастовка. Кулидж не только занялся расследованием, но стал арбитром между предпринимателями и профсоюзом. После двухмесячных переговоров стороны согласились на предложенные им условия. Забастовка прекратилась.

Республиканцев штата волновали не только местные, но и национальные дела. В партии назревал раскол, который произошел на съезде 1912 г., во время которого сторонники Теодора Рузвельта объявили о создании новой, Прогрессивной партии. Хотя у Кулиджа была репутация прогрессиста, он отказался оставить Республиканскую партию, баллотировался в Сенат штата от ее имени и вновь выиграл выборы. Вскоре он стал одним из уважаемых сенаторов и даже позволял себе выступать порой с парадоксальными речами, которые получали известность далеко за пределами штата. 7 января 1914 г., например, он произнес речь, в которой буквально играл словами: «Если помощь крупной корпорации позволяет лучше служить народу, несмотря на оппозицию, делай это... Ожидай, что тебя назовут демагогом, но не будь демагогом. Не колебайся быть таким же революционером, как революционная наука. Не колеблись быть реакционером за столом с множеством мнений. Не надейся, что ты сможешь укрепить слабого, сбросив вниз сильного». Такого рода риторику явно мог себе позволить человек, чувствовавший свою силу.

Вскоре после этой речи Кулидж был избран председателем Сената, причем единогласно.

Когда в 1915 г. происходили выборы исполнительной власти штата, кандидат в губернаторы Самюэль МакКолл выбрал Кулиджа себе в вице-губернаторы. Республиканцы добились победы. Теперь он был членом совета при губернаторе, имел право проверки всех административных учреждений, возглавлял два важных органа — Финансовый комитет и Комитет по помилованиям. Свою адвокатскую практику, которой он занимался до этого в качестве небольшого дополнительного заработка, Кальвин теперь полностью прекратил. Семья, однако, в Бостон не переселилась, жила в Нортгемптоне, что свидетельствовало о предусмотрительности ее главы, который не исключал возможности вернуться в провинцию.

В 1918 г. Кулидж объявил о выдвижении своей кандидатуры в губернаторы, выступив против своего шефа, который намеревался переизбираться. В предвыборной программе он высказывался за «налоговый консерватизм» (то есть сохранение налогов на прежнем уровне), за предоставление женщинам избирательных прав, в поддержку участия США в мировой войне. Последнее было, пожалуй, решающим. Среди ирландских и германских иммигрантов, которых было много в Бостоне и по соседству с ним и которые решительно выступали в пользу Антанты, господствовали воинственные настроения. Кулидж победил, хотя опередил своего оппонента от демократов лишь небольшим количеством голосов.

Первая серьезная акция, которая сделала его имя известным на всю страну, была связана с необычным событием — забастовкой полицейских Бостона, которая на несколько дней превратила этот обычно спокойный город в место безвластия. 1919 год был временем множества послевоенных забастовочных выступлений, в том числе в Массачусетсе. Но никогда до этого ни здесь, ни в других местах не бастовали стражи порядка. Их положение, однако, было не из лучших. Ставки полицейских были низкие, они должны были покупать за свой счет форму со всей экипировкой, жить в зданиях участков, имея лишь один выходной день в две недели. Летом 1919 г. свыше тысячи полицейских объявили о создании своего профсоюза, входящего в АФТ, и потребовали повышения ставок. Полицейский комиссар Бостона Эдвин Кертис ответил, что такое поведение нетерпимо. Он пригрозил увольнением всех членов союза, если таковой не будет распущен к началу сентября. Конфликт улажен не был, уволены были, правда, не все полицейские, а только руководители союза. Но этого

оказалось достаточным. В сентябре 1919 г. в Бостоне началась забастовка полицейских. На службе осталась их незначительная часть, которую АФТ объявила штрейкбрехерами. В городе возник хаос. На улицах появились люмпены, которых немало в любом городе, но в нормальных обстоятельствах они держатся в тени. Теперь же начались нападения на лавки, толпа разбивала витрины магазинов, переворачивала автомобили. Подвернувшихся под руку бастующих полицейских избивали. Пресса раздувала происходившее, называя забастовку большевистским заговором. «Теперь ждем Ленина и Троцкого», — писала газета «Уолл-стритский журнал» (*The Wall Street Journal*).

Вначале Кулидж не вмешивался в события, надеясь, что меры примут городские власти. Те, однако, проявили нерешительность. Мэр Бостона Эндрю Питерс объявил об увольнении полицейского комиссара, который, по его мнению, превысил свои полномочия. Зная прогрессистские склонности губернатора, забастовщики надеялись, что он выступит в их пользу. Вмешательство последовало, но в прямо противоположном направлении. 14 сентября Кулидж направил председателю АФТ Гомперсу телеграмму, в которой предупредил: «Никто, нигде и никогда не имеет права бастовать против общественной безопасности».

Губернатор принял жесткие меры. Он восстановил в должности полицейского комиссара, взял под свое руководство полицейские силы, ввел в город около 5 тыс. бойцов Национальной гвардии. Не имея опыта бескровного разгона демонстрантов, который был у полиции, нацгвардейцы несколько раз открывали огонь по безоружной толпе. Около десятка человек было убито. По распоряжению Кулиджа все участники забастовки были уволены. На смену им были набраны безработные ветераны мировой войны, получившие более высокую оплату и лучшие условия труда, чем того требовали забастовщики. Не только правая, но и либеральная, не только республиканская, но и демократическая пресса всей страны прославляла губернатора Кулиджа как героя, чуть ли не спасшего Америку от большевистской революции. Кальвин Кулидж стал одним из самых популярных политиков страны.

В связи с приближением президентских выборов 1920 г. в Массачусетсе и в других штатах стали раздаваться призывы к Кулиджу выдвинуть свою кандидатуру. На партийном съезде он действительно был выдвинут, но республиканские боссы серьезным кандидатом его не считали, в общем справедливо полагая, что популярность в связи с подавлением стачки полицейских была фактором временным и не отражала действительных качеств, связей и национального влияния кандидата. Как

мы уже знаем, кандидатом в президенты был намечен Уоррен Гардинг — личность вынужденная и компромиссная. Выдвинутая им кандидатура в вице-президенты была отвергнута. Тогда вновь всплыло имя Кулиджа — на этот раз приемлемое для большинства съезда как личности популярной, способной активно поддержать малоизвестного Гардинга. Один из участников съезда вслух прочитал выдержки из речи Кулиджа 1914 г., которая позже была издана брошюрой под заголовком «Я верю в Массачусетс». Они произвели впечатление, и Кулидж неожиданно для себя стал номинантом в вице-президенты.

Во время предвыборной кампании Кулидж предпринял несколько поездок по штатам Новой Англии, а также южной части страны. Заранее договорившись, его сторонники назначили премию за краткую и содержательную речь, которой был, естественно, награжден сам Кулидж. Это был не совсем чистый предвыборный трюк, свидетельствовавший, что Кальвин научился правилу, что в политике любые доступные средства хороши.

В то время как Гардинг упивался победой и устанавливал свои порядки в Белом доме, Кулидж почти не проявлял себя. Ему явно не нравилась дешевая реклама, практикуемая президентской супружеской парой, но вмешиваться в их дела он не собирался, да и не имел на это полномочий. Кулидж мечтал спокойно отсидеть в своей резиденции четыре года и возвратиться к активной политической деятельности, возможно используя свое вице-президентство для будущих претензий на высший пост. Появились даже анекдоты о «молчаливом Кале». В одном из них рассказывалось, как на одном из званых приемов некая дама кокетливо заявила Кулиджу: «Я поклялась, что сегодня заставлю вас сказать больше, чем два слова». «Вы проиграли», — ответил вице-президент и больше не произнес ни слова. Репутация «молчаливого Кала» безусловно была неприятна Кулиджу. Он вспоминал о ней, когда стал президентом. Однажды он заявил: «Я думаю иногда, что американский народ хотел бы иметь в качестве президента торжественную задницу, и я в этом смысле ему подхожу».

Второго августа 1923 г. Кулидж находился в штате Вермонт у своих родственников, в доме которых не было ни телефона, ни радио, ни даже электричества. О внезапной смерти Гардинга он узнал вечером сначала от соседей, а затем от специально присланного из города Монтпилиера — столицы штата — клерка. Тот появился в местечке вместе с толпой репортеров. Став новым президентом, Кулидж ночью на 3 августа принес клятву перед местным нотариусом при свете керосиновой лампы. На

следующий день он направился в Вашингтон, где снова произнес ту же клятву, теперь перед председателем Верховного суда.

Оказавшись в Белом доме, Кулидж почти сразу столкнулся с чередой скандалов, которые тщательно скрывал Гардинг и которые Кальвин теперь решил тщательно расследовать. В каком-то смысле это была его месть покойному и его супруге, которых он винил в том, что его ранее считали безгласной фигурой. По инициативе Кулиджа и ряда членов Конгресса было начато расследование дела «Типот-Доум», а вслед за этим других коррупционных скандалов. Попутно он потребовал ухода в отставку высших чиновников, которые, как предполагалось, были замешаны в коррупционных схемах. Увольнения начались с генерального прокурора Догерти, который отказался сотрудничать с сенатским расследованием.

В то же время ряд ведущих членов бывшего кабинета сохранили свои посты. Среди них был прежде всего Чарльз Хьюз, который хорошо проявил себя на посту государственного секретаря. Через два года, когда он ушел в отставку и стал заниматься частной юридической практикой (позже он был избран в Верховный суд), его заменил Фрэнк Келлог, который также показал себя рассудительным дипломатом и выступил с несколькими важными инициативами. На своем посту остался и секретарь казначейства Эндрю Меллон, банкир и промышленник, который при Гардинге не смог проявить талант администратора. Он проводил теперь курс на сокращение внутреннего и внешнего долга страны, на содействие бизнесу. Кулидж несколько раз называл Меллона своим «премьер-министром». Постепенно росло в администрации влияние секретаря по делам торговли Герберта Гувера, проявлявшего все большие стремления к самостоятельным решениям. Кулиджу это не нравилось, но он считался с Гувером как с опытным руководителем, хорошо знакомым с вопросами продовольственного снабжения. Гувер оставался министром до того момента, как вступил в борьбу за президентское кресло в 1928 г.

Кулидж впервые обратился к Конгрессу в качестве президента 6 декабря 1923 г. Речь президента впервые транслировалась по радио «вживую». Новый президент объявил, что в основном будет проводить курс прежней администрации, в частности по вопросам экономии бюджета и сокращения иммиграции. Чтобы продемонстрировать преемственность своей политики, Кулидж наложил вето на повторно принятый Конгрессом закон о «бонусах» ветеранам мировой войны, но дал понять, что не будет возражать против преодоления вето и подпишет закон, если он будет проголосован еще раз. Именно так и произошло.

В конце года Конгрессом был принят закон об иммиграции, который

резко сократил въезд в США переселенцев из Восточной и Южной Европы, а также азиатских стран. Подписывая его, президент выразил сожаление резким ограничением приема жителей Японии, подчеркнув этим свое особое, положительное отношение к этой стране. Как важный, хотя и символический жест трактовалось предоставление в июне 1924 г. гражданства США всем «коренным американцам», то есть индейцам, рожденным на территории США. К этому времени большинство индейцев уже получили гражданство путем брака, службы в вооруженных силах и др. Закон, подписанный Кулиджем, был важен тем, что признавал полное равенство индейцев с другими этническими группами.

На очередных выборах в 1924 г. Кулидж стал республиканским кандидатом уже в первом туре голосования съезда, проходившего в Кливленде. Он почти не участвовал в полемике с представителем демократов Джоном Дэвисом, малоизвестным деятелем, утвержденным только в рекордном 103-м туре голосования. В основном молчание Кливленда объяснялось тем, что как раз в это время умер его младший сын.

Только в октябре 1924 г. он стал выступать, не опускаясь до обвинений в адрес соперника, а в основном пропагандируя возвращение к спокойствию и экономическому процветанию. Основной лозунг республиканцев звучал просто: «Кулидж или хаос». В основе их аргументации в пользу Кулиджа лежали объективные факты — начавшийся экономический подъем, сокращение безработицы, укрепление доллара. Избиратели, которые явно разочаровались в «серых лошадках» подобных Гардингу, отдали 4 ноября большинство голосов Кулиджу. Именно на второй срок Кулиджа в США пришелся бурный экономический подъем, и страна уверенно вышла на первое место в мире по основным показателям. Этот период получил образное название «ревущие 20-е», под которыми имелись в виду не только успехи в экономике и технологии, прорывы в области искусства, но и изменения в быту, стиле жизни, раскрепощении нравов.

Кулидж стремился, чтобы правительство как можно меньше вмешивалось в экономику. Назначая членов двух основных экономических органов — Федеральной торговой комиссии и Комиссии по торговле между штатами, он инструктировал их в том духе, что их главная задача состоит не во вмешательстве в дела бизнеса, а в его поощрении. Журналисты острили, что Кулидж проводит в экономической области настолько тонкую линию, что она становится невидимой.

При всем этом президент и правительство не обращали внимания, что в результате широкого потребительского кредитования в экономике

медленно, но неуклонно назревали опасные явления, которые экономисты называют спекулятивным пузырем. Под ним понималась торговля товарами и ценными бумагами по ценам, существенно превышающим обычные, а это, в свою очередь, вызывалось ажиотажным спросом, недостоверными статистическими данными и отчетами. Но пока бизнес получал высокие прибыли, средний класс укреплял свои позиции, а значительная часть рабочих и фермеров по уровню своей жизни приближалась к среднему классу. Появление массового поточного производства и стандартизации продукции привело к тому, что ряд товаров, которые ранее считали предметами роскоши, стали массовыми. К 1927 г. было продано около 15 млн автомобилей, в основном фирмы Генри Форда. Появление массового легкового автотранспорта вело к строительству шоссейных дорог, станций обслуживания, появлению рынка поддержанных автомобилей, переселению зажиточных людей из шумных и загрязненных городских центров в пригороды. Все больший размах приобретало радио. В 1927 г. распоряжением Кулиджа была образована Федеральная радиовещательная комиссия, которая выдавала соответствующие лицензии, распределяла частоты вещания, а также играла роль своеобразной моральной цензуры, следя за тем, чтобы не распространялись «богохульство и непристойности». Именно в эти годы начали появляться граммофонные пластинки, переживало бум производство кинофильмов, зарождалось звуковое кино, в Голливуде (районе Лос-Анджелеса) возник центр американской кинематографии. Сравнительная дешевизна билетов на киносеанс вела к тому, что кино стало опасным конкурентом театра. 20–21 мая 1927 г. малоизвестный тогда летчик Чарльз Линдберг совершил первый трансатлантический авиаперелет. В честь полета был учрежден Крест летных заслуг, который Кулидж торжественно вручил Линдбергу, одномоментно ставшему знаменитым.

Непосредственно не вмешиваясь в процессы модернизации, Кулидж и его правительство прилагали все усилия, чтобы укрепить свои позиции. Любые успехи «ревущих 20-х» они безоговорочно относили к своим заслугам, впрочем, именно предоставление бизнесу свободы деятельности и правильность экономической политики, в частности секретаря по делам торговли Гувера, обуславливали успехи страны.

Тем не менее правительство Кулиджа не могло полностью отстраниться от решения экономических вопросов, хотя бы в силу необходимости содержать государственный аппарат. Оно придерживалось курса на сокращение налогов, основываясь на концепции Эндрю Меллона, что чем ниже налоги, тем их легче собрать, а это в конечном итоге приведет

не к сокращению, а к росту поступлений в казну. По предложению президента в 1924 г. Конгресс принял закон о поступлениях в бюджет, который уменьшил налоговые ставки и вообще ликвидировал обложение примерно 2 млн американцев. Бурное развитие экономики позволило действительно не только сохранить, но увеличить доходы бюджета и погасить основную часть внутреннего и внешнего долга.

В отношении экономических проблем между исполнительной и законодательной ветвями власти в основном сохранялось сотрудничество. Единственным вопросом, по которому на протяжении всего президентства Кулиджа длилось противостояние с Конгрессом, была проблема помощи фермерам. Несмотря на общий бурный рост экономики, сельскохозяйственные производители страдали от низких цен. В Конгрессе несколько раз вносились, принимались, а затем отвергались президентом при помощи вето законопроекты о помощи фермерам путем закупки их продукции по повышенным ценам и продажи зерна и других продуктов за рубеж. Каждый раз Кулидж заявлял, что сельское хозяйство должно развиваться на независимой основе, и высказывал опасение, что в результате искусственного повышения цен на сельхозпродукты резко усилится инфляция, так как объективные рыночные явления преодолеть не удастся. Президентские вето «убивали» законы, принятые Конгрессом.

Лишь отчасти с экономическими проблемами была связана дискуссия, развернувшаяся в 1927 г. в связи с серьезной природной катастрофой — наводнением на реке Миссисипи. Во время ливня в апреле этого года были разрушены дамбы и затоплена огромная территория, что имело тяжелые последствия для десяти штатов южной и центральной частей страны. Были человеческие жертвы (до 500 человек), свыше 700 тыс. людей остались без крова. С огромным трудом удалось предотвратить затопление Нового Орлеана. На этот раз президент и секретарь по делам торговли Гувер проявили необходимую активность. Кулидж выступил с обращением о помощи пострадавшим из частных и благотворительных источников, что позволило собрать около 15 млн долларов. В распоряжение Гувера, который возглавил спасательные работы, были предоставлены железнодорожные составы и речные суда от крупных кораблей до крохотных рыбацких лодок. Впервые в спасательных работах участвовала военная авиация. Кулидж требовал, чтобы в основном последствия наводнения преодолевались на частные средства. Когда в Конгресс был внесен проект закона о государственной помощи пострадавшим, президент пригрозил наложением вето и согласился только на компромисс, который предусматривал сотрудничество госорганов с благотворительными

организациями. Соответствующий билль он подписал в мае 1928 г.

В области внешней политики Кулиджа полагал, что США должны как можно реже вмешиваться в дела, происходившие вдалеке от их границ. Значительная часть общества настаивала на вступлении США в Лигу Наций и более активном участии страны в международных делах, в частности связанных с непрекращающейся революцией в Китае, где оказывалась под угрозой иностранная, в частности американская собственность. Однако Кулидж решительно отверг присоединение к Лиге Наций, считая это нарушением доктрины Монро. В то же время он не возражал против участия США в работе ряда международных организаций, но и к этому вопросу подходил крайне осторожно. В 1926 г. он дал согласие на присоединение США к Постоянной палате международного правосудия (Международному суду), учрежденной в 1920 г. при Лиге Наций. При этом на стадии переговоров американцы выдвинули условие, что решения суда, касавшиеся США, не должны носить обязательного характера, а мог быть только «рекомендациями». Поскольку это грубо нарушало основы судопроизводства, юристы Лиги Наций внесли изменения в проект документа о присоединении. Сенат отказался утвердить новый вариант, на чем сотрудничество с Лигой Наций завершилось.

Широкую известность приобрел договор, получивший название пакта Бриана — Келлога по фамилиям подписавших его министра иностранных дел Франции Аристида Бриана и госсекретаря США Фрэнка Келлога. Само появление договора было связано с тем, что уже в середине 20-х гг. начали возникать опасения, что послевоенный период является на самом деле межвоенным, что зреют условия для возникновения новой мировой войны. В США появлялись антивоенные организации, их активисты получали широкую известность. Один из них, профессор Колумбийского университета Джеймс Шотвелл, в беседе с Брианом высказал идею заключения договора, направленного на преодоление военной опасности, указав, что его мнение разделяет президент США. В апреле 1927 г. Бриан обратился к Келлогу с предложением о подписании между США и Францией договора «о вечной дружбе, запрещающей обращение к войне как к средству национальной политики». Проконсультировавшись с Кулиджем, Келлог ответил принципиальным согласием, однако указал на предпочтительность участия в этом договоре «всех главных держав». В результате 27 августа 1928 г. в Париже был подписан договор 15 государств об отказе от войны как орудия национальной политики. Вслед за этим к договору присоединились еще около 50 государств, включая СССР. Более того, СССР явился инициатором досрочного вступления договора в силу. В

1930 г. Келлогу была присуждена Нобелевская премия мира за инициативу в выработке Парижского пакта (Бриан получил аналогичную премию ранее, в 1926 г.).

Кулидж неоднократно заявлял о своем стремлении поддерживать добрые отношения со странами Латинской Америки. Именно ему принадлежало выражение, что он стремится пронести над всеми государствами континента «оливковую ветвь примирения». Он принял участие в конференции американских государств, проходившей в январе 1928 г. в Гаване. Это был первый случай посещения действующим американским президентом Кубы. В то же время политика «большой дубинки» по отношению к латиноамериканским странам в полной мере не была устранена. Правда, по распоряжению Кулиджа войска США были выведены с территории Доминиканской республики, однако государство Гаити так и осталось под оккупацией США, а в 1927 г. войска были также введены в Никарагуа под предлогом продолжавшейся в этой стране гражданской войны. Эти действия вызывали протест в самих США, Американская антиимпериалистическая лига устроила пикетирование Белого дома. Кулидж на пикеты не реагировал. Вывод американских войск из Никарагуа последовал уже в условиях политики «доброго соседа», начатой в 30-е гг. президентом Ф. Рузвельтом.

Летом 1927 г. во время непродолжительного отдыха в штате Южная Дакота, где он в основном развлекался рыбной ловлей, Кулидж поразил общественность внезапным заявлением, что он не собирается выдвигать свою кандидатуру на выборах 1928 г., хотя традиция позволяла ему это, так как избран он был лишь один раз. Отвечая на уговоры изменить решение и на многочисленные вопросы репортеров о его причинах, Кулидж ссылаясь на состояние здоровья и на усталость от столь длительного пребывания в «позолоченной клетке», как он теперь называл Белый дом. Некоторые авторы утверждают, что Кулидж предвидел тяжелейший экономический кризис, который должен был в скором времени взорвать экономику США. Но это весьма сомнительно: если кризис не предсказали самые опытные и изощренные экономисты, как мог ожидать его человек, не имевший особых экономических познаний? По всей видимости, тяжкая ноша президентства действительно заставила добросовестного Кулиджа отказаться от выдвижения. Он был доволен, что президентом стал его соратник и сотрудник на протяжении всех лет пребывания в Белом доме Герберт Гувер. Кулидж, по всей видимости, был в глубине души удовлетворен своим решением отойти от политики, когда всего через полгода после того, как Гувер стал президентом, разразилась Великая депрессия.

После отставки Кулидж вернулся в Нортгемптон, где стал членом совета директоров страховой компании, написал автобиографию и иногда выступал со статьями по вопросам текущей политики, в частности пытаясь анализировать разразившийся кризис. Естественно, он не допускал и мысли, что его президентство имело какое-либо отношение к экономической катастрофе. Кулидж стал почетным членом и председателем ряда наблюдательных советов, включая совет колледжа Амхерст.

В 1932 г. состояние здоровья Кальвина Кулиджа стало резко ухудшаться. Дело дошло до того, что он полностью потерял аппетит. Он пытался работать, но все более слабел. 5 января 1933 г. Кулидж лишь недолго смог поработать с корреспонденцией, после чего оставил офис и ушел домой. Около полудня он потерял сознание и почти сразу скончался. В качестве причины смерти врачи назвали коронарную недостаточность.

Действовавший еще президент-республиканец Гувер и избранный президент-демократ Рузвельт опубликовали заявления, в которых почтили память скончавшегося. Кальвин Кулидж был похоронен в городке Плимут-Нотч (штат Вермонт) — там, где он родился. В этом городе в настоящее время действует его мемориальный дом-музей, который вместе с окружающими памятными местами объявлен национальным памятником США. А в городе Нортгемптоне в 1956 г. была открыта Библиотека Кулиджа, которая содержит также его архив и музей. Кулидж был единственным президентом, еще при жизни запечатленным в монете в 50 центов, выпущенной в 1926 г. (впрочем, против его воли). Памяти Кулиджа посвящены несколько почтовых марок.

Основные издания:

Coolidge C. The Autobiography of Calvin Coolidge. New York, 1929.

Greenberg D. Calvin Coolidge. New York, 2006.

Shlaes A. Coolidge. New York, 2013.

Sobel R. Coolidge: An American Enigma. Washington, DC, 1998.

ГЕРБЕРТ ГУВЕР

10 августа 1874 — 20 октября 1964

31-й президент:

4 марта 1929 — 4 марта 1933

Герберт Кларк Гувер (*Herbert Clark Hoover*) еще до вступления на пост президента США пользовался всеобщим уважением, как предприниматель, горный инженер высокой квалификации, успешный администратор и государственный муж. Однако все уважение к его личности,

общественному и государственному опыту испарилось в течение короткого времени, стоило разразиться Великой депрессии. Гувер, как были убеждены его современники, оказался неспособным справиться с ней, оставшись лишь созерцателем тех несчастий, которые обрушились на США после процветания 20-х гг.

Герберт (Герб, как его называли все в детстве и близкие всю жизнь) родился в местечке Вест-Брэнч (штат Айова). Это был единственный будущий президент из этого штата центральной части США и первый, родившийся к западу от Миссисипи. Его отец Джесси Гувер, был по профессии кузнецом, среди его предков были немцы и англичане (фамилия была немецкой, первоначально она звучала как Губер, превратившись позже в более привычную для американского уха). Мать Герба Гулда также происходила из смешанной — англо-ирландской среды, да и родилась она в Канаде, откуда переехали в США ее родители. Гулда и Джесси были убежденными квакерами, они слабо разбирались в теологических основах этого протестантского течения, но морально-этическим установкам квакерства они стремились следовать досконально. А таковыми были равенство людей перед Богом, честность, простота, приверженность миру.

Отец Герба, зарекомендовавший себя хорошим мастером, смог открыть в поселке магазин, в котором продавалось в основном оборудование, необходимое фермерам. Раннее детство было спокойным и радостным. Герб увлекался рыбной ловлей на крохотном ручейке, который протекал в районе поселка. Рыболовство осталось его любимым отдыхом в течение всей жизни.

Однако родители скончались, когда он был еще ребенком: отец — в 1880-м, а мать — в 1884 г. О Гербе, его старшем брате и младшей сестре сперва заботились соседи, также принадлежавшие к общине квакеров. Через полтора года Герб перебрался в город Ньюберг, штат Орегон, где жил его дядя по матери Джон Минторн, по профессии врач. Родной сын Минторна незадолго перед этим умер, и Герб стал его приемным ребенком.

Недолгое время Герб проучился в местной школе, но ушел оттуда, чтобы помогать приемному отцу, выполняя отдельные поручения и ведя деловые бумаги. Одновременно он посещал вечернюю школу, где, кроме обычных предметов, изучал бухгалтерское дело и учился печатать на пишущей машинке.

Родственники советовали юноше поступить в какое-либо высшее учебное заведение, связанное с квакерами. Но он предпочел полностью светское образование и в 1891 г. отправился в далекую Калифорнию, где в районе городка Пало-Алто, к югу от Сан-Франциско, совсем недавно был

открыт новый Стэнфордский университет, обладавший крупными средствами, привлёкший к работе известных ученых и опытных преподавателей и подававший надежды со временем стать одним из ведущих высших учебных заведений в стране. На вступительных экзаменах Герб провалился. Он сдал удовлетворительно только математику. Юноша решил не сдаваться. Он подрабатывал чем только мог, занимался с учителями и через год сдал экзамены успешно. Поселился он в общежитии, совмещал обучение с различными работами, как и в год неудачного поступления, проявил высокие способности, легко овладевал естественными науками, добился успехов в высшей математике. Правда, возникали трудности с гуманитарными предметами, в частности с родным языком. Природной грамотности у Герба не было, а зубрить правила, которые, по его мнению, не имели никакой логики, ему было скучно. Все же усиливавшееся упорство позволяло овладевать и курсами английского языка.

Вначале студент колебался по поводу избрания специальности, однако знакомство с профессором геологии Джоном Брэннером решило вопрос. Брэннер, к этому времени уже известный ученый, был одним из основателей Стэнфордского университета и одно время являлся его президентом. Он основал здесь отделение (департамент) геологии и руководил ежегодными летними экспедициями. Участвуя в них, Гувер проявил большое трудолюбие, упорно овладевал знаниями и практическими навыками. Он включался в работу на самых тяжелых участках, оказавшись не только физически выносливым, но и изобретательным. Вскоре он стал одним из самых близких к Брэннеру учеников.

В студенческие годы Герберт чуждался всяких общественных мероприятий, даже не стал членом ни одного братства. Все силы, всю энергию он направлял на овладение специальностью. Было, однако, важное исключение. Он познакомился со студенткой университета Лу Генри, которая изучала одновременно геологию и иностранные языки. Это была удивительная девушка, не только по его мнению, но и в глазах других молодых людей, которые пытались добиться ее благосклонности. Великолепная наездница, увлекавшаяся охотой, она проявила и прекрасные способности в овладении языками. Помимо главных европейских языков, она изучала китайский и практиковалась в нем, общаясь с рабочими-китайцами, трудившимися в Калифорнии.

Молодые люди сблизились. Лу была дочерью банкира, и ее финансовое положение позволяло брак с неимущим студентом. Герберт,

однако, был убежден, что он сам, а не отец жены должен содержать семью, и Лу с ним согласилась. Брак был отложен. Молодые люди поженились в 1899 г., когда материальное положение Герберта было таковым, что он считал себя в состоянии создать семью. В следующие годы Лу всячески помогала мужу в его профессиональных и общественных делах, одновременно являлась переводчицей, а позже вела регулярные радиопередачи на общественные и этические темы.

У Герберта было еще одно увлечение. Он страстно любил классическую музыку и стал организатором концертов видных исполнителей, которые оказывались в Калифорнии. Одним из тех, кого удалось уговорить выступить перед студентами за сравнительно небольшую плату, был польский композитор и пианист Игнаций Падеревский, который позже станет видным политиком и на некоторое время возглавит правительство независимой Польши. Через многие годы после этого концерта польский премьер, находясь в США, считал необходимым встретиться с руководителем Американской администрации помощи Гувером, чтобы поблагодарить за оказание помощи его народу в военные и послевоенные годы. Он был поражен, когда услышал в ответ: «Вы, конечно, этого не помните, но я — тот самый студент, которого вы так выручили, когда я находился просто в долговой яме».

Герберт Гувер окончил университет в 1895 г., получив степень бакалавра в области геологии и специальность горного инженера. Вначале он не мог найти работу по профессии, что было связано с кризисом середины 90-х гг., но довольно быстро устроиться на фирму Луиса Джанина, считавшуюся одной из наиболее успешных и квалифицированных в западной части страны. Он участвовал в горных разведках в Неваде и Калифорнии и в течение двух лет выдвинулся в число ведущих инженеров компании.

Герберт оставался молодым человеком, жаждавшим приключений, знакомства с новыми странами и хороших заработков. Он договорился с совместной англо-американской компанией *Bewick, Moreing & Co* о работе в Австралии, главным образом по разведке золотых месторождений. Как видно, собственники компании получили настолько позитивные отзывы о Гувере как о специалисте и личности, что доверили ему такое ответственное дело, тем более в отдаленной стране.

В 1897 г. Гувер отправился в Австралию, где проработал два года, перемещаясь из одного района страны в другой. Он получал высокую по тем временам зарплату — 5 тыс. долларов в год (сумма примерно равная 150 тыс. долларов в 2018 г.). Но условия работы были тяжелейшими, сам он

описывал места, где ему приходилось проводить разведку как «черные поля, красную пыль и белую жару». Разведка была успешной, были обнаружены богатые залежи золота, начата его добыча, которой в течение некоторого времени также руководил Гувер. Теперь он был уже не только горным инженером, но руководителем работ, менеджером, и в этом качестве проявил жесткость и трезвый расчет, позабыв, видимо, о квакерских установках родителей. Гувер договорился с итальянской фирмой о найме на работу безработных из этой страны, что вызвало протесты австралийских профсоюзов. Однако фирма, теперь в лице Гувера, жалобы и требования местных организаций игнорировала. Когда нанятые рабочие попытались договориться с ним о введении минимума зарплаты и о компенсациях при несчастных случаях, Гувер сухо ответил, что контрактом такие условия не оговорены, а он не намерен нарушать его в ущерб собственникам. Руководство фирмы было вполне удовлетворено деятельностью Гувера. Уже в конце 1898 г. по его предложению он вошел в правление и стал младшим партнером, начав получать таким образом кроме заработной платы дополнительный доход и принимать участие в решении всех деловых вопросов, включая финансовые.

Став на ноги, Герберт получил возможность вступить в брак. Он телеграфировал Лу, сделав ей предложение, немедленно получил телеграфное же согласие, и отправился в США. В феврале 1899 г. в доме родителей невесты в калифорнийском городе Монтерей состоялась свадьба. Чтобы продемонстрировать верность не только супругу, но и его традициям, Лу приняла веру квакеров. Это была формальность: и она, и Герберт были христианами только формально. Их вера, как у большинства тех людей среднего и высокого положения, которые вступали в XX в., являлась лишь данью обычаю.

Когда наступило время возвращаться, оказалось, что Гувера ждет новое, более интересное назначение — работа в Китае, куда вместе с ним отправилась жена, стремившаяся познакомиться со страной и совершенствовать знание языка. Брак оказался удачным. Лу Гувер на протяжении всей деятельности супруга оказывала ему помощь, не забывая о собственных литературных интересах и общественной деятельности. В браке родились двое сыновей — Герберт и Аллан. Герберт-младший стал инженером, служил в авиационных фирмах, а в 50-е гг. работал в правительстве Д. Эйзенхауэра, Аллан занимался бизнесом.

Гувер проработал в Китае полтора года. Он продолжал оставаться партнером прежней фирмы и в то же время с согласия ее директоров стал главным инженером китайского шахтного бюро и генеральным

менеджером корпорации шахт, заняв, таким образом, высокие административные позиции с окладами, позволявшими не только вести свободный образ жизни, но и накопить крупные средства. Обычно он общался с местными чиновниками и предпринимателями на английском языке, но в некоторой степени овладел китайским, чему способствовала жена.

Гувер жил и работал в Тяньцзине, когда летом 1900 г. города достигло Ихэтуаньское восстание, направленное против вмешательства иностранцев во внутреннюю жизнь Китая. Почти месяц здесь продолжались стычки с повстанцами. Гувер присоединился к американским морякам, участвовавшим в подавлении восстания, несмотря на двойственное отношение к движению со стороны китайских императорских властей — они то присоединялись к нему, то выступали против. Военно-морское командование положительно оценило помощь Гувера, который хорошо знал окрестности города и участвовал в организации карательных операций, проявил инициативу в организации госпиталя для американцев, что, как он позже вспоминал, было первым его участием в благотворительной деятельности.

В конце 1901 г. Гувер ненадолго вернулся в Австралию, где не только вновь возглавил разведку и добычу золота, но и занялся созданием новых горнорудных предприятий. Он стал одним из ведущих собственников компании, получая кроме зарплаты 20 % доходов от ее австралийских предприятий. Теперь Австралия не была постоянным местом его жительства, он вернулся в США, но посещал страну почти ежегодно.

Одновременно он занялся новым делом — организацией металлургического производства в городе Броукен-Хилл (австралийская провинция Новый Южный Уэльс). Здесь под его руководством была организована Цинковая корпорация, причем Гувер стал одним из изобретателей новых методов обработки цинковой руды, значительно удешевивших производственный процесс и обеспечивших корпорации высокие прибыли. В 1912 г. вместе с соавторами он получил патент на изобретение.

В то же время Гувер начинал уставать от инженерно-предпринимательских забот в австралийском захолустье, его натура жаждала новых видов деятельности. В 1908 г. он ушел из компании и стал независимым международным консультантом в области горного дела. К этому времени его квалификация была такова, что его услугами пользовались крупнейшие предприниматели разных стран. Одно его прозвище «доктор больных шахт» говорило о многом. Он работал в

Великобритании и Франции, несколько месяцев провел в России: вначале на Урале, где участвовал в строительстве Кыштымского медеплавильного завода (и приобрел часть его акций), затем на алтайских шахтах, принадлежавших императорской фамилии. Он налаживал работу запущенных шахт и вместе с тем восторгался богатством ископаемых на сибирских просторах.

В промежутках между поездками Гувер читал лекции в Колумбийском и в своем Стэнфордском университетах. Его лекционный курс был опубликован в 1909 г. в книге «Основы шахтного дела», которая стала основным учебным пособием и позже была переведена на ряд языков. Вместе с женой Герберт перевел на современный английский язык книгу «О природе металлов», написанную немецким ученым эпохи Возрождения Георгом Бауэром (под псевдонимом Агрикола) на латыни. Книга была издана в 1912 г.

И в Сан-Франциско, и в Нью-Йорке у Гувера были удобные дома (своя квартира у него была и в Лондоне), он становился уважаемым общественным деятелем, хорошо известным в политических кругах. Вместе с тем его, ранее не интересовавшегося почти ничем, кроме специальности и связанных с нею дел, постепенно все более тянуло к политике. Он участвовал в подготовке Калифорнийской выставки 1914 г., посвященной открытию Панамского канала и прохождению через него первых американских судов. Используя свои связи в Британии, он даже пригласил короля Георга V посетить выставку, убеждая его в личном письме, что контакты с американцами укрепят содружество обеих стран. Гувер специально отправился в Лондон, надеясь получить аудиенцию у короля и заручиться его согласием. Здесь его застало начало мировой войны.

Используя связи и организационный опыт, Гувер возглавил возвращение на родину примерно 120 тыс. американцев, находившихся в это время в европейских странах. Многим из них необходима была материальная помощь. И эта работа проводилась под руководством американского инженера и предпринимателя, который привлек около 500 добровольцев для распределения продовольствия, одежды, бесплатных или льготных билетов на пароходы. Подав пример собственной благотворительности, Гувер убедил большое число американских бизнесменов включиться в оказание помощи своими средствами. С 1914 г. в центре его внимания находилась общественная деятельность.

Вначале его работа по организации помощи населению пострадавших от войны стран была ограниченной. Когда в Бельгии, оккупированной

германскими войсками, возник тяжелейший продовольственный кризис, Гувер, пользуясь тем, что его страна была пока нейтральной, возглавил Комиссию помощи Бельгии. Удалось собрать значительные средства, закупить продовольствие, отправить его на бельгийскую территорию под контролем американских представителей, наблюдавших, чтобы продукция попала по назначению. 90 % средств предоставило правительство, остальные были собраны путем пожертвований. Общий годовой бюджет организации, которую стали называть Комиссией Гувера, составил 120–130 млн долларов.

Когда весной 1917 г. США вступили в войну, президент Вильсон назначил Гувера руководителем Продовольственного ведомства США (*U.S. Food Administration*), задачей которого являлось регулирование продовольственного снабжения в масштабах страны и участие в снабжении продовольствием действующей армии. Гувер добился предоставления ему значительной самостоятельности в принятии решений и стремился провести в жизнь, не всегда успешно, принцип централизации. Он несколько раз повторил: «Войну выигрывает продовольствие», — и эти слова стали своего рода лозунгом нового ведомства. Под руководством Гувера были разработаны правила лицензирования и контроля над ценами. Он настоял на отказе от введения карточной системы распределения продуктов, вместо этого была развернута пропаганда воздержания от употребления в пищу определенных продуктов в разные дни недели: мяса по понедельникам, хлеба по средам и т. д. В прессе такой подход получил ироническое название «гуверовизация».

Когда война завершилась, деятельность Гувера по снабжению продовольствием продолжилась, но характер ее изменился. В феврале 1919 г. Конгресс принял закон о помощи голодающей Европе, согласно которому создавалась Американская администрация помощи — *ARA (American relief administration. ARA)* во главе с Гувером. США выделяли 100 млн долларов на поставку продовольствия и медикаментов странам Центральной и Восточной Европы, пострадавшим от войны. Особое внимание уделялось помощи России в соответствии с высказыванием Вильсона: «Большевизм — это голод и хаос, который можно остановить только продовольствием и порядком». Первоначально помощь оказывалась только в тех регионах России, где у власти находились антибольшевистские силы. Когда в России в 1921 г. начался подлинный голод, писатель Максим Горький обратился к Гуверу с просьбой о распространении помощи на советскую территорию. 25 июля Гувер ответил открытым письмом, в котором указал на условия получения помощи, которые должны были по крайней мере ограничить

злоупотребление ею. В августе в Риге был подписан договор, по которому помощь распространялась только на детей и больных. К декабрю 1921 г. продовольствие получали около 500 тыс. человек.

В декабре 1921 г. Конгресс США по предложению Гувера, несколько раз выступавшего на заседаниях, выделил 20 млн долларов для закупки продовольствия у фермеров с целью отправки в Россию. Позже были ассигнованы еще 24 млн, что позволило распространить помощь на взрослое население. Всего АРА оказала помощь 10–11 млн граждан России. По мнению Всероссийской чрезвычайной комиссии, сотрудники АРА занимались сбором разведывательной информации, что, однако, документально не подтверждено.

Гувер получил общеамериканскую известность. Он был включен в состав делегации США на Парижской мирной конференции. Там он поддержал заключение Версальского мира, но выступал против чрезмерных репараций, налагаемых на Германию. Осуждая большевизм, он призывал Вильсона не посылать американские войска на территорию России, считая, что белые правительства ненамного лучше, чем власть Ленина.

Расхождения с Вильсоном и собственные умеренно консервативные позиции привели к тому, что Гувер в 1920 г. заявил, что, не являясь членом Республиканской партии, он в целом поддерживает ее и будет голосовать за ее представителя на предстоящих выборах. Его имя называлось в числе возможных кандидатов, но он после колебаний отказался баллотироваться.

Понимая ценность документального материала, который оказался в его руках во время войны, Гувер в 1919 г. подарил свою «военную коллекцию», как он ее назвал, Стэнфордскому университету. Он также передал университету 50 млн долларов на пополнение коллекции исторических документов. В Европу были посланы исследователи, начавшие собирание документов, брошюр, прокламаций, афиш и других всевозможных материалов, связанных с войной и последовавшими за ней революциями. В результате в 1922 г. в университете была образована Гуверовская военная библиотека, которая затем пополнялась и выросла в мощное архивное и исследовательское учреждение. В 1957 г. учреждению было присвоено его современное наименование — Гуверовский институт войны, революции и мира. Находясь на территории Стэнфордского университета в Пало-Алто (Калифорния) и входя в его систему, Гуверовский институт является самостоятельным научно-исследовательским и собирательским документальным центром. Авторы этой работы широко использовали архивные фонды Гуверовского института в своих исследованиях.

На выборах 1920 г. Гувер поддержал Гардинга, который назначил его секретарем по делам торговли. Это была тогда второстепенная правительственная должность с неопределенным кругом обязанностей. Гувер принял назначение, рассматривая, скорее всего, новую должность как стартовую площадку для дальнейшей карьеры политика. Свой пост он сохранил и при следующем президенте Кулидже. Биографы сходятся в том, что именно при Гувере Департамент торговли стал превращаться в одно из ведущих административных учреждений США. А самого министра очевидцы часто называли «человеком-динамо», работавшим чуть ли не круглосуточно. Он был еще сравнительно молод: в 1921 г., когда он занял свой пост, ему исполнилось 47 лет. Он был силен и здоров, энергичен и изобретателен.

Хотя он придерживался принципов свободной экономики, сама жизнь заставляла активно вмешиваться в ее регулирование, особенно в новые отрасли, бурно развивавшиеся в «эпоху процветания» 20-х гг. Были созданы многочисленные новые подразделения департамента, занимавшиеся проблемами авиации, радио, индустрией развлечений, экономической статистикой и др. Особое внимание уделялось стандартизации продукции, всячески поощрялась «заморская торговля». Гувер активно вмешивался в дела других ведомств, начиная с Госдепартамента и завершая Департаментом внутренних дел, поскольку все они так или иначе были связаны с торговыми операциями. Его прозвали секретарем по делам торговли и заместителем секретаря во всех остальных департаментах.

Исходя из установки на свободную торговлю, Гувер рассматривал свой департамент в первую очередь не как регулирующий орган (хотя некоторые меры регулирования были необходимыми), а как мощную организацию помощи бизнесу, призывая и организуя добровольное сотрудничество предпринимателей с правительством.

Американцам со средним уровнем доходов пришлось по душе организованная Гувером кампания «Приобрати собственный дом», целью которой было добиться, чтобы как можно большее число семей смогло купить в рассрочку отдельные дома, обычно двух-или трехэтажные. Была достигнута договоренность с банками о предоставлении займов на покупку домов на льготных началах, с рассрочкой выплаты на много лет.

Популярность Гувера резко увеличилась, когда в 1927 г. он по назначению президента Кулиджа возглавил операцию по спасению жителей штатов, оказавшихся в беде в связи с наводнением на Миссисипи. Тогда без жилья осталось не менее 1,5 млн человек. Гувер непосредственно

возглавил работу по координации усилий различных ведомств и учреждений. Под его руководством были созданы свыше 100 палаточных городков, на спасение людей мобилизованы более 600 судов, путем добровольных пожертвований было собрано свыше 17 млн долларов (более 250 млн в ценах 2018 г.). Современники высказывали мнение, что Гувер фактически оттеснил президента Кулиджа на вторые позиции, став самым известным в стране деятелем с мощной позитивной репутацией.

Гувер оказался естественным кандидатом Республиканской партии на президентских выборах 1928 г., хотя Кулидж был сдержан в оценке его качеств, скорее всего испытывая к нему определенную зависть. На партийном съезде в Канзасе (штат Миссури) 12–15 июня Гувер был выдвинут уже в 1-м туре, хотя фигурировали и другие авторитетные кандидаты (секретарь казначейства Э. Меллон, бывший госсекретарь Ч. Хьюз). Гувер получил 837 голосов, а остальные в совокупности 247. Кандидатом в вице-президенты был номинирован сенатор Чарльз Кертис из Канзаса, по происхождению индеец.

Противником Гувера на выборах был демократ, губернатор штата НьюЙорк Альфред Смит. Между предвыборными установками обоих кандидатов было много общего. Оба они обещали сохранить «процветание нации», поощрение бизнеса, как мелкого и среднего, так и крупного, улучшить положение фермеров (в этом вопросе Гувер был более сдержан), осуществлять курс на фактическое невмешательство в заокеанские дела. По столь противоречивому вопросу, как «сухой закон», кандидаты разошлись: Гувер выступал за его сохранение, тогда как Смит назвал вредным. В пользу протестанта Гувера было и то, что Смит принадлежал к католической церкви, к которой многие американцы относились с недоверием.

На выборах 6 ноября 1928 г. за Гувера голосовали 21,4 млн человек (58,2 %), за Смита — 15 млн (40 %). В коллегии выборщиков Гувер получил 444 места, а Смит — 87.

Стремясь показать «новый стиль» в руководстве страной, Гувер сразу после инаугурации созвал пресс-конференцию, на которой попросил журналистов дать ему советы, как можно улучшить освещение деятельности президента. Он стал проводить частые встречи с представителями печати, причем журналисты предварительно получали своего рода «отчеты» о деятельности правительства за последние дни. Но такое общение продолжалось только первые полгода: когда начался экономический кризис, пресс-конференции стали проводиться все реже, а затем Гувер фактически перепоручил их помощникам и министрам.

В назначении членов правительства Гувер пытался сочетать преемственность с личным доверием и квалификацией назначаемых министров. Государственным секретарем стал Генри Стимсон, служивший до этого генерал-губернатором Филиппин и проявивший как административные, так и дипломатические способности. Секретарем казначейства остался Э. Меллон, который выступал против каких-либо существенных новаций в экономике. Департамент торговли, ставший к этому времени особенно влиятельным, теперь возглавил инженер Роберт Ламонт, работавший до этого в железнодорожных компаниях.

В инаугурационной речи и ряде следующих выступлений Гувер призвал к конструктивному сотрудничеству труда, капитала и правительства при минимальном влиянии государства на экономику. Но все же были проблемы, мимо которых новый президент не мог пройти. Важнейшей из них было положение фермеров, которые никак не могли приспособиться к модернизации сельского хозяйства. Механизация аграрного сектора требовала крупных вложений в технику, необходимую как для обработки полей и скотоводства, так и для доставки продукции на рынок. Низкие цены на сельхозпродукцию вели к разорению части фермеров. Фермерские организации требовали государственных субсидий, без которых сельское хозяйство США не могло выбраться из трудностей.

Будучи секретарем по делам торговли, Гувер возражал против государственных субсидий фермерам, убеждая Конгресс и правительство, что кризисные явления в сельском хозяйстве будут преодолены естественным путем. Став президентом, он осознал необходимость государственного вмешательства. На специальной сессии Конгресса был принят закон о сельскохозяйственном рынке, который президент подписал 15 июня 1929 г. Акт предусматривал поощрение создания сельскохозяйственных кооперативов и введение контроля над ценами. Для выполнения намечаемых мер создавался Федеральный фермерский совет. Возможно, при благоприятных обстоятельствах эти меры могли привести к улучшению положения в аграрном секторе, но тяжелейший кризис свел все усилия к нулю. При этом надо иметь в виду, что в целом сельское хозяйство продолжало в первые месяцы правления Гувера функционировать, снабжая городское население необходимыми продуктами, продаваемыми в результате острой конкуренции по сравнительно низким ценам. Нужды фермеров были относительными, выделялись лишь на фоне «процветания» городов.

Гувер стремился как можно реже упоминать в своих выступлениях само понятие гражданских прав, которое однозначно идентифицировалось

с правами черного населения. Когда же приходилось отвечать на вопросы о соблюдении конституционных гарантий и ликвидации дискриминации негров, Гувер обычно переводил разговор в другую плоскость, утверждая, что черное население может улучшить свое положение, в том числе в области политических прав, путем получения образования и индивидуальной инициативы. Он осудил случаи расправы с неграми в южных штатах, но отказался от разработки нового закона, который ужесточил бы наказания за линчевание. В то же время как положительный признак многие оценили тот факт, что первая леди пригласила на чай в Белый дом жену республиканца Оскара де Прайеста из Чикаго — единственного негра, избранного в Сенат США со времени реконструкции. Впрочем, приглашен был не сам сенатор, а только его жена, причем не президентом, а лишь первой леди. Создается впечатление, что Гувер просто пожелал остаться в стороне.

Прошло всего пол года после прихода Гувера в Белый дом, как на США, а вслед за ними на другие страны обрушился тягчайший за всю историю экономический кризис — Великая депрессия, как его стали называть в Америке. Кризис начался 24 октября 1929 г. с катастрофического падения курса акций на Нью-йоркской фондовой бирже. В течение этого «черного четверга» было продано около 13 млн стремительно терявших цену акций. Затем последовал «черный вторник» 29 октября, когда этот показатель был перекрыт на 3 млн. За неделю паники на бирже было потеряно около 30 млрд долларов — больше, чем все расходы правительства за годы Первой мировой войны.

Вначале казалось, что речь идет о случайном, хотя и крайне пагубном крахе биржевых спекулянтов. Но взрыв на бирже не просто вызвал эффект домино, но и был порожден глубокими экономическими причинами, связанными с «процветанием» предыдущих лет, — неконтролируемыми капиталовложениями, строительной, промышленной и торговой лихорадкой, неплатежеспособным спросом на избыточные товары. В конце 20-х гг. в США, по мнению некоторых историков, господствовал «рыночный фундаментализм», то есть полная свобода рыночных отношений. Это было не совсем так, но близко к истине.

Ряд экспертов считали особенно опасным для экономики страны безудержный рост стоимости ценных бумаг, но Гувер только приветствовал взвинчивание цен на бирже, поскольку видел в этом признак процветания экономики, тем более что оно сопровождалось все более распространявшимся биржевым кредитом с так называемой «маржой», то есть оплатой не просто в рассрочку, а за счет средств брокера. Покупатели

оплачивали наличными примерно 10 % стоимости акций, а остальной долг быстро перекрывался повышением акционного курса. Сами брокеры, не имевшие достаточно средств для покупки акций стоимостью в миллионы долларов, брали займы у банков под залог все тех же ценных бумаг. Возникла не обеспеченная исходными средствами сложная финансовая пирамида или, точнее, — цепь переплетенных пирамид. Достаточно было малейшего толчка, чтобы система начала рушиться. За годы кризиса (до 1933 г.) стоимость акций уменьшилась почти в пять раз. Около 10 млн граждан США лишились сбережений. Закрывались промышленные предприятия и строительные фирмы. Каждую неделю примерно 100 тыс. человек теряли работу. К 1933 г. число безработных достигло 14 млн. Доходы фермеров сократились на 60 %, а цены на сельхозпродукты, и без того низкие, упали еще в 2–3 раза. При этом у рядовых горожан это отнюдь не стало поводом для радости, так как их покупательные возможности подчас сводились к нулю.

Из США кризис распространился на Латинскую Америку, а затем на Европу. Президент Гувер при всем своем жизненном и государственном опыте оказался не в состоянии осознать, что произошло. Его прошлый практицизм изменил ему, он свято верил в концепцию свободного рынка, способного автоматически преодолевать возникающие трудности. Ведь совсем недавно он предельно оптимистично высказывался в том смысле, что «скоро наступит день, когда нищета будет навсегда устранена для этой нации».

В самом начале кризиса Гувер заявил, что его причина — отсутствие доверия к финансовой системе. Финансисты и экономисты сочли такое суждение поверхностным, не объясняющим существа процессов, приведших к краху. Рядовые граждане просто не обратили внимания на президентскую оценку. Гувер же не считал нужным предпринимать какие-либо меры на правительственном уровне, считая, что кризис уляжется сам собой путем укрепления бизнеса и особенно быстрого развития железнодорожной сети. Былая популярность Гувера испарилась за неделю, в прессе его стали называть теперь человеком некомпетентным, холодным, далеким от людских забот.

Все же он по требованию конгрессменов и общественных кругов вынужден был принимать какие-то меры или скорее делать вид, что принимает их. На следующей неделе после «черного вторника» Гувер пригласил в Белый дом большую группу ведущих бизнесменов и руководителей профсоюзов и обратился к ним с просьбой не допускать остановки работы и сокращения зарплаты, заверив, что экономические

трудности скоро окажутся позади. В то же время он был отчасти прав, связывая возникшие проблемы с наплывом в США нелегальных иммигрантов из Мексики и других стран Латинской Америки и распорядившись о принудительной высылке из страны около 2 млн человек, которые оказались в США в результате фактического отсутствия контроля во многих районах на южной границе. Выслано было значительно меньше, от 600 тыс. до 1 млн, и это отнюдь не решило проблему, хотя и уменьшило число безработных. Сам Гувер называл эти действия «программой мексиканской репатриации», политические противники — «этнической чисткой».

Только в 1930 г. правительство стало предпринимать некоторые ограниченные меры по смягчению кризиса, причем сам Гувер продолжал неосновательно верить, что трудности будут преодолены в ближайшее время. В марте 1930 г. он объявил, что самые тяжелые последствия кризиса, в частности в области безработицы, будут ликвидированы за 60 дней. На самом деле Великая депрессия лишь обострялась.

Более или менее существенные меры были приняты только в области сельского хозяйства. Созданный Гувером Федеральный фермерский совет получил средства, необходимые для поддержания цен на докризисном уровне. Закупая продукцию, а затем продавая ее за рубеж по пониженным ценам, государство взяло на себя часть потерь фермеров.

В соответствии с давними установками Республиканской партии Гувер попытался смягчить кризис при помощи резкого повышения таможенных пошлин на ввозимые товары. Через Конгресс был проведен закон Смита — Хоули, настолько поднявший тарифы, что они стали фактически запретительными для многие товаров. Гувер оправдывал эту меру, приведшую к повышению цен на внутреннем рынке, тем, что американские товары становились неконкурентоспособными. Но ответом было повышение тарифов в странах Европы. Между государствами, даже благожелательно относившимися друг к другу, возникало подобие таможенной войны, что еще более обостряло мировой кризис. В самой Республиканской партии проявилась оппозиция повышению тарифов. Влиятельный сенатор Уильям Бора обвинил президента, что именно его внешнеторговые тарифы не позволили быстро ликвидировать кризис. В результате Гувер потерял поддержку части сенаторов от собственной партии.

В некоторых штатах принимались свои меры. Так, губернатор-демократ штата НьюЙорк Франклин Рузвельт образовал Временную чрезвычайную администрацию помощи, которая финансировалась за счет

специального прогрессивного подоходного налога. Ее работа стала примером для подобных учреждений в других штатах. Гувер же ограничился тем, что осенью 1930 г. создал Организацию помощи безработным, которая свела свою деятельность к призывам к предпринимателям расширить прием на работу неквалифицированных и низкоквалифицированных рабочих.

В январе 1932 г. Гувер поддержал и подписал закон о создании Корпорации финансирования реконструкции, которая должна была заниматься предоставлением государственных и гарантированных государством займов финансовым учреждениям и железным дорогам с целью оживления их деятельности. Программы администрации смогли предотвратить крах ряда банков, но не привели к экономическому подъему. Несколько эффективнее был закон о чрезвычайной помощи в области строительства, принятый в июне 1932 г., который намечал создание организаций в области общественных работ, финансируемых государством. Это происходило, однако, уже накануне президентских выборов, и реально в бытность Гувера на высшем посту сделано в этой области было немного.

Великая депрессия и связанные с ней безработица и нищета привели к радикализации общества. Виновником своих бед массы людей считали Гувера, который обещал им продолжение процветания, но обманул. На окраинах городов возникали поселения бездомных и нищих, сооруженные из обломков деревянных и металлических конструкций и даже картонных коробок. Их называли «гувервиллями». Термины множилось: газеты, которыми укрывались на ночь здешние обитатели, называли «гуверовскими одеялами», а диких кроликов, которых ловили дня употребления в пищу, — «гуверовскими поросятами». С 1931 г. на улицах крупных городов появились «суповые кухни», ими пользовались, но они вызывали раздражение толпы.

Радикальные настроения обострились еще больше, когда в мае 1932 г. в Вашингтоне с санкции президента была разогнана «бонусная армия» ветеранов мировой войны, которые требовали выплаты им злосчастных бонусов за участие в войне. На лагерь ветеранов на окраине города были двинуты регулярные войска, и просто чудо, что в возникшей суматохе погибли лишь несколько человек.

Удивительно, но Гувер решился идти на выборы в 1932 г. На съезде Республиканской партии в Чикаго в начале июня он был единодушно выдвинут вновь по той простой причине, что партия не имела никого, кто пожелал бы взять на себя ответственность в эти тяжкие времена. Удивительно и то, что республиканцы, скорее всего лицемерно, на съезде

твердили о грядущей победе. Видный журналист Генри Менкен оценил съезд как собрание «самое глупое и бесчестное, которое я когда-либо видел».

Выборы, на которых кандидатом демократов стал губернатор штата НьюЙорк Франклин Рузвельт, оказались для Гувера неудачными. Он получил 39,7 % голосов. Но в избирательной коллегии за Рузвельта голосовали 472, а за Гувера — всего 59 выборщиков. Он добился преимущества только в нескольких северо-восточных штатах и в крохотном Делавэре.

После отставки Герберт Гувер еще более 20 лет вместе с супругой жил в Пало-Алто. После ее смерти в 1944 г. он переехал в НьюЙорк, где его постоянной резиденцией стали апартаменты в фешенебельном отеле «Уолдорф Астория» (*Waldorf Astoria*). Бывший президент внимательно следил за текущими событиями. Он остро критиковал политику своего преемника, называя «новый курс» Рузвельта гигантским шагом к социализму. Гувер участвовал в предвыборных съездах Республиканской партии, надеялся на новое выдвижение, но ни разу не получал номинации.

Отношение Гувера к нацистской Германии и ее агрессивной политике было двойственным. В 1938 г. во время путешествия по Европе он посетил Адольфа Гитлера, а затем принял приглашение Германа Геринга погостить в его охотничьем имении. Однако в следующие годы он стал заявлять, что Гитлер — просто сумасшедший и не представляет опасности для США. Когда же началась Вторая мировая война, Гувер выступил против участия в ней США и против помощи странам, воевавшим против Германии и Японии. В особенности это касалось Советского Союза: любые формы сотрудничества с СССР в войне Гувер называл трагедией, которая может привести только к расширению мирового коммунизма.

Отношения с высшей властью несколько улучшились, когда президентом стал Гарри Трумэн. По его просьбе Гувер совершил поездку по оккупированной американской армией части Западной Германии, а затем дал Трумэну рекомендации по вопросам восстановления хозяйства оккупационной зоны. По поручениям администрации Трумэна, а затем Эйзенхауэра Гувер возглавлял комиссии по проверке работы правительственных ведомств и рекомендовал меры по укреплению централизованной власти, которую считал теперь необходимой в связи с наступлением «атомной эры».

Несмотря на пожилой возраст, Гувер много писал. В числе его публикаций были не только воспоминания, но и книга о Вудро Вильсоне — единственная в американской истории работа о президенте, написанная

другим президентом. Он участвовал во всех съездах Республиканской партии, причем, начиная с 1952 г., трижды выступал на съездах с «прощальным словом», обращенным к однопартийцам. В 1960 г. он начал выступление словами о том, что его предыдущие два прощальных слова «не сработали» — то есть он еще жив и способен выступать. Держался он до последнего. В 1962 г. ему удалили злокачественную опухоль кишечника. Вскоре после этого произошло тяжелое внутреннее кровотечение. Его ум оставался живым. Почти до последних дней жизни он вел обширную корреспонденцию. В съезде 1964 г. Гувер уже участвовать не был в состоянии. Он скончался 20 октября того же года от внутреннего кровоизлияния на 91-м году жизни.

Еще при жизни Герберта Гувера стало восстанавливаться его доброе имя. Связанные с его деятельностью места объявлялись памятниками национального значения. В 1962 г. в городе Вест-Брэнч (штат Айова), где он родился, была открыта Библиотека Гувера, являющаяся одновременно его архивом и музеем, посвященным его жизни и деятельности. Гувер был похоронен на ее территории, сюда же были перенесены останки его жены.

Имя Гувера получил ряд важных сооружений, связанных с его деятельностью. Среди них выделяется плотина Гувера на реке Колорадо недалеко от Лас-Вегаса — уникальное гидротехническое сооружение арочного типа, в подготовке к созданию которого Гувер участвовал, будучи президентом (плотина была открыта в 1936 г.). В честь Гувера назван астероид, открытый австрийскими учеными, которые так оценили помощь, которую Герберт Гувер оказал населению Австрии после Первой мировой войны.

Таким образом, США в конце 20-х — начале 30-х гг. руководил человек, который до своего президентства сыграл немалую общественно-политическую роль, хотя в годы своей администрации оказался неспособным справиться с тягчайшей экономической катастрофой, постигшей его страну.

Основные издания:

Hoover H. Memoirs. Vol. 1–3. New York, 1951.

Best G. The Life of Herbert Hoover: Keeper of the Torch, 1933–1964. New York, 2013.

Clements K. The Life of Herbert Hoover: Imperfect Visionary, 1918–1928. New York, 2010.

Jeanson G. Herbert Hoover: A Life. New York, 2016

Walch T. Uncommon Americans: The Lives and Legacies of Herbert and

Lou Henry Hoover. New York, 2003.

ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ

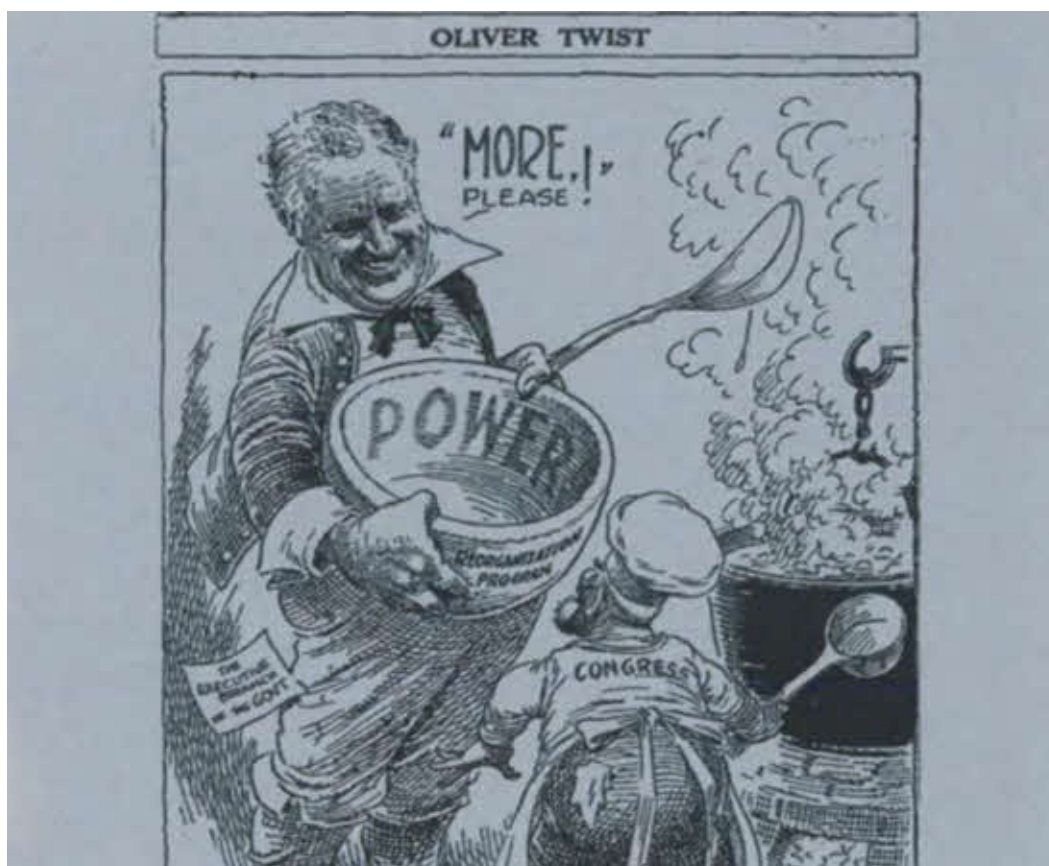
30 января 1882 — 12 апреля 1945

32-й президент:

4 марта 1933 — 12 апреля 1945

**Франклин Рузвельт выступает докладом
о положении в США. 1943 г.**

Оливер Твист. Карикатура на Ф. Рузвельта

Франклин Делано Рузвельт (*Franklin Delano Roosevelt*) был человеком и президентом уникальным по ряду причин. Он смог выйти на первые роли, страдая тяжелой и неизлечимой болезнью — полиомиелитом. Он был единственным президентом, избравшимся на этот пост четыре раза подряд, сохраняя доверие народа. Он был руководителем, который повел страну по «новому курсу», заложив основы мощной системы социальной защиты граждан. Он был Верховным главнокомандующим Вооруженными силами США во время Второй мировой войны и внес немалый вклад в достижение общей победы, став затем одним из создателей послевоенной системы коллективной безопасности.

Франклин родился в семье выходца из Голландии Джеймса Рузвельта. Джеймс был землевладельцем в поселке Гайд-Парк к северу от Нью-Йорка. Но к тому времени, когда родился Франклин, он и его родные были также

коммерсантами, владельцами акций шахт, железнодорожных компаний и других бизнесов. Он симпатизировал Демократической партии, хотя политических амбиций у него не было.

Франклин родился, когда отцу исполнилось 53 года. Его первая жена умерла, и он женился на соседской девушке Саре Делано, которой было 26 лет и которая считалась местной красавицей. Через два года после свадьбы появился на свет Франк. Его раннее детство проходило в богатой обстановке, но почти в одиночестве. Мать лелеяла единственного ребенка, баловала его при одобрении мужа. Через много лет она, ставшая ревнивой и эгоистичной, серьезно полагала, что своими успехами сын обязан исключительно ей.

В имении Рузвельтов была хорошая библиотека, и Франк, научившийся читать в пятилетнем возрасте, буквально глотал книги. Вскоре он увлекся коллекционированием марок и всегда стремился как можно больше узнать о каждой серии и стране, выпустившей ее. Мальчик рос физически развитым, критически мыслящим. Родные отмечали его исключительную память. Франк был послушным сыном, но с годами по мере взросления материнские заботы начинали вызывать раздражение, которое он тщательно скрывал. Уже в детском возрасте он получил первые уроки лицемерия, которые столь необходимы политику.

С восьми лет Франк занимался в небольшой группе с соседскими детьми английским и иностранными языками, основами математики и природоведения. Занятия проводили частные учителя, квалификация которых предварительно тщательно проверялась. В 14 лет Франк стал учеником престижного Гротонского колледжа (штат Массачусетс) — школы, которая давала хорошее общее образование, но главное внимание уделяла древним языкам. Здесь он провел четыре года, постепенно приучая себя к жизни в коллективе, к спортивным играм и к учету общественного мнения. Он хорошо учился по всем предметам, но особенно привлекали занятия, на которых надо было проявить творчество, показать эрудицию, отразить аргументы оппонентов.

По окончании Гротона в 1900 г. Франклин поступил в Гарвардский университет, где по завершении общих курсов стал учиться в юридической школе. Здесь он почти сразу включился в общественную жизнь. Особенно его привлекала журналистика. Хотя у него не было яркого публицистического таланта, но жажда писать и особенно проводить интервью с известными людьми была неутолимой. Он стал сотрудничать в университетской студенческой газете и в 1902 г. получил постоянную работу в качестве секретаря редакции. Писал же он на всевозможные темы

— от спортивных состязаний до плохой системы вентиляции в корпусах. Через год он возглавил газету и был ее редактором до окончания университета.

У Рузвельта возникали кратковременные любовные увлечения, но и они, как и другие области интересов, постепенно становились фоном к формировавшемуся интересу к политике. Симпатии были на стороне той партии, к которой принадлежали отец и соседи по Гайд-Парку, — он начинал считать себя демократом. Правда, его дальний родственник Теодор Рузвельт, ставший президентом США, был республиканцем. Но поскольку Т. Рузвельт слыл прогрессистом, реформатором, то Франклин, оставаясь приверженцем Демократической партии, внимательно следил за деятельностью «дядюшки», как он его называл, хотя родственные отношения были отдаленными. Все же родственники нашли возможность представить студента главе государства. Франклин осмелился спросить президента, нравится ли ему его работа. Тот ответил: «Это просто. Все равно, что срывать плоды». Молодой человек сделал вывод, что примеру родственника надо следовать.

В кругу Рузвельтов произошло и важное изменение в личной жизни Франклина. Еще с детских лет он был знаком с племянницей Теодора Рузвельта Элеонорой. Став взрослыми, молодые люди начали встречаться. Будучи студентом, Франклин в ноябре 1903 г. сделал предложение 19-летней девушке, которое было с радостью принято. В марте 1905 г. сыграли свадьбу, в которой принял участие сам президент (торжество провели в то время, когда Т. Рузвельт по делам находился в Нью-Йорке). На первых порах брак был счастливым. От матери Франклин получил великолепный подарок — отдельный дом на Манхэттене. В промежутке между 1906 и 1916 гг. Элеонора родила дочь и пятерых сыновей. Однако постепенно Франклин отдалялся от супруги, хотя старался заботиться о семье. У него появлялись кратковременные связи, как со свободными, так и с замужними дамами. Но главное его внимание всегда отдавалось политике.

Получив в Гарварде степень бакалавра, Рузвельт поступил в юридическую школу Колумбийского университета в Нью-Йорке. Весной 1906 г. он сдал экзамен и стал работать в юридической фирме на Уоллстрит, обслуживавшей крупнейшие корпорации. Начав вести юридические дела, Франклин познакомился с нью-йоркскими боссами Демократической партии, которые обратили внимание на молодого человека, предложив ему баллотироваться в Сенат штата от одного из сельских округов, где ранее побеждали республиканцы. Начав избирательную кампанию, он сразу взял верный тон. Отправившись в дом, где работал маляр Томас Леонард,

Франклин приветствовал его: «Здравствуй, Том», — на что получил ответ-вопрос: «Как вы поживаете, мистер Рузвельт?» — «Нет, называй меня Франклином. Ведь я называю тебя Томом». Так была завоевана симпатия рабочего, и он обещал поддержать кандидатуру. Рузвельт с ходу учился правильному общению с разными людьми.

В результате энергичной кампании Рузвельт добился победы. В начале января 1911 г. новый сенатор появился в столице штата Олбани. Первые его впечатления не были радостными. Он считал, что высокопоставленные демократы, включая губернатора штата НьюЙорк Джона Дикса, не соответствуют духу новаторства, которым он был охвачен. В то же время он понимал, что его избрание в традиционно республиканском округе всего лишь случайность. Необходимо было завоевывать популярность. Вскоре Рузвельт возглавил в Сенате штата группу «повстанцев», которая требовала, в частности, перехода от косвенных выборов в Сенаты США и штатов к прямым. Одновременно Рузвельт стяжал репутацию борца против «боссизма» в своей партии и «антитрестовца».

В 1912 г. Рузвельт впервые участвовал в съезде Демократической партии, поддержав кандидатуру В. Вильсона на пост президента. Здесь же состоялись важные новые знакомства, в том числе с пресс-секретарем Вильсона Дж. Дэниэльсом, которому молодой человек понравился и который вспомнил о нем через некоторое время, чтобы предложить ему государственный пост.

В том же году Рузвельт был вновь избран сенатором штата НьюЙорк. Теперь он уже не был новичком, стал членом нескольких комитетов — по железным дорогам, военным делам, председателем Комитета по сельскому хозяйству. Наиболее значительной инициативой Рузвельта в это время был законопроект о контроле оптовых закупок продукции у фермеров, ограничивавший произвол оптовиков.

На этот раз пребывание в Олбани оказалось недолгим. Назначенный секретарем по делам ВМФ Дж. Дэниэльс предложил Рузвельту стать его заместителем. Любопытно, что президент Вильсон, которому Дэниэльс доложил о своем выборе, заметил: «Его выдающийся родственник прошел путь с этого места до президентства. Может быть, история повторится?»

Став заместителем секретаря, Рузвельт переехал в Вашингтон. Умея учиться, он овладевал основами морского искусства, хотя бы в теории, и вскоре значительно превзошел в этом своего шефа. Он добивался увеличения американского ВМФ, полагая, что он должен выйти на один уровень с британским. Он контролировал завершение строительства Панамского канала, несколько раз выезжал в зону канала для решения

практических вопросов. Он поддерживал связь с судостроительными фирмами, подписывая и разрывая контракты, беря на себя ответственность за расходование миллионных средств. Неоднократно по разным причинам Рузвельт исполнял обязанности секретаря, который особенно не утруждал себя государственными заботами.

После начала мировой войны Рузвельт выступал за то, чтобы США интенсивно готовились к вступлению в нее, а затем включились в военные действия против Германии. Это способствовало росту его популярности в интервенционистских кругах. Во влиятельной газете «Уоллстрит джорнел» появилось даже требование, чтобы Дэниэлс был заменен его «динамичным заместителем». В 1917 г., когда США действительно вступили в войну, Рузвельт выдвинул два плана — строительства небольших кораблей, которые способны были бы вести борьбу с германскими подводными лодками, и создания минного пояса в Северном море. Оба плана были приняты и реализованы.

Летом 1918 г. Рузвельт побывал в Европе с инспекцией американских ВМС. Он посещал корабли, общался с экипажами, представителями бизнеса, обеспечивавшими флот снаряжением и продовольствием. Устанавливались новые связи. Важной была встреча с британским министром вооружений Уинстоном Черчиллем. Франклину удалось попасть на фронт, и он принял участие в наступлении франко-американских войск в районе Шато-Тьерри. Под Верденом, попав под шквальный огонь противника, он проявил хладнокровие. После подписания Компьенского перемирия Рузвельт вновь отправился в Европу — на этот раз в качестве консультанта американской делегации на Парижской мирной конференции. Когда Франклин возвращался из этой европейской командировки, разразился семейный скандал. На судне он заразился гриппом, осложнившимся воспалением легких. В полубессознательном состоянии его выгрузили с корабля, а затем отправили в Гайд-Парк. Разбирая его чемодан, Элеонора натолкнулась на связку писем от своей подруги Люси Мерсер, которая, как оказалось, была уже давней любовницей Франклина. Семейный скандал не вышел наружу, но обсуждался в кругу родных. Встал вопрос о разводе, но его мать проявила завидную твердость, заявив, что, если Франклин оставит Элеонору, он будет лишен наследства. Результатом было устное соглашение: брак сохранялся при условии, что Франклин не будет встречаться с Люси и оба супруга будут вести собственную жизнь, не вмешиваясь в дела друг друга.

Рузвельт возвратился к политическим делам. Он участвовал в съезде

Демократической партии в конце июня — начале июля 1920 г., на котором кандидат в президенты губернатор штата Огайо Джеймс Кокс предложил ему баллотироваться на пост вице-президента. Франклин дал согласие, рассматривая предстоявшую борьбу как новую ступень в карьере. В августе он ушел с поста заместителя секретаря и полностью включился в предвыборную гонку. Несколько раз его принимали за сына Теодора Рузвельта и, не особенно разбираясь в партийных различиях, провозглашали лозунг «Проголосуем за сына!»

На выборах демократы проиграли. Им не могли простить, что они, втянув США в мировую войну, уступили первенство европейским союзникам. Франклин, однако, не считал себя неудачником. Накапливался опыт, вырабатывалось умение общаться, представлять дело так, что его крайне интересует выращивание рогатого скота в Вайоминге или возделывание пшеницы в Канзасе. После выборов он занялся бизнесом, став вице-президентом трастовой компании «Фиделити» (*Fidelity and Deposit Company*).

Но летом 1921 г. произошло страшное событие, которое решительным образом повлияло на всю дальнейшую жизнь. 39-летний Рузвельт заразился полиомиелитом — детским инфекционным параличом. 11 августа он не смог встать утром с постели, так как ноги его не слушались, температура повысилась до 40°, затем по всему телу разлилась страшная боль. Врачами был поставлен неутешительный диагноз. Интенсивное лечение позволило ликвидировать поражения, непосредственно угрожавшие жизни, но врачи разъяснили, что паралич ног сохранится до конца жизни. В начале 1922 г. Рузвельта «одели» в стальные шины, поддерживавшие нижнюю часть тела, и он стал учиться передвигаться на костылях или при помощи слуг хотя бы на несколько метров. Приходилось опираться на собственную волю и традиционные методы лечения, которые могли только облегчить состояние больного. Болезнь круто изменила образ мыслей Рузвельта: созрел другой человек — способный переносить тягчайшие трудности, познавший невзгоды и начинавший не только сочувствовать другим, но и стремиться оказывать им помощь.

Рузвельт оставался если не в центре, то в пределах политического истеблишмента Демократической партии. По просьбе организаторов того или иного собрания он обращался к ним с письмами, выражавшими его позицию по рассматриваемой теме. Обычно он выступал в поддержку мелкого бизнеса, интересов среднего американца. Одновременно он участвовал в разных финансовых предприятиях, даже биржевых играх, добиваясь, однако, весьма скромного успеха.

Первые признаки того, что Рузвельт вновь появляется на арене большой политики, возникли во время президентской кампании 1924 г. Он принял участие в партийном съезде демократов, состоявшемся в Нью-Йорке. Он поддержал кандидатуру губернатора штата Нью-Йорк Эла Смита на президентский пост. Выступая на съезде, он опирался на руку сына Джеймса. Рузвельту устроили овацию, продолжавшуюся несколько минут. Он напомнил о достижениях Смита, в частности о введении в штате 8-часового рабочего дня для женщин. Впрочем, результаты выборов были предрешены: был избран уже занимавший пост президента республиканец Кулидж.

Следующее крупное политическое испытание ждало Рузвельта через четыре года, во время выборов 1928 г. Демократы вновь выдвинули кандидатом Смита, кандидатом республиканцев стал Герберт Гувер. В связи с борьбой за президентский пост Смит отказался от губернаторства и предложил избрать вместо него губернатором Нью-Йорка Рузвельта. Избирательная кампания проводилась с привычным Франклину размахом. Несмотря на инвалидность, он пересаживался с поезда на автомобиль, за которым следовали обычно еще два — с представителями прессы, помощниками, стенографистами.

На выборах в начале ноября Рузвельт одержал победу незначительным большинством — всего в 25 тыс. голосов (при 4,2 млн голосовавших) — над республиканцем генералом Альбертом Оттингером. Острили, что он стал «полупроцентным губернатором». Предвыборная программа Рузвельта носила общий характер, центральной темой была необходимость усилить внимание к провинции штата, к аграрному сектору. Вместе с тем звучали требования более активного вмешательства в экономику и государственной помощи малоимущим. Накануне вступления в должность он выступил с предложением о введении социального страхования, в частности по болезни.

Став губернатором, Рузвельт попытался сразу найти те административные рычаги, на которые следовало нажать, чтобы достичь реального улучшения жизни широких слоев населения. Одним из них он счел введение за счет бюджета штата с привлечением частного капитала ряда технических новинок для снабжения населения дешевой электроэнергией. Была проведена экспертиза, а затем началось строительство плотин с небольшими электростанциями на быстрых реках. Была выдвинута идея строительства электростанции на реке Святого Лаврентия, а с учетом того, что она протекает по территории двух стран, началось взаимовыгодное сотрудничество с канадскими властями и

фирмами. Вслед за этим наступила очередь обратиться к охране природы, озеленению и поддержке земледелия. Через легислатуру были проведены законы о восстановлении лесов, в частности путем выкупа заброшенных ферм.

Обе группы инициатив были хорошо сбалансированы: первая привлекла большее внимание городского населения, но не была чужда и интересам фермеров, вторая соответствовала чаяниям людей, связанных с землей, встретив положительный отклик и в городах, прежде всего в Нью-Йорке. В самом мегаполисе началась разбивка новых парков.

После начала осенью 1929 г. экономического кризиса возникала острая необходимость помощи людям, не просто потерявшим работу, а начавшим страдать от голода и холода. Помимо чисто гуманитарных соображений, Рузвельт учитывал опасность социального взрыва, которым была чревата ситуация, если не принять немедленные меры. В противоположность президенту Гуверу, Рузвельт в масштабе штата стал действовать активно. Он начал с того, что разрешил нищим ночевать на баржах порта в Нью-Йорке. Затем были приняты более существенные меры. В августе 1931 г. была образована Временная чрезвычайная администрация помощи (*Temporary emergency relief administrations TERA*), которая финансировалась за счет специального прогрессивного подоходного налога. Губернатор оказался первым в США местным руководителем, выступившим инициатором помощи безработным и другим нуждающимся. Вначале Рузвельт считал, что *TERA* нужна на краткий срок, но постепенно становилось ясно, что чрезвычайные меры придется продлевать. Во главе *TERA* Рузвельт поставил энергичного предпринимателя Гарри Гопкинса, который стал его другом и в дальнейшем выполнял многие ответственные поручения. Администрация превратилась в мощный инструмент смягчения тягот рядовых жителей. Помимо непосредственной материальной помощи, ведомство губернатора проводило мероприятия по ограничению детского труда, уменьшению налогового давления на фермеров, вводились пенсии для пожилых людей.

Для укрепления своих позиций Рузвельт широко использовал радиопропаганду. Он учитывал, что радиосообщениям население верило больше, чем газетам, к которым оно привыкло и которые, как оно убеждалось, нередко обманывали. Губернатор оказался пионером в использовании еще одного средства массовой информации и пропаганды — документального кино. Летом 1930 г. в свет вышел первый звуковой документальный политический фильм «Отчет Рузвельта», в котором с явными преувеличениями рассказывалось о трудах губернатора на благо

родного штата.

Успехи по ограничению катастрофических последствий кризиса для населения штата НьюЙорк вкупе с падением авторитета Республиканской партии и президента Гувера побудили Рузвельта заняться подготовкой к выдвижению своей кандидатуры на президентский пост. В дополнение к этому сильными его сторонами были связи в различных социальных кругах и унаследованное, но не приумноженное приличное состояние. В 1931–1932 гг. был сформирован предвыборный штаб советников и консультантов, в который входили супруга Элеонора, давний помощник Рузвельта Луис Хоув, Гарри Гопкинс, вице-губернатор Эдвард Флинн, сенатор и знаток международных отношений Корделл Халл и др. Рузвельта поддерживали и видные финансисты Генри Моргентау и Уильям Вудин. Одновременно из специалистов по различным отраслям, в основном из сотрудников Колумбийского университета, формировался «мозговой трест».

Именно в кругах советников и членов «мозгового треста» возник термин «новый курс» (это не совсем точный перевод американского выражения *new deal*, означающего также торг, переговоры, тайное соглашение), который в целом отражал существо задуманных планов. В соответствии с ними Рузвельт в первой половине 1932 г. стал высказываться в пользу осторожного планирования экономики, введения общественных работ для безработных, пособий для неимущих, подчеркивая, что это — временные меры, призванные вывести США из чрезвычайной ситуации и вновь привести страну к процветанию. Внимание фиксировалось на интересах «забытого человека, находящегося на нижней ступени социальной лестницы».

Предвыборный съезд демократов проходил в Чикаго в конце июня 1932 г. Рузвельт в нем не участвовал, оставаясь в своей губернаторской резиденции в Олбани. С самого начала большинство делегатов высказывались за его кандидатуру, но 2/3 голосов он не набирал. Возникла угроза длительных и утомительных дебатов и появления компромиссного кандидата, очередной «серой лошадки». В результате закулисных переговоров Джон Гарнер, лидер демократов в Палате представителей (он находился на 3-м месте), согласился снять свою кандидатуру под обещание выдвинуть его в вице-президенты. В 4-м туре Рузвельт стал кандидатом в президенты.

Дальнейшая предвыборная кампания против Гувера показала, что Рузвельт научился находить для каждой группы населения свои слова, привлекая все новых сторонников. Крупнейший публицист и политолог

Уолтер Липпман признал его ораторское «виртуозное искусство». Гувер вначале вздохнул чуть свободнее, узнав, что демократы выдвинули в президенты тяжелобольного, неспособного самостоятельно передвигаться человека. Однако его расчет оказался неосновательным. Преодолевая физические трудности, Рузвельт вместе с помощниками из своего штаба и «мозгового треста» ездил из одного штата в другой, подчеркивая перед разными аудиториями те стороны планируемого восстановления, которые были наиболее близки людям, к которым он обращался в данный момент. Это требовало немалой словесной эквилибристики.

На выборах 8 ноября Рузвельт голосовал в родном Гайд-Парке. На обязательный вопрос избирательной комиссии, каков характер его главных занятий, он ответил: «Выращивание деревьев». Такой же ответ он будет давать еще три раза во время президентских выборов.

Рузвельт одержал убедительную победу. Было ясно, что большинство американцев высказались за серьезные изменения в государственной политике во имя скорейшего преодоления кризиса, за вмешательство властей в хозяйственные дела, за активизацию роли США на международной арене. К тому моменту, когда Рузвельт стал президентом, экономический кризис настолько углубился, что многие современники выражали сомнение, что американский капитализм и конституционная демократия США смогут выжить. Промышленное производство сократилось в два раза, свыше четверти рабочих не имели работы. Федеральная помощь безработным отсутствовала, а на местном уровне была введена лишь в части штатов и была незначительной. Банковско-финансовая сеть была совершенно расстроена.

Рузвельт фактически сформировал правительство еще до вступления в должность. На пост государственного секретаря после некоторых колебаний был намечен К. Халл. Выбор оказался удачным: Халл проявил умение предвидеть развитие мировых событий, по крайней мере в близкой перспективе, объединять события и реакцию на них в США в единый комплекс, указывать наиболее целесообразные подходы и решения. Пост секретаря казначейства был предложен У. Вудину — бизнесмену, финансировавшему избирательную кампанию. Зато секретарем по делам сельского хозяйства был намечен республиканец Генри Уоллес, известный радикальными взглядами и даже высказывавшийся за коллективную обработку земли. Рузвельт демонстрировал, что он готов решать проблемы на межпартийной основе. Для расширения базы правительства секретарем по вопросам труда стала Френсис Перкинс — старая знакомая Рузвельта, активно выступавшая за женское равноправие. Впервые в истории США

появилась женщина-министр.

Перед вступлением в должность Рузвельт пережил сильный стресс. 15 февраля в Майами, штат Флорида, во время выступления в городском парке в Рузвельта были произведены пять выстрелов из пистолета. Стрелявший анархист Джузеппе Зангара целиться не умел, ни одна пуля не задела президента, но присутствовавший на выступлении мэр Чикаго Антон Сермак был случайно ранен и вскоре скончался (убийца был приговорен к 80 годам заключения). Рузвельт же не выказал волнения и спокойно попрощался с присутствовавшими.

Четвертого марта состоялась инаугурация. Рузвельт заявил: «Наша страна требует действий, действий немедленных. Наша великая нация выстоит в этом испытании так же, как она выносила прежние, оживет и добьется процветания. Единственное, чего мы должны бояться, — это самого страха». 9 марта прошло чрезвычайное заседание Конгресса, в обеих палатах которого демократы имели теперь большинство. По требованию президента все банки страны были на четыре дня закрыты: объявлены «выходные дни», запрещен экспорт золота. 12 марта Рузвельт выступил с обращением к народу не с официальной трибуны, а по радио. Он сидел у камина и вел душевную беседу с американцами. Так появились беседы у камина, как стали называть эти выступления, которые продолжались на протяжении всего президентства Рузвельта. Первая беседа была посвящена краху банковской системы и принимаемым в связи с этим мерам.

На протяжении «выходных дней» были разработаны меры в финансовой области: решено было открыть в каждом штате по несколько банков, чьи операции гарантировались государством, то есть всем внутренним продуктом Америки и ее природными ресурсами. Когда на пятый день начали открываться банки, в них понесли деньги. Рузвельту поверили. В честь этого он объявил о возвращении американцам пива и сообщил о намерении отменить «сухой закон», что и было сделано вслед за этим специальной новой поправкой к Конституции.

После первых чрезвычайных мер последовала лавина реформ. К июню 1933 г. в Конгресс были внесены проекты 15 законов, посвященных сельскому хозяйству, промышленности, банковской системе, рабочему движению, земельной собственности и др. Противники утверждали, что Рузвельт идет по пути то ли И. В. Сталина, то ли А. Гитлера, что США грозит социализм то ли в советской, то ли в нацистской упаковке. Тем не менее Конгресс, уверовав в способность президента вывести страну из катастрофы, буквально проштамповал вносимые им проекты.

Весьма важен был закон о регулировании сельского хозяйства. Создавалась администрация, которая выплачивала фермерам компенсации за отказ от засева земли, за убой скота и др. Ставилась задача при помощи этой варварской меры ликвидировать ножницы между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары, обеспечить платежеспособный спрос на продовольствие и сельхозсырье.

Был отменен золотой стандарт (право обмена бумажных денег на золото), что привело к понижению курса доллара и удешевлению американских товаров на мировом рынке, а это способствовало увеличению экспорта.

Одним из важных мероприятий «нового курса», как теперь повсеместно стали называть политику Рузвельта, стал закон о восстановлении национальной промышленности, принятый в июне 1933 г. Создавалась Национальная администрация восстановления, которая разработала «кодексы честной конкуренции», регулировавшие объемы производства по отраслям, цены, условия найма и увольнения рабочей силы, заработную плату, продолжительность рабочего дня, права профсоюзов. Кодексы подписывали представители бизнеса, профсоюзов и групп потребителей. Типовой кодекс предусматривал 44-часовую рабочую неделю с минимальной недельной заработной платой в 12–15 долларов. В «кодексы честной конкуренции» вносились пункты, требовавшие равенства белых и черных рабочих в отношении условий труда.

Одновременно были образованы органы обеспечения работой и проведения мероприятий по сохранению природных ресурсов и совершенствованию инфраструктуры. В мае 1933 г. Рузвельт создал Федеральную администрацию чрезвычайной помощи (*Federal Emergency Relief Administration; FERA*) и несколько других связанных с ней органов. Работу возглавил Г. Гопкинс. На протяжении 1933–1938 гг. под руководством этих органов было создано свыше 8 млн рабочих мест. Было построено 2,5 тыс. больниц, 125 тыс. общественных зданий, 124 тыс. мостов, около 1 тыс. аэродромов. Рузвельт образовал Гражданский корпус консервации природных ресурсов, на базе которого создавались лагеря для безработной молодежи от 17 до 23 лет. В лагерях вводилась полувоенная дисциплина. «Лесная армия» сажала деревья, занималась ирригационными работами. Девушки и юноши получали по 30 долларов в месяц плюс питание и форму. 25 долларов посылались родным, остальные шли на мелкие расходы.

Мероприятия «нового курса» представляли собой подлинные новации, но они соответствовали американским демократическим традициям, логике

предпринимательства, хотя и ограничиваемого государственным регулированием. Рузвельт был прав, когда говорил, что «новый курс» не имеет отношения ни к нацизму, ни к коммунизму. Вслед за проведением первых мероприятий Рузвельт стал уделять особое внимание вопросам социального обеспечения. Соответствующие законы были приняты в 1935 г. Вводилось пенсионное обеспечение лиц, достигших 65 лет. Пенсионный фонд образовывался за счет обязательных взносов как предпринимателей, так и рабочих и служащих. Вводились компенсации по безработице, пособия по болезни и инвалидности. Правда, попытка Рузвельта ввести всеобщее медицинское страхование натолкнулась на сопротивление в Конгрессе, и президент от этого плана отказался.

В соответствии с актом о трудовых отношениях неквалифицированные и низкоквалифицированные рабочие получили право создавать свои профсоюзы, а АФТ вынуждена была принимать их в свой состав. Была введена практика «закрытого цеха»: предприниматели обязывались увольнять рабочих или брать новых только с согласия профсоюза. В том же 1935 г. новые профсоюзы образовали свое объединение, которое в 1938 г. получило название Конгресс производственных профсоюзов (КПП). В США возникло второе мощное профобъединение.

Первые результаты «нового курса» были налицо. В 1934 г. валовой национальный продукт был на % больше, чем в предыдущем. Стала сокращаться безработица (в 1934 г. она составляла 21,7 %, в 1937 — 14,3 %). Важную роль играли объективные экономические факторы, хозяйственная цикличность, но высокие материи мало волновали рядовых американцев, которые связывали улучшения исключительно с политикой президента.

На выборах 1936 г. Демократическая партия вновь выдвинула Рузвельта. Преодолевая правые силы, которые теперь сплотились вокруг Республиканской партии, он добился блестящей победы: из 48 штатов ему отдали голоса 46, из 531 выборщика — 523. За кандидата демократов проголосовали не менее 5 млн из тех, кто обычно поддерживал республиканцев. Еще перед выборами Рузвельт изменил срок инаугурации. Он считал, что избранному президенту незачем ожидать три месяца для вступления в должность. С того времени и до сих пор инаугурация проходит 20 января.

Вступив в должность, Рузвельт прежде всего занялся «лечением» Верховного суда. Это было связано с тем, что высший судебный орган страны в предыдущие годы ставил палки в колеса «новому курсу», объявляя те или иные положения законов не соответствующими

Конституции, заставлял вносить в них изменения и тормозил реализацию. Теперь речь шла о том, что достигшие пенсионного возраста судьи должны будут уходить в отставку при вдвое большей, чем обычно, пенсии. В том же случае, если судья отказывался от этого, что было его правом, то президент назначал ему в «помощь» еще одного судью. Это должно было обеспечить преобладание в Верховном суде сторонников Рузвельта. Полностью провести реформу президенту не удалось. Вопрос был решен компромиссно: в июне 1937 г. был принят закон, предусматривавший, что судьи, прослужившие десять лет после достижения пенсионного возраста, сохраняют свой пост и оклад, но отходят от активной деятельности.

Продолжались реформы в социальной области. В 1938 г. был введен в действие закон о справедливых трудовых стандартах. Предусматривалось в масштабе страны введение минимальной почасовой оплаты труда — 40 центов. Запрещалось использование труда детей младше 16 лет.

Хотя всё внимание Рузвельта в первые годы было обращено в основном на преодоление кризиса, но жизнь заставляла заниматься и международными делами. Пришедшие к власти в Германии нацисты начали перевооружение. Нуждаясь в надежных сведениях о том, что происходило в Германии, Рузвельт летом 1933 г. назначил в Берлин послом своего хорошего знакомого профессора истории Чикагского университета Уильяма Додда. Посол получил право писать непосредственно президенту, минуя Госдепартамент. Додд писал о подготовке Германии к войне, преследовании евреев, Гитлера он называл «человеком малообразованным, с криминальным прошлым». Додд убеждал президента, что любые попытки переговоров с целью заставить Гитлера прекратить агрессивную политику лишь разожгут его аппетиты. В полной мере Рузвельт осознал это только после начала Второй мировой войны.

Очаг войны возник и на Дальнем Востоке, когда японские войска в 1931 г. вторглись в Северо-Восточный Китай, оккупировали Маньчжурию и создали там марионеточное государство Маньчжоу-Го. В июне 1933 г. Рузвельт запросил у Конгресса ассигнования на строительство 32 крупных военных кораблей, в том числе авианосцев, хотя военной авиации в США почти не было.

Что касается Советского Союза, то президенту была абсолютно чужда система, установленная там после Октябрьского переворота 1917 г. Неприятие большевистских реалий предопределило тот факт, что США не последовали примеру других стран, которые в 1924–1925 гг. официально признали СССР. Но Рузвельт был политиком-реалистом и подходил к проблеме отношений с СССР с геополитических позиций, а также с учетом

экономических соображений. Он видел в набиравшем силу Советском Союзе возможного союзника в противодействии японской и германской агрессии. После взаимных прощупываний в Вашингтон прибыл советский нарком иностранных дел М. М. Литвинов — верный слуга И. В. Сталина, а не автор некой «литвиновской внешней политики», как об этом твердят некоторые российские и зарубежные авторы. 10 ноября 1933 г. состоялась беседа Литвинова и Рузвельта, на которой было договорено о восстановлении официальных отношений. Вскоре в Москве появилось американское посольство, а в Вашингтоне — советское полномочное представительство (полпредство). Первым советским полпредом был назначен бывший меньшевик Александр Антонович Трояновский, американским послом в СССР стал Уильям Буллит, уже побывавший в Москве в 1919 г. и встречавшийся с В. И. Лениным.

В середине 1930-х гг. Рузвельт понимал, что США не готовы к крупным международным акциям. В августе 1934 г. был принят закон о нейтралитете, который предусматривал, что «с началом войны между двумя или более государствами или в ходе ее президент объявляет об этом, после чего запрещается экспорт оружия, боеприпасов или военного снаряжения из любого пункта в Соединенных Штатах или их владения в любой порт воюющих государств или в любой нейтральный порт для транспортировки в воюющее государство». За нарушение эмбарго грозил крупный штраф или тюремное заключение или то и другое.

Вместе с тем Рузвельт готовился к грядущим событиям. В январе 1938 г. он попросил Конгресс ассигновать свыше 1 млрд долларов на создание «флота двух океанов», а вслед за этим заявил, что США нуждаются по меньшей мере в 8 тыс. самолетов, а располагает в 4 раза меньше. Предложения были вотированы и стали реализовываться.

Важной частью внешнеполитического курса Рузвельта стали новации в отношениях с латиноамериканскими государствами. Президент повторял, что США больше не будут проводить политику «большой дубинки» и «дипломатии доллара». Последовали и конкретные меры. В мае 1934 г. была отменена «поправка Платта», дававшая США возможность вмешиваться в дела Кубы, вскоре морская пехота США покинула Гаити. Политика «добраго соседа», которую провозгласил Рузвельт, не была последовательной. В Никарагуа Рузвельт поддержал приход к власти Анастасио Сомосы, который установил в стране диктаторский режим. Часто можно прочесть, что Рузвельт заявил: «Сомоса — сукин сын, но это наш сукин сын». На самом деле этих слов он не произносил, они были приписаны ему, хотя в целом совпадали с его реальной политикой.

В 1939 г. Рузвельту сообщили, что в Германии ведутся работы по созданию оружия невероятной силы, что занимаются этим крупные физики, изыскиваются запасы урановой руды и тяжелой воды. Эмигрировавшие в США выдающиеся физики Альберт Эйнштейн и Лео Сцилард обратились к Рузвельту (письмо от 2 августа 1939 г. было подписано только Эйнштейном), высказав мнение, что требуются быстрые ответные действия со стороны правительства США. По распоряжению Рузвельта был создан секретный Комитет по урану и в Колумбийском университете начаты предварительные исследования. Рузвельт требовал, чтобы все дела доверялись «самому малому числу людей». Так атомный век со всеми его достижениями и ужасами возможной всемирной катастрофы был зачат в результате объединенных сил физиков и крупнейшего государственного деятеля Америки.

Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. было сразу воспринято Рузвельтом как начало Второй мировой войны. В условиях подписанного за неделю до этого советско-германского договора о ненападении (его неверно называть, как это обычно делается, пактом Риббентропа-Молотова, фактически это был пакт Гитлера — Сталина^[5]), «странной войны» на Западном фронте, перехода войны в активную фазу в мае 1940 г. и последовавшей через полтора месяца капитуляции Франции Рузвельт занял осторожную позицию. Он объявил о нейтралитете, но вслед за этим ввел ограниченное чрезвычайное положение.

Еще в сентябре 1939 г. Рузвельт вступил в секретную переписку с Уинстоном Черчиллем, который в мае следующего года стал премьер-министром Великобритании и энергично выступил за активный отпор нацистской Германии. Начал складываться союз с Великобританией. В ноябре 1939 г. был отменен закон о нейтралитете и введен принцип продажи оружия за наличный расчет.

В ноябре 1940 г. Рузвельт был избран президентом на третий срок. Перед выборами многократно повторялось: «Два срока заслуживают третий» и «Коней на переправе не меняют». Став впервые в истории США президентом в третий раз, он в инаугурационной речи провозгласил «курс четырех свобод», причем не только в США, но и в мировом масштабе. Имелись в виду свобода слова, свобода исповедания, свобода от нужды и свобода от страха.

Война между тем продолжалась, и становилось все более ясным, что в конечном итоге США будут в нее вовлечены. В «выступлении у камина» 29 декабря 1940 г. Рузвельт провозгласил США «арсеналом демократий», чем попытался подготовить общество к принятию нового принципиально

важного закона об обеспечении защиты США. Это был закон о передаче вооружения, боеприпасов, продовольствия и других материалов в аренду или займы тем странам, оборона которых жизненно важна для США. 11 марта 1941 г. Рузвельт подписал закон о ленд-лизе (*lend* — давать займы, *lease* — сдавать в аренду), который гласил, что поставленные материалы, уничтоженные, утраченные или выработавшие ресурс во время войны, оплате не подлежат, а имущество, пригодное для гражданских целей, должно быть после войны оплачено на основе долгосрочных кредитов. Вначале закон был распространен на Великобританию, а после нападения Германии на СССР — и на него. Первоначально программой ленд-лиза руководил Г. Гопкинс, позже было создано специальное правительственное управление для ее реализации. Закон о ленд-лизе был новым шагом на пути вовлечения США в мировую войну. Рузвельт дал понять, что основное внимание будет обращено на Атлантику и Европу, а тихоокеанские проблемы отходят на второй план. После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. вслед за Черчиллем президент США объявил: «Мы окажем России всю возможную помощь». В Москву был направлен Г. Гопкинс, который сообщил Рузвельту, что СССР готов вести упорную борьбу и что ему действительно следует оказывать помощь по ленд-лизу.

В августе 1941 г. Рузвельт встретился с Черчиллем в Атлантике у берегов Ньюфаундленда, где они подписали документ, вошедший в историю как Атлантическая хартия — торжественная декларация решимости вести войну против агрессоров до победного конца и создания безопасного мира. Через месяц СССР объявил о присоединении к Атлантической хартии.

Между тем начать реальную войну США смогли не в Европе, а на Тихом океане. 7 декабря 1941 г. базировавшиеся на авианосцах японские бомбардировщики нанесли удар по американскому флоту, находившемуся в Перл-Харборе — главной военно-морской базе США на Гавайях. Почти все силы Тихоокеанского флота США были выведены из строя. Атака произвела на Рузвельта ошеломляющее впечатление. Сперва он не поверил сведениям, затем ненадолго растерялся. Вскоре, однако, президент овладел собой. 8 декабря Рузвельт выступил на совместном заседании обеих палат Конгресса, признав, что происшедшее «будет навсегда датой позора». Конгресс принял декларацию об объявлении войны Японии. В этот же день войну Японии объявила Великобритания. Вслед за этим Германия объявила войну США.

Последовавшее вскоре решение президента о выселении граждан США японского происхождения в специальные лагеря можно объяснить

лишь болезненным чувством мести. Эти люди теряли собственность, оказывались в антисанитарных условиях, голодали. Только в 1945 г. японцам было разрешено возвратиться по домам. Через много лет президент Рональд Рейган подписал документ, в котором приносились извинения за интернирование, вызванное «расовыми предрассудками», и каждый из примерно 60 тысяч доживших до этого времени пострадавших получил компенсацию в 20 тыс. долларов.

После вступления США в войну Рузвельт издал ряд распоряжений по укреплению внутренней безопасности и максимальной мобилизации сил на ведение войны. Были приняты меры по усиленной охране правительственных зданий, введена цензура, часть продовольственных и промышленных товаров стала распределяться по купонам. Был создан Совет военного производства, решения которого были обязаны выполнять не только государственные, но и частные организации. Вся предпринимательская активность оказалась под строжайшим государственным контролем.

Вместе с тем укреплялись союзнические отношения. 1 января 1942 г. была подписана Декларация Объединенных Наций, содержащая обязательство «употребить все свои ресурсы, военные или экономические, против тех членов Тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми... [данная страна] находится в войне». В конце мая — начале июня 1942 г. в Вашингтоне побывал советский нарком иностранных дел В. М. Молотов. Шли переговоры об открытии «второго фронта» в Европе. 12 июня было подписано коммюнике, в котором указывалось на «полную договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». Президент США и его помощники проявили здесь большую долю лукавства: это было всего лишь сообщение о визите, а не договор, и главное, Рузвельт трактовал «договоренность» как намерение приложить силы к открытию «второго фронта», тогда как в СССР это было воспринято как обязательство. В последующей переписке с Рузвельтом Сталин неоднократно резко критиковал американского президента за нарушение обязательств, выразившееся в том, что «второй фронт» не был открыт ни в 1942-м, ни в 1943 г.

Новый фронт в действительности был открыт в Северной Африке, где в начале ноября 1942 г. высадились американские и британские войска под командованием генерала Дуайта Эйзенхауэра. Они быстро заняли территорию Марокко и Алжира, затем вели упорные бои в Тунисе. Африканская операция была завершена весной 1943 г., после чего началась подготовка к высадке на юге Италии.

В то же время эффективно развивался «арсенал демократий». Американская промышленность выпустила в 1942 г. 48 тыс. боевых самолетов. На 1943 г. Рузвельт предложил рекордный бюджет — 100 млрд долларов, что на 1/4 превышало предыдущий. Шли исследования в области новейших видов оружия, создавалось ракетное вооружение, приобретали четкие очертания работы в области атомной энергии, носившие маскировочное наименование «Манхэттенский проект». Несмотря на все возможные меры безопасности, в этот проект проникла советская разведка, в частности ее агенты супруги Джулиус и Этель Розенберг, коммунисты, которые смогли добыть и передать резидентуре важные данные о новом оружии. Они были раскрыты и уже после войны казнены на электрическом стуле.

В конце 1944 г. работа над атомным проектом вступила в завершающую фазу и было решено нанести первый удар (или удары) по Японии. После встречи Рузвельта с военным секретарем Генри Стимсоном 30 декабря была начата подготовка летчиков для боевого применения атомного оружия. Президент отдавал себе отчет, что подготовка должна быть не только чисто военной, но и психологической, ибо, скорее всего, речь будет идти о десятках тысяч жертв среди мирного населения. Определены были города, которые станут объектами бомбардировки, среди них были Хиросима, Ниигату, Нагасаки, Кокура. Мир все ближе подходил к началу атомной эры.

Одновременно становились все более ощутимыми контуры грядущей победы. Рузвельт, как и другие участники антигитлеровской коалиции, понимал необходимость согласования военных усилий союзников, причем на уровне высших руководителей. Американский президент неоднократно встречался с премьером Великобритании Черчиллем и в США, и в Канаде. По подавляющему большинству вопросов они достигали взаимопонимания. Черчилль, в частности, был в курсе американских ядерных разработок, в которых участвовали и британские ученые. Оба понимали необходимость согласовывать военно-политические планы с советским лидером, которого называли обычно «дядя Джо». В сентябре — октябре 1943 г. после согласования самого факта встречи шел торг по поводу места ее проведения. Сталин настаивал на столице Ирана Тегеране, где размещался советский воинский контингент и где он чувствовал бы себя в безопасности, тем более что Тегеран находился вблизи от советской границы. Рузвельт, скорее всего по соображениям престижа, настаивал на своей зоне влияния, но в конце концов согласился.

Тегеранская конференция глав трех держав состоялась 28 ноября — 1

декабря 1943 г. Встреча проходила в обстановке сотрудничества и острых дебатов, причем медиатором, как правило, выступал Рузвельт. Именно он проинформировал Сталина о намерении США и Великобритании осуществить высадку своих войск в Северной Франции не позднее мая 1944 г. Были поставлены вопросы о создании международной организации безопасности, о послевоенном устройстве Германии. Рузвельт занял жесткую позицию, предложив разделить Германию на несколько государств, а ряд ее территорий превратить в «международные зоны» (решение вопроса было отложено). Сталин обязался вступить в войну с Японией через три месяца после окончания военных действий в Европе. В целом Тегеранская конференция свидетельствовала об укреплении союза и стремлении Рузвельта сохранить его и после войны.

Англо-американские войска начали высадку во Франции 6 июня 1944 г. Операция в целом проходила успешно: закрепившись на побережье, войска Союзников начали продвижение вглубь страны. В этих условиях Рузвельт уже стал задумываться о судьбе американских военнослужащих (около 11 млн человек) после их возвращения на родину. По предложению президента был разработан проект закона о реадaptации военнослужащих, так называемый Билль о правах джи-ай. (Термином GI — *government issue* или проблема правительства — обычно называли американских солдат, подчеркивая этим, что именно власти должны проявлять всю полноту заботы о военнослужащих.) Закон был подписан президентом 22 июня 1944 г. Он предусматривал выделение средств на бесплатное образование и профессиональную подготовку демобилизованных солдат и сержантов, предоставление им беспроцентных займов на покупку домов, льготные условия лечения.

Одновременно в целом резко повышался жизненный уровень населения США. Со 2-й половины 1943 г. благодаря невиданному росту производства началось резкое увеличение выпуска гражданской продукции и карточная система, не будучи отмененной, умерла сама собой. Фактически была ликвидирована безработица, у населения появилась уверенность в сохранении работы, стабильном заработке. О том, что будет по окончании войны, предпочитали не задумываться.

Рузвельт испытывал гордость за свою страну и за свою деятельность. Он многократно произносил торжественные речи об успехах, которых США добились за годы войны. Действительно, накануне войны в США производилась треть мировой промышленной продукции, а в конце войны — половина. В решающей степени это было связано с конъюнктурой и отсутствием на территории США боевых действий. Но немалая заслуга

президента в этом тоже была.

В 1944 г. Рузвельт решился на беспрецедентный шаг — он выдвинул свою кандидатуру на президентский пост в 4-й раз! Ему противостоял кандидат республиканцев губернатор штата НьюЙорк Томас Дьюи. Это был опытный администратор, но Рузвельт являлся настолько неоспоримым руководителем нации, что был безоговорочно выдвинут съездом Демократической партии и затем одержал столь же блестящую победу, как и прежде. Вице-президентом стал сенатор Гарри Трумэн, компромиссная фигура, не претендовавшая на высшие посты.

В начале 1945 г. был согласован вопрос о проведении новой встречи Рузвельта, Черчилля и Сталина в Ялте. Тяжелобольной Рузвельт, здоровье которого ухудшалось, несмотря на публикацию явно фальшивых сообщений медиков о его отличном состоянии, был вынужден принять по существу унижительное требование о встрече на советской территории, что было свидетельством его крайней заинтересованности во вступлении СССР в войну против Японии. Встреча проходила под Ялтой, в Ливадийском дворце 4—11 февраля 1945 г. Зарубежные участники конференции отмечали, что Рузвельт сильно сдал: он похудел, под глазами появились резкие темные круги. По ряду вопросов шли острые споры, завершавшиеся компромиссом или прекращением обсуждения. По вопросу о послевоенной международной организации требование Сталина состояло в том, что в нее должны быть приняты не только СССР в целом, но и все советские республики. Торг завершился тем, что, помимо СССР, в Организацию Объединенных Наций, как уже неофициально называли будущую структуру, войдут две республики — Украина и Белоруссия.

По вопросу о послевоенной Польше на уступку, оказавшуюся фиктивной, пошел Сталин, согласившийся на включение в польское правительство, находившееся под советским контролем, представителей Лондонского эмигрантского правительства.

Было принято решение о принципах послевоенного устройства Германии, предусматривавшее ее демилитаризацию, денацификацию (уничтожение нацизма) и демократизацию. Были подтверждены ранее согласованные договоренности о создании зон оккупации Германии и соответственно секторов Берлина. Стороны приняли Декларацию об освобожденной Европе, составленную американской делегацией и предложенную Рузвельтом. Провозглашалось суверенное право европейских народов на управление своими территориями и долг союзников помогать им в осуществлении этого права.

По наиболее важной для Рузвельта теме — об условиях вступления

СССР в войну против Японии — он вел переговоры лично со Сталиным. Президент согласился на включение в СССР южной части Сахалина, а также Курильских островов, в том числе непосредственно примыкающих к крупному японскому острову Хоккайдо (некоторые из них в Японии вообще не относились к Курильской гряде, а считались особой группой Северных островов, но главы великих держав на географические подробности внимания не обращали), получение порта на китайской территории, создание советской военной базы в Порт-Артуре. Вступление СССР в войну против Японии в США рассматривалось как жизненная необходимость: в эффективности атомного оружия, создание которого еще предстояло завершить, полной уверенности не было.

Вернувшись из Ялты, Рузвельт планировал принять участие в намеченной на 25 апреля учредительной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско и выступить с приветственной речью. До этого он решил неделю отдохнуть в своем имении в курортной местности Уорм-Спрингс. С ним находилась его давняя подруга Люси Мерсер, пригласившая свою знакомую — художницу русского происхождения Елизавету Шуматову, которая должна была написать портрет президента. 23 апреля художница работала над портретом, в то время как Рузвельт, сидя за рабочим столом, рассматривал деловые бумаги. Внезапно он произнес: «У меня ужасно болит затылок» и уткнулся лицом в стол, потеряв сознание. Через несколько минут находившиеся в резиденции врачи констатировали его смерть. Кончина наступила от обширного кровоизлияния в мозг.

Рузвельт был похоронен в родовом имении в Гайд-Парке. На памятнике, который вскоре был сооружен, высечены три слова «Франклин Делано Рузвельт».

Еще при жизни президента в Гайд-Парке была создана Библиотека Рузвельта, которая одновременно является его архивом и музеем. В Вашингтоне же сооружен Мемориал Рузвельта (архитектор Лоуренс Холприн), состоящий из четырех галерей, каждая из которых освещает одно из его президентств. Почти во всех крупных городах США есть улицы Франклина Рузвельта, площади и другие памятные места, носящие его имя.

Подавляющее большинство американцев считают Франклина Рузвельта одним из крупнейших представителей своей нации.

Основные издания:

Мальков В. Д. Франклин Рузвельт: Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988.

Чернявский Г. И. Франклин Рузвельт. М., 2012.

Black C. Franklin Delano Roosevelt: Champion of Freedom. New York, 2005.

Brinkley D. Rightful Heritage: Franklin D. Roosevelt and the Land of America. New York, 2016.

Winkler A. Franklin D. Roosevelt and the Making of Modern America. London, 2006.

ГАРРИ ТРУМЭН

8 мая 1884 — 26 декабря 1972

33-й президент:

12 апреля 1945 — 20 января 1953

Жаркое от МакКарти.

Карикатура на Г. Трумэна

Очередной «неожиданный» президент США казался обычным средним американцем, оказавшимся в президентском кресле. У него даже не было обычного второго имени, и что обозначала буква S, которую он ставил взамен, никто толком не знал. Но на его долю пришлось весьма ответственные решения в самом конце Второй мировой войны и непосредственно после нее. Как показали события, он справился с ними достойно, действуя четко в интересах США. Его главные решения, прежде всего две атомные бомбардировки, были не только военными, но и политическими акциями, в значительной мере предопределившими начало холодной войны. Его «справедливый курс» во внутренней политике определил вектор дальнейшей демократизации общества.

Гарри С. Трумэн (*Hany S. Truman*) происходил из семьи среднего достатка. Его родители Джон и Марта были фермерами, а также занимались торговлей скотом. Когда родился Гарри, семья жила в городке Ламар, штат Миссури. Вслед за первым сыном последовал второй (Вивиан), а затем дочь Мэри-Джейн. В поисках лучшей доли родители часто меняли место жительства, а в 1890 г. обосновались в Индепенденсе, в том же штате.

Детство Гарри проходило сравнительно спокойно. Родители берегли его, запрещая участвовать в опасных играх с соседскими ребятами, за что получил прозвище «маменькиного сынка». Кличка связана была и с тем, что у пятилетнего Гарри обнаружилась деформация глазного яблока, и он был вынужден постоянно носить очки.

Начав ходить в восемь лет в школу, Гарри постепенно увлекся музыкой, учился игре на фортепиано, полюбил художественную литературу, а позже книги о героях и полководцах и увлекся историей.

Окончив школу в 1901 г., юноша вначале не мог определиться с выбором профессии. Он начал работать в местной газете, но там не прижился, не проявил журналистской хватки и получал гроши. Какое-то время он служил клерком в местном банке, но эта работа показалась нудной. Он попытался пойти по стопам отца и стал заниматься фермерством. Чтобы продемонстрировать окружающим, что он не является «маменькиным сынком», Гарри в 21 год записался в Национальную гвардию и вскоре получил звание капрала. О том, чтобы поступать в высшее учебное заведение, он не задумывался — среднее образование считалось вполне достаточным для обычного американца.

Еще в школе Гарри познакомился с дочерью местного босса Демократической партии Дэвида Уоллеса Элизабет (обычно ее звали Бесс), дружил с ней, а по окончании школы предложил пожениться. Предложение было отвергнуто, скорее всего по настоянию отца. В 1903 г. отец Бесс в состоянии депрессии (из-за больших долгов) покончил с собой, после чего Бесс уехала из Индепенденса. Молодые люди переписывались, а в брак вступили уже после Первой мировой войны. В семье Трумэн появилась только одна дочь Маргарет, ставшая позже известной писательницей.

Примерно с 1912 г. Гарри по примеру отца, который был активистом Демократической партии, стал участвовать в политической жизни соседнего Канзас-Сити, где хозяйничал демократ Томас Пендергаст. Исполнительный Трумэн понравился властному «хозяину города» и получил должность смотрителя дорог — не очень высокую, но приносившую неплохой доход. Так он стал местным чиновником.

Когда США в 1917 г. вступили в мировую войну, Трумэн восстановил свое членство в Национальной гвардии, из которой ранее выбыл, сдал экзамен на капитанское звание. В марте 1918 г. в составе арtpолка он был направлен в Европу и в конце августа впервые вступил в бой с немцами. Трумэн проявил бесспорную выдержку, хотя никакими подвигами не отличился. Его батарея изредка постреливала в сторону германских траншей, а в начале октября была отведена в тыл. На этом участие Трумэна в боевых действиях закончилось. В апреле 1919 г. его часть вернулась в США.

После возвращения в Индепенденс и женитьбы Трумэн занялся бизнесом. Сначала он купил магазин одежды, но не преуспел, затем участвовал в фирме по очистке нефти и продаже бензина. Это дело оказалось более успешным, и Гарри смог отдать накопившиеся долги. Одновременно он включился в местную политику. По наводке Пендергаста, который считал Трумэна своим сторонником, он в августе 1922 г. был избран судьей восточного дистрикта графства Джексон (в него входил Индепенденс). Эта должность не была судейской, как таковой — так назывался местный администратор, избираемый на два года. Затем последовала более высокая должность судьи-председателя всего графства. Трумэн не отличался какими-то особыми способностями, но вел дела аккуратно, прислушивался к мнению демократического босса, хотя иногда принимал самостоятельные решения, в частности по привлечению местного капитала к строительству новых дорог в графстве.

Разразившийся в 1929 г. кризис на его личном благополучии почти не отразился, но во время избирательной кампании 1932 г. он полностью поддержал Ф. Рузвельта. А когда тот стал президентом, Гарри получил должность директора представительства Федерального агентства по ликвидации безработицы в своем штате. Так он вступил в прямой контакт с новой администрацией страны, объявившей «новый курс». На новом посту Трумэн вновь проявил дисциплинированность и должную активность. В его задачи входило создание местных бюро регистрации безработных, подтверждение их права на получение государственной помощи, трудоустройство в программах общественных работ или на частных предприятиях. За несколько месяцев на территории Миссури были образованы около сотни бюро. Трумэн установил связь с федеральными агентствами трудоустройства. Он вел переговоры с профсоюзами, ездил в Вашингтон на совещания в Департаменте труда, познакомился с ближайшим помощником Рузвельта чрезвычайным уполномоченным по ликвидации безработицы Г. Гопкинсом. Работа Трумэна принесла неплохие

результаты: только за зиму 1933/34 г. в штате Миссури работу получили свыше 100 тыс. человек.

В этих условиях Трумэн стал подумывать о выдвижении своей кандидатуры в Конгресс США. Именно на него сделал ставку Т. Пендергаст, который полагал, что Гарри будет послушно исполнять его волю. Пендергаст организовал сбор средств на проведение кампании по выборам в Сенат и сам открыто выступил в его поддержку. Позже остряки стали говорить, что Трумэн стал «сенатором из Пендергаста», хотя это было не совсем так. Трумэн провел активную кампанию, совершил несколько туров по штату, беседовал с представителями всех слоев населения. Он энергично поддерживал мероприятия «нового курса», демонстрируя свою приверженность политике Рузвельта. На состоявшихся 6 ноября 1934 г. выборах он получил 59,5 % голосов и стал сенатором.

В Конгрессе Трумэна преследовали слухи о его предыдущей связи с полумафиозным демократическим боссом из Миссури. Трумэн отрекся от них и пытался своей верностью «новому курсу», критикой «корпоративной жадности» развеять опасения по поводу его политических пристрастий. Его избрали в комитеты по бюджету и по торговле между штатами, в которых он стремился проводить рузвельтовский курс. Вместе с тем он всячески подчеркивал свою скромность, неоднократно заявляя: «Я лишь фермерский парень».

Надо сказать, что сам Пендергаст не злоупотреблял своим прошлым покровительством Трумэну, видимо, получив сдержанный ответ на первые просьбы. Он изредка обращался с ходатайствами, на которые Гарри обычно откликался. Когда в 1939 г. власти, наконец, добрались до миссурийского босса и он был арестован по обвинению во взяточничестве, общественность с интересом ожидала, как отнесется к этому Трумэн, полагая что он обрушится на Пендергаста. Но, ко всеобщему удивлению, Трумэн повел себя иначе. Он заявил, что Пендергасту не следует рассчитывать на справедливое рассмотрение его дела, что справедливость в отношении его так же вероятна, как та, на которую «может надеяться еврей в суде гитлеровской Германии или троцкист в суде Сталина». А вслед за этим Трумэн заявил: «Он был моим другом, когда был мне необходим. Я не отношусь к тем, кто покидает тонущий корабль». Это было довольно смелое, не вписывавшееся в рамки политкорректности заявление. Такого рода поведение в высших кругах не очень любили.

По истечении шестилетнего срока пребывания в сенате Трумэн выдвинул свою кандидатуру вновь. На этот раз выборы проходили уже в условиях начавшейся Второй мировой войны. Во всех предвыборных

выступлениях он касался вопросов войны. Он считал необходимой подготовку на случай вовлечения в войну, если это произойдет против воли американского народа, но возражал против прямого вступления в конфликт с Германией. К кампании были привлечены влиятельные фигуры из армии, церкви, профсоюзов. Трумэн показал, что стал неплохим публичным политиком, мастером политической рекламы. На выборах 5 ноября 1940 г. он получил 51,2 % голосов и вновь стал сенатором.

Возобновив работу в Вашингтоне в начале 1941 г., Гарри Трумэн решил сосредоточить внимание на расследовании фактов коррупции во взаимоотношениях между государством и частными предприятиями, защищая интересы не только правительства, но также мелкого и среднего бизнеса. 3 февраля 1941 г. Трумэна по его просьбе принял президент. Речь шла о том, что интересы государства порой приходят в противоречие с жизненными потребностями рядовых американцев. Трудно сказать, повлияли ли на президента слова сенатора. Сам Трумэн на следующий день писал своему знакомому, что сомневается, добился ли чего-то от Рузвельта, кроме «сердечного приема». Все же одного Трумэн добился — Рузвельт узнал его как активного и теперь уже компетентного сенатора, стремившегося сочетать общенациональные цели с интересами широких слоев населения.

Вслед за этим Трумэн внес предложение о создании сенатского комитета по расследованию. Что именно будет расследовать этот орган, в названии не указывалось, но из проекта вытекало, что он будет заниматься всеми программами, связанными с обороной. 1 марта 1941 г. был образован Специальный комитет по расследованию контрактов, заключенных в рамках национальной программы обороны, его председателем стал Трумэн, а сам комитет стали называть «комитетом Трумэна». Первым делом, которым он занялся, стало расследование злоупотреблений при строительстве жилых и служебных помещений в военных лагерях. Следователи комитета установили факты бесхозяйственности, неразберихи, заключения контрактов на случайной основе и др. По требованию Трумэна все военно-строительные работы были переданы Армейскому инженерному корпусу.

Затем последовали новые расследования. После вступления США в войну комитет расширил свои полномочия, став важнейшим парламентским учреждением по контролю за экономическим обеспечением обороноспособности США. В учреждения и фирмы, подозреваемые в нелояльности или просто в неэффективности, направлялись следователи комитета. Полученный материал передавался одному из сенаторов, а тот

принимал дальнейшие меры. Важное расследование 1942 г. посвящено было выяснению причин дефицита резиновых изделий, особо важных в условиях войны. На основании выявленных фактов были приняты меры по срочному увеличению производства резины, в том числе синтетической. В 1943 г. внимание общественности привлекло расследование деятельности корпорации «Юнайтед Стейтс стил», которая была уличена в поставках военно-морскому флоту низкокачественных стальных плит.

В одном случае Трумэн чуть было не напоролся на серьезную неприятность. Его следователи обнаружили, что в городе Миннеаполисе работает какой-то подозрительный завод. Следователей комитета туда не пускали, в разговоры с ними не вступали. Сенатор настаивал на допуске, но все продолжалось по-прежнему. В конце концов ему позвонил военный секретарь Генри Стимсон, который потребовал прекратить интересоваться этим предприятием. Позже стало известно, что оно работало на Манхэттенский проект.

В целом в годы войны известность «комитета Трумэна» росла, его расследований бизнесмены попросту боялись. Создавался имидж беспристрастного, внепартийного политика, готового пожертвовать своими амбициями во имя достижения истины в интересах успешного ведения войны. В марте 1943 г. на обложке популярного журнала «Время» (*Time*) появился портрет с подписью «Следователь Трумэн», а в номере была опубликована статья о нем под заголовком «Охранитель миллиарда долларов». Деятельность в комитете была для Рузвельта одним из оснований, когда он в 1944 г. выбирал себе пару на выборах.

Работая в комитете, Трумэн не мог не откликаться на главные мировые события. Он поддерживал политику нейтралитета, а затем постепенный отказ от нее, высказался в пользу рузвельтовской концепции «арсенала демократий». Отношение Трумэна к России показывает его ответ на вопрос журналиста, как он оценивает нападение Германии на СССР. Трумэн заявил: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны будем оказывать помощь России, а если будет побеждать Россия, мы должны помочь Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу увидеть, что побеждает Гитлер, ни при каких обстоятельствах». Эти слова после войны будут часто цитировать советские издания, причем постоянно исключая последнюю часть. Цитата служила основанием для проклятий в адрес Трумэна, хотя высказывание, оказавшееся случайным и явно необдуманым, не совсем отражало его истинные взгляды. На самом деле он стоял на той же позиции, что и президент — готовности оказывать помощь СССР, рассматривая его как

союзника.

С середины 1943 г., сперва подспудно, а затем все более открыто, разворачивалась предвыборная кампания. Единственным кандидатом от Демократической партии снова становился Рузвельт. Значительно сложнее обстояло дело с определением кандидата в вице-президенты. Между группами в Демократической партии шел торг по этому поводу. Хотя об этом вслух не говорили, существовали сомнения, доживет ли тяжелобольной Рузвельт до конца очередного срока. Ведь в случае его кончины пост перешел бы к вице-президенту.

В начале кампании политологи считали, что Рузвельт вновь выдвинет на должность вице-президента Генри Уоллеса. Но президент был им недоволен, поскольку считал, что тот проявляет излишнюю активность, становится все более левым, слишком тесно контактирует с рабочими организациями и непомерно восхваляет СССР и Сталина. Президент считал целесообразным подобрать более умеренного напарника. После колебаний он остановился на Трумэне, которого рекомендовали консультанты и лидеры Конгресса. Как уже известно, выборы оказались успешными для Рузвельта и, следовательно, для Трумэна. 20 января 1945 г. он принес клятву в качестве вице-президента США.

Трумэн не надеялся, что сможет принять реальное участие в решении важных вопросов. Так и произошло. После инаугурации он лишь два раза встретился с президентом. В дела его особо не посвящали, он даже не знал, что Рузвельт направляется на Ялтинскую конференцию (о чем прочитал только в газетах), не знал о Манхэттенском проекте. Фактически он вернулся в Сенат, но с иной функцией — председателя.

Именно в Сенате Гарри Трумэн проводил день 12 апреля. Внезапно его вызвали в Белый дом, где Элеонора Рузвельт, встретив его, произнесла: «Гарри, президент мертв», — а вслед за этим добавила: «Что я могу сделать для вас, мистер президент?» Вечером того же дня Трумэн принес президентскую клятву. На вице-президентском посту он пробыл всего 82 дня.

В первом выступлении в Конгрессе Трумэн заявил, что будет продолжать политику Рузвельта, но вскоре дал понять, что будет проводить самостоятельную линию, и сменил большинство министров. Особо важным было (правда, это произошло чуть позже) назначение на пост государственного секретаря бывшего председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Джорджа Маршалла, который к этому времени проявил и качества дипломата.

Менее чем через месяц после того, как Трумэн стал президентом,

завершилась война в Европе. В ночь на 7 мая 1945 г. в штаб-квартире генерала Д. Эйзенхауэра в городе Реймсе был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии, который по требованию советского руководства назвали предварительным, и провели еще одну, более торжественную церемонию через двое суток в пригороде Берлина Карлсхорсте. Но мировая война не завершилась — основные силы Японии сохранялись, и аналитики полагали, что для их разгрома понадобится не менее года.

Через полторы недели после вступления в должность президента Трумэн впервые встретился с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, направлявшимся на учредительную конференцию ООН. Трумэн принял Молотова два раза, 22 и 23 апреля. Президент резко отчитал советского наркома за невыполнение соглашений о формировании коалиционного правительства Польши, а на следующий день вручил Молотову меморандум по этому вопросу, выдержанный в еще более острых тонах. Сильно преувеличивая происшедшее, Трумэн позже хвастал: «Я дал ему пару раз прямо в челюсть». После этого американской прессе было рекомендовано «не замалчивать трудности во взаимоотношениях между союзниками». 11 мая Трумэн подписал распоряжение о прекращении поставок по ленд-лизу.

Только в конце апреля военный секретарь Стимсон ознакомил президента с Манхэттенским проектом. Сразу же осознав наиболее вероятное военное и политическое значение создаваемого оружия, Трумэн образовал совещательный комитет, который рекомендовал ему готовиться к использованию атомной бомбы против Японии с целью скорейшего завершения войны.

Трумэн некоторое время колебался, следует ли ему встречаться со Сталиным и Черчиллем для решения послевоенных вопросов, на чем настаивал сэр Уинстон. В конце концов он согласился, что в ближайшее время должна состояться встреча «большой тройки», прежде всего для решения вопросов, связанных с необходимостью скорейшего завершения войны на Дальнем Востоке и растущими расхождениями с СССР. В результате переговоров с Черчиллем и Сталиным встретиться решили поблизости от Берлина, в Потсдаме. Конференция проходила 17–25 июля, затем был сделан перерыв в связи с подведением итогов выборов в Великобритании (после чего в Потсдам прибыл новый британский премьер Клемент Эттли). Завершающие встречи состоялись 28 июля — 2 августа.

В день открытия конференции Трумэн получил шифрованное сообщение: «Роды прошли удачно», — что означало успешное испытание

атомного оружия в штате Нью-Мексико. По договоренности с Черчиллем 24 июля Трумэн после заседания подошел к Сталину и через переводчика как бы мимоходом сообщил, что в США создано принципиально новое оружие «необыкновенной разрушительной силы». На это сообщение Сталин вроде бы не прореагировал. «Он не задал мне ни единого вопроса», — сообщил Трумэн Черчиллю. Сталин, однако, сразу осознал, о чем идет речь. Он внимательно следил за работами в области ядерного оружия, которые проводились в СССР, и за попытками советской разведки получить американские секреты в этой области. После разговора с Трумэном он дал указание руководителю советского проекта И. В. Курчатову ускорить работы по «бомбе». Видимо, именно сообщение об атомной бомбе было главным событием Потсдамской конференции.

Это не значит, что на ней не обсуждались другие важные вопросы, по которым принимались в основном согласованные решения. Было договорено о создании Совета министров иностранных дел для подготовки проектов мирных договоров и последующей мирной конференции. Стороны договорились о создании Контрольного совета для Германии с целью проведения единой политики во всех зонах оккупации. Вопрос о репарациях был решен таким образом, что каждая страна должна была их взимать со своей зоны и, кроме того, СССР предполагалось передать 10 % индустриального оборудования из западных зон. Сталин подтвердил обязательство о вступлении СССР в войну против Японии не позднее середины августа.

Вернувшись в Вашингтон, Трумэн прежде всего занялся вопросом об атомной бомбардировке Японии. В распоряжении военных были лишь две бомбы. Решено было их сбросить на Хиросиму, являвшуюся крупным складским центром и военным портом, и Кокуру, где также находился большой арсенал. Отдавая распоряжение об атомной бомбардировке и беря на себя личную ответственность за это, Трумэн ставил не только чисто военную задачу, так как было ясно, что разрушение двух городов не скажется катастрофически на военной мощи Японии. Главными были факторы политико-психологические, прежде всего для Японии. Ее власти не могли знать, что атомное оружие исчерпывается лишь двумя экземплярами, и должны были думать, что США обладает значительным атомным арсеналом. Вместе с тем применение нового оружия должно было стать убедительным фактором для всего мира, прежде всего для СССР. По отношению к СССР ставились две цели — ближайшая и перспективная. Ближайшая состояла в том, чтобы понизить впечатление от вступления СССР в войну, перспективная — в демонстрации мощи нового оружия,

чтобы в условиях американской монополии сделать советское руководство более сговорчивым.

Бомбы были сброшены 6 и 9 августа, причем по погодным условиям вторая атомная бомба была сброшена не на Кокуру, а на Нагасаки. Погибло около 250 тыс. человек, не считая скончавшихся позже от «лучевой болезни», о которой тогда не знали. Известия об атомной бомбардировке Нагасаки и об объявлении СССР войны Японии пришли в императорский дворец в Токио почти одновременно. 10 августа власти Японии передали союзникам согласие на капитуляцию, единственным условием которой было сохранение номинальной власти императора. Акт о капитуляции Японии был подписан на борту американского линкора «Миссури» 2 сентября в Токийском заливе. Вторая мировая война завершилась.

До сих пор продолжаются споры о целесообразности атомной бомбардировки японских городов и, соответственно, об оправданности действий Трумэна. Противники атомных бомбардировок утверждают, что в них не было военной необходимости, и прибегают к чисто моральным доводам, не связанным с ведением войны. Авторы, отстаивающие необходимость бомбардировок, доказывают, что они ускорили капитуляцию Японии и предотвратили огромные потери с обеих сторон в случае вторжения войск союзников на Японские острова. По их мнению, быстрое завершение войны резко сократило число человеческих жертв и материальные разрушения в других странах Азии, в частности в Китае, то есть при помощи меньшего зла было предотвращено несравненно большее.

Трумэн несколько поторопился, объявив окончание войны 14 августа. Но он был глубоко удовлетворен, что акт о японской капитуляции был подписан на борту военного корабля, носившего имя его родного штата.

Непосредственно после окончания войны перед президентом США встали сложные международные проблемы. Все более становилось ясным, что Сталин прилагает все силы, чтобы утвердить советское господство на значительной части Европы и в Северо-Восточном Китае. 22 февраля 1946 г. на стол Трумэна легла телеграмма советника посольства США в Москве Джорджа Кеннана, в которой обосновывалась невозможность послевоенного сотрудничества с СССР. Кеннан предлагал ввести в действие курс сдерживания СССР с целью не допустить его выхода за пределы существующей сферы влияния. Президент распорядился распространить копии этой «длинной телеграммы», как ее стали называть, среди всех руководителей страны. Ее содержание определило послевоенный курс Трумэна по отношению к СССР, получивший название политики сдерживания.

Переход от войны к миру был для США нелегким. Военные расходы были огромными, и Трумэн стремился как можно быстрее провести демобилизацию армии и максимально сократить военный бюджет. В то же время быстрая демобилизация была крайне опасной. Трумэн приходил в ужас от мысли о том, что произойдет, когда в страну начнет возвращаться огромная масса демобилизованных. В условиях неизбежного резкого сокращения государственных военных заказов это грозило экономическими и социальными потрясениями.

Вернувшись с Потсдамской конференции, Трумэн сразу занялся экономикой. 18 августа он издал исполнительное распоряжение, предписывавшее федеральным органам «в максимальной степени содействовать производству товаров и услуг, необходимому для удовлетворения национальных и международных потребностей». Он предписывал сокращать и по возможности прекращать государственный контроль над экономикой. Он дал разрешение возобновить переговоры предпринимателей с профсоюзами о заключении коллективных договоров. Вслед за этим администрация начала первые мероприятия в области реконверсии, то есть перехода к мирной экономике. 2 сентября было принято решение правительства о расторжении нескольких тысяч государственных контрактов на общую сумму около 23 млрд долларов. В следующие месяцы расторжение контрактов на военную продукцию продолжалось.

Трумэн запланировал вернуть на родину в течение года 5 млн военнослужащих, находившихся за пределами США. Однако в стране развернулось движение под лозунгом «Верните домой наших ребят!». Носило оно настолько мощный характер, что президент был вынужден с ним считаться, и число демобилизованных за год было постепенно увеличено до 9 млн.

В условиях мира развернулось мощное стачечное движение. Бастовали автомобилисты, сталелитейщики, рабочие других отраслей. В ряде выступлений Трумэн призывал рабочих и предпринимателей к взаимной ответственности. Вместе с тем по линии Конгресса намечались меры по ограничению и регулированию стачечного движения и деятельности профсоюзов.

С конца 1945 г. между США и СССР постоянно увеличивалась взаимная подозрительность, перераставшая в словесную конфронтацию. Зарождалась холодная война, в которой ни одна из сторон не желала возникновения войны подлинной, но с ужасом ожидала ее взрыва в результате действий противоположной стороны или просто случайности.

Трумэн крайне нуждался в каком-либо мощном стимуле, который позволил бы ему оправдать свой поворот к конфронтации со сталинским СССР. Удачной возможностью стал визит в США бывшего британского премьера У. Черчилля, продолжавшего пользоваться симпатиями американцев. Черчилль приехал на отдых во Флориду. Трумэн пригласил его выступить в крохотном Вестминстерском колледже в его родном штате Миссури, в городе Фултон. При этом президент пообещал присутствовать на лекции и представить британского деятеля аудитории.

Свою лекцию, которую Черчилль произнес в присутствии и с одобрения Трумэна, он назвал «Мускулы мира», придав ей этим ясный силовой оттенок. В лекции было несколько сюжетов, в том числе похвальные слова в адрес СССР и даже его лидера Сталина, но главным был фрагмент о «железном занавесе»: «Протянувшись через весь континент от Штеттина на Балтийском море до Триеста на Адриатическом море, на Европу опустился железный занавес. Столицы государств Центральной и Восточной Европы... со всеми своими жителями и со всеми окружающими их городами и районами пали, как бы я это назвал, в сферу советского влияния... Все эти страны подвергаются все более ощутимому контролю, а нередко и прямому давлению, со стороны Москвы».

Своим поведением во время лекции и после нее Трумэн солидаризовался с Черчиллем. После лекции президент заявил: «В истории еще никогда не было, чтобы мир столь сильно нуждался в моральном пробуждении... Освобождение атомной энергии в результате усилий Соединенных Штатов в войне дало нам силу, которая может принести либо счастье и благо для всех людей на Земле, либо полное разрушение цивилизации». Выступления обоих деятелей означали, что холодная война стала реальностью.

В следующие месяцы Трумэн распорядился сохранить американские военные базы за рубежом, которые до этого предполагалось ликвидировать. Он дал указание основанной в 1942 г. радиостанции «Голос Америки» усилить пропаганду, распространив ее на СССР. Во 2-й половине 1946 г. на ней была организована русская служба, а первая передача на русском языке вышла в эфир 17 февраля 1947 г.

В условиях развертывавшейся холодной войны Трумэн и его советники считали необходимым провести серьезную реорганизацию руководства вооруженными силами и системы обеспечения безопасности страны. Важной новацией в этом смысле явился разработанный Администрацией президента закон о государственной безопасности, утвержденный Конгрессом и подписанный президентом 26 июля 1947 г.

До этого существовали Военный департамент, ведавший сухопутными силами, и Департамент ВМФ. Теперь создавался «зонтичный» Департамент обороны (*Department of Defense*), которому были подведомственны оба старых департамента и новый Департамент ВВС. При президенте образовывался Совет национальной безопасности (СНБ), а в составе правительства — Центральное разведывательное управление (ЦРУ). СНБ являлся координационным органом, который охватывал вооруженные силы, внешнюю политику и разведку, был частью администрации президента и должен был снабжать главу исполнительной власти информацией и рекомендациями по вопросам внешней и военной политики, прежде всего по взаимоотношениям с СССР и странами советского блока. Предусматривалось, что он будет консультировать президента и по проблемам внутренней жизни, связанным с национальной безопасностью. В СНБ вошли вице-президент, секретарь по обороне, госсекретарь, генеральный прокурор, председатель Объединенного комитета начальников штабов, директор ЦРУ.

Именно ЦРУ являлось новым органом, который призван был собирать секретную информацию о положении за рубежом. Ему сразу были приданы дополнительные полномочия, в том числе на проведение подрывных и кровавых операций, включая покушения на зарубежных государственных деятелей. Первое время руководителями ЦРУ были военные, они часто менялись, а уже после правления Трумэна на должность директора ЦРУ стали назначаться гражданские политики. Первым из них был видный разведчик Аллен Даллес, но это было уже при следующем президенте.

Департамент обороны, как и отраслевые военные департаменты, разместился в огромном пятиугольном здании, построенном еще в годы войны в окрестностях Вашингтона. Оно получило название Пентагона (по-гречески пятиугольник). До настоящего времени Пентагон остается крупнейшим офисным зданием в мире. Оно имеет помещения для тридцати с лишним тысяч человек. Название Пентагон получил и выросший рядом городок, фактически обслуживающий военные ведомства.

Пост секретаря по обороне получил бывший секретарь по делам ВМФ Джеймс Форрестол. Вскоре у него возник конфликт с президентом: министр считал, что Трумэн недооценивает советскую угрозу. Во время избирательной кампании 1948 г. он даже встречался с соперником Трумэна кандидатом Республиканской партии Томасом Дьюи. Факт встречи проник в печать, вызвал бешенство Трумэна и заставил Форрестола уйти в отставку, после чего у него началась депрессия, он был помещен в госпиталь, а в мае 1949 г. покончил с собой.

В любом случае меры, осуществленные в соответствии с законом о национальной безопасности, значительно расширили президентскую власть, в частности в области внешней и оборонной политики.

В 1946 — начале 1947 г. социально-экономическое положение в странах Европы ухудшилось, к послевоенным трудностям добавились неурожай и необычно суровая зима. Экономические тяготы вели к политической радикализации. Усиливалось влияние западноевропейских компартий, особенно в Италии и Франции. Возникла опасность перехода почти всей Западной Европы в советскую зону влияния. К тому же правительство Великобритании сообщило Трумэну, что тяжелое экономическое положение страны вынуждает ее прекратить помощь Греции и Турции.

В этих условиях после консультаций Трумэн принял решение развернуть новую глобальную внешнюю политику, правда, вначале искусственно сведя ее к помощи двум странам. 12 марта 1947 г. президент выступил на совместном заседании палат Конгресса. С формальной точки зрения он обратился лишь с просьбой выделить 400 млн долларов на оказание помощи Греции и Турции. Трумэн говорил об опасности навязывания независимым странам диктаторских режимов путем прямой или косвенной агрессии, которая подрывает основы международной безопасности и интересы США. Иначе говоря, международная безопасность напрямую увязывалась с интересами США. Новый документ сразу стали называть доктриной Трумэна. Под ней понимали положения об ответственности США за сохранение демократических свобод в других странах и предоставлении денежных средств на это дело, об американской руководящей роли в противостоянии СССР, о связи между внутренней демократией в других странах и интересами США.

Одновременно в высших американских кругах начала обсуждаться возможность создания фондов для оказания помощи и другим европейским странам. Трумэн считал, что объявить о новой программе должен не он, а госсекретарь Дж. Маршалл. Последний воспользовался приглашением Гарвардского университета в связи с вручением ему почетного диплома. С основными положениями предстоящей речи Трумэн был ознакомлен. Он считал их «второй частью одной и той же стратегии», имея в виду под первой частью свою доктрину. Маршалл выступил 5 июня 1947 г. и сообщил, что в ближайшие 3–4 года США должны оказать странам Европы значительную помощь, иначе они столкнутся с серьезными трудностями в экономической, социальной и политической областях. А это будет иметь пагубные последствия для самих США.

Вслед за доктриной Трумэна на свет, таким образом, появился план Маршалла, как почти сразу стали называть программу американской помощи странам Европы. В 1953 г. Маршаллу была присуждена Нобелевская премия мира, хотя очевидно, что присуждать ее надо было и Трумэну, и всей американской нации.

На протяжении 2-й половины 1947 г. были определены суммы, их распределение по странам, отраслевые приоритеты, пути привлечения капитала и т. д. Большую часть средств предполагалось предоставить под целевые программы. Часть средств намечалось передать на льготных условиях, часть безвозмездно. При этом предполагалось, что основная масса денег будет затрачена на покупки в США. Закон об оказании помощи иностранным государствам был принят Конгрессом, а затем подписан президентом 3 апреля 1948 г. Трумэн заявил при этом, что закон является «блестящим проявлением того факта, что двухпартийная внешняя политика может привести к эффективным действиям». Действительно, эффект плана Маршалла превзошел ожидания. К 1952 г. страны, участвовавшие в нем, превысили довоенный уровень производства, почти ликвидировали безработицу, обеспечили стабильный рост жизненного уровня населения. План Маршалла, разработанный и проведенный под прямым руководством Трумэна, явился весьма успешной стратегической акцией США. Были созданы условия для возникновения военно-политического союза западных стран.

Холодная война продолжалась. Не прошло и трех месяцев после принятия закона о плане Маршалла, как мир оказался на грани войны из-за противостояния в самом центре Европы — в разделенном Берлине. Экономическое объединение западных зон оккупации Германии и западных секторов Берлина в 1947 г. имело следствием введение в июне 1948 г. новой валюты — западногерманской марки и включение Западного Берлина в сферу ее хождения. Это лишало СССР возможности оказывать экономическое влияние на западную часть города, а поток обесцененной старой марки хлынул в Восточный Берлин, где она продолжала хождение. По распоряжению Сталина 24 июня 1948 г. был введен запрет на передвижение и провоз товаров из западной части Германии в Западный Берлин. Американские власти были застигнуты врасплох. Трумэн выступил с несколькими противоречивыми заявлениями. В конце концов было решено организовать воздушный мост для снабжения Западного Берлина. Под руководством генерала Уильяма Таннера, назначенного руководителем воздушного моста, была разработана операция: созданы были пять уровней (высот) полета, предоставление каждому самолету только одной попытки

посадки, пребывание самолета на земле не более 30 минут. Самолеты совершали посадку каждые 3–4 минуты. Помимо продовольствия они везли топливо и другие жизненно необходимые продукты. Трумэн тщательно следил за функционированием воздушного моста, понимая его не только гуманитарное, но и военно-политическое значение, роль в дальнейшем формировании противоположных лагерей. В конце концов ввиду бесплодности конфронтации по указанию Сталина в мае 1949 г. блокада Западного Берлина была отменена, вслед за этим был ликвидирован и воздушный мост.

При непосредственном участии Трумэна был подготовлен документ о создании военно-политического союза западных держав. При этом президент США исходил из того, что в дело коллективной обороны должны вносить посильный финансовый вклад все участники союза. 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне представителями 12 стран (10 европейских, США и Канада) был подписан документ о создании Организации Североатлантического договора (НАТО). Главной в документе была статья 5, предусматривавшая, что все страны обязывались защищать каждого участника, на которого было бы совершено нападение. Блок НАТО был ориентирован на противодействие СССР и неизбежно должен был вызвать образование другого военно-политического блока, который был оформлен в 1955 г. под названием Организация Варшавского договора.

В 1948 г. предстояли очередные президентские выборы. Трумэн, который до этого на президентский пост не избирался, колебался, прежде чем согласиться на выдвижение своей кандидатуры. Он сталкивался с оппозицией не только республиканцев, которые выдвинули популярного губернатора штата НьюЙорк Томаса Дьюи (он проиграл Рузвельту в 1944 г.), но и в своей партии. Демократические лидеры из южных штатов осуждали осторожные выступления президента за гражданские права негров и особенно внешнюю политику, отказ от изоляционизма.

Все же Гарри Трумэн дал себя уговорить и выставил свою кандидатуру на съезде Демократической партии в Филадельфии, который выдвинул его в президенты 15 июля. В качестве кандидата в вице-президенты был определен его бывший коллега по сенату Олбен Баркли.

Избирательная кампания проходила вначале неблагоприятно для Трумэна. Опросы показывали преимущество республиканцев. Они были убеждены в победе своего кандидата и вели кампанию расслабленно. Трумэн же, включившись в гонку, развернул активнейшую кампанию. Был создан специальный поезд, на котором Трумэн за три с половиной месяца объездил всю страну. Поезд останавливался на самых маленьких станциях,

вроде бы по требованию собравшихся, но на самом деле остановки были спланированы и подготовлены. Появился, однако, термин «остановки по свистку». В своих выступлениях Трумэн убеждал, что преодоление нужды, увеличение доходов рядовых американцев будут способствовать росту авторитета США за рубежом, все большему доверию, недопущению поворотов новых стран к коммунизму, растущему восприятию Америки как признанного центра мировой цивилизации. Он все больше овладевал положением. Во всех штатах, в том числе на юге, обстановка изменялась в его пользу. Успеху Трумэна благоприятствовало и то, что он активно способствовал образованию государства Израиль в мае 1948 г. Это обеспечило ему поддержку как еврейского населения США, так и влиятельных деловых кругов.

На выборах 2 ноября Трумэн получил 24,1 млн голосов, Дьюи — 21,9 млн. В коллегии выборщиков на стороне Трумэна были 303 человека, за Дьюи стояли 189. Так Трумэн стал законно избранным главой государства.

После выборов Трумэн значительно усилил внимание к внутренним делам. Он был встревожен тем, что в 1947 г., вопреки его вето, Конгресс принял, по существу дела, антирабочий закон Тафта — Хартли, значительно ограничивавший права профсоюзов, в частности в проведении забастовок (вводился «охладительный период» перед ними, запрещались стачки солидарности, отменялась практика «закрытого цеха» и т. д.). Пользуясь тем, что в обеих палатах Конгресса теперь было большинство демократов, Трумэн выдвинул «справедливый курс» — программу реформ, которые должны были стать продолжением рузвельтовского «нового курса» и в то же время повторяли своим названием политику, которую в начале века проводил первый Рузвельт — Теодор, являвшийся представителем Республиканской партии. Курс Трумэна призван был носить межпартийный характер.

Конкретные действия по проведению либеральных реформ президент начал с вопроса о гражданских правах, подразумевая под этой общей формулой равные права черных и других расовых меньшинств. В апреле 1949 г. на рассмотрение законодателей был внесен пакет предложений, включавший отмену существовавшего в некоторых штатах налога на право голосования, запрет дискриминации при торговле между штатами, назначение черных на административные посты. Приняты они были лишь частично, но и это Трумэн считал победой. Несколько больших результатов удалось добиться путем исполнительных распоряжений. Трумэн образовал два органа — Совет по справедливой практике найма и Комитет по равному отношению к возможностям в вооруженных силах. Оба органа

проводили расследования случаев дискриминации и способствовали частичному их преодолению. В целом «справедливый курс», дав небольшие результаты, явился стартовой площадкой для инициатив преемников президента.

С первых послевоенных месяцев в США разворачивалась пропагандистская кампания по поводу «красной угрозы», которая преувеличивалась многократно. В течение первых лет на посту президента Трумэну удавалось в основном отбивать атаки наиболее воинственных элементов на демократические права американцев. Но после выборов 1948 г. делать это становилось все сложнее, а сам президент оказался вовлеченным в эту борьбу. Связано это было прежде всего с утратой США атомной монополии. 29 августа 1949 г. в СССР на полигоне в Семипалатинской области было проведено успешное испытание атомной бомбы. Информация держалась в секрете, но почти сразу стала известна американской разведке. Три недели эксперты США проверяли полученные данные, после чего Трумэну было доложено, что СССР бесспорно обладает атомным оружием. 23 сентября президент выступил с заявлением о необходимости введения эффективного международного контроля над атомным оружием. Вскоре Трумэну было доложено о возможности создания в США еще более мощного ядерного оружия, которое получило затем название водородной бомбы. Трумэн сообщил населению, что правительство включило «супербомбу» в план перевооружения США.

Последовали новые крайне неприятные крупные и мелкие события. В октябре 1949 г. к власти в Китае пришли коммунисты, была провозглашена Китайская Народная Республика, а в феврале 1950 г. между СССР и Китаем был подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи.

В 1950 г. в США была разоблачена советская разведывательная сеть, которая смогла передать в СССР ряд важных сведений по атомному проекту. В то же время в Сенате начались нападки на администрацию и лично на президента со стороны депутата от штата Висконсин Джозефа МакКарти. Всю свою деятельность этот сенатор сосредоточил на разоблачении американского коммунизма и якобы существовавшего потворства ему со стороны властей США. Вскоре появился термин «маккартизм» для обозначения необоснованных обвинений в коммунистической деятельности и приписывании всех американских проблем коммунистическим козням.

Широко развернул свою деятельность комитет Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, который с одобрения Трумэна начал проверку лояльности как госслужащих, так и значительно

более широкого круга лиц. Наибольший резонанс приобрели разоблачения коммунистической активности в Голливуде, которая на самом деле совершенно не чувствовалась, но раздувалась в результате внутренних склок и конкуренции в киноиндустрии. К суду были привлечены лидеры незначительной по численности Компартии США, в частности ее генеральный секретарь Юджин Деннис, которые получили небольшие тюремные сроки.

Внутреннюю ситуацию обострило начало войны на Корейском полуострове, где в июне 1950 г. коммунистическая Северная Корея с санкции Сталина и Мао Цзэдуна напала на Южную Корею, находившуюся в союзе с США. Северокорейский лидер Ким Ир Сен полагал, что ему удастся стремительным ударом захватить южную часть полуострова, поскольку южнокорейская армия была крайне слабой. Но в дело вмешались США. Совет Безопасности ООН в отсутствие представителей СССР (они игнорировали органы ООН в связи с непризнанием права КНР на участие в ее деятельности) принял резолюции, обвинявшие Северную Корею в агрессии и призывавшие членов ООН оказать помощь Южной Корее. Впрочем, Трумэн не дожидаясь решения Совета Безопасности и еще ранее приказал командующему американскими войсками на Дальнем Востоке генералу Дугласу МакАртуру начать переброску боевых частей в Корею. После резолюции СБ операция формально из американской превратилась в коллективную. Правда, реально кроме США в военных действиях в Корее участвовала только Великобритания, выставившая одну бригаду (еще 14 государств прислали символические контингенты). Ситуацию еще более усложнило вступление в военные действия вооруженных сил КНР, которые для маскировки были названы «народными добровольцами». После нескольких наступлений и контрнаступлений война в Корее приобрела позиционный характер. Линия фронта проходила примерно по 38-й параллели, которая была разграничительной линией и до войны. Между тем генерал МакАртур, командовавший силами ООН, не проявил, по мнению президента, необходимых качеств стратега. К тому же он позволял себе необдуманные заявления, которые пристало делать только президенту, в одном из них он заявил о возможном применении атомного оружия.

В апреле 1951 г. Трумэн заменил МакАртура генералом Мэтью Риджуэем. В то же время неудачи в Корейской войне (летом 1951 г. начались переговоры о перемирии) непосредственно сказались на популярности Верховного главнокомандующего. Именно его, а не МакАртура пресса и многие конгрессмены обвиняли в том, что войну в Корее не удалось выиграть быстро и легко. Получило распространение

мнение, что Трумэн уволил МакАртура, чтобы свалить на него свою вину. Трумэн оставался на своем посту, но доверие к нему пошатнулось. У него начались нервные срывы, чуть ли не истерические припадки. Дурному состоянию духа способствовала и неудачная попытка покушения на его жизнь, предпринятая двумя пуэрториканцами 1 ноября 1950 г. Преступники были обезврежены охраной, один был убит, другой схвачен и приговорен к смертной казни, которая была заменена Трумэном пожизненным заключением (через 29 лет президент Дж. Картер помиловал террориста, и тот отправился на свой остров).

Последний год пребывания Гарри Трумэна в Белом доме стал временем его политического заката. Трумэн крайне устал. Законодательных препятствий к выдвижению в президенты на новый срок не было, имея в виду, что Трумэн до этого избирался президентом один раз. Он сам был инициатором 22-й поправки к Конституции, согласно которой одно лицо могло занимать президентский пост не более двух раз. Поправка вступила в силу в феврале 1951 г. и узаконила ту практику, которая существовала уже длительное время.

После раздумий Трумэн решил не участвовать в очередных выборах. Он поддержал известного деятеля Демократической партии Эдлая Стивенсона, который проиграл кандидату республиканцев генералу Дуайту Эйзенхауэру. За несколько дней до его инаугурации, 15 января 1953 г., Трумэн выступил с прощальным посланием к народу. Выступление передавалось по радио и телевидению. Оно завершалось словами: «Никакой президент не может даже надеяться руководить нашей страной, выдерживать ношу своей должности, если ему не помогает народ. Я получал эту помощь — вы оказывали мне необходимую поддержку — во всех наших великих начинаниях по строительству сильного свободного мира, по сохранению мира на земле».

Так Трумэн превратился из «мистера президента» в «мистера гражданина», как писала его дочь Маргарет. Он поселился в Индепенденсе и занялся написанием воспоминаний, которые вышли в двух томах. В 1955 г. здесь же, в Индепенденсе, было начато строительство Президентской библиотеки и музея Трумэна. Торжественное открытие этого важного для науки и просвещения учреждения состоялось в июле 1957 г. Пока позволяли силы, Трумэн почти ежедневно бывал в библиотеке и встречался с посетителями.

В 1956 г. Трумэн с женой совершили двухмесячную поездку по европейским странам. В Оксфордском университете ему была присуждена степень почетного доктора.

Постепенно здоровье Гарри Трумэна ухудшалось. Ему пришлось перенести операцию по удалению грыжи. В октябре 1964 г. он потерял сознание, упал и сильно ушибся. Травмы подлечили, но полностью прийти в себя Трумэн уже не смог. Он все чаще попадал в больницу. 26 декабря 1972 г. врачи вынуждены были констатировать «поражение всей сердечно-сосудистой системы, приведшее к смерти пациента». Гарри Трумэн был похоронен перед зданием библиотеки своего имени. Его жена Бесс прожила еще 10 лет и скончалась в 1982 году. Она похоронена рядом с супругом.

Именем Гарри Трумэна названы многие улицы и площади в городах США. В ряде университетов учреждены стипендии Трумэна, а имя «Гарри Трумэн» носит один из наиболее мощных авианосцев. В 1984 г. Трумэну была посмертно присуждена Золотая медаль Конгресса США.

Трумэн часто говорил, что на высшем государственном посту он оставался простым фермером из штата Миссури, которому лишь повезло. Действительно, везет многим, но лишь единицы оказываются в состоянии достойно нести тяжкий груз везения. Трумэн оказался в числе этих избранных.

Основные издания:

Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Трумэн. М., 2016.

Truman H. Memoirs. Vol. 1–2. Garden City, New York, 1955–1956.

Bumes B. Harry S. Truman: His Life and Times. Kansas City, 2003.

Dallek R. Harry S. Truman. New York, 2008.

McCullough D. Truman. New York, 1992.

Truman M. Harry S. Truman. New York, 1973.

ДУАЙТ ЭЙЗЕНХАУЭР

14 октября 1890 — 28 марта 1969

34-й президент:

20 января 1953 — 20 января 1961

Эйзенхауэр и МакКарти.

Карикатура

Дуайт Дэвид Эйзенхауэр (*Dwight David Eisenhower*) был личностью уникальной в нескольких отношениях. Это был единственный американский военный, который за два года совершил стремительный скачок от полковника до пятизвездного генерала и окончил Вторую мировую войну прославленным полководцем. Он круто изменил характер своей деятельности после войны, став президентом Колумбийского университета в Нью-Йорке, затем опять возвратился к военной карьере главнокомандующего вооруженными силами НАТО, а вслед за этим осуществил новый рывок — к вершине власти, став президентом США.

Будущий президент родился в штате Техас, в городке Денисон. Его предки по отцовской линии происходили из Германии. Они принадлежали

к секте меннонитов, проповедовавшей отказ от военной службы и от ношения оружия. Позже Эйзенхауэры, уже в США, перешли к Свидетелям Иеговы, которые также отрицали войны.

Отец Дуайта Дэвид часто менял занятия: был фермером, владел небольшим магазинчиком, служил механиком на маслобойне. Мать Айда вела домашнее хозяйство. Родители, называвшие сына Айком (это имя закрепилось, и часто так называли Эйзенхауэра, даже когда он стал всемирно известным), проявили определенную широту взглядов: будучи пацифистами, они не препятствовали интересу сына к военной истории и военному искусству, который проявился в детские годы.

Айк успешно окончил неполную среднюю, а затем среднюю школу. Правда больше, чем уроками, он увлекался американским футболом, был капитаном школьной команды и даже создал в школе спортивный клуб. Завершив среднее образование в 1909 г., он полтора года работал на маслобойне, одновременно готовясь к поступлению в Военную академию. В январе 1911 г. Дуайт успешно сдал вступительные экзамены и стал кадетом академии в Вест-Пойнте.

Поначалу нелегко было выдержать тройную нагрузку: сложные учебные занятия, приказы начальства и издевательства старшекурсников. Глумление над новичками было довольно распространенным и поощрялось начальством, которое считало это «вступительным испытанием». Айк, физически крепкий и эмоционально стабильный, переносил невзгоды, внутренне соглашаясь с тем, что они только закаляют его волю. Он и сам был не против поиздеваться над младшими, когда стал старшекурсником. Особенно ярко он проявил себя в спорте, став одним из лучших футболистов и бегунов. Через много лет, будучи генералом, Эйзенхауэр не раз употреблял футбольную терминологию в своих приказах, ставя задачу «забить гол» или «прикрыть ворота».

В 1915 г. Дуайт окончил академию и получил низшее офицерское звание — лейтенанта 2-го класса. Шла уже мировая война, но США пока оставались нейтральными. Молодой офицер был направлен в штат Техас, где на окраине города Сан-Антонио располагался полк, готовившийся к возможному участию в военных действиях. Правда, Эйзенхауэр был назначен офицером по снабжению, что его разочаровало. Но он уже был приучен послушно исполнять приказы. Именно там Дуайт случайно познакомился с гостившей у своих родственников Мэри Дауд, которую обычно называли Мейми. В начале июля 1916 г. состоялось бракосочетание. Подарком к свадьбе было присвоение Эйзенхауэру звания лейтенанта 1-го класса. Мейми оказалась заботливой спутницей жизни,

достойной офицерской женой.

Когда США весной 1917 г. вступили в мировую войну, Эйзенхауэр ждал назначения на фронт, но его ходатайства были отклонены. Его направили в Форт-Ливенворт, где он должен был тренировать лейтенантов 2-го класса. Позже он служил в других фортах и лагерях, получил звание капитана, затем майора. Участвовать в боях ему не довелось.

Вместе с другими молодыми офицерами (среди которых выделялся будущий видный военачальник Джордж Паттон) Дуайт настаивал на развитии военной техники, создании танковых соединений и боевой авиации, но консервативное начальство не обращало внимания на их рапорты.

Некоторое время Эйзенхауэр служил в зоне Панамского канала, а затем в Комиссии по военным памятникам, которую возглавлял генерал Дж. Першинг. По его поручению Эйзенхауэр составил путеводитель по местам Великой войны, где в боях участвовали американские войска. В 1929 г. Эйзенхауэр был переведен в штаб Армии США, в отдел, занимавшийся планированием мобилизации промышленности и живой силы на случай войны. Работать приходилось в напряженной обстановке: в связи с кризисом администрация президента Гувера стремилась сократить расходы, в том числе военные. Обследования и расчеты Эйзенхауэра показывали крайнюю слабость армии, но доклады о необходимости увеличения расходов начальство встречало с горькой усмешкой.

В то же время в начале 30-х гг. Дуайт обратил на себя внимание нового начальника штаба Армии США Дугласа МакАртура. В 1931 г. он поручил Эйзенхауэру составить для него доклад Конгрессу, который произвел весьма благоприятное впечатление на законодателей. После этого капризный и вечно недовольный, амбициозный и не очень талантливый генерал буквально влюбился в подчиненного и написал о нем в одном из докладов пророческие слова: «Это лучший офицер во всей армии».

Срок службы начальника штаба был ограничен четырьмя годами, но Ф. Рузвельт продержал генерала лишний год. В конце концов был найден новый начальник штаба — генерал Малин Крайг, которого в 1939 г. сменил генерал Джордж Маршалл. Эйзенхауэр надеялся, что с отставкой МакАртура сможет перейти в войска. Однако генерал, собиравшийся на Филиппины для формирования там регулярной армии, предложил Эйзенхауэру ехать с ним. Не говоря уже о том, что должность помощника МакАртура гарантировала высокий заработок, Дуайта соблазняла сама задача: создать из представителей отсталых племен регулярную армию, дисциплинировать ее, сделать боеспособной. Эйзенхауэру не очень

хотелось служить под началом своенравного генерала, но задача представлялась интересной, и он принял предложение.

Прибыв на Филиппины в самом конце 1935 г., Дуайт провел там четыре года, которые позже оценил как потраченные впустую. Из планов создания регулярной филиппинской армии ничего не вышло. Местные чиновники, да и военные гораздо быстрее обучались искусству проволок и обмана, чем эффективному ведению дел. Все труднее становилось работать с МакАртуром, который, в свою очередь, обманывал местные власти, убеждая их в боеготовности армии. Дурное настроение отчасти развеял приезд в Манилу Мейми с сыном Джоном, который был уже подростком — ему было 14 лет (позже он стал видным военным историком, посвятив некоторые свои работы деятельности отца).

Вернувшись на родину в конце 1939 г., Дуайт, наконец, был назначен в войска. Он служил командиром батальона, затем заместителем командира 15-го пехотного полка, с марта 1941 г. начальником штаба IX корпуса в Форт-Левисе (штат Вашингтон), а в июне возглавил штаб 3-й армии в Сан-Антонио (Техас). Между тем становилось ясным, что вступление США в войну не за горами. После того как 7 декабря 1941 г. японская авиация атаковала военно-морскую базу США в бухте Перл-Харбор на Гавайях, Эйзенхауэр полагал, что его армия будет немедленно направлена на один из фронтов. Но Дуайта, которому только в октябре было присвоено звание бригадного генерала, вызвал Джордж Маршалл и забрал его в свой аппарат заместителем начальника секции Филиппин и Дальнего Востока. Дуайт проявил себя настолько квалифицированным работником, что через два месяца был назначен начальником секции и получил право непосредственного доклада Маршаллу. Карьера быстро шла в гору. В марте 1942 г. Эйзенхауэр стал начальником Управления военного планирования — основного подразделения штаба. Управление занималось разработкой стратегических планов, из которых один — высадка союзных войск с территории Англии на севере Франции — постепенно становился все более важным. В конце мая 1942 г. генерал был направлен в Лондон для установления контактов с британскими военными. В следующем месяце Дуайт получил новое назначение — командующим американскими войсками на Европейском театре военных действий и в июле получил звание генерал-лейтенанта. Он становился одним из тех, кто нес наибольшую ответственность за судьбы мира. В контактах с англичанами, прежде всего с британским премьером Черчиллем, вырабатывались также качества дипломата.

Однако Верховное командование союзников решило не форсировать в

1942 г. операцию в Северной Франции, а вместо этого высадиться в Северной Африке и взять под свой контроль территории французских колоний Марокко, Алжира и Туниса, создав плацдарм для возможной операции в Южной Европе (Италия или Балканы). Верховным командующим войсками союзников в Северной Африке стал Эйзенхауэр.

Он руководил как подготовкой операции «Факел» (*Torch*), так и высадкой в ноябре 1942 г., а затем в ходе полугодовой кампании занял территории всех трех колоний. Впервые командуя крупным воинским контингентом на поле боя против опытного противника, Эйзенхауэр проявил качества военного стратега и разностороннего руководителя. Он накапливал боевой и политический опыт. Вслед за завершением Североафриканской кампании была начата следующая — Итальянская, которой также руководил Эйзенхауэр. Вначале его войска летом 1943 г. заняли остров Сицилию, а затем осуществили высадку на Апеннинском полуострове.

Еще в Лондоне Эйзенхауэр сблизился с 34-летней Кей Самерсби, являвшейся его шофером, а затем секретарем. Эта женщина, как многократно позже писал сам Эйзенхауэр и подтверждали его сотрудники и помощники, облегчала его существование и, по словам британского генерала Эверетта Хьюза, «помогала Айку выиграть войну». Дуайт отнюдь не собирался расставаться с женой Мейми, и Кей отлично понимала это.

Между тем в Италии 24 июля 1943 г. произошел государственный переворот: Бенито Муссолини был арестован, образовано правительство маршала Пьетро Бадольо, которое начало тайные переговоры с союзниками. Тем временем германские войска продвигались вглубь Италии с севера. 9 сентября Эйзенхауэр объявил о капитуляции Италии. Его войска начали высадку на материк, а затем продвижение на север. Началась долгая кампания, которая продолжалась почти до самого конца войны в Европе...

Одновременно в высших кругах США и Великобритании обсуждался вопрос об открытии фронта в Западной Европе, а также кандидатура военного руководителя. Рузвельт считал, что наилучшим выбором будет генерал Дж. Маршалл, но при этом не хотел лишаться его в качестве начальника Штаба армии. В конце концов непосредственно после Тегеранской конференции, в конце 1943 г., было принято решение о назначении на этот исключительно важный пост Эйзенхауэра, о чем Рузвельт 7 декабря специально проинформировал Сталина. Советский лидер приветствовал это решение в ответной телеграмме. Эйзенхауэр получил пост Верховного главнокомандующего союзными экспедиционными силами.

В начале февраля 1944 г., прибыв в очередной раз в Лондон, Эйзенхауэр возглавил непосредственное планирование грандиозной операции, получившей название «Повелитель» (*Overlord*). За три месяца на британской территории были сконцентрированы основные силы, которые планировалось задействовать в предстоявшей операции. Американским и британским войскам (а также французским формированиям) предстояло преодолеть мощный Атлантический вал — систему укреплений, созданную немцами в Северной Франции. Первой в бой вступила авиация: с конца марта по начало июня на транспортные узлы, мосты, железнодорожные пути и автомобильные дороги было сброшено 76 тыс. тонн взрывчатых веществ. Был разработан комплекс мер по введению противника в заблуждение относительно планов союзников. Очевидцы вспоминают, что Дуайт одновременно думал о том, чтобы на побережье осталось как можно меньше могил его подчиненных.

Конкретную дату высадки решила погода. В последних числах мая — начале июня погода была крайне неблагоприятной, сильное ненастье ставило все планы под угрозу. Наконец, краткое улучшение погоды наступило 6 июня. Эйзенхауэр приказал начинать операцию. Сам он отправился в одну из воздушно-десантных дивизий, чтобы непосредственно контролировать действия войск.

Высадка прошла успешно, хотя противник оказал яростное сопротивление. Союзникам понадобилось полтора месяца, чтобы закрепиться на прибрежных рубежах. Наступление на Париж развивалось успешно, и 25 августа 2-я французская бронетанковая дивизия ворвалась в столицу Франции. Эйзенхауэр перенес свою штаб-квартиру в район Версаля. Затем последовали освобождение Франции, прорыв в Северо-Западную Германию, контрнаступление немецких войск в Арденнах и, наконец, окончательный разгром противника.

В ходе военных действий Эйзенхауэр постепенно ломал расовые стереотипы: по его приказу стали формироваться боевые части из негров (правда, под командованием белых офицеров), которые показали высокие боевые качества. Под его руководством создавались новые виды боеприпасов, в частности напалмовые снаряды. Массовое применение напалма вызывало у немцев панику, которая, как говорили, была сильнее страха смерти. Артиллерия начинала применять снаряды с радиоуправляемыми взрывателями. 20 декабря 1944 г. Эйзенхауэру было присвоено высшее воинское звание — генерала Армии США (пятизвездного генерала).

В начале января Эйзенхауэр перенес свою резиденцию в Реймс на

северо-востоке Франции. Он разместился в кирпичном школьном здании, которое вскоре станет знаменитым на весь мир. Форсировав Рейн, его войска быстро продвигались на восток, почти не встречая сопротивления. Перед Эйзенхауэром встал нелегкий вопрос о главном направлении дальнейшего наступления. Имея в виду договоренность о распределении зон оккупации, он рассматривал дилемму, следует ли направлять основные силы на Берлинское направление, если затем придется отдать эту территорию советскому союзнику. В конце концов возобладали практические соображения. 28 марта Эйзенхауэр направил послание Сталину, в котором сообщал, что надеется на скорую встречу с советскими войсками в районе Дрездена, то есть значительно южнее Берлина. В ответной телеграмме Сталин одобрил место встречи.

По мере продвижения союзных войск перед Эйзенхауэром раскрывалась страшная картина массовых убийств заключенных концлагерей, истребления еврейского населения, нечеловеческих мук военнопленных и гражданских лиц, угнанных на каторжные работы. По приказу главнокомандующего начался сбор документов о преступлениях нацизма. Он приказал также направлять немецких военнопленных и штатских на принудительные работы по захоронению трупов узников концлагерей. Для гражданских это было условием получения бесплатной еды.

Четвертого мая в ставку Эйзенхауэра прибыли германские представители, сообщившие о готовности нового рейхсканцлера гросс-адмирала Карла Дёница (Гитлер покончил с собой 30 апреля) подписать документ о безоговорочной капитуляции Германии. С текстом был ознакомлен начальник советской военной миссии в Париже генерал-майор И. А. Сулопаров, который немедленно отправился в Реймс, запросив срочные инструкции из Москвы. Ответ задерживался, и Сулопаров решил на свой страх и риск подписать акт.

В ночь на 7 мая 1945 г. в штаб-квартире Эйзенхауэра в Реймсе был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии. С германской стороны его подписал генерал-полковник Альфред Йодль. Сталин, однако, был крайне недоволен тем, что подписание акта о капитуляции произошло на французской территории, в штабе Эйзенхауэра. По требованию Сталина Акт о безоговорочной капитуляции был подписан повторно, в берлинском пригороде Карлсхорсте. Новый документ почти дословно повторял текст от 7 мая, в него были внесены лишь редакционные исправления. Но подписали его высокопоставленные лица: от имени Германии — генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, генерал-полковник авиации Ханс Юрген

Штумпф и генерал-адмирал Ганс Георг фон Фридебург, от имени СССР — маршал Г. К. Жуков, от имени западных союзников — маршал Королевских ВВС Артур Теддер и др. Эйзенхауэр был недоволен фактом повторного подписания и в Берлин не полетел.

По окончании военных действий Эйзенхауэр был назначен командующим американским военным контингентом в Европе и военным губернатором американской зоны оккупации, охватывавшей юго-западную часть Германии. 15 мая он перенес свой штаб во Франкфурт-на-Майне. Теперь, когда он командовал только американскими силами, Дуайт вынужден был расстаться с Кей, которая была британской подданной. Позже Кей опубликовала мемуары о своих отношениях с Дуайтом.

Эйзенхауэр участвовал в Потсдамской конференции глав союзных держав. В ее кулуарах он впервые услышал об атомной бомбе, но о конкретных планах ее использования ему не сообщили. Об атомной бомбардировке городов Японии он узнал из радиопередачи.

Эйзенхауэр стремился установить деловые отношения с главноначальствующим советской зоны оккупации маршалом Г. К. Жуковым. Состоялось несколько их встреч. Сохранилась фотография, на которой оба полководца едут в одной машине вдоль приветствующей их толпы. Дуайт широко улыбается, дружески машет рукой собравшимся. Жуков мрачен и не улыбаясь, смотрит прямо перед собой. 10 июня 1945 г. Жуков вручил Эйзенхауэру высший советский военный орден Победы. Вскоре после этого по личному приглашению Сталина Эйзенхауэр побывал в Москве, присутствовал на параде физкультурников и несколько раз беседовал со Сталиным.

Между тем приближалось время возвращаться на родину. В конце октября ушел в отставку Дж. Маршалл и на его место был назначен Эйзенхауэр. 30 ноября было объявлено о его новой должности. Перед Дуайтом встали совершенно новые задачи, важнейшей из которых была демобилизация. По закону о реадaptации военнослужащих демобилизуемые получили широкие права, но между нормами и их реализацией была немалая дистанция. Постоянно возникали конфликты демобилизованных с местными чиновниками, в штаб поступало огромное число жалоб. От подчиненных начальник штаба требовал строгой проверки фактов, содержащихся в жалобах. Эйзенхауэру пришлось вплотную заняться проблемой атомного оружия. При его участии был разработан план, предусматривавший, что США передадут контроль над атомным оружием ООН, но не сразу, а через определенное время, после создания международного органа по контролю за атомной энергией. План был

представлен на рассмотрение ООН в июне 1946 г., хотя Дуайт скептически относился к возможности его принятия Советским Союзом. Действительно, Сталин план отверг, посчитав его попыткой сохранить американскую монополию на атомное оружие и поставить под свой контроль советские разработки.

Вместе с тем начальник штаба полностью поддерживал в своих выступлениях доктрину Трумэна, план Маршалла, все более вовлекаясь в тенета холодной войны. Правда, он отнюдь не считал неизбежной новую мировую войну. Он писал своему бывшему помощнику послу в СССР Уолтеру Смитту: «Глубокое заблуждение забывать хотя бы на одну секунду могущество и силу нашей великой республики» — и подчеркивал, что, если США будут твердо стоять на ногах, им нечего бояться. Эйзенхауэр принимал самое деятельное участие в подготовке закона о национальной безопасности. Он вошел в Совет национальной безопасности и регулярно встречался с президентом Трумэном, высказываясь по актуальным вопросам строительства вооруженных сил.

Осенью 1947 г. Дуайт начал готовиться к отставке, ибо договорился с Трумэном, что его пребывание на посту начальника штаба продлится не более двух лет. Согласно положению, пятизвездный генерал, даже не занимавший никакого поста, до конца жизни считался пребывающим на военной службе с получением полного жалованья. В беседах с близкими он высказывал мысль, что хорошо было бы сочетать отдых с какой-либо работой, доставляющей интеллектуальное удовольствие. Такая работа представилась, когда Эйзенхауэру предложили стать президентом Колумбийского университета в Нью-Йорке. В феврале 1948 г. он передал пост начальника штаба генералу Омару Брэдли, а в июне приступил к исполнению новых обязанностей. Одновременно он работал над своей первой книгой мемуаров «Крестовый поход в Европу», которая вышла в том же году и стала бестселлером.

Эйзенхауэр надеялся на легкую работу по формальному руководству Колумбийским университетом. Но его нрав был таков, что дни оказались загруженными до предела. Однако пятизвездный генерал не смог наладить контакт с университетской профессурой. Он привык к определенному уровню порядка и пытался добиться его от всех сотрудников, в том числе знаменитых ученых, лауреатов Нобелевской премии. Для некоторых из них опоздать на лекцию или не прийти на нее вообще было обычным делом. Президента же это приводило в бешенство, и он строго выговаривал виновным. В ответ над ним стали острить, называли обидными словами, а подчас просто игнорировали. Один из биографов Эйзенхауэра, Питер

Лайон, констатировал: «Для него попытка стать университетским президентом была абсурдом. Это было неправильно со всех сторон. Это было хуже, чем ошибкой. Это было жестокостью».

В условиях начавшейся холодной войны к Эйзенхауэру не раз обращались с призывом различные деятели — вновь послужить отечеству. Когда в апреле 1949 г. была создана НАТО, начались консультации по поводу кандидатуры на пост командующего объединенными вооруженными силами. В октябре 1950 г. Трумэн предложил Эйзенхауэру занять этот пост. Тот ответил: «Я солдат и готов выполнить любые приказы моего начальства». 15 декабря было опубликовано сообщение о его назначении. Разместив свой штаб в Париже, генерал приступил к созданию объединенных вооруженных сил. Прежде всего по договоренности с главами правительств было решено создавать не интегральную армию, а сохранить в каждой стране свои войска, но поставленные теперь под общее командование. В то же время он убеждал высших государственных деятелей и военных Западной Европы, что США «не могут быть современным Римом, гарантирующим незыблемость дальних рубежей нашими легионами», что американцы должны будут возвратиться на родину, а европейским государствам предстоит самостоятельно оберегать свои границы.

Свой пост Эйзенхауэр занимал до конца мая 1952 г. Дело в том, что с лета 1951 г. стали формироваться общественные организации «Граждане за Эйзенхауэра», выступавшие за выдвижение его на пост президента. С того же времени, открыто не объявляя об этом, Дуайт начал готовиться к борьбе за высший пост. С марта 1952 г. в отдельных штатах стали проводиться первичные выборы. На первых праймериз в Нью-Гемпшире и Миннесоте Эйзенхауэр, выдвинутый без его ведома, собрал более половины голосов. Вслед за этим в Нью-Йорке прошло массовое собрание под лозунгом «Мы хотим Айка!». Лозунг *I like Ike!* («Мне нравится Айк!») получил широчайшее распространение.

Между тем, оставаясь пока в Париже, Эйзенхауэр анализировал соотношение сил, свои возможности и готовился вступить в гонку во всеоружии: изучал документы по внутренним экономическим и политическим вопросам, обсуждал международные дела, прежде всего по вопросам взаимоотношений с СССР, с Джоном Фостером Даллесом.

Договорившись с президентом Трумэном, Эйзенхауэр в середине апреля 1952 г. объявил о своей отставке. 1 июня он вернулся в США и сразу заявил о выдвижении своей кандидатуры от Республиканской партии. 4 июня в родном штате Техасе, в городе Абилине, состоялось его первое

предвыборное выступление, которое он почти полностью посвятил внутренним делам. Дуайт выступал против высоких налогов, излишне централизованного госуправления, за расширение прав штатов, «против бесчестия и коррупции». Внешней политике он отвел одно предложение, заявив о «тщетности любого изоляционизма».

Съезд Республиканской партии проходил в Чикаго в начале июля. Основным соперником Эйзенхауэра выступал глава фракции республиканцев в Сенате Роберт Тафт, сын 27-го президента США. Казалось, что предстоит острая борьба, но руководители делегаций, один за другим, выступали с призывами отдать голоса воину-победителю. В результате Эйзенхауэр был номинирован уже в 1-м туре. В качестве кандидата в вице-президенты генерал избрал молодого сенатора Ричарда Никсона, слывшего заядлым антикоммунистом, который должен был уравновесить умеренные позиции самого Эйзенхауэра. Это было тем более важно, что кандидатом демократов стал Эдлай Стивенсон — губернатор штата Иллинойс, которого считали либералом левого толка.

Сразу после номинации Эйзенхауэр подал в отставку с военной службы: он расставался со службой, которая началась более 40 лет назад и принесла ему всемирную славу. В ходе дебатов на первый план выдвинулись международные вопросы. В противоположность трумэновской «политике сдерживания» СССР Эйзенхауэр провозгласил политику «освобождения» советских сателлитов. Но, как показали дальнейшие события, это всего лишь пропагандистские лозунги, которые должны были привлечь на сторону Эйзенхауэра консервативных избирателей и многочисленных беженцев из Восточной Европы. Несколько раз кандидат заявлял, что в случае избрания немедленно отправится в Корею, чтобы содействовать восстановлению там спокойствия и мира. По примеру Трумэна Эйзенхауэр совершил поездку по стране на специальном поезде, который останавливался «по свистку», якобы по требованию местных жителей. Дуайт выходил на площадку последнего вагона и «экспромтом» произносил тщательно подготовленную речь.

Выборы состоялись 4 ноября. Эйзенхауэр получил 34 млн голосов (55,2 %), Стивенсон — 27,4 млн (44,3 %). В коллегии выборщиков победа была еще более убедительной (442 выборщика у Эйзенхауэра, и 89 — у его соперника).

Сразу после выборов Эйзенхауэр начал формировать кабинет. Пост госсекретаря занял Джон Фостер Даллес — одним из крупнейших консервативных экспертов в международной области. Секретарем по обороне стал Чарльз Уилсон — президент корпорации «Дженерал моторз»

(*General Motors Company*). На претензии, что тот не имеет отношения к военной области, президент отвечал, что непосредственно военными делами будут заниматься секретари родов войск и начальники штабов, а Департамент обороны — это организующий центр и распределитель заказов. Пост секретаря казначейства получил Джордж Хамфри — президент компании М. Ханна (*M. A. Hanna Company*). Перед ним была поставлена задача сократить госдолг, достигший уже 10 млрд долларов. Было создано новое ведомство — Департамент здравоохранения, образования и социального обеспечения, руководителем которого стала Овета Хобби, во время войны начальник Женской вспомогательной военной службы. Помимо того что важно было иметь в правительстве хотя бы одну женщину, Хобби была членом Демократической партии, и Эйзенхауэр мог объявить свое правительство межпартийным. Пост секретаря по вопросам труда был предложен председателю профсоюза водопроводчиков Мартину Деркину, который согласился при условии, что правительство поставит вопрос об отмене антипрофсоюзного закона Тафта — Хартли (Эйзенхауэр вроде бы что-то пообещал, но ничего конкретного не сделал). Вскоре правительство Эйзенхауэра стали называть кабинетом восьми миллионеров и одного водопроводчика. Последний, впрочем, вскоре вышел в отставку.

Показывая, что он выполняет предвыборные обещания, Эйзенхауэр в конце ноября 1952 г. отправился в Корею. Он встретился с президентом Ли Сын Маном, посетил линию фронта, побеседовал с офицерами и солдатами. Никаких результатов миссия не имела, но Эйзенхауэр «продемонстрировал необходимость идти на взаимные уступки».

После инаугурации 20 января 1953 г. новый президент намеревался в первую очередь заняться социально-экономическими вопросами. Но 5 марта 1953 г. умер Сталин, а из заявлений нового советского руководства можно было понять, что оно будет стремиться к смягчению международной напряженности. Смерть Сталина в известном смысле спасла репутацию Эйзенхауэра, обещавшего положить конец войне в Корее. 16 апреля он выступил с речью «Шанс для мира», в которой предложил «почетное перемирие» в Корее, подписание мирного договора с Австрией, предоставление «независимости народам Восточной Европы», соглашение об ограничении вооружений. Он продолжал смешивать реальные и абсолютно неосуществимые предложения, создавая нужный пропагандистский эффект. Речь была благосклонно встречена на Западе и получила положительную оценку в СССР, хотя с оговорками по поводу агрессивной политики американского империализма.

Эйзенхауэру пришлось потратить немало сил на уговоры Ли Сын Мана, что Южная Корея выиграет от перемирия, и оно было подписано 27 июля 1953 г. Устанавливалась демаркационная линия по существовавшей линии фронта (примерно по 38-й параллели) с демилитаризованной зоной глубиной два километра по обе стороны. Так в немалой степени благодаря инициативе Эйзенхауэра была прекращена война, грозившая перерасти в атомную катастрофу.

Основные усилия во внешней политике президент направил на политическое противостояние СССР и закрепление единства государств Западной Европы, которые, по его мнению, должны были двигаться к интеграции. Одновременно президент поддержал группу ученых-ядерщиков, которые настаивали на разработке «супербомбы» — термоядерного оружия. Это было тем более важно, что в СССР летом 1953 г. состоялись первые испытания водородной бомбы, даже при том, что она была еще крайне несовершенной. Американские исследовательские работы были направлены на создание водородного оружия «авиационных габаритов». 1 марта 1954 г. началась серия испытаний нового оружия на Маршалловых островах в рамках программы «Твердыня» (*Castle*), Мощность первого взрыва составила 15 мегатонн (в 750 раз больше, чем мощь атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму). Расчет на секретность оказался нереальным, так как уже через несколько часов на островах начались радиоактивные дожди, от которых пострадали тысячи людей, радиоактивное облако накрыло японское рыболовное судно. В интересах национальной безопасности испытания были продолжены. В 1954–1955 гг. завершилось формирование новой военной концепции, включавшей сокращение военных расходов, уменьшение обычных вооружений и повышение ударной мощи путем создания ядерного оружия, развития стратегических ВВС и ускорения работ в области ракетного оружия дальнего действия.

Эйзенхауэр внимательно наблюдал за изменениями, происходившими в СССР. Понимая, что пришедшее к власти после смерти Сталина «коллективное руководство» недолговечно, он выжидал, чем завершится борьба в верхах. Аналитики сообщали, что вес набирает Хрущев, но Эйзенхауэр полагал, что за спиной политиков стоит его старый знакомый маршал Жуков, получивший пост министра обороны СССР. В середине июля 1955 г. Дуайт принял участие во встрече глав четырех держав (США, Великобритания, Франция и СССР) в Женеве. Каких-либо результатов конференция не дала, но президент смог лично убедиться, что Жуков играет второстепенную роль, а власть сосредоточивается в руках 1-го

секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева.

Во внутренней политике президент демонстрировал явный центризм. Он действовал как прагматик, в одних случаях поддерживая предложения представителей крупного капитала, в других — сил, настаивавших на усилении государственного вмешательства в экономику и социальную сферу.

Значительное внимание Эйзенхауэр вынужден был уделять крикливому сенатору Джозефу МакКарти и маккартизму. Вначале президент не реагировал на заявления МакКарти, обвинявшего в антиамериканской деятельности сотрудников различных ведомств, он полагал, что такая позиция подорвет влияние зарывавшегося сенатора. Но результат был противоположным: молчание Эйзенхауэра МакКарти воспринял как слабость. Чаша терпения переполнилась, когда в Белый дом стали поступать повестки с вызовом в подкомитет МакКарти сотрудников администрации президента. Не считая возможным открытое выступление против МакКарти, который являлся членом высшего законодательного органа, Эйзенхауэр использовал тактику «спрятанной руки»: он принимал одну группу республиканских сенаторов за другой и упоминал, что МакКарти портит репутацию партии и Конгресса. В результате президент добился, что в апреле 1954 г. было начато расследование по делу самого МакКарти в связи с его столкновениями с военными и прочими высшими учреждениями. В этих условиях Дуайт решил, наконец, высказаться открыто в связи с тем, что МакКарти необдуманно заявил, что вопреки традиции будет сам голосовать по собственному делу. На одной из пресс-конференций Эйзенхауэр, отвечая на соответствующий вопрос, сказал: «В Америке человек, являющийся прямой или косвенной стороной в споре, не может выступать как судья по собственному делу, и я считаю, что никто из тех, кто руководит страной, не может избежать ответственности, если эта традиция будет нарушена». В результате Сенат принял резолюцию с осуждением поведения МакКарти. В борьбе против крайних антидемократических сил в США возобладала средняя, компромиссная линия, которую представлял Эйзенхауэр.

Президент не был намерен осуществлять широкое вмешательство государства в хозяйственную и социальную жизнь. В этом и не было необходимости — 50-е гг. были временем экономического подъема. В то же время Эйзенхауэр проводил курс на экономию государственных средств за счет сокращения административного аппарата и частично военных расходов (направляя средства в этой области главным образом на развитие ракетно-ядерного потенциала). На этой основе он смог убедить Конгресс

принять закон о социальном страховании, по которому число получателей пособия по безработице было увеличено на 4 млн человек. В 1955 г. минимальная почасовая заработная плата была увеличена с 75 центов до одного доллара.

Быстрыми темпами развивался потребительский рынок. Подлинная революция происходила в автомобилестроении. В 1955 г. только автозаводы Детройта выпустили 7,9 млн машин — на два миллиона больше, чем в предыдущем. Но у автомобильного бума была обратная сторона. Автомобильные дороги были совершенно не приспособлены к такому количеству машин, скоростных шоссе было мало, и даже на них возникали многочасовые пробки. В этих условиях Эйзенхауэр на основании предварительных разработок и рекомендаций инициировал закон о федеральном финансировании строительства автодорог, который был принят в июне 1956 г. В соответствии с ним началось масштабное строительство. Создавался комплекс, носящий в настоящее время название Национальной системы межштатных и оборонных автомагистралей им. Эйзенхауэра. По данным на 2018 г., протяженность их — около 80 тыс. километров.

В сентябре 1955 г. Эйзенхауэр перенес инфаркт миокарда, но не участвовал в решении политических вопросов лишь несколько дней. В этих условиях вице-президент Никсон решительно отказался временно взять на себя обязанности президента, демонстрируя полную лояльность своему шефу. В то же время Эйзенхауэр был не вполне доволен поведением вице-президента, который, в нарушение традиции, проявлял политическую активность, в частности во время частых выездов за рубеж.

Несмотря на инфаркт, прогнозы врачей были благоприятны, и Эйзенхауэр выдвинул свою кандидатуру на второй срок. Год выборов оказался сложным. Возник острый кризис на Ближнем Востоке, связанный с закрытием египетским правительством Г. А. Насера Суэцкого канала и введением на территорию Египта британских, французских и израильских войск. Волнения в Польше, а затем восстание в Венгрии свидетельствовали, что в просоветском лагере далеко не все в порядке. В этих условиях Эйзенхауэр, внимательно следивший за международными событиями, в меньшей степени занимался предвыборными делами. Тем не менее он добился полной победы над все тем же кандидатом Демократической партии Э. Стивенсоном (за Эйзенхауэра голосовали 35,5 млн человек, за соперника — около 26 млн).

Вступив в должность президента во второй раз, Эйзенхауэр стал особое внимание уделять внешней политике, поддерживая становление

новых, независимых государств Азии и Африки, возникавших в результате распада колониальных империй. Он считал, что США должны активно помогать новым государствам развить инфраструктуру, повышать уровень жизни, чтобы не допустить их вовлечения в орбиту СССР и обеспечить условия для проникновения туда американского капитала. 5 января 1957 г. президент направил послание на Капитолийский холм, которое получило название доктрины Эйзенхауэра. Ее суть состояла в необходимости помощи США новым странам, прежде всего ближневосточным, особенно подверженным коммунистической угрозе. При этом речь шла не только об экономической, но и при необходимости и военной помощи. 9 марта президент подписал закон, дававший ему право использовать Вооруженные силы США на Ближнем Востоке при возникновении там кризисных ситуаций.

Отношения с СССР во 2-й половине 50-х гг. стали проявлением некоторой разрядки, а затем нового обострения. Запуск 4 октября 1957 г. в СССР первого искусственного спутника земли вызвал в США переполох: оказалось, что территория США не является теперь недоступной для советского ядерного удара, так как спутник можно было вывести на орбиту только при помощи межконтинентальной баллистической ракеты. В прессе звучало разочарование в американской науке. Разведка сообщала, в частности по данным самолетов «У-2», которые были пока недоступны советской ПВО, что на советских полигонах проводятся испытания мощных ракет.

По решению президента, одобренному законодателями, США включились в космическую гонку. В июле 1958 г. было образовано Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) с годовым бюджетом в 100 млн долларов и первоначальным штатом более 8 тыс. сотрудников. В следующие годы и бюджет, и штаты быстро увеличивались.

Опасения президента вызывали события на Кубе, где в начале января 1959 г. к власти пришли левые во главе с Фиделем Кастро. Эйзенхауэр дал согласие на подготовку операции «Плутон» по свержению нового режима путем организации подрывных действий и даже убийства Кастро. Однако прямые действия против Кубы не были начаты до конца президентства Дуайта, а последующие события привели к тяжелейшему кризису, чреватому опасностью ядерной войны.

В то же время Эйзенхауэр сохранял надежду на улучшение отношений с СССР путем личных контактов. Установление в СССР фактического единовластия Н. С. Хрущева и его миролюбивые заявления позволили

президенту поставить вопрос о приглашении первого советского лица в США. Были организованы советская выставка в Нью-Йорке и американская в Москве. В связи с этим в США побывал заместитель председателя Совета министров СССР А. И. Микоян, которого считали особенно близким к Хрущеву, а в СССР вице-президент Р. Никсон. Вслед за этим были подписаны советско-американские соглашения о культурных обменах, спортивных контактах и др. Было договорено, что Хрущев совершит 10-дневный визит в США с поездкой по стране, а затем последует ответный визит Эйзенхауэра.

Визит Хрущева в США состоялся в сентябре 1959 г. Сам факт свидетельствовал о возможности мирного решения спорных вопросов. Во время поездки Хрущева по США он встречался с рядовыми американцами, которым нравился простоватый советский лидер. Никакие конструктивные переговоры не велись: стороны считали, что это только начало будущих контактов. Было согласовано проведение в следующем году встречи глав четырех держав в Париже (предварительно Эйзенхауэр договорился об этом с британскими и французскими руководителями), а также посещение Эйзенхауэром СССР.

Однако визит Эйзенхауэра в Москву был отменен в связи с тем, что 1 мая 1960 г. недалеко от Свердловска был сбит усовершенствованной советской ракетой разведывательный самолет «У-2», а летчик Пауэрс, струсив и нарушив приказ о самоуничтожении, выбросился с парашютом, был захвачен, представлен журналистам, а затем предан суду. В ответ на гневные тирады взбешенного Хрущева Эйзенхауэр выступил с несколькими противоречивыми заявлениями, но затем с солдатской прямоотой сказал на пресс-конференции 11 мая, что разведка является «неприятной, но жизненной необходимостью». Тем самым впервые высшим государственным деятелем было признано, что его страна занимается шпионажем, что он осведомлен о нем и одобряет его.

Конфликт разгорелся накануне планировавшейся парижской встречи в верхах. Она была открыта 16 мая президентом Франции Ш. де Голлем. Выступивший сразу же Хрущев произнес длинную разоблачительную речь, в конце которой заявил, что СССР аннулирует визит Эйзенхауэра. Последний бросил реплику, что советскому премьеру не надо было говорить так долго, чтобы отменить приглашение. Тогда Хрущев поднялся и направился к выходу. На такой крайне негативной ноте завершились американо-советские отношения в период президентства Эйзенхауэра.

Внутри страны второе президентство Эйхзенхауэра ознаменовалось прежде всего стремлением смягчить расовую сегрегацию, которая,

несмотря на конституционные положения и ряд прежних законов, сохранялась на юге страны. В этот период борьба за права черного населения продолжала нарастать. В 1957 г. была создана организация Конференция христианского руководства на юге во главе со священником Мартином Лютером Кингом, которая быстро росла и начала массовое ненасильственное сопротивление сегрегации и другим формам дискриминации. В какой-то мере идя навстречу требованиям черного населения, Эйзенхауэр поддержал новый законопроект о гражданских правах, посвященный частным вопросам: требовавший совместного обучения черных и белых детей и гарантировавший право негров участвовать в выборах всех органов власти. В сентябре 1957 г. президент подписал принятый закон.

На президентских выборах 1960 г. Эйзенхауэр энергично поддерживал Ричарда Никсона, который в течение восьми лет являлся вице-президентом. Победу, однако, одержал кандидат демократов Джон Кеннеди, который относился к Эйзенхауэру с неприязнью и даже как-то назвал его «старой задницей» (в ответ получив прозвище «нагловатого юнги»).

Семнадцатого января 1951 г. Эйзенхауэр выступил с прощальным обращением к нации. Уходящий в отставку президент сформулировал вывод, что в условиях холодной войны США вынуждены были создать огромную военную мощь, связанную с государственными органами и промышленностью. Такое сочетание Эйзенхауэр назвал военно-промышленным комплексом (ВПК). Этот термин вскоре войдет в политический и научный оборот, станет важным элементом оценки ситуации в странах обоих военнополитических блоков. В систему ВПК ныне включают государственные учреждения, исследовательские и конструкторские организации, военное производство, международную торговлю оружием. Прощаясь с нацией, Эйзенхауэр предупреждал: «Мы должны заботиться о том, чтобы не допустить сосредоточения в наших правительственных учреждениях такого влияния, которое превысило бы их полномочия, независимо от того, заинтересован ли в использовании такого влияния военно-промышленный комплекс».

После ухода с поста Эйзенхауэр отправился в район города Геттисберга (штат Пенсильвания), где приобрел имение недалеко от поля знаменитой битвы Гражданской войны. Здесь он написал несколько томов мемуаров, главным из которых был двухтомник «Годы в Белом доме». В отставке он занялся живописью, писал пейзажи и портреты, решительно отклоняя выгодные предложения о продаже своих творений. В городе Абилин, штат Техас, была построена Библиотека Эйзенхауэра,

одновременно являющаяся его архивом и музеем.

В ноябре 1965 г. Дуайт перенес второй инфаркт. Восстановление после него прошло сравнительно благополучно, Эйзенхауэру даже разрешили играть в гольф. Но слабость и проблемы с сердцем нарастали. В апреле 1968 г. произошел еще один инфаркт, после которого основные жизненные функции стали постепенно разрушаться. Дуайт Эйзенхауэр скончался утром 28 марта 1969 г.

Похороны состоялись на территории библиотеки его имени. Над гробом была установлена небольшая конструкция с цитатами из выступлений Эйзенхауэра, знаменами США и Армии США. Здесь же была похоронена его супруга Мейми, скончавшаяся в 1979 г. Памятники, посвященные Эйзенхауэру, можно встретить во многих городах США. Великолепный мемориал сооружен в Нормандии, на месте высадки американских войск в 1944 году. Имя Эйзенхауэра носит ряд проектов, связанных с его деятельностью. Наиболее важный среди них — федеральная сеть скоростных шоссейных дорог.

Основные издания:

Амброз С. Эйзенхауэр: Солдат и президент. М., 1993.

Иванов Р. Ф. Генерал в Белом доме. М., 2013.

Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015.

Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. М., 2000.

Eisenhower D. Mandate for Change. 1953–1956. Garden City, 1963.

Eisenhower D. Waging Peace. 1956–1961. GardenCity, 1965.

Boyle P. Eisenhower. London, 2005.

Newton J. Eisenhower: The White House Years. Garden City, 2011.

ДЖОН КЕННЕДИ

29 мая 1917— 22 ноября 1963

35-й президент:

20 января 1961 — 22 ноября 1963

Карикатура на Дж. Кеннеди и Н. С. Хрущева

Семейство Кеннеди было уникальным явлением в истории США XX в. Но, разумеется, в большую политику оно вошло благодаря именно Джону, который возглавлял исполнительную власть сравнительно недолго — менее трех лет, но на долю которого пришлось важнейшие, в значительной мере переломные события во внешнеполитической и внутренней истории США. Ряд факторов, но прежде всего трагическая гибель Джона, создали в США его своеобразный культ: его не просто восхваляли, а возводили в добродетели его недостатки и пороки.

Джон Фицджеральд Кеннеди (*John Fitzgerald Kennedy*) происходил из семьи, имевшей ирландские корни. Он родился в аристократическом предместье Бостона в семье бизнесмена Джозефа Кеннеди и его супруги Розы, так же, как и Джозеф, происходившей из семейства, занимавшегося бизнесом и политикой. У Джона был один старший брат, которого звали,

как и отца, и семеро младших братьев и сестер. Джозеф-младший стал летчиком и погиб во время Второй мировой войны, защищая небо Англии. Братья Роберт и Эдвард стали политиками.

Детство Джона проходило в достатке и вместе с тем в постоянном соревновании с братьями, прежде всего в учебе и спорте. Каждый из них выкладывался, как мог, чтобы опередить другого. В 1927 г. семья переселилась в НьюЙорк, где отец занимался биржевыми операциями, порой на грани мошенничества, но всегда оставался в пределах закона и вполне вписывался в эпоху «процветания», предшествующую в США Великой депрессии. Джон учился в частных привилегированных школах, проводя летние каникулы на вилле в Массачусетсе, а зимние — на курорте Палм-Бич во Флориде, где отец купил роскошный особняк с большим участком земли. Учился Джон в основном хорошо, хотя ему никак не давался родной язык: по-английски он всегда писал с множеством ошибок. Когда он стал президентом, помощники тщательно проверяли написанные им тексты, чтобы «внешние лица» не обнаружили элементарных ошибок. С 1931 г. Джон учился в старших классах колледжа Чоэйт — престижной школы для мальчиков в поселке Уоллингфорд (штат Коннектикут).

Во многих отношениях он считал образцом своего отца. Особенно это касалось его деловой хватки и связей с молодыми актрисами Голливуда. Джозеф-старший инвестировал в Голливуд свои капиталы, тем самым оказавшись у истоков звукового кино, которое в начале 30-х гг. было новинкой. Даже в школе, где учился Джон, судачили о том, куда его отец отправился с очередной юной актрисой. При этом сын осмеливался шутить по поводу любовных историй «своего старика».

Хорошо ориентировавшийся в биржевых махинациях, Джозеф-старший успел распродать свои акции непосредственно перед тем, как грянул финансовый кризис. От Великой депрессии он почти не пострадал. Более того, после прихода в Белый дом Ф. Рузвельта Джозеф, поддерживавший, как и другие бостонские финансовые воротилы, Демократическую партию, решил заняться политикой. Он предложил свои услуги новому президенту и стал выполнять отдельные его задания, а затем возглавил Комиссию по ценным бумагам и обменным операциям.

В 1938 г. Джозеф Кеннеди был назначен послом США в Великобритании. Он выступал за сотрудничество с нацистской Германией, не раз выражая удовлетворение личностью и политикой Гитлера. В конечном итоге в конце 1940 г., уже в условиях Второй мировой войны и массированных налетов германской авиации на Лондон и другие города Англии, он был отозван и более в политике не участвовал. Он скончался в

1969 г., а вот его супруга прожила долгую жизнь: она умерла в 1995 г. в возрасте 104 лет, пережив троих своих сыновей.

Вначале Джон особыми успехами не отличался. У него оказалось слабое здоровье, в 1934 г. в почти бессознательном состоянии его госпитализировали, причем вначале врачи считали, что у юноши лейкемия — в то время смертельная болезнь. Позже оказалось, что поставленный диагноз не был верен. Речь шла о заболевании крови, но излечимом. Принятые меры позволили в основном привести Джона в порядок. Он окончил колледж всего лишь 64-м из 112 человек. В характеристике было осторожно сказано, что он «вероятно, сможет добиться успеха».

В 1935 г. Джон Кеннеди был принят в Принстонский университет, но фактически к учебе не приступил: он проучился лишь два месяца, а затем по требованию родителей «для укрепления сил» отправился на ранчо в штат Аризона. Там, ухаживая за рогатым скотом и выполняя другие физические работы, он действительно несколько окреп. Опыт такого рода деятельности оказалась для Джона уникальным — больше никогда он физическим трудом не занимался.

В следующем году он поступил в Гарвард, где несколько раз брал отпуск, совершая зарубежные поездки и даже успев поработать в американском посольстве в Лондоне, которым тогда руководил его отец. Тем не менее он смог окончить университет с отличием в 1940 г. по специальностям государственное право и политология. Во время занятий в университете Джон активно занимался спортом, участвовал в футбольном первенстве, в соревнованиях по плаванию. Однажды во время футбольного матча он упал и повредил позвоночник, с этого времени к другим болезням добавились сильные боли в спине, не прекращавшиеся на протяжении всей жизни. Джон перенес несколько операций, которые не дали существенного результата.

В 1939 г. молодой человек на средства родителя совершил семимесячный тур по Европе и Ближнему Востоку. Его письма родным и друзьям свидетельствовали о сравнительно верной оценке международной ситуации. Ситуация в Германии привела Джона в ужас. Как-то он натолкнулся на шествие штурмовиков, которые, заметив на машине, в которой ехал Джон, британские номера, стали швырять в нее камни. Он не пострадал, но позже многократно вспоминал этот эпизод. Юноша посетил и СССР. Сталинская казарменно-бюрократическая система его не впечатлила, но в сильной государственной власти он нашел преимущества, которые можно было бы использовать, не жертвуя демократическими принципами. В письмах Джон подчеркивал нервную обстановку в

европейских столицах. Он вернулся в Лондон 1 сентября, как раз в день начала Второй мировой войны, и в течение трех недель помогал отправке американцев, находившихся в Великобритании, на родину.

Вернувшись в Гарвард, Джон завершил подготовку дипломной работы, посвященной Мюнхенскому соглашению 1938 г. Причины политики умиротворения он видел главным образом в объективных факторах, почти пренебрегая позицией британского премьера Невилла Чемберлена. Вскоре работа вышла отдельной книгой и получила позитивные отзывы. В ней содержался призыв к союзу демократических государств выступить против насильственных агрессивных режимов. Взгляды Джона явно вступали в противоречие с позицией его отца.

В 1940 г., окончив университет, Джон решил продолжать обучение и поступил в школу бизнеса Стэнфордского университета, но вскоре посчитал это занятие скучным и предпочел еще одно путешествие — на этот раз по Латинской Америке.

Полагая, что США в конце концов будут вовлечены в войну, Кеннеди посчитал своим долгом принять в ней участие. Он попытался поступить в офицерскую школу, но был забракован медицинской комиссией в связи с больным позвоночником. Тогда он начал тренироваться, что несколько улучшило его состояние. Также он подключил связи отца и был принят на службу в Управление военно-морской разведки. Однако военная служба, тем более в разведке, не мешала Кеннеди вести свободный образ жизни. Он легко вступал в связи с девушками и так же легко их разрывал. Друзья говорили, что ему помогал даже не столько тугой кошелек, сколько особый шарм. Он умел производить впечатление на представительниц прекрасного пола.

Служба в разведке продолжалась недолго. После вступления США в войну в декабре 1941 г. Кеннеди стал прилагать усилия, чтобы отправиться на фронт. В конце концов его ходатайство было удовлетворено, и в октябре 1942 г. он был направлен на курсы морских офицеров в Род-Айленде, где ему было присвоено звание 2-го лейтенанта. В декабре после ускоренной подготовки Джон отправился в эскадру, находившуюся в районе Соломоновых островов, командиром торпедного катера. Наступили будни: по ночам он выводил катер на патрулирование, днем после отдыха команда наводила порядок на судне. Джон установил хорошие отношения с подчиненными и с командирами других катеров, у него постепенно вырабатывались командирские качества, но он не злоупотреблял своим положением, по-дружески общался с матросами.

Сравнительно спокойным дням вскоре пришел конец. В ночь на 2

августа 1943 г. во время патрулирования на его катер на большой скорости налетел японский эсминец, расколов суденышко пополам. Каким-то чудом из 13 членов экипажа погибли только двое, остальные, в том числе Кеннеди, были контужены или ранены. Придя в себя, преодолевая мучительную боль, Джон пытался помочь подчиненным. Проведя в воде около 15 часов, он с командой доплыл до крохотного острова, а затем вновь поплыл в открытое море, пытаясь привлечь внимание американских судов. Ничего из этого не получилось: командование было уверено, что экипаж погиб, и поиски не вело. Но Джону и его матросам повезло: на них натолкнулись туземцы, которые и сообщили об этом американцам. 7 августа моряков подобрало патрульное судно. Сообщения о счастливом спасении экипажа, о мужественном поведении его командира появились на первых полосах газет. «Сын Кеннеди проявил героизм», — гласил заголовок «НьюЙорк таймс».

Джон был назначен командиром другого торпедного катера, но состояние здоровья стало ухудшаться, возобновились сильные боли в спине. В начале 1944 г. он был отчислен из ВМФ, а весной перенес сложную операцию, за которой последовали еще две. Существенно его состояние они не улучшили, боли то ослабляясь, то усиливаясь, но продолжались до конца жизни. К этому добавилась и семейная трагедия — 12 августа 1944 г. погиб старший брат, Джозеф: его самолет взорвался в воздухе. Позже Джон часто говорил, что помнит своего брата и стремится быть достойным его памяти.

Вернувшись в США, Джон Кеннеди недолго работал в газетном концерне Хёрста, где, в частности, освещал учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско в апреле 1945 г. Он проявил завидную настойчивость и решительность, даже смог взять интервью у советского посла А. А. Громыко. Руководство было довольно его работой, и он был направлен в Лондон для освещения выборов и в целом обстановки в стране. За две недели до выборов, 23 июня, Джон написал статью, которая вначале вызвала недоумение, — автор доказывал, что консерваторы потерпят поражение и Черчилль потеряет пост премьера. Когда это действительно произошло, авторитет Кеннеди как политического аналитика резко вырос. Но карьера журналиста его не удовлетворяла: он повторял, что стремится не описывать, а творить политику. К этому его поощрял и отец, ранее считавший, что крупным политиком должен стать Джозеф-младший, а теперь возлагавший надежды на второго сына.

Джон решил баллотироваться в Палату представителей, причем в сложном округе Бостона, куда входили элитные Гарвардский университет и

Массачусетский технологический институт и в то же время рабочие кварталы бедняков ирландского и итальянского происхождения. Началась изнурительная избирательная кампания, основным лозунгом которой были слова «Новое поколение предлагает лидера». В ее основу была положена военная биография Джона. В предвыборный период он произнес около 450 речей, не говоря уже о кратких выступлениях на улицах. Постепенно все большее внимание уделялось повседневным нуждам населения, особо подчеркивалась необходимость соблюдения льгот, предназначенных ветеранам войны. Кампания увенчалась успехом, и 5 ноября 1946 г. Джон Кеннеди стал депутатом. В 1948 и 1950 гг. он был переизбран, на повторных выборах меньше говорилось о военном прошлом, а основное внимание уделялось текущим проблемам. При этом подчеркивалось, что Джон — не новичок в политике, что он уже выступил с несколькими законодательными инициативами. В самой палате, однако, Кеннеди не был столь уж исправным депутатом. Он тяготился нудными заседаниями, часто пропускал их, предпочитая развлечения, пикники и др. Помимо случайных связей у Джона появилась женщина, с которой он время от времени встречался до конца жизни. Это была нью-йоркская журналистка Флоренс Притчетт. Иногда они вместе ездили отдыхать, и в июне 1947 г. Флоренс игриво писала своему любовнику: «Лето будет долгим и жарким. Я думаю, что тебе следовало бы присоединиться ко мне и сделать его еще жарче». Но все же молодой конгрессмен не пренебрегал полностью парламентскими делами. Он выступал за внесение изменений в законодательство о жилье, стремясь добиться значительного расширения строительства домов для наиболее нуждающихся граждан. Кеннеди участвовал в работе комитетов по образованию и труду, по делам ветеранов. Он несколько раз выступал за улучшение условий труда, за признание роли профсоюзов как равноправных участников трудовых споров.

В качестве члена Палаты представителей Кеннеди в основном поддерживал внешнюю политику Трумэна, хотя подчас критиковал его за нерешительность, за неоправданные уступки СССР. Он посетил многие страны. Наблюдатели отмечали особую важность его поездки в Югославию в 1951 г. и встречу с Иосипом Броз Тито. Разорвав три года назад отношения с СССР, Тито сохранил тоталитарную систему, но стремился найти пути к сближению с Западом, который крайне осторожно отнесся к подобной перспективе. После беседы с Тито Кеннеди пришел к выводу, что тот прочно держит власть в своих руках, что угрозы ему со стороны советской агентуры нет, что следует оказать Югославии экономическую помощь.

Зарубежные поездки Кеннеди широко освещались прессой, которая начинала воспринимать его как перспективного политика. Эти поездки фактически стали началом вступления Кеннеди в борьбу за место в Сенате. Он выступил в Массачусетсе против известного и опытного политика Генри Лоджа, хотя родные и близкие отговаривали его, считая, что победить республиканца ему не удастся. Джон энергично включился в борьбу, он много выступал, встречался с избирателями на улицах, у заводских ворот, в магазинах и др. Он создал штат помощников и советников, поставив во главе его младшего брата Роберта. Последний проявил невероятную энергию, работоспособность и темперамент, стал подлинным центром кампании. Новым ее элементом было привлечение так называемых «секретарей Кеннеди» — волонтеров, людей разных профессий, которые отдавали свободное время агитационной работе на определенных, закрепленных за ними участках.

Четвертого ноября 1952 г. Кеннеди добился победы, несмотря на то, что в поддержку Лоджа выступил кандидат в президенты Д. Эйзенхауэр, в этот же день избранный на высший пост. В начале января 1953 г. 36-летний новый сенатор появился в Вашингтоне. Он выглядел настолько юным, что у вагона подземного поезда, соединявшего Сенат с другими зданиями, его попросили отойти в сторону, чтобы сначала могли войти сенаторы. Однако в Сенате Кеннеди сразу же проявил себя как инициативный и деятельный политик. Критикуя правительство Эйзенхауэра, он обращал особое внимание на вопросы внешней политики, прежде всего взаимоотношения с СССР, борьбы с коммунистическим влиянием в мире. Он все более утверждался в мысли, что эта борьба должна носить характер соревнования систем, быть в первую очередь экономической. Он высказывал серьезные опасения, что холодная война, бряцание термоядерным оружием могут привести к ядерному взрыву, последствия которого были бы катастрофическими. Кеннеди не раз отмечал относительный реализм советского лидера Хрущева, несмотря на его грубость и демонстративное провозглашение коммунистических лозунгов. Джон считал необходимым идти навстречу, выдвигая реалистические предложения руководству СССР.

Кеннеди выступал как сторонник гражданских прав. Он поддержал расширение полномочий федеральной комиссии по справедливому решению вопросов занятости, требовал отмены налога на участие в выборах, сохранявшегося в некоторых южных штатах. В то же время сенатор поддержал внесенный правительством Эйзенхауэра проект закона о гражданских правах. При этом Кеннеди подчеркивал ограниченность закона, который не создавал новых норм, а только был направлен на

реализацию уже существовавших.

Джон продолжал встречаться с очаровательными дамами. Некоторые связи подпитывались не только плотскими желаниями, но и взаимными интересами, но с его точки зрения этого было недостаточно для вступления в брак. Джон продолжал поиск достойной партии. Таковой оказалась Жаклин Бувье, которая была младше Джона на 12 лет. Она была из богатой семьи французского происхождения, училась в престижном университете Вассар, а затем в парижской Сорбонне, штудировав искусство и журналистику. По возвращении в США Жаклин получила несколько наград за свои сочинения. Джон и Жаклин познакомились в 1951 г. Сближение между ними началось примерно через два года, а вскоре после этого, в сентябре 1953 г., состоялась свадьба. Женившись, Джон вел обычный образ жизни, более того, продолжались разного рода любовные приключения, в том числе позже со знаменитой Мэрилин Монро. Он с теплотой относился к супруге, но она не занимала значительного места в его бытии. В семье Кеннеди родились трое детей. Один ребенок умер в младенчестве, дочь Кэролайн и сын Джон впоследствии стали известными общественными деятелями.

Тем временем глава семьи в 1959 г. начал готовиться к выдвижению на президентский пост. В октябре был образован предвыборный штаб, который возглавил брат Роберт. О своем выдвижении Джон объявил 2 января 1960 г. в Сенате. Выступление было кратким, но в нем в общих чертах были намечены основные положения предвыборной программы. В нее были включены «решительные меры» — как сократить гонку вооружений, изменить положение в науке и образовании, предотвратить упадок городов, добиться экономического роста.

Партийный съезд демократов в Лос-Анджелесе проходил 11–15 июля 1960 г. Кеннеди был выдвинут уже в 1-м туре голосования на основании праймериз, которые прошли в предыдущие месяцы и на которых он неизменно побеждал. В качестве кандидата в вице-президенты был избран лидер фракции демократов в Сенате Линдон Джонсон — опытный политик, который перед этим не раз критиковал Кеннеди, на съезде возражал против его номинации и к тому же сам претендовал на выдвижение в президенты. Кеннеди пошел на союз со считавшимся консерватором Джонсоном, чтобы привлечь голоса демократов из южных штатов. Джонсон же рассматривал вице-президентский пост как трамплин к креслу президента.

Соперником Кеннеди стал вице-президент в правительстве Эйзенхауэра Ричард Никсон. Были проведены четыре тура телевизионных

дебатов, на которых явное преимущество было на стороне Кеннеди. Наблюдатели посчитали, что в значительной степени это было связано с болезненным состоянием Никсона, у которого перед этим произошла травма колена. Никсон, однако, был опытным и авторитетным политиком и считался опасным конкурентом. В последние недели перед выборами он нанес несколько серьезных контрударов, в частности обвинив Кеннеди (далеко не вполне заслуженно), что в своих выступлениях он раскрывает государственную тайну — планы правительства по противодействию режиму Фиделя Кастро. В результате шансы на избрание оказались приблизительно равными.

Выборы состоялись 8 ноября 1960 г. Разница в голосах была незначительной — за Кеннеди было подано 49,7 %, за Никсона — 49,6 %. Иным было соотношение в коллегии выборщиков: 303 к 219 в пользу Кеннеди. Единственным крупным штатом, проголосовавшим за Никсона, была его родная Калифорния.

Кеннеди вступил на президентский пост в непростое для США время. Во 2-й половине 50-х гг. замедлились темпы экономического развития, происходил отток золота, усиливался дефицит платежного баланса. Далеко не идеальными были внешнеполитические позиции: в странах Западной Европы росло раздражение вмешательством США в их дела.

В своей инаугурационной речи Кеннеди попытался выступить против паразитического потребительства, которое во все большей степени овладевало американским обществом, по мере того как повышался уровень жизни. Стали знаменитыми его слова: «Не спрашивай, что твоя страна может для тебя сделать; спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны». Оратор, разумеется, понимал, что далеко не все американцы живут в благосостоянии. Он призывал свою и другие нации объединиться в борьбе против «общих врагов каждого человека: тирании, бедности, болезней, войны». Хотя все эти заявления носили общий характер, нация восприняла их как обещание проводить внутреннюю и внешнюю политику в интересах основной массы граждан. Свой курс Кеннеди назвал политикой «новых рубежей».

Непосредственно после инаугурации Эйзенхауэр передал Кеннеди небольшой кейс, в котором хранилась инструкция о порядке действий президента в чрезвычайной обстановке. При кейсе состоял сменявшийся каждые 8 часов особый офицер, всегда находившийся неподалеку от президента. В потайном кармане президента находилась пластиковая карта — ключ к чемодану. Изобретение карты-ключа стало началом перехода в США, а затем и в других странах к использованию пластиковых карт в

качестве удостоверений личности для самых разнообразных целей — от открывания дверей до получения денег в кассовых автоматах.

Ко времени инаугурации Кеннеди в основном сформировал свой кабинет. Брат Роберт был назначен генеральным прокурором. При этом его влияние было значительно бóльшим: он выполнял ответственные и порой рискованные поручения старшего брата.

В начале 60-х гг. весьма важен был пост секретаря по обороне. Его занял президент компании «Форд» (*Ford Motor Company*) Роберт МакНамара — эффективный менеджер, поменявший оклад в 370 тыс. долларов на скромное жалование министра — 20 тыс. долларов в год. Он занялся развитием ядерного оружия в сочетании с сохранением и совершенствованием обычных вооружений и вооруженных сил, модернизировав в этом смысле оборонную политику Эйзенхауэра.

После раздумий руководителем Госдепартамента был назначен Дин Раск, хорошо знакомый с ситуацией в странах Азии и Африки, так как, будучи директором Фонда Рокфеллера, отвечал за помощь развивающимся странам. Раск считался спокойным, рассудительным, не очень творческим человеком — это устраивало Кеннеди, намеревавшегося сосредоточить внешнюю политику в своих руках. Другие правительственные посты заняли опытные отраслевые специалисты.

Джон Кеннеди произносил много слов о высокой морали. Они были предназначены в основном для толпы, которая должна была сопоставить их со своими представлениями о ценностях и продемонстрировать результаты сопоставления на разного рода выборах. В основе же решений лежали глобальные геополитические интересы, к которым относилась гонка за научно-техническое и военное превосходство над СССР. Прежде всего речь шла о космической программе. 12 апреля 1961 г., менее чем через три месяца после инаугурации Кеннеди, в космос полетел первый человек — гражданин СССР Юрий Гагарин. Кеннеди воспринял этот полет как вызов США. 5 мая последовал американский ответ — в космос отправился американец Алан Шеппард. Непосредственно после этого полета Кеннеди принял решение о форсировании космических исследований. 25 мая на совместном заседании обеих палат Конгресса он выступил с речью о «срочных задачах нации», доложив о программе освоения космоса из расчета, чтобы до конца текущего десятилетия совершить высадку человека на Луне. Была разработана программа «Аполлон», на которую ежегодно выделялось 5 млрд долларов. Промежуточным результатом был запуск орбитальных кораблей. В целом программа была выполнена, даже на год раньше намеченного срока, в 1969 г.

Мероприятия в области экономики сводились главным образом к некоторому сокращению налогового обложения, что способствовало стимулированию потребительского спроса, общему повышению налоговых поступлений за счет более скрупулезного взимания налогов и сбалансирования госбюджета. Через Конгресс было проведено повышение минимальной заработной платы с 1 доллара до 1 доллара 25 центов в час. В либеральной прессе Кеннеди критиковали за «скупость», но на деле это было не так уж мало, ибо означало повышение на И часть зарплаты 4 млн американцев. Кеннеди был настойчив в проведении государственных мер по оказанию медицинской помощи беднейшим слоям населения. Им был внесено предложение о выделении средств на оказание помощи в лечении почти 11 млн американцев, но законопроект был провален в Сенате.

Главная проблема, с которой столкнулся Кеннеди, находилась не внутри, а вне страны, хотя и поблизости от ее берегов. По мнению экспертов, Куба становилась советским сателлитом, причем не исключалась возможность, что она станет примером для других стран Латинской Америки. Еще при Эйзенхауэре в Гватемале на американские деньги и под руководством инструкторов из США началась подготовка контрас — противников создаваемого Кастро режима. План высадки десанта на Кубе, в районе Плайя — Хирон основывался на том, что он спровоцирует всеобщее антикастровское восстание, которое приведет к свержению коммунистического режима. После избрания Кеннеди директор ЦРУ Аллен Даллес доложил ему о плане, сообщив, что, закрепившись на побережье, десантники образуют правительство и обратятся за помощью к США. Директор ЦРУ признал, однако, что план разработан на скорую руку и в нем много неясностей. Когда Кеннеди сообщил о плане своим помощникам, некоторые из них высказали сомнения в возможности его осуществить. Но президент план утвердил. Он, правда, предупредил, что войска США вмешиваться в военные действия не будут, хотя высадку санкционировал, поскольку его заверили, что контрас, вооруженные новейшим оружием, справятся сами.

На рассвете 17 апреля 1961 г. на нескольких судах к побережью Кубы приблизилась бригада контрас численностью около 2 тыс. человек. Операция провалилась, не успев начаться: часть судов натолкнулись на коралловые рифы, и контрас вынуждены были добираться вплавь до берега, где их встретили солдаты Кастро. Закрепиться контрас не удалось, часть погибла в бою, другие сдались в плен. США были вынуждены признать поражение. На пресс-конференции 21 апреля Кеннеди с горькой иронией заявил, что у победы 100 отцов, а поражение всегда остается

сиротой.

Положение на Кубе оставалось в центре внимания Кеннеди, который в начале осени 1962 г. поручил брату Роберту курировать все дела, связанные с коммунистическим режимом на этом острове. К этому времени несколько попыток убийства Кастро потерпели провал. Разведка установила, что советские корабли доставляют на Кубу некое вооружение. Вначале не было ясно, какое именно, но уже в середине октября было установлено, что в районе кубинского города Сан-Кристобаль находятся заправщики ракет, а под тентами скрываются контуры ракет класса «земля — земля». Анализ сделанных самолетами-разведчиками фотоснимков показал, что, если бы эти ракеты были выпущены, погибли бы до 80 млн американцев. Затем разведка установила, что на Кубу были доставлены несколько советских ракетных комплексов (всего свыше 70 ракет), а также бомбардировщики и истребители. Все типы ракет обладали ядерными зарядами. Когда Кеннеди доложили о советских ядерных ракетах на Кубе, он заявил: «Придется их разбомбить». Так начался второй, несравненно более опасный Кубинский кризис, продолжавшийся с 16 по 28 октября 1962 г.^[6]

В первый день кризиса по распоряжению президента была образована чрезвычайная группа, которая должна была обсуждать ситуацию и давать президенту рекомендации. Ее возглавил Роберт Кеннеди. 18 октября Джон Кеннеди принял решение о морской блокаде Кубы, а 22 октября выступил по телевидению с обращением к американскому народу, в котором сообщил, что на Кубе создана база «для нанесения ядерного удара по Вашингтону или любому другому американскому городу». Президент объявил, что будет добиваться ликвидации советской базы любыми средствами, вплоть до военных. В этот же день он обратился с письмом к Н. С. Хрущеву, в котором выразил решимость не допустить пребывания советских ракет на Кубе.

Кеннеди утвердил план операции, предусматривавший восьмидневную подготовку и высадку на девятый день на Кубе 90 тыс. морских пехотинцев. 24 октября в ответ на действия США правительство СССР заявило, что установление морской блокады Кубы, к которой двигались новые советские корабли, представляет собой акт беспримерной агрессии. Обстановка все более накалялась, но одновременно действовали тайные посредники как с советской, так и с американской стороны, которые пытались найти возможности компромисса. 26 октября поступило сообщение, внушавшее оптимизм: советские корабли остановились в открытом море, вплотную подойдя к линии объявленной блокады. Но в целом ситуация оставалась неопределенной. Она вновь обострилась, когда

27 октября над Кубой был сбит американский разведывательный самолет и летчик погиб. Реакция Белого дома была молниеносной — завтра же нанести удар по Кубе. Кеннеди подготовил тезисы обращения к американскому народу (рассекречены в 2012 г.), в которых говорилось, что он как Верховный главнокомандующий «отдал приказ вооруженным силам атаковать и уничтожить строящиеся ядерные сооружения на Кубе». И в Вашингтоне, и в Москве чувствовали, что вот-вот может начаться ядерная война. Были использованы не просто неофициальные, а секретные контакты. От имени советского руководства резидент военной разведки в Вашингтоне Георгий Большаков, фактически расшифровавшись, сообщил Роберту Кеннеди, что СССР готов на компромисс. Вечером 27 октября в Москву была отправлена телеграмма президента, намечавшая условия компромисса: «1) Вы соглашаетесь устранить эти вооружения с Кубы под соответствующим контролем Объединенных Наций и воздерживаться, при соответствующем контроле, от поставок таких видов вооружения на Кубу. 2) Мы, со своей стороны, соглашаемся... подтвердить и продолжить осуществление следующих обязательств: а) быстро устранить введенные в настоящее время меры карантина и б) дать заверения об отказе от вторжения на Кубу». 28 октября поступил ответ Хрущева о принятии американских предложений. Обмен посланиями завершил Кубинский кризис и открыл возможность для американо-советских переговоров. Вскоре из Турции по настоянию СССР были вывезены американские ракеты. 5 августа 1963 г. в Москве был подписан договор о прекращении испытаний ядерного оружия на земле, под водой и в космическом пространстве. Во взаимоотношениях постепенно утверждались принципы мирного сосуществования и соревнования стран с противоположными социально-экономическими системами.

При том огромном внимании, которое Кеннеди приходилось уделять международным делам, он вновь и вновь обращался к тому, что будоражило умы и сердца соотечественников.

Годы его президентства явились важнейшим рубежом в борьбе черного населения США (его все чаще называли афроамериканцами) за гражданские права. Джон проявил себя как решительный, хотя и осмотрительный борец за равноправие. Издавая исполнительные распоряжения по конкретным вопросам, Кеннеди выжидал удобного времени для принятия и проведения в жизнь нового законодательства о гражданских правах. Между тем негритянские организации и прежде всего Конференция христианского руководства на юге во главе с М. Л. Кингом требовали законодательных действий. Используя победу в частном

случае — попытку не допустить зачисления в университет штата Алабама двоих чернокожих студентов, Кеннеди 11 июня 1963 г. выступил с эмоциональной речью по телевидению. Президент говорил: «Если американец не может пообедать в общественном ресторане потому, что у него черная кожа, если он не может послать своих детей в наилучшую доступную ему общественную школу, если он не может голосовать за представляющих его интересы выборных лиц, короче говоря, если он не может пользоваться полными и свободными жизненными правами, к которым все мы стремимся, тогда кто из нас может быть уверен, что при другом цвете кожи он занимал бы то же место в обществе?» Кеннеди объявил, что намерен в ближайшее время внести проект нового закона, включающего право всех американцев на пользование всеми существующими общественными учреждениями. Это было сделано 19 июня. Подтверждая то, что уже было достигнуто в области гражданского равноправия, законопроект вторгся в область, которая еще не была охвачена, — места общественного пользования. Категорически запрещалась сегрегация в театрах, кинотеатрах, барах, кафетериях и ресторанах, гостиницах и мотелях.

В конце июня законопроект начал свой путь по комитетам палат. Наиболее активным его «свидетелем» (так именовались должностные лица, выступавшие в поддержку внесенного законодательства) являлся Роберт Кеннеди. Генеральный прокурор по несколько раз в неделю посещал парламентские заседания, обосновывая положения документа. Именно в это время организация Кинга решила провести массовый поход на Вашингтон, который ставил целью поддержать законопроект и по ряду положений достичь еще большего расширения прав афроамериканцев. Вначале Кеннеди как осторожный политик выступил против похода, полагая, что он может привести к крайне нежелательному обострению ситуации и даже к кровавым столкновениям. Однако после консультаций он пришел к выводу, что поход может сыграть положительную роль в смысле проведения закона и расширения собственного влияния. Было решено попытаться превратить поход в общегражданский с участием белых американцев. 28 августа 1963 г. почти полторы тысячи автобусов, а также поезда доставили в столицу участников «марша на Вашингтон за работу и свободу». В этот день в городе состоялся грандиозный митинг, в котором участвовало до четверти миллиона человек. С одобрения Кеннеди огромная масса людей разместилась на зеленом пространстве от подножия Капитолийского холма до мемориала Линкольна. М. Л. Кинг произнес свою историческую речь «У меня есть мечта»: «Несмотря на все трудности и

неудачи, у меня есть мечта... Я мечтаю о том великолепном дне, когда сыновья бывших рабов и бывших рабовладельцев сядут рядом за одним братским столом. Я мечтаю о прекрасном дне, когда четверо моих детей будут жить в стране, в которой о них будут судить не по цвету кожи, а по их характеру». Кеннеди был восхищен речью Кинга. После митинга Кинг был приглашен в Белый дом, где состоялась дружеская встреча с президентом. При жизни Кеннеди закон о гражданском равноправии не успели принять. Он был введен в действие в 1964 г., но по сути был именно законом Кеннеди.

Тем временем бурное первое президентство Кеннеди подходило к концу. Собираясь баллотироваться на второй срок, он осенью 1963 г. фактически начал избирательную кампанию. Джон был почти убежден, что будет переизбран. Но, как и во время прежних кампаний, в которых он участвовал, Кеннеди понимал, что избирательная борьба таит массу неожиданностей. Необходимо было иметь «запас прочности» и продолжать укреплять свои позиции. В сентябре 1963 г. Кеннеди предпринял крупную поездку по стране, в ходе которой убедился, что имеет все шансы на переизбрание и что обладает огромным козырем для избирательной кампании — успехами в предотвращении термоядерной войны.

Вторую поездку Кеннеди наметил в Техас, где сильными позициями обладали его противники не только от Республиканской, но и от собственной партии. 21 ноября 1963 г. президентский самолет вылетел из Вашингтона в направлении юго-западного штата. Сделав краткие остановки в Сан-Антонио, Хьюстоне и Порт-Уэсте, где Кеннеди встретился с активистами Демократической партии и местными жителями, самолет взял курс на крупнейший город штата Даллас. На борту, кроме президента, находились его жена и вице-президент Л. Джонсон. В 11 часов с минутами 22 ноября в аэропорту их приветствовал губернатор Техаса Джон Коннели.

На улицах Далласа встретить Кеннеди вышли не менее 250 тыс. человек. Он шутил, был в приподнятом настроении, говорил, как не правы те, кто считает, что в Техасе к нему относятся плохо. Промчавшись от аэропорта до центра города, кортеж Кеннеди резко замедлил ход на узких улицах, запруженных людьми. Машины двигались со скоростью не более 17 км/ч. Кеннеди ожидали в Торговом центре, где уже была подключена связь с Белым домом и приготовлено кресло-качалка, чтобы Джон мог отдохнуть. Но в Торговый центр президент не прибыл. На одном из поворотов по Кеннеди из здания склада школьных учебников были произведены три выстрела. Первая пуля попала в шею и смертельной не была, вторая пролетела мимо, а вот третья поразила президента в затылок и

снесла часть черепа. Когда произошел первый выстрел, растерявшиеся охранники и водитель не выполнили инструкций — они должны были уложить президента на пол, накрыть его своим телом и перейти на предельную скорость. Только через несколько секунд они пришли в себя, но было поздно.

В Портлендском мемориальном госпитале, куда примчалась машина, врачи констатировали смерть. Немедленно извещенный о происшедшем секретарь по обороне МакНамара объявил о приведении армии в высшую боевую готовность. Труп Джона Кеннеди был доставлен в аэропорт и погружен в президентский самолет. Прощальная церемония продолжалась три дня — 23–25 ноября. По настоянию Жаклин похороны состоялись на воинском Арлингтонском кладбище. Здесь был зажжен вечный огонь, а позже на этом участке выложены плиты с высказываниями Кеннеди. На бронзовой табличке выгравированы слова «Джон Фицджеральд Кеннеди».

В следующие десятилетия работали многочисленные комиссии, расследовавшие убийство президента. Первой и наиболее авторитетной была комиссия Эрла Уоррена, председателя Верховного суда США, образованная распоряжением Л. Джонсона. Она работала десять месяцев, допросила более 550 свидетелей и опубликовала пространный доклад. Заговор выявить не удалось. Вывод состоял в том, что Кеннеди был убит маньяком-одиночкой Ли-Харви Освальдом, который стрелял из окна шестого этажа склада учебников из винтовки со снайперским прицелом. Мотивы преступления выявлены не были. Позже создавались новые комиссии, которые выдвигали всевозможные версии, но ни одна из них не представила убедительных доводов своей правоты.

Выявлялись, правда, факты, объяснить которые было невозможно. Главный из них состоял в загадочной смерти людей, которые были причастны прямо или косвенно к убийству Кеннеди. Сам Освальд, арестованный только после того, как он убил полицейского, пытавшегося его задержать по подозрению, был убит прямо в здании полиции далласским владельцем ночных клубов Джеком Руби. Сам же Руби, вроде бы здоровый человек, вскоре скончался в заключении от ракового заболевания. Возникали и другие вопросы. На них скорее всего никогда не будут найдены ответы.

В США имя Джона Кеннеди увековечено в названиях важнейших национальных объектов. Его именем назван крупнейший нью-йоркский аэропорт, являющийся главными воздушными воротами страны. Открытый в 1971 г. в Вашингтоне Центр исполнительских искусств им. Кеннеди включает семь театров и концертных залов. В Бостоне находится

Библиотека Джона Кеннеди с архивом и обширным музеем. Помнят о нем и в других уголках земного шара. На Соломоновых островах действует музей Кеннеди, экспонаты которого в основном связаны с его участием во Второй мировой войне в этом регионе. А в соседней с США Канаде находится пик Кеннеди.

Опросы, проводимые среди американцев, показывают, что в числе крупнейших президентов страны они неизменно называют имя Джона Фицджеральда Кеннеди.

Основные издания:

Геевский И. А. Президент Джон Кеннеди: Убийство века — загадка века. М., 1999.

Дубова Л. Л., Чернявский Г. И. Клан Кеннеди. М., 2014.

Яковлев Н. Братья Кеннеди. М., 2003.

Brinkley A. John F. Kennedy. New York, 2012.

Dallek R. An Unfinished Life: John F. Kennedy, 1917–1963. Boston, 2003.

O'Brien M. John F. Kennedy: A Biography. New York, 2005.

Schlesinger A. Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. Boston, 2002.

ЛИНДОН ДЖОНСОН

27 августа 1908— 22 января 1973

36-й президент:

22 ноября 1963 — 20 января 1969

Из всех «случайных президентов» Линдон Джонсон был наиболее подготовленным для занятия высшего поста в стране. Но, оказавшись на нем, он фактически лишь реализовывал начинания Джона Кеннеди, причем некоторые инициативы доводил до той чрезмерной степени, что именно в

его правление в США начал формироваться паразитический социальный класс, дальнейшее существование и развитие которого ставит под угрозу само существование США как мощного и внутренне цельного государства. Во внешней политике Джонсон отличился тем, что втянул страну в затяжную и кровопролитную войну в Юго-Восточной Азии.

Линдон Бэйнс Джонсон (*Lyndon Baines Johnson*) родился в семье фермеров Самюэля и Ребекки Джонсон в штате Техас. Семья была среднего достатка, но она гордилась своими предками — первооткрывателями здешних мест. Родителям особенно приятно было, что ближайший к ферме городок носил в честь их предков название Джонсон-Сити. У Линдона были младший брат Сэм и три сестры. Сэм Джонсон смог стать богатым бизнесменом, но позже почти полностью разорился, превратившись в алкоголика. Отношения между братьями были напряженными и подчас прерывались. Сестры вышли замуж и в общественной жизни не участвовали, с ними и их мужьями Линдон почти не поддерживал отношений.

Линдон успешно учился в средней школе Джонсон-Сити. Он многократно рассказывал одноклассникам о роли своих предков в освоении Техаса. Эти рассказы и общительный характер Линдона превратили его в юного общественника. Он стал президентом класса, участвовал в различных дебатах, причем не только в школе. Школу он окончил в 1924 г. В ней, однако, «не хватало» одного, выпускного класса, и аттестат не давал права на поступление в университет. Хотя сам Линдон не проявлял желания учиться дальше, родители настаивали, чтобы старший сын получил высшее образование и обеспечил себе карьеру. По их настоянию юноша поступил на подготовительные курсы Юго-Западного Техасского педагогического колледжа в городе Сан-Маркос, которые приравнивались к выпускному, 12-му, классу средней школы и давали право на дальнейшее обучение.

Завершив общее образование, Линдон в 1926 г. начал учиться в педагогическом колледже, который позже был преобразован в Техасский государственный университет. Он быстро пробился в первые ряды студентов своими выступлениями на всевозможных собраниях и митингах. Также он стал сотрудничать со студенческой газетой и вскоре стал ее главным редактором.

Жил он скромно. В 1928/29 учебном году он даже прервал на несколько месяцев учебу, чтобы заработать на дальнейшее обучение. Он договорился с начальством школы в городе Котулла (к югу от Сан-Антонио), в которой обучались неимущие дети мексиканского

происхождения, по разным причинам оказавшиеся в США. Опыт был, с его точки зрения, полезным. Он познакомился с тем, что такое нищета и как она калечит человеческую жизнь. Он приобрел опыт обучения неграмотных подростков, которые не испытывали особого желания получить образование. У Линдона постепенно вырабатывались леволиберальные взгляды, он ориентировался на необходимость активной государственной поддержки неимущих. Именно тогда у Джонсона стали складываться мысли об обществе «всеобщего благосостояния», как его стали называть.

Заработав деньги на дальнейшее обучение, Линдон вернулся в колледж и в 1930 г. завершил обучение, получив диплом, правда, без каких-либо отличий. Поселился он в городе Хьюстоне, где стал преподавать общественные дисциплины в средней школе. Однако учительство не привлекало Линдона, свое будущее он видел в политике и стремился приобщиться к высшим кругам общества. В Хьюстоне он примкнул к Демократической партии и стал часто выступать на собраниях, обвиняя республиканцев и президента Гувера в бедах, которые принесла народу Великая депрессия.

Его выступления привлекли внимание местного демократа Ричарда Клеберга, который в 1931 г. на внеочередных выборах (в связи со смертью депутата) был избран в Палату представителей от Техаса. Клеберг предложил молодому человеку стать его секретарем, и тот с радостью принял предложение. Неожиданно для себя Джонсон оказался в столице. Став техническим сотрудником парламентария, он обеспечил себе неплохое жалованье. Помимо этого, оказалось, что его хозяин не склонен к повседневной работе, не интересуется «мелочами», которые с удовольствием перепоручал секретарю.

Когда президентом стал Ф. Рузвельт, Джонсон проявил себя как активный и энергичный сторонник «нового курса», в котором видел путь к устранению социальных несправедливостей, хотя считал, что президент проводит собственный курс недостаточно последовательно. По инициативе 25-летнего технического секретаря возникло неофициальное объединение помощников и других служащих Капитолия, которое именовало себя «малым конгрессом» и обсуждало текущие проблемы, вынося свои квазирешения, то есть высказывая мнение, как следовало бы поступить в том или ином случае. Джонсон стал «спикером» этой группы. В течение нескольких лет он познакомился с некоторыми сотрудниками Белого дома, а затем привлек к себе внимание членов Палаты представителей и даже вице-президента Джона Гарнера, который также происходил из Техаса и с

любопытством следил за смышленным молодым человеком.

В 1933 г. Линдон познакомился со студенткой Джорджтаунского университета (фактически расположенного в Вашингтоне, хотя и вне пределов столичного округа Колумбия) Клаудией Тейлор, дочерью коммерсанта из Техаса, которая изучала право. Линдон удивился, когда услышал, что друзья называли девушку, которой исполнился 21 год, не по имени, а «Бёрд» («Птичка»). Вскоре выяснилось, что в возрасте двух лет так ее назвала черная кухарка, и с тех пор вместо имени все обращались к ней по этой кличке. Клаудиа вошла в историю как «леди Бёрд». Встречи длились примерно год. В ноябре 1934 г. состоялась свадьба. В браке родились две дочери — Линда-Бёрд и Люси-Бейнс. Супруга ни в малейшей степени не протестовала, что обеим дочерям были даны имена, инициалы которых совпадали с инициалами отца. Джонсон проявлял повышенное, пожалуй, даже болезненное самоуважение, что выразилось не только в именах дочерей: даже свою собаку он назвал соответствующим образом, а его инициалы *LBJ* значились на пепельницах и других предметах домашнего обихода и одежде. Это была мелочь, но мелочь показательная. Современники вспоминали, что со времени переселения в столицу у Джонсона развивалось стремление контролировать других и сосредоточивать в своих руках ту или иную власть.

Линдон начинал заниматься политикой непосредственно, пока на местном уровне. Посещая родной штат, он включился в деятельность техасского подразделения Национальной юношеской администрации, созданной Рузвельтом в рамках «нового курса», и в 1935 г. даже стал ее председателем. Руководство организации не смутило, что жил он в другом городе. Наоборот, техасские деятели сочли, что столичный чиновник сможет оказывать им эффективную помощь в создании лучших возможностей для нахождения работы и учебных заведений для молодежи штата.

В 1937 г. досрочно освободилось место в Палате представителей от Техаса, и Джонсон выдвинул свою кандидатуру, получив поддержку в городе Остине, центре избирательного округа, в котором проводились выборы. Он баллотировался под лозунгами «нового курса» и считался активным сторонником Рузвельта. Избрание в Конгресс явилось началом парламентской деятельности. Пять раз Джонсон избирался в Палату представителей, став одним из самых надежных проводников политики Рузвельта. Вскоре президент узнал о деятельности молодого конгрессмена и стал использовать его для проведения своих законодательных инициатив. Рузвельт несколько раз принимал Джонсона в Белом доме. Когда

президенту необходима была информация о ситуации в Техасе, он обычно прибегал к услугам Джонсона. Линдон работал в ряде комитетов палаты, даже в Комитете по ВМФ, хотя не имел ни малейшего представления о морских делах. По другим вопросам он проявлял большую компетентность, способствуя, в частности, выделению средств на строительные проекты в Техасе, электрификацию сельских районов ит. д. В отличие от многих других демократов, он полностью под держал попытку Рузвельта реформировать Верховный суд и сожалел, что она завершилась лишь компромиссом.

Консерваторы обвиняли Джонсона в социалистических симпатиях. Их инвективы были беспочвенны: конгрессмен выступал за сохранение и развитие большого бизнеса, считал естественным и необходимым, чтобы предприниматели получали заслуженную прибыль. В то же время он полагал, что государство должно контролировать частное предпринимательство, направляя усилия на помощь части населения, которая не была в состоянии обеспечить себе прожиточный минимум.

В 1940 г. кандидатура Джонсона была выдвинута в Сенат. Он конкурировал с губернатором Техаса Ли О'Дэниэлом и выборы проиграл — ему не хватило нескольких десятых процента. Понимая, что США неизбежно вступят в конце концов во Вторую мировую войну, Джонсон в июне 1940 г. стал членом военно-морского резерва и сочетал работу в Конгрессе с военной подготовкой. Когда же США действительно вступили в войну в декабре 1941 г., он обратился в Департамент ВМФ с просьбой о назначении на флот, но его решили использовать в качестве чиновника. Считая конгрессмена теперь компетентным в проблемах военного флота, департамент поручил ему инспектирование верфей в Техасе и на западном побережье.

Весной 1942 г. Джонсон был включен в комиссию по проверке ситуации в юго-западной части Тихого океана. Любопытно, что имя его было названо Рузвельтом, который явно считал Джонсона своим деятельным союзником. Выполняя поручение, Линдон несколько раз совершал полеты на боевых самолетах в районах военных действий, чтобы своими глазами увидеть, как вели себя команды экипажей, каковы боевые качества самолетов, как осуществлялось боевое взаимодействие. Он даже оказался под огнем противника, что было оценено Дугласом МакАртуром, представившим его к ордену Серебряной звезды. Джонсон оказался единственным членом инспекции, получившим боевой орден. Правда, он оказался неблагодарным по отношению к МакАртуру. Вернувшись в Вашингтон, он доложил президенту и руководству Конгресса о серьезных

недостатках в организации ВМС на Тихом океане и о значительной вине в этом самого МакАртура. Президенту Рузвельту была представлена подробная программа улучшения положения в регионе, в которой была подчеркнута необходимость значительно большей координации усилий «между различными командованиями и разными театрами военных действий».

После этой миссии авторитет Джонсона в Палате представителей резко повысился. Он возглавил Комитет по ВМФ, который в определенной мере напоминал теперь «комитет Трумэна» в Сенате, расследовавший случаи злоупотреблений и неэффективности в военной промышленности. Джонсон на какое-то время даже отступил от своих установок опоры на низшие слои населения. По его инициативе был подготовлен проект закона, который предусматривал призыв в вооруженные силы допускавших прогулы рабочих оборонных предприятий. Это предложение встретило отпор профсоюзных боссов, которым удалось заблокировать даже внесение проекта на рассмотрение палаты.

Оставаясь в Конгрессе, Линдон до июля 1942 г. считался находившимся в действующих вооруженных силах. Он получил новые медали, хотя это были награды фактически не за воинскую службу, а за содействие ВМФ в его боевых операциях. В военно-морском резерве Джонсон пребывал до 1964 г., и ушел в отставку в звании коммодора, уже будучи президентом.

Джонсон выдвинул свою кандидатуру в верхнюю палату в 1948 г., естественно, от штата Техас. Избирательная кампания была сложной, кандидат демократов, известный как сторонник прогрессивных реформ довоенного периода и «справедливого курса» Трумэна непосредственно после войны, теперь вел себя как умеренный консерватор, считаясь с настроениями в этом южном штате. Он одобрял антипрофсоюзный закон Тафта — Хартли, несмотря на то что Трумэн наложил на него вето (преодоленное Конгрессом). Он энергично участвовал в агитации, даже нанял вертолет, на котором быстро перемещался из одного района в другой. Само использование «джонсоновской мельницы», как прозвали это новое средство передвижения, в какой-то мере способствовало его кампании. Но победил он с огромным трудом. Позже появились свидетельства прямого обмана на выборах, подтасовки голосов на некоторых участках: только в графстве Бехзар, по утверждениям очевидцев, было «украдено» не менее 10 тыс. голосов.

Во всяком случае, Джонсон своего добился. В начале 1949 г. он появился в верхней палате Конгресса в качестве «молодого» сенатора. Он и

по возрасту не был старым. Ему шел 40-й год. Уже вскоре было отмечено, что новый сенатор энергично «ухаживает» за авторитетными «стариками», все более отходя от рузвельтовских принципов. Он примкнул к консервативной группе во главе с представителем Джорджии Ричардом Расселом и голосовал по всем вопросам в соответствии с его установками. Уже в 1950 г. Джонсон вошел в Комитет по армейской службе, вскоре стал его председателем и провел ряд расследований по вопросам государственных расходов на армию. Об обнаруженных недостатках Джонсон сообщал прессе, и вскоре его имя стало появляться на первых полосах ведущих газет. Более того, администрация Трумэна сообщила, что расследования комитета Джонсона приняты во внимание и по ним будут изданы соответствующие распоряжения. После выборов 1950 г., на которых Демократическая партия добилась большинства, а Трумэн избран президентом, Джонсон стал вторым лицом в сенатской фракции. Он был избран уипом (*whip* — хлыст) демократов. Эта должность с ироническим названием предусматривала помощь лидеру фракции в информировании сенаторов о проводимых мероприятиях, в подсчете голосов. Уип подчас даже заменял лидера фракции, когда тот отсутствовал. Это позволило Линдону сблизиться с руководителем фракции демократов Эрнестом МакФарландом из Аризоны, который пользовался широким влиянием. Он был одним из проводников закона о правах демобилизованных военнослужащих, и его даже часто называли «отцом закона о джи-ай», хотя на самом деле «отцом» этого акта был президент Рузвельт.

На промежуточных выборах 1952 г. большинство в Конгрессе завоевали республиканцы. Потерпел поражение и шеф Джонсона МакФарланд (вместо него был избран крайне консервативный республиканец Барри Голдуотер, который позже будет безуспешно бороться за президентский пост). В январе 1953 г. Джонсон был избран лидером меньшинства и стал самым молодым сенатором, который когда-либо получал этот пост. Первые его шаги в новом качестве были чуть ли не революционными. Издавна существовала система старших и младших сенаторов, определяемая годами пребывания в палате. От старшинства зависело выдвижение в комитеты, на посты их председателей и другие продвижения. Линдон предложил покончить с этой системой, считать всех сенаторов равными. Его предложение было принято, хотя при сопротивлении со стороны «стариков».

Победа демократов на выборах 1954 г. привела к тому, что Джонсон стал лидером сенатского большинства. Как такового его стал принимать президент Эйзенхауэр, с которым новый лидер сотрудничал, несмотря на то

что принадлежали они к разным партиям. Политические аналитики отмечали большой вклад Линдона Джонсона в то, что политика Эйзенхауэра, особенно в международной области, носила двухпартийный характер.

В 1956 г., когда возник Суэцкий кризис и на территорию Египта вступили войска Великобритании, Франции и Израиля, в Конгрессе раздавались требования осудить эти действия как нарушающие суверенитет Египта. Джонсон приложил все силы, чтобы не допустить даже постановки этого вопроса на обсуждение, и добился успеха. Когда наметилось соревнование с СССР в космосе, Джонсон содействовал принятию в июле 1958 г. закона о создании НАСА, задачей которого было обеспечить приоритет США в этой области.

Если иметь в виду, что в Сенате США не существует должности председателя (эту обязанность исполняет вице-президент), становится ясным, что лидерство во фракции большинства превращало Джонсона в одного из ведущих политиков страны. Биографы Джонсона полагают, что он был самым эффективным лидером парламентского большинства во всей американской истории. Такого рода суждения спорны, но тот факт, что Линдон был весьма информированным и волевым руководителем фракции, безусловен. Современники обращали внимание, с какой тщательностью он собирал информацию о каждом члене фракции, его поведении на заседаниях и вне их, его интересах, сильных сторонах и недостатках. С членами фракции он обращался как требовательный наставник, добиваясь фракционной дисциплины и единодушного голосования. Нередко он строго разъяснял правила поведения Джону Кеннеди, который особой организованностью не отличался.

В памяти многих сенаторов-демократов надолго оставались сеансы «лечения», как называли индивидуальные беседы с ними руководителя фракции. Вопреки американской привычке находиться на определенном расстоянии от собеседника, Джонсон, когда он был кем-то недоволен, приближал к нему вплотную свое лицо и злобным шепотом выговаривал по поводу то ли пропусков заседаний, то ли неудачного высказывания перед журналистами, то ли появления в общественном месте в нетрезвом виде. Собеседники поражались, откуда у него была информация, так как речь заходила не только о последнем прегрешении, но и о предыдущих неблагоприятных поступках.

При этом Джонсон научился своего рода актерской игре: он обвинял, выражал презрение, насмехался, иронизировал, порой даже выражал сочувствие, но так, что собеседник все равно чувствовал себя виновным.

Такого рода беседы происходили в самых неожиданных местах: в кабинете Джонсона, в обеденном зале, в перерыве между заседаниями в коридоре и иногда даже на ранчо, которое Джонсон унаследовал от родителей. По поводу этих «лечений» можно только высказать предположение, что сами сенаторы нередко выступали доносчиками друг на друга, а это руководитель фракции всячески поощрял. Властность натуры проявлялась во все большей степени.

До середины 50-х гг. Джонсон был заядлым курильщиком. Однако после того как 2 июля 1955 г. у него произошел сердечный приступ, связанный, видимо, не только с курением, но и с интенсивной работой, он решительно отказался от вредной привычки. В конце того же года врачи констатировали возвращение сердечной деятельности к норме.

Успешная работа в Сенате рассматривалась большинством современников как этап на пути к президентской кампании. Уже на партийном съезде 1956 г. его называли «любимым сыном Техаса», хотя сам Джонсон не считал тогда, что условия для выдвижения сложились. Состязаться с Эйзенхауэром, выдвинувшим свою кандидатуру вторично, он не был в состоянии. Когда же приблизился очередной срок президентских выборов, Джонсон был готов вступить в бой. Он знал о намерениях Дж. Кеннеди выдвинуть свою кандидатуру и выжидал, надеясь, что тот допустит какую-либо фатальную ошибку, которая позволит ему стать демократическим номинантом. Разного рода предварительные игры, ставившие цель скомпрометировать Кеннеди, результата не дали. Штаб Кеннеди оказался способным даже любовные авантюры использовать в его пользу.

После колебаний Джонсон в июле 1960 г. вступил в предвыборное состязание. Оказалось, однако, что к этому времени основная часть партийных организаций была на стороне Кеннеди. Опытный Джонсон почти сразу понял, что его шансы стать демократическим кандидатом невелики. Он, правда, довольно энергично критиковал Кеннеди и по поводу его молодости, и в связи с плохим состоянием здоровья, и за легкомысленное поведение с многочисленными девицами. Сам Линдон и его сторонники противопоставляли политически слабому «красавчику» опытного и твердого государственного руководителя. Джонсон попытался создать коалицию под лозунгом «Остановить Кеннеди», но его попытки переговоров с видными партийными деятелями Э. Стивенсоном, Х. Хамфри и другими на эту тему к результатам не привели. Опытный парламентарий на этот раз в погоне за номинацией не проявил дальновидности. Предвыборный съезд демократов выдвинул Кеннеди на

пост президента. Перед съездом и в его начале Кеннеди колебался относительно кандидатуры в вице-президенты.

Он перебирал фамилии партийных деятелей, но ни один из них его не устраивал по разным причинам. В конце концов он остановился на наиболее известном партийном деятеле и одном из кандидатов в президенты, то есть на Линдоне Джонсоне. Последний пользовался поддержкой не только в Техасе, но и в других штатах юга. Его усиливавшийся консерватизм должен был послужить противовесом либерализму самого Кеннеди. Джонсон был популярен и среди северных демократов, которые ценили его организаторские качества.

Кеннеди, однако, крайне сомневался, примет ли Джонсон его предложение, не сочтет ли его за оскорбительную подачку. Роберт Кеннеди полагал, что его брат предложил Джонсону номинацию «из вежливости», и надеялся, что тот от нее откажется. Сам Роберт считал наилучшим кандидатом в вице-президенты председателя АФТ Уолтера Рейтера. Суждения Р. Кеннеди можно поставить под сомнение, но тот факт, что от Джонсона ожидался, скорее всего, отрицательный ответ, вполне вероятен.

Кеннеди встретился с Джонсоном наутро после собственной номинации. Получив предложение, Джонсон, к удивлению Кеннеди, не ответил отказом, а попросил разрешения подумать. После кратких консультаций с элитой своего штата он дал согласие баллотироваться вместе с Кеннеди, хотя в предыдущие месяцы оба они отзывались друг о друге не весьма благоприятно. Это согласие многим показалось удивительным, ибо Джонсон являлся влиятельным и авторитетным политиком, был хорошо известен стране. Теперь же в случае победы ему предстояло занять пост, о котором большинство американцев знают лишь, что он существует. Единственное, на что мог надеяться Джонсон, — это выдвижение кандидатом в президенты через восемь лет, ибо никто не сомневался, что Кеннеди будет баллотироваться в президенты второй раз, если добьется успеха в 1960 г. Преодолев колебания, Джонсон пошел на блок с Кеннеди.

После избрания 8 ноября 1960 г. и вступления в должность властолюбивый Джонсон чувствовал себя обделенным. На его долю оставалась восьмилетняя «полуспячка» при молодом и активном президенте. Он попытался расширить полномочия вице-президента и почти сразу после инаугурации представил Кеннеди проект исполнительного распоряжения, предоставлявшего вице-президенту право «общего руководства» делами, связанными с национальной безопасностью, и требовавшего от правительственных учреждений «полного сотрудничества

с вице-президентом в выполнении связанных с этим задач». Джонсона, однако, ждало разочарование: вместо распоряжения Кеннеди обратился к Джонсону с неофициальным письмом, в котором просил его «вести наблюдение» над делами, связанными с национальной безопасностью. Точно так же Кеннеди отверг просьбу Джонсона предоставить ему кабинет в Белом доме. После этого Джонсон буквально затаился и появлялся в президентской резиденции только по вызову, что происходило нечасто. Более того, в непосредственном окружении Кеннеди к Джонсону относились недоброжелательно и даже высмеивали его грубые манеры и властолюбивый характер. Пример в этом подавал генеральный прокурор Роберт Кеннеди, который фактически стал вторым лицом в государстве. Конгрессмен О'Нил вспоминал, что «люди Кеннеди... просто получали удовольствие, унижая его [Джонсона]». Вице-президент не принимал никакого участия в делах, связанных с опаснейшим Кубинским кризисом 1962 г. Сам Кеннеди, правда, несколько осаживал своих соратников. Он давал Джонсону отдельные задания, а Роберту и другим членам команды разъяснял: «Я не могу позволить себе иметь вице-президента, который знает каждого репортера в Вашингтоне, чтобы он расхаживал везде, говоря, что все мы слегка подвыпили, так что надо, чтобы он чувствовал себя довольным».

Основное поручение, которое получил Джонсон, состояло в руководстве Комитетом по равным возможностям рабочего найма — одного из органов, созданных для частичного преодоления расовой сегрегации. Хотя вначале предполагалось, что эта работа будет чисто номинальной, Линдон проявил присущую ему активность. По мнению современников, комитет под руководством Джонсона толкал администрацию вперед в решении проблем, связанных с гражданскими правами черного населения. Его инициативы, которые, впрочем, скрывались под видом активности комитета как такового, вызвали даже удивление у братьев Кеннеди, которые полагали, что Джонсон как представитель южного Техаса будет отстаивать консервативную позицию. По-видимому, у вице-президента всплыли в памяти установки «нового курса», сторонником которого он когда-то был.

Джонсон совершил несколько малозначительных дипломатических поездок, которые позволили ему лучше ознакомиться с глобальными проблемами и в то же время удовлетворяли его самолюбие. В реально сложившихся условиях ему было весьма приятно, когда на аэродромах в его честь исполняли государственный гимн США и перед ним проходили части почетного караула. Но особенно почетным для Джонсона стало

назначение его руководителем Национального совета по аэронавтике и космическому пространству. Именно под его руководством был подготовлен первоначальный проект высадки американских астронавтов на Луне к 1970 г. Программа была представлена Конгрессу и всему народу США от имени Кеннеди, и Джонсон довольствовался тем, что в основе лежал проект, которым руководил он сам.

Когда Кеннеди отбыл в злосчастную поездку в Техас в ноябре 1963 г., он еще не решил вопроса о вице-президенте на свой второй срок. Но его гибель 22 ноября решила вопрос уже о президентстве. В США было хорошо известно, что Джонсон стремился занять в будущем президентский пост. Когда же это произошло, стали распространяться злобные слухи о его причастности к убийству Кеннеди. Появился даже анекдот о том, что вице-президент, следовавший в другой машине вслед за машиной Кеннеди в Далласе, за несколько секунд до выстрелов заткнул себе уши. Подразумевалось, что он точно знал, когда и где президент будет убит. Разумеется, ни в один из документов, связанных с официальными расследованиями, подозрения в адрес Джонсона не вошли.

На борту президентского самолета в третьем часу ночи 23 ноября 1963 г. Линдон Джонсон принес клятву верности перед окружным судьей Сарой Хьюз, являвшейся другом его семьи, и стал президентом США. Весь мир облетела фотография этой церемонии, причем в центре находился не Джонсон, а Жаклин Кеннеди, остававшаяся в окровавленном платье. Впоследствии Джонсона упрекали, что он слишком поторопился в принесении президентской клятвы, что можно было подождать до прибытия в Вашингтон, он же отвечал, что все вокруг были убеждены, что убийство — это часть грандиозного заговора, и необходимо было предпринять молниеносные меры, чтобы страна не оставалась без высшего политического руководителя и Верховного главнокомандующего.

Атмосфера всеобщей скорби по погибшему президенту предопределила характер политики Джонсона после вступления на высший пост. Через несколько дней, когда окончился траур, Джонсон выступил перед Конгрессом с заявлением: «Никакие памятные речи или некрологи не в состоянии более эффективно почтить память президента Кеннеди, чем скорейшее принятие закона о гражданских правах, за который он боролся длительное время». Именно в качестве наследника и продолжателя дела Кеннеди Джонсон вступал в первые годы своего президентства, так полностью и не оставив этот образ до конца своего пребывания у власти.

Джонсон выступил инициатором первых актов, направленных на увековечение памяти Кеннеди, причем он пошел даже на нарушение

традиции не называть именами людей географические местности. Через неделю после убийства Кеннеди центр ПАСА на мысе Канаверал во Флориде был переименован в Космический центр им. Дж. Кеннеди, а сам мыс получил название мыса Кеннеди. Только через десять лет власти спохватились, что переименование мыса не соответствовало национальной традиции, и ему было возвращено первоначальное название. Тогда же была сформирована исполнительным распоряжением президента Комиссия по расследованию убийства президента и других соответствующих актов конспирации, которую возглавил председатель Верховного суда Эрл Уоррен. О результатах работы этой комиссии уже говорилось.

Джонсон объявил, что он сохранит прежний состав правительства. Он оставил генеральным прокурором Роберта Кеннеди, несмотря на то, что между ними были напряженные отношения. Правда, в 1964 г. Р. Кеннеди оставил этот пост, чтобы баллотироваться в Сенат. Руководителей ведомств властный Джонсон рассматривал не столько в качестве ответственных организаторов соответствующих отраслей государственного руководства, сколько как собственных помощников. Принятие решений, их передача по инстанциям, контроль за исполнением сосредоточивались в Белом доме.

Непосредственные усилия были действительно направлены на реализацию начатых, но не завершенных исполнением инициатив Кеннеди. Прежде всего решено было провести меры по сокращению налоговых тягот. Эта задача была неотделима от другого сокращения — государственных расходов. Уже в конце февраля 1964 г. удалось провести через Конгресс закон о государственном бюджете на 1964 г., подписанный президентом 26 февраля. Этот закон, известный также как Акт о налогах, предусматривал сокращение налогов на хозяйственные предприятия и объединения и др. с 52 % до 48 %. Полностью освобождались от уплаты налогов лица с доходами, не превышавшими 1000 долларов в месяц. Существенно уменьшены были также чрезвычайные налоги — на наиболее высокие доходы и крупные наследства. Вместе с тем были значительно уменьшены ассигнования, выделяемые отдельным ведомствам. Объективные экономические факторы, связанные с хозяйственным циклом, вместе с предпринятыми государственными мерами позволили сократить безработицу с 5,2 % в 1964 г. до 4,5 % в 1965 и 3,8 % в 1966 г. Это дало возможность снизить государственные затраты на социальные расходы. Обещание Кеннеди сократить расходную часть госбюджета не менее чем на 100 млрд долларов было выполнено.

Уже в самом конце 1963 г. Джонсон объявил о предстоящей разработке комплекса мероприятий и законопроектов, которые он обозначил как

элементы войны против бедности. В марте 1964 г. он направил в Конгресс проект закона, в соответствии с которым создавался Рабочий корпус и выдвигалась программа действий на местах. Рабочий корпус в определенной степени напоминал программы общественных работ периода «нового курса» Ф. Рузвельта и являлся организатором таких работ безработной молодежи в возрасте от 18 до 26 лет, которая в то же время получала общее образование и какую-либо производственную квалификацию. В соответствии с еще одной программой создавались группы добровольцев, помогавших безработным в поиске работы, получении новой квалификации или овладении производственной специальностью.

Первые успехи помимо прямых задач имели цель повысить доверие к новому президенту, они также позволили Линдону ускорить работу в Конгрессе над законом о гражданских правах. Джонсону хорошо была знакома применяемая в таких случаях тактика консерваторов юга: затягивание обсуждения проектов в комитетах, выдвижение поправок, ставивших целью превратить закон в очередной мыльный пузырь. Важно было добиться перехода от обсуждения в комитетах к постановке законопроекта на рассмотрение палат.

Используя личные связи в Конгрессе, беседуя с отдельными членами Палаты представителей и сенаторами, давая им обещания, обычно неопределенного характера, Джонсон добился успеха. Ему удалось привлечь на свою сторону республиканцев, представлявших северные штаты, в результате чего закон о гражданских правах, который рассматривался как детище Кеннеди, но в то же время стал законом Джонсона, был принят обеими палатами. И в Палате представителей, и в Сенате он был утвержден подавляющим большинством голосов. Закон был подписан президентом 2 июля 1964 г.

Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения определила закон как «гигантский шаг вперед». О том, что в США серьезно изменялось отношение белой общественности к расовому вопросу, свидетельствовал тот факт, что закон поддержало свыше 70 % американцев. Новый акт определял, что права человека стоят выше права собственности, что в том случае, если штаты окажутся не в состоянии их защитить, обеспечивать их будет федеральное правительство. Устанавливались стандартные процедуры регистрации избирателей и запрещалось отказывать в регистрации из-за мелких ошибок при заполнении бланков. Владельцам гостиниц, мотелей, ресторанов, заправочных станций, увеселительных заведений запрещалось отказывать посетителям из-за их

расовой принадлежности. Каждый, считающий себя жертвой дискриминации, получал право обратиться в федеральный суд. Департамент юстиции был уполномочен возбуждать иски в связи с фактами сегрегации в любом общественном учебном заведении. До полной фактической ликвидации расовой дискриминации, в частности сегрегации, было еще далеко. Но теперь она была объявлена грубым нарушением закона и США вступили на путь реального обеспечения равных гражданских прав, как значилось в Конституции. Пройдет определенное время, и в стремлении каким-то образом не допустить намека на дискриминацию черного населения возникнет «обратная дискриминация» — ущемление прав белых граждан при конкуренции с черными — при найме на работу, особенно в государственные учреждения, и приеме в учебные заведения...

Закон о гражданских правах и другие акты, принятые в 1964 г., были использованы Джонсоном на выборах, состоявшихся в том же году. Его положение облегчил тот факт, что кандидатом Республиканской партии стал ультраконсерватор Б. Голдуотер, и теперь Джонсон мог позиционировать себя не как левый деятель, а как представитель центра, что было наиболее удобно и выгодно. В ходе предвыборной кампании был выдвинут лозунг создания «великого общества». Этот термин Джонсон впервые упомянул в мае 1964 г. в выступлении в университете штата Мичиган в городе Энн-Арбор. Сам по себе лозунг был своего рода незаполненной формой, и каждая группа избирателей вкладывала в него свое содержание. В своих выступлениях президент говорил лишь об отдельных элементах «борьбы за великое общество»: обновлении городов, совершенствовании транспортной системы, борьбе с преступностью, реформе здравоохранения и просвещения, борьбе за преодоление бедности, сохранении природы и охране окружающей среды.

В критике Голдуотера сторонники Джонсона не жалели красок, временами доходя до прямой грубости, изображая его не только поджигателем ядерной войны, но и тупицей-солдафоном.

На выборах 3 ноября Джонсон добился внушительной победы. За него голосовали 43,1 млн человек (61,1 %). Голдуотера поддержали 27,1 млн (38,5 %). Республиканец добился победы только в шести штатах Юга. В избирательной коллегии сторонники Джонсона имели 486 мест, а поддерживавшие Голдуотера — 52. Демократическая партия серьезно увеличила свое представительство в обеих палатах Конгресса (295 против 140 и 68 против 32), обеспечив Джонсону надежное проведение программы «великого общества». У президента явно были соблазны называть

предлагаемые им мероприятия своими собственными изобретениями. Но у него хватило разума, очевидно под влиянием советников, унаследованных от предыдущей администрации, продолжать называть себя лишь исполнителем воли Кеннеди, культ памяти которого сохранялся. Он начал свое оформленное выборами президентство заявлением о намерении «проводить в жизнь планы и программы Джона Кеннеди. Не в силу нашей печали или сочувствия, а потому, что они правильны».

Убедившись, что закон о гражданских правах не встретил серьезного сопротивления на местах, Джонсон принял решение дополнить его конкретизацией в определенной области — в вопросе об избирательных правах. Необходимость такого нового закона предопределялась, по мнению Белого дома, тем, что на юге значительная часть неграмотного или малограмотного черного населения, как и раньше, не участвовала в выборах. Отчасти это происходило по традиции, отчасти в результате косвенных законодательных мер, которые по существу оставались дискриминационными (налог на право голосования, проверка уровня образования, ценз оседлости и т. д.). Собственно говоря, в этих мерах как таковых была своя логика, ибо от избирателей ожидалось, что они сознательно отдадут голоса кандидатам, которых предпочитали по тем или иным причинам, а для этого требовался минимальный имущественный и образовательный уровень. Но в южных штатах все еще практиковалось выборочное применение законодательства в ущерб черным, тогда как на севере уже развertyвалась порочная практика «обратной дискриминации».

Стремясь обеспечить действительные права для всех взрослых американцев, администрация Джонсона внесла в Конгресс законопроект об избирательных правах, который при демократическом большинстве был утвержден быстро (за него голосовала и часть республиканцев, традиционно выступавших в защиту афроамериканцев). Закон об избирательных правах был принят подавляющим большинством голосов в обеих палатах и подписан Джонсоном 6 августа 1965 г. Он предусматривал конкретные меры, обеспечивающие право голосования всех граждан США, достигших 21 года (позже избирательный возраст был снижен до 18 лет). Помимо общих положений, объявлялись незаконными проверки грамотности. При этом разумные возражения по поводу того, что безграмотные люди неспособны участвовать в политике, каковой является избрание должностных лиц, на что еще впервые указывал А. Линкольн, потонули в столь же справедливых указаниях на расистское толкование этих «тестов грамотности» на юге. Закон предусматривал, что представители национальных меньшинств должны получать

избирательные бюллетени и другие материалы на двух языках. Намечались и другие меры недопущения произвола на выборах.

Результат введения в жизнь этого закона был весьма ощутимым. За десятилетие число афроамериканцев, избранных на государственные должности в масштабах федерации и отдельных штатов, утроилось. Оно приблизилось к реальной пропорции белого и черного населения в отдельных штатах, в частности на юге, где в ряде случаев в легислатурах сформировалось афроамериканское большинство.

Наступление на нарушителей гражданских прав продолжалось. В 1968 г. был принят еще один закон о гражданских правах, который на этот раз провозглашал равные права на жилище независимо от расы, национальности и религиозной принадлежности. Еще до этого, в 1967 г. юрист и борец за гражданские права Тэргуд Маршалл стал первым черным членом Верховного суда США, а руководителем нового Департамента жилищного строительства и городского развития Джонсон назначил другого афроамериканца — Роберта Вивера, ставшего первым в истории США черным министром.

Однако оказалось, что расовые конфликты еще отнюдь не преодолены. Время от времени в южных городах вспыхивали расовые бунты, провоцируемые черными экстремистами, которые порой доходили до требований создания на территории США «афроамериканского государства». Положение еще более обострилось, когда 4 апреля 1968 г. был убит Мартин Лютер Кинг. Узнав об этом преступлении, черные радикалы спровоцировали в ряде городов не просто волнения, а фактически гражданскую войну. Наиболее опасные столкновения имели место в Вашингтоне и соседнем с ним Балтиморе. Полиция оказалась не в состоянии справиться с недовольными, тем более что ее значительную часть составляли негры. Джонсон вынужден был призвать на помощь воинские части численностью свыше 13 тыс. человек. В результате подавления беспорядков было убито 12 человек, свыше 100 ранено. Было ясно, что законодательство о гражданских правах необходимо реализовывать осторожно, не допуская перекосов ни в одну, ни в другую сторону. В своем стремлении обеспечить черному населению подлинное равенство возможностей президент Джонсон явно не учел реальных последствий собственных действий. Но скорректировать законодательство было уже нереально.

Провозглашая, что он продолжает политику Кеннеди, Джонсон после выборов 1964 г. подтвердил свое намерение широко развернуть «войну против бедности», которая должна была стать второй основной частью

создания «великого общества». Критики этой программы обращали внимание на слишком большую пропагандистскую составляющую: поставленные задачи являются само собой разумеющимися для любого современного общества, и ничего «великого» в этом нет. Реальные же элементы программы носили противоречивый характер. С одной стороны, они действительно способствовали тому, что к 1969 г. по сравнению с 1963-м доля американцев, живших ниже прожиточного уровня, понизилась с 23 % до 12 %. Однако основное внимание обращалось не на стимулы к началу или возобновлению трудовой деятельности, а на оказание помощи людям, которые пребывали в нужде или выдавали себя за таковых.

Джонсон внес в Конгресс ряд законопроектов, которые обеспечивали так называемый велфер (благополучие). Все его предложения были одобрены демократическим большинством. Это был комплекс программ оказания помощи со стороны государства и штатов неимущим и малоимущим. В программу входили денежные пособия пожилым, выплаты по безработице, частичное государственное финансирование жилья (подчас до 80–90 % оплаты), предоставление купонов на питание — так называемых фуд-стемпов, бесплатное лечение неимущих (медикэр) и оплата части расходов малоимущим (медикейд), полностью или частично бесплатные лекарства. Можно встретить утверждение, что на фудстемпы можно было купить только самые дешевые продукты, но это не соответствует действительности. На самом деле они принимались (и принимаются) к оплате за любые пищевые продукты, включая деликатесы. На них нельзя покупать только спиртные напитки.

Хотя программа борьбы с бедностью носила гуманный характер, она вела к тому, что в США стал сравнительно быстро развиваться паразитический класс — большая группа людей, не участвующих в создании материальных или духовных ценностей, не участвующих реально в общественной жизни, а живущих на пособия, причем на уровне высшей прослойки низшего или даже низшего уровня среднего класса. Такой образ жизни вполне устраивает подавляющую часть класса, являющегося коллективом иждивенцев государства, то есть всего общества.

Линдону Джонсону и его советникам крайне трудно было определить отдаленные социальные последствия проводимых ими реформ. Однако эти последствия оказались весьма показательными. По данным Департамента здравоохранения США, в 2011 г. 23 % женщин и 19 % мужчин в возрасте от 16 до 64 лет существовали на социальную помощь. Какие бы то ни было государственные меры для реального преодоления этой весьма опасной тенденции, начало которой было положено политикой Джонсона, вплоть до

последнего времени не предпринимались.

Главным элементом внешней политики Джонсона стала война в Юго-Восточной Азии — во Вьетнаме и соседних с ним Лаосе и Камбодже. Особенно трудной и запутанной была ситуация во Вьетнаме, южная часть которого находилась под покровительством США, а северная была под властью коммунистов. Со 2-й половины 50-х гг. с территории Северного Вьетнама на юг направлялись регулярные войска, действовавшие в джунглях вместе с партизанскими отрядами Вьетконга (Фронта национального освобождения Южного Вьетнама).

Еще Кеннеди санкционировал увеличение в Южном Вьетнаме численности американских военных, которые лишь формально числились инструкторами и консультантами. Кеннеди, а за ним Джонсон попали в заколдованный круг: с одной стороны, они не хотели, чтобы американцы участвовали в военных действиях и ограничивались бы лишь помощью южным вьетнамцам и их соседям в Лаосе и Камбодже, а с другой — было ясно, что их пассивные действия означают поражение Южного Вьетнама.

Джонсон, как и его предшественник, придерживался «теории домино», согласно которой приход к власти коммунистов в какой-либо стране (в данном случае во Вьетнаме) неизбежно приведет к аналогичным событиям в соседних странах, что в конечном счете будет означать весьма опасное расширение коммунистического влияния на значительную часть земного шара, прежде всего в Азии, Африке и Латинской Америке.

Второго и 4 августа 1964 г. произошел так называемый Тонкинский инцидент, когда, по данным американской стороны, северовьетнамские торпедные катера атаковали в Тонкинском заливе военные корабли США. Ситуация была неясной, в докладах были сведения, что произошла ошибка, что атаки не было, что за вьетнамские силы были приняты помехи в радиосигналах. Но Джонсон приказал нанести авиаудары по морским базам Северного Вьетнама и по нефтехранилищу. Операция была проведена 5 августа и стала первым налетом на Северный Вьетнам американской авиации, за которым последовали новые.

Одновременно Джонсон обратился к Конгрессу с заявлением об агрессивных акциях Северного Вьетнама против США. 7 августа на совместном заседании палат был принят документ «О положении в Юго-Восточной Азии», получивший в обиходе название Тонкинской резолюции. Подписанная президентом 10 августа, она предоставляла ему право использовать любые меры, включая боевые действия, для обеспечения свободы стран Юго-Восточной Азии. Летом 1965 г. Джонсон принял решение об увеличении американского контингента во Вьетнаме до 540

тыс. человек. Кроме того, он санкционировал использование во Вьетнаме сухопутных войск. ВВС США развернули бомбардировки столицы Северного Вьетнама Ханоя и других городов, причем не делая различия между военными объектами и жилыми кварталами.

Тем временем Джонсону докладывали о малой эффективности бомбардировок: они то прекращались, то возобновлялись, но реального воздействия на соотношение сил не оказывали. Участие американских военных в операциях в джунглях вело к росту потерь. В США все чаще прибывали самолеты с гробами солдат и офицеров. Из Южного Вьетнама поступали сообщения о разложении правительственной армии и коррупции местных чиновников. Недовольство росло, и даже председатель сенатского Комитета по вооруженным силам Р. Рассел в июне 1966 г. заявил, что «настало время убираться отсюда», то есть из Вьетнама. Президент ответил, что он стремится «дать максимальный отпор коммунистической агрессии при минимальных расходах с нашей стороны».

Со 2-й половины 1966 г. в США стало развиваться массовое движение за вывод войск из Вьетнама. Создавались разного рода антивоенные организации, проводились марши протеста, в том числе возле Белого дома. Часто марши завершались кровавыми столкновениями с полицией. Резко изменились настроения общества: данные Института Гэллапа, занимающегося обследованием общественного мнения, свидетельствовали, что в июле 1967 г. 52 % населения осуждали действия Джонсона в ведении войны во Вьетнаме и только 34 % считали, что он добивается хотя бы какого-то успеха. За рубежом Джонсона осуждали как поджигателя войны, причем острая критика шла не только из коммунистических и леволиберальных кругов. Всемирно известный философ Бертран Рассел назвал политику Джонсона «варварской, агрессивной и завоевательной войной» и выступил инициатором создания Международного суда над военными преступниками.

Президент несколько раз заявлял, что вся кампания организована советской агентурой, что опровергалось докладами ЦРУ и ФБР. В этих условиях отказаться от бомбардировок и начать вывод американских войск из Вьетнама означало признание не только поражения США, но и провал политики Джонсона как президента и личности. Этого он никак не мог допустить. Военные усилия США постоянно усиливались, росла численность американских войск, военные действия активизировались. Правда, заручившись неохотным согласием президента, госсекретарь Раск поручил своим сотрудникам начать секретные переговоры с представителями Северного Вьетнама в Варшаве об условиях прекращения

военных действий. Однако каких-либо позитивных результатов эти беседы до конца президентства Джонсона не дали.

Репутация Джонсона резко упала, несмотря на его интенсивные усилия по «войне против бедности» и безуспешные попытки добиться победы во Вьетнаме. Джонсон порой приходил чуть ли не в бешенство. Он заявил Роберту Кеннеди, который резко критиковал его вьетнамскую политику и фамилия которого все чаще называлась в качестве наиболее вероятного кандидата Демократической партии на президентских выборах 1968 г.: «Я просто уничтожу вас и всех ваших голубей», — добавив, впрочем, для ясности: «Через шесть месяцев вы будете политическими трупами».

Однако политическим трупом скорее становился сам Джонсон. Он вынужден был прекратить публичные выступления, так как спецслужбы предупреждали его, что любое такое выступление может завершиться трагически. Демонстранты сжигали призывные повестки и даже государственные флаги США. По всей стране распевали песенку:

Hey, hey, LBJ,
How many kids did you kill today?

Привет, привет, Эл-Би-Джей^[7], тебе от всех солдат.
Скажи нам, сколько ты сегодня погубил ребят.

Перевод Л. Шустера

В этих условиях президент вынужден был реагировать. Он сменил командование американских войск в Индокитае, назначил нового военного секретаря и 31 марта выступил по телевидению с речью «Шаги к ограничению войны во Вьетнаме». Он объявил о прекращении бомбардировок Северного Вьетнама и готовности в любой момент начать мирные переговоры. Но наиболее сенсационное сообщение он приберег под конец выступления: «Я не буду просить, и я не приму номинации со стороны моей партии на новый срок в качестве вашего президента».

В мае 1968 г. в Париже были начаты переговоры о прекращении войны во Вьетнаме, которые почти сразу столкнулись с непримиримыми позициями сторон. Они были прерваны и заменены негласными секретными встречами в том же Париже. Последние оказались более плодотворными, но уже при новом президенте Ричарде Никсоне.

Так участие США в зашедшей в тупик Вьетнамской войне и порожденный ею внутривластный кризис оказались той преградой, которую президент Джонсон оказался не в состоянии преодолеть. Американцы были людьми сердобольными: на следующий день после его выступления Институт Гэллапа сообщил, что процент сочувствовавших Джонсону повысился с 36 до 49.

Во время предвыборной кампании 1968 г. Демократическая партия находилась в состоянии разброда. В ней образовалось несколько групп, от леволиберальных до правоконсервативных. Наибольшим влиянием, однако, пользовалась центристская группа, выступавшая за выдвижение кандидатом Роберта Кеннеди, который сосредоточил свою агитацию на резкой критике вьетнамской политики Джонсона. На сторону Кеннеди перешли многие сотрудники Джонсона по Белому дому. Сам же Линдон высказывал недовольство предвыборными речами Кеннеди, особенно его установками на мирное соревнование с советским блоком и углубление либеральных реформ внутри страны, хотя последние, по существу дела, являлись бы продолжением преобразований, которые проводил он сам.

Однако в ночь на 5 июня 1968 г. Кеннеди, находившийся в предвыборной поездке в Калифорнии, был убит в Лос-Анджелесе палестинским арабом Серханом Серханом, который объяснил свое преступление местью за поддержку Робертом Кеннеди Государства Израиль. Убийца был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Гибель Р. Кеннеди еще более усилила раскол в стане демократов, что облегчило победу республиканцу Ричарду Никсону.

Передав власть новому президенту 20 января 1969 г., Линдон Джонсон отправился в Техас, где поселился на своем ранчо в местечке Стоунволл, которое раньше посещал лишь изредка. Он работал над мемуарами, которые были опубликованы в 1971 г. с несколько вызывающим заголовком: «С выгодной позиции: Взгляд на президентство. 1963–1969». В том же году на территории Техасского университета в городе Остине была открыта Библиотека Линдона Джонсона, являющаяся одновременно его архивом и музеем. Джонсон заранее подготовил завещание, согласно которому ранчо после его смерти должно было стать национальным историческим парком Линдона Джонсона, при условии, что на нем будет продолжаться хозяйственная деятельность.

Иногда бывший президент давал интервью по политическим вопросам. Он в целом одобрял политику Никсона, хотя критиковал его за то, что он слишком быстро вывел войска из Южного Вьетнама, что дало возможность коммунистам овладеть этой частью страны.

Постепенно здоровье Джонсона ухудшалось. У него возникли проблемы с сердцем, которые врачи связывали с тем, что он стал слишком полным и возобновил курение, которое бросил еще в 1955 г. Появилась и болезнь кишечника — дивертикулез, при котором на толстой кишке образуются болезненные наросты.

22 января 1973 г. у бывшего президента, находившегося на своем ранчо, произошел сильный сердечный приступ. Он успел вызвать по телефону охранника, но когда тот прибежал, Линдон уже потерял сознание. Врачи констатировали смерть от тяжелого инфаркта.

После прощания в вашингтонском Капитолии гроб с телом Л. Джонсона был отправлен в его родной Техас, где на территории ранчо в Стоунволле он был похоронен.

Память Джонсона чтут прежде всего в Техасе, где ежегодно отмечается день его рождения, а его имя носят улицы в ряде городов штата, ряд школ и колледжей. Имя Джонсона присвоено космическому центру в одном из крупнейших городов штата Хьюстоне.

Основные издания:

Johnson L. The Vantage Point: Perspectives of the Presidency. 1963–1969. New York, 1971.

Caro R. The Years of Lyndon Johnson: Master of the Senate. New York, 2002.

Caro R. The Years of Lyndon Johnson: The Passage of Power. New York, 2012.

Daller R. Lyndon B. Johnson: Portrait of President. London, 2005.

РИЧАРД НИКСОН

9 января 1913 — 22 апреля 1994

37-й президент:

20 января 1969 — 9 августа 1974

Далеко не во всех случаях справедливые цели достигаются только достойными методами. Однако установка, что цель оправдывает средства, подчас верна. Именно из этого не раз исходил персонаж этого очерка в борьбе за высокие государственные посты. В одних случаях такой курс

приносил успех, в других оборачивался катастрофой. Это противоречие наложило отпечаток на судьбу Ричарда Никсона, на его наследие и память о нем. Он немало сделал для своей страны и для мира в целом, но оставил о себе память прежде всего как президент, злоупотребивший властью и отторгнутый американской системой.

Ричард Милхаус Никсон (*Richard Milhous Nixon*) родился в небольшом калифорнийском субтропическом местечке Йорба-Линда, к югу от Лос-Анджелеса. Его отец Фрэнк часто менял работу и место жительства и в конце концов осел на западе страны, где встретил Ханну Милхаус, с которой создал семью. Родители были людьми религиозными, Фрэнк принадлежал к методистской церкви, Ханна — к общине квакеров, к которой вскоре присоединился и супруг. В семье было пятеро детей, все мальчики, Ричард родился вторым. Семья владела небольшим земельным участком, а позже, переселившись в соседний город Уиттиер, открыла заправочную станцию с магазинчиком. В Уиттиере Ричард (Дик, как его называли) учился в средней школе, одновременно помогая родителям в ведении хозяйства. В то же время у него постепенно появлялась уверенность в своей постоянной правоте, что подчас приводило к конфликтам с окружающими, скрытности и отчуждению от одноклассников.

Окончив школу, Дик поступил в Уиттиерский колледж, считавшийся учебным заведением весьма скромного уровня. Однако учиться в более престижном заведении не позволяло материальное положение, не говоря уже о том, что необходимо было помогать семье. Однако прекрасная память, умение выстраивать логические связи, неплохой стиль выступлений дали возможность завершить первый этап высшего образования без особых трудностей. Когда Ричард учился на выпускном курсе, он получил извещение, что ему как образцовому студенту предоставлена стипендия для продолжения обучения в юридической школе университета им. Дьюка. Стипендия выделялась только на первый год, но могла быть продлена в случае успехов ее получателя.

Этот университет, расположенный под городом Держем (штат Северная Каролина), являлся авторитетным учебным заведением. В конце августа 1934 г. Ричард отправился на другой конец страны и без каких-либо проблем был зачислен в университет. Жизнь была нелегкой: стипендия могла удовлетворить только часть потребностей. Никсону приходилось подрабатывать, вначале физическим трудом, а затем он устроился техническим сотрудником в библиотеку. На старших курсах Ричард попробовал свои силы в правовой науке. По предложению профессора

Дэвида Кейвера он написал статью для журнала «Право и современные проблемы», она была опубликована, но особого впечатления не произвела. Больше Никсон в печати по правовым вопросам не выступал. Он осознал, что его удел — практическая юриспруденция или другая область общественной деятельности, но не наука.

В июне 1937 г. Никсон окончил университет и подал заявление о приеме на работу в Федеральное бюро расследований. Его документы рассматривались долго, и в конце концов он получил отказ, причем без каких-либо обоснований. Сам он считал, что не был принят в ФБР, так как его сочли заносчивым и неуживчивым. Кроме того, чиновников, видимо, насторожило, что его слишком хвалили сотрудники университета им. Дьюка. Любые преувеличенные оценки в этом ведомстве считались подозрительными.

Молодой адвокат возвратился в Калифорнию, где открыл небольшую фирму в городке Ла-Хабра. Одновременно он попытался заняться бизнесом, но без особого успеха. В местном самодеятельном драматическом кружке он познакомился с молодой учительницей Тальмой Райян, которую обычно называли почему-то Пат. Молодые люди стали встречаться. Через два с половиной года, в июне 1940 г., Пат и Ричард поженились. Пат стала надежной помощницей мужа в его адвокатской, а затем политической деятельности. Уже после Второй мировой войны в семье появились две дочери — Патриция и Джулия; первая стала женой известного нью-йоркского адвоката, а Джулия вышла замуж за внука Эйзенхауэра Дэвида.

Ричард занимался и общественной работой, в ходе которой формировались его умеренно консервативные взгляды. Некоторое время он колебался в выборе партийной принадлежности, но в конце 1938 г. зарегистрировался как член Республиканской партии. В мае 1941 г. он даже был избран председателем местной организации молодых республиканцев.

Когда началась Вторая мировая война, Никсон понял, что его страна в конце концов будет в ней участвовать. Вначале он не думал о поступлении в армию и охотно принял предложение, сопровождаемое рекомендациями университета им. Дьюка, о переезде в Вашингтон для работы в Управлении администрации цен. Он до поздних часов засиживался за рабочим столом, работал и в выходные дни. Однако канцелярская работа все больше надоедала, и постепенно у него сформировалось решение пойти на военную службу. Ричард был направлен в ВМФ и после нескольких месяцев подготовки отправился на Тихий океан. Прибыв на Новую Каледонию, он был назначен командиром подразделения, которое

принимало транспортные самолеты и готовило грузы к отправке. Только в начале 1944 г. Никсон принял непосредственное участие в военных действиях на острове Бугенвиль. Летом 1944 г. он был отозван на родину. Ему было поручено вести юридические дела, связанные с прекращением контрактов ВМФ с частными фирмами. Переговоры он вел со знанием дела, используя тонкости американского законодательства. Экономисты подсчитали, что Никсон сэкономил правительству миллионы долларов.

В марте 1946 г. он был уволен из вооруженных сил и возвратился в Уиттиер, но почти сразу же занялся политикой. Вскоре он выдвинул свою кандидатуру в Палату представителей. Свою кампанию он проводил агрессивно под лозунгом борьбы против «тлетворного коммунизма», используя самые разнообразные приемы, в том числе не вполне чистые, для компрометации своего соперника-демократа Джерри Вурхиса. В личной полемике тот явно спасовал, и Никсон добился победы. Он прошел в Конгресс именно на волне антикоммунизма, на фоне зарождавшейся холодной войны.

Перебравшись в декабре 1946 г. в столицу, Никсон с первых месяцев парламентской деятельности проявил себя правым консерватором. Он поддержал доктрину Трумэна и план Маршалла, а внутри страны закон Тафта — Хартли, ограничивавший деятельность профсоюзов. В 1947 г. Ричард включился в работу Комитета по расследованию антиамериканской деятельности, выступил инициатором нескольких следственных дел. По его требованию на заседания комитета были вызваны ряд деятелей Голливуда, обвиненные в прославлении СССР, что было отчасти верно, но только применительно к годам Второй мировой войны. Однако подлинную известность создало ему дело ответственного сотрудника Госдепартамента Алджера Хисса, который был обвинен в шпионаже в пользу СССР. Вызванный Никсоном на допрос, Хисс обвинения отверг. Были проведены очные ставки, предъявлены собранные под руководством Никсона улики, носившие, правда, в основном косвенный характер. Единственное, в чем удалось уличить Хисса, было лжесвидетельство: в 30-е гг. он был связан с некоторыми коммунистами, но в показаниях это отрицал. В 1950 г. он был приговорен к пятилетнему заключению. Дело Хисса продемонстрировало твердое намерение Никсона добиваться своего во что бы то ни стало.

В 1948 г. он был переизбран в нижнюю палату, а в 1950 г. стал членом Сената. Именно в это время Ричард обратил на себя внимание генерала Д. Эйзенхауэра, решившего баллотироваться на президентский пост от Республиканской партии. У генерала сложилось впечатление, что тот «молод, энергичен, готов учиться и имеет хорошую репутацию». После

некоторых колебаний кандидат на высшую должность решил взять в напарники Никсона, тем более что сам генерал опирался в основном на восточное побережье, а Никсон представлял Калифорнию, и это должно было продемонстрировать растущую роль крупнейшего западного штата.

Избирательная кампания проходила, как это часто бывало в США, не без скандалов. Противники обвинили Никсона в коррупции, в незаконном финансировании его кампании калифорнийскими магнатами. В ответ 23 сентября 1952 г. Ричард произнес небольшую речь, которую сопровождал документами, свидетельствующими, что все его финансовые операции были вполне законными. Под конец он прибег к весьма удачному ходу, заявив, что из всех подарков, которые он получил, он не передал в казну только один — собаку по кличке Чеккерс: «Дети полюбили собаку. Несмотря на все, что скажут по этому поводу, мы ее не отдадим». Это выступление, которое получило название «Речь о Чеккерсе», сыграло свою роль в победе на выборах.

Став в январе 1953 г. вице-президентом, Никсон стремился проявить себя активным помощником Эйзенхауэра. Президент давал ему ответственные задания, в основном международного характера. У Эйзенхауэра сложилось двойственное отношение к вице-президенту: с одной стороны, он высоко ценил качество его работы, с другой — некоторые заявления Никсона и его резкость вызывали определенную подозрительность. Но в целом одобрение преобладало над раздражением — и на второй срок Эйзенхауэр баллотировался вместе с Никсоном.

Среди зарубежных миссий вице-президента особую известность получило посещение СССР летом 1959 г., когда он по поручению Эйзенхауэра открыл в Москве американскую выставку. Непосредственно после открытия состоялась знаменитая «кухонная беседа» Никсона с Н. С. Хрущевым. Так она была названа, поскольку проходила в представленном на выставке здании стандартного американского домика. Хрущеву дом показался непрочным — такой прослужит не больше 20 лет. Никсон возразил: у детей могут оказаться другие вкусы, а «мы доверяем нашему народу и предоставляем ему право выбора».

На очередных президентских выборах Республиканская партия по рекомендации Эйзенхауэра выдвинула своим кандидатом Никсона. Выборы своему сопернику, Джону Кеннеди, он проиграл. Для Никсона наступил восьмилетний политический антракт. Он вернулся в Калифорнию, поселился в Лос-Анджелесе, подвел итоги своей политической деятельности, написав книгу о работе в Конгрессе и на посту вице-президента. Он неудачно баллотировался на пост губернатора штата, после

чего переехал в НьюЙорк, где вместе с несколькими партнерами создал крупную юридическую фирму.

В марте — апреле 1964 г. Ричард совершил визит в Южный Вьетнам, посетил районы военных действий, участвовал в освобождении за выкуп американских военных, оказавшихся в плену у вьетконговцев. После этой поездки во взглядах и поведении Никсона начались изменения, в результате которых появился, по словам журналистов, «новый Никсон». Убедившись в бесперспективности войны в Юго-Восточной Азии, он стал выступать за скорейшее возвращение американцев на родину и призвал администрацию США «наметить долговременную программу мира и свободы в Азии». В октябре 1967 г. в ведущем журнале по вопросам внешней политики «Международные отношения» (*Foreign Affairs*) появилась его обширная статья «Азия вслед за Вьетнамом». Проанализировав ситуацию во Вьетнаме и в целом на континенте, автор делал вывод о необходимости создания механизма, соответствующего двум условиям: «а) Наличие коллективных усилий наций региона, которые могли бы сами обеспечить сдерживание и, если это окажется невозможным, б) коллективная просьба к США о помощи». Помимо этого Никсон считал целесообразным, чтобы США вступили в диалог с коммунистическим Китаем. В статье содержались в зародыше идеи, которые легли в основу внешнеполитической деятельности Никсона, когда он станет президентом. Он публично продемонстрировал, что всерьез собирается вступить в борьбу за высшую власть.

В январе 1968 г. Ричард Никсон объявил о вступлении в предвыборную гонку. Выступая в отдельных штатах во время первичных выборов, он проявлял себя действительно новым политиком, ответственным и спокойным, который привлекал на свою сторону симпатии. Его главным соперником внутри партии являлся губернатор Калифорнии Рональд Рейган. Но в большинстве штатов побеждал Никсон, так как однопартийцы опасались, что консервативный Рейган оттолкнет избирателей.

Весьма показательно, что предвыборный съезд республиканцев проводился не в одном из центральных городов, а в штате Флорида — в курортном пригороде Майями. Здесь по крайней мере можно было заседать, почти не опасаясь демонстраций. Съезд проходил 5–8 августа. Никсон был выдвинут в 1-м и единственном туре голосования, получив необходимое большинство. Он долго обдумывал кандидатуру в вице-президенты и в конце концов остановился на губернаторе штата Мэриленд Спиро Эгню. Его считали «серой лошадкой», которая не будет лезть в

большую политику. Таковую намеревался определять сам Никсон совместно со своими советниками Гарри Холдеманом и Джоном Эрлихманом, с которыми он сблизился в предыдущие годы и которых в связи с их немецким происхождением обозвали «берлинской стеной», охранявшей Никсона. Что же касается Эгню, то ему удалось скрыть свою причастность к получению взяток, что вскроется позже и приведет к его отставке.

Демократы, находившиеся в состоянии глубокой прострации после убийства Р. Кеннеди, выдвинули своим кандидатом вице-президента в правительстве Джонсона Хьюберта Хамфри, который не пользовался большим авторитетом и к тому же считался частично ответственным за провал политики Джонсона во Вьетнаме. Этим воспользовался Никсон, сосредоточивший свою кампанию на внешней политике, прежде всего обосновывая необходимость «вьетнамизации», то есть постепенного ухода США из Индокитая и перекладывания бремени войны с Вьетконгом на плечи армии Южного Вьетнама. Немалую помощь Никсону оказывал профессор Гарвардского университета Генри Киссинджер, крупный специалист по внешней политике, который к этому времени выработал стратегию «гибкого реагирования», включавшую различные варианты реакции США на поведение СССР и его союзников.

Никсон проводил избирательную кампанию уверенно и твердо. Он часто выступал по телевидению, много ездил по стране, проводил встречи с журналистами. Он отстаивал «восстановление законности и порядка», имея в виду прежде всего прекращение насилий и бунтов. Он выступал за полную реализацию гражданских прав черного населения, но постепенно, не вводя, например, интегрированное школьное обучение, если этого не желают сами афроамериканцы.

Надеявшийся на сокрушительную победу Никсон был несколько разочарован итогами выборов, состоявшихся 5 ноября. Результаты были почти равными: Никсон получил 43,4 % голосов, Хамфри — 42,7 %. Соотношение сил в коллегии выборщиков было более благоприятным для Ричарда: у него был 301 голос, у соперника — 191. Третий претендент ультраконсерватор Джордж Уоллес, отколовшийся от Республиканской партии, получил 46 голосов. Со второй попытки Ричард Никсон стал президентом США.

Сформировав в период от выборов до инаугурации правительство и аппарат Белого дома, Никсон в соответствии со своим характером и выработанными навыками стремился определять основные направления своей политики почти единолично. Ему помогали Холдеман и Эрлихман, а

также присоединившийся к «берлинской стене» Киссинджер. Первые двое являлись советниками по внутренним вопросам, третий — по национальной безопасности и международным делам. Только этой троице Ричард разрешал непосредственно обращаться к нему.

Пост госсекретаря занял Уильям Роджерс, являвшийся советником Никсона при расследовании дела Хисса и некоторое время бывший генеральным прокурором в кабинете Эйзенхауэра. Он редко выступал с собственными инициативами, являясь исполнителем воли президента и его советника Киссинджера. Точно так же другие министры были лишь исполнительными чиновниками.

Прежде всего Никсон занялся вопросами Юго-Восточной Азии, занявшись реализацией программы «вьетнамизации». В этом его основным советником стал Киссинджер, пришедший к выводу, что биполярный мир заканчивается и ему на смену приходит мир многополярный (в числе дополнительных центров он видел Западную Европу и Китай). Практическая «вьетнамизация» войны в Индокитае началась с того, что Никсон приступил к выводу американских войск, к январю 1973 г., когда было подписано мирное соглашение, из более чем 500 тыс. американцев в Южном Вьетнаме осталось 27 тысяч.

Во время зарубежного вояжа на острове Гуам 25 июля 1969 г. Никсон выступил перед журналистами, обосновав новый подход к участию США в международных конфликтах, по существу дела, распространив идею «вьетнамизации» на другие случаи. Так появилась доктрина Никсона, которую президент более подробно обосновал в обращении к народу США 3 ноября. Она состояла в том, что США выполняют свои договорные обязательства, предоставив в случае необходимости свой «ядерный щит» союзным государствам. Главное же заключалось в следующем: «Мы будем ожидать от государства, подвергшегося угрозе, что оно возьмет на себя основные обязательства по выделению живой силы, необходимой для самообороны». Проведенные опросы показали, что 70–80 % американцев поддержали политику президента.

Это, однако, не означало, что внутренний кризис преодолен. Всплески антивоенной активности продолжались. 4 мая во время демонстрации студентов в Кенте (штат Огайо) у национальных гвардейцев не выдержали нервы и они открыли огонь боевыми патронами. Были убиты четверо и ранены девять человек. В результате движение протеста еще более усилилось. В мае — июне были проведены несколько походов протестующих на Вашингтон. Полиция разгоняла демонстрантов, производились многочисленные аресты, столица то и дело оказывалась на

чрезвычайном положении.

Между тем начавшиеся ранее переговоры в Париже топтались на месте. Вместо делового подхода делегации Северного Вьетнама и Вьетконга фактически занимались пропагандой. В связи с этим Киссинджер, периодически вылетающий в Париж, начал по поручению Никсона секретные встречи с представителями Северного Вьетнама. Порой переговоры шли целую ночь.

Никсон вел себя противоречиво. По его распоряжениям то возобновлялись, то прекращались бомбардировки Северного Вьетнама в надежде, что это заставит коммунистов пойти на активизацию переговоров. Постепенно, действительно, в ходе встреч намечались сдвиги. В начале октября 1972 г. делегация Северного Вьетнама внесла предложение о создании в южной части страны двух администраций, которые приступят к консультациям с целью создания правительства национального единства. 9 октября Киссинджер после консультации с Никсоном представил американский проект, близкий к северо-вьетнамскому. 12 октября произошло невиданное: Киссинджер и делегат Северного Вьетнама Ле Дык Тхо выступили с совместным проектом, предусматривавшим вывод американских войск из Индокитая, освобождение американских военнопленных и передачу политического урегулирования в руки вьетнамцев.

После решения технических вопросов 27 января 1973 г. в Доме международных конференций в Париже состоялось подписание соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме и дополнительных протоколов к нему. Далеко не все пункты соглашения были выполнены, Северный Вьетнам сорвал образование коалиционного правительства на юге. В марте 1975 г. северовьетнамские войска вошли в Южный Вьетнам и в течение двух месяцев взяли его под полный контроль. Произошло воссоединение Вьетнама под властью коммунистов.

Американский президент ставил перед собой значительно более амбициозные цели — добиться улучшения отношений с СССР и в то же время установить деловые связи с Китаем, и это при том, что между Китаем и СССР шла непрерывная полемика в духе конфронтации. На первый план в предполагаемых переговорах с СССР выходила проблема контроля над ракетно-ядерным оружием и его сокращения. Становилось ясным, что, при превосходстве США в этой области, у СССР имелось достаточно возможностей, чтобы стереть с лица Земли основные центры США. Эксперты оценивали результаты возможной ядерной войны как гарантированное взаимное уничтожение (*mutual assured destruction*).

Зловещая ирония состояла в том, что аббревиатура этого термина *mad* означала сумасшедший. Руководство СССР, в частности генеральный секретарь Л. И. Брежнев, в свою очередь, опасалось, что советская экономика не выдержит роста военных расходов.

В любом случае проблема улучшения отношений с СССР становилась для Никсона одной из первоочередных. Уже в конце первого месяца пребывания в Белом доме новый президент пригласил к себе посла СССР А. Ф. Добрынина, с которым было договорено об установлении «негласного канала связи Киссинджер — Добрынин». Встречи стали проводиться регулярно. В случае необходимости Никсон мог напрямую соединиться с Добрыниным, подняв трубку одного из телефонов. И по этой линии, и на открытых переговорах, начатых в Вене и Хельсинки, шел торг по поводу уровня ракетно-ядерного оружия обеих сторон. Постепенно позиции сближались, что дало возможность начать подготовку визита американского президента в Москву, куда Никсон прибыл 22 мая 1972 г. Встреча с Брежневым прошла во вполне дружелюбной атмосфере. Было подписано заявление «Основы взаимоотношений между СССР и США», в котором признавался паритет обеих стран как великих держав и намечался путь к преодолению холодной войны. Вслед за этим был подписан договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), фиксировавший, что каждая сторона будет иметь по две таких весьма дорогостоящих системы — одну в районе столицы, другую по выбору правительства. Визит привел к установлению личных отношений. Брежнев подарил Никсону катер на подводных крыльях. Никсон сообщил Брежневу о готовящемся для него подарке — автомобиле последнего выпуска.

Ответный визит состоялся в июне 1973 г. Главным документом было бессрочное соглашение о предотвращении термоядерной войны. Подписаны были также соглашения о принципах дальнейших переговоров о сокращении вооружений и о сотрудничестве в мирном использовании ядерной энергии. Никсон был приглашен вновь посетить СССР в 1974 г.

Происходили, правда, неполадки в высшем эшелоне власти, которые подрывали авторитет Никсона. Главным из них стало дело вице-президента. Избранный на этот пост Эгню проявлял робость, в делах почти не участвовал. Он был избран на ту же должность вновь в 1972 г. главным образом потому, что его поддерживали консервативные силы в Республиканской партии. Но в 1973 г. в прессу просочились сведения, что ранее, занимая посты в штате Мэриленд, Эгню был нечист на руку — брал взятки, уклонялся от уплаты налогов. Было начато расследование, подтвердившее часть обвинений. Никсону ничего не оставалось, как в

октябре 1973 г. принять отставку вице-президента. На этот пост Никсон назначил руководителя республиканской фракции в Палате представителей Джеральда Форда. Это был первый случай применения утвержденной в 1967 г. 25-й поправки к Конституции, которая в том числе предусматривала, что в случае прекращения функций вице-президента его заместителя назначает президент. К тому же само положение Никсона оказалось неустойчивым, так как уже начинались расследования по Уотергейтскому делу.

Пытаясь продолжать курс разрядки, Никсон после тщательной подготовки совершил свой второй визит в СССР. Он прилетел в Москву 28 июня 1974 г., побывал в резиденции Брежнева в Крыму и в Минске. Подписанные в результате переговоров документы (договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, заявление о мерах устранения опасности воздействия на природную среду в военных целях и др.) носили второстепенный характер. Но они свидетельствовали о намерении продолжать курс на отказ от холодной войны. В будущем при новых обострениях документы 1972–1974 гг. сохраняли силу и предопределили дальнейшее развитие отношений мирного сосуществования и сотрудничества.

Наряду с разрядкой в отношениях с СССР важным аспектом внешней политики Никсона явилось «открытие китайских дверей». Приходилось преодолевать немалые внутренние трудности, так как большинство политиков рассматривали коммунистический Китай как главного врага. Два раза в Пекине с секретными миссиями побывал незаменимый Киссинджер. После длительной подготовки 21–27 февраля 1972 г. состоялся визит Никсона. Он побывал в Шанхае и Пекине, встретился с Мао Цзэдуном, который страдал тяжелыми недугами, но по такому случаю поднялся с постели. Правда, встреча, продолжавшаяся чуть более часа, забрала, по словам переводчицы, «все силы председателя Мао». Реальные переговоры проводились с Чжоу Эньлаем. 28 февраля было подписано совместное коммюнике. Это был один из немногих международных документов, в котором, наряду со сходными позициями, фиксировались различия подписавших государств по принципиальным вопросам. Главное противоречие состояло в вопросе о Тайване, который китайская сторона считала своей территорией, а США признавали власть гоминьдановского правительства. Однако неофициально Никсон пообещал поставить вопрос о дипломатическом признании КНР и разрыве с Тайванем после вторичного избрания на президентский пост (в действительности это произойдет уже после ухода Никсона). Нормализация отношений с Китаем,

осуществленная Никсоном и его администрацией, сыграла роль старта в связях между обеими странами, которые стали с тех пор неуклонно развиваться, главным образом в области торговли.

Правительство Никсона внимательно следило за событиями на Американском континенте. Президент дал согласие на оказание спецслужбами содействия свержению просоциалистического режима Сальвадора Альенде в Чили. В сентябре 1974 г. там был организован военный переворот, Альенде убит, а власть перешла в руки военных во главе с генералом Аугусто Пиночетом. Об участии ЦРУ в подготовке переворота и об одобрении этих действий высшим руководством США свидетельствуют недавно рассекреченные документы ЦРУ.

Хотя Никсон на протяжении всей политической карьеры до того, как он стал президентом, относился к консервативному направлению в Республиканской партии, на высшем посту он вел себя во внутренней политике как умеренный прогрессист. Инициативы президента проявлялись в различных областях. Главными являлись фактическое завершение десегрегации школьной системы, выполнение предвыборного обещания о наведении в стране «закона и порядка», реформа избирательной системы, реформа вооруженных сил (отмена призыва и создание контрактной армии), продолжение исследований космоса.

Именно при Никсоне была реализована программа «Аполлон», намеченная еще при Кеннеди. 16 июля 1969 г. стартовал экипаж «Аполлон-11», в состав которого входили Нил Армстронг (командир), Эдвин Олдрин и Майкл Коллинз. 20 июля корабль совершил посадку на Луне, а на следующий день Армстронг и Олдрин вышли на лунную поверхность. На Землю понеслись вроде бы произвольные, но на самом деле тщательно подготовленные слова Армстронга: «Это — крохотный шаг человека, и это — великий скачок для всего человечества». Никсон приветствовал астронавтов из Белого дома. 13 августа, после благополучного завершения полета и окончания карантина астронавтов, президент дал в Лос-Анджелесе грандиозный прием в их честь. Это было время действительного торжества для американского народа и его президента.

В 1972 г. Никсон без особого труда был переизбран президентом. Он получил 60,7 % голосов, почти на 18 млн обогнав кандидата демократов Джорджа МакГоверна. В коллегии выборщиков у Никсона было 520 голосов, а у МакГоверна всего 17.

Однако менее чем за пять месяцев до дня голосования начались события, которые сыграли роковую роль для этого являвшегося пока столь

успешным президента. На рассвете 17 июня 1972 г. охранники престижного вашингтонского жилищного и гостиничного комплекса «Уотергейт» заметили, что несколько человек пытались открыть двери размещенной здесь штаб-квартиры Демократической партии. Вызванные полицейские задержали лиц, которые успели сфотографировать некоторые находившиеся в офисе бумаги и занимались монтировкой подслушивающих устройств. Стало ясно, что речь идет о шпионаже против основного демократического избирательного штаба.

Прямая связь Никсона с этим актом вторжения, похищением бумаг и попыткой подслушивания не была доказана. Главное, в чем стали обвинять его позже, — это попытка сразу после ареста «водопроводчиков», как стали называть взломщиков, воспрепятствовать расследованию. Злую шутку с президентом сыграли его же действия. С февраля 1971 г. в Овальном кабинете находились в рабочем состоянии микрофоны, записывавшие все, что там было произнесено. Вслед за этим микрофоны были установлены и в других помещениях Белого дома.

После ареста взломщиков было начато следствие, которым вначале занимались ФБР и ЦРУ, но 7 февраля 1974 г. Сенат проголосовал за создание комитета по расследованию Уотергейтского дела. Его следователям стало известно о существовании в Белом доме магнитофонных записей бесед в Овальном кабинете. Комитет Конгресса потребовал их передачи следствию, Никсон воспротивился. Но чем упорнее было сопротивление, тем настойчивее становились требования. В конце концов все пленки оказались в руках следователей и началась скрупулезная работа по поиску криминала. Таковой был в изобилии. В разговорах с Холдеманом и Эрлихманом назывались фамилии и действия агентов, не только обсуждалось, как скрыть криминальные поступки, но как и кого подкупить. Никсон употреблял крайне грубые выражения.

Значительную роль в раскрутке дела сыграла пресса. Особенно выделились корреспонденты газеты «Вашингтон пост» Боб Вудворт и Карл Бернстайн, стремившиеся любой ценой прославиться и обогатиться путем публикации сенсаций.

Начались допросы сотрудников Белого дома, которые постепенно раскрывали перед следствием все новые подробности того, что происходило в президентском кабинете. Признательные показания стали давать «водопроводчики». На пленках, которые читались с большим трудом, были обнаружены слова Никсона, свидетельствовавшие, что он был крайне обеспокоен расследованием и однажды даже употребил выражение «дымящееся ружье», что в американском лексиконе означает

неопровержимую улику. Следователям стало ясно, что шпионажем против демократов руководили ближайшие советники Никсона Холдeman и Эрлихман. Президент был вынужден объявить об их увольнении. Оба они были преданы суду и оказались в тюрьме. Осуждены были и другие лица, уличенные в участии в Уотергейтском деле.

Двадцать четвертого июля Верховный суд принял решение по делу, скандально названному «США против Ричарда Никсона». В нем говорилось, что назначенный к этому времени специальный прокурор имеет право привлечь к ответственности Никсона, как и любого другого гражданина США. Для президента начались кошмарные дни. Он стал пьянствовать, теряя возможность контролировать себя. Его замечали бродящим ночью по Белому дому, вслух разговаривающим с портретами бывших президентов. В Конгрессе был поставлен вопрос об импичменте, за который проголосовали большинство членов комитета по расследованию Уотергейтского дела. Теперь предстояла постановка этого вопроса на заседаниях палат.

Взяв себя в руки, Никсон 8 августа выступил по телевидению и сообщил о своей отставке. Он не признал личной вины, но и не объявил о невинности. 9 января он официально уведомил органы государственной власти о своей отставке. В этот же день Дж. Форд принес клятву верности в качестве президента США, а еще накануне на пресс-конференции объявил о своем решении предоставить Никсону «полное, свободное и абсолютное прощение за все правонарушения против США».

Уйдя в отставку, Никсон вылетел в Калифорнию, где находилось его небольшое имение Сан-Клименте. Он удивительно быстро адаптировался к новым условиям существования. От былой депрессии не осталось и следа. С 1976 г. он возобновил зарубежные поездки — теперь в качестве частного лица. Первая из них была совершена в Китай, где его принимали с большими почестями. Отставной президент дважды побывал в СССР. Он встретился с новым советским генсеком М. С. Горбачевым, который произвел на него самое благоприятное впечатление. Посещал он и другие страны. Соображения, связанные со всеми поездками и встречами, передавались в правительство.

В отставке Никсон написал объемистые мемуары, а затем ряд политологических книг, посвященных отношениям между Западом и Востоком, международно-политическим прогнозам, урокам Вьетнама и др. Все книги издавались крупными тиражами. Никсон оказался единственным президентом, который после вынужденной отставки, да еще происшедшей в обстановке позора и угрозы уголовного преследования, сумел сохранить

жизненные силы, возвратиться к активной деятельности, предстать в качестве авторитетного эксперта по сложным политическим вопросам.

В 1990 г. в родном городе Никсона Йорба-Линда была открыта его Президентская библиотека, включающая архив и музей. О том, что Ричард полностью восстановил свой авторитет, свидетельствовал тот факт, что на открытии присутствовали президент Дж. Буш, бывшие президенты Дж. Форд и Р. Рейган и многие другие бывшие и современные государственные деятели. В архив библиотеки были включены и пресловутые магнитофонные записи из Овального кабинета, которые были одной из основных улики по Уотергейтскому делу.

Восьмидесятилетие Никсона 9 января 1883 г. отмечалось по всей Америке. Сам он говорил историку К. Блэку, работавшему над его биографией, что считает честью для себя, что смог что-то сделать для американского народа, что допускал ошибки, но заплатил за них, что теперь, наконец, наступило время мира и он чувствует, что был в числе тех, кто способствовал этому.

В том же году 22 июня от злокачественной опухоли скончалась жена Ричарда Пат. Ее смерть сказалась на здоровье Никсона, сократила его дни. 18 апреля 1994 г. у него произошло обширное кровоизлияние в мозг и через 4 дня он скончался. День похорон был объявлен днем национального траура: не работали государственные учреждения, были приспущены флаги.

О самом «Уотергейте» граждане США ныне забыли. Но о том, что он когда-то существовал, напоминает порожденный им суффикс «гейт», которым стали именовать разного рода крупные скандалы. Во 2-й половине 80-х гг. разгорелся «Ирангейт» — тайные поставки оружия в Иран и финансирование за счет вырученных средств правых повстанцев в Никарагуа. В 2016 г. развернулся «Панамагейт» — сокрытие в офшорах многомиллиардных средств, — в котором замешаны крупные государственные деятели многих стран. В 2017 г. проигравшая выборы Демократическая партия изобрела «Рашагейт» — муссируемые, но не доказанные и явно ложные слухи о связях президента Дональда Трампа с Россией.

О том, что сам новый суффикс как-то связан с именем президента Ричарда Никсона, не вспоминают и в подавляющем большинстве случаев просто не знают.

Основные издания:

Никсон Р. На арене: Воспоминания о победах, поражениях и

возрождении. М., 1992.

Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Ричард Никсон. Харьков, 2018.

Nixon R. RN: The Memoirs of Richard Nixon. New York, 1978.

Black C. Richard M. Nixon: A Life in Full. New York, 2007.

Drew E. Richard M. Nixon. New York, 2007.

Frick D. Reinventing Richard Nixon. Lawrence, Kansas, 2008.

Perlstein R. Nixonland: The Rise of a President and the Fracturing of America. New York, 2008.

ДЖЕРАЛЬД ФОРД

14 июля 1913 — 26 декабря 2006

38-й президент:

9 августа 1974 — 20 января 1977

Когда Форд, ставший очередным «случайным президентом», который до этого был не избранным, а назначенным вице-президентом, занял свой пост, большинство американцев вздохнули с облегчением. Они почувствовали, что пришел конец грязной возне по поводу Уотергейтского

дела. Действительно, о происшедших скандалах постепенно стали забывать, но сам новый президент не оказался тем лидером, на которого нация могла положиться. Он довольно быстро утратил авторитет, а на очередных выборах проиграл кандидату Демократической партии. Так Форд и остался в истории вице-президентом и президентом, не избранным ни на тот, ни на другой пост. Он открыл новую череду слабых руководителей исполнительной власти, с одним, правда, исключением, каковым был действительно выдающийся деятель Рональд Рейган.

Первые недели жизни будущего Джеральда Рудольфа Форда (*Gerald Rudolph Ford*) оказались связанными с весьма драматическими обстоятельствами. Непосредственно после рождения ему было дано имя Лесли Линч. Так же звали его отца по фамилии Кинг, который со своей женой Дороти, матерью новорожденного, жил в доме своего родителя банкира Чарльза Кинга в городе Омаха, штат Небраска.

Через две недели после появления ребенка на свет между его родителями произошел такой скандал, что отец, который и раньше, будучи ревнивым выше всякого предела, применял физическую силу против своей жены, набросился на нее с ножом, угрожая убить не только ее, но и новорожденного сына. Причиной, как рассказывали родственники, было то, что Дороти вроде бы когда-то улыбнулась случайному постороннему мужчине. Вбешенного отца едва удалось оттащить. Сразу после этого Дороти вместе с ребенком покинула дом Кингов и перебралась в город Оук-Парк, штат Иллинойс, где жила со своей семьей ее сестра. Оттуда она отправилась к своим родителям в Гранд-Рапидс, штат Мичиган.

В декабре 1913 г. состоялся бракоразводный процесс. Дороти взяла ребенка на полное обеспечение. Отец ни в малейшей степени не интересовался им, но дед Чарльз оказывал ребенку и его матери материальную помощь до своей смерти в 1930 г. Вскоре после переезда к родителям Дороти познакомилась с жившим по соседству торговцем Джеральдом Фордом. Они сблизились и в феврале 1916 г. поженились. Позже Джеральд усыновил ребенка и дал ему свое имя. Так Лесли Линч Кинг-младший превратился в Джеральда Рудольфа Форда-младшего. О том, что он приемный сын, Джеральд узнал только в возрасте 17 лет, когда мать поведала ему о событиях его младенчества. Еще через некоторое время, когда Джерри с приятелями обедал в каком-то ресторане, к нему приблизился мужчина, отозвал его в сторону и проинформировал, что он — его отец. Между обоими затем, как сообщал Форд, уже став политиком, имели место «случайные контакты». В чем именно они состояли, неизвестно.

Что же касается приемного отца, то о нем у Джеральда сохранились самые теплые воспоминания. Джеральд-старший действительно относился к ребенку, а затем подростку, как к родному сыну, всячески заботился о его воспитании, здоровье, образовании.

В Гранд-Рапидсе Джеральд окончил среднюю школу, учился он прилично, но особенно ничем не выделялся. Больших успехов он достиг в спорте, став капитаном школьной команды американского футбола, а затем капитаном городской юношеской команды. В 1932 г. юноша поступил в Мичиганский университет в городе Энн-Арбор, имевший прозвище «Гарварда на западе». Родные помогали ему материально, но он и сам стремился подрабатывать, в частности мойщиком посуды в столовой.

И в университете Форд отличался главным образом футбольными успехами, что отмечалось почти во всех его биографиях, да и в воспоминаниях самого Джеральда. Рассказывая о своих футбольных баталиях, он продолжал: «Память о них много раз помогала мне встретить лицом к лицу нелегкие ситуации, предпринимать те или иные действия, определенные усилия, чтобы преодолеть трудности».

В то же время Джеральд проявил себя противником расовой сегрегации. Он жил в общежитии в одной комнате с чернокожим студентом Уиллисом Уордом, также футболистом. Однажды возникла конфликтная ситуация, также связанная с футболом: команда Технологического института из штата Джорджия объявила, что не будет участвовать в игре, если на поле выйдет черный Уорд. Форд заявил, что, если Уорда не допустят к игре, он также откажется в ней участвовать, а это означало бы почти неминуемое поражение. Только вняв просьбе самого Уорда, Форд вышел на поле.

Окончив Мичиганский университет в 1935 г. с дипломом бакалавра в области экономики, Джеральд договорился с Йельским университетом о работе в качестве помощника футбольного тренера, одновременно попытавшись поступить в юридическую школу этого университета. Вначале ему было отказано в приеме, так как он, по мнению администрации, был перегружен спортивными обязанностями. Три года он проработал на футбольном поле и только в 1938 г. был принят в школу, которую окончил в 1941 г.

В студенческие годы Джеральд не принимал существенного участия в политике, хотя явно тяготел к республиканцам-изоляционистам. Он присоединился к группе, которая поддерживала закон о нейтралитете и выступала под лозунгом «Америка прежде всего», имея в виду, что США ни в коем случае не должны быть вовлечены в мировую войну.

В 1941 г., вернувшись в Гранд-Рapidс, Форд вместе со своим товарищем по учебе Филипом Бьючером открыл юридическую контору. Дружба с Бьючером сохранилась на многие годы. Когда Форд стал президентом, он взял Филипа в Белый дом в качестве советника.

После вступления США в войну Форд в апреле 1942 г. был зачислен в военно-морской резерв. Месяц он занимался в инструкторской школе в городе Аннаполисе, штат Мэриленд, а затем сам стал инструктором (можно себе представить, какого качества!) в Северной Каролине, где обучал начинающих матросов ориентироваться, стрелять, оказывать первую помощь и др. В июне 1942 г. ему было присвоено звание 2-го лейтенанта ВМФ, а через несколько месяцев он был повышен до 1-го лейтенанта. В мае 1943 г. 30-летний офицер был зачислен в команду только что спущенного на воду авианосца «Монтерей», который отправился на Тихий океан. Командуя зенитной батареей, Форд принял участие в нескольких морских боях. Его корабль сыграл важную роль в высадке американских войск на все новых островах океана, в овладении Филиппинскими островами, островом Уэйк и др.

Хотя корабль не был поврежден в сражениях, он пострадал во время тайфуна, разыгравшегося в декабре 1944 г. Из строя вышли несколько самолетов, разрушены палубные ангары, были человеческие жертвы. Сам Форд едва не погиб. Когда он направлялся к своим орудиям, порыв ветра сбил его с ног, и он покатился к борту как раз в тот момент, когда корабль сильно накренился. Каким-то чудом лейтенанту удалось удержаться, не свалившись в бушующую стихию. Вслед за этим на корабле вспыхнул пожар. Джеральд, едва спасшийся от гибели, участвовал в его ликвидации, проявив мужество.

После всего происшедшего корабль был признан вышедшим из строя и отправлен на ремонт на западное побережье США. Сам же Джеральд Форд был направлен в одну из военно-морских школ Калифорнии, где возвратился к старому ремеслу — тренера футбольной команды.

За участие в войне Джеральд получил несколько медалей и в феврале 1946 г. был демобилизован, а в июне того же года по личной просьбе отчислен из военно-морского резерва. На этом его военная служба завершилась.

Джеральд возвратился к юридической практике в Гранд-Рapidсе. Занимался он как уголовными, так и гражданскими делами, предпочитая адвокатское обслуживание коммерческих операций, что приносило солидные гонорары. Став на ноги и постепенно втягиваясь в политику, Джеральд мог теперь позаботиться и о создании семьи. Вскоре после

возвращения к мирной жизни он встретился с Элизабет Блумер, которая была пятью годами младше его, уже успела побывать замужем в Гранд-Рapidсе, разошлась с мужем, переехала в НьюЙорк, где работала моделью и выступала в танцевальной группе. Хотя общение с такой опытной дамой не нравилось матери и приемному отцу, Джеральд сделал предложение Элизабет. Венчание состоялось 15 октября 1948 г., когда жених уже активно занялся политикой, выдвинув свою кандидатуру в Палату представителей Конгресса. По этому поводу досужая местная пресса судачила, что кандидат потеряет немало голосов в связи с тем, что женился на разведенной бывшей танцовщице. Но, видимо, чувство было достаточно сильным, ибо политические амбиции не помешали свадебной церемонии за три недели до выборов.

В семье родились трое сыновей и одна дочь. Старший сын, Майкл, стал священником, второй сын, Джон, — журналистом, а позже калифорнийским бизнесменом, третий сын, Стивен, — актером, а дочь Сьюзен после успешной работы фотожурналисткой включилась в активную общественную деятельность по борьбе против алкоголизма и наркомании.

Когда Форд возвратился к мирной жизни, он с удивлением узнал, что настроения за годы войны в провинциальном Гранд-Рapidсе почти не изменились. Население придерживалось изоляционистских взглядов, считало, что США выиграли бы от войны больше, если бы остались в стороне. Джеральд же стал, как он сам говорил, «интернационалистом», то есть сторонником активного участия США в мировой политике. Это, наряду с соображениями личной карьеры, побудило Форда в 1948 г. идти на выборы. Он проводил активную кампанию, прибегая подчас к оригинальным методам: на одной из ферм он пообещал в случае своей победы в течение двух недель ежедневно доить здесь коров. После выборов пришлось выполнить обязательство.

На своих первых выборах Форд победил. То же повторилось на многочисленных выборах, происходивших каждые два года: он был членом Палаты представителей 25 лет! В Конгрессе он обычно вел себя скромно, с законодательными инициативами не выступал, хотя входил в несколько комитетов, главным из которых был Комитет по государственному бюджету. Форду предлагали баллотироваться в Сенат и на пост губернатора Мичигана, но он отказывался. Позже он, впрочем, признавался, что уже в начале 50-х гг. стал подумывать о том, чтобы когда-нибудь стать спикером Палаты представителей.

В конце ноября 1963 г. президент Джонсон включил Форда в состав комиссии Уоррена по расследованию обстоятельств убийства президента

Кеннеди. Джеральду была поручена ответственная работа — подробно изучить обстоятельства жизни и связи обвиняемого в убийстве Освальда. Форд вступил в тесный контакт с различными службами ФБР и ЦРУ, а собранные данные дали ему возможность сделать вывод, что Освальд не был связан ни с советскими, ни с кубинскими спецслужбами и действовал в одиночку. Вместе с выводами других членов комиссии его данные послужили базой для главного итога работы: никакого заговора с целью убийства Кеннеди не существовало, Освальд был маньяком-одиночкой. В дальнейшем Форд всячески защищал и обосновывал выводы комиссии и даже посвятил этому книгу.

В 1964 г. Форд был в очередной раз избран в Конгресс. На этих выборах, однако, Республиканская партия потерпела серьезное поражение: президентом стал демократ Л. Джонсон, а его партия получила прочное большинство в обеих палатах. Обеспокоенные республиканские депутаты решили заменить лидера фракции, которым с 1959 г. являлся Чарльз Хэллек из Индианы. Учитывая, что новый президент провозгласил двухпартийную политику и что ряд намеченных им инициатив соответствовал позициям республиканцев, фракция решила проводить в отношении президента и его администрации более или менее примирительную политику. Между тем Хэллек зарекомендовал себя воинствующим противником демократов и явно не годился в лидеры фракции. После дебатов и перебора кандидатур фракция избрала лидером Дж. Форда, имея в виду его спокойный характер и желание конструктивно сотрудничать с президентом, не прекращая, однако, его критики.

Став в январе 1965 г. лидером республиканской фракции в Палате представителей, Форд по одним вопросам голосовал за законопроекты, внесенные Джонсоном в рамках созидания «великого общества», по другим — против. Но свою личную критику он сосредоточил на внешнеполитическом курсе, прежде всего требуя принятия мер с целью скорейшего прекращения войны во Вьетнаме. Он не настаивал, подобно левым демонстрантам, на немедленном выводе американских войск из Индокитая, наоборот, в его выступлениях звучали нотки иного нетерпения: он полагал, что путем более интенсивных военных усилий можно добиться решительной победы. Лишь постепенно Форд стал приходить к выводу, что война во Вьетнаме может затянуться на десятилетия, не принося перевеса ни одной из сторон.

Президент Джонсон нервно и грубо реагировал на выступления лидера меньшинства. По поводу одного из них он заявил, что Форд «слишком много играл в футбол без шлема». В другой раз Джонсон еще более

беспардонно заявил: «Джерри Форд настолько тупой, что он не может одновременно портить воздух и жевать резинку». Это было настолько непристойно, что большая пресса переименовала слова Джонсона, заменив слова «портить воздух» словом «ходить». Удивительно, что на эти грубости Форд не отвечал, вновь и вновь проявляя свой характер примирителя.

На протяжении всех лет пребывания в Конгрессе и особенно в годы, когда он возглавлял фракцию, Форд показал себя натурой спокойной, отметившись стремлением сгладить углы, не портить жизнь коллегам, чем завоевал немалый авторитет.

После избрания Никсона роль Форда изменилась. Он теперь стал всячески защищать политику Белого дома, но, как и раньше, основное внимание уделял международным делам. Это было удобно, поскольку именно в этой области Никсон добился наибольших успехов.

Когда в октябре 1973 г. ушел в отставку вице-президент С. Эгню, Никсон созвал наиболее видных членов обеих палат, чтобы посоветоваться по поводу кандидатуры на этот пост. По одним сведениям, все, по другим — большинство присутствовавших порекомендовали Форда. Это был естественный совет — он был парламентским лидером фракции президентской партии. Форд немедленно согласился на предложение, заявив своей жене, что вице-президентство будет отличным завершением его карьеры. 12 октября 1973 г., впервые используя 25-ю поправку, Никсон назначил Форда вице-президентом, 27 ноября Сенат почти единодушно утвердил его в должности (против голосовали лишь трое), а 6 декабря утверждение прошло в Палате представителей (здесь за него голосовали 387, а против 35). В этот же день новый вице-президент принес присягу.

К этому времени уже разгорелся Уотергейтский скандал. Форд старался оставаться в стороне, но услужливые деятели, понимая, что дела Никсона плохи, начинали приходить к выводу, что их главным начальником может стать новое лицо, и время от времени докладывали вице-президенту о ходе расследования. Ему, в частности, сообщили, что на магнитофонных лентах обнаружено выражение Никсона «дымящееся ружье», что считалось прямым доказательством, что он стремится прикрыть преступников.

Летом 1974 г. Форд в течение нескольких месяцев жил в предместье Вашингтона в связи с тем, что в особняке вице-президента проводился капитальный ремонт. Как-то он сказал жене: «Похоже на то, что нам никогда не придется больше жить в вице-президентском доме». Именно так и произошло. Форд был вице-президентом менее десяти месяцев. 9 августа 1974 г., сразу после отставки Никсона, Форд принес новую присягу, на этот

раз в качестве главы исполнительной власти. Немедленно после этого он выступил с обращением к нации, в котором, в частности, говорилось, что он стремится как можно скорее положить конец тому «национальному кошмару», который так долго сотрясал страну. Он в то же время подчеркнул, что «наша Конституция работает», что «наша великая республика управляется законами, а не людьми». В то же время он признал: «Внутренние раны Уотергейта носят более болезненный и отравленный характер, чем раны, причиненные внешними войнами». Это было, конечно, сильным преувеличением, но его слова понравились слушателям. Основной тон речи был тоном национального примирения, из которого вытекало и отношение к бывшему президенту.

Вице-президентом Форд 20 августа назначил бывшего губернатора штата НьюЙорк Нельсона Рокфеллера, который в Республиканской партии стоял на либеральных позициях. Вначале, после завершения Уотергейтского скандала и ухода Никсона, казалось, что Форд оказался на своем месте. Его считали человеком спокойным, уравновешенным, вполне способным сыграть роль умиротворителя нации.

Опубликовав прокламацию об амнистии Никсона, Форд вслед за этим объявил о новой амнистии, на этот раз тем солдатам и офицерам, которые совершили дезертирство с боевых позиций во Вьетнаме или уклонялись от участия в военных действиях. Правда, амнистия была условной: лица, на которых она была распространена, обязаны были в течение двух лет выполнять общественные работы. В чем они заключались, однако, не указывалось, и подавляющее большинство дезертиров смогли избежать этой не столь уж обременительной повинности.

Имея в виду, что большинство министров кабинета Никсона были так или иначе скомпрометированы в связи с Уотергейтским делом, Форд провел значительные изменения в составе правительства. Он оставил на своих постах государственного секретаря Г. Киссинджера (на этот пост с должности советника президента его ранее перевел Никсон) и секретаря казначейства У. Саймона. На другие должности были назначены новые люди, главным образом молодые чиновники. Секретарем по вопросам транспорта стал Уильям Колеман — второй в истории афроамериканец, занявший правительственный пост, и первый вошедший в республиканскую администрацию. В числе вышедших на поверхность деятелей оказались люди, в дальнейшем занявшие высокие государственные посты. Наиболее видным среди них был Джордж Буш, который возглавил американскую миссию связи с Китаем, а затем ЦРУ.

В Конгрессе, однако, положение нового президента оказалось крайне

непрочным. Несмотря на все его усилия, промежуточные выборы 1974 г. проходили под влиянием недавних драматических событий. Раздраженные избиратели в своем большинстве проголосовали против республиканских кандидатов. Демократическое большинство в Палате представителей увеличилось на 49 мест, достигнув 291 из 435. Иначе говоря, демократы располагали теперь 2/3 мест, что было достаточно для преодоления президентского вето и проведения конституционных поправок. Вообще среди демократов росло ощущение вседозволенности, которое подогревалось опорой на группы безответственных политиканов, стремившихся путем отъявленной демагогии привлечь на свою сторону максимум избирателей, в частности принадлежащих ко все более умножавшемуся за счет государственных подачек паразитическому классу. В Сенате, правда, демократическое большинство (61 место из 100) не составляло 2/3, но было весьма весомым.

Эта ситуация совпала с растущими экономическими трудностями. Наметился очередной спад, росла безработица, усилилась инфляция (в 1975 г. она составила 12 %). В октябре 1974 г. Форд обратился к населению с призывом «немедленно сбить инфляцию», для чего каждый американец должен был сократить свои расходы и, соответственно, потребление. Всех, согласных с ним, Форд призывал носить соответствующий значок. Кампания полностью провалилась. О готовности приобрести значки сообщили чуть более 100 тыс. человек, то есть менее 0,05 % всего населения.

Форд обратился к Конгрессу с предложением на год повысить на 5 % налог на корпорации и на лиц, чьи доходы составляли более 1 млн долларов в год. Одновременно был разработан план сокращения госрасходов на 4,4 млрд долларов. Оба предложения были отвергнуты. Собственно говоря, президент иного не ожидал, и его инициативы должны были лишь зафиксировать, что администрация стремится преодолеть кризисные явления.

Госбюджет в течение всех лет президентства Форда сводился к дефициту. Президент исправно подписывал законы о бюджете, фактически оказавшись в западне: в случае вето Конгресс мог подтвердить свое решение 2/3 голосов, после чего авторитет Форда окончательно бы рухнул. В январе 1975 г. он выступил с новым предложением, казалось бы, соответствующим позициям демократического большинства: на один год сократить налоги на 16 млрд долларов.

Вначале высмеяв президента за столь быстрый переход от увеличения налогов к их сокращению, обвинив его в беспринципности, Конгресс

принял решение о еще большем уменьшении налогов — почти на 23 млрд долларов. В результате дефицит федерального бюджета увеличился с 53 млрд долларов в 1975 г. до 73,7 млрд долларов в следующем.

В целом внутренняя политика Форда не одобрялась большинством американцев, поддававшихся агитации Демократической партии, которая обвиняла его в слабости и в попытках сорвать работу Конгресса путем наложения вето (действительно, за время президентства Форд наложил вето почти на 50 актов, которые затем принимались вновь квалифицированным большинством). Ни с парламентариями, ни со значительной частью населения Форд, слывший примирителем, не сумел найти общий язык. Даже амнистия Никсона, которая вначале была одобрена как Конгрессом, так и прессой, стала подвергаться все большей критике. Форда упрекали и тем, что принятая при Никсоне поправка к Конституции, снижавшая возраст избирателей до 18 лет, никак не могла войти в действие, так как не получала одобрения 38 штатов (по Конституции требовалось, чтобы поправка была одобрена 2/3 штатов). Находились все новые и новые предлоги, чтобы осудить действия президента. Использовались даже заявления его жены Бетти, которая как-то неосторожно высказалась за право женщин на аборт и отказалась осудить добрый секс. На этот раз возгласы негодования слышались в среде консервативных однопартийцев.

Форд стремился проводить активную внешнюю политику. Он совершил поездки в Китай и СССР, продолжив начатую Никсоном политику снижения напряженности. В ноябре 1974 г. во Владивостоке состоялась встреча Форда с Брежневым, во время которой было подписано совместное заявление о намерении заключить договор об ограничении стратегических вооружений. Собственно говоря, его основы уже были выработаны. Намечалось предельное число в 2400 единиц для каждой стороны для пусковых установок боевых ракет и стратегических бомбардировщиков. Обе стороны могли бы иметь не более 1320 пусковых установок ракет с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения. Оставалось доработать детали и формулировки. Предполагалось заключить новый договор не позднее конца 1975 г., то есть стороны подтвердили свою добрую волю. В этом смысле она была удачной.

Форд был одним из инициаторов создания «группы шести» ведущих в экономическом отношении государств мира, главы которых впервые встретились в Париже в ноябре 1975 г. Сам президент встретился здесь с главами Франции, Великобритании, ФРГ, Италии и Японии. По его предложению в группу была включена Канада, представители которой

затем участвовали в совещаниях объединения, которое стало именоваться «Группой семи». Отметим, что в российской публицистике с начала 90-х гг. термин неправильно расшифровывается по его краткому обозначению G-7 как «большая семерка» (*Great seven*), тогда как на самом деле это сокращение означало «Группа семи» (*Group of Seven*). На парижской встрече была принята декларация, в которой содержался призыв к отказу от агрессивных действий в экономике и от установления дискриминационных барьеров. Этот призыв, разумеется, не устранял противоречий между подписантами и трактовался каждым из них по-своему. В дальнейшем встречи руководителей группы проходили (и проходят) ежегодно.

Хотя в январе 1973 г. было подписано соглашение о прекращении войны во Вьетнаме, Форду пришлось в определенной степени иметь дело с ее последствиями. Связано это было, в частности, с тем, что в декабре 1974 г. войска Северного Вьетнама вторглись на юг, и правительство Южного Вьетнама в очередной раз обратилось к США за помощью, правда, на этот раз только финансовой и военно-технической. Таковая помощь была обещана еще Никсоном. Форд запросил разрешения Конгресса на выделение 722 млн долларов, с тем чтобы на эту сумму выделить современное вооружение и боевую технику. Демократическое большинство решительно отказало. Сенатор Джейкоб Джейвитс заявил о готовности выделить «большие суммы на эвакуацию [остававшихся во Вьетнаме американцев], но ни одного цента на военную помощь».

Настроение не только в Конгрессе, но по всей стране, переживавшей «вьетнамский синдром»^[8], заставили склонного к компромиссам Форда отказаться от поддержки Южного Вьетнама. Выступая в апреле 1975 г. в Тулейнском университете в Новом Орлеане, президент заявил, что Вьетнамская война завершена, «по крайней мере в той ее части, которая касается Америки». Эти слова были встречены аплодисментами, а затем, в отличие от большинства заявлений Форда, получили одобрение в прессе.

Единственное решение Форда, касавшееся Вьетнама, поддержанное законодателями, состояло в проведении эвакуации остававшихся там около 1400 американцев и представителей южновьетнамской элиты (около 5600 министров, высших чиновников, генералов и офицеров, крупных собственников) накануне захвата столицы Сайгона северовьетнамскими войсками 29–30 апреля 1975 г. В страшной суматохе несколько перегруженных вертолетов, которые должны были совершить посадку на американские военные корабли, потерпели крушение, их пассажиры и экипажи частично были спасены моряками, а некоторые погибли. Вскоре после этого был принят закон о помощи беженцам из Индокитая, согласно

которому США приняли около 130 тыс. антикоммунистически настроенных вьетнамцев. Пособия им выдавались из специального фонда в 455 млн долларов. В следующие годы из Южного Вьетнама бежали еще тысячи людей, которые были приняты в США на общих началах как иммигранты, подвергавшиеся политическим преследованиям на родине.

В 1975 г. на жизнь президента Форда дважды совершались покушения, оба раза женщинами и оба раза неудачно. 5 сентября в столице Калифорнии Сакраменто некая Лайнетт Фромм (член террористической банды Чарльза Мэнсона, на счету которой были убийства, в том числе знаменитой актрисы Шэрон Тейт) направила пистолет на Форда, проходившего через толпу и пожимавшего руки людям, но была схвачена за руку агентом секретной охраны, не успев произвести выстрел. 22 сентября в том же штате, в Сан-Франциско, левая экстремистка Сара Мур смогла выстрелить в президента, выходявшего из отеля. Пуля пролетела в нескольких сантиметрах от него и врезалась в стену. Второй выстрел покушавшаяся произвела в другую сторону, так как также была схвачена, на этот раз отставным моряком. На следствии обе женщины пытались объяснить свои акции тем, что Форд плохо служит обществу, но в чем это заключалось, объяснить не могли. Обе были приговорены к пожизненному заключению, а позже помилованы — первая после 34-х, вторая — после 32-х лет отсидки.

Тем временем приближались очередные президентские выборы 1976 г. Многие однопартийцы уговаривали Форда выдвинуть свою кандидатуру. Понимая, что он не пользуется популярностью, в том числе в своей партии, Джеральд вначале отказывался от номинации, но затем нехотя согласился, узнав, что основным его соперником на партийном съезде будет Рональд Рейган, бывший губернатор Калифорнии, который считался правым консерватором, и в кругах республиканцев к нему относились с осторожностью. Действительно, на съезде в Канзас-Сити Форд собрал необходимое большинство голосов уже в 1-м туре и стал партийным кандидатом.

Демократическая партия выдвинула бывшего губернатора штата Джорджия Джимми Картера, который позиционировал себя как «вашингтонский аутсайдер», не имеющий отношения к продажному столичному истеблишменту, и умеренный реформист.

Форд пытался использовать знаменательный юбилей, который страна отмечала как раз в период предвыборной кампании — 200-летие Соединенных Штатов 4 июля 1976 г. Он выступил на торжественном праздновании в Вашингтоне перед грандиозным фейерверком, транслировавшимся по телевидению на всю страну и многие зарубежные

страны. Но и это великолепное представление не спасло Джеральда Форда. Выборы проходили в условиях, когда он стремительно терял авторитет, когда его высмеивали в телевизионных шоу как человека, каждый день меняющего свои решения. Это было весьма выгодно малоизвестному Картеру и принесло ему успех.

Форд и Картер два раза встретились в телевизионных дебатах. Первая встреча прошла на равных. Обозреватели признавали, что оба кандидата ничем значительным себя не проявили, выступали скучно, хотя Картер вел себя более агрессивно, чем Форд. Во время второй встречи Форд допустил два существенных промаха в оценке советского блока, которые затем раздувала пресса. Сначала он, вопреки очевидным фактам, заявил, что «в Восточной Европе не существует советского господства, и его никогда не будет, пока существует администрация Форда». Через несколько минут в том же духе он произнес, что не верит, будто «поляки считают, что они находятся под властью СССР». В советской прессе эти слова злорадно комментировались, а американская публика просто пожимала плечами, услышав из уст президента версию, которая явно противоречила всему тому, в чем ее убеждали на протяжении многих лет.

На выборах 2 ноября Картер опередил Форда незначительным большинством голосов. За него голосовали 40,8 млн избирателей (50,1 %), за Форда — 39,1 млн (48 %). Не очень существенная разница была и в коллегии выборщиков, где сторонниками Картера оказались 297 человек, а Форда поддержали 240.

Покинув Вашингтон после инаугурации Картера, бывший президент отправился в город Денвер, штат Колорадо, где заблаговременно стал совладельцем предприятия по переработке нефти. Изредка он появлялся на публике, главным образом на торжественных церемониях вроде президентских инаугураций и чествования знаменательных дат. В 1979 г. он опубликовал книгу воспоминаний «Время залечивать раны», которая не получила высокой оценки, была сочтена, как писал журнал «Форин афферс», «непретенциозной, подобно самому автору». В 1981 г. на территории Мичиганского университета в городе Гранд-Рапидс была открыта Библиотека Джеральда Форда с архивом и музеем.

Бывшие сотрудники, в том числе Г. Киссинджер, уговаривали Форда принять участие в президентских выборах 1980 г., считая, что его умеренная позиция может сослужить хорошую службу, и он станет номинантом республиканцев. После колебаний Форд отклонил предложение, предпочтя политическим хлопотам спокойную жизнь в провинции.

Но все же его амбиции разыгрались на короткое время, когда выдвинутый кандидатом в 1980 г. Рональд Рейган предложил ему баллотироваться вместе с ним. Согласие выдвигаться на вице-президентский пост Форд обусловил предоставлением ему широких полномочий, в частности в выборе лиц для назначения на ключевые посты. Не было удивительно, что Рейган это предложение отклонил, что Форда особенно не огорчило.

Подчас Форд высказывался по вопросам внутренней и внешней политики, критикуя консервативное крыло республиканцев, но к нему особенно не прислушивались. В то же время немалый скандал вызвало его заявление в октябре 2001 г. о том, что гомосексуалисты должны получить в американском обществе равные права и возможности, наряду с людьми традиционной сексуальной ориентации, что по этому поводу следует принять закон или даже конституционную поправку. В то время такого рода эскапады считались для республиканцев нарушением основополагающих канонов.

Форд был членом советов директоров ряда ведущих коммерческих компаний — «Пульман» (*Pullman, Inc.*), «Тайгер Интернейшнл» (*Tiger International Resources Inc.*) и др., что давало ему хороший доход.

Здоровье стареющего бывшего президента постепенно ухудшалось. В 1990 г. он перенес тяжелую операцию по полной замене коленного сустава. В 2000 г. у него произошли один за другим два микроинсульта. В следующие годы время от времени возникали проблемы с сердцем, справляться с которыми становилось все труднее. Он скончался на принадлежавшем ему небольшом ранчо в Калифорнии в самом конце 2006 г. в возрасте 93 лет от сердечной недостаточности.

Джеральд Форд был похоронен в городе Гранд-Рапидсе, который в течение всей жизни считал своим родным местом.

Память о нем сохраняется главным образом в штате Мичиган. Его имя носит аэропорт в Гранд-Рапидсе и скоростная шоссейная дорога, пересекающая штат. В ряде мест штата воздвигнуты его статуи, можно встретить улицы и площади Форда, школы, названные его именем.

Основные издания:

Ford G. A Time to Heal: The Autobiography. New York, 1979.

Brinkley D. Gerald R. Ford. New York, 2007.

Cannon J. Gerald R. Ford: An Honorable Life. Ann Arbor, 2013.

Kaufman S. Ambition, Pragmatism, and Party: A Political Biography of Gerald R. Ford. Lawrence, Kansas, 2017.

ДЖИММИ КАРТЕР

Родился 1 октября 1924

39-й президент:
20 января 1977 — 20 января 1981

Мы добрались, наконец, до ныне живущих бывших президентов. Первый из них — Джимми Картер — отличается прежде всего тем, что предпочитал (и предпочитает), чтобы его называли не настоящим, данным ему при крещении именем Джеймс Эрл Картер-младший (*James Earl Carter*

Jr.), а уменьшительным, детским именем Джимми. Что хочет он выразить таким оригинальным способом, Картер никогда не объяснял. Можно лишь предположить, что так подчеркивается его простота, доступность, близость к любым общественным слоям.

Выходец с консервативного юга, он был у власти и остался после ухода с высшего поста явным либералом, подчас путая либерализм со снисходительностью или даже сочувствием террористическим режимам и организациям. В качестве президента он выдвигал звучные лозунги, но терпел неудачи в большинстве своих начинаний. Неудивительно, что в Белом доме он удержался лишь один срок.

Джимми начал жизненный путь в крохотном городке Плейнс, штат Джорджия. Он был старшим сыном Джеймса и Бесси Картер, которые занимались мелким бизнесом, владея магазинчиком, где продавалось все необходимое для местных жителей. Была у них и небольшая ферма, на которой выращивались овощи, главным образом для собственного потребления. У Джимми были двое младших братьев и сестра. Будучи подростком, Джимми проявил предпринимательскую хватку. Он попросил отца предоставить ему акр (0,4 га) земли и выращивал на нем арахис, который затем паковал и продавал. Он вступил в юношескую организацию «Будущие фермеры Америки» и считался лидером ее небольшой группы в родном городке.

Только в возрасте 13 лет Джимми поступил в местную школу, считавшуюся полной средней, но дававшую лишь элементарные знания. До этого он занимался дома с родителями. Серьезного систематического образования молодой человек не получил, но пристрастился к чтению, главным образом развлекательной литературы. Как и большинство его соучеников, он занимался спортом, особенно увлекаясь баскетболом. Будучи здоровым и сильным юношей, начитавшись книг о морских приключениях, Джимми еще в школе мечтал о морской карьере. По окончании школы в 1941 г. он подал документы на поступление в Военно-морскую академию в городе Аннаполисе.

В связи с тем, что в академию зачислялись юноши, достигшие 19 лет, и потому, что его школьный аттестат не удовлетворил академическое начальство, Картер стал только кандидатом и должен был перед этим пополнить свое образование. Два года он исправно занимался по инженерной специальности вначале в колледже в городе Америкус, а затем в Технологическом институте штата Джорджия в Атланте. В 1943 г. он, наконец, был принят в Военно-морскую академию, в которой учился удовлетворительно, ничем особым себя не проявил, считался слушателем

сдержанным, тихим, послушно выполняющим приказы начальства. Он окончил академию в 1946 г., оказавшись по успеваемости и другим показателям 60-м из 820 и получив низшее военно-морское офицерское звание мидшиппмена, которое равнозначно русскому гардемарину. Впрочем, почти сразу он был повышен в звании, став мичманом. Еще обучаясь в академии, Картер сблизился с Розалин Смит, подругой своей сестры Рут. Они договорились о браке и обвенчались сразу после того, как Джимми окончил академию.

Молодого офицера часто перебрасывали с одного корабля на другой. Он служил на Атлантическом и Тихом океанах. Розалин безропотно следовала за ним. Семья жила на военно-морских базах, к которым были приписаны корабли, где проходила служба Картера. С 1947 по 1952 г. в семье появились трое сыновей, а еще через 15 лет — дочь. Только она — Эми Картер — приобрела определенную известность, став историком искусств.

Лишь в 1949 г. Картер получил звание младшего лейтенанта, а еще через три года был прикомандирован к группе, которая готовилась к службе на атомных подводных лодках, находившихся пока только в процессе начальных испытаний. Как раз в то время был заложен первый в мире подводный корабль с атомным реактором «Наутилус» (*Nautilus*), который был спущен на воду в начале 1954 г.

Группой руководил известный специалист по подводным лодкам капитан Хайман Риквер, родившийся в Российской империи и в раннем детстве вместе с родителями иммигрировавший в США. С 1949 г. он руководил программой создания атомных подводных лодок. Картер не раз говорил, что, помимо родителей, на его развитие наибольшее влияние оказал этот яркий человек, ставший позже четырехзвездным адмиралом, которого заслуженно считают отцом атомного военного флота США.

По решению Риквера осенью 1952 г. Картер был направлен в Вашингтон в Комиссию по атомной энергии для изучения работы создаваемых военно-морских атомных реакторов. Однако 12 декабря 1952 г. ошибка персонала лаборатории Чолк-Ривер в канадской провинции Онтарио привела к расплавлению активной зоны реактора, который был частично разрушен. Большое количество загрязненной воды попало на соседние пространства, возникла опасность, что радиоактивные массы окажутся в реке Оттава. Правительство Канады обратилось за помощью к США. Команду спасателей организовал Риквер. Картер был немедленно отозван из Вашингтона и направлен на место катастрофы. Как и другие члены команды, он в защитной одежде входил на несколько минут в

поврежденный реактор и работал по очистке его от крайне опасных, зараженных элементов оборудования. Дисциплинированный офицер не уклонялся от этой работы, но на всю жизнь, как он позже говорил, возненавидел атомную энергию, тем более в ее военном варианте. Последнее можно поставить под сомнение, так как вскоре после инцидента, в марте 1953 г., Картер был направлен на шестимесячные курсы по подготовке операторов атомных реакторов в Скенектади, штат НьюЙорк. Предполагалось, что он будет включен в экипаж второй атомной подводной лодки «Морской волк» (*Seawolf*), которая в это время строилась. Видимо, решимость покончить с атомными делами и вообще с флотом созрела именно во время обучения на этих курсах. К тому же скончался отец Картера, сын получил отпуск для участия в похоронах, а после них обратился к командованию с рапортом об отчислении из флота в связи с намерением заняться бизнесом.

Видимо, Картер не был столь уж видным «атомщиком», так как Риквер дал немедленное согласие на его увольнение. Перед самым окончанием курсов в Скенектади лейтенант Картер был освобожден от активной военной службы. Он оставался в военно-морском резерве до 1961 г., после чего покинул и его, так и оставшись лейтенантом. Власти США были щедры на награды воинам. Хотя Картер, кроме работы по ликвидации аварии на канадском реакторе, ничем себя не проявил на военной службе, он был награжден четырьмя медалями, в том числе почему-то медалью за победу во Второй мировой войне.

Вернувшись в Джорджию, Картер унаследовал небольшой участок земли на отцовской ферме. Первое время его семья, в которой уже были трое сыновей, вынуждена была даже жить в квартире дома для бедных, субсидируемого властями. К тому же первый урожай арахиса на его участке, который Джимми, как он уже стал себя называть, вырастил на своей полоске земли, был крайне низким из-за засухи.

Картер, однако, не унывал. У него была определенная инженерная квалификация, он стал изучать агрономические учебники, вспомнил свой подростковый опыт выращивания арахиса. Уже следующий урожай был изобильным. Созданная Картером ферма стала постепенно расширяться. Возник семейный бизнес, который включал не только выращивание, но также упаковку и продажу арахиса оптовикам. Розалин овладела бухгалтерской профессией. Через пару лет хозяйство стало давать прибыль, и даже был построен склад, на котором хранился арахис в ожидании наиболее выгодных цен.

Постепенно у Джимми Картера стал возникать интерес к политике.

Связан он был, как и можно было предполагать, с острым в южном штате расовым вопросом. В 1954 г. Верховный суд принял решение по делу «Браун против Совета по образованию», которое осуждало сегрегацию негров в учебных заведениях. В Плейнсе и соседних городах и местечках юга стали проводиться собрания и митинги протеста против этого решения, в пользу дальнейшего отделения черных от белых в образовательных учреждениях. Картер не только отказывался принимать участие в них, но несколько раз высказался против сегрегации. В ответ местный Совет белых граждан принял решение бойкотировать картеровский склад, что, впрочем, существенно на бизнесе не отразилось, так как арахис закупали в основном оптовые торговые конторы из других мест. Правда, в связи с острыми заявлениями местных расистов в его адрес Картер присмирел и перестал открыто выражать свою позицию по расовому вопросу.

Однако обстановка и в стране в целом, и на юге в частности, быстро менялась. Расисты вынуждены были отступать. Картер и другие противники сегрегации осмелели и стали вновь выступать открыто. В 1961 г. Картер был избран председателем школьного совета графства Самтер, в которое входил Плейнс. В 1962 г. Картер выдвинул свою кандидатуру в Сенат штата Джорджия, причем поступил так всего за 15 дней до выборов. Вначале было объявлено, что он проиграл выборы, но пересчет голосов в связи с доказанными случаями фальсификации позволил уточнить результаты, и Картер занял место в законодательном органе.

Это было время президентства Дж. Кеннеди, который энергично выступал за равные гражданские права и пользовался популярностью по всей Америке, тем более после благоприятного завершения Кубинского кризиса. Картер объявил себя последователем и почитателем Кеннеди и в этом качестве стал несколько более энергично выступать против конкретных случаев сегрегации и дискриминации в целом, в частности при сохранявшихся еще в Джорджии тестах грамотности для допуска к избирательным урнам. Он вспоминал, что известие об убийстве Кеннеди повергло его в глубочайший траур.

В Сенате штата Картер установил много полезных знакомств, проявил себя как прилежный исполнитель директив демократических боссов. Он был избран в Исполнительный комитет парторганизации штата. А в легислатуре он возглавил Комиссию по планированию и развитию, которая занималась в первую очередь распределением федеральных средств и частных грантов на различные проекты, в частности на реставрацию исторических памятников.

В 1964 г. Джимми был переизбран в Сенат, где возглавил Комиссию по образованию и стал членом Комиссии по бюджету. Если раньше он предпочитал работать только в легислатуре, то теперь стал разъезжать по штату и вести себя как политик с возмужавшими амбициями. В конце своего второго срока он объявил о намерении баллотироваться в федеральный Конгресс. Очень скоро он, однако, свое решение изменил, объявив, что будет добиваться поста губернатора Джорджии. Связано это было с тем, что республиканцы выдвинули на пост губернатора конгрессмена Роберта Галлавея, считавшегося сильным кандидатом. Консервативные демократы, хозяйничавшие в Джорджии после реконструкции, опасались утратить свои позиции. Они решили противопоставить Галлавею именно Картера, который вроде бы не имел конкретной политической окраски и мог угодить разным избирателям.

Действительно, в ходе первичных выборов Картер определял свою идеологию как «консервативную, либеральную, умеренную, то есть среднюю». Иначе говоря, он почти открыто признавал, что не имеет определенной идеологии и будет действовать сообразно обстоятельствам. Однопартийцам это не понравилось, Картеру в номинации отказали. Был выдвинут другой кандидат — консерватор и сегрегационист Лестер Мадокс, который и стал губернатором.

Потерпев поражение, Картер вновь вернулся к бизнесу, параллельно готовясь к кампании 1970 г. На этих выборах он в целом сохранил промежуточную, неопределенную позицию, но все же высказывался в более консервативном духе, чем ранее. Одновременно он в соответствии с настроениями, распространенными в Джорджии, стремился продемонстрировать свои глубокие религиозные убеждения. Он объявил себя евангелистом — сторонником протестантского течения, которое проповедовало необходимость буквального исполнения установок Евангелия — личного духовного возрождения, строгого соблюдения этических норм и активной миссионерской деятельности. Трудно сказать, насколько искренними были патетические заявления Картера по поводу того, что, став евангелистом, он «заново родился», но на часть населения штата они производили впечатление, тем более что Джимми совершил несколько миссионерских поездок. В любом случае с политической точки зрения его евангелизм оказался выгодным бизнесом.

Конкурентом на первичных выборах был бывший губернатор либерал Карл Сандерс. Чтобы противостоять ему, Картер объявил себя «консервативным популистом», не очень вдаваясь в разъяснения, что это значит. Он обвинил Сандерса в коррупции, но в ответ на требования

журналистов доказать это проявил полную беспомощность.

Явная беспринципность выявилась в его позиции по вопросу о правах черных. При встречах с афроамериканскими активистами, включая М. Л. Кинга, он распинаясь в обещаниях добиться полной ликвидации сегрегации в штате. В то же время он переписывался с Джорджем Уоллесом из Алабамы, считавшимся лидером сторонников сегрегации в национальном масштабе, и приглашал его в штат для выступлений. По мере развертывания избирательной кампании, имея в виду интеграционные установки своего соперника Сандерса, Картер усиливал поддержку расистов и даже в качестве «разоблачительного материала» опубликовал фотографию Сандерса, тепло общавшегося с черными баскетболистами. Картер был номинирован демократами, а затем выиграл выборы и стал губернатором Джорджии. Вслед за этим он изменил тон и стал выступать против наиболее откровенных проявлений расизма. Свою беспринципность он проявил уже в инаугурационной речи, которая, судя по прессе, просто шокировала штат. Он заявил: «Ни один бедный, сельский, слабый или черный человек не должен нести дополнительное бремя, будучи лишенным возможности получить образование, работу или просто справедливое отношение к себе».

Впрочем, за пределами Джорджии о двойственном поведении Картера перед выборами было известно мало, и даже популярный журнал «Тайм» опубликовал в мае 1971 г. статью о «прогрессивном новом юге», посвященную в основном Картеру, поместив на обложке его портрет.

На посту губернатора Картер занимался в основном текущими делами. Он стремился сократить бюджет штата путем объединения ведомств, провел через легислатуру решение о выделении средств на создание учреждений дошкольного воспитания детей, выступил инициатором реформы мест заключения путем предоставления бóльших прав заключенным, в частности возможности получать заочное образование. Не раз он в выступлениях по местному телевидению и на пресс-конференциях заявлял о тех или иных реформах (о создании совета по правам человека, о ликвидации поста вице-губернатора и др.), но тотчас после этого забывал о сказанном и не предпринимал никаких конкретных шагов.

Некоторые меры были приняты по расширению прав негритянского населения. Рядом распоряжений губернатор назначил на административные и судебные должности черных чиновников и юристов. Было широко объявлено о назначении афроамериканки Риты Сэмюэлс советником по назначениям на должности. Столь же демонстративный характер носило размещение портрета М. Л. Кинга в Капитолии штата в Атланте,

сопровожаемое демонстрацией протеста, организованной расистами.

Постепенно губернатор стал задумываться о выдвижении на высший пост в стране. В частности, после визита в апреле 1972 г. в Бразилию Джимми заявил, что во время встречи с президентом этой страны Эмилио Медичи последний сравнил его с покойным Джоном Кеннеди.

Естественно, губернатор штата был фактическим руководителем делегации Джорджии на съезде Демократической партии 1972 г., где определялся кандидат в президенты. Картер вел закулисные переговоры по поводу выдвижения его в вице-президенты вместе с Джорджем МакГоверном, который стал партийным кандидатом. Губернатор Джорджии, однако, был мало известен в национальном масштабе, и его кандидатура была отвергнута. По этому поводу он позже особенно не сожалел, тем более что демократы выборы проиграли, и президентом был повторно избран Никсон.

После этих выборов, особенно на фоне разворачивания Уотергейтского дела, Картер прилагал все силы, чтобы приобрести общенациональную известность, намереваясь в 1976 г. вступить в борьбу за пост вице-президента или даже президента. Он выдвигал свою кандидатуру на пост председателя Национальной ассоциации губернаторов, но выборы проиграл. В 1973 г. он выступил в телевизионной игре «В чем состоит мой курс», один из элементов которой состоял в узнавании деятеля по его ответам на вопросы, касающиеся его политики. Само участие в этой игре означало, что речь идет о неизвестных в национальном масштабе деятелях — ведь известных просто можно было узнать в лицо. Да и по ответам на вопросы Картера смогли определить в качестве «губернатора одного из штатов» только в 8-м раунде игры. Так что ко времени выборов 1976 г. имя Джимми Картера для подавляющего большинства американцев оставалось малоизвестным.

Тем не менее уже в декабре 1974 г. Картер объявил, что не будет более выдвигать свою кандидатуру на пост губернатора, так как предполагает включиться в соревнование за пост президента США. Подавляющее большинство не только избирателей, но и политиков, узнав о выдвижении, задавали вопрос: «Кто это такой?» Действительно, судя по опросам, его имя было известно не более чем 2 % (!) американцев. Правда, за год рейтинг узнавания несколько вырос, составив в январе 1976 г., поданным Института Гэллапа, 4 %.

Однако на протяжении 1-й половины года положение стало быстро меняться. Одним из последствий «Уотергейта» было резкое падение авторитета столичного истеблишмента, не только республиканского, но и

демократического. Появление на федеральной арене провинциала, человека, не относящегося к определенной группе, причем не только стоящего вне этой группы, но и противоположного ей, привлекало все большее внимание. Постепенно осознав это свое преимущество, Картер стал как можно активнее его использовать.

Выступая по телевидению и в печати, начав разъезжать по стране, Джимми много говорил о реорганизации всех отраслей власти, хотя не объяснял, в чем именно она должна состоять. Заручившись финансовой поддержкой ряда корпораций, он в июне выпустил большим тиражом брошюру «Почему не лучший?», имея в виду, что на высшие государственные посты обычно избираются отнюдь не лучшие кандидаты, а только те, кто имеет широкие связи. Как видно, самого себя он считал действительно лучшим. В первичных выборах Картер в двух случаях (в Айове и Нью-Гемпшире) оказался на первом месте.

В своих выступлениях он обращался к избирателям как Юга, так и Севера. На Юге он играл роль верного сына этой части страны, уважающего ее традиции и намеренного их защищать. Несколько раз он упоминал в позитивном смысле имя крайнего расиста Джорджа Уоллеса, хотя одновременно вел разговор о гражданских правах для всех американцев. Речи строились так, чтобы каждая группа могла услышать именно то, что было ей по вкусу. На Севере страны он апеллировал главным образом к жителям небольших провинциальных городов и фермерам, отстаивая не раскрываемые им подробно «традиционные ценности» свободного мелкого предпринимательства и демократического выбора. Немаловажным элементом его стратегии было стремление побывать в том или ином штате прежде, чем там окажется какой-либо соперник. Еще до национального партсъезда он посетил 37 штатов и произнес более 200 речей.

Неожиданно оказалось, что он вышел на первый план. Хотя его выступления носили, как правило, общий характер, все же некоторые сравнительно конкретные обещания можно было услышать. В области внешней политики наибольшее внимание обращалось на необходимость подписания договора с СССР о неприменении и сокращении ядерного и ракетного вооружения. Главное внимание уделялось внутренним делам: он требовал сокращения оборонного бюджета, значительного повышения налогов на наиболее крупные состояния и сокращения налогов на мелких и средних собственников, расширения социального законодательства (без какой-либо конкретизации), сбалансирования бюджета к концу четырехлетнего пребывания на президентском посту.

К лету 1976 г. демократы, наконец, спохватились, что номинацию может получить южанин Картер, и даже организовали движение, названное «АВС» (*Anybody but Carter*, «Кто угодно, кроме Картера»). Их основным аргументом было то, что Картер как представитель юга может оказаться консервативным кандидатом, неприемлемым для большинства членов Демократической партии. Их кампания, однако, началась слишком поздно для того, чтобы устранить «картеровскую опасность». К тому же непосредственно перед съездом сам Картер сменил тон выступлений, подчеркивая свои либеральные взгляды.

Предвыборный съезд Демократической партии состоялся в Нью-Йорке 12–15 июля 1976 г. Ко времени съезда было ясно, что за Картера выскажутся большинство делегатов, тем более что он обещал взять (и взял) в качестве кандидата в вице-президенты известного либерала, сенатора из Миннесоты Уолтера Мондейла. Подозрения делегатов северных штатов, если они еще сохранялись, были развеяны тем, что кандидатура Картера была выдвинута Барбарой Джордан, афроамериканкой, членом Палаты представителей и одним из руководителей движения за гражданские права. В результате он стал кандидатом уже в 1-м туре.

На выборах 2 ноября Картер победил действующего президента Дж. Форда небольшим большинством. Он торопился сформировать свой кабинет до вступления в должность и уже в декабре 1976 г. объявил о ряде назначений. Госсекретарем должен был стать Сайрус Вэнс, южанин из Вирджинии, занимавший ряд постов в кабинете Кеннеди, в том числе секретаря по делам сухопутных войск. Вэнс считался либералом, сторонником нахождения компромиссных решений. В то же время своим советником по национальной безопасности Картер избрал этнического поляка Збигнева Бжезинского, видного советолога и политолога, одного из создателей концепции тоталитаризма как системы, охватывающей все сферы жизни общества, в противоположность авторитаризму, представляющему только диктаторскую и насильственную государственную власть. Бжезинский был сторонником жесткой политики в отношении СССР. Трудно сказать, чем руководствовался Картер, назначая на связанные между собой должности столь разных людей, как Вэнс и Бжезинский. Сложилось, однако, так, что они сработались, и их активность в какой-то мере смягчала неудачи, которые преследовали Картера во внешней политике.

Секретарем по делам торговли была назначена профессор Хуанита Крепе, автор нескольких трудов по экономике, посвященных главным образом месту женщин в хозяйственной деятельности. Однако Крепе не

проявила должной активности, оставаясь послушным исполнителем противоречивых распоряжений Белого дома.

Более удачным было назначение адвоката из Атланты Гриффина Белла генеральным прокурором. Правда, Картера остро критиковали за привлечение в правительство своего близкого знакомого из Джорджии, но Белл показал себя хотя и не весьма инициативным, но честным чиновником. Он ввел в практику ежедневные публикации сведений о всех своих контактах, включая телефонные разговоры с Белым домом. Картер вначале возражал, но позже согласился с Беллом, что в постуотергейтский период необходимо значительно поднять авторитет Департамента юстиции.

Четырехлетнее правление Картера было временем неудач как во внутренней политике, так и на международной арене. Еще при Никсоне разразился энергетический кризис, связанный с сокращением добычи нефти в странах Ближнего Востока. Его последствия еще ощущались в США, когда в конце 70-х гг. возникли новые трудности с поставками энергоносителей. Исламская революция в Иране привела почти к полной остановке работы местной нефтяной промышленности, при том что Иран являлся одним из крупнейших поставщиков. Ситуация еще более обострилась с началом ирано-иракской войны. Мировой рынок охватила паника, за которой последовал небывалый рост цен на энергоносители.

Справиться с возникшей ситуацией Картер оказался не в состоянии. Вместо выработки и реализации чрезвычайных мер он ограничился дешевой пропагандой. Президент обратился к населению с призывом экономить электроэнергию и распорядился установить на крыше Белого дома солнечные батареи. Он объявил, что работает в своем кабинете в теплом свитере, чтобы уменьшить расходование энергии, и призвал сограждан поступать таким же образом. Президента высмеивала печать, в том числе и демократическая. В правительстве был, правда, создан Департамент энергетики, но существенных мер по преодолению энергетического кризиса он не предпринял.

Все новые и новые выступления президента с призывами экономить энергию приводили лишь к падению его авторитета, который в первые месяцы президентства был значительным. Привыкшие к дешевому бензину американцы винили в резком повышении своих расходов Картера. Хотя его вина существовала, она была сопряжена с объективными, труднопреодолимыми факторами. На встрече «Группы семи» в Токио 28–29 июня 1979 г. от имени «расстроенных и обозленных потребителей» он в очередной раз обрушился с обвинениями в адрес производителей нефти. В отличие от США другие страны «Группы семи» после всплеска кризиса в

1973 г. занялись созданием государственных нефтяных резервов. В США властям, занятым Уотергейтским делом, было не до этого, Картер же проявил явную легкомысленность, полагая, что проблема рассосется сама собой. Он призвал к разработке «всесторонней энергетической программы», но этим дело фактически ограничилось.

Особое недовольство вызвало выступление Картера по телевидению 15 июля 1979 г., вскоре после встречи «семерки», в котором он заявил о возникновении в связи с энергетическим кризисом «кризиса доверия» американского народа своему руководству. В прессе это выступление окрестили «картеровским недомоганием», фактически намекая на то, что президент теряет рассудок.

Хотя в первые месяцы своего президентства Картер многократно говорил о своих добрых отношениях с Конгрессом, практически деловые отношения с законодателями установить не удалось. В своих неудачах, в частности в отказе Конгресса принять предложенный им закон об ограничении продажи бензина не только частным лицам, но и фирмам, он усмотрел злой умысел либеральной фракции своей партии. Особенно настойчиво в саботаже его предложений он обвинял Эдварда Кеннеди, младшего брата покойных Джона и Роберта Кеннеди, сенатора, который, по словам Картера, стремился занять президентский пост.

Даже со спикером Палаты представителей демократом Т. О'Нилом президент не смог установить деловых отношений. Конфликт начался с мелочи. После инаугурации Картер пригласил руководство Конгресса в Белый дом на завтрак, на котором вместо полноценного меню подали кофе с печеньем. О'Нил счел это оскорблением и покинул Белый дом до окончания завтрака, после чего буквально в штыки встречал всякую инициативу Картера.

Президент предложил Конгрессу малообоснованный проект всеобщего обязательного медицинского страхования. С большим трудом он был принят Сенатом, но отвергнут Палатой представителей как требующий не только дополнительных расходов со стороны населения (конгрессмены называли их «штрафом за доброе здоровье»), но и огромных дополнительных государственных расходов в условиях хронического дефицита. Имея в виду, что с подобными планами выступал сенатор Э. Кеннеди, президент встретился с ним в надежде достичь компромисса. Однако амбиции сенатора, смотревшего свысока на выскочку-президента, не дали возможности договориться.

Успешнее оказалась президентская инициатива по созданию Департамента образования, которого в правительстве до этого не

существовало в качестве отдельного органа (этими вопросами ведал Департамент здравоохранения, образования и социального обеспечения). Закон о создании самостоятельного ведомства был принят в октябре 1979 г., что позволило (уже по окончании полномочий Картера) провести важные изменения в создании целостной системы общего образования, выработки единых программ и критериев оценки знания учащихся школ, финансируемых государством. Многие наблюдатели считают, что создание Департамента образования было единственным позитивным мероприятием Картера в области внутренней политики.

Попытка же отказаться от государственного регулирования в ряде отраслей дала ничтожные результаты: удалось провести соответствующие меры, и то частично, только по отношению к авиаперевозкам и производству пива. Разумеется, эти «дерегуляционные акты» были несоизмеримы с обещаниями.

Внешняя политика Картера не была однозначной. В основном инициативы принадлежали не ему, а Бжезинскому и Вэнсу. Были продолжены начатые ранее переговоры с СССР об ограничении стратегических вооружений и выработан соответствующий договор ОСВ-2. Договор был подписан в торжественной обстановке 18 июня 1979 г. во время встречи Картера с Брежневым в Вене. Однако через полгода советское руководство ввело войска в Афганистан, что Запад расценил как вмешательство в дела другой страны. Тот факт, что эти действия были проявлением глобальной внешнеполитической стратегии, в которой СССР противостоял США, также ведущим политику с позиции силы, при этом игнорировался. Ответом правительства Картера было оглашение намерения начать широкомасштабное финансирование афганских антикоммунистических вооруженных формирований, значительная часть которых придерживалась экстремистских исламистских взглядов. Также Сенат США по предложению правительства отказался от ратификации ОСВ-2.

В конце 1970-х гг. международная напряженность вновь обострилась. Президент США связал это с борьбой за демократию во всем мире, против коммунистической угрозы. СССР обвинял во всех бедах агрессивную внешнюю политику американского империализма, диктуемую военно-промышленным комплексом США. В идейно-политическом отношении советская внешнеполитическая позиция была несравненно более уязвима. В то же время венские переговоры Картера с Брежневым и подписание ими договора ОСВ-2 оценивались большинством американских аналитиков (прежде всего республиканцами, но также и рядом демократов) как уступка

коммунистам.

Пытаясь сохранить реноме, Картер в 1980 г., в конце своего президентства, выдвинул «новую ядерную стратегию», которая не исключала возможности ядерной войны, опираясь на ядерно-ракетное преимущество США, которое после долгих лет отрицания было, наконец, признано. Предусматривалось нанесение ударов в первую очередь по ядерным объектам СССР, чтобы затем произвести новые удары по крупным городам. К новой стратегии в самих США относились с недоверием, имея в виду многочисленные заявления Картера о недопустимости ядерной войны. Ситуация продолжала обостряться в результате уничтожения советской ПВО нескольких американских разведывательных самолетов, то ли действительно нарушивших воздушное пространство СССР, то ли оказавшихся вблизи от соответствующей линии. США и некоторые другие страны Запада бойкотировали летние Олимпийские игры 1980 г. в Москве.

Именно при Картере США потерпели еще одну внешнеполитическую неудачу: произошла уже упоминавшаяся Исламская революция в Иране, в результате которой был свергнут лояльный к Западным державам шах Мохаммед Реза Пехлеви, в стране возник теократический режим, а новый фактический диктатор аятолла Хомейни объявил Америку «большим дьяволом». Поскольку Картер увлекался риторикой о правах и свободах, после переворота в Иране он оказался в весьма неудобном положении. Вначале он занял вроде бы сочувственную позицию по отношению к Исламской революции, а 10 октября 1978 г. заявил о губительности насильственной вестернизации традиционных обществ, заметив, что «шах слишком рьяно взялся за установление демократии в Иране и за формирование прогрессивного взгляда в отношении социальных проблем». Затем в прямом противоречии с предыдущими декларациями, но учитывая новые реалии, связанные с событиями в Иране, Картер в январе 1980 г. объявил район Персидского залива зоной интересов США, где он был готов в случае необходимости применить вооруженные силы. Это заявление стали именовать «доктриной Картера», хотя носило оно частный и недолговечный характер. Получалось, что Джимми Картер считал, что он должен иметь для истории собственную доктрину, подобно доктринам бывших выдающихся президентов Трумэна и Эйзенхауэра, а также Никсона, которого Картер выдающимся не считал.

Неудачи преследовали Картера и в Центральной Америке, в частности в Никарагуа, где после свержения диктатора Анастасио Сомосы к власти пришли левые силы, инспирируемые коммунистическими властями Кубы, хотя и не следовавшие коммунистическим принципам и остававшиеся на

общедемократических позициях.

Еще большему падению авторитета Картера способствовал «инцидент с кроликом», непродуманно рассказанный им представителям прессы и затем издевательски раздутый журналистами. Произошло следующее. Когда Картер отдыхал в родном городе Плейнсе в августе 1979 г. и отправился на лодке на рыбалку, к нему подплыл зверек, которого называют морским кроликом (он обычно водится в болотах). Президенту показалось, что это опасный хищник, который собирается на него напасть. Он несколько раз отгонял его веслом, чем, собственно, история и завершилась. Но когда он сообщил об этом прессе, у журналистов создалось впечатление, что Картер сильно испугался животного, счел его бешеным, удрал от него. В печати появились сатирические намеки, карикатуры и прочие подобные материалы. Газета «Вашингтон пост» опубликовала передовую статью под заголовком «Банни становится Багзом^[9]: Президент атакован кроликом». От частного случая пресса переходила к обобщениям, называя Картера беспомощным и слабым политиком. Тот факт, что подобная мелочь так шумно комментировалась, был показателен для характеристики итогов президентства Картера.

На президентских выборах 1980 г. Картер попытался добиться переизбрания. Он конкурировал с известным республиканцем, бывшим губернатором Калифорнии Рональдом Рейганом, который уже участвовал в президентских выборах 1976 г., но тогда номинирован был не он, а Дж. Форд. Теперь же Рейган в ходе кампании легко обыгрывал Картера. Рейгану было особенно приятно, когда ему удавалось уязвить Картера, который, в свою очередь, не жалел красок, чтобы представить своего соперника исчадием ада. Не приводя никаких доказательств, Картер обвинял Рейгана, что тот является поджигателем войны (это выражение охотно подхватывала пресса СССР, впрочем обвиняя самого Картера в том же). В вопросах внутренней политики основной огонь был направлен на предложения Рейгана сократить госбюджет, уменьшить налоги и расширить права штатов. Картер бил тревогу, утверждая, что это приведет к тяжелейшему экономическому кризису. При этом проводилось различие между понятиями «рецессия», под которой подразумевался застой или незначительное падение производства, и «депрессия», то есть катастрофическое падение производства и связанных с ним областей общественной жизни (невозможность расчетов по долгам, крах банковской системы, массовая безработица, социальные волнения и др.). На подобные обвинения Рейган обычно отвечал не по существу, а используя броские выражения. 1 сентября он, например, выступил на праздновании Дня труда

в городе Джерси-Сити, недалеко от Нью-Йорка. В центре внимания прессы осталось только одно выражение, причем принадлежавшее президенту Трумэну, которое Рейган лишь дополнил. Трумэн в свое время иронически говорил: «Рецессия происходит тогда, когда ваш сосед теряет работу. Депрессия происходит, когда работу теряете вы». К этому Рейган добавил весьма оптимистичные для себя слова: «Восстановление происходит тогда, когда работу теряет Джимми Картер».

Позиции Картера резко ослаблял продолжавшийся международный кризис, связанный с захватом мусульманскими экстремистами посольства США в Тегеране. «Посольский кризис» продолжался 14,5 месяца. Во всем мире он рассматривался как свидетельство резкого ослабления влияния США, неспособности американского руководства и лично Картера спасти жизни своих соотечественников.

Посольство было захвачено студентами-экстремистами 4 ноября 1979 г. Они выдвигали ряд требований, из которых главным была выдача иранским властям бывшего шаха, находившегося на лечении в Нью-Йорке. Одновременно была развернута пропагандистская кампания, утверждавшая, что захват посольства осуществлен, чтобы сорвать заговор американского империализма и международного сионизма против Исламской революции. В заложники были взяты 66 человек, из которых были освобождены 13 (афроамериканцы и женщины), а позже еще один человек в связи с болезнью. Власти Ирана вначале отмалчивались, но вскоре заявили о поддержке экстремистов. В ответ Картер объявил о замораживании иранских счетов в банках США, а затем разорвал дипломатические отношения с Ираном и ввел полное экономическое эмбарго.

В руководстве американской администрации шли споры, как следует действовать далее. Госсекретарь Вэнс настаивал на отказе от военного вмешательства, полагая, что ему удастся решить проблему путем переговоров. Видимо, основной расчет Вэнса был связан с тем, что бывшему шаху, по прогнозам врачей, оставалось жить недолго, что после его смерти дело разрешится без особых трудностей. Шах, однако, не умирал. В результате Картер согласился на проведение операции по захвату посольства.

Операция по освобождению заложников провалилась, так и не начавшись. По плану предполагалось осуществить высадку в пустыне и одновременно захватить расположенный неподалеку от Тегерана небольшой аэродром. Но ни то ни другое осуществить не удалось. У части вертолетов, приземлившихся на территории Ирана 24 апреля 1980 г.,

обнаружились дефекты, в результате которых их пришлось бросить, один из вертолетов столкнулся с самолетом-заправщиком, возник пожар, несколько военнослужащих погибли. В результате операция была отменена, а участвовавшие в ней американцы с огромным трудом покинули Иран.

Смерть шаха 27 июля, а затем начавшаяся война между Ираном и Ираком несколько облегчили переговоры об освобождении заложников, посредниками в которых выступали дипломаты Великобритании и Алжира. Переговоры шли крайне медленно, с перерывами, и влияли на избирательную кампанию, подрывая позиции Картера и его администрации, которых обвиняли в полной государственной импотенции, о чем с немалой обидой писал Картер в своем дневнике.

Удалось провести только один тур дебатов менее чем за неделю до выборов — 28 октября. Претенденты встретились в Кливленде, штат Огайо. Дебаты транслировались по всем телевизионным каналам и, по данным статистиков, собрали наибольшую аудиторию за последние десять лет. Сами дебаты зрителей разочаровали. Картер рассчитывал привлечь симпатии избирателей, заявив, что якобы спросил свою 12-летнюю дочь Эми, какой вопрос сейчас самый главный, и она ответила: «Контроль над ядерным оружием». Однако эти слова, приписанные ребенку, вызвали шквал насмешек над президентом в республиканской прессе, оценившей их как не свойственные детям. Появилась даже карикатура, изображавшая Картера с дочерью, сидящей у него на коленях и задающей вопросы: «А как с экономикой? А как с заложниками?»

Все это предопределило исход голосования 4 ноября. За Рейгана было подано 43,9 млн голосов (50,1 %), за Картера — 35,5 млн (41 %). Разница была серьезной, но о сокрушительном поражении Картера говорить не приходилось. Совершенно иной была картина результатов по штатам. Картеру удалось опередить соперника только в шести штатах и в столице, Рейган победил в 44 штатах. В коллегии выборщиков кандидат республиканцев получил 489 мест, кандидат демократов — 49.

Оставив президентский пост, Картер занялся активной общественной деятельностью, пытаясь, в основном безуспешно, восстановить свой образ борца против бесправия, нищеты и защитника прав человека в международном масштабе. В 1982 г. на средства филантропов был основан Центр Картера. Расположенный в столице Джорджии Атланте, центр является неправительственной организацией, провозглашающей своей задачей содействие реализации прав человека и уменьшению человеческих страданий. В основном, однако, цель этой организации состоит в

сохранении и даже развитии авторитета и престижа бывшего президента, пропаганде его миссий «доброй воли», которые далеко не всегда являются проявлениями таковой.

Утверждая, что он не является врагом Государства Израиль, Картер и через свой центр, и лично всячески пропагандирует и защищает палестинские организации, в частности Хамас, оправдывая их акции против израильских граждан, ракетные налеты на города Израиля, убийства мирных жителей. Картер объявлял своим другом лидера Организации освобождения Палестины (ООП) Ясира Арафата, а после смерти последнего дважды демонстративно посетил его могилу. По некоторым направлениям Центр Картера провел ряд важных гуманитарных мероприятий, связанных с действительным нарушением прав человека в 630 некоторых странах, просвещением в области здравоохранения, наблюдением за ходом выборов и т. д.

С 1986 г. в Атланте работает Библиотека Картера, включающая его архив и музей.

В 2002 г. Картер был удостоен Нобелевской премии мира за усилия «по нахождению мирных решений международных конфликтов, содействие демократии, осуществлению прав человека, экономическому и социальному развитию». Сами эти формулировки решения Нобелевского комитета вызывают недоумение, ибо представляют отставного и маловлиятельного политика в роли некоего видного миротворца и демократа. Это явно не соответствует действительности, так как реальное влияние Картера в этих областях незначительно. Как видно, пропагандистская машина, опирающаяся на эмоции, а не на факты, сработала в данном, как и во многих подобных случаях, в полной мере.

В 1982 г. вышли в свет первые, сравнительно небольшие по объему мемуары Картера. В 2008 г. появилась новая книга. Любопытно, что она посвящена не его в основном безуспешной президентской деятельности, а последующему этапу общественной активности, который, как видно, он считает более важным. Своим воспоминаниям автор дал весьма претенциозное название «Вне Белого дома: Борьба за мир, преодоление болезней, строительство надежд». Помимо восхваления собственной деятельности, книга содержит критику фактически всех последующих президентов США.

В 2015 г. у Картера был диагностирован рак печени. После удаления части печени врачи обнаружили метастазы, в том числе в мозгу. Интенсивное лечение иммунопрепаратами позволило ликвидировать метастазы, о чем было сообщено прессе уже в декабре 2015 г.

В наши дни Картер, которому в октябре 2018 г. исполнилось 94 года, является старейшим бывшим президентом.

Основные издания:

Carter J. Keeping Faith. New York, 1982.

Carter J. Beyond the White House: Waging Peace, Fighting Disease, Building Hope. New York, 2008.

Bourne P. Jimmy Carter: A Comprehensive Biography from Plains to Post-Presidency. New York, 1997.

Dumbrell J. The Carter Presidency: A Re-Evaluation. Manchester, 1995.

Kaufman B., Kaufman S. The Presidency of James Earl Carter. Lawrence, 2006.

РОНАЛД РЕЙГАН

6 февраля 1911 — 5 июня 2004

40-й президент:

20 января 1981 — 20 января 1989

Рональд Уилсон Рейган (*Ronald Wilson Reagan*) родился в крохотном городке Тампико в штате Иллинойс. Отец ребенка Джон был ирландцем и католиком, у матери Нелл были шотландские и английские корни, она принадлежала к протестантской церкви. Семья была небогатой: отец, не имевший определенной специальности, часто менял работу, а временами оставался безработным, в частности из-за выпивок, которые становились все более частыми.

С ранних лет героями Ронни, как обычно называли мальчика, были те, кто совершил подвиг. В возрасте 9—10 лет он жадно слушал истории ветеранов Первой мировой войны, верил каждому их слову и мечтал о том, как сам станет героем. Но постепенно мечта прославиться на поле боя сменилась желанием рассказывать забавные истории. Немалое влияние на Ронни оказывала мать, которая обожала сцену и мечтала, что ее сын станет актером. Но в детстве он получил обычное начальное, а затем среднее образование в публичной школе, которая давала только элементарные знания по общеобразовательным предметам.

В школе городка Диксон, где Рональд учился, он записался в драматический кружок, в котором не только играл главные роли, но и встретил свою первую любовь Маргарет Кливер, которая даже неофициально считалась его невестой. Вскоре, правда, молодые люди расстались. В 1926 г. Рональд окончил школу, поступил на курсы спасателей на воде, по окончании которых работал на пляжах реки Рок, впадающей в Миссисипи. Мечтая о дальнейшем образовании, он откладывал заработанные деньги для первого взноса в университет.

Через два года он смог поступить в Юрика-колледж, расположенный в городке под таким же названием недалеко от Диксона. Обучение здесь продолжалось четыре года. В дипломе, полученном в июне 1932 г., в качестве специальности указывались экономика и социология. Рональд получил ученую степень бакалавра, но особого внимания изучаемым наукам он не уделял, а увлекался скорее американским футболом и в то же время все больше интересовался сценой. Но это были отдаленные мечты. Пока же надо было найти достойную работу. Имея в виду, что у него был приятный звучный голос, он был способен импровизировать, знакомые посоветовали попытаться устроиться на радио диктором или даже комментатором. Узнав, что в городе Девенпорте, штат Айова, требуется спортивный комментатор для местной радиостанции, молодой человек отправился туда, понравился начальству и был нанят на работу для проведения репортажей о футбольных состязаниях. Его передачи понравились слушателям, в редакцию стали поступать положительные

отзывы, и со 2-й половины 1933 г. Рейгану начали поручать также политические и культурные комментарии.

Успехи на местном радио пробудили дремавшие мечты о кинокарьере. Весной 1937 г., получив командировку на западное побережье, где проходили тренировки футбольных команд, он отправился в находившийся неподалеку Голливуд, где у него была знакомая — бывшая сотрудница радиостанции, ставшая теперь певицей и иногда исполнявшая песни в фильмах. Знакомая свела его со своим агентом, а тот организовал пробы на знаменитой студии «Уорнер Бразерс» (*Warner Bros. Pictures*). Особенно не надеясь на успех, Рональд вернулся в Девенпорт. Но он оказался в нужном месте в нужное время: фирма нуждалась в молодежи, поскольку актеры немого кино с большим трудом переходили на звуковые фильмы. Вскоре он получил телеграмму с предложением контракта с заработной платой в 200 долларов в неделю — суммой не очень большой, но вполне устраивавшей человека, который никогда еще не снимался в кино. Рональд ответил телеграммой: «Подписывайте, пока они не передумали».

Так Рейган превратился в киноактера. Он проработал на студии 15 лет, снялся в 41 фильме, но оставался актером второго плана: его считали недостаточно талантливым для воплощения сложных характеров и передачи глубоких чувств. Особенно привлекало режиссеров то, что Рональд с юношеских лет был хорошим наездником. Такие актеры ценились высоко и получали дополнительную оплату.

На студии Рон познакомился с юной, но уже опытной актрисой Джейн Уайман, которая дважды побывала замужем и имела несчетное число внебрачных связей. Она была талантливой и высокогонорарной, и ей понравился молодой красавец Рональд. В январе 1940 г. состоялось бракосочетание, а через год Джейн родила дочь Морин.

Когда США вступили во Вторую мировую войну, Рейган был призван на воинскую службу. Но сильные покровители, связанные с киноиндустрией, обеспечили ему направление в «киноподразделение» ВВС, командиром которого был назначен один из братьев Уорнеров Джек, получивший звание подполковника. Рейган был включен в команды, готовившие агитационно-пропагандистскую продукцию, предназначенную для новобранцев, а также для того, чтобы представить населению вооруженные силы в наиболее выгодном свете. Он играл роли в примитивных фильмах, читал тексты о боевых традициях и др. Он носил форму младшего офицера, но на полях сражений так и не появился. В конце 1945 г. Рейган был демобилизован, хотя это ни к каким существенным изменениям в его жизни не привело за исключением того,

что он продолжал играть второстепенные роли, тогда как его жена становилась все более известной киноактрисой.

Сознавая, что ему вряд ли удастся выйти на первые роли в художественном кино, Рональд все большее внимание уделял общественной деятельности. Он стал активно работать в Гильдии киноактеров, был избран в ее руководство, выступал за соглашение с кинофирмами и даже получил от левых прозвище штрейкбрехера. В начале 1947 г. Рейган был избран председателем гильдии, он переизбирался и позже, вплоть до 1953 г.

Когда осенью 1947 г. Комитет по расследованию антиамериканской деятельности Палаты представителей начал следствие по делу о коммунистической пропаганде в Голливуде, Рейган был приглашен на одно из заседаний в качестве «дружественного свидетеля». Вел он себя осторожно, можно даже сказать, хитро. Он защищал Голливуд, утверждал, что большинство его деятелей настроены антикоммунистически, призывал сохранить в США основы демократии. Он назвал лишь одного прокоммунистически настроенного деятеля — актера и певца Поля Робсона.

В то же время основной вектор начавшейся политической деятельности Рейгана был направлен вправо. Он вошел в состав Совета кинопромышленности, образованного в 1949 г. и включавшего промышленников, актеров и других работников Голливуда. Главная цель этой организации состояла в том, чтобы развенчивать мнение о «городе грез» как об откровенно коммунистическом гнезде. Вскоре Рейган был избран председателем этой организации.

Если перед войной и в годы войны Рейган считался сторонником Демократической партии и президента Ф. Рузвельта, то в первые послевоенные годы его партийная приверженность стала меняться. В 1952 г. он поддержал Д. Эйзенхауэра в качестве кандидата в президенты от Республиканской партии, войдя в группу «Демократы за Эйзенхауэра». Фактически это означало подготовку перехода к республиканцам.

Одновременно изменилось семейное положение. Джейн успешно строила актерскую карьеру, Рональд все активнее занимался общественными делами. Чувства друг к другу охладели, они все чаще проводили время порознь. Положение не изменило усыновление мальчика по имени Майкл, от которого отказалась незамужняя мать. Отношения супругов завершились бракоразводным процессом в 1949 г. Дети остались с матерью, но получили право общаться с отцом. Рональду пришлось уплатить крупные алименты. Начался непродолжительный период

холостяцкой жизни Рональда. Вскоре он встретился с актрисой Нэнси Дэвис. Период ухаживаний продолжался более года, и в марте 1952 г. состоялась свадьба. Это был образцовый брак, в котором явно доминировал супруг. Нэнси оставила кинокарьеру. 4 марта 1981 г. Рейган записал в дневник: «Годовщина нашей свадьбы. 29 лет большего счастья, чем любой человек заслуживает». В 1952 г. родилась дочь супругов Патрисия, а в 1958 г. сын Рон. Позже дочь стала киноактрисой и писательницей, а сын вначале выступал в балете, а затем занялся журналистикой; оба они не разделяли взглядов отца и активно участвовали в левых движениях.

Постепенно Рейган убеждался, что работа профсоюзного чиновника не имеет значительных карьерных перспектив. Возвращаться в актерскую профессию было невозможно: ему светили лишь второстепенные роли, а это было не по возрасту — в 1951 г. ему исполнилось 40 лет. Тогда он обратился к телевидению.

В 1954 г. Рональд подписал контракт с «Дженерал электрик» (*General Electric Company*) на работу в качестве ведущего на ее канале. Он начал выступления как относительно либеральный антикоммунист, а завершил их через восемь лет, находясь на умеренно правом фланге республиканцев. На телеканале он выступал в двух качествах. Он был ведущим «Театра Дженерал электрик», где ставились короткие спектакли, сценарии которых были упрощенными версиями романов, рассказов, пьес, а иногда был и исполнителем. Кроме того, Рейган выезжал в города, где находились предприятия фирмы. Он выступал перед рабочими и служащими, и эти выступления передавались по телевидению. При этом Рональд не только представлял свою телепрограмму, но и произносил речи, отражавшие позицию фирмы по тому или иному вопросу. Он совершенствовал свои ораторские данные, берег голос, так как подчас во время поездок должен был выступать без микрофона 3–4 раза в день. Подчас ему удавалось держать внимание разношерстной аудитории несколько часов подряд.

В поездках Рональд много читал. Большое влияние на него произвела книга Фридриха Хайека «Дорога к рабству» — первый серьезный труд с анализом сущности тоталитарной системы. В книге обосновывались решающие преимущества демократического общества свободного предпринимательства. Логика и выводы Хайека закрепляли в сознании Рейгана представления о системе, которую необходимо было защищать не только в США, но и в масштабах всего мира.

В 1962 г. Рейган объявил о своем присоединении к Республиканской партии и включился в различные избирательные кампании этой партии, пока в качестве агитатора. В том же году «Дженарал электрик» приняла

решение о закрытии своего театра, который постепенно начинал надоедать зрителям. Кроме того, руководство объединения стремилось держаться вне политики, и усиливавшиеся консервативные оттенки в выступлениях Рейгана его руководство не устраивали. Формально Рейган оказался безработным. Он, однако, имел достаточно средств, чтобы жить на банковские проценты и доходы от акций. Но такой образ жизни для Рональда был неприемлем. Он все активнее включался в политические баталии. Первая крупная кампания, в которой активно участвовал Рейган, была связана с президентскими выборами 1964 г., на которых конкурировали демократ Л. Джонсон и представитель республиканцев крайний консерватор Б. Голдуотер. Последний предложил Рейгану участвовать в его кампании в качестве представителя «художественных кругов». Планы же самого Рейгана были шире. Он решил использовать кампанию Голдуотера прежде всего для собственного продвижения в политике.

Рональд неоднократно выступал в поддержку Голдуотера, но наибольший отклик получила его речь за неделю до выборов, 27 октября 1964 г. Рейган критиковал политику президента Джонсона, тратившего, по его мнению, массу денег впустую. Оратор утверждал, что над Америкой нависла угроза тоталитаризма, что необходимо максимальное расширение индивидуальных свобод. Такого рода сентенции оказывали влияние на рядовых американцев, нуждавшихся в прямых решениях, не желавших утруждать свои мозговые извилины. При всей поверхностности и напыщенности это была яркая речь человека, который явно владел ораторским искусством. Она прибавила Голдуотеру голоса, хотя не обеспечила ему победу.

Лишь внешне парадоксальным был тот факт, что провал республиканцев на этих выборах стал стартовой площадкой для восхождения Рейгана к высшей власти. Разочаровавшись в Голдуотере, республиканцы искали нового лидера.

В 1966 г. происходили губернаторские выборы в Калифорнии. Имея в виду, что Рейган ранее купил здесь участок земли, на котором создал свое ранчо и поэтому мог считаться жителем штата, группа республиканских деятелей предложила ему выставить свою кандидатуру в противовес демократу Эдмунду Брауну, руководившему администрацией с 1959 г.

После некоторых колебаний Рейган включился в борьбу. Как это часто бывает, соперники не жалели обвинений и обидных сравнений, чтобы добиться успеха. Браун, например, сравнивал Рейгана с «также актером» Бутом, убившим А. Линкольна. Рейган назвал Движение за свободу слова в

Калифорнийском университете, поддерживавшее Брауна, «движением за грязное слово» и приписал ему организацию наркотических и сексуальных оргий. Агитация Рональда в сочетании с актерской харизмой и умением свободно держаться на публике сработала в полной мере. На выборах 8 ноября он получил подавляющее большинство голосов и стал губернатором одного из крупнейших и важнейших штатов Америки.

Принеся 2 января 1967 г. губернаторскую клятву, Рейган столкнулся с тяжелым финансовым наследием, оставленным Брауном, который расходовал средства так, что 3-й квартал 1967 г. остался вообще без средств. Рейган принял решение, противоречившее его принципиальным установкам, но оказавшееся единственно возможным, — о разовом повышении налогов при обещании в следующие годы начать их систематическое снижение. Предложение было принято законодателями штата и позволило решить финансовую проблему. Действительно, в следующие годы проводилось осторожное понижение налогов в соответствии с исходными установками губернатора.

Уже в начале губернаторства была сформирована группа советников, которую называли «кухонным кабинетом». В группу в основном входили предприниматели из Калифорнии, люди консервативных взглядов, имевшие немалый опыт в делах бизнеса. У некоторых из них были юридическое образование и политический опыт. Члены «кухонного кабинета» Холмс Таттл, Томас Роу, Джозеф Курс и другие позже останутся советниками Рейгана, когда он станет президентом. Рейган не был близок ни с одним из членов «кухонного кабинета», хотя нередко называл их своими друзьями.

Одной из своих основных задач губернатор считал наведение порядка в университетах штата, где в связи с войной во Вьетнаме развивалось протестное движение, все более охватывавшее внутренние проблемы, в частности свободу студенческого самовыражения, вплоть до публичного секса и употребления наркотиков. По отношению к движению хиппи, внешне аполитичному, Рейган проявлял презрение.

Угрозами резкого сокращения финансирования он добился замены руководства Калифорнийского университета в Беркли, которое считал сочувствовавшим «новым левым». В мае 1969 г. в Беркли произошли студенческие волнения, подавленные полицией. Были раненые, арестованы и оштрафованы несколько сотен человек. Рейган понимал, что это снижает его популярность в молодежной среде. Он пытался ее восстановить, в том числе нетривиальными способами. Как-то он получил письмо от солдата-новобранца, просившего губернатора от его имени поздравить по телефону

его жену с первой годовщиной свадьбы. Вместо звонка Рейган отправился к молодой женщине с огромным букетом роз. Эта история пошла «по городу и миру», увеличивая популярность губернатора. В ряде случаев он посылал нуждавшимся пособия из собственных средств. Получатели денег на всю жизнь сохраняли погашенные чеки как сувениры.

В 1968 г. Рейган выдвинул свою кандидатуру в президенты. Однопартийцы рассматривали его как одного из лидеров консервативного крыла, имея в виду прошлую агитацию за Голдуотера, хотя его действительные позиции были ближе к центру. В результате съезд республиканцев выдвинул кандидатом не его, а Ричарда Никсона, который и стал президентом. Рейган остался губернатором.

На своем посту он стремился к проведению разумной политики социального обеспечения. Совместно с легислатурой были выработаны мероприятия по одновременному сокращению числа лиц, получавших пособия, и увеличению сумм, выделяемых наиболее нуждавшимся. После споров с законодателями в 1978 г. Рейган добился значительного сокращения налогов штата на недвижимость и доходы. Торжествовавший губернатор назвал это решение «биллем о правах налогоплательщиков». Опыт Калифорнии во многом служил примером для других штатов.

Уотергейтский скандал и отставка Никсона привели к падению влияния Республиканской партии, но позиции Рейгана в Калифорнии не ослабели. Опросы показывали, что его рейтинг даже несколько вырос. Рональд считал Форда слабым политиком, случайно оказавшимся на высшем посту. Вступить с ним в соревнование в 1976 г. становилось делом его чести, не лишенным шансов на успех.

Объявив о своем предстоящем участии в выборах 1976 г. почти за полтора года до них, Рейган проводил активную кампанию. Однако на предвыборном съезде республиканцев в Канзас-Сити Форд, используя свое влияние и закулисные ходы, смог незначительно опередить соперника и был выдвинут кандидатом, но потерпел поражение на выборах от демократа Дж. Картера.

Провалы Картера и во внутренней, и во внешней политике привели к тому, что Рейган стал рассматриваться как наиболее вероятный кандидат на выборах 1980 г. Он выступал с многочисленными статьями, отнюдь не носившими научного характера, но содержащими более или менее трезвую характеристику внутреннего и международного положения США. Он призывал республиканцев к сплочению на базе умеренно консервативной платформы. В то же время Рональд сохранял воинственную риторику, особенно в призывах к сокращению

вашингтонской бюрократии. Он писал, например: «Правительство должно наконец закрыть свои двери; если все бюрократы уберутся через мраморные вестибюли, граждане этой страны будут совсем недолго скучать по ним и даже, возможно, не заметят их ухода».

О своем новом вступлении в борьбу за власть Рейган объявил 13 ноября 1979 г. в торжественной обстановке в знаменитом нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория». Он проводил кампанию под лозунгом сплочения Республиканской партии, в которой шли ожесточенные споры между либеральным крылом и неоконсерваторами. Основным соперником для Рейгана стал бывший директор ЦРУ и член Палаты представителей Джордж Буш. В полемике с Рейганом, однако, Буш спасовал, на первичных выборах в основном впереди был Рейган. Повышению его шансов невольно способствовал Картер своими непродуманными заявлениями, в частности о том, что неблагоприятно вручать судьбу страны в руки актера-ковбоя. Советники Рейгана немедленно использовали образ ковбоя, чтобы представить Рональда выходцем из народа, из американской глубинки. Напечатали листовку «Америка — страна Рейгана», на которой он был изображен в ковбойской шляпе.

Съезд Республиканской партии состоялся 14–17 июля в промышленном Детройте. Кандидатура Рейгана на президентский пост оказалась единственной. В качестве кандидата в вице-президенты вначале намечался Форд, но он предъявил повышенные требования, названные Рейганом «сопрезидентством». Тогда второй пост был предложен бывшему сопернику Бушу, который сразу же принял предложение.

Развернувшаяся затем борьба с кандидатом Демократической партии президентом Картером показывала, что положение постепенно менялось в пользу Рейгана. Политические наблюдатели отмечали свойственные ему уверенность и оптимизм. В своих выступлениях Рейган подчеркивал необходимость максимального сокращения вмешательства государства в экономику. Вопросы о гражданских правах он не касался детально, заявляя лишь, что они являются незыблемой основой американского общества. Социальные программы он считал необходимым сохранить лишь в тех пределах, когда нужда в помощи была действительно доказанной. Республиканский кандидат заявлял о необходимости не допустить ядерной войны, подчеркивая, что главным инструментом сохранения мира является наращивание вооруженных сил США.

На выпущенном избирательным штабом республиканцев плакате красовалась улыбающаяся физиономия кандидата и провозглашалось: «Рейгана — в президенты! Сделаем Америку снова великой!» Эти слова

повторялись на других плакатах и стали лейтмотивом всей кампании.

Позиции Картера все более ослаблял «посольский кризис», который Рейган использовал в максимальной степени, все резче обвиняя Картера в беспомощности и импотенции. В единственном туре дебатов перед телекамерами 28 октября Рейган выглядел более уверенным и решительным, чем его противник.

На выборах 4 ноября кандидат республиканцев добился победы. Избранный президентом почти в 70 лет, Рейган не собирался менять привычки и перегружать себя. Когда через несколько дней он ворчливо сказал одному из помощников, что его разбудили слишком рано, а тот ответил, что вскоре придется подниматься еще раньше, Рейган прочитал целую лекцию о соблюдении положенного рабочего дня.

В своей инаугурационной речи 20 января 1981 г. Рейган особо подчеркнул необходимость единства нации. Новому президенту повезло. Как раз в дни, предшествовавшие инаугурации, завершились секретные переговоры об освобождении американских заложников в Тегеране. Это произошло именно 20 января, примерно через час после речи Рейгана. Заложники были освобождены за крупный денежный выкуп (это держалось в секрете и стало известно только в 2014 г.). На первом торжественном балу в честь инаугурации Рейган прежде всего подошел к микрофону и сообщил о радостном событии. Журналисты бросились к телефонам. 27 января состоялся прием бывших заложников и их родных в Белом доме. Рейган заявил: «Пусть террористы знают, что при повторении их злодеяний нашим ответом будет быстрое и полновесное возмездие».

Для проведения обещанной новой политики необходим был квалифицированный штат. Президент, как и раньше, считался с членами «кухонного кабинета», некоторые из них получили ответственные посты. Пост госсекретаря занял генерал Александр Хейг, ранее являвшийся помощником Никсона. Хейг считался «ястребом», и почти тотчас начались его стычки с более умеренным секретарем по обороне Каспаром Вайнбергером. В целом Рейган укомплектовал штат Белого дома и состав правительства сравнительно опытными чиновниками, которым доверял и предоставил широкие права в решении текущих дел в соответствии с его общими установками, почти не вмешиваясь в конкретику проводимых мероприятий.

Через два с лишним месяца, 30 марта 1981 г., на Рейгана было совершено покушение. Он выходил из здания гостиницы «Хилтон» в Вашингтоне, где встречался с представителями профсоюза строительных рабочих, когда раздались выстрелы. Стрелял 26-летний Джон Хинкли,

одержимый страстной любовью к актрисе Джоди Фостер и решивший привлечь ее внимание поступком, подобным тому, который привел к пресловутой славе Герострата. Стрелял полупомешанный студент плохо. Лишь одна из шести пуль, срикошетив от стенки лимузина, пробила Рейгану грудь и застряла в легком.

Врачи госпиталя университета имени Вашингтона, куда был доставлен раненый, вначале опасались за его жизнь, но операция прошла успешно, Рональд быстро пошел на поправку и вскоре вернулся к обязанностям президента. Дж. Бушу даже не пришлось временно брать на себя какие-либо функции. Хинкли был признан умалишенным и провел следующие 35 лет жизни в соответствующем учреждении, он был освобожден в 2016 г. и поселился в штате Вирджиния при условии регулярного осмотра психиатрами.

После покушения руководство Секретной службы усилило охрану президента и других высших руководителей. Она старалась не допускать появления Рейгана на открытых площадках, в ряде случаев обязывая его надевать бронежилет.

Президент сожалел, что из-за ранения не смог присутствовать на встрече астронавтов Джона Янга и Роберта Криспена, которые впервые вернулись с космической орбиты не в спускаемой кабине, а в аппарате «Спейс шаттл» (*Space Shuttle*) — космическом корабле многоразового использования. Но в целом Рейгану повезло в очередной раз: триумфальное возвращение астронавтов состоялось именно в начале его правления.

Особое внимание после вступления на должность президента Рейган уделял экономике, состояние которой было не из лучших. Постепенно для обозначения комплекса мер, принятых его администрацией с целью сохранить ведущее положение США в мировой экономике, стал все шире применяться термин «рейганомика» (вначале слово брали в кавычки, но вскоре оно превратилось в экономическое понятие).

Основой рейганомики являлась теория предложения. Согласно ей, экономический рост может быть стимулирован ослаблением барьеров для производства продукции и предложения ее в качестве товаров и услуг. Сторонники теории утверждали, что снижение налоговых ставок в действительности приведет не к снижению сбора налогов, а к их увеличению в результате расширения производства и более добросовестной уплаты налогов. Принятое вскоре после прихода Рейгана к власти налоговое законодательство 1981 г. сократило максимальный налог на прибыль с 46 до 34 %, а максимальный налог на недвижимость и незаработанный доход (в частности наследство) — с 70 до 50 %. Вместо

сложной шкалы были введены две ставки: 15 и 29 % для доходов ниже и выше 30 тыс. долларов. Эти мероприятия были выгодны всем, включая средний класс — основу американского общества.

Впрочем, из среды левых кругов раздавались вопли возмущения. Демократическая партия попыталась развернуть в прессе кампанию против президента, обвинив его в жестокости и в том, что он не заботится о своем народе, в частности о детях. Начатая кампания скоро заглохла, так как разжечь недовольство при ее помощи не удалось.

Составной частью рейганомики была программа «дерегулирования» (фактически не прекращения, а некоторого ослабления регулирования) предпринимательской деятельности со стороны государства. Теперь ослаблялся контроль за ценами и уровнем заработной платы, прежде всего минимальной. Были смягчены требования к степени очистки воды и воздуха промышленными предприятиями, что вызвало резкую критику со стороны защитников окружающей среды.

Рейган и его советники, однако, полагали, что вопрос о налогах не получил должного решения. После повторного избрания президентом он вновь поставил вопрос о сокращении налогов и упорядочении налоговой политики в целом. Внесенный новый законопроект (Гэфардта — Брэдли, члена Палаты представителей и сенатора, которые его предложили, но фактически президентский) был принят палатами и окончательно одобрен на их совместном заседании 22 октября 1975 г.

Экономисты полагают, что реформа налоговой системы 1986 г. была наиболее действенным элементом рейганомики. Наибольшие новации касались подоходного налога и налога на прибыль. В среднем подоходный налог был снижен на 6,5 %. Примерно 6 млн американцев вообще освобождались от его уплаты. Наибольшие сокращения пришлось на семьи с низкими доходами. Изменения во взимании налогов с корпораций в основном сводились к закрытию или сокращению лазеек для уменьшения выплат государству. Ранее облагавшиеся повышенным налогом крупные наследства и дарения теперь были приравнены к обычным доходам. Введенный Рейганом налоговый кодекс сохранялся до конца XX в., а затем был изменен новым в сторону увеличения налогов.

Порой казалось, что Рейган первые четыре года пребывания в Белом доме занимался главным образом экономикой, но это было далеко не так. В центре внимания президента оставались международные проблемы, прежде всего связанные с продолжавшейся холодной войной. Еще при Картере началось новое обострение отношений с СССР, связанное с введением советских войск в Афганистан. Этот курс Рейган продолжил и

усилил. Уже в первые месяцы своего президентства он поставил задачу разработать систему стратегических вооружений, обеспечивающую надежное прикрытие территории США от возможного ядерного удара, а также втянуть СССР в дорогостоящую гонку стратегических вооружений и тем самым подорвать, а в конечном счете окончательно обрушить экономику СССР, которая и так находилась в тяжелом кризисе.

23 марта 1983 г., после двухлетней работы военных экспертов, политиков, ученых, Рейган объявил о «стратегической оборонной инициативе» (СОИ) США, которую в пропагандистских целях во враждебных Рейгану кругах и в собственной стране, и за рубежом, в частности в СССР, называли «программой звездных войн». В этот день президент выступил по телевидению с обращением к нации, в котором сообщил, что дал указание о проведении исследовательских работ и практических программ с целью значительного сокращения опасности ядерной войны: «У нас будут риски, а результаты потребуют времени. Но я верю, что мы сможем это осуществить». Сразу после выступления президент провел совещание с сотрудниками администрации, высшими военными и членами правительства, на котором поставил задачу срочной разработки практических шагов.

Происходившие события, в частности уничтожение южнокорейского пассажирского самолета, нарушившего воздушное пространство СССР, продолжавшаяся война в Афганистане, интервенция США на остров Гренада и свержение там левого правительства еще больше обостряли конфронтацию. В этих условиях начинались работы в области СОИ. Как оказалось, необходима была долговременная программа исследовательских, конструкторских, инженерно-технических разработок, практической проверки сложнейших систем. Речь шла о создании национальной программы обороны с многочисленными элементами космического базирования, которые исключили бы поражение наземных и морских целей из космоса над территорией США и океанским пространством, примыкающим к стране, намечалось развертывание нескольких эшелонов ударных космических боевых сил, способных перехватывать и уничтожать межконтинентальные баллистические ракеты, а также их боевые блоки (боеголовки) на разных участках полета. 30 мая 1985 г. Рейган подписал секретную директиву, в которой давались указания о практическом развертывании СОИ и содержались обоснования этих шагов. «Совершенно необходимо, — говорилось в документе, — чтобы все, кто намерен выступать от имени Соединенных Штатов, представляли логичную и точную картину сущности и целей нашей программы».

Директива исходила из того, что СССР остается основной угрозой безопасности США.

В то же время Рейган внимательно следил за процессами, происходившими в СССР, за внутривластным и все более углублявшимся экономическим кризисом, за резким усилением оппозиционных настроений, расшатывавших то государство, которое сам американский президент как-то называл «империей зла».

Между тем в 1984 г. Рейган был переизбран на президентский пост, обыграв бывшего вице-президента в администрации Картера Уолтера Мондейла. На выборах 6 ноября он добился блестящей победы. За него проголосовало большинство избирателей в 49 штатах из 50 (Мондейла поддержало большинство только в его родном штате Миннесота и в столичном округе). Рейган получил 525 голосов выборщиков из 538. Такого соотношения американская история президентских выборов еще не знала.

Вторая половина 80-х гг. была временем новых важных законодательных инициатив Белого дома. Наряду с налоговой реформой, особое значение имели акты, связанные с проблемами иммиграции и социального обеспечения. Власти с тревогой наблюдали, что в стране быстро росло число нелегальных иммигрантов. Отсутствие контроля за трудоустройством в частном секторе, фактическая открытость южной границы (на многих участках граница с Мексикой обозначалась веревкой, натянутой между невысокими столбиками) вели к тому, что миллионы людей оказывались на американской территории с нарушениями законодательства.

Рейган понимал, что полностью ликвидировать нелегальную иммиграцию в обозримые сроки невозможно. Вместе со своими советниками он стремился к более или менее значительным паллиативным мерам. В ноябре 1986 г. через Конгресс был проведен закон об иммиграционной реформе и контроле. Согласно акту, работодатели были обязаны проверять статус всех работников-иммигрантов; прием на работу нелегальных иммигрантов объявлялся уголовным преступлением; разрешался въезд в южные штаты без документов лицам, которые могли быть заняты только на сезонных сельхозработах, а по их окончании были обязаны покинуть страну; право жительства в США предоставлялось нелегальным иммигрантам, которые въехали до 1 января 1982 г., при условии, что они не совершали преступлений, платят налоги и обладают минимальными знаниями английского языка, истории и Конституции США.

Нереальность последовательного выполнения этого закона

обуславливалась уже тем, что в нем было глубокое внутреннее противоречие: как могли нелегальные иммигранты платить налоги, если это немедленно раскрывало бы властям их пребывание в США? Так что в значительной степени закон об иммиграции носил характер выражения намерений, а не реального плана действий. Правда, в годы президентства Рейгана нелегальная иммиграция несколько сократилась, но затем стала вновь быстро расти, достигнув к середине 2-го десятилетия XXI в., по приблизительным подсчетам, 12–14 млн человек.

Во время избирательных кампаний Рейган не раз говорил о необходимости изменить систему социального обеспечения, установить более строгие рамки для получения помощи от федерального правительства и штатов. Он предупреждал, что бюджетные сокращения должны повлиять на прекращение или хотя бы на сокращение помощи тем лицам и семьям, которые способны работать. Указания, которые он на протяжении второго президентского срока давал бюджетным и другим ведомствам, в то же время состояли в том, что те, кто действительно нуждается, должны были продолжать получать помощь в полном объеме.

В послании Конгрессу «О положении страны» от 3 февраля 1985 г. Рейган заявил, что готовит план, как «освободить бедных от государственной зависимости», но никогда его не выдвинул. Президент все более убеждался, что серьезные меры по сокращению госпомощи бедной части населения провести невозможно без серьезных социальных потрясений, а их он не желал. Администрация президента призывала штаты взять на себя заботы по обучению и трудоустройству граждан, находившихся на попечении государства. В самом конце президентства Рейгана был, наконец, принят закон, предписывавший штатам разработать и начать осуществление соответствующих программ, рассчитанных на период до 1990 г. Ни в одном штате эти указания не были реализованы, а Дж. Буш фактически отказался от планов сокращения помощи.

Важным элементом социальной политики Рейгана стала борьба против наркомании, на которую ранее почти не обращалось внимания и которая стала бичом трущоб крупных городов. В борьбе против нее сочетались организационно-пропагандистские и репрессивные меры. Организатором общественно-политической кампании стала первая леди. Нэнси Рейган по инициативе супруга и его советников положила начало движению «Только скажи «нет»!». К участию в кампании были привлечены медики, журналисты, юристы. Впервые в истории США значительная часть населения стала рассматривать наркоманию как преступление и нарушение нравственных основ США.

Но даже просто сократить потребление наркотиков путем проповедей было невозможно. Под борьбу с наркоманией необходимо было подвести законодательную базу. Летом 1986 г. на рассмотрение Конгресса был внесен проект закона об уголовной ответственности не только за распространение, но и за хранение наркотиков, даже в малых дозах. Закон был принят 27 октября 1986 г.: теперь хранение каралось заключением до 40 лет, а в особо серьезных случаях — пожизненно. Вводились также высокие штрафы. Началась буквально охота за теми, кто был причастен к чуме конца XX в. Число арестов и заключений, связанных с наркотиками, резко подскочило. За десятилетие число заключенных, осужденных за ненасильственные преступления, увеличилось примерно с 40 тыс. до 400 тыс. (в основном во 2-й половине 80-х гг.). Пенитенциарная система США не была приспособлена к такому количеству заключенных. Власти штатов стали заключать соглашения с отдельными фирмами о создании частных учреждений по содержанию арестантов.

В первые годы пребывания Рейгана на посту президента появилась и стала распространяться непонятная болезнь, которая в конце концов приводила к смерти заболевшего. В результате проведенных исследований в сентябре 1982 г. медики стали называть болезнь синдромом приобретенного иммунодефицита (СПИД). В ряде выступлений Рейган признал, что его страна столкнулась с новой и опасной для всей нации проблемой. Посетив 5 февраля 1986 г. Департамент здравоохранения и социальных служб, президент говорил, что найти средство для борьбы со СПИДом считает высшим приоритетом для американских врачей. Возглавить работу Рейган поручил генеральному хирургу США Эверетту Куну, видному врачу-практику и великолепному организатору.

Под его руководством была проведена работа по подробному информированию каждой американской семьи о СПИДе и средствах его предотвращения. Всем гражданам США была разослана подробная брошюра, напечатанная тиражом более 100 млн экземпляров. Развернулись исследовательские работы по созданию препаратов для лечения СПИДа.

Второе президентство Рейгана решительным образом отличалось от первого в области внешней политики. Исключительно важным фактором стал приход к власти в СССР в марте 1985 г. М. С. Горбачева, с которым Рейган начал переписку. Письмо Горбачева от 24 марта в Вашингтоне оценили как свидетельство возможности плодотворных переговоров. Была достигнута договоренность о встрече на высшем уровне в Женеве, которая состоялась 19–21 ноября 1985 г. Переговоры проводились как в составе делегаций, так и один на один, с участием только переводчиков. Главная

дискуссия развернулась вокруг того, что Рейган считал надежной гарантией предотвращения ядерной войны, а Горбачев программой «звездных войн». К согласию руководители не пришли, но договорились о проведении новых встреч в Вашингтоне и в Москве. В итоговом заявлении признавалось, что в ядерной войне не может быть победителей, содержались заверения в готовности отказаться от стремления к военному превосходству и в намерении «решать гуманитарные вопросы в духе сотрудничества».

После женевской встречи продолжалась переписка, которая постепенно становилась менее официальной и все более располагала ко взаимным договоренностям. Стороны договорились провести до визита Горбачева в Вашингтон промежуточную встречу где-то на полпути. Она состоялась 11–12 октября 1986 г. в Рейкьявике (Исландия). Выдвигались различные предложения, даже о полном уничтожении стратегических вооружений, но все вновь упиралось в проблему СОИ, отказываться от которой Рейган не был намерен. Но оба руководителя понимали, что близки к согласованным решениям. Это касалось как Горбачева, который склонялся к «новому мышлению», в частности, в том что касалось отказа от духа холодной войны, так и Рейгана. Он все более убеждался, что перспектива СОИ была весьма неопределенной, работы не выходили за пределы лабораторных экспериментов. Докладные записки убеждали президента, что на первый план выдвигается проблема ракет средней дальности, которые имели небольшое время полета и, имея ядерные боеголовки, представляли особую опасность.

В то же время, видя, что советскому руководству приходится все большее внимания уделять внутренним делам в связи со стремительно углубляющимся экономическим и политическим кризисом, Рейган стремился нанести пропагандистский удар, избрав тот участок, который считал наиболее уязвимым. Таковым было, по его мнению, положение в Берлине, разделенном в 1961 г. бетонной стеной. На Западе ее объявили «стеной позора», рассматривая ее как зловеющий символ тоталитарной системы.

В этих условиях прибывший в Западный Берлин Рейган 12 июня 1987 г. выступил возле Бранденбургских ворот, неподалеку от пропускного пункта. Он заявил, в частности: «Генеральный секретарь Горбачев, если вы стремитесь к миру, если вы стремитесь к процветанию для Советского Союза и Восточной Европы, если вы стремитесь к либерализации, приезжайте сюда, к этим воротам, мистер Горбачев, откройте эти ворота. Мистер Горбачев, снесите эту стену!» Берлинская речь, ничего не стоившая американскому президенту, укрепила его репутацию как надежного

союзника западноевропейских партнеров и сторонника объединения континента на основе окончания холодной войны.

Тем временем между США и СССР шли негласные переговоры по ракетно-ядерным проблемам. Компромисс был достигнут во время визита в США министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в сентябре 1987 г.: было решено заключить договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Всего предусматривалось ликвидировать 2611 ракет. Это была первая в истории договоренность о полной ликвидации определенных видов вооружений. При этом о СОИ советская сторона как бы забыла.

Визит Горбачева в США состоялся 7—10 декабря 1987 г. 9 декабря был подписан договор о ликвидации ракет среднего и меньшего радиуса действия, который был ратифицирован высшими органами обеих стран и вступил в силу 1 июня 1988 г.

В мае 1988 г. в Москве состоялась четвертая встреча Рейгана с Горбачевым. Руководители обеих стран обменялись ратификационными грамотами к ранее подписанному договору. Были подписаны несколько соглашений (о предварительном уведомлении о запуске межконтинентальных ракет, о студенческом обмене и др.). Рейган вместе с Горбачевым совершил прогулку по центру Москвы. Американский президент выступил с лекцией в Московском университете по экономическим вопросам, основным содержанием которой было обоснование преимуществ рынка, максимально освобожденного от государственных ограничений.

Это была не последняя встреча Рейгана и Горбачева. Они встречались в декабре 1988 г., когда генсек прилетал в НьюЙорк для выступления на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, и позже, когда Рональд уже был частным лицом.

Во время второго президентства Рейгана, особенно в его конце, ему пришлось пережить один из самых сложных моментов политической карьеры, получивший название дела «Иран-контрас» или, по аналогии с «Уотергейтом», «Ирангейт». Это был крупный скандал, который едва не привел к открытому общественному осуждению внешней политики Рейгана, хотя и не грозил импичментом.

Президент США внимательно следил за событиями в Латинской Америке. Его тревожили известия из Никарагуа, где к власти пришел Сандинистский фронт национального освобождения — левая организация, ориентированная на Кубу и через нее на СССР. При этом Рейган явно преувеличивал степень советского влияния на эту организацию и ее лидера Даниэля Ортегу. По его поручению ЦРУ начало подготовку к свержению

режима сандинистов. Но для этого требовались огромные финансовые средства. Между тем в Конгрессе после провала антикубинских планов утвердилось подозрительное отношение к тайным операциям ЦРУ и тем более к бесконтрольному их финансированию. Руки спецслужб в проведении операций в Центральной Америке были связаны. Продолжалась, правда, вербовка никарагуанских контрас и их подготовка в специальных лагерях в Гондурасе.

Однако принятая по инициативе демократов в 1984 г. поправка к закону о бюджете запрещала расходование средств на тайные операции в Никарагуа. Официальные пути поддержки контрас были закрыты. В этих условиях советник Рейгана по национальной безопасности Роберт МакФарлейн выступил с инициативой сбора частных пожертвований на помощь контрас. Практическая организация этого «донорства», как стали называть частную помощь, была поручена его заместителю подполковнику морской пехоты Оливеру Норту. Но собранных средств было мало, начались поиски новых каналов.

Рейган вел себя хитро и дипломатично. Он не произносил ни одного «крамольного» слова. Его указания ограничивались односложным согласием или же столь же кратким отказом. Тем не менее сведения о тайных операциях проникли в Конгресс. Чтобы отвязаться от дальнейших расследований, президент отправил в отставку МакФарлейна (формально он ушел по своей инициативе), заменив его другим офицером ВМФ — Джоном Пойндекстером. При этом Норт пост сохранил и в еще более секретной форме продолжал собирать средства для подрывных операций в Никарагуа. В ЦРУ искали новые возможности для расширения тайных операций. Таковые возникли в связи со взаимоотношениями с иранским режимом. Публично Рейган был тверд: вступать в переговоры с террористическим режимом невозможно. Он сохранил эмбарго на поставки оружия Тегерану, введенное его предшественником. Между тем Иран, особенно в условиях войны с соседним Ираком, нуждался в оружии. Рейгану докладывали о слабой эффективности эмбарго, так как Иран мог покупать американское оружие у стран, которые к эмбарго не присоединились.

Это, а также общеполитические соображения, в частности опасения по поводу возможного усиления влияния СССР в Иране, побудило президента в 1985 г. дать указание ведомствам, связанным с обеспечением безопасности США, начать секретные контакты с иранскими властями, в том числе их «снабжение ограниченным военным оборудованием». При этом американская администрация возлагала надежду на «динамичную

политическую эволюцию» в Иране, оказавшуюся несбыточной.

Так начались поставки в Иран американских противотанковых и противовоздушных ракет и запасных частей к ним. Вскоре в ЦРУ возникла идея использовать денежные средства, полученные за оружие от Ирана, на поддержку никарагуанских контраст. Так как поставки Ирану были секретными, то и вырученные деньги не учитывались в какой-либо документации, доступной законодателям и общественности. Однако и поставки оружия, и расходование полученных денег на поддержку противников сандинистского режима являлись нарушениями законодательства и, следовательно, преступным деянием.

Согласно имеющимся данным, передать контраст удалось сравнительно небольшую сумму — 3,8 млн долларов. Курировал эту операцию Норт, а транспортировкой оружия, которое было закуплено на эти средства, руководил генерал-майор авиации Ричард Сикорд, поддерживавший связь с ЦРУ.

В октябре 1986 г. в прессу начали просачиваться слухи, когда самолет, управляемый пилотом, которого нанял Сикорд, был сбит над территорией Никарагуа. Летчик оказался в плену, у него обнаружили записную книжку с номерами телефонов американских секретных служб. Почти одновременно, в начале ноября, одна из ливанских газет раздобыла информацию о поставках американского оружия Ирану и опубликовала сенсационные данные.

Зародился, а затем стал быстро разрастаться скандал, прозванный «Иран-контраст» или «Ирангейт». Было ясно, что политические противники могут обвинить Рейгана в нарушении законов. Ему необходимо было позаботиться о своей репутации. Судя по дневнику президента, он не был посвящен в детали. Но в то же время ему было выгодно не вникать в подробности незаконных операций. В конце ноября 1986 г. было объявлено об увольнении Нортона и «добровольной» отставке Пойндекстера. Созданы были комиссии по расследованию всего этого запутанного дела — и от имени Конгресса, и по линии правительства. Комиссии работали больше года. В марте 1988 г. было начато уголовное дело. Главные обвиняемые — Пойндекстер, Норт, Сикорд и другие использовали американскую судебную систему, дающую право многократного обжалования — до тех пор, пока наследник Рейгана Дж. Буш не объявил об их помиловании.

Сам Рейган в 1988 г. выступил с несколькими противоречивыми заявлениями, то оправдывая свои решения и действия, то признавая их ошибочными, то вообще отрицая свою причастность к этому делу. Вся вина возлагалась на подчиненных, которые, по его заявлениям, были людьми

добросовестными, но «вынужденно» выходили за пределы законов. Выступления Рейгана свидетельствовали о его растерянности — он впервые почувствовал уязвимость своей власти.

В 1988 г. президентом США был избран вице-президент в администрации Рейгана Дж. Буш, являвшийся на протяжении восьми лет молчаливым помощником, но исправно учившийся политическому руководству. После отставки Рональд и Нэнси поселились в Бел-Эйр, спокойном пригороде Лос-Анджелеса. Здесь было оборудовано поместье на деньги, собранные богатыми друзьями бывшего президента. Он внимательно следил за политическими событиями, особенно за тем, как развивались дела в СССР, как произошел распад этого могущественного государства, ставшего в горбачевские годы партнером США на мировой арене. Однако от практической политики Рейган отошел полностью.

Он занялся подготовкой мемуаров и созданием своей президентской Библиотеки. Солидная книга, изданная в 1990 г. (свыше 700 страниц), содержала описание всей жизни Рейгана с того времени, как он помнил себя, до последних месяцев президентства. Правда, о своей личной жизни Рональд почти не рассказывал. Основное внимание уделялось годам руководства страной, наиболее подробно речь шла о рейганомике и завершении холодной войны.

Библиотека Рейгана была создана в районе городка Сими-Вэлли, считающегося частью Большого Лос-Анджелеса. Торжественное открытие состоялось в ноябре 1991 г. На торжество приехали, помимо самого Рейгана, три бывших президента — Никсон, Форд и Картер и действовавший президент Буш. Пресса восторженно отмечала, что это был единственный случай, когда пять президентов США собрались вместе.

Библиотека Рейгана стала самой крупной из всех учреждений подобного рода — и по своим размерам, и по количеству посетителей. Важными ее составными частями являются архив и музей. Особенностью музея является то, что наряду с обычными залами часть экспозиции представлена на открытом воздухе. Особенно привлекают внимание посетителей фрагмент Берлинской стены и самолет «Боинг-707», которым пользовался Рейган в качестве Верховного главнокомандующего.

Вскоре после ухода с президентского поста у Рейгана стали отмечаться провалы в памяти. В 1993 г. был поставлен неутешительный диагноз — болезнь Альцгеймера. 5 ноября 1993 г. Рейган написал прощальное письмо американскому народу, в котором благодарил за великую честь служить гражданам США в качестве их президента. «Когда бы Господь ни призвал меня в свой дом, я покину этот мир с глубочайшей любовью к нашей

стране и вечной верой в ее будущее».

Начались годы угасания. Рональд Рейган скончался в своем доме на 94-м году жизни. Собравшимся журналистам его вдова Нэнси сказала только: «Долгий путь Ронни достиг той точки, в которой я не могу быть рядом с ним». День похорон 12 июня 2004 г. был объявлен днем национального траура. После прощания в Капитолии и в Национальном соборе в Вашингтоне похороны состоялись в Калифорнии, на территории Библиотеки Рейгана. После смерти супруга Нэнси Рейган продолжала общественную благотворительную деятельность. Она скончалась 6 марта 2016 г. и была похоронена рядом с супругом.

Память о Рональде Рейгане как о выдающемся государственном деятеле Америка продолжает чтить. Его именем назван столичный аэропорт, одно из крупнейших зданий в центре Вашингтона, мощный современный атомный авианосец. В ряде городов США сооружены памятники и скульптурные группы, посвященные Рейгану.

Основные издания:

- Гарбузов В. Н.* Революция Рональда Рейгана. М., 2008.
- Иванян Э. А.* Рональд Рейган — хроника жизни и времени. М., 1991.
- Чернявский Г. И., Дубова Л. Л.* Рейган. М., 2018.
- Reagan R.* An American Life: The Autobiography. New York, 1990.
- Brands Я.* Reagan: The Life. New York, 2015.
- Cannon L.* President Reagan: The Role of a Lifetime. New York, 2000.
- Pemberton W.* Exit with Honor: The Life and Presidency of Ronald Reagan. Armonk, New York, 1997.

ДЖОРДЖ БУШ-СТАРШИЙ

12 июня 1924 — 30 ноября 2018

41-й президент:
20 января 1989 — 20 января 1993

Став президентом, преемник Рональда Рейгана остался тем же, кем был все годы, когда занимал пост вице-президента: он оставался его тенью. Он не проявлял сколько-нибудь заметной активности, в значительной степени растранижил авторитет Республиканской партии и через четыре

года уступил власть демократу.

Джордж Герберт Уокер Буш (*George Herbert Walker Bush*) родился в богатой и влиятельной семье. Предки Буша имели английские и германские корни. В семействе хорошо знали свою родословную, восходившую к середине XVII в. Родоначальниками династии были люди, занимавшиеся в основном торговлей и банковским делом, избравшиеся на различные посты, но не оказывавшие значительного влияния на жизнь страны. Буши занимались собственным благосостоянием, и вполне успешно. Отец будущего президента Прескотт был банкиром, политиком, членом Сената от штата Коннектикут. Будучи консервативным республиканцем, он активно поддерживал Д. Эйзенхауэра. Жена Прескотта Дороти Уокер также происходила из богатой семьи, ее отец и родственники заняты были в основном в финансовом бизнесе и сотрудничали с Бушами. Так что и сам брак был в какой-то степени деловым предприятием.

Когда родился Поппи (*Poppy* — Маковка — так называли Джорджа в детстве), семья жила в городе Милтон, штат Массачусетс, но вскоре переехала в Коннектикут, в город Гринвич. Там Джордж получил начальное и неполное среднее образование, а в возрасте 14 лет был отправлен в престижную Академию Филлипса, основанную в конце XVIII в. в небольшом городе Эндовер, штат Массачусетс, где ранее получали образование и другие члены семьи Буш. Здесь Джордж проявил себя активистом и спортсменом, избирался президентом своего класса, секретарем Ученического совета, был редактором школьной газеты. Он участвовал в соревнованиях по баскетболу и американскому футболу, одно время был капитаном и той и другой команды. Когда в 1942 г. Джордж окончил академию, США уже вступили во Вторую мировую войну. На следующий день после окончания он подал заявление о зачислении в морскую авиацию.

Окончив курсы, Буш был направлен на учебный авианосец «Собл» (*Sable*) на озере Мичиган. Там Буш отрабатывал взлетно-посадочные операции в условиях боевого похода, что было невозможно на наземных аэродромах. Он учился прыгать с парашютом на судно, вначале не раз оказываясь в воде по соседству с кораблем. Парашютный спорт Джордж особенно любил, и он остался его любимым занятием до глубокой старости.

После окончания 10-месячных курсов Буш получил первое офицерское звание энсина, став самым юным летчиком ВМС США того времени. В начале 1944 г. Буш, будучи офицером-фотографом эскадрильи торпедоносцев VT-51, был направлен на Тихий океан, на авианосец «Сан-

Хасинто» (*San Jacinto*). Джордж совершил многочисленные боевые и разведывательные полеты, участвовал в боях в районе Филиппин, островов Бонин и др.

Став 1-м лейтенантом, Буш участвовал 2 сентября 1944 г. в налете на базу японского ВМФ на острове Титидзима. Во время возвращения его самолет был подбит и загорелся. Бушу удалось выброситься с парашютом, а вот его двум товарищам не повезло... Удача и дальше сопутствовала ему: он ухватился за какие-то обломки, соорудив некое подобие плота, затем был замечен с борта американской подлодки «Кит-полосатик» (*Finback*) и через три часа подобран. Вскоре Джордж узнал, какой страшной участи удалось ему избежать. Оказалось, что японцы захватили нескольких американских летчиков, убили их, а печень съели. Эту историю Джордж Буш не раз вспоминал, однажды воскликнув: «Почему мне удалось спастись? Что Бог для меня приготовил?»

В самом конце 1944 г. эскадрилья Буша вернулась в США. За год с лишним он совершил 58 боевых вылетов, был награжден Крестом летных заслуг и несколькими медалями. Он был назначен в эскадрилью торпедоносцев VT-153 и стал готовиться отбыть на Тихий океан, но в начале сентября 1945 г. Япония капитулировала, а в конце месяца Буш был уволен с военной службы.

Еще во время военной службы, в начале января 1945 г., Буш получил отпуск для вступления в брак. Женился он на Барбаре Пирс, с которой был знаком еще до войны, а затем переписывался. Самолеты, на которых летал Джордж, он называл именем своей любимой: «Барбара-1», «Барбара-2», «Барбара-3». Девушка была дочерью нью-йоркского издателя, в то время еще малоизвестного, а позже ставшего главой концерна, выпускавшего модные женские журналы. Барбара была дальней родственницей 14-го президента США Франклина Пирса. У Бушей родились шестеро детей — четверо сыновей и две дочери. Старший сын, которого называли в честь отца, стал президентом США: это второй случай в американской истории (первым были отец и сын Адамсы). Сын Джеб (Джон) также занимался политикой и был губернатором Флориды, Нейл и Марвин стали бизнесменами. Дочь Дороти стала известной благотворительницей и общественной деятельницей (Паулин умерла от лейкемии в возрасте четырех лет).

Оставив ВВС, Джордж поступил в Йельский университет, рискнув попробовать свои силы в специальной программе для бывших военнослужащих, позволявшей вдвое сократить срок обучения. Через 2,5 года, в 1948 г., он получил ученую степень бакалавра в области экономики

и вместе с семьей отправился в Западный Техас, в город Одессу, где занялся бизнесом. Отец-банкир помог ему только связями, денег Прескотт сыну не дал, и вначале тому приходилось считать каждый цент. Постепенно Джордж добился успеха и в 1951 г. основал небольшую собственную нефтяную компанию, а через два года стал одним из владельцев более крупной «Запата Корпорейшн» (*Zapata Corporation*). Название компании было результатом остроумия соучредителей: кто-то из них узнал, что запата — это средневековый испанский обычай делать подарок, положив соответствующую вещь в туфлю. И они стали рассматривать свое предприятие как подарок самим себе.

Компания оказалась успешной: она начала бурение скважин в Техасе, которые приносили высокие прибыли в условиях, когда потребности в нефтепродуктах и цена на них непрерывно росли. От добычи нефти в Техасе было решено перейти на мировой рынок. В 1954 г. была основана дочерняя «Запата оффшор компани» (*Zapata Offshore Company*), фактически превратившаяся в самостоятельную структуру. На этот раз косвенную помощь оказали родители Джорджа и Барбары: они приобрели ее акции, не только поддержав ее финансово, но и обеспечив определенный престиж. Джордж Буш стал президентом новой компании.

Большим успехом стало сотрудничество с изобретателем Робертом Летурно из штата Вермонт. Этот гениальный самоучка предлагал фирмам свои разработки одну за другой. Почти все с ходу отвергали предложения, считая его сумасшедшим. Но Буш согласился вложить средства во внедрение одного из изобретений — мощной землеройной машины. Она работала безупречно. Был получен патент, эксклюзивное право на его использование приобретено «Запата оффшор», как и право на будущие изобретения инженера. Позже Летурно написал воспоминания «Двигая горы и вдохновляя людей» (его книга выпущена и на русском языке в 2014 г.), в которой тепло вспоминал Джорджа Буша.

В 1959 г. «Запата оффшор» отделилась от материнской компании. Хотя Буш не был единственным собственником, он располагал пакетом акций, который позволял ему проводить выгодные решения. В том же году Буш переехал в крупнейший город Техаса Хьюстон, куда вскоре перевел правление компании. Он продолжал руководить ею до 1967 г., когда окончательно ушел в большую политику. Правда, на местном уровне Джордж интересовался политикой и ранее. В 1963 г. он был избран председателем партийной организации республиканцев в графстве Харрис, штат Техас. Но эта работа показалась Джорджу скучной, тем более что благодаря вермонтскому изобретателю Буш стал получать высокие

прибыли и к сорока годам стал миллионером. В следующем году он выдвинул свою кандидатуру в Сенат США, позиционируя себя как умеренного консерватора. Выступив против внесенного в Конгресс пакета законов о гражданских правах, он высказал мнение, что они предоставляют слишком много власти федеральным органам в ущерб штатам. Выборы он проиграл. В это время Буш попытался установить связь с демократами-сегрегационистами в масштабах своего графства. Дело дошло до того, что группа демократов была привлечена в республиканский клуб. Прочных связей, однако, установить не удалось: расхождения оказались значительными, и сотрудничество прекратилось.

В 1966 г. Буш выставил свою кандидатуру в Конгресс, на этот раз в Палату представителей. Теперь он добился победы над местным авторитетным юристом Фрэнком Брискоу. Успех был тем более важен, что до этого жители Хьюстона избирали в нижнюю палату только демократов. В палате Джордж был вскоре избран в Комитет по бюджету, поскольку имел авторитет бизнесмена, добившегося успехов в нефтяной области. В 1968 г. он был переизбран и в ряде выступлений энергично поддержал внешнюю политику Никсона, в частности его курс на прекращение войны во Вьетнаме. Сам Никсон считал Буша важным сторонником и несколько раз приглашал его в Белый дом. Правда, президент дал Бушу неудачный совет: отказаться от места в Палате представителей и вновь попытаться стать сенатором.

В 1970 г. Буш баллотировался в Сенат и проиграл. По-видимому, Никсон чувствовал свою ответственность за то, что его активный сторонник оказался не у дел. Когда стала вакантной должность представителя США в ООН, президент, особенно не раздумывая, назначил на это место не имевшего никакого дипломатического опыта Буша. Никсон рассматривал нового посла в ООН как послушного исполнителя своей воли, у которого не будет собственных инициатив. Действительно, Буш инициатив не выдвигал, его имя в печати упоминалось редко. Его все вполне устраивало, ведь он имел ранг министра. Работа в ООН, участие в заседаниях Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности было для Джорджа очень полезным. Он познакомился с государственными деятелями многих стран, стал разбираться в главных международных проблемах, научился дипломатическому этикету. Все это позже очень пригодилось.

В 1973 г., в самый разгар Уотергейтского скандала, Никсон предложил Бушу новую работу, на этот раз председателя Национального комитета Республиканской партии. Нельзя сказать, чтобы это было слишком

заманчивое предложение: все, кто занимал этот пост после Второй мировой войны (кроме Буша), так и остались партийными администраторами, готовившими предвыборные съезды и занимавшимися оргвопросами. Да и переход на эту должность с дипломатической был для Буша понижением. Но Никсону была необходима безусловная поддержка в партийных органах.

Буш занял партийный пост в условиях, когда авторитет Республиканской партии резко упал. Новый председатель сосредоточил усилия на попытках сохранить влияние партии, в то же время оставаясь лояльным к президенту. Он чувствовал себя крайне неловко, когда по требованию влиятельных партийных деятелей именно он явился к Никсону в начале августа 1974 г. с настоятельным советом добровольно уйти в отставку. Никсон внял не столько совету председателя партии, сколько требованиям наиболее авторитетных конгрессменов и рекомендациям собственного окружения. Буш явно сожалел о своем участии в этом деле: вроде бы он способствовал уходу президента, который всячески его продвигал. Он записал в дневнике: «Везде чувствовалось дуновение печали, как будто кто-то умер».

Буш, однако, вполне ужился с новым главой страны, став послушным исполнителем воли Дж. Форда. Последний включил Буша в список возможных кандидатов на должность вице-президента, однако на одном из этапов обсуждения его кандидатура была отвергнута. Буш же, который, по мнению нового президента, имел уже определенный дипломатический опыт, получил несколько странную должность офицера связи при правительстве Китайской Народной Республики. Она была изобретена в связи с тем, что после визита Никсона в Пекин в феврале 1972 г. отношения США с КНР нормализовались лишь частично. США признали коммунистический Китай де-факто, но сохраняли дипломатические отношения с Китайской Республикой на Тайване, которая контролировала представительство в ООН. Буш не имел официального статуса посла в КНР, хотя фактически был таковым. Он провел в Пекине 14 месяцев, занимаясь в основном подготовкой визита в Китай президента Форда в 1975 г.

В 1976 г. Форд отозвал Буша из Китая и назначил его директором Центральной разведки. Так официально называлась должность, учрежденная президентом Трумэном в начале 1946 г. Когда же в 1947 г. было создано ЦРУ, именно директору Центральной разведки было поручено руководить новым ведомством, занимавшимся не только сбором информации за рубежом, но и проведением секретных операций. Таким образом, Буш фактически стал директором ЦРУ. Этот пост он занимал

почти год с 30 января 1976 по 20 января 1977 г. Само назначение было связано с происшедшим перед этим сенсационным расследованием, проведенным сенатским комитетом Фрэнка Черча, призванным установить степень участия секретных служб США в незаконных операциях. Комитет Черча установил факты незаконной слежки, перлюстрации корреспонденции и даже убийства зарубежных деятелей, в которых были замешаны сотрудники ЦРУ. Установлено было, что в некоторых случаях противозаконная деятельность проводилась по прямым указаниям директора ЦРУ Ульяма Колби. Буш пришел на место Колби, как человек, ни в чем не замешанный, который сможет «оздоровить атмосферу в ЦРУ».

Ничем особо выдающимся Буш на новом посту не отличился. Послушный исполнитель воли начальства, он регулярно докладывал Форду информацию, поступавшую от агентов ЦРУ. Когда же на ноябрьских выборах победу одержал демократ Дж. Картер, Буш стал снабжать информацией избранного президента, понадеявшись, что за проявленную лояльность его оставят на прежнем посту. Однако Картер предпочел иметь руководителем ЦРУ более доверенное лицо и в день своего вступления в должность потребовал от Буша подать в отставку.

Буш вернулся в Хьюстон и вновь занялся бизнесом, став председателем исполнительного комитета Первого международного банка. Он попытался заняться преподавательской работой, начал читать лекции и был избран профессором-совместителем университета им. Райса — частного учебного заведения в Хьюстоне. Хотя Буш позже писал, что преподавательская работа стала для него «любимым делом», это было не так: он продержался в университете всего один год и покинул его еще до того, как твердо решил вернуться в политику.

Большая политика влекла его с новой силой. Не видя в Республиканской партии сильных претендентов, он в 1979 г. решил включиться в борьбу за пост президента. Недалековидность Джорджа проявилась в том, что он не понял реальных перспектив Р. Рейгана, которого Буш считал всего лишь бывшим голливудским актером средней руки, не принимая во внимание даже его опыт руководства крупнейшим штатом Калифорния.

Буш вел избирательную кампанию энергично, вступив в нее раньше большинства других кандидатов. Он ездил по стране, побывал на нескольких сотнях собраний и митингов на улицах и площадях. На первичных выборах он добился победы в важных штатах Пенсильвания и Мичиган. Успехи ослабили напор Буша, который вначале опережал других кандидатов. Однако по мере развития кампании основным соперником

становился Рейган, который постепенно смягчил свои позиции, сделав упор на необходимости сплочения партии. Буш, однако, не придавал этому серьезного значения. Он не полемизировал по существу с предложениями Рейгана о значительном уменьшении налогов, заявив, что это — «экономика вуду».

Рейган и Буш оказались основными соперниками. В этих условиях штаб Рейгана предложил провести дебаты кандидатов перед праймериз в Нью-Гемпшире: обычно кандидат, победивший на них, получал партийную номинацию. Буш принял предложение, полагая, что полемика будет один на один. Однако Рейган пригласил в зал и других кандидатов. Не ожидавший этого Буш растерялся, пытался спорить, но в ответ на резкие выпады Рейгана произносил лишь общие фразы. Один журналист писал, что он выглядел, «как маленький мальчик, которого выгнали со дня рождения, куда он пришел без приглашения». Победа Рейгана в Нью-Гемпшире предопределила его номинацию, уже в мае 1980 г. Буш отказался от продолжения борьбы, а после того как Дж. Форд отклонил предложение о выдвижении на вице-президентский пост, Рейган предложил эту должность Бушу, который охотно согласился без каких-либо условий. Подтверждалось мнение многих обозревателей, что положение второго лица, добросовестного исполнителя воли руководства было для Буша более подходящим.

Став вице-президентом, Джордж Буш поселился в новой резиденции в районе вашингтонской обсерватории примерно в двух милях от Белого дома, где он бывал лишь по вызову Рейгана, в основном с докладами о заседаниях Сената. Он также выполнял представительские функции, в частности представлял США на похоронах руководителей других стран. Именно в этом качестве он ездил в Москву во время «пятилетки пышных похорон» престарелых генсеков. При этом дипломатических переговоров он не вел, но после похорон Ю. В. Андропова передал новому руководству СССР от имени Рейгана «надежду на развитие диалога и сотрудничества, которые приведут к более конструктивным отношениям между обеими странами».

Когда 30 марта 1981 г. на Рейгана было совершено покушение, Буш находился в Техасе. Он немедленно вылетел в Вашингтон. Встречавшие его на правительственной авиабазе Эндрюс чиновники предложили Бушу пересесть на вертолет, который доставил бы его прямо на лужайку Белого дома, но он отказался, заявив, что на территории Белого дома может совершать посадки только президент. Вскоре Рейган пришел в себя и заявил, что нет необходимости передавать полномочия, но поведение Буша

произвело на президента хорошее впечатление. С этого времени дважды в месяц Рейган обедал с Бушем в Белом доме. С согласия президента Буш неоднократно, но неохотно давал интервью, отстаивая правильность каждого политического шага своего руководителя. В то же время он не проводил пресс-конференций, на которых мог оказаться в неловком положении.

Столь лояльное поведение Буша предопределило его повторное выдвижение на вице-президентский пост в 1984 г. Впрочем, на этот раз Буш хотя и был избран вместе с Рейганом, можно сказать, проиграл выборы, причем женщине, Джеральдин Ферраро, баллотировавшейся на пост вице-президента вместе с кандидатом от демократов Уолтером Мондейлом. Она откровенно издевалась над Бушем, заверяла, что она «прямо тронута» тем, что он осмеливается учить ее основам внешней политики и, хотя и имела юридическое образование, вела полемику на крикливых тонах, без фактических аргументов, что становилось обычным для демократических кандидатов. Она повторяла, что представляет «рабочий район» Нью-Йорка Квинс, тогда как Буш — выходец из аристократии.

Во время второго президентства Рейгана Бушу все же пришлось выступать в качестве исполняющего обязанности президента, когда в июле 1985 г. Рейгану делали операцию и он находился под наркозом. Впрочем, продолжалось это всего восемь часов.

Во время расследования дела «Иран-контрас» Буш отказывался каким бы то ни было образом комментировать события, заявляя журналистам, что он «совершенно не в курсе этого дела». Насколько это соответствовало истине, неизвестно, но, скорее всего, его действительно не информировали о тайных операциях. Правда, в своем дневнике он записал: «Я один из немногих людей, которые полностью знали все детали» этого дела. Но создается впечатление, что эти слова предназначались для будущих читателей дневника и не отражали реальную ситуацию.

Уже с середины второго президентства Рейгана и по согласованию с ним Буш начал готовиться к выборам 1988 г. Во всяком случае, уже в начале 1987 г. пресса рассматривала его как наиболее вероятного кандидата. Правда, в Республиканской партии выдвигались и другие кандидаты. Наиболее вероятным соперником Буша считали сенатора от штата Канзас Роберта (Боба) Доула, который занимал позицию между консервативным и либеральным крылом партии. Вначале Буш выступил неудачно, но затем стал опережать Доула. Очевидцы считали, что это произошло после того, как в Нью-Гемпшире, где ранее Буш оказался

побежденным, он провел дебаты с Доулом, которого перед этим без доказательств обвинял в злоупотреблениях при сборе средств на проведение кампании и в намерении в случае победы повысить налоги. Во время встречи, которая транслировалась по всей стране, разгоряченный Доул злобно бросил: «Прекратите лгать по поводу моих действий!», — на что Буш в ответ только пожал плечами. Он явно научился правильному поведению.

На предвыборном съезде республиканцев в Новом Орлеане Джордж Буш был выдвинут единогласно в 1-м туре. Многих делегатов, правда, удивило, что он взял в напарники малоизвестного сенатора из Индианы Джеймса (Дэна) Квейла, но более опытные политики разъяснили, что кандидат в президенты намерен иметь такого напарника, который бы не вмешивался в дела, подобно тому как сам он вел себя при Рейгане. Выступая 18 августа с речью о принятии номинации, Буш произнес слова, которые были во время кампании восприняты избирателями положительно, но позже сыграли немалую роль в том, что на следующих выборах Буш потерпел поражение. Он произнес: «Прочитайте по моим губам: никаких новых налогов». Это выражение стало своего рода лейтмотивом кампании, которая велась против кандидата демократов губернатора Массачусетса Майкла Дукакиса. В остальном кампания проводилась во имя сохранения того, что Буш называл «традиционными американскими ценностями» — право на владение стрелковым оружием, христианские молитвы в школах (при том, что церковь была отделена от государства), крайнее ограничение права на аборт.

Предвыборную борьбу современники называли одной из наиболее грязных в американской истории. Буш не жалел темных красок для характеристики деятельности Дукакиса в Массачусетсе, вплоть до того, что голословно обвинил его в загрязнении гавани Бостона. Распространялись слухи, что Дукакис когда-то лечился от психиатрического заболевания. В свою очередь, кандидат демократов обвинял Буша во всех смертных грехах, было изобретено одно из первых в современной американской истории сексуальных дел: Буша обвинили, что он заставил одну из сотрудниц своего штаба вступить с ним в интимную связь. Хотя эта дама отрицала факт, слухи о нем были растиражированы прессой.

На выборах 8 ноября, Буш добился победы. Он получил 48,9 млн голосов (53,4 %) и 426 голосов в коллегии выборщиков (против Шу Дукакиса).

Джордж Буш пришел к власти в тот период, когда мир кардинально менялся. В СССР шла «перестройка», углублялся внутренний кризис, и

некогда могучая держава стояла на грани распада. Подписанные в предыдущие годы договоры и соглашения Рейгана и Горбачева сулили переход от холодной войны к мирному взаимовыгодному и даже дружественному сотрудничеству.

Буш объявил себя последователем Рейгана, и именно так его воспринимало большинство американцев. В отличие от ряда своих предшественников новый президент опирался не столько на аппарат Белого дома, сколько на правительство. Наиболее близким к нему стал назначенный им на пост госсекретаря старый знакомый по Техасу Джеймс Бейкер. Этот юрист и политолог вырос в привилегированной семье из Хьюстона, неоднократно помогал Бушу во время избирательных кампаний, имел опыт работы в правительстве, будучи одно время заместителем секретаря по вопросам торговли. Особенно важно было то, что он был руководителем Администрации президента Рейгана, а затем был секретарем казначейства. В этом качестве он приобрел и дипломатический опыт, ведя переговоры с представителями ведущих европейских держав и Японии о соотношении доллара и валют этих стран. Из других министров наибольшим влиянием пользовался Ричард (Дик) Чейни, возглавивший Департамент обороны. Служивший ранее в администрациях Никсона и Форда, он при Рейгане в основном осуществлял связь между Белым домом и Капитолием, являясь руководителем созданного для этой цели Комитета республиканской политики.

Бушу достался в наследство от Рейгана и целый ряд серьезных проблем. Главной из них был финансовый дефицит: за 10 лет дефицит госбюджета утроился, достигнув в 1990 г. 220 млрд долларов. В ряде выступлений новый президент повторял, что Америка не может считаться мировым лидером, если она не справится со своими финансовыми проблемами. Однако трудность состояла в том, что на выборах 1988 г. большинства в обеих палатах Конгресса добились демократы. В Палате представителей они располагали 260 местами (республиканцы имели 175 мест), в Сенате было теперь 55 демократов (45 республиканцев). Обе фракции выступали за ликвидацию дефицита бюджета, но пути к этому видели прямо противоположные. Республиканцы требовали существенного сокращения государственных расходов, в частности значительного уменьшения числа сотрудников органов исполнительной власти. Демократы выступали за повышение налогов, причем исключительно на лиц и бизнес с высокими доходами.

Не привыкший к жесткому отстаиванию своих позиций (предвыборная борьба строилась в основном на эмоциях), Буш пошел, по его словам, на

компромисс, а по существу дела, капитулировал. Он согласился на повышение налогов, хотя и небольшое. В результате республиканское меньшинство обеих палат почувствовало себя преданным. Вновь и вновь президенту напоминали его предвыборное обещание не повышать налоги. Его первоначальная популярность стала быстро падать. Пресса, не только демократическая, но и в значительной степени республиканская, обрушивалась на него с обвинениями. Тем не менее он подписал закон о бюджете на 1989/90 финансовый год, который был принят палатами, вопреки возражениям республиканского меньшинства.

Закон был прямо противоположен установкам его партии: повышались налоги на высокие состояния и крупные бизнесы и вотиновалось увеличение расходов на ряд программ, в частности на медикер, которой пользовались малоимущие, в том числе те, кто не желал устраиваться на работу. Позже Буш не раз повторял, что он совершил ошибку, подписав этот закон, а не наложив на него вето (соотношение голосов в обеих палатах было таковым, что преодолеть президентское вето они бы не смогли).

Нелегкое положение, в котором он оказался, дополнилось объективными факторами. В 1991 г. США вступили в очередную рецессию. Правда, она оказалась неглубокой и продолжалась менее года, но безработица стала расти, а вместе с ней и государственные расходы по социальным программам.

Успешнее проводились государственные меры в области народного образования. Уже в апреле 1989 г. Буш представил Конгрессу проект закона о совершенствовании школьного обучения, который начал готовиться еще при Рейгане. Это был комплекс ряда программ, включавших меры по введению единых стандартов обучения в начальной, неполной средней и средней школе на всей территории США, по переподготовке и проверке квалификации учителей с введением повышенной заработной платы наиболее опытным и квалифицированным педагогам, по проведению всевозможных соревнований учащихся, в частности по математике, естественным наукам и английскому языку, по дополнительному финансированию школ, показавших после проверок наилучшие показатели, и т. д. Проект довольно долго обсуждался в Конгрессе, в него были внесены поправки как демократами, так и однопартийцами, настаивавшими на расширении прав штатов. Основные положения удалось, однако, сохранить. Закон был подписан Бушем в июле 1992 г. Он действительно способствовал некоторому улучшению уровня преподавания в публичных школах, но в целом он все равно остался значительно ниже,

чем в частных учебных заведениях.

Президентом был подписан ряд актов по второстепенным вопросам внутренней политики, существенно не менявшим установленные нормы и в то же время способствовавшим исследованию космического пространства, охране природной среды, регулированию иммиграции. Аналитики и исследователи отмечали важность закона об иммиграции, подписанного Бушем 29 ноября 1990 г. и содержавшего попытку хотя бы как-то ограничить нелегальную иммиграцию. Он действительно установил более или менее четкие нормы, определявшие условия легальной иммиграции. На 1992–1994 гг. была определена квота в 700 тыс. человек, которые могли бы легально въехать в страну на постоянное жительство, с небольшим снижением ее в следующие годы. Устанавливались категории иммигрантов — на основе родства, трудоустройства (приоритетные, высококвалифицированные и просто квалифицированные кадры). Вводились так называемые «грин карты» («зеленые карточки»), обладатели которых могли через пять лет претендовать на получение гражданства США. Вводились также понятия постоянных и временных беженцев: первые беженцы могли претендовать на гражданство, вторые (из стран, где шла война, произошли серьезные природные катаклизмы и т. п.) обязаны были покинуть США после того, как у них на родине улучшится ситуация. Последнее положение, а также некоторые другие нормы (в частности, введение лотерей для получения «грин карт») были сомнительными нововведениями, так как неизбежно порождали злоупотребления и коррупцию как в стране эмиграции, так и в самих США. Закон 1990 г. был не в состоянии существенно сократить число нелегальных иммигрантов, которое продолжало увеличиваться, хотя и медленнее, чем до начала 1980-х гг.

В целом президентство Буша не оказало сколько-нибудь значительного влияния на внутреннюю жизнь страны.

Внешняя политика Буша концентрировалась на двух основных направлениях. Первое из них касалось региональных проблем, в той или иной мере связанных с геополитическими интересами США. Дважды применялись насильственные действия, законность которых, особенно в первом случае, ставилась под сомнение.

Уже во 2-й половине 80-х гг. в печати США развернулась кампания против Мануэля Норьеги, занимавшего пост главнокомандующего Силами национальной обороны Панамы, а фактически являвшегося диктатором этой страны. Ранее Норьега сотрудничал с ЦРУ и получал от него немалые деньги, но в середине 80-х гг. взбунтовался, установил связь с кубинским

властителем Ф. Кастро и стал покровительствовать ввозу наркотиков в США. В 1988 г. американская Администрация по борьбе с наркотиками обвинила Норьегу в организации наркотрафика. Еще в конце правления Рейгана обсуждался вопрос о проведении военной операции против Панамы и ее диктатора, подобной тому, которая была предпринята ранее против Гренады. Но, занятый делом «Иран-контрас», Рейган к операции против Норьегу не приступил, оставив ее преемнику.

Вторжение американских войск в Панаму, получившее помпезное кодовое название «Правое дело», началось 20 декабря 1989 г. Формально оно мотивировалось защитой жизнью американских граждан, безопасности Панамского канала и, естественно, «восстановлением демократии». Операции придавалось настолько большое значение, что Буш, принявший решение о вторжении 17 декабря, поручил руководство им секретарю по обороне Дж. Чейни и председателю Объединенного комитета начальников штабов генералу Колину Пауэллу. Это была самая крупная сухопутная операция США со времени Второй мировой войны, в ней приняли участие 26 тыс. человек.

Военные действия происходили на протяжении трех дней в городе Панама, который был подвергнут бомбардировкам. Еще два дня после этого продолжалось очаговое сопротивление. Одновременно проводилось массированное психологическое давление на население Панамы и других стран Латинской Америки с целью оправдать вторжение. Уже в первый день операции было объявлено об отставке правительства Панамы, свержении Норьегу и формировании нового правительства, которое было приведено к присяге в расположении американских войск. Норьегу вначале укрылся в посольстве Ватикана, но под давлением США (в том числе силовым — возле посольства были выставлены громкоговорители, круглосуточно передававшие оглушительную музыку) вынужден был сдаться. Его вывезли в США, где он был приговорен к 30 годам заключения. К этому приговору позже добавились приговоры судов Франции и самой Панамы. В 2011 г. Норьегу, ранее депортированный во Францию, был выдан Панаме, где умер в заключении в 2017 г. Операция в Панаме была единственным случаем после Второй мировой войны, когда действия США и президента страны были осуждены не только Генеральной Ассамблеей ООН и Организацией американских государств, но и прямыми союзниками США — Европейским экономическим сообществом.

Со значительно бóльшим пониманием международная общественность восприняла другую военную акцию, предпринятую по

решению Буша, — операцию «Буря в пустыне», тем более что она была санкционирована Советом Безопасности ООН. Эта операция была проведена после того, как диктатор Ирака Саддам Хусейн в августе 1990 г. аннексировал соседнее государство Кувейт под предлогом нарушения им соглашений о регулировании добычи нефти. Для проведения операции по освобождению Кувейта была сформирована многонациональная группировка, но основу ее составляли сухопутные и военно-воздушные силы США. Операция была начата 17 января 1991 г. нанесением воздушных ударов по территории Ирака. 24 февраля развернулась наземная операция, в результате которой в течение двух суток иракские войска были вытеснены с территории Кувейта. 28 февраля власти Ирака объявили о прекращении сопротивления и признании независимости Кувейта. На этом операция была прекращена. Ее результаты подвергались критике главным образом теми, кто считал, что действия надо было довести до конца — до свержения власти Саддама Хусейна. Но осуществить это, придерживаясь норм международного права, было невозможно — американские вооруженные силы действовали от имени ООН, а резолюция Совета Безопасности предписывала только освобождение территории Кувейта.

Администрация Буша пошла на заключение соглашения о свободной торговле с соседними государствами Канадой и Мексикой. Сообщая о достижении соглашения, Буш 12 августа 1992 г. объявил его «началом новой эры» в отношениях с соседями. Для Мексики и Канады соглашение было исключительно выгодно, так как предоставляло им возможности свободно пользоваться американскими технологиями, научными и производственными новациями. В самих же США соглашение подвергалось серьезной критике, как ущемляющее их экономические интересы и даже способствовавшее увеличению безработицы в стране. В торговых отношениях с соседями США со времени подписания соглашения оказывались в дефиците. Уже с начала XXI в. в кругах американских государственных деятелей и экономистов стали усиливаться голоса в пользу его пересмотра.

Второе направление внешней политики Буша было связано со взаимоотношениями с СССР. 2–3 декабря 1989 г. на острове Мальта состоялась его встреча с М. С. Горбачевым, во время которой не были подписаны какие-либо документы (кроме коммюнике), но сами беседы прошли в духе налаживания взаимовыгодного сотрудничества. В США весьма положительно было оценено заявление Горбачева: «Мы находимся в самом начале нашего пути, длинного пути к продолжительному мирному периоду».

По дипломатическим каналам было договорено о визите Буша в Москву, который состоялся в конце июля — начале августа 1991 г., за три недели до попытки государственного переворота в Москве, который потерпел провал и имел непосредственным своим следствием завершение распада Советского Союза. Вспоминая визит Буша, Горбачев писал в мемуарах, что этим переговорам были присущи «высокая степень взаимного доверия, несмотря на расхождения в оценках по ряду вопросов, и большая степень согласия во взглядах не только на текущие, но и новые, лишь назревающие проблемы». На этот раз был подписан исключительно важный договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) и ряд соглашений о сотрудничестве в предотвращении аварий и стихийных бедствий, о неотложных медицинских поставках и др. СНВ-1 предусматривал сокращение вооружений на 35 %, а также тщательно разработанные системы контроля за соблюдением договоренностей. Буш назвал договор «значительным шагом к отходу от полувекового недоверия». Встречи на Мальте и в Москве были заключительной фазой в ликвидации состояния холодной войны.

Буш был первым государственным деятелем, узнавшим о подписании соглашения президентов России, Украины и Белоруссии о прекращении существования СССР и создании вместо него Содружества Независимых Государств. 8 декабря 1991 г. Б. Н. Ельцин из местечка Вискули в Беловежской Пуще позвонил Бушу, чтобы сообщить о том, что СССР ликвидирован. Ельцин заявил: «Господин президент, должен сказать вам конфиденциально, что президент Горбачев не знает об этих результатах. Он знал о нашем намерении собраться — собственно, я сам сказал ему о том, что мы собираемся встретиться. Конечно, мы незамедлительно направим ему текст нашего соглашения, так как, безусловно, он должен будет принимать решения на своем уровне. Господин президент, я был сегодня с вами очень и очень откровенен. Мы, четыре государства, считаем, что существует только один возможный выход из сложившейся критической ситуации. Мы не хотим ничего делать втайне — мы немедленно передадим заявление в прессу. Мы надеемся на ваше понимание».

Ставшая суверенным государством Российская Федерация взяла на себя все обязательства по международным договорам и соглашениям СССР, прежде всего по документам, подписанным с США, о чем по дипломатическим каналам было сообщено Бушу. 25 декабря он выступил с заявлением, в котором говорилось: «США приветствуют и поддерживают исторический выбор в пользу свободы, сделанный новыми государствами Содружества... Несмотря на потенциальную возможность для

нестабильности и хаоса, эти события явно отвечают нашим национальным интересам». Буш был откровенен: исчезновение с карты земли такого мощного государства, каким был СССР, безусловно соответствовало интересам США.

В следующие два года состоялись две встречи Буша с президентом России Ельциным в Вашингтоне и одна в Москве. В результате достижения предварительной договоренности во время визита Буша в Москву в начале января 1993 г. (за две с половиной недели до ухода американского президента в отставку) был подписан новый договор — СНВ-2. Он предусматривал, что каждая из сторон в течение семи лет сократит свои межконтинентальные баллистические ракеты до уровня не более 4250 единиц.

Казалось, что конфронтации между США и Россией действительно пришел конец. Перспективу нового обострения отношений через два десятилетия в то время никак не предполагали. Еще в 1990 г., на основе торговых соглашений, вначале в СССР, а затем в Россию США стали поставлять по низкой цене продовольственные товары (в частности куриные окорочка), остро необходимые в условиях катастрофического кризиса российской экономики. Эти поставки были чрезвычайно выгодны американским фирмам, производившим соответствующую продукцию. Но несравненно важнее они были для граждан России (и других стран постсоветского пространства), так как позволяли хоть немного смягчить продовольственные трудности, что, впрочем, не помешало появиться в обиходе термину (с оттенком пренебрежения) «ножки Буша».

Уже в начале 1992 г. Джордж Буш объявил, что намерен баллотироваться на второй президентский срок. Это было весьма оптимистическое решение, так как недовольство его политикой, прежде всего в области экономики, было значительным, причем не только в кругах, поддерживавших демократов, но и в его собственной партии. На предварительных выборах Буш смог показать, что он бесспорный кандидат республиканцев. В некоторых штатах, в частности в показательном для его партии Нью-Гемпшире, он не добился победы. Тем не менее партийный съезд, на этот раз демонстративно проводившийся в Хьюстоне, который всегда был опорой Буша, проголосовал за его выдвижение почти единогласно уже в 1-м туре (за Буша было подано 2166 голосов, за его соперников — 19).

Бушу противостоял губернатор-демократ штата Арканзас Билл Клинтон, который выступал как центрист, склонявшийся скорее в сторону левых демагогов, выступавший за расширение программ велфера, то есть

фактически в пользу роста паразитического класса. Буш явно допустил ошибку, повторив опыт Рейгана, который непосредственно почти не участвовал в кампании по своему переизбранию, ссылаясь на чрезвычайную занятость государственными делами. Авторитет Буша был несравненно ниже, чем Рейгана, и это в значительной степени предопределило исход выборов. Демократы атаковали Буша, представив его правым деятелем, далеким от интересов низшего и среднего классов, незнакомым с заботами «простого человека». Эта агитация также сыграла свою роль.

Положение еще более осложнилось тем, что в предвыборную кампанию включился тexasский миллиардер Росс Перо, который критиковал и демократов, и республиканцев, утверждая, что только он, как опытный хозяйственник, сможет преодолеть дефицит государственного бюджета. Перо, кампания которого содержала элементы требований обеих крупных партий, безусловно отнял у Буша некоторое число голосов.

Но постепенно на первый план выходил Клинтон, который вначале существенно отставал от Буша. Он и добился победы на выборах 3 ноября 1992 г. За Буша голосовали 39,1 млн избирателей (37,5 %), за Клинтона — 45 млн (43 %). В коллегии выборщиков у демократического кандидата оказалось 370, а у республиканского 168 голосов. Хотя Перо получил 19,7 млн голосов (18,9 %), и это было наиболее значительное число голосов у независимого кандидата после 1912 г., он не победил ни в одном штате и не располагал ни одним выборщиком.

Так Джордж Буш оказался не у дел после одного срока пребывания на президентском посту. Побывав на инаугурации Клинтона, он вместе с супругой отправился в Хьюстон, в окрестностях которого у него был свой дом. Он занялся общественной деятельностью, благотворительностью, иногда давал интервью и выступал с лекциями, делясь опытом «бывшего президента».

В апреле 1993 г. он побывал в Кувейте на праздновании годовщины международной помощи в отражении иракской агрессии. Во время этого визита была предпринята попытка покушения: в машину Буша готовились заложить взрывное устройство, которое было обнаружено и обезврежено. Власти Кувейта арестовали группу лиц, которые, как оказалось, были агентами спецслужб Ирака и действовали по прямому указанию Саддама Хусейна. По приказу президента Клинтона доказательства враждебных действий иракских властей против США были представлены Совету Безопасности ООН, а на следующий день по зданию разведывательной службы Ирака в Багдаде был нанесен ракетный удар в качестве

«возмездия».

Джордж внимательно следил за политической карьерой своих сыновей Джорджа-младшего и Джеба, которые в 1994 г. баллотировались на посты губернаторов Техаса и Флориды (Джордж-младший победил, Джеб проиграл). Отец не раз выражал поддержку своим сыновьям и выказывал гордость, когда в 1998 г. Джеб все же стал губернатором Флориды, а Джордж-младший был переизбран в Техасе. Но особой радостью для стареющего отца было избрание его старшего сына президентом США в 2000 г. Собственно говоря, именно с этого времени в широкую практику вошло обозначение отца президента как Джорджа Буша-старшего.

Радость вскоре сменилась крайней тревогой за судьбу страны и собственного сына, когда 11 сентября 2001 г. группы мусульманских террористов совершили атаки на здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагона в окрестностях Вашингтона. В ряде заявлений Буш-старший выразил полную поддержку курсу своего сына по борьбе против терроризма как в США, так и во всем мире. Полностью поддерживая его действия против Ирака, свержение американскими войсками режима Саддама Хусейна и его казнь, Буш-старший не раз пытался объяснить и оправдаться, почему в ходе операции по освобождению Кувейта не были предприняты дальнейшие действия против Ирака.

В январе 2009 г. отец и сын приняли участие в торжественном введении в состав ВМФ США авианосца, названного именем Буша-старшего.

Для того чтобы его не забывали, Буш-старший ввел в обычай каждые пять лет в день своего рождения совершать прыжок с парашютом с вертолета. Последний прыжок состоялся 12 июня 2014 г. в связи с его 90-летием. Престарелый парашютист добился своего: по всей Америке пресса подробно информировала о событии, а граждане отдавали должное его безусловному мужеству и сравнительно приличному состоянию здоровья. Последнее, однако, ухудшалось. Буш неоднократно попадал в больницу в связи с сердечными и легочными проблемами, у него была диагностирована болезнь Паркинсона — медленно прогрессирующее заболевание людей старческого возраста, выражающееся в ослаблении мышечной системы и дрожании конечностей. С 2015 г. Буш постоянно передвигался на коляске. В апреле 2018 г. умерла супруга Джорджа Барбара.

В 1997 г. на территории Техасского университета «Эй энд Эм» в городе Колледж-Стейшн была открыта Библиотека Джорджа Буша-старшего,

включающая архив и музейную экспозицию. Школе государственного управления и общественной деятельности в этом университете было присвоено имя Буша-старшего. Школа (по существу факультет) связана с Библиотекой и позволяет слушателям специализироваться в различных областях государственной деятельности, в частности в дипломатии.

Вместе с Джимми Картером Джордж Буш-старший являлся старейшим бывшим высшим государственным деятелем США. Он скончался 30 ноября 2018 г. По указанию президента Дж. Трампа 5 декабря этого года был объявлен днем траура, а 6 декабря Джордж Буш был похоронен на территории его Библиотеки.

Основные издания:

Greene J. The Presidency of George Bush. Lawrence, 2015.

Meacham J. Destiny and Power: The American Odyssey of George Herbert Walker Bush. New York, 2015.

Naftali T. George H. W. Bush. New York, 2017.

Wicker T. George Herbert Walker Bush. New York, 2004.

БИЛЛ КЛИНТОН

Родился 19 августа 1946

42-й президент:

20 января 1993 — 20 января 2001

Подобно одному из своих предшественников Картеру Уильям Джефферсон Клинтон (*William Jefferson Clinton*) в начале своей политической деятельности стал называть себя уменьшительным, детским именем, никак не объясняя причины этого. Как и Картер, он явно

стремится этим показать свою «обыденность», простоту, близость к рядовому американцу, что было лишь политической уловкой. Как показывает его деятельность на пути к президентству и в годы исполнительной власти, это — расчетливый политик, стремившийся обеспечить себе наибольшую популярность в различных слоях населения, используя разнообразные методы, не исключая стоявших на грани преступления.

В то же время многие американцы и граждане других стран вспоминают о Клинтоне не столько как о государственном деятеле, сколько как о легкомысленном дамском угоднике, который чуть было не попал под импичмент из-за своих сексуальных походов. Клинтон известен также тем, что он мог впервые в американской истории оказаться мужем президента США (во время предвыборной кампании его жены Хиллари серьезно обсуждался вопрос, как следует называть мужа женщины-президента: первый супруг или как-то иначе).

Родившийся в городке Хоуп, штат Арканзас, мальчик по имени Уильям Джефферсон Блайт II, которого обычно называли Биллом, потерял отца еще до своего рождения. Уильям Джефферсон Блайт-младший был разъездным торговцем средней руки и погиб в автомобильной катастрофе за три месяца до рождения сына. Он был человеком со странностями и женился на будущей матери Билла в 1943 г., скрыв, что уже был женат третьим браком, что выяснилось уже после его гибели. В результате брак был признан недействительным, и мать Билла Вирджиния вернула себе девичью фамилию Кэссиди. Оставив ребенка своим родителям, которые владели небольшим овощным магазином, Вирджиния отправилась в Новый Орлеан, чтобы получить там среднее медицинское образование. Почему она не нашла школу по подготовке медсестер поближе к дому, неизвестно, скорее всего, Вирджиния просто стремилась чувствовать себя посвободнее.

Возвратилась она в Хоуп только в 1950 г. и вслед за этим вышла замуж второй раз за Роджера Клинтона, который занимался торговлей автомобилями в Хот-Спрингсе в том же штате. Второй брак был неудачен, как и первый. Отчим, усыновивший Билла и давший ему свою фамилию, был пьяницей и в состоянии опьянения оскорблял жену и часто ее поколачивал. По воспоминаниям Билла, ему не раз приходилось заступаться за мамушку, хотя в чем именно это заступничество заключалось, он не рассказывал. Судя по тому, как прошли детские годы Билла, к нему отчим относился прилично.

В Хот-Спрингсе Билл окончил начальную, а затем среднюю школу. Он увлекался музыкой, научился играть на саксофоне и стал участником

школьного джаза. Однако особых способностей на поприще музыки он не проявил, хотя в качестве любителя продолжал играть на саксофоне, в том числе и когда стал президентом. Какое-то время Билл собирался получить медицинское образование, однако, как он признавался в своей автобиографии, от этого отказался, понимая, что хорошим врачом стать не сможет.

Уже на школьной скамье Билл заинтересовался политикой, сочтя, что в этой области сможет добиться успеха. В старших классах школы он уже решил, что станет юристом, так как эта специальность являлась на протяжении столетий самым надежным мостиком к карьере политика. Как школьный общественник 17-летний Билл вместе с другими учениками в 1963 г. был отобран в состав юношеской делегации, которая посетила Белый дом и общалась с президентом Дж. Кеннеди. В следующем году, окончив школу, получив стипендию и заняв деньги, Клинтон смог поступить в престижный Джорджтаунский университет (Вашингтон), где по совету преподавателей избрал в качестве специализации международные отношения, естественно, включая международное право. В университете Билл избирался президентом своего курса, числился в студенческих братствах. Он познакомился с сенатором от штата Арканзас Уильямом Фулбрайтом и одно время работал у него клерком, познакомившись с нравами и обычаями Конгресса. Опытный и известный политик Фулбрайт был в 1959–1974 гг. Председателем Комитета Сената по международным отношениям, был автором программы студенческого обмена с другими странами, которую называли его именем. Сенатор был демократом, и это в значительной степени предопределило партийный выбор Клинтона.

Окончив университет в 1968 г., Клинтон как успешный студент получил право продолжить специализацию в Оксфордском университете в Англии. Но в 1969 г. он получил уведомление о необходимости явиться на призывной пункт. Хотя Клинтон прервал занятия и учебу не завершил, в 1994 г., когда он стал президентом, университет присвоил ему почетную научную степень за «его неутомимые усилия в пользу мира во всем мире».

Служить в армии, тем более отправляться во Вьетнам, молодой человек не собирался. Еще в Лондоне он участвовал в демонстрациях против Вьетнамской войны. К экстремистам, сжигавшим флаги США и поджигавшим автомобили, он не присоединился, но на митингах выступал активно. Вернувшись в США, Билл приложил все усилия, чтобы то ли получить отсрочку, то ли попасть в такое подразделение, которое ни при каких обстоятельствах не могло быть направлено во Вьетнам. Сначала он

записался в группу по подготовке офицеров резерва при университете штата Арканзас, а затем добился отчисления из нее на том основании, что занимает антивоенную позицию. В конце концов Клинтон все же признали подлежащим призыву, но он получил номер очередности 311, что фактически гарантировало, что его не заберут: последний юноша, призванный в Арканзасе, имел номер 195. Полковник Юджин Холмс, занимавшийся в те годы призывом в армию в Арканзасе, позже утверждал, что Клинтон пытался избежать призыва и не желал надевать военную форму. Во время избирательной кампании 1992 г. он даже опубликовал заверенное нотариусом свидетельство. Видимо, так и было. Позже Клинтон многократно пытался обосновать свой отказ служить в армии высокими идейными соображениями, а это было явным лицемерием.

В 1969 г. Клинтон поступил в юридическую школу Йельского университета. В 1973 г. он защитил научную работу, которую позже называл докторской диссертацией. Однако в архивах Йельского университета нет каких-либо материалов о таковой диссертации. По всей видимости, это была какая-то другая работа — дипломная или магистерская, а докторскую степень Клинтон присвоил себе сам «для солидности». Возможно, Клинтон пытался спекулировать тем, что по окончании юридической школы всем выпускникам присваивалось звание «доктор права», которое не является ученой степенью.

Во время обучения в Йеле в 1971 г. Билл познакомился со студенткой Хиллари Родэм из штата Иллинойс, отец которой занимался малым бизнесом в текстильной промышленности. Активная и преуспевающая девушка, Хиллари до университета окончила колледж, где специализировалась в области политологии, а теперь продолжала высшее образование в области юриспруденции. Билл и Хиллари стали встречаться, а затем и жить вместе. Окончив юридическую школу на год раньше Билла, Хиллари работала в Фонде защиты детей и в аппарате Юридического комитета Палаты представителей.

В 1972 г. Билл и Хиллари несколько месяцев провели в Техасе, где участвовали в президентской избирательной кампании демократа Джорджа МакГоверна. Билл установил полезные связи с местными политиками, в частности с будущим мэром Далласа Роном Керком, будущим губернатором Техаса Энн Ричардс и, что особенно важно, с телевизионным режиссером Стивеном Спилбергом.

По окончании университета Клинтон отправился в родной штат Аризона, в его столицу Литтл-Рок, где в 1975 г. состоялась его свадьба с Хиллари Родэм. В 1980 г. у них родилась дочь Челси, которая через годы

получит образование в Стэнфордском университете, станет историком, но, выйдя замуж, займется в основном общественной деятельностью, главным образом участвуя в агитационных кампаниях своих родителей. Правда, она считается корреспондентом информационного агентства Эн-Би-Си, получая немалое жалование в 600 тыс. долларов в год.

Билл Клинтон был принят на работу в университет штата Арканзас, главный кампус которого находится в Файетвилле, и вскоре получил должность профессора. На должность преподавателя в университет была зачислена и Хиллари, но через некоторое время она оставила преподавание и поступила в юридическую фирму. Собственно говоря, и сам Билл не видел свое будущее в преподавании: университет был для него лишь стартовой площадкой для рывка в политику. Уже в 1974 г. он неудачно выдвинул свою кандидатуру в Палату представителей Конгресса США, а в 1976 г. был избран на важный пост генерального прокурора штата Арканзас. Через два года, заручившись поддержкой местной парторганизации демократов, он принял участие в выборах губернатора и добился победы. Во время избирательной кампании против республиканца богатого фермера Линна Лоува он энергично требовал повышения местных налогов на крупные состояния, заявлял об опоре на бедноту и требовал проведения референдума по вопросу об ограничении влияния крупных собственников на политику. Эта в значительной степени демагогическая риторика обеспечила Клинтону победу, правда, незначительным большинством.

Клинтон стал губернатором в возрасте 32 лет, а выглядел еще более юным. Пресса назвала его «мальчишкой-губернатором». Почти сразу обратили внимание на активное участие в руководстве штатом Хиллари: она вмешивалась в административные дела, особое внимание уделяя вопросам здравоохранения. Сам же Билл занимался в первую очередь дорожной сетью: ремонтом, строительством подъездных путей и др. Переизбраться в 1980 г. Клинтону не удалось, но через два года он вновь возглавил штат и на этот раз сохранял свой пост десять лет, причем чтобы избежать новых неудач, он в 1986 г. провел через легислатуру решение о продлении губернаторского срока с двух до четырех лет.

Как политик Клинтон занимал центристские позиции. Он стал одной из ведущих фигур в группе новых или умеренных демократов, которая стала формироваться в конце 80-х гг. после того, как демократы в третий раз потерпели поражение на президентских выборах. Группа была представлена Советом демократического лидерства, к которому примкнули некоторые конгрессмены и руководящие деятели штатов, включая

Клинтона. Некоторое время Билл даже был председателем совета, и по его предложению в 1990 г. был основан журнал «Новый демократ» (*The New Democrat*). Новые демократы объявили, что основой их идеологии является неолиберализм в духе Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана. Хотя республиканцы упрекали Клинтона и его сторонников в том, что они используют «краденые лозунги», те отвечали, что их не волнует, какая партия стоит у власти. Важно, мол, какая проводится политика. Предлагаемые меры должны были распространяться прежде всего на экономику, включая частичную дерегуляцию, приватизацию (и реприватизацию тех отраслей и предприятий, которые оказались в собственности государства), уменьшение государственных расходов на экономику и свободное развитие частного сектора в области производства и торговли. В то же время новые демократы выступали в пользу полного сохранения велфера, явно рассматривая эту сторону политики как средство удержать и расширить число своих сторонников.

Активные выступления Клинтона принесли ему известность, а в 1986–1987 гг. он являлся председателем Национальной ассоциации губернаторов. Вместе с тем по рекомендации советников и по настоянию жены, которая чутко улавливала настроения общества, Клинтон в середине 80-х гг. объявил главной своей задачей реформу запущенной образовательной системы. Он провел решение о создании в штате Комитета по образовательным стандартам, который возглавила его жена. Комитет вместе с представителями школьной общественности и родительскими организациями разработал комплекс мер, который с большим трудом удалось в сентябре 1983 г. провести через Генеральную ассамблею штата. Предусматривалось расширенное финансирование школ (за счет повышения налогов на продажи), обучение рабочим профессиям, меры поощрения талантливых школьников, введение курсов по выбору учеников, проведение экзаменов по проверке компетентности педагогов. На практике далеко не все объявленные меры реально осуществлялись. Уровень подготовки в общественных школах штата, как и в других районах страны, оставался невысоким. Однако сама инициатива губернатора, который, как отмечалось в прессе, буквально сражался за интересы детей рядовых граждан, обеспечила ему популярность.

Расследования, начавшиеся в конце 80-х гг., показывали, что семья Клинтон не была столь уж чиста перед американским законодательством. Оказалось, что еще в 1978 г. Билл и Хиллари вложили средства в компанию «Вайтвотер» (*White water Development Corporation*), купившую крупный участок земли на берегу реки Вайт в горной местности неподалеку от

Литтл-Рока. Здесь было начато строительство дачных домиков для сдачи их в аренду отдыхающим из северной части страны. Внезапно компания объявила о банкротстве, а Клинтон сообщил, что потерял некую сумму денег (она менялась в различных показаниях). В связи с тем, что юристы стали подозревать Клинтон и других собственников компании в финансовых махинациях, было начато расследование. Велось оно почти два десятилетия, то прекращаясь, то возобновляясь. Бесспорно было установлено, что Клинтон, будучи губернатором Арканзаса, скрыл от финансовых органов часть доходов (став президентом, он вынужден был погасить соответствующий долг). Иные преступные действия президентской четы установить не удалось, тогда как другие собственники «Вайтвотера» получили различные сроки тюремного заключения. В связи с давностью событий расследование дела в конце 90-х годов было прекращено. По всей видимости, грамотные в юридическом отношении Клинтон смогли представить себя следователям в благоприятном виде. Во всяком случае, со времени начала расследования дела «Вайтвотер» политические противники Клинтона аргументированно ставили под сомнение «чистоту его политической души», доказывая, что он не останавливается перед прямым обманом.

Слухи о том, что Клинтон будет баллотироваться в президенты, возникли уже в 1988 г. Тогда, однако, Билл пришел к выводу, что он еще не имеет достаточной национальной известности и от выдвижения отказался. В то же время он выступил на национальном съезде Демократической партии с большой речью в пользу М.Дукакиса, показав себя умеренным деятелем и реальным лидером новых демократов. В 1992 г. он вступил в предвыборную борьбу как один из признанных лидеров умеренного крыла Демократической партии. Правда, на первичных выборах в начале года он победы не добился. Отчасти это было связано с тем, что как раз в это время стали появляться первые сведения о супружеской неверности Клинтона. Оказалось, что свою супругу Билл рассматривал скорее как делового партнера и товарища по партии. У политика была ярко выражена особенность, столь мешавшая успешному продвижению, — любовь к прекрасному полу.

В том году достоянием гласности стали сведения о его связи с тележурналисткой Дженнифер Флауэрс, которая заявила, что в течение 12 лет была любовницей Билла, забеременела от него и по его требованию сделала аборт. Клинтон нанял адвоката, постаравшегося доказать, что имеет место шантаж. Было объявлено, что представленная Дженнифер магнитофонная запись смонтирована. При помощи Хиллари, которая

заявила, что все сплетни предназначены, чтобы скомпрометировать мужа перед выборами, Билл смог отбиться от обвинений. Он выступил вместе с женой в телевизионной передаче «60 минут» и смог привлечь зрителей на свою сторону. Они поверили, что он и его жена говорят правду: они признали, что в их браке были проблемы, но теперь они их успешно преодолели. Казалось, все закончилось удачно, но вот через шесть лет Клинтон был вынужден признать, что состоял с Дженнифер в связи, а Дженнифер выпустила книгу «Страсть и предательство», в которой подробно рассказала об интимных отношениях с президентом.

Клинтону, наконец, удалось добиться ряда побед на первичных выборах, в том числе в таких важных штатах, как Флорида и Техас, но главное — в Нью-Йорке и в других северо-восточных штатах. В ходе праймериз на Клинтона обрушились новые, страшные для политика того времени обвинения — что в молодости он курил марихуану. Не мудрствуя лукаво, «красавчик Билл», как его называла республиканская пресса, заявил, что он действительно пробовал наркотик, «но не вдыхал». И снова зрители умилились откровенности кандидата: ему вновь все сошло с рук.

Предвыборный съезд демократов состоялся 13–16 июля 1992 г. в Нью-Йорке. Клинтон был выдвинут уже в 1-м туре, кандидатом в вице-президенты стал сенаторот Теннесси Эл Гор, готовый, как цинично говорила Хиллари, «быть посыльным на очередных похоронах». В своей речи на съезде Клинтон обвинил республиканскую администрацию в кризисных явлениях и пообещал добиться уменьшения различий между богатыми и бедными, не прибегая к экстраординарным мерам. Этого же курса он придерживался в полемике с Дж. Бушем. После того как во время одного из выступлений Буш вроде бы случайно посмотрел на часы, когда ему задали вопрос об экономическом положении страны, Клинтон стал многократно обыгрывать этот жест под смех аудитории.

На выборах 3 ноября Клинтон добился победы. Аналитики поражались тому, как изменились США: то, что раньше предопределило бы поражение кандидата на выборах (супружеская неверность, наркотики, уклонение от призыва), теперь выглядело чуть ли не преимуществом. Американское общество явно уходило от традиционных ценностей.

Во время инаугурации Клинтон акцентировал внимание на смене поколений, приходе к власти «бэби-бумеров» — тех, кто родился после Второй мировой войны. Обещания нового президента сократить безработицу, провести коренную реформу здравоохранения в пользу малоимущих, уменьшить расходы на оборону и сократить налоги на средние слои при увеличении обложения наиболее богатых произвели

впечатление на общество. Клинтон заискивал перед теми американцами, которые считали, что не они должны что-то своей стране, а государство должно взять на себя заботу о них. По существу, это был отказ от рейганомии.

Формирование правительства проходило долго и хаотично, с рядом переназначений и даже скандалов. Негодование оппозиции вызвало выдвижение на должность генерального прокурора 40-летней Зоэ Бейрд, которая работала в аппарате Дж. Картера, а затем возглавляла частную фирму. Неожиданно выяснилось, что она находилась под следствием в связи с незаконным наймом на работу нелегальных мигрантов и уклонением от уплаты налогов. Бейрд от поста отказалась, но «осадок остался».

Более или менее удачным было назначение на пост госсекретаря Уоррена Кристофера, который был заместителем руководителя Госдепартамента при Картере. В начале второго президентского срока госсекретарем впервые была назначена женщина — Мадлен Олбрайт, которая перед этим являлась представителем США в ООН. Это, пожалуй, было самое удачное назначение, сделанное Клинтоном: Олбрайт проявила твердость в отстаивании своих намерений и решений, вступала в споры с президентом и обычно добивалась своего. На другие посты были назначены личности второстепенные, которые часто менялись.

Несмотря на все популистские заявления, Клинтону не удалось наладить надежный контакт с Конгрессом, и это при том, что в обеих палатах у демократов было большинство. Уже вскоре его постигла первая неудача — провал реформы здравоохранения, на которой особенно настаивала его жена. Хиллари не была удовлетворена положением первой леди и хотела быть самостоятельным политиком. Билл назначил ее руководителем Комиссии по подготовке изменений в области здравоохранения, где она действовала напролом, не считаясь с законодателями. Ее проект предусматривал обязательное всеобщее медицинское страхование, причем значительная часть расходов ложилась на работодателей. И республиканцы, и демократы в Конгрессе в основном встретили проект недоброжелательно. Против выступила могущественная Американская медицинская ассоциация, посчитавшая, что он приведет к финансовым потерям частных клиник и врачей. Проект похоронили на уровне комитетов. Клинтон рассчитывали, что протащат закон о реформе после промежуточных выборов 1994 г., но на них демократы потерпели поражение.

Тем временем после кризисного зстоя начался значительный рост

производства. Это позволило Клинтону поставить себе в заслугу сокращение безработицы, внутреннего и внешнего долга США, а во время второго президентского срока — профицит бюджета.

Вместе с тем уже с первых месяцев пребывания Клинтона в Белом доме начались разного рода мелкие скандалы, связанные с тем, что он использовал власть, чтобы облагодетельствовать связанных с ним лиц — друзей, деловых партнеров и др.

В мае 1993 г. в прессе появились сообщения, что Клинтон без каких-либо объяснений уволил семь сотрудников Белого дома, занимавшихся организацией поездок президента. Отдел был техническим, и его сотрудники работали при любой администрации, независимо от партийной принадлежности. На вопросы прессы последовал ответ, что меры приняты по соображениям безопасности и рекомендации ФБР. Вскоре руководство ФБР заявило, что не имеет к этому никакого отношения. Выяснилось, что просто освобождались хорошо оплачиваемые места для лиц, рекомендованных друзьями Билла и Хиллари. Прежние сотрудники были восстановлены, а репутация Клинтона в очередной раз была подмочена. В прессе даже появился термин «Травелгейт» (от слова *travel* — путешествие).

Считая себя «прогрессистом», хотя и стоявшим на центристских позициях, Клинтон посчитал, что может заработать очки в молодежной среде и среди либерально настроенной части общества, выступив с косвенной поддержкой гомосексуалистов, которые в то время все еще считались людьми второго сорта. В качестве объекта нового отношения к геем и лесбиянкам были избраны вооруженные силы. В декабре 1993 г. Клинтон отдал распоряжение о подготовке президентского исполнительного акта о свободном принятии во все роды войск лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Когда сведения об этом вышли за пределы Белого дома, генералы всполошились. Председатель Объединенного комитета начальников штабов К. Пауэлл заявил, что это подорвет воинскую дисциплину, а возможно, даже приведет к беспорядкам в войсках. Президенту разъяснили, что Армия США традиционно рассматривала себя свободной от гомосексуалистов, которых в случае обнаружения увольняли, причем с официальным указанием причины, что лишало их пособий и создавало затруднения при поиске работы. Пауэлл также напомнил, что во время войны во Вьетнаме некоторые молодые люди, пытавшиеся уклониться от службы, объявляли себя гомосексуалистами и тем самым обеспечивали себе освобождение от призыва. Чтобы сохранить лицо, Клинтон согласился на компромисс: лица

нетрадиционной ориентации могут служить в вооруженных силах, если не будут открыто признавать эту свою особенность. Командирам запрещалось задавать подчиненным вопросы на эту тему. Компромисс получил название «не спрашивай — не говори» и действовал до 2010-х годов, когда запрет на службу гомосексуалистов в армии был полностью отменен.

Расчет Клинтона на то, что благодаря защите гомосексуалистов он станет более популярен, не оправдался. Традиционные ценности в американском обществе пока что доминировали. Торопливость в принятии решений, отказ от предварительной детальной проработки намечаемых мер со специалистами в очередной раз сказались на авторитете Клинтона. Но главной причиной утраты им авторитета — правда, уже во время второго срока пребывания у власти — стали амурные дела. Главным из них оказалась сексуальная связь Клинтона с молодой практиканткой Белого дома Моникой Левински. Окончив колледж по специальности психология, Моника в 1996 г. в возрасте 23 лет устроилась на работу в Белый дом. Она проработала там несколько месяцев, после чего была переведена в Пентагон, а затем вернулась в Белый дом в качестве сотрудницы отдела Администрации президента по вопросам разработки законодательства.

В свое первое пребывание в Белом доме Моника, как она писала в своих воспоминаниях, ухитрилась так изучить расписание Клинтона, что регулярно оказывалась на его пути в коридорах, раскланивалась с ним, стремясь произвести наибольшее впечатление своей внешностью и манерами. В результате Билл вспыхнул к девице страстью, на которую она ответила согласием удовлетворять любые желания высокопоставленного партнера. По всей видимости, у Моника доминировал холодный расчет на получение скандальной известности и в результате на обогащение. Она оказалась авантюристкой, прелестями которой охотно воспользовался любвеобильный президент.

Встречи происходили в течение нескольких лет в разных местах президентской резиденции, в том числе в Овальном кабинете — «месте работы» президента США. Занимаясь с Клинтон оральным сексом, Моника сознательно оставляла следы его спермы на своем платье, которое сохранила на будущее. Она рассказала о связи с президентом своей знакомой Линде Трипп, которая то ли с согласия Моника, то ли без него (но скорее с согласия) записывала разговоры на магнитофон. Вслед за этим Трипп обратилась с официальной жалобой на неподобающее поведение Клинтона к специальному прокурору К. Старру, расследовавшему другие прегрешения Билла.

Прокурор ухватился за материал. По требованию следствия Клинтону

были заданы вопросы по сути дела. Вместо того чтобы уклониться от прямого ответа, Клинтон, не зная, что Старр располагает прямыми уликами, решительно опроверг факт каких-либо сексуальных отношений с Левински. Позже, в августе 1998 г., припертый к стене неопровержимыми доказательствами, он вынужден был признать наличие «неподобающих отношений с мисс Левински». При этом, однако, он пытался по совету адвокатов настаивать, что, по его мнению, такие контакты сексом не являются. На протяжении всего скандала Хиллари участвовала в сокрытии истины, всячески защищая своего мужа в интервью и выступлениях, утверждала, что имеет место заговор с целью лишения его власти. Позже она в своих воспоминаниях призналась, что отлично знала о его очередной супружеской измене: это было признание первой леди, что и она лгала.

Хотя адвокаты, нанятые Клинтоном, ссылались на «недоказанность понятия сексуальные отношения», Старр передал в Конгресс заключение, в котором констатировал лжесвидетельство президента под присягой, что в США является очень серьезным правонарушением. Согласно процедуре вопрос об импичменте был поставлен вначале в Палате представителей, которая признала президента виновным во лжи под присягой и препятствовании правосудию. Палата отклонила пункт о злоупотреблении служебным положением, но простым большинством приняла решение об импичменте. В Сенате требовалось уже квалифицированное большинство (2/3 голосов). Голоса распределились почти поровну: все демократы и несколько республиканцев проголосовали за невиновность Клинтона. Президент сохранил свой пост.

Правда, после этого Верховный суд США принял решение о неуважении Клинтона к суду и приостановил его лицензию на юридическую практику в Арканзасе, оштрафовав его на 90 тыс. долларов за дачу ложных показаний.

Клинтон окончательно запутался, заявив, что, несмотря на его сложное финансовое положение, подчиняется решению Верховного суда. А ведь неподчинение Верховному суду подтвердило бы факт неуважения к судебным органам!

Общественное положение Клинтона (правда, в основном после его отставки) осложняли и некоторые случаи помилования им осужденных, которые рассматривались не только оппозицией, но и некоторыми кругами Демократической партии как необоснованные и в то же время осуществленные по сугубо личным соображениям. Среди них особенно выделялось помилование финансового мошенника Марка Рича, укрывшегося в Швейцарии и заочно осужденного за финансовые

махинации и крупнейшее в истории США уклонение от уплаты налогов (его долг государству составил 48 млн долларов). Как оказалось, родной брат Хиллари Хью Родэм ходатайствовал перед Клинтоном о помиловании Рича, причем утверждалось (но не было доказано), что он получил от мошенника крупную сумму. Было в то же время доказано, что семья Рича дарила Клинтонам всяческие «сувениры», которые, как утверждала первая леди, с помилованием никак не были связаны. Более того, жена Рича внесла крупные суммы в различные фонды, связанные с семьей Клинтон.

К счастью для Клинтонов, президентские выборы 1996 г. проходили до скандальных разоблачений и угрозы импичмента. На этих выборах он был переизбран, получив 49,2 % голосов и победив сенатора-республиканца Боба Доула, который набрал 40,7 % голосов. При этом республиканцы сохранили большинство в обеих палатах Конгресса.

Еще со времени промежуточных выборов 1994 г., когда республиканцы добились победы в Конгрессе, на первый план в политических дискуссиях и компромиссах с президентом выдвинулся Ньют Гингрич. Являвшийся членом Палаты представителей от штата Джорджия с 1979 г. Гингрич, по профессии историк, в 1995 г. стал спикером палаты и основным оппонентом президента, причем явно более успешным. В конце 1995 г. между Клинтоном и Гингричем возникла серьезная полемика по вопросу о бюджете. По инициативе спикера палата отклонила предложение Белого дома об увеличении социальных расходов. Клинтон наложил вето на принятый закон о бюджете. Лишь с большим трудом был найден компромисс, без которого просто прекратилось бы функционирование федеральных учреждений, включая президентскую администрацию. В полемике с Клинтоном и его супругой, а также другими ведущими демократами Гингрич, следуя республиканской традиции, отстаивал максимальную свободу частного бизнеса от вмешательства государства, отвергал повышение налогов, указывая, что средства, полученные от высоких налогов, расходуются на необоснованные социальные пособия и тем самым «создают спрос на нищету».

По некоторым социальным вопросам все же удавалось добиться относительного согласия. В 1997 г. по совместной инициативе демократов и республиканцев была принята программа медицинского страхования детей, которая охватывала примерно 7 млн человек. Через два года удалось провести закон о помощи молодежи в приобретении независимого положения, который предусматривал создание ряда программ в области образования, профессионального обучения, здравоохранения, жилья, которые способствовали приобретению молодежью, достигшей 18 лет,

независимого статуса и соответствующего положения в обществе.

Хотя Клинтон стал президентом, когда уже распался СССР и завершилась продолжавшаяся более 40 лет холодная война, «конца истории», который в 1992 г. пророчил американский историк и политолог Фрэнсис Фукуяма, не предвиделось. Время от времени в различных концах земного шара возникали военные конфликты на территориальной, этнической, династической и прочей почве. В период правления Клинтона США участвовали в нескольких военных операциях, причем при их подготовке и принятии решений президент консультировался с Госдепартаментом в лице его руководителей У. Кристофером, а затем М. Олбрайт.

Наиболее крупной и противоречивой была операция в Югославии, способствовавшая уничтожению крупнейшего балканского государства. Распад Югославии начался в 1992 г., незадолго до прихода Клинтона к власти: была провозглашена независимость Словении и Хорватии, затем Боснии и Герцеговины. Одновременно между всеми этими государствами, а также внутри них возникли территориальные и национальные конфликты, причем особенно агрессивно действовали мусульманские организации на территории Сербии, требуя отделения от нее и создания самостоятельного мусульманского государства на территории Косово. Военный конфликт между сербами-христианами и сербами-мусульманами (последние отрицают свою сербскую идентичность) разгорелся и в Боснии. Конфликты на территории бывшей Югославии носили такой ожесточенный характер, что действия ни одной стороны нельзя было признать справедливыми. Однако факт, что во главе союза Сербии и Черногории оставались бывшие коммунисты во главе со Слободаном Милошевичем, предопределил симпатии правительства Клинтона.

Уже в феврале 1993 г. Клинтон заявил, что он полон решимости, чтобы именно США возглавили процесс урегулирования на Балканах. С этого времени предпринимались усилия по оказанию помощи Хорватии (в борьбе ее руководства против попытки создания на ее территории автономного образования Сербская Краина) и боснийским мусульманам (в их борьбе против местного сербского христианского населения). После того как в Сараево — главном городе Боснии и Герцеговины — 28 августа 1995 г. произошел взрыв бомбы на одном из рынков, американские власти, не ожидая результатов расследования, обвинили в инциденте сербов. По согласованию с другими странами НАТО была начата операция против боснийских сербов под названием «Обдуманная сила», которая резко изменила общую ситуацию в пользу боснийских мусульман. Вслед за этим

Белый дом выступил инициатором мирных переговоров, которые начались в ноябре 1995 г. на военной базе в Дейтоне (штат Огайо). Дейтонские соглашения были подписаны в Париже 14 декабря 1995 г. главами Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговины. В Боснии и Герцеговине размещалось 50 тыс. солдат НАТО (в том числе 25 тыс. американцев), эта страна объявлялась единым государством, но фактически разделялась на две части — Федерацию Боснии и Герцеговины и Республику Сербскую. Соглашения были сырые и в дальнейшем породили череду конфликтных ситуаций.

Одновременно развивался Косовский кризис, в который также решил вмешаться Клинтон. В начале 1998 г. в крае стала действовать Армия освобождения Косово (АОК), укомплектованная радикалами, подготовленные в албанских военных лагерях. АОК захватывала населенные пункты, нападала на полицию и воинские части, брала в заложники мирных жителей. Ответные жесткие меры сербских властей способствовали быстрому обострению обстановки. Объявив виновными в этом исключительно сербские власти (хотя вина была обоюдной), администрация Клинтона активно поддержала косовских албанцев. Сербы были обвинены в этнических чистках, после чего с конца марта по начало июня 1999 г. авиация США и других стран НАТО вели бомбардировки Белграда и других югославских городов. Были разрушены мирные кварталы югославской столицы. Контроль над Косово перешел к силам НАТО, в основном американским военным, и албанской администрации, вслед за чем в ряде мест последовала резня сербского населения.

Еще в 1993 г. с санкции президента Клинтона в Гааге был образован Международный военный трибунал по бывшей Югославии, суду которого были преданы почти исключительно сербские деятели, хотя преступления против мирного населения совершались не только сербами, но также хорватами, косовскими албанцами и боснийцами-мусульманами. Главным обвиняемым позже оказался бывший президент Югославии Слободан Милошевич, который умер во время процесса. К заключению были приговорены несколько сербских генералов. Только в 2017 г. трибунал по Югославии, оказавшийся не столько юридическим, сколько политическим инструментом, средством мщения, был распущен.

Что же касается Клинтона, то он, не особо разбираясь в терминологии, утверждал, что сербские власти и их армия проводили в Косово геноцид. Даже в части демократической прессы США президента критиковали за преувеличение зверств сербов и смягчение аналогичных действий косовских албанцев.

В последние годы президентства Клинтона стала вырисовываться

опасность еще одного вооруженного столкновения, на этот раз с Ираком, где продолжал править Саддам Хусейн. После победы международной коалиции над Ираком во время освобождения Кувейта при Буше-старшем единоличная власть Хусейна сохранилась. Правда, в Ирак были направлены группы международного контроля для предотвращения возможного производства оружия массового уничтожения. Однако в 1996 г. Клинтон отдал распоряжение о смягчении, а затем отмене контроля в соответствии с программой «Нефть в обмен на продовольствие». Страны Запада стали закупать иракскую нефть, что привело к некоторому понижению цен на энергоносители, а в Ирак начались поставки жизненно необходимых продуктов.

В то же время по каналам ЦРУ стали поступать данные, что в Ираке ведутся разработки химического, биологического и даже ядерного оружия. В ежегодном послании «О положении страны», с которым Клинтон выступил 27 января 1998 г., утверждалось, что Ирак не только разрабатывает, но уже обладает какими-то видами оружия массового уничтожения. По предложению президента Конгрессом был принят (и им подписан 31 октября 1998 г.) акт «Об освобождении Ирака», который намечал «карательные меры» с целью изменения режима в этой стране. В декабре того же года американская авиация в течение четырех дней бомбила военные объекты Ирака, причем серьезно пострадало мирное население. В 1999 г. бомбардировки Ирака продолжались. Судя по тому, что никакие новые сведения о наличии у Ирака оружия массового уничтожения или о ликвидации такового общественности не были представлены, было ясно, что получить необходимые данные ЦРУ оказалось не в состоянии.

Противоречивый характер носило посредничество президента США во взаимоотношениях между Израилем, палестинскими арабами и соседними арабскими странами. Возобновлявшиеся войны в этом регионе неизменно заканчивались победой Израиля. В то же время организации палестинских арабов, и прежде всего Организация освобождения Палестины во главе с Ясиром Арафатом, провозглашали своей целью уничтожение Государства Израиль. Клинтон внимательно следил за секретными переговорами, которые велись вначале в Мадриде, а затем в Осло между представителями Израиля и палестинских арабов. Хотя он действительно стремился если не положить конец конфликту, то хотя бы смягчить его, Клинтон рассчитывал извлечь из этого немалую политическую выгоду, поскольку основная часть политически активного населения США явно сочувствовала Израилю.

В начале сентября 1993 г. было достигнуто предварительное

соглашение, вслед за чем по требованию Клинтона был разыгран спектакль. 13 сентября на лужайке Белого дома в присутствии президента США, премьер-министра Израиля Ицхака Рабина и председателя ООП Ясира Арафата была подписана декларация, содержащая положения о палестинской арабской автономии в секторе Газа, а затем в Иудее и Самарии, о создании палестинского правительства и сотрудничестве его с Израилем. Объявленный «историческим соглашением», документ оказался, однако, невыполнимым, террористическая деятельность палестинских арабских организаций против Израиля продолжалась. Но для Клинтона было главным, что его действия получили позитивную оценку в США и в мире.

Как и в других случаях, торопясь и не полностью просчитывая возможные последствия (мнение Олбрайт о необходимости осторожности не было учтено), Клинтон решил организовать «дружескую» встречу руководителей Израиля и палестинских арабов со своим участием. Она прошла в летней президентской резиденции в Кэмп-Дэвиде (штат Мэриленд) 11–25 июля 2000 г., причем продолжалась рекордное время — две недели. Арафат встречался с новым премьером Израиля Эхудом Бараком, Клинтон проводил «разъяснительные беседы» с обоими. Позиции сторон оказались непримиримыми, несмотря на все усилия Клинтона, соглашение подписано не было. Стороны ограничились ничего не значащим заявлением о намерении продолжать переговоры. В сентябре 2000 г. палестинцы начали очередную интифаду... Клинтон тяжело переживал неудачу, которая стала ударом по его престижу всего за полгода до ухода в отставку. В ответ на льстивые слова Арафата о том, что он великий человек, Билл заявил: «Я — не великий человек, а неудачник, и им сделали меня вы».

Отношения США с Россией в период президентства Клинтона развивались на деловой основе, хотя не раз возникали противоречия, в частности в связи с американской бомбардировкой Белграда. Он неоднократно вел переговоры с Б. Н. Ельциным по телефону. Они были «на ты». В январе 1994 г. состоялся визит Клинтона в Москву, в ходе которого были подписаны несколько соглашений и заявлений, в том числе о воздушном сообщении, о сотрудничестве в области здравоохранения, о совместном изучении радиационных воздействий на здоровье человека и окружающую среду. Билл Клинтон всегда отличался тем, что пытался использовать панибратскую лексику независимо от действительных чувств к партнерам. Его обращение к президенту Российской Федерации, которого он называл «другом Борисом», производило на общественность негативное

впечатление.

На президентских выборах 2000 г. уходящий в отставку Клинтон поддержал кандидата Демократической партии Альберта Гора, который был при нем вице-президентом. Единственной областью его активности с согласия Клинтона являлось содействие развитию новых информационных технологий, в частности Интернета. Гор проиграл республиканцу Дж. Бушу-младшему.

Покинув пост, Клинтон продолжал выступать в качестве одного из лидеров Демократической партии, особенно содействуя продвижению своей супруги Хиллари, которая сначала стала сенатором, затем госсекретарем, а в 2016 г. баллотировалась на пост президента (республиканский кандидат Дональд Трамп в ряде выступлений высмеивал некомпетентные, по его мнению, заявления Клинтона, хвалившего свою супругу как политика).

В 2004 г. в городе Литтл-Рок, столице Арканзаса, была открыта Библиотека Клинтона, которая, как и другие президентские библиотеки, является комплексным научно-просветительным учреждением, включающим архив и музей. В том же году были опубликованы воспоминания Клинтона «Моя жизнь». В 2007 г. появилась работа Клинтона «Жить отдавая: Как каждый из нас может изменить мир». Несмотря на столь пышное название, книга, по существу дела, является краткой автобиографией с популяризацией вклада, который автор внес в «совершенствование современного мира». Еще одну книгу, совершенно другого жанра, Клинтон выпустил в 2018 г. На этот раз он стал соавтором (вместе с писателем Джеймсом Паттерсоном) остросюжетного романа «Президент пропал», который почти сразу после выхода в США был издан и в России. Аналитики-словесники установили, что роман в основном (если не полностью) написан Паттерсоном.

Клинтон совершил ряд зарубежных поездок, в основном в период президентства Б. Обамы. В частности, он побывал в Северной Корее, где содействовал освобождению из заключения двух американских журналисток. Несколько раз бывший президент побывал на острове Гаити, где занимался распределением помощи после разрушительных землетрясений.

В 2004, 2005 и 2010 гг. Клинтон перенес операции на сердце и легких. В прессе распространялись слухи, что жить ему осталось недолго, однако после операций здоровье Билла, которому в 2018 г. исполнилось 72 года, значительно улучшилось, что позволило ему продолжать активную общественную деятельность, причем деятельность отнюдь не

бескорыстную. Поданным агентства Си-Эн-Эн, в 2001–2015 гг. Клинтон только за свои выступления получил 153 млн долларов. В ответ на вопрос, как он мог принимать по 500 тыс. долларов за свои выступления в то время, как его жена занимала пост госсекретаря, Клинтон дал потрясающий ответ: «Я же должен платить по нашим счетам».

В сентябре 2006 г. Клинтон совершил поездку в Казахстан совместно с канадским предпринимателем-миллиардером Фрэнком Джустрой. По ее результатам Джустра получил исключительное право на разработку двух крупных урановых месторождений, а Клинтон высказался за избрание Назарбаева председателем Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Джустра перечислил в фонд Клинтона вначале 31 млн долларов, а затем еще 100 млн долларов — аналитики расценили это как гонорар за посредничество. В 2010 г. во время кратковременного пребывания Клинтона в Москве он выступил с лекцией, за которую получил 500 тыс. долларов от российского инвестиционного банка «Ренессанс», связанного с Росатомом, который как раз в это время вел переговоры о закупке активов американской компании «Ураниум уан», принадлежащей Джустре. В результате глава Росатома С. В. Кириенко доложил, что России принадлежит около 20 % американского урана.

При этом не столько Билл, сколько его супруга неоднократно жаловались на то, что их семья «совершенно разорена», что они тратят все заработанные деньги на выплату долгов и уплату налогов. Большая часть прессы (республиканские и независимые издания) высмеяла эти заявления как лицемерные.

Вместе с тем в печати появлялись и продолжают появляться сведения о нераскрытых следственными и судебными органами преступных действиях Билла и особенно Хиллари Клинтон, включая организацию убийств лично опасных для них людей...

Несмотря на весьма спорную репутацию, Клинтон получил ряд почетных званий в различных университетах. Не только в городах Арканзаса, но и в ряде других штатов именем Клинтона названы учебные заведения, улицы, сооружены его статуи. За рубежом Клинтона особенно энергично чествуют в Республике Косово, которая создана при его личном участии: его имя носит главная улица Приштины, столицы Косово. В 2013 г. президент Б. Обама наградил своего однопартийца Президентской медалью Свободы.

Основные издания:

Клинтон Б. Моя жизнь. М., 2005.

Клинтон Б. Жить отдавая: Как каждый из нас может изменить мир. М., 2008.

Harris J. The Survivor: Bill Clinton in the White House. New York, 2006.

Levy P. Encyclopedia of the Clinton Presidency. Westport, 2002.

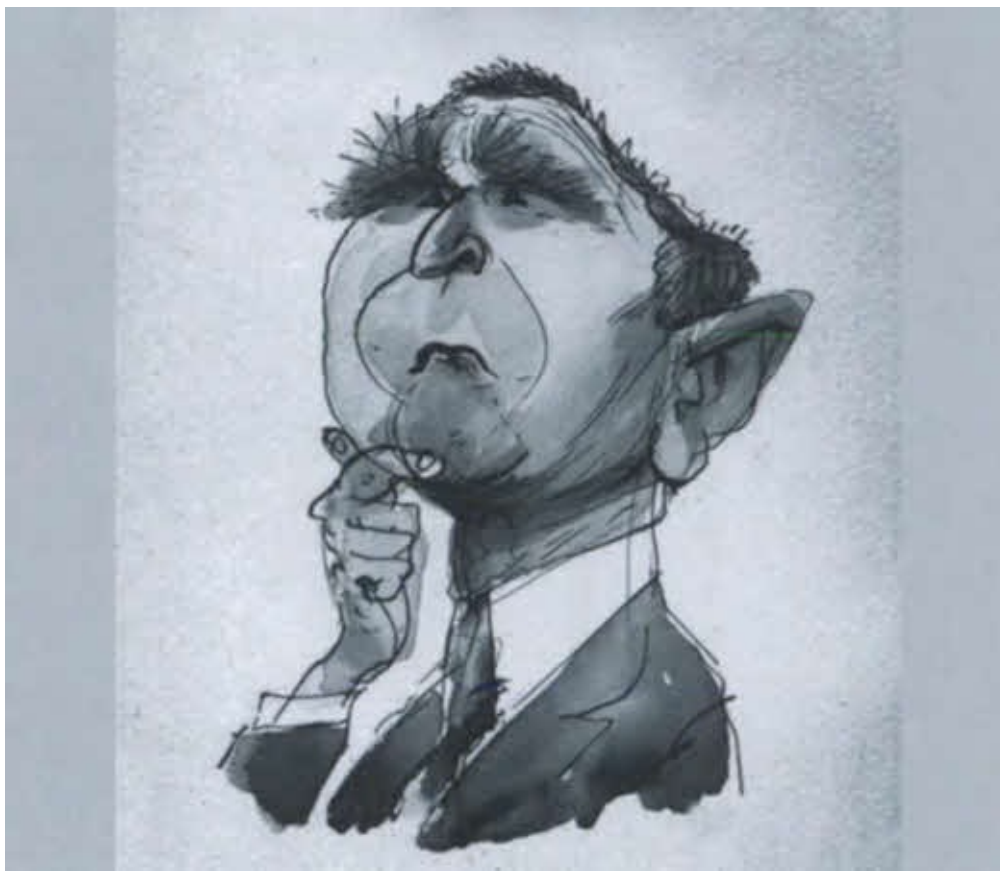
Troy G. The Age of Clinton: America in the 1990s. New York, 2015.

ДЖОРДЖ БУШ-МЛАДШИЙ

Родился 6 июля 1946

43-й президент:
20 января 2001 — 20 января 2009

Карикатура на Дж. Буша-младшего

Джордж Уокер Буш (*George Walker Bush Jr.*) вошел в историю как Буш-младший, поскольку был сыном человека, который занимал тот же пост, был жив и внимательно следил за действиями сына. Это неизбежно должно было отразиться на политике президента, но трагические события, происшедшие менее чем через восемь месяцев после его вступления в должность, — террористический акт 11 сентября 2001 г., — оказали такое влияние на всю нацию, что оба его президентских срока прошли под знаком борьбы с терроризмом.

Джордж был старшим сыном в семье Джорджа Буша-старшего, и его детские годы прошли в Хьюстоне. Родители отдали первенца в бесплатную школу. Однако с ростом благосостояния семьи они решили заняться образованием сына более серьезно. Его отправили в привилегированную Академию Филлипса в штате Массачусетс. Учился Джордж-младший

удовлетворительно, ничем особым себя не проявлял, играл в бейсбол и другие спортивные игры, предпочитая коллективный спорт индивидуальному.

По окончании школы в 1964 г. юноша поступил в Йельский университет, где специализировался на истории. По собственным признаниям, он был средним студентом: добросовестно выполнял задания, писал рефераты и другие положенные работы, но к научным достижениям не стремился и никакой специализации не приобрел. Диплом бакалавра Джордж получил в 1968 г., когда многие его сотоварищи стали магистрами.

Поскольку отец считал, что Джордж будет работать в его фирме, тот в 1973 г. был отправлен в школу бизнеса Гарвардского университета, где практиковались новейшие методы, в том числе «кейс-обучение», то есть анализ конкретных производственных, рыночных, финансовых ситуаций с определением, как следует поступать в каждом случае. Джордж окончил школу бизнеса в 1975 г., получив высоко ценимую в деловых кругах степень магистра в области бизнес-администрации. В течение нескольких лет после Гарварда Джордж работал в фирмах, связанных с отцовским бизнесом. По словам его боссов, работал он усердно и успешно, хотя ответственную самостоятельную работу ему не поручали.

Еще во время первого студенчества Буш познакомился с девушкой по имени Кэтрин Вулфмен. Молодые люди полюбили друг друга, даже обменялись обручальными кольцами в знак будущего супружества. Но до свадьбы дело так и не дошло: о причинах разрыва позже никто никогда не рассказывал, Кэтрин лишь вспоминала, что расставание было «по обоюдному согласию» и что Джордж «великолепно целовался». В 1977 г. Джордж, которому пошел четвертый десяток, познакомился с ровесницей Лорой Уэлч. Она происходила из техасской семьи среднего достатка, гордившейся якобы дальним родством с Уинстоном Черчиллем, окончила университет в Остине и работала в библиотеке. Они понравились друг другу, и в том же году состоялась свадьба. В 1981 г. родились две дочери-близнецы Барбара и Дженна. Барбара стала музейным работником, Дженна — журналистом, позже они выпустили книгу о своем детстве и юности. Однако, в отличие от других членов семейства, они не присоединились к Республиканской партии, называют себя независимыми, подчас выступая с заявлениями, которые явно не нравятся родителям (например, в пользу признания однополых браков).

Выйдя замуж, Лора Буш бросила работу и сосредоточилась на семье, а после того как ее супруг включился в политику, стала ему активно помогать, занимаясь главным образом проблемами культуры, просвещения

и библиотечного дела. Позже Джордж признавался, что женитьба очень ему помогла. Дело в том, что он пристрастился к крепким напиткам и «мог стать» алкоголиком. Однажды его задержали за езду в нетрезвом состоянии, он был оштрафован и даже лишен водительских прав. После свадьбы Буш почти полностью отказался от употребления алкоголя, в чем всегда видел заслугу супруги.

В конце 1970-х гг. Джордж, следуя примеру отца, занялся самостоятельным нефтяным бизнесом, основал несколько компаний, став председателем правления компании «Спектр 7» (*Spectrum 7*). В 1989 г. он за 800 тыс. долларов купил пай в бейсбольной команде «Техасские рейнджеры» и первое время регулярно посещал ее матчи. Хотя политика постепенно вытеснила спорт, вложения оказались вполне успешными: в 1998 г. Джордж продал свою долю за 15 млн долларов.

В 1978 г., когда Буш-старший на недолгое время вернулся из Вашингтона в Техас, сын выдвинул свою кандидатуру в Палату представителей от Республиканской партии. Его оппонент, демократ Кент Хэнс, обрушил на неопытного претендента шквал критики — он, мол, не коренной техасец, не знает обычаев штата, «лидер партии алкоголиков» и т. д. Буш проиграл, но поскольку от этого округа демократы избирались в Конгресс уже почти 50 лет, его 47 % голосов были несомненным успехом. Следующие десять лет Джордж занимался нефтяным бизнесом, внимательно следя за политической ситуацией и помогая отцу. Когда в 1988 г. Буш-старший вступил в борьбу за высший пост, младший временно переехал в Вашингтон и стал одним из руководителей президентской кампании. Он официально являлся советником избирательного штаба, отвечал за связь со СМИ и руководил кампанией в ряде штатов. Отец был вполне удовлетворен работой сына, что позже неоднократно отмечал в своих выступлениях. Потеряв президентский пост, Буш-старший вернулся в Техас и теперь возлагал большие надежды на детей.

В 1994 г. Джордж-младший вступил в борьбу за пост губернатора Техаса, тогда как второй сын — Джон (более известный как Джеб) — пытался получить аналогичный пост во Флориде. Джордж сосредоточился на нескольких темах: велфер, реформа гражданского судопроизводства, борьба с преступностью, улучшение системы образования. Первичные выборы в своей парторганизации он выиграл сравнительно легко. Значительно труднее было бороться с Энн Ричардс, переизбиравшейся на губернаторский пост, который она занимала с 1990 г. Она имела общенациональную известность, неоднократно выступала на предвыборных съездах демократов, считалась одной из ведущих защитниц

гражданских прав женщин и имела в Техасе высокую популярность. Бушу было нелегко противостоять авторитетной даме. Он, однако, к этому времени научился методам предвыборной борьбы. Его штаб стал распространять слухи, что Ричардс если и не является лесбиянкой, то как минимум поощряет их прием на госслужбу — в консервативном южном штате такого рода обвинения очень сильно подрывали авторитет политика. Кроме того, Буш затронул одну из самых болезненных тем американской политики — право на ношение оружия. Принципиально это право было безусловным, но по его трактовке шла непрерывная борьба между республиканцами и выступавшими за жесткие ограничения демократами. Как раз в это время в легислатуре Техаса обсуждался законопроект о разрешении гражданам носить оружие «в спрятанном виде», то есть незаметно для окружающих. Ричардс заявила, что в случае одобрения закона, использует свое право вето. Буш гарантировал, что если он станет губернатором, то немедленно подпишет закон. Помимо этого, он много разглагольствовал о «личной ответственности» и «моральном руководстве», которых, мол, недостает у соперницы. На выборах 8 ноября Буш получил 53,5 % голосов, добившись безусловной победы. Он повторил свой успех через четыре года, в 1998 г., когда получил уже 69 %.

На посту губернатора Буш сосредоточился прежде всего на финансовой проблематике, в частности на налогах. Он провел через легислатуру закон о значительном сокращении налогов на все виды доходов и прибыли, включая наиболее высокие. Несмотря на пророчества демократов, что это приведет к финансовому краху, результат оказался противоположным. Профицит бюджета сохранился, а полученные средства были направлены на укрепление полиции, на борьбу с наркоманией и алкоголизмом, а вслед за этим на повышение заработной платы преподавателей общественных школ. В 1999 г. Буш провел закон, обязывавший энергетические компании частично использовать при поставках энергию, получаемую из возобновляемых источников (солнечная энергия, водные ресурсы, приливы и др.). Для своего времени это было новаторством, и вскоре Техас оказался на 1-м месте в США по данному показателю.

Уже к концу первого срока губернаторства стали поговаривать о возможном выдвижении Буша-младшего на пост президента, а после переизбрания его стали рассматривать как одного из наиболее перспективных кандидатов на выборах 2000 г. Это совпало с намерениями самого Джорджа. Уже в июне 1999 г. он заявил, что будет участвовать в выборах. С самого начала он четко определил, что его кампания не должна

быть как-либо связана со взглядами и деятельностью отца. Свою платформу он определил как «сострадательный консерватизм». Понять, что это значит, было нелегко, сам Буш позже объяснял, что он выбрал столь туманное определение, чтобы иметь возможность гибко реагировать на ситуацию. Пытаясь объяснить этот термин, его помощник журналист Майкл Гереон писал, что сущность его состоит в том, что «правительство должно поощрять эффективное внедрение в жизнь социальных услуг, непосредственно не занимаясь этой работой».

В целом Джордж отлично понимал, что сокращение программ велфера, превращение их в институт, которым могли пользоваться только лица, действительно нуждавшиеся в социальной помощи, следовало осуществлять осторожно, ибо разросшийся паразитический класс неизбежно оказался бы единым и агрессивным, как только под угрозу были бы поставлены незаслуженные и не заработанные им блага. Буш предпочитал в предвыборных выступлениях говорить о сокращении налогов, укреплении вооруженных сил, улучшении народного образования. Он часто подчеркивал необходимость, вернуть в Белый дом «честь и достоинство», что, по существу, было прямым выпадом против Клинтона.

Уже в начале 2000 г. Буш, наряду с сенатором Джоном МакКейном, стал основным кандидатом республиканцев. Сын и внук адмиралов, сенатор от штата Аризона с 1987 г., МакКейн был опасным соперником. Во время Вьетнамской войны он служил в ВВС, был сбит под Ханоем, во время приземления с парашютом получил серьезные травмы, был избит вьетнамцами и взят в плен. Когда стало известно о его происхождении, его стали лечить, предложили освобождение, но он отказался, заявив, что отправится на родину только вместе со всеми своими товарищами. В плену он провел более пяти лет. В Палате представителей, а затем в Сенате МакКейн проявил себя «непослушным республиканцем», хотя не был особенно компетентен в социально-экономических проблемах, нередко выступал невпопад, проявлял грубость и упрямство.

В начале президентской гонки МакКейн, поддерживаемый либеральной частью партии, одержал победу на первичных выборах в нескольких штатах, в том числе в Нью-Гемпшире. Он критиковал консерваторов, прежде всего Буша, назвав его «самозванным лидером». Обе стороны активно использовали грязные технологии. В частности, перед выборами в Южной Каролине, где сохранялось отчуждение между белыми и черными, был распространен слух, что у МакКейна есть внебрачная дочь, рожденная от связи с афроамериканкой. (Слух был вполне основательным в том смысле, что у него была приемная дочь-бенгалка.) Ограничивавшийся

лишь общими фразами и лозунгами МакКейн стал проигрывать первичные выборы и в марте 2000 г. отказался от дальнейшего участия в кампании.

Еще до национального съезда республиканцев Буш объявил, что его кандидатом на вице-президентский пост будет Дик Чейни — опытный политик, бывший член Палаты представителей и секретарь по обороне в правительстве Буша-старшего. На этот раз предвыборный съезд Республиканской партии проходил в Филадельфии с 31 июля по 3 августа. Хотя было ясно, что Буша поддерживают большинство делегатов, советники порекомендовали проводить голосование в течение четырех дней по группам штатов, чтобы предвыборный спектакль стал более впечатляющим для населения. Ход оказался удачным. В результате за Буша и Чейни проголосовали 2058 делегатов из 2066. Широко была распропагандирована речь Буша о согласии на номинацию. Он назвал правление Клинтона «двумя сроками политической и военной слабости», указав на отсутствие надежного руководства страной и, главное, на «нехватку достоинства президента и пренебрежение к самому институту президентства». Буш завершил речь словами: «У них нет шансов. У них нет руководства. У нас они есть». Разумеется, однопартийцы на съезде встретили эти слова бурей восторга. Но на самом деле положение было серьезное: демократов поддерживал не только их традиционный электорат, но также масса политически безразличных людей, понимавших, что при их власти у них останутся медикер и другие государственные подачки и льготы, которые при республиканцах могут быть существенно ограничены.

Выдвинутый Демократической партией Альберт (Эл) Гор в основу кампании поставил экономическое процветание США, достигнутое при Клинтоне, обещая дальнейший рост экономики и за этот счет расширение социального вспомоществования всем, кто в нем нуждался. Гор подчеркивал неопытность Буша: утверждал, что руководство отдельным штатом, даже таким крупным, как Техас, не гарантирует успешное управление огромной страной. Буш сосредоточил внимание на необходимости экономить государственные расходы, сократить налоги и реформировать систему социального обеспечения путем ликвидации программ, которые стимулируют отказ от трудовой деятельности. Вместе с этим он подчеркивал традиционные ценности, говорил о необходимости сохранения права на владение и ношение оружия, а также ограничения абортов.

Выборы состоялись 7 ноября. Когда были подсчитаны голоса, оказалось, что за Гора проголосовало большинство американцев, а в коллегии выборщиков победил Буш. Такие случаи в истории США уже

бывали, и согласно законодательству исход выборов определяло соотношение голосов выборщиков. За Гора проголосовал 51 млн избирателей (48,4 %), за Буша — 50,5 млн (47,9 %), при этом у Буша был 271 выборщик, у Гора — 266. Во Флориде и Нью-Мексико разница между числом голосов, поданных за обоих кандидатов, оказалась незначительной: во Флориде при 6 млн избирателей разница составила чуть более тысячи. Гор потребовал пересчета, поскольку в случае победы во Флориде, которую представляли 25 выборщиков, именно он стал бы президентом. Пересчет шел более месяца, объявлялись то одни, то другие результаты, страну лихорадило. В конце концов 9 декабря дело взял в свои руки Верховный суд, признавший последние результаты, что означало преимущество Буша в 537 голосов (менее 0,01 %). «За» проголосовали пять членов Верховного суда, «против» — четыре. (Менее драматичными стали президентские выборы через четыре года: Буш выиграл у сенатора-демократа Джона Керри с небольшим перевесом: 50,7 % против 48,3 %.) После решения Верховного суда Буш выступил с обращением к нации, заявив: «Голосовали ли вы за меня или нет, я приложу все силы, чтобы служить вашим интересам и заслужить ваше уважение. Я был избран, чтобы служить не партии, а нации».

Буш быстро сформировал правительство, куда вошли 15 министров, в том числе 4 женщины: он явно учитывал происходившую в США активизацию женщин и их стремление участвовать в политике наравне с мужчинами. Госсекретарем стал четырехзвездный генерал и сын иммигрантов с Ямайки Колин Пауэлл. Советником по национальной безопасности стала также афроамериканка Кондолиза Райс (до этого профессор политологии и заместитель президента Стэнфордского университета), которая заняла место Пауэлла после его переизбрания Буша на второй срок. Секретарем по обороне стал Дональд Рамсфельд, уже занимавший этот пост в правительстве Буша-старшего, а генеральным прокурором — бывший губернатор Миссури и сенатор Джон Эшкрофт. Он активно участвовал в разработке чрезвычайных мер в связи с последствиями террористических актов 11 сентября 2001 г., и подвергался критике за то, что в некоторых из них, по мнению критиков, нарушал демократические принципы. После переизбрания Буш заменил Эшкрофта своим советником Альберто Гонсалесом, который не удержался долго на своем посту примерно по тем же причинам, по которым ушел в отставку Эшкрофт. Последним генеральным прокурором в администрации Буша был Майкл Мукасей из Нью-Йорка, фактически продолжавший проводимый курс на проведение жестких мер по предотвращению новых терактов.

Остальные посты в правительстве заняли отраслевые специалисты, существенной роли в политике не игравшие.

Вступив 20 января 2001 г. на президентский пост, Джордж Буш в первые месяцы своего правления занимался почти исключительно внутренними делами. Одобрение не только в республиканских кругах, но и в части демократической прессы получил внесенный им и быстро принятый очередной закон об образовании. Сам факт необходимости нового законодательства в этой области свидетельствовал о неблагополучной ситуации в американской системе просвещения, финансируемой федерацией и штатами. Новый акт предусматривал разработку и применение тестов для проверки знаний школьников с целью выявления недостатков преподавания по отдельным дисциплинам, в отдельных регионах и по конкретным социальным, возрастным, этническим группам учащихся. Намечалось широкое внедрение в школьную практику персональных компьютеров. Кроме того, было предусмотрено получение денежных ваучеров родителями, которые желали, чтобы их дети обучались в частных платных школах.

Более неоднозначной была инициатива Буша по разрешению добычи нефти на Аляске в районах, которые ранее считались национальными заповедниками. Хотя разрешение сопровождалось рядом условий и ограничений, оно встретило ожесточенную оппозицию со стороны демократов и организаций по защите окружающей среды. В основном критика носила политический характер, нежели являлась действительной заботой о природе, и возможный ущерб не просто преувеличивался, а раздувался до предела.

Еще одной важной инициативой Буша на первом году правления являлось значительное сокращение налогов. Он предложил Конгрессу уменьшить их на 1,6 млрд долларов, законодатели уменьшили сумму на 1,3 млрд, но и это было, по мнению администрации, серьезным ее успехом.

Летом 2001 г. сенатор Джеймс Джеффордс (штат Вермонт) отказался поддержать сокращение налогов, вышел из республиканской фракции и фактически присоединился к демократам, в результате чего республиканцы утратили контроль над верхней палатой. В связи с этим администрация Буша наметила план издания ряда президентских распоряжений, которые не требовали одобрения Конгресса, но имели фактически силу законов. Первым стала группа мер, направленных на дальнейшее расширение использования персональных компьютеров, прежде всего в системе образования. Из президентского фонда выделялись средства на предоставление школьникам и родителям возможности пользоваться

электронной почтой в общении с учителями. Намечены были, но пока не обнародовались меры по ограничению подростковой беременности, борьбе с наркоманией в школах, а также по улучшению содержания заключенных.

На протяжении первой половины 2001 г. рейтинг Буша непрерывно рос. Обстановка в стране была вполне спокойной. Все изменилось 11 сентября. Утром этого дня исламские террористы, члены «Аль-Каиды», которую возглавлял миллионер из Саудовской Аравии Усама бен Ладен, захватили несколько пассажирских самолетов и совершили серию самых крупных в истории терактов. Два самолета врезались в башни-небоскребы Всемирного торгового центра (ВТЦ) в южной части Манхэттена, один — в здание Пентагона в окрестностях Вашингтона, четвертый самолет был перехвачен командой и пассажирами, в результате схватки потерял управление и упал в округе Сомерсет в штате Пенсильвания. Башни ВТЦ рухнули, погребя под собой соседние здания. Самолет, врезавшийся в Пентагон, разрушил одно крыло огромного пятиугольника, а соседние помещения были охвачены пожаром, который удалось погасить с большим трудом. Жертвами терактов стали 2977 человек (без учета 19 террористов), в том числе 2606 человек в ВТЦ, 125 — в Пентагоне, 246 пассажиров и членов экипажей четырех самолетов.

ЦРУ к этому времени уже располагало данными об организаторах терактов. Правительству пришлось признать, что «Аль-Каида» была создана — вначале под другим названием — при поддержке США вскоре после ввода в Афганистан советских войск в конце 1979 г. Через некоторое время ее возглавил бен Ладен, объявивший себя руководителем радикальных исламистов и призвавший к уничтожению всех, кто препятствует распространению «истинной веры». Он стал выпускать фетвы — решения высшего должностного лица ислама, призывавшие «повсюду убивать американцев».

Президент Буш находился в то утро во Флориде, в городе Сарасота, где должен был встретиться с учителями и учениками начальной школы. Перед тем как он зашел в класс, ему доложили о том, что произошла «какая-то катастрофа» в ВТЦ, но что именно случилось, не было ясно. Буш начал разговор с детьми, когда в класс вошел его помощник и на ухо прошептал, что совершен теракт и обе башни рухнули. Позже школьники вспоминали, как изменилось лицо президента. Буш немедленно отправился в аэропорт и распорядился о вылете в Вашингтон. Охрана президента, как часто бывает в подобных случаях, проявила некомпетентность и растерянность: согласно инструкциям, его должны были немедленно в замаскированном виде отправить в ближайшее секретное убежище (на территории страны их было

несколько), где он должен был находиться до тех пор, пока не будет уверенности в его безопасности. Только когда президент поднялся на борт своего самолета, растерявшаяся в первые минуты охрана спохватилась и настояла, чтобы Буш отправился не в столицу, а в район города Сент-Луиса, где находилось одно из убежищ. Самолет был поднят на максимальную высоту, его сопровождали срочно вызванные истребители. У кабины экипажа и рядом с президентом все время находились вооруженные охранники на случай, если в самолете вдруг окажется террорист.

В самолете Буш сделал первое после теракта заявление: «Мы в состоянии войны. Когда мы найдем тех, кто это сделал, они не будут в восторге от меня как президента. Кто-то должен за это поплатиться. Я должен как можно скорее выяснить, кто это сделал. Это займет какое-то время, но это наказание будет совсем не мягким». Вечером 11 сентября руководство спецслужб наконец пришло к выводу, что непосредственной опасности для жизни президента нет, и он смог вернуться в Вашингтон. Теперь уже из Белого дома Буш выступил с обращением к нации, в котором призвал американцев к сплочению: «Сегодня — день, когда все американцы, из всех слоев общества, объединяются в нашей решимости сохранить справедливость и мир. Америка подавляла своих врагов и раньше, и мы сделаем это теперь. Никто из нас никогда не забудет этот день». Действительно, нация, казалось, сплотилась в решимости не допустить более атак на страну, отомстить организаторам террора. Независимо от партийной принадлежности, политических и религиозных пристрастий, американцы, по крайней мере на словах, одобрили намерение президента предпринять глобальную войну против международного терроризма.

Через три дня, 14 сентября, Буш вместе с мэром Нью-Йорка Руди Джулиани посетил «Нулевой Уровень» (*Ground Zero*) — участок в Манхэттене, где располагался уничтоженный террористами ВТЦ, и побеседовал с пожарными, полицейскими и добровольцами, участвовавшими в расчистке территории. Поднявшись на груды мусора, он заявил: «Я слышу вас. Вас слышит весь мир. И люди, которые разрушили эти здания, скоро нас услышат».

Конкретные меры начали применяться уже через несколько недель, но официально свой курс, получивший название доктрина Буша, президент сформулировал 1 июня 2002 г. в выступлении перед слушателями Военной академии в Вест-Пойнте. Теперь США объявляли своим правом вести превентивную войну на чужой территории для свержения диктаторских режимов, если от них исходила угроза их безопасности или безопасности

их союзников. Особо отмечалась важность сохранения стабильности на Ближнем Востоке как составной части борьбы против терроризма. Основы доктрины Буша были одобрены Советом национальной безопасности США 20 сентября 2002 г. Но еще за год до этого по указанию президента началась военная операция в Афганистане. В конце сентября 2001 г. Буш направил контролировавшей Афганистан исламистской группировке Талибан ультиматум, потребовав выдачи бен Ладена и ликвидации под международным (фактически американским) контролем всех баз по подготовке террористов. Руководство талибов отклонило требование и заявило о намерении предать бен Ладена суду, на что Буш ответил объявлением войны: «Я отдал приказ ВВС США начать бомбардировки террористических лагерей «Аль-Каиды» и военных баз талибов».

Система ПВО талибов была выведена из строя практически сразу, а имевшаяся у них авиация была уничтожена на аэродромах. В конце ноября в Афганистан прибыли небольшие контингенты Армии США, принявшие на себя основную тяжесть военных действий против талибов. Вскоре лидеры Талибана (и вместе с ними бен Ладен) скрылись в неизвестном направлении (талибы обосновались в афганской провинции, а бен Ладен укрылся в Пакистане). Власть в Кабуле перешла к Северному альянсу — военно-религиозной исламской группировке, которая поддержала США. В Афганистане с новой силой разгорелась гражданская война, практически полностью опустошившая и без того бедную страну.

Еще одной опорой терроризма согласно доктрине Буша был объявлен Ирак. Эксперты из Пентагона и ЦРУ убеждали правительство США, что режим Саддама Хусейна располагает оружием массового уничтожения — химическим, биологическим и, возможно, ядерным. В Совете Безопасности ООН представители США доказывали международному сообществу, что это оружие может оказаться в руках террористов и будет использовано против стран, которые «не угодны Аллаху». 12 сентября 2002 г. Буш на заседании Совета Безопасности заявил, что правительство США располагает достоверными данными о наличии у Ирака страшных видов оружия. О каких-либо подробностях он упоминать не стал, но его уверенный тон не оставлял сомнений, что таковая информация имеется. Между тем речь шла о весьма отрывочных и малонадежных сведениях. Совет Безопасности призвал Ирак ликвидировать под контролем ООН оружие массового уничтожения и объявил, что в противном случае против него будут введены санкции. Заявления Хусейна, что в Ираке нет никакого химического, биологического или ядерного оружия, были восприняты как попытка обмана. Эта резолюция стала основанием для вторжения в Ирак.

Высадка американских войск началась 20 марта 2003 г., а уже через три недели была занята столица Ирака Багдад. Поскольку Ирак располагал многочисленными вооруженными силами, руководство Армии США полагало, что военные действия могут затянуться. Однако армия Ирака оказалась небоеспособной: при приближении американцев иракские солдаты и офицеры складывали оружие. 1 мая Буш объявил об окончании военных действий. Хусейн попытался скрыться, был обнаружен в каком-то подземном бункере и вскоре повешен по приговору иракского суда. Выяснилось, что за исключением небольших устаревших запасов отравляющих веществ никакого оружия массового уничтожения в Ираке нет, а данные американской разведки были недостоверными. В адрес США и лично Буша была высказана критика за обман Объединенных Наций, а Ирак погрузился в пучину глубокого экономического и политического кризиса, граничившего с хаосом.

Доктрина Буша привела к серьезной дестабилизации положения на Ближнем Востоке и в Афганистане, хотя все же способствовала снижению террористической угрозы для США. Был принят и ряд чрезвычайных мер во внутренней политике, главной из которых стал утвержденный в сентябре закон «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения ее надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» (не только в обиходе, но и в официальных документах он именуется Патриотическим актом). Он предоставил ФБР право секретно без чьих-либо санкций прослушивать телефонные переговоры и следить за электронной перепиской лиц, подозреваемых в причастности к терроризму (ранее подобное было возможно только по решению суда). Библиотеки обязывались предоставлять сведения о том, какие книги читают подозреваемые, отслеживалось, какие сайты в Интернете они просматривают. Иностранцы, подозреваемые в причастности к терроризму, могли быть арестованы на неопределенное время без предъявления каких-либо обвинений.

Критики назвали этот закон нарушающим Конституцию, что отчасти было правдой. Однако, поскольку постоянно подчеркивалось, что речь идет о мерах чрезвычайных, а США находится в состоянии войны, закон был принят Палатой представителей 357 голосами против 66, а Сенатом 98 голосами против одного. Сразу после его подписания Буш издал исполнительное распоряжение о создании на территории американской военно-морской базы Гуантанамо (Куба) специального лагеря (фактически тюрьмы) для содержания иностранных террористов. Была сознательно выбрана база за пределами США, поскольку на находившихся на ней лиц,

не являвшихся гражданами США, не распространялось американское законодательство и права личности никто не гарантировал. Тюрьма начала функционировать в январе 2002 г., когда в нее были доставлены первые заключенные из Афганистана, которые были определены не как военнопленные, а как «комбатанты противника», то есть вражеские боевики. К 2006 г. в этой тюрьме побывало более 750 заключенных. Постепенно кто-то был освобожден, кто-то депортирован, например, 10–15 человек было передано России.

Вскоре после начала работы тюрьмы в прессу стали просачиваться данные о том, что заключенные там подвергаются пыткам. Упоминали об имитации утопления, бессоннице, оглушительной музыке. Правозащитники и журналисты неоднократно обращались с запросами по этому поводу, но прямого ответа так и не получили. В то же время представители администрации Гуантанамо, включая командующего контр-адмирала Джона Ринга, утверждали, что заключенные содержатся гуманно, что существуют программы, позволяющие им заниматься спортом, смотреть телевидение и др. Позже, уйдя в отставку, Буш признавал, что имитация утопления с целью получения показаний предпринималась по его распоряжению. Он оправдывал эти акции, отрицая, что они являются пытками, и говорил, что не жалеет о своем решении, что эти действия были правильными, так как помогали спасти жизни многих людей.

В области борьбы с терроризмом Буш поддерживал отношения и с Российской Федерацией. Он многократно встречался с В. В. Путиным и даже проникся к нему определенной симпатией. Буш посещал Россию в мае 2002 г., а Путин США дважды — в ноябре 2001-го и в июле 2007 г. Кроме того, Буш приезжал в Россию в мае 2005 г. на празднование 60-летия Победы во Второй мировой войне и присутствовал на параде 9 Мая.

Далеко не все действия российского президента Буш одобрял. Публично на эту тему он почти не высказывался, но в личных разговорах был вполне откровенен. После ввода российских войск в Южную Осетию в августе 2008 г. Буш на встрече в Пекине на открытии Олимпийских игр говорил Путину «о его серьезной ошибке и о том, что Россия изолирует себя, если не уберется из Грузии». В следующем месяце, выступая на Генеральной Ассамблее ООН, Буш подтвердил, что США поддерживают грузинскую демократию, территориальную целостность Грузии и осуждают действия России.

Постепенно внимание президента возвращалось к основным внутренним проблемам. Он вступил в должность, когда страна переходила от экономического подъема к небольшому спаду, который через год

сменился новым подъемом, с тем чтобы в конце президентства вновь оказаться в кризисе, на этот раз значительно более глубоком (некоторые экономисты даже считали его самым серьезным со времени Великой депрессии). Трудности в 2006 г. начались с ипотечного кризиса, когда массовый характер приобрели невозвраты кредитов на жилье несостоятельными заемщиками. Семьи лишались жилья, за которое уже были уплачены крупные суммы, что вело к недовольству властями, включая президента. Авторитет Буша стал быстро падать.

Ипотечный кризис в США стал толчком для мирового финансового, а затем и экономического кризиса 2007–2008 гг. Администрация оказалась в крайне затруднительном положении. Президенту пришлось постепенно расстаться со своими обещаниями существенного сокращения налогов и других сборов. Государственный бюджет сводился все с бóльшим дефицитом. За время власти Буша расходы увеличились с 1,9 почти до 4 триллионов долларов, в то же время доходы, составлявшие в 2000 г. чуть более 2 триллионов долларов, в 2008 г. увеличились всего лишь до 2,5 триллиона. По данным экономических обозревателей, при учете инфляционных изменений ценности валюты расходы выросли на 65 %, тогда как доходы — на 35 %. Все это означало, что государственный долг США продолжал быстро расти. Разорились и объявили о банкротстве несколько крупных ипотечных корпораций и банков.

В сентябре 2008 г., за пол года до своей отставки, Буш выступил с планом финансового спасения страны, прежде всего крупных хозяйственных объединений. План был разработан Департаментом казначейства и 3 октября принят Конгрессом в качестве закона о чрезвычайных мерах по экономической стабилизации. Предусматривалось предоставление Федеральной резервной системой (то есть государством) займов банкам на 700 млрд долларов и значительные налоговые льготы в области энергетики. Намеченный план включал в себя также выкуп государством проблемных активов, то есть тех кредитных обязательств, которые заемщики не были в состоянии выплатить. Делалось это для недопущения новых банкротств, которые могли привести к разрушению всей финансовой системы. Результатом стало очередное увеличение бюджетного дефицита и усиление инфляции, но это были жертвы, необходимые для преодоления кризиса. Мероприятия правительства Буша способствовали смягчению финансовых и в целом экономических трудностей, но лишь отчасти. К концу 2008 г. в США сохранялся высокий уровень безработицы — работу стремились получить 2,6 млн человек.

Естественно, экономическая ситуация негативно отразилась на планах,

намеченных Бушем, в частности в области народного просвещения и здравоохранения. Во время первого президентства были предприняты меры для финансового и организационного укрепления Национального научного фонда (NSF) и Национального института здоровья (NIH). NSF был создан еще в 1950 г. в качестве правительственного агентства, оказывающего помощь в развитии научных отраслей, «содействующих здоровью и благосостоянию» народа США. В основном его средства предназначались не столько на научные исследования, сколько на пропаганду естественных наук и стимулирование молодежи к получению соответствующего образования. Однако средства, выделяемые агентству, были невелики, и оно не было влиятельным. Буш поставил амбициозную задачу превратить фонд в мощное ведомство, которое бы действительно способствовало привлечению талантливой молодежи к овладению естественными науками и инженерным делом. Через Конгресс были проведены статьи бюджета, позволявшие фонду предоставлять гранты, стипендии и другие формы помощи тем, кто, по мнению его экспертов, был перспективен в соответствующих областях. Несмотря на экономические трудности 2006–2008 гг., финансирование NSF сохранилось, хотя и было урезано.

Своего рода параллельной организацией был NIH, являющийся частью Департамента здравоохранения и социальных служб. Его основной центр находится в пригороде Вашингтона Бетезде, а по стране разбросаны 27 филиалов. Он является исследовательским центром в области наиболее актуальных и сложных проблем медицины (сердечные заболевания, заболевания мозга, злокачественные опухоли и т. д.), а также своего рода «зонтичной» организацией для многочисленных проектов в области здравоохранения, подготовки новых поколений исследователей и высококвалифицированных врачей. Буш всегда стремился сохранить высокое финансирование института, однако не смог предотвратить некоторое сокращение его бюджета в условиях кризиса конца 1-го десятилетия XXI в. За это он подвергся резкой критике, и сам он в ряде выступлений признавал, что не проявил достаточной настойчивости в сохранении полномасштабного функционирования всех программ института.

В то же время Бушу удалось не только сохранить, но несколько расширить меры борьбы против пандемий гриппа. 1 ноября 2005 г. на пресс-конференции в NIH, проведенной с участием многих высокопоставленных лиц, в том числе генерального директора Всемирной организации здравоохранения, Буш огласил «Стратегический план противодействия пандемии гриппа», предусматривавший выделение

средств на проведение исследований, разработку лекарственных средств, всеобщую вакцинацию населения. Вскоре Буш встретился с крупнейшими производителями противовирусных препаратов и вакцин, гарантировав им государственную поддержку в расширении производства остро необходимых препаратов.

Как и предыдущие президенты, Джордж Буш активно занимался программами социальной помощи. В соответствии с установками Республиканской партии он стремился при сохранении медикера несколько ограничить пользование бесплатными услугами, лечением, лекарствами и медицинскими препаратами со стороны той части населения, которая была в состоянии оплачивать свои медицинские расходы. В этом отношении приходилось вести энергичную полемику с представителями Демократической партии, которые в явно демагогических целях акцентировали особое внимание на оказании медицинской помощи детям.

Еще во время президентства Клинтона под покровительством его супруги сенатором Эдвардом Кеннеди (родным братом покойного президента) была внесена в Конгресс Программа страхования здоровья детей, предусматривавшая значительное расширение государственных расходов на бесплатное медицинское обслуживание детей, причем из семей не только с низким, но и со средним уровнем доходов. Программа расширяла число детей, на которых должна была быть распространена помощь, с 6 до 10 млн человек. Предполагалось покрыть соответствующие расходы увеличением налогов на производство и продажу табачных изделий. Независимые исследования показали, что около 70 % детей, которые должны были воспользоваться планом, относились к семьям, стоявшим выше (порой значительно) уровня бедности. Буш констатировал на основе представленных ему выкладок, что благами плана могли пользоваться семьи с годовым доходом до 83 тыс. долларов. Определив это как «попытку социализации медицины» (что было не вполне точно), Буш в октябре 2007 г. наложил на план вето, которое палаты Конгресса оказались не в состоянии преодолеть. В результате в план были внесены существенные изменения, из него были исключены семьи с относительно высокими доходами. Провести его в жизнь удалось только при следующем президенте.

Буш отлично понимал, что осуществить реформу социального обеспечения с целью исключения из нее основной части паразитического класса быстрыми темпами невозможно, поскольку это встретит ожесточенное сопротивление со стороны низов общества, прежде всего в крупных городах восточных штатов, а также огромной Калифорнии. Он

попытался действовать обходными путями, объявив в 2005 г., что государственная система социального обеспечения может в ближайшие годы обанкротиться. Ситуация осложнялась тем, что в этом году пришлось значительно увеличить госрасходы для ликвидации последствий самого разрушительного урагана в истории США «Катрина», в результате которого погибло около 2 тыс. человек, ущерб составил 125 млрд долларов, а затраты достигли 67 млрд. В результате за октябрь — ноябрь 2005 г. доходы федерального правительства составили 271 млрд долларов, а расходы 387 млрд, дефицит составил 115 млрд, то есть около 30 % бюджета. В связи с этим Буш, отталкиваясь от конкретной ситуации, но имея в виду долгосрочную перспективу, предложил провести частичную приватизацию системы соцобеспечения. Он даже предпринял двухмесячную поездку по стране, во время которой посвящал свои выступления главным образом преимуществам, которые получают граждане США, если государство передаст соцобеспечение в руки конкурирующих частных компаний. Победа демократов на промежуточных выборах в Конгресс в 2006 г. сорвала план приватизации, система соцобеспечения осталась в руках федеральных агентств, а авторитет Буша продолжил свое падение.

После получения известия об урагане «Катрина» Буш 27 августа 2005 г. объявил чрезвычайное положение в Луизиане, а на следующий день — в соседних штатах Миссисипи и Алабама. 2 сентября он побывал в районе катастрофы, указав, что предпринимаемые усилия по спасению людей явно недостаточны. В спасательной операции участвовало свыше 60 тыс. человек — Национальная гвардия, береговая охрана и даже регулярные воинские части. Буш, по всей видимости, предпринимал все усилия, чтобы облегчить последствия урагана для населения. Однако не только со стороны оппозиции, но и части своей партии он подвергся острой критике. Сенатор от Луизианы Дэвид Виттер, явно под воздействием трагических настроений в штате, заявил, что ставит самую низкую оценку Бушу за его действия в связи с ураганом. Почти 60 % граждан США, согласно опросам общественного мнения, пессимистически оценивали способность властей, в том числе президента, преодолевать последствия природных катаклизмов. Огонь критики был направлен прежде всего на президента. Именно со времени урагана «Катрина» началось устойчивое падение его авторитета. Ему ничего не оставалось, как признать свою полную ответственность за катастрофу, хотя вина в действительности лежала в основном на местных властях. Тем не менее известный кинодокументалист и не менее известный скандальный демагог Майкл Мур заявил: «В тот день, когда на город обрушился ураган, мистер Буш, Джон МакКейн (сенатор) со своими

богатыми друзьями потчевали себя тортом. А потом на протяжении всего дня Буш играл на гитаре, которую ему дал какой-то исполнитель «кантри». И все это — когда Новый Орлеан утонул в воде». Ни слова правды в этих словах не было, но для Мура это значения не имело.

Незадолго до этого на Буша было произведено покушение. 10 мая 2005 г. во время визита в Грузию, во время выступления президента в Тбилиси некий Владимир Арутюнян швырнул в его сторону ручную гранату. Граната не взорвалась, пострадала лишь девочка-подросток, которая получила синяк от ударившего ее, но не сдетонировавшего снаряда. Покушавшийся был схвачен и приговорен грузинским судом к пожизненному заключению. Еще одно псевдопокушение на Буша произошло в самом конце его правления, когда он приехал с визитом в Ирак. На пресс-конференции в Багдаде 14 декабря 2008 г. иракский журналист Мунтазар-Зейди бросил в сторону трибуны, на которой находился Буш, свои ботинки, один за другим. Сам Буш, в которого ни один ботинок не попал, оценил этот инцидент как «забавный». Иракские же власти сочли действия журналиста тягчайшим оскорблением. Журналист был арестован и избит в тюрьме, а вслед за этим приговорен к трем годам заключения.

После инаугурации нового президента Барака Обамы Буш с супругой совершили последний перелет на президентском самолете — на этот раз в Техас, где они поселились в пригороде Далласа. На публике бывший президент появлялся редко, главным образом на спортивных состязаниях, в которых участвовали команды штата. Иногда на стадионе появлялись вместе два бывших президента — отец и сын Буши.

В августе 2013 г. Буш-младший перенес успешную операцию на сердце. В самом начале 2016 г. он принял участие в избирательной кампании своего младшего брата Джеба, который выдвинул свою кандидатуру на президентский пост. Оказалось, однако, что поддержка Джеба невелика, и уже в феврале он объявил об отказе от дальнейшей борьбы.

В конце 2010 г. вышли в свет мемуары Буша «Ключевые решения» (в 2011 г. книга была издана на русском языке). В 2014 г. он опубликовал биографию своего отца, которая быстро разошлась, став бестселлером. Джордж старался воздерживаться от комментариев по поводу политики своего преемника Барака Обамы, хотя косвенно давал понять, что не одобряет ее. Однажды во время передачи на телеканале Эн-Би-Си, в которой Джордж участвовал вместе со своей супругой Лорой, ему был задан вопрос, почему он публично не высказывается по поводу политики

Обамы. В ответ Буш произнес: «Я думаю, что это нехорошо, когда бывший президент критикует своего преемника». Впрочем, Буш не был последователен: он критиковал Обаму за преждевременный, по его мнению, вывод американских войск с территории Ирака, за поспешную отмену санкций в отношении Ирана и по другим вопросам.

В апреле 2013 г. вблизи города Далласа, на территории Южного методистского университета, был открыт Президентский центр Джорджа Буша, включающий библиотеку и музей, Институт политических проблем им. Дж. Буша и резиденцию Фонда Буша. Сам Буш нередко бывает в центре и общается с посетителями музея.

Основные издания:

Буш Дж. Ключевые решения. М., 2011.

Greenstein E (ed.). The George W. Bush Presidency: An Early Assessment. Baltimore, 2003.

Moens A The Foreign Policy of George W. Bush: Values, Strategy, and Loyalty. London, 2004.

Smith J. Bush. New York, 2016.

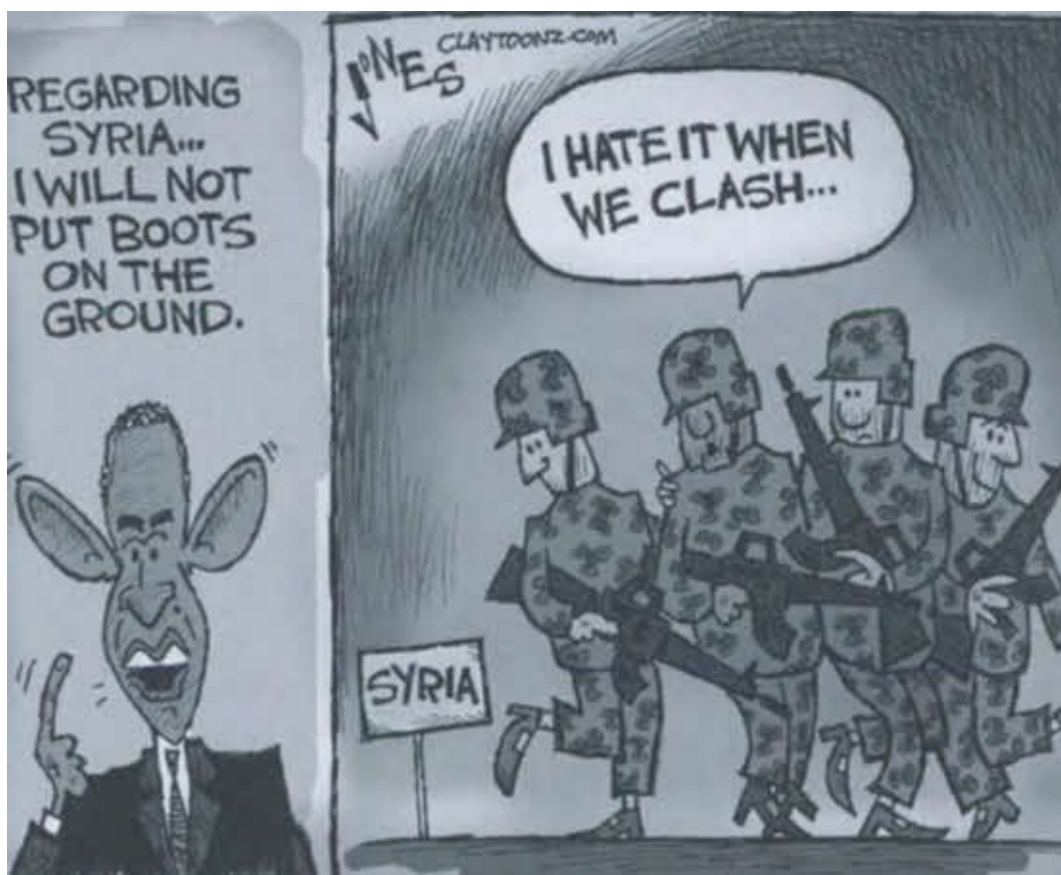
БАРАК ОБАМА

Родился 4 августа 1961

44-й президент:

20 января 2009 — 20 января 2017

«Ни один американский сапог не стоит на сирийской земле».

Карикатура на Б. Обаму

Президентство Обамы стало свидетельством глубочайших изменений, которые зарождались и развивались в США на протяжении многих лет. Избрание чернокожего политика явилось констатацией того, что для подавляющего большинства американцев расовая дискриминация ушла в прошлое. В то же время в эти годы обнажились глубокие противоречия американского общества, связанные со сложным переплетением сохраняющихся отголосков расовых конфликтов. В центре этого клубка оказался Обама, личность крайне противоречивая: например, ему «в кредит» была присуждена Нобелевская премия мира, которую он отнюдь не отработал за все годы своего президентства.

Загадки начинаются с вопроса о месте рождения президента. Согласно

официальной версии, озвученной им самим и его помощниками, Барак Хуссейн Обама II (*Barack Hussein Obama II*) родился в Гонолулу (штат Гавайи). Факт рождения на территории США чрезвычайно важен, поскольку по закону только уроженец США может претендовать на президентский пост. Отцом Барака был кениец, сын знахаря из племени Луо и полным тезкой сына. Исламские миссионеры оплатили его обучение в Найроби, а затем отправили изучать экономику на Гавайи, где он стал председателем Ассоциации иностранных студентов.

Мать Барака-младшего Энн Данэм была дочерью офицера и на Гавайи приехала изучать антропологию. Здесь она, еще будучи несовершеннолетней (ей не исполнилось 17 лет), сошлась с Бараком-старшим и за полгода до рождения сына они справили свадьбу, а еще через три года расстались: супруг оказался алкоголиком и распутником. Энн вскоре повторно вышла замуж и уехала с новым мужем и ребенком в Индонезию, где у нее родилась дочь Мая. Через несколько лет она отправила сына к обосновавшейся на Гавайях матери Мадлен-Ли Данэм, на плечи которой и легло воспитание мальчика, искренне привязавшегося к бабушке. Ни отец, ни мать жизнью ребенка почти не интересовались. Отец вернулся в Кению, работал экономистом, в пьяном виде попал в аварию, лишился обеих ног и погиб еще в одной автокатастрофе.

Начиная с 2009 г. в прессе стали появляться сведения, что на самом деле Барак родился не на территории США, а в Момбасе (Кения), а его свидетельство о рождении — подделка. Специалисты по компьютерной графике установили, что опубликованный Белым домом сертификат о рождении Обамы состоит из нескольких наложенных друг на друга слоев: на одном есть сведения о младенце и родителях, на другом эти сведения отсутствуют, но есть подписи врачей больницы, выдавшей документ, на третьем изменена цифра в номере. Органы юстиции США сознательно отказываются рассматривать любые версии. Во-первых, проверка поставила бы под сомнение итоги выборов 2008 г. и погрузила бы страну в хаос и смуту. Во-вторых, разбирательство неизбежно привело бы к крайнему обострению расовых противоречий, а сама вероятность смещения президента-афроамериканца была бы неизбежно объявлена проявлением расовой нетерпимости. Но в любом случае происхождение и, следовательно, легитимность 44-го президента США остаются под сомнением.

Обладая сравнительно приличными средствами, бабушка стремилась дать Бараку достойное образование и воспитать его в «европейско-американском духе», как белого американца. Но уже в подростковом

возрасте у мальчика проявилась тяга к африканским предкам и родным, появился определенный «комплекс вины», который сказался в будущем, в политических приоритетах. Появились у него и дурные привычки: он начал курить марихуану, пробовал и более сильные наркотики, являлся домой пьяным, общался с членами молодежной полубандитской группировки.

Если верить автобиографии, то в школе учителя считали Обаму способным юношей. Во всяком случае, он получил стипендию для продолжения обучения в престижном колледже Оксидентал в Лос-Анджелесе. В колледже в качестве специализации он выбрал современную историю (по существу политологию), при этом проявив особый интерес к ситуации на Африканском континенте. Постепенно он начинал интересоваться политикой: его первое публичное выступление в феврале 1981 г. содержало призыв к преподавателям и учащимся колледжа принять участие в кампании за разрыв экономических связей с режимом апартеида в ЮАР. Это — автобиография. А вот преподаватели считали Обаму посредственным студентом, который продолжал курить марихуану и пробовал кокаин. Почему его не привлекали к ответственности, не вполне ясно, видимо, проявлялась «обратная дискриминация», иначе говоря, администрация колледжа опасалась, что репрессии в отношении чернокожего студента будут выглядеть в глазах либеральной общественности как проявление расизма.

Летом 1981 г. Обама поехал в Индонезию навестить свою мать и сестру. Проведя пару недель на островах, он отправился в Пакистан и Индию, чтобы познакомиться с местными обычаями. Знавшие его люди вспоминали, что пребывание в Пакистане пробудило в нем интерес к исламу: он явно оправдывал свое второе имя — Хуссейн. Позже возникали вопросы, как мог гражданин США оказаться в Пакистане, с которым тогда были натянутые отношения и визы не выдавали: может быть, он просто не имел американского гражданства, тем более что поступить в американские учебные заведения иностранному студенту было гораздо легче, чем американцу. В том же 1981 г. Барак перевелся в Колумбийский университет (НьюЙорк), где специализировался в области политологии и международного права. В архиве университета было обнаружено удостоверение с фотографией Обамы, но с фамилией мужа его матери Созэторо и с пометкой «иностраннный студент». В бытность Обамы президентом Белый дом так и не опубликовал, несмотря на требования, ни матрикульную книжку студента с оценками, ни документы об окончании университета. Скорее всего, поступив в университет и проучившись там лишь недолгое время, Обама (Созэторо) оттуда ушел или был отчислен,

после чего переехал в Чикаго, где вступил в Демократическую партию. Уайн Рут, окончивший Колумбийский университет в 1983 г. (то есть, если верить автобиографии, в тот же год, что и Обама), свидетельствовал: «Я знал всех на отделении политологии. Но я ни разу в жизни не встречал Обаму. Никогда в жизни его не видел. Никогда не слышал о нем за все четыре года обучения в Колумбийском университете. И никто из моих знакомых однокурсников никогда его там не встречал, не видел его и не слышал ничего о нем». Телеканал «Фокс ньюз» провел опрос 400 выпускников Колумбийского университета, учившихся в эти годы, и ни один из них не вспомнил Обаму ни по его фамилии, ни по фотографии.

В 1983–1984 гг. Обама работал в Международной корпорации бизнеса, консультировавшей американские фирмы, занимавшиеся операциями за рубежом, и издававшей реферативные журналы, посвященные бизнесу в различных районах земного шара. Обама занимался подготовкой материалов по экономике Юго-Восточной Азии. Затем он работал в Нью-Йоркской исследовательской группе общественных интересов, но здесь долго он не удержался: практическая трудоемкая работа явно была ему не по вкусу. В 1985 г. Обама вернулся в Чикаго, где установил связь с протестантскими религиозными кругами и был принят на работу в финансируемый церковью Проект развития общин. В автобиографии он называл себя директором-исполнителем, в документах значился как общинный организатор. Впрочем, большой разницы не было: он участвовал в разработке программ по подготовке молодых людей к поиску работы, по подготовке к поступлению в колледжи, участвовал в занятиях с малообразованными юношами и девушками в южной части Чикаго. Здесь он проработал до мая 1988 г., когда, видимо получив приличную сумму, он отправился в путешествие в Европу, а затем на 5 недель в Кению, где встретился со своими многочисленными родственниками, прежде всего сводными братьями и сестрами по отцу.

В 1988 г. Обама поступил в юридическую школу Гарвардского университета. На этот раз он занимался добросовестно, готовясь к будущей карьере политика. В 1990 г. он даже стал редактором студенческого журнала «Гарвардское правовое обозрение» (*Harvard Law Review*). Избрание на этот пост чернокожего вызвало повышенное внимание. Сообщения появились в теленовостях, а затем в газетах, имя Обамы фигурировало в ведущих информационных изданиях. Ему поступило предложение заключить контракт на книгу по проблемам афроамериканцев. Приняв предложение нью-йоркского издательства «Таймс букс» (*Times Books*). Обама написал книгу, в которой были не

столько размышления, сколько рассказ о своей жизни, какой он ее видел.

Вернувшись с юридическим дипломом в Чикаго в 1991 г., Барак устроился на работу в местное отделение крупной правовой фирмы «Сидли Остин» (*Sidley Austin LLP*). Здесь он познакомился с девушкой Мишель Робинсон, которая была тремя годами моложе и имела юридическое образование. Видимо, фирма была заинтересована в найме афроамериканцев. Занимаясь правовым обеспечением международных сделок, «Сидли Остин» считала необходимым иметь в штате специалистов, знакомых с зарубежными делами, в том числе в Африке. Барак был принят в фирму ассистентом, что являлось самой низкой позицией, и должен был пройти испытательный срок, в течение которого Мишель Робинсон, занимавшаяся правовыми вопросами защиты интеллектуальной собственности, следовало помогать ему и контролировать его работу. Вскоре между молодыми людьми установились интимные отношения. В 1991 г. было объявлено о помолвке, а в октябре 1992 г. состоялась свадьба. Первый ребенок — дочь Малия — родилась только в 1998 г., вторая дочь Наташа (ее обычно называют Сашей) — в 2001 г. В 2018 г. в своей книге воспоминаний Мишель Обама рассказала, что у нее были проблемы: во время первой беременности произошел выкидыш, а обе дочери были зачаты искусственным путем. Видимо, из-за того, что Мишель занимала в фирме более высокое положение, чем ее муж, семейная жизнь не ладилась. Пришлось даже обращаться к психоаналитику. Постепенно, по мере того как Мишель осознавала карьерные перспективы мужа, она отошла на второй план, став активным помощником мужа в политике.

Еще в 1983 г. Обама познакомился с Джеремией Райтом, пастором Объединенной церкви Троицы Христовой в Чикаго. Тот проповедовал «черную революцию», ненависть к белым (особенно к евреям), проклинал Государство Израиль. Его взгляды были созвучны тем, что исповедовала организация «Черные пантеры», выступавшая за создание на территории США отдельного негритянского государства. Он был близок и с известным лидером радикальной организации «Нация ислама» Луисом Фарраханом, также выступавшим с проповедью антисемитизма и расизма. На Обаму проповеди Райта произвели глубокое впечатление, тем более что он выступал за своего рода ассимиляцию христианства и ислама. Обама называл Райта своим ментором. Журналист Эдвард Клайн в течение нескольких часов интервьюировал Райта, и тот рассказал, как Обама приходил к нему каждый раз, когда у него что-то не ладилось в карьерных или личных делах. Вступив в политику, Обама стал скрывать свои связи с проповедником-человеконенавистником. Райт затаил обиду и рассказал, что

в 2008 г. Обама тайно приезжал к нему и просил молчать по поводу их взаимоотношений. Тогда же Райт получил электронное письмо от одного из друзей Обамы, который предлагал «преподобному» 150 тыс. долларов за отказ от оглашения отношений с кандидатом в президенты. От денег он отказался.

Отношения с Райтом и косвенно с Фарраханом продолжались вплоть до президентской кампании, когда Обама публично отказался от их поддержки, заявив, что взгляды Фаррахана для него неприемлемы. Но все же влияние экстремистских проповедников в определенной степени сказалось на политике Обамы.

В 1990-х гг. Барак Обама стал богатым человеком. Причин, позволивших ему переселиться из южного Чикаго в престижный пригород Кенвуд, где он приобрел дом за 1,6 млн долларов, он вразумительно не пояснял. Он связывал рост своих доходов с успешной продажей его первой книги «Мечты моего отца», вышедшей в июне 1995 г., которая была автобиографией самого Барака и содержала его версию о своем детстве и юности. В книге было немало рас-суждений о выдающейся роли афроамериканского населения США. Недоброжелатели, однако, связывали покупку дорогого дома и в целом превращение Обамы в миллионера со связями с чикагским предпринимателем Энтони (Тони) Резко. Последний сыграл ведущую роль в организации кампаний демократа Рода Благоевича вплоть до избрания его в 2002 г. губернатором штата Иллинойс. Было установлено, что дом был продан Обаме супругой Резко, причем неизвестно, какая сумма была реально уплачена. Эта тема привлекла внимание прессы, когда сам Резко, а затем губернатор Благоевич были обвинены в коррупции, Благоевич смещен в результате импичмента, и оба сели в тюрьму. Обама поспешил отмежеваться от обоих, но факт, что между ним и Резко существовали деловые и дружеские отношения, вынужден был признать. Да и во время избирательных кампаний Благоевича Обама был советником в его штабе.

С 1991 г. Обама работал в юридической школе Чикагского университета, вначале как внештатный сотрудник, а затем как преподаватель конституционного права. Одновременно с начала 90-х гг. он занялся местной политикой, сосредоточившись на привлечении черного населения Чикаго и окрестностей к участию в выборах. В октябре 1992 г. он возглавил организацию «Проект: Голосуй!», которая финансировалась черными благотворителями, имела около десятка сотрудников и несколько десятков волонтеров. По ее подсчетам, в Иллинойсе было от 150 до 400 тыс. черных, в подавляющем большинстве бедняков или нищих

(добровольных, не желавших обращаться за помощью к государству или штату, отказывавшихся селиться в построенных для них домах, которые они называли тюрьмами), не зарегистрировавшихся в качестве избирателей. Члены группы ходили по трущобам и убеждая этих людей, что они могут изменить лицо Америки в свою пользу, если примут участие в выборах. В 1994 г. организация распространила свои действия на другие штаты и постепенно стала охватывать всю территорию США.

В 1993 г. Обама поступил в юридическую фирму «Дэвис, Майнер, Бернхилл и Таиланд», которая занималась делами, связанными с отстаиванием гражданских прав, а также хозяйственными спорами, главным образом связанными с жилищным строительством. Здесь он проработал до 2004 г., сначала ассистентом, затем советником.

Постепенно Обама становился заметной фигурой, его стали привлекать в разного рода фирмы в качестве члена или даже председателя наблюдательных советов. Это делалось для рекламы среди афроамериканцев и демонстрации толерантности. Наиболее значительным из таких постов (разумеется, с приличным окладом и немалым пакетом акций) было председательство в совете директоров (1995–1999 гг.) корпорации «Анненберг» (*Chicago Annenberg Challenge*), которая занималась поставками оборудования и материалов для учебных заведений, а также предоставляла гранты на обучение.

Обама, к своему удивлению, все больше обнаруживал, что усиливавшаяся «обратная дискриминация» для него исключительно выгодна. Именно она прежде всего способствовала его продвижению, несмотря на то что сам он постоянно заявлял, что в США сохраняется прямая дискриминация черного населения.

В 1996 г. он выдвинул свою кандидатуру в Сенат штата Иллинойс от Демократической партии, которая, по его наблюдениям, была более подвержена «обратной дискриминации», чем Республиканская. Обама баллотировался в своем пригороде и неожиданно легко выиграл выборы, причем за него высказалась значительная часть республиканцев. В Сенате он выступил с несколькими законодательными инициативами, направленными на расширение программ медикера для малоимущих жителей штата. Более или менее легко были проведены законы об увеличении субсидий на детей, о расширении помощи на охрану здоровья, о льготах при уплате налогов для рабочих, получавших небольшую зарплату.

В 2001 г. Обама был избран сопредседателем двухпартийного Объединенного комитета по административным правилам, внесившим

рекомендации по работе губернатора и его аппарата. Он установил хорошие отношения с губернатором Иллинойса Джорджем Райяном. Хотя тот был республиканцем, но, примыкая к левому крылу партии, по своим взглядам он был недалеко от демократов и одобрял инициативы Обамы. Райян высказывался за отмену смертной казни, а Обама поддержал введение моратория на исполнение смертных приговоров. В конце концов, однако, Райян оказался замешанным в очередном коррупционном скандале, обвинен в мошенничестве, смещен со своего поста и приговорен к небольшому сроку тюремного заключения.

На следующих выборах Обама был переизбран в Сенат и в 2003 г. получил пост председателя Комитета по здравоохранению и гуманитарному обслуживанию. Он внес на рассмотрение и добился принятия постановления, требовавшего от полиции «расового профилирования» задерживаемых людей. Имея в виду, что большинство преступлений совершалось не белыми, а черными, постановление, по существу, ограничивало аресты и обвинения афроамериканцев, поскольку в противном случае полицию можно было обвинить в расовой предвзятости и даже в дискриминации. Вслед за этим руководство полиции штата в косвенной форме распорядилось ограничить аресты афроамериканцев, чтобы не портить статистику, чего и добивался Обама.

В 2002 г. Барак познакомился, а затем установил тесную связь с политтехнологом Дэвидом Аксельродом, работавшим также репортером и обозревателем газеты «Чикагская трибуна» (*Chicago Tribune*). Считалось, что именно его рекомендации обеспечили в 1987 г. избрание мэром Чикаго чернокожего Гарольда Вашингтона. Аксельрод фактически возглавил предвыборный штаб Обамы, когда в начале 2003 г. он объявил, что намерен бороться за место в Сенате США. По рекомендации Аксельрода Обама сделал ставку на антивоенные лозунги. Он был одним из главных организаторов нескольких антивоенных митингов и шествий с лозунгами против войны в Ираке, которые состоялись в Чикаго в 2003 г. При этом Барак действовал предельно осторожно: он прямо не критиковал Патриотический акт, а «только» выступал против вторжения в Ирак. Противопоставление одного другому оказалось плодотворным: малограмотная толпа, которой Обама и его сторонники напоминали о «вьетнамском синдроме», поддержала антивоенные лозунги.

На национальном съезде демократов в Бостоне в июле 2004 г. выступление Обамы стало одним из главных событий. По данным опросов, его смотрели и слушали более 9 млн человек. Обама по просьбе кандидата в президенты Джона Керри выступил с «ключевой речью». Был разыгран

спектакль, свидетельствовавший, что демократы уже держали Обаму в своей обойме как возможного будущего кандидата на высший пост. Перед его выступлением на сцену поднялся сенатор от Иллинойса Ричард Дурбин, назвавший Обаму человеком, «чьи ценности пробуждают веру в новое поколение». После этого на подиум бодрой походкой молодого человека вышел сам Обама. Он поблагодарил и обнял Дурбина, занял место на кафедре, вцепившись в нее обеими руками, широко расставив ноги, и улыбался, ожидая, когда стихнут аплодисменты. Это продолжалось несколько минут, после чего Барак, при помощи невидимого для зрителей текста (телесуфлера) произнес речь, которая, собственно говоря, явилась прологом его президентской кампании. Она была почти бессодержательной и посвящалась достижениям самого Обамы в «постепенно освобождаемой от расовых предрассудков Америке». Зато речь сопровождалась обильной жестикуляцией и чуть ли не после каждой фразы прерывалась аплодисментами. Как будто забыв, что он обращается к съезду демократов, оратор произнес: «Соотечественники, американцы — демократы, республиканцы, представители независимых партий, сегодня я говорю вам: нам предстоит сделать еще больше». Что именно — разъяснялось на примерах отдельных «страдающих людей» из родного штата. Обама завершил речь восхвалениями Керри. Речь Обамы, при всей ее пустоте, была сочтена очевидцами, причем не только демократами, образцом ораторского искусства. В этой речи, выведшей Барака на федеральный уровень, определились все особенности его ораторства: произнесение малосодержательных речей, сопровождаемых эффектными позами и обильной жестикуляцией, которые вызывали восхищение толпы и повторялись на протяжении всего времени его президентства.

В то же время нельзя не признать, что у Обамы к 2004 г. действительно выработался свой, своеобразный стиль общения с толпой. Он нравился не только паразитическому классу, но и близким к нему социальным слоям, а также догматическим сторонникам несуществующего «всеобщего равенства» из левых кругов Демократической партии, а также примыкавшей к ним либеральной интеллигенции. Стиль этот состоял не только в подчеркивании права на получение высоких социальных пособий, дающих возможность не искать работу, но и в особом выделении заслуг и добродетелей афроамериканцев и индейцев, их особой «культуры», а также фактически в отказе от западных приоритетов как носителей общечеловеческого прогресса. С точки зрения содержания этот стиль характеризовался отсутствием конкретики, тем более сравнительных цифровых данных. С точки зрения формы он отличался постоянно

выдвинутым вперед подбородком, прямой спиной, опорой двумя руками на кафедру при частой жестикуляции по очереди каждой рукой, паузами, иногда довольно длительными, в наиболее важных местах.

Обама выиграл борьбу за место в Сенате США невиданным большинством в 70 % голосов. Сенатором он пробыл недолго — всего половину положенного срока. Он был «лояльным демократом», то есть поддерживал все инициативы, с которыми выступало руководство фракции. Со своими предложениями и законопроектами он не выступал, но в составе группы сенаторов участвовал в выдвижении второстепенных законопроектов. Наиболее значительным был проект, требовавший от руководителей атомных электростанций и других предприятий, связанных с атомной энергией, немедленно информировать федеральные и местные власти о каждом случае малейшей утечки радиоактивных веществ (проект принят не был).

При этом Барак смог сравнительно скоро стать в Сенате довольно заметной фигурой. Он был избран в несколько комитетов, в том числе в Комитет по международным отношениям, в котором возглавил секцию Европы. В этом качестве он совершил поездки в Восточную Европу, на Ближний Восток и в несколько африканских стран. Наблюдатели отметили, что при поездке в Палестину он проигнорировал Израиль, зато встретился с одним из руководителей палестинских арабов Махмудом Аббасом.

Десятого февраля 2007 г. в городе Спрингфилде, штат Иллинойс, Обама объявил о своем выдвижении на пост президента США. Для своего выступления он избрал место, где в 1858 г. Авраам Линкольн произнес свою речь «Наш дом разделен», посвященную осуждению рабовладения и рабовладельцев Юга. И место, и содержание речи были рекомендованы Дэвидом Аксельродом, ставшим во главе предвыборного штаба. Барак говорил о необходимости «надежд и изменений», подчеркивал требование немедленного ухода американцев из Ирака, реформирования системы здравоохранения, достижения США полной энергетической независимости, то есть отказа от закупок энергоносителей за рубежом. К середине апреля стало ясно, что главным соперником Обамы в партии станет Хиллари Клинтон, супруга бывшего президента. В то время как Обама сосредоточил кампанию на идее перемен, правда, весьма расплывчато формулируя, в чем именно они должны состоять, Клинтон стремилась обратить внимание на свой авторитет и опыт. Она явно просчиталась, так как в памяти американцев еще свежи были факты, компрометировавшие Билла Клинтона и, следовательно, его супругу. Уже в начале июня Клинтон заявила об отказе от дальнейшей борьбы и призвала

избирателей поддержать Обаму.

По рекомендации Аксельрода Обама в конце июня объявил, что отказывается от получения государственных средств, которые, согласно законодательству, выделялись каждому официальному кандидату в президенты, прошедшему соответствующую регистрацию. Эта информация вызвала бурю восторга в левых кругах, а у оппонентов — серьезные сомнения в источниках его денежных поступлений: не получает ли Обама средства из-за рубежа, в частности от исламских режимов Ближнего Востока? Убедительно опровергнув публиковавшиеся сведения штаб Обамы оказался не в состоянии и ограничился лишь словесным отрицанием.

Предвыборный съезд Демократической партии состоялся в Денвере, штат Колорадо, 25–28 августа. Съезд проходил в роскошном дворце, принадлежавшем фирме «Пепси». Председательствовала спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси, но фактически порядок дня и все процедуры были определены Аксельродом и его группой. По их решению съезд был проведен примерно на месяц позже, чем обычно. Этим, по мнению Аксельрода, достигалась «максимализация усилий для победы демократического кандидата в решающие последние месяцы перед выборами». Для каждого дня была определена своя повестка, причем исключительно пропагандистского характера. Программа первого дня называлась «Единая нация», второго — «Обновим американские обещания», третьего — «Обеспечим будущее Америки», четвертого — «Изменения, в которые мы верим». При этом было подчеркнуто, что последний лозунг являлся личным лозунгом Обамы и его главным предвыборным «обещанием». Разницу между повестками дня можно было найти разве что под микроскопом.

Заранее объявлялось, что именно Обама будет единственным кандидатом партии. О том же говорили главные ораторы, включая Билла Клинтона и его супругу. Ведущим первого дня прений была жена претендента Мишель Обама. Все же на съезде была выдвинута и Хиллари Клинтон. За Обаму было подано 72 % голосов, за Клинтон — 23 %. В качестве кандидата в вице-президенты Обама избрал Джо Байдена, сенатора от небольшого штата Делавэр, который ранее и в этот раз выдвигался в президенты, но выходил из гонки на ранних этапах.

Свою «народность» Обама попытался продемонстрировать, произнеся речь о принятии номинации не на самом съезде, как это обычно, а на огромном поле в окрестностях Денвера, где собралось более 80 тыс. человек. Штаб кандидата обеспечил трансляцию речи основными

телеканалами. По подсчетам аналитиков, ее слушали по всему миру около 40 млн человек. Иначе говоря, выдвижению черного политика кандидатом в президенты от Демократической партии, которая в свое время была партией рабовладельцев, рассматривалось как событие всемирно-исторического масштаба. Именно так и проводилась избирательная кампания — соперничество Обамы с республиканцем Джоном МакКейном. Последний явно пасовал в дискуссиях с напористым и энергичным демократом, тем более что МакКейн избрал в качестве напарника не очень компетентную, хотя и весьма энергичную даму — губернатора Аляски Сару Пейлин. Уже во время избирательной кампании она нередко компрометировала МакКейна нелепыми заявлениями, вроде того, что она хорошо знакома с положением в России, так как ясно видит ее... через Берингов пролив. Впрочем, особой компетентностью не отличался и сам МакКейн.

Тем не менее предвыборная схватка была острой. В центре ее находились дела, прежде всего связанные с борьбой с международным терроризмом. В то время, как МакКейн энергично поддерживал репрессивные действия Буша-младшего против афганского и иракского режимов, Обама резко выступал за отказ от вмешательства в дела других стран или по крайней мере за его ограничение. При этом он особенно напирал на разницу в возрасте — МакКейну пошел 73-й год, тогда как ему только исполнилось 47. Штаб Обамы усиленно распространял слухи о плохом здоровье МакКейна и о том, что в случае его смерти президентом страны станет малограмотная женщина из полярного штата. В сентябре — октябре были проведены три тура дебатов кандидатов, на которых, по мнению большинства наблюдателей, победу одержал Обама не столько характером своей аргументации, сколько решительностью и наступательностью.

Состоявшиеся 4 ноября выборы принесли Обаме победу, но значительно меньшим большинством голосов, чем предполагал его штаб и большинство американских и зарубежных аналитиков. Он получил 52,9 % голосов, тогда как МакКейн — 45,7 %. В коллегии выборщиков у Обамы было 365 мест, у МакКейна — 173. Такой результат был неожиданным. Оказалось, что часть избирателей, которые вроде бы выступали за Обаму, при тайном голосовании высказались за кандидата республиканцев. Объясняли это по-разному: скрытой расистской предвзятостью, боязнью опасных социально-политических изменений, верой в то, что опытный и надежный герой Вьетнамской войны будет представлять Америку более достойно, чем молодой сенатор-демократ, ничем еще не проявивший себя в

высокой политике.

В любом случае победа кандидата демократов была бесспорной. Либеральная Америка и сочувствовавший ей «цивилизованный мир» торжествовали — впервые во главе США оказался чернокожий президент. Формально это действительно была победа демократии, сил, выступавших за подлинное национальное и расовое равенство, но по существу у власти оказался опасный демагог, который на протяжении следующих восьми лет фактически будет подрывать внутреннюю стабильность своей страны и ее международные позиции. Это была победа политкорректности над политической целесообразностью.

Инаугурация нового президента была проведена чрезвычайно пышно. Под Капитолийским холмом собралось около 1 млн человек. Обама поклялся на Библии, которая в свое время использовалась при вступлении в должность Авраама Линкольна, что было сочтено наблюдателями символом «нового освобождения» негритянского населения. Новый президент не ограничился произнесением традиционной речи, а огласил свое воззвание к народу США, в котором объявил день 20 января 2009 г. «национальным днем обновления и согласия». Расходы на инаугурацию составили около 160 млн долларов — больше, чем когда бы то ни было. На следующий день в Белом доме пришлось проводить повторную процедуру принятия присяги, поскольку выяснилось, что накануне председатель Верховного суда Джон Робертс перепутал порядок слов, а Обама повторил за ним неточный текст.

Обама стал формировать свой кабинет, соблюдая примерное равенство влияния администрации Белого дома и министров. В Белом доме наибольшую роль играл Аксельрод, получивший должность старшего советника президента. Уже в начале 2011 г. он этот пост оставил, чтобы заняться подготовкой переизбрания Обамы на второй срок. (Отметим сразу же, что 6 ноября 2012 г. Обама был успешно переизбран.) Пост госсекретаря заняла Хиллари Клинтон (после переизбрания ее сменил Джон Керри). Секретарем по обороне стал Роберт Гейтс, остальные посты достались второстепенным чиновникам.

Клинтон в качестве госсекретаря проявила активность в поощрении бунтов и восстаний в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Эти события 2010–2011 гг., получившие название «арабской весны», привели к тому, что в ряде стран были свергнуты светские диктаторы, место которых заняли исламистские клерикальные режимы, а в Сирии развернулась кровопролитная гражданская война. Клинтон неоднократно оправдывала эти действия своего ведомства и спецслужб США, довольно откровенно

объясняя их геополитическими интересами. Политиканство Клинтон, ее стремление скрыть секретные операции США в Ливии, а главное — ее участие в тайной продаже оружия исламистским террористическим организациям, включая «Аль Каиду» (сведения об этом были опубликованы уже после ухода Клинтон с поста госсекретаря), привели к серьезному международному кризису.

Одиннадцатого сентября 2012 г. миссия США в ливийском Бенгази, фактически являвшаяся резидентурой ЦРУ, была атакована исламистскими боевиками. Здание было сожжено, а находившийся там посол США в Ливии Кристофер Стивенс и другие сотрудники убиты. Как оказалось, Клинтон пользовалась для связи со Стивенсом недостаточно защищенной личной почтой, хотя, согласно существовавшим нормам, не имела права этого делать. Так стала раскручиваться целая цепь должностных нарушений госсекретаря, которые граничили с преступлениями и переходили эту грань. Во всяком случае, установлено, что в течение шести лет — в должности госсекретаря и после этого — Клинтон вела секретнейшую деловую переписку по своим домашним средствам связи, фактически разглашая государственные тайны. Свыше 30 тыс. исходящих и входящих писем было ею уничтожено, что, согласно законодательству, также является серьезным должностным преступлением. В 2012 г. боевики воспользовались данными из переписки Клинтон, чтобы совершить нападение на миссию именно тогда, когда там находился американский посол. Сама госсекретарь вначале пыталась представить это нападение в качестве стихийной реакции на американский фильм «Невинность мусульман» (в фильме подвергался критике сам пророк Мухаммед, причем в оскорбительной форме). Только через две недели, когда появились сведения, что нападение было «профессионально выполнено», оно было признано террористическим.

Первые мероприятия Обамы, находившиеся на грани внутренней и внешней политики, были связаны с судьбой тюрьмы для террористов на военной базе Гуантанамо. Обама распорядился о ее закрытии и переводе заключенных в США для проведения над ними суда. Имея в виду, что захвачены они были либо на поле боя, либо в результате спецопераций, решение президента означало, что они, скорее всего, будут оправданы и освобождены: никаких обоснованных обвинений, соответствующих американскому законодательству, предъявить им было невозможно. Возникла опасность, что в результате решения президента большая группа террористов окажется на свободе и возобновит преступную деятельность. На этот раз пагубный исход был смягчен решением Конгресса, который

отказался вотиловать средства на ликвидацию тюрьмы. Она сохранилась, хотя значительная часть заключенных в следующие годы была освобождена.

Вслед за этим поступило распоряжение об отмене запрещения государственным органам финансировать частные организации, предоставлявшие женщинам, не имевшим соответствующих страховок, услуги по проведению аборт. В маргинальных слоях населения мегаполисов восточного побережья, особенно в Нью-Йорке, эта инициатива была встречена с ликованием, хотя резко критиковалась профессионалами.

Первые мероприятия Обамы свидетельствовали, что он как во внешней, так и во внутренней политике будет исходить не из национальных интересов США, а из догматических левацких установок в сочетании со стремлением угодить малограмотной и агрессивной толпе, в первую очередь паразитическому классу. Мировая либеральная общественность восприняла эти акции как проявления «демократичности» нового президента. Дело дошло до того, что Обаме была присуждена Нобелевская премия мира за 2009 г. за «экстраординарные усилия в укреплении международной дипломатии, по созданию мира без ядерного оружия и сотрудничества между людьми», несмотря на то, что он еще никак себя не проявил. Сам лауреат, получив сообщение о награждении, не выразил восторга, а казался озабоченным. Пресса сообщила, что его дочь Малия, поздравив отца, особенно обрадовалась тому, что дата присуждения совпала с днем рождения ее собаки. СМИ весьма сдержанно комментировали информацию, высказывая убеждение, что решение является по крайней мере преждевременным. Тем не менее Обама отправился в Осло и в торжественной обстановке получил премию 10 декабря 2009 г., заявив, что передаст соответствующую сумму «сиротам и бедным». Информация, куда и кому именно была эта сумма направлена, не публиковалась, по всей видимости, Обама сразу забыл о своем намерении.

Несмотря на получение Нобелевской премии мира, Обама почти не занимался глобальными международными проблемами. Собственно говоря, и в области внутренней жизни страны его инициативы в основном носили пропагандистский характер, далеко не всегда будучи подкрепленными реальными возможностями в инженерном, научно-техническом или финансовом отношениях.

В апреле 2010 г. президент выступил с новой программой в области исследования космоса. К разочарованию специалистов НАСА, он объявил о прекращении финансирования разработок и подготовки новых полетов на

Луну, обосновав это необходимостью заниматься «земными делами». Правда, тут же, в противоречии с этим доводом, было заявлено о необходимости подготовки «миссии на Марс» с последующим созданием там международной космической станции. Это не было утопией, но специалисты утверждали, что программа может быть реализована лишь через десятилетия, Обама же говорил об экспедиции на Марс как о деле ближайшего будущего.

В ряде выступлений президента шла речь о предстоявшем повышении налогов на наиболее крупные состояния и доходы и в то же время о сокращении или отмене налогов на низкооплачиваемых, об уменьшении расходов американцев на медицинское обслуживание. Специалисты пожимали плечами, услышав взятые с потолка обещания Обамы, что к 2015 г. на дорогах Америки будет не менее одного миллиона автомобилей с электрическими двигателями, что 80 % транспортных средств будет пользоваться «чистой электроэнергией». На самом деле в 2018 г. в стране было приобретено чуть больше 200 тыс. электромобилей (из примерно 40 млн, то есть менее 0,5 %). Все эти заявления никак не подкреплялись законодательными инициативами.

Единственным крупным событием во внутренней политике было проведение через Конгресс в марте 2010 г. закона о реформе здравоохранения, официально названного актом о защите пациентов и доступности здравоохранения, а в печати получившего название обамакер (по аналогии с медикером). Советники, прежде всего Аксельрод, рекомендовали Обаме сосредоточить внимание именно на этом вопросе в связи с тем, что проблема охраны здоровья для значительной части населения оставалась крайне дорогостоящей, вызвала массовое недовольство. Отмечалось, что за последнее десятилетие стоимость медицинского страхования увеличилась примерно в два раза, тогда как существенного улучшения медицинского обслуживания не произошло. Это не вполне соответствовало действительности, поскольку в медицину стала широко внедряться дорогостоящая кибернетика, позволившая резко повысить уровень диагностики. Тем не менее именно здравоохранение оставалось главным объектом критики со стороны представителей бедного населения США. Их значительная часть не имела медицинской страховки и была вынуждена лечиться в бесплатных учреждениях, которые предоставляли значительно худшие услуги, нежели больницы, амбулатории и частнопрактикующие врачи, имевшие дело с застрахованными пациентами, в том числе по программам медикер и медикейд. В то же время стоимость бесплатных страховок для государства постоянно росла и

становилась все более тяжелым бременем для бюджета.

Главным содержанием закона, проведенного под давлением Обамы, было введение, начиная с октября 2013 г., обязательной медицинской страховки для всех граждан. При этом предусматривались крупные дополнительные субсидии для малоимущих. Помимо этого, работодателям и их страховым компаниям запрещалось отказывать в предоставлении страховых полисов или повышать их стоимость в связи с тяжелыми заболеваниями. Для того чтобы можно было приобрести страховку без помощи работодателей, создавались специальные биржи, причем устанавливался потолок, выше которого запрещалось поднимать стоимость полиса (от 3 до 9,5 % доходов клиента). Закон предусматривал штрафы для граждан, отказывавшихся приобретать медицинскую страховку (от 1 до 2 % дохода). Предполагалось, что в результате реализации реформы медицинскую страховку получат 95 % населения США (включая тех, кто имел бесплатную страховку по старости или нищете). Даже создатели нового закона понимали, что он неизбежно приведет к резкому увеличению бюрократии (подсчеты показывали, что аппарат составит не менее 400 тыс. рабочих мест).

Еще в период обсуждения «обамакера» и особенно после принятия развернулась его критика, в том числе профсоюзами, объединениями представителей малого бизнеса, частными лицами. Выражалась уверенность, что реализация закона разрушит существовавшую систему здравоохранения, повысит государственные расходы, в результате чего возрастет бюджетный дефицит. Закон критиковался и в связи с тем, что медицинское страхование рассматривалось как товар, в продажу которого государству не надлежало вмешиваться. Вызывала возмущение обязательность страховки, введение штрафов для тех, кто отказывался приобретать полисы.

В июне 2012 г. Верховный суд США принял решение, что некоторые положения закона (введение штрафов за отказ приобрести страховку, расширение бесплатного страхования) либо не соответствуют Конституции США, либо относятся к правам штатов. В связи с этим в следующие годы в закон были внесены небольшие исправления: из него было исключено слово «штрафы», хотя обязательная покупка страховых полисов сохранена. Практическая реализация «обамакера» привела к повышению стоимости медицинских страховок и в целом медицинского обслуживания, вызвав недовольство главным образом со стороны среднего класса. В январе 2017 г., когда уже был избран новый президент США Дональд Трамп, но старый президент Барак Обама еще стоял у власти, Конгресс приступил к

рассмотрению вопроса об отмене «обамакера».

По инициативе Обамы и его кабинета в США развернулась шумная пропагандистская кампания ЛГБТ-сообщества, объединяющего лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров. Это движение возникло в конце 60-х гг. и вначале ставило целью добиться общественного признания возможности различных сексуальных ориентаций. Однако благодаря поддержке либеральных сил движение стало требовать признания законом гомосексуальных браков, усыновления (удочерения) детей однополыми семьями и т. д. Стали проводиться гей-парады. Привлекая на свою сторону ЛГБТ-сообщество, Обама стремился расширить базу своих избирателей.

Проведение в жизнь этого курса было начато с принятия в декабре 2010 г. по инициативе президента и секретаря по обороне Гейтса закона о разрешении лицам нетрадиционной ориентации служить в вооруженных силах на равных правах с остальными. Обама был фактическим инициатором постановки перед Верховным судом в 2015 г. вопроса о признании законными однополых браков. Принятое 26 июля 2015 г. пятью голосами против четырех решение гласило, что все штаты обязаны выдавать брачные сертификаты однополым парам и признавать такие сертификаты, выданные другими юрисдикциями. До этого решения и после него соответствующие законы о легализации однополых браков были приняты в большинстве штатов. В любом случае своей поддержкой однополых браков и в целом прав ЛГБТ-сообщества Обама явно выиграл, ибо, согласно данным опросов, в пользу того и другого высказываются более 60 % американцев. С этим была вынуждена считаться Республиканская партия, которая ранее выступала за существенное ограничение прав ЛГБТ.

В начале 2009 г. сперва госсекретарь Клинтон, а затем президент Обама совершили заграничные поездки, на которых провозгласили начало «новой эры» во внешней политике США, прежде всего по отношению к странам арабско-исламского мира. Хотя на словах провозглашалось, что США будет продолжать борьбу с международным терроризмом, на деле это означало приглашение исламских режимов, прежде всего иранской клерикально-тоталитарной системы, к добросердечному диалогу. Патриотический акт, принятый при Буше-младшем, пока не отменялся, но дело шло к этому.

Ситуацию Обамы, с одной стороны, усложнило, а с другой, облегчило то обстоятельство, что американские спецслужбы, как часто бывает в подобных случаях, перестарались. Оказалось, что они вели электронную слежку не только за потенциальными противниками, но и за ближайшими

союзниками, в том числе главами западноевропейских государств. Соответствующие сведения передал в прессу сотрудник Агентства национальной безопасности США Эдвард Сноуден в июне 2013 г. По данным Пентагона, Сноуден похитил более 1,5 млн секретных файлов, в том числе связанных с операциями Армии США. Но главное, опубликованные им данные могли серьезно испортить отношения США с европейскими союзниками. Бежавшему за пределы США, а затем получившему убежище в России Сноудену были предъявлены обвинения в разглашении государственной тайны, шпионаже и похищении государственной собственности.

Страсти еще более разгорелись в связи с раскрытиями австралийского журналиста Джулиана Ассанжа. В 2006 г. он основал в Швеции сайт Викиликс, на котором стал публиковать сверхсекретные материалы спецслужб ряда держав, в том числе США. Масса документов касалась войн в Афганистане и Ираке, в том числе свидетельствовавших о расстрелах мирных жителей. Опасаясь ареста, Ассанж переехал из Швеции в Лондон, но там ему угрожала выдача шведским властям, и он укрылся в посольстве Эквадора, где оставался на момент написания книги, которая сейчас находится в руках читателя. Опубликованные им документы привели к раскрытию большого числа американских разведчиков в ряде стран, к их аресту или убийству. В сентябре 2012 г. по указанию президента Ассанж был признан «врагом США», а это означало, что власти США могут потребовать его выдачи, если он покинет территорию посольства. Хотя Ассанж всячески скрывал имена своих информаторов, американским спецслужбам удалось установить, что одним из них являлся рядовой армии США Брэдли Мэнинг, служивший в Ираке и занимавшийся анализом секретной информации. Его арестовали и приговорили к 35 годам заключения. В тюрьме он заявил, что чувствует себя женщиной. Американские судебные власти разрешили ему смену имени на женское Челси и прохождение курса гормональной терапии с целью развития женских признаков. Мэнинг знал/знала, что делал/делала. Челси стала знаменитостью, давала интервью из тюремной камеры, а в начале 2017 г. президент Обама объявил о ее помиловании. При этом она осталась в рядах Армии США. Обама также хорошо понимал, что делал. Проявленное «человеколюбие» к военному служащему, шпионившему против своей страны, не подорвало, а, наоборот, повысило его рейтинг в бедных слоях населения, в ЛГБТ-сообществе, в кругах, страдающих повышенной политкорректностью.

Раскрытия Сноудена и Ассанжа дали Обаме основание поставить

вопрос об отмене Патриотического акта. Он действовал через связанных с Белым домом конгрессменов, которые в октябре 2013 г. внесли проект замены Патриотического акта Актом о свободе. Это было название неофициальное, внесенный законопроект назывался «Об объединении и укреплении Америки путем осуществления прав и прекращения подслушивания, сбора сведений и материалов по электронным средствам». Закон носил компромиссный характер и был принят лишь после того, как выражавшие позицию президента депутаты пошли на некоторые уступки. Он был утвержден Палатой представителей в мае, а Сенатом в июне 2015 г. и тотчас подписан президентом. Закон вводил ограничения на электронную слежку внутри страны и за рубежом, но не запрещал ее полностью. Спецслужбам не разрешалось изымать по своему усмотрению данные из электронных коммуникаций, им необходимо было получить санкцию суда. Агентство национальной безопасности, ЦРУ и другие органы разведки могли получать только ту информацию, которая была им необходима для борьбы с терроризмом. Однако доступ к такой информации был крайне затруднен введенными бюрократическими рогатками.

Обама опубликовал обращение к правительству и народу Ирана, выдержанное в дружеских тонах и, по существу дела, означавшее разрыв с политикой осуждения фундаменталистского режима. Президент фактически игнорировал факт, что в Иране шла подготовка к созданию ядерного оружия, а иранские религиозные лидеры выступали с агрессивными заявлениями, которые до этого решительно осуждались официальным Вашингтоном. Подготовительные шаги вели к завершению переговоров с Ираном, которые то возобновлялись, то прекращались на протяжении длительного времени. В них участвовали США, Великобритания, Франция, Россия и Китай, стремясь заключить с Ираном такое соглашение, которое гарантировало бы его отказ от создания ядерного оружия. Лишь при этом условии предполагалось снять с Ирана санкции, наложенные в предыдущие годы. Обама настаивал на скорейшем подписании соглашения, и документ под названием «Совместный всеобъемлющий план действий» был утвержден 15 июля 2015 г. Иран обязался вести работы в области ядерной энергии только в мирных целях, большая часть иранского обогащенного урана должна была быть вывезена за пределы страны, на ядерные объекты Ирана допускались представители Международного агентства по ядерной энергии. В ответ страны, вступившие с Ираном в соглашение, обещали поэтапно снять санкции.

Хотя соглашение было подписано после десяти лет переговоров, на последнем этапе оно вырабатывалось в спешке и не содержало

необходимых мер контроля, которые обеспечили бы реальное прекращение Ираном разработок ядерного оружия. К тому же в соглашении вообще ничего не было сказано об иранских средствах доставки оружия массового уничтожения, то есть о ракетной программе. Руководству США, прежде всего президенту, было хорошо известно, что в Иране продолжают секретные работы в области ядерного оружия под кодовым названием «Амад». Сведения об этом были получены разведывательными службами Израиля, захватившими в окрестностях Тегерана целый склад документации. Тем не менее президент Обама сделал вид, что никаких данных не получал. Сходную позицию заняли и правительства других стран. Более того, непосредственно после подписания соглашения по решению Обамы государственные службы США тайно предоставили Ирану доступ к американской финансовой системе, несмотря на неоднократные публичные заверения, что это не произойдет. Представители Госдепартамента и Департамента казначейства США провели ряд встреч с иранскими официальными лицами, тем самым переводя Иран из числа страны-изгоев в статус равноправного международного партнера.

Уже в начале своего президентства Обама объявил о «перезагрузке» отношений США с Россией, которые существенно ухудшились при предыдущем президенте в связи с введением российских войск в Южную Осетию. Здесь, правда, не обошлось без анекдотического казуса, виновной в котором была Клинтон, подарившая на переговорах с российским министром иностранных дел С. В. Лавровым ему кнопку красного цвета, где по-русски вместо слова «перезагрузка» было написано «перегрузка». Впрочем, каких-либо существенных изменений в американо-российских отношениях вначале не произошло. Обама дважды посещал Москву, но какие-либо важные документы во время встреч подписаны не были. Американская пресса комментировала, что Обаму в России ожидала «холодная учтивость».

Во время встречи Обамы и президента России Д. А. Медведева в апреле 2010 г. в Праге был подписан договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, который в США получил название *New START*, а в России — СНВ-III. Он вступил в силу 5 февраля 2011 г. Заключенный на десять лет с возможным продлением на пять лет в случае согласия обеих сторон (и далее на каждые пять лет), договор предусматривал сокращение ядерных боезарядов до 1550 единиц, межконтинентальных баллистических ракет, ракет на подводных лодках и тяжелых бомбардировщиков — до 700 единиц. По

данным обеих стран, договор в основном выполнялся, хотя на 2013 г. США обладали 1654 ядерными зарядами против 1480 у России и 930 единицами СНВ против 816 российских.

Отношения между США и Россией стали резко ухудшаться после свержения в Украине президента В. Ф. Януковича в 2014 г. Присоединение Крыма к Российской Федерации в США расценили как нарушение международных соглашений и ввели экономические санкции. В ответ были объявлены контрсанкции, и общий климат двусторонних отношений значительно ухудшился.

Хотя Обама проявлял явную симпатию к арабско-исламским странам, ему пришлось включиться в международную борьбу против новой террористической исламистской угрозы — так называемого Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), название которого позже было сокращено до Исламского государства. Тогда как большинство наблюдателей обоснованно связывают возникновение и первоначальные успехи ИГИЛ с осуществленным по приказу Обамы уходом американских войск из Ирака, сам он обвинял в ее возникновении и усилении своего предшественника Дж. Буша. Для борьбы против ИГИЛ была сформирована коалиция стран НАТО.

Во время президентства Обамы относилось уничтожение в Пакистане лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена, который был убит в результате рейда американских сил специального назначения 2 мая 2011 г. Получив сообщение о смерти бен Ладена, Обама выступил с обращением к нации, в котором подчеркнул свою личную роль: «Сегодня по моему указанию США провели целенаправленную операцию... Небольшая группа американцев провела операцию с необыкновенным мужеством и профессионализмом. Американцы не пострадали. Они также позаботились о том, чтобы избежать жертв среди гражданского населения. После перестрелки они убили Усаму бен Ладена и подобрали его тело». Уничтожение террориста было позитивно оценено подавляющим большинством американцев.

После драматической избирательной кампании 2016 г., в результате которой победы добился республиканец Дональд Трамп, Обама, вопреки обычаю, не стал возвращаться в те места, где он жил до избрания (в данном случае в Чикаго), а остался жить в столице. Он хотел оставаться в центре политических дебатов, оказывать влияние на Демократическую партию и способствовать продвижению ее деятелей на руководящие места в законодательных и исполнительных органах власти.

Он продолжает высказываться по вопросам внутренней и внешней

политики, жестко критикует Трампа и предпринимает разнообразные меры, чтобы его скомпрометировать не только как государственного деятеля, но и как предпринимателя, и как личность. После каждой значительной политической инициативы Трампа Обама выступает с ее осуждением, сравнивая со своими действиями, естественно, представляя свои акции в положительном свете. В одном из своих выступлений в декабре 2017 г. он даже сопоставил Америку времен Трампа с нацистской Германией. Подобное поведение решительно расходится с обычаями и этическими нормами США.

Еще в 2014 г. в Чикаго был основан Фонд Обамы, который приступил к практической деятельности после его отставки. В качестве основной задачи фонда рассматривается создание Библиотеки и музея Обамы в южной части Чикаго. В начале 2018 г. фонд объявил о создании стипендий Обамы в Чикагском университете. Появившееся тогда же сообщение о предстоящем выходе мемуаров самого Обамы и его жены сопровождалось информацией о рекордных гонорарах. Вышедшая в ноябре книга Мишель Обамы «Становление» разошлась за месяц гигантским тиражом в 1,5 млн экземпляров. Можно полагать, что столь же значительным событием станут мемуары бывшего президента.

Основные издания:

Ремник Д. Мост: Жизнь и карьера Барака Обамы. М., 2012.

D'Souza D. The Roots of Obama's Rage. New York, 2010.

Klein E. The Amateur: Barack Obama in the White House. New York, 2012.

Maraniss D. Barack Obama: The Story. New York, 2012.

McClelland E. Young Mr. Obama: Chicago and the Making of a Black President. New York, 2010.

Mendel D. Obama: From Promise to Power. New York, 2007.

ДОНАЛД ТРАМП

Родился 14 июня 1946

**45-й президент:
с 20 января 2017**

«Мое правительство».

Карикатура на Д. Трампа

Дональд Джон Трамп (*Donald John Trump*) пришел к руководству страной из бизнеса. Он привнес в американскую политическую жизнь навыки той среды, в которой вращался и играл немалую роль в течение десятилетий. Он не имеет весьма распространенного среди политиков юридического или другого гуманитарного образования, зато превосходно владеет обычаями рыночного торга — назначения заведомо завышенной цены с дальнейшими уступками в достижении компромисса, если не вполне устраивающего все стороны, то во всяком случае приемлемого.

Трамп не научился тщательно маскировать мысли и оценки, подчас высказывает их в резкой и даже грубоватой форме. В значительной степени Трамп победил на выборах 2016 г. благодаря тому, что вслух произносил то,

о чем думали миллионы американцев, но боялись произнести. Он и его сторонники открыто выступили против пресловутой политкорректности, которая в большинстве случаев представляет собой лицемерие или стремление скрыть неблагоприятные для той или иной группы факты под благопристойным фасадом.

Писать очерк о действующем президенте США — задача неблагодарная. Авторы отлично сознают, что вступают на зыбкую почву современной истории и даже политологии, при том, что оценки и выводы могут кардинально измениться в результате новых поступков и раскрытия фактов ближайшего прошлого, в настоящее время находящихся под завесой секретности. Все то, о чем рассказывается в этом очерке, ограничивается данными на конец 2018 г.

Нынешний президент США происходит по отцовской линии от немцев и от шотландцев со стороны матери. Родители его отца эмигрировали за океан из Европы в конце XIX в., мать — уже в веке XX. Дед Дональда по отцовской линии Фридрих Трамп стал американским гражданином в 1892 г., поменяв свое имя на Фредерик. Он жил на западном побережье, в Сиэтле, занимался бизнесом и разбогател во время золотой лихорадки, открыв несколько ресторанов и отелей с низкими ценами. В 1905 г. он переселился в НьюЙорк, где продолжал заниматься гостинично-ресторанным бизнесом.

Родившийся в 1905 г. отец Дональда Фред пошел по стопам отца, хотя почти сразу после вступления в бизнес изменил его профиль. Уже в юности, в 1923 г., он основал строительную компанию, которая действовала в нью-йоркских районах Квинс и Бруклин. Фирма строила главным образом небольшие дома, одноэтажные и двухэтажные особняки для частных владельцев, выполняла заказы государства, штата и города на строительство солдатских казарм и других помещений. Фред воспользовался созданием по инициативе президента Франклина Рузвельта Федерального управления жилищного строительства, которое выдавало субсидии на жилье малоимущим. Его фирма строила дома по казавшейся очень низкой цене — 4 тыс. долларов без одного цента. Связано это было с тем, что начиная с 4 тыс. долларов увеличивался налог и на строительную компанию, и на потребителей, и цена 3999,99 была выгодной обеим сторонам.

Когда началась Вторая мировая война, Фред Трамп то ли из патриотических чувств, то ли просто из осторожности объявил, что он не немец, а швед, и полностью поддержал военные усилия против гитлеровской Германии, неоднократно приобретая облигации госзаймов и

давая деньги на благотворительные акции в пользу Армии США. В годы войны фирма Трампа занималась в основном строительством жилья для военнослужащих, а после войны выстроила крупный жилой комплекс Трамп Виллидж стоимостью в 70 млн долларов.

Матушка Трампа Мэри-Энн МакЛауд (иногда ее девичья фамилия произносилась как МакЛиод) родилась в Великобритании, на острове Льюис (группа Внешних Гебридских островов, относящихся к Шотландии). В 1930 г. в возрасте 18 лет она эмигрировала в США, жила в Нью-Йорке, работала служанкой и няней в богатых домах. Случайно познакомившись с Фредом, она сблизилась с ним, а в 1936 г. они поженились. В семье родились две дочери и трое сыновей. Старшая дочь, Мэри-Энн, стала судьей (она мать известного психолога и писателя Дэвида Десмонда), младшая дочь и младший сын занялись предпринимательством, второй сын избрал профессию летчика. Дональд был четвертым ребенком и вторым мальчиком в этой семье.

Он родился в части Квинса Джамаике (по названию залива, омывающего эту территорию). Уже в раннем детстве родители отдали Дональда в частную школу Кью-Форест, которая была своеобразным учебным заведением, так как учились в ней дети, начиная с 4–5 лет до неполного среднего образования — на уровне 7-го класса публичной школы. Это было привилегированное платное учебное заведение с высокими требованиями к знаниям и творческому мышлению учеников. В то же время школа предоставляла ученикам свободное время, когда они могли заниматься чем угодно по своему вкусу. Возвращались домой они только по вечерам.

Школу Кью-Форест Дональд не окончил. Родители забрали его из этой школы за год до окончания, узнав, что мальчик вместе с друзьями несколько раз отправлялся в Манхэттен без их разрешения. Считая это не только проступком со стороны сына, но и плохим контролем над воспитанниками, они решили, что Дональд должен продолжать обучение в таком заведении, где действует полувоенная дисциплина. В возрасте 13 лет родители отправили сына в школу-интернат под названием Нью-Йоркская военная академия.

Несмотря на название, академия не была военным учебным заведением. Это была частная платная полувоенная школа в небольшом городке Корнуолл примерно в 100 км к северу от города Нью-Йорка. Основанная в 1889 г. бывшими участниками Гражданской войны, школа обучала во времена Трампа только мальчиков. Основатели полагали, что военная служба и дисциплина являются наилучшей средой для подготовки

юношей к успешной карьере и поступлению в университеты. В школе считали даже, что одним из залогов будущих успехов учеников является хорошая строевая подготовка.

Школьники, которых называли кадетами (а классы — батальонами), поднимались в 6 часов утра. Ровно в 10 вечера был отбой, после которого не разрешалось покидать общежитие, напоминавшее солдатскую казарму. Считалось своего рода подвигом тайком выйти из казармы и отправиться посреди ночи на берег протекавшей неподалеку реки Гудзон, а еще бóльшим достижением было подойти к находившейся в 10 км подлинной военной академии, к знаменитому Вест-Пойнту и пообщаться с курсантами.

Вначале такой характер занятий нравился Дональду, который под влиянием родителей считал, что в прежней школе его слишком разбаловали. Он усердно занимался, играл в футбольной и бейсбольной командах, а однажды даже участвовал в параде на Пятой авеню в Нью-Йорке по случаю какого-то праздника. Обучение в «военной академии» продолжалось четыре года. Постепенно жесткая дисциплина и характер обучения, при котором надо было не размышлять, а зазубривать то, что преподносилось учителями, все более раздражали юношу. У него пробуждались другие, противоречивые интересы. С одной стороны, он хотел продолжить родительский бизнес и особое внимание уделял экономическим дисциплинам, в частности товарно-денежным отношениям и тактике заключения сделок. С другой стороны, он старался не пропускать новые голливудские фильмы (что не очень поощрялось в академии). Сознавая, что он вырос в представительного и привлекательного юношу, он подумывал о поступлении в какое-либо заведение, готовящее киноактеров. Возобладал бизнес, но интерес к поп-культуре и шоу-бизнесу в дремлющем состоянии сохранялся и позже дал себя знать в некоторых инициативах Дональда, стоявших на грани предпринимательства и искусства. В своей первой книге «Искусство заключать сделки» (1987) Трамп весьма критически отзывался о своем школьном обучении (впрочем, как и о последующем университетском). Он писал: «После окончания Нью-Йоркской военной академии в 1964 г. я подумывал о поступлении в киношколу, но в конце концов решил, что недвижимость — это более прибыльный бизнес».

Трамп был не совсем прав. В 1964 г. он поступил в Фордхемский университет в Нью-Йорке — частное высшее учебное заведение, основной кампус которого расположен в Бронксе. Хотя университетом руководят католические прелаты, он отличается свободомыслием, которое не

пресекается, а поощряется академическим советом. Трампу, однако, не понравилось, что, уделяя слишком большое внимание «свободным искусствам», под которыми понимались не искусства, а гуманитарные дисциплины, университет не силен в экономических науках. Проучившись в Фордхемском университете два года, он в 1966 г. перевелся в Пенсильванский университет, частью которого была Уортонская школа бизнеса. Расположенная в Филадельфии, она является крупнейшим высшим учебным заведением, специализирующимся в области финансов, страхового дела, маркетинга, менеджмента, недвижимости и др.

Естественно, Дональд специализировался в области недвижимости, избрав в качестве второй специализации финансы. Он окончил Уортонскую школу в 1968 г. со степенью бакалавра экономики. Во время учебы он работал в семейной фирме, обогащая теоретические знания практическими навыками. Судя по книге, которую мы уже цитировали, именно торговые переговоры, заключение сделок, нахождение наилучших покупателей и заказчиков привлекали Дональда в наибольшей мере.

Во враждебной Трампу прессе можно встретить утверждение, что он всячески избегал призыва на военную службу. Это не так. Поступив в Пенсильванский университет, он получил отсрочку до окончания обучения. В 1966 г. во время медицинской проверки он был признан годным и мог быть призван в армию через два года. Именно мог, а не должен, так как в США действовала сложная система отбора, на основе которой призывались наиболее подготовленные молодые люди, причем учитывалось их желание служить. Такая практика была подготовкой к переходу к контрактной армии в 1972 г.

Когда Дональд окончил университет, он получил новую отсрочку от призыва, на этот раз по медицинским показаниям. В течение некоторого времени он чувствовал сильные боли в пятках, которые подавлял лекарственными средствами, не обращаясь к врачам. Когда же проходила очередная медицинская проверка, был обнаружен плантарный фасциит обеих ног — заболевание, которое в просторечии называют шпорами в пятках. Дональд был освобожден от военной службы кроме чрезвычайного положения в национальном масштабе. После «военной академии» Дональд явно не любил все, что относилось к армейской службе. Но он исправно проходил медицинские комиссии и от возможного призыва не уклонялся. Так что в армии Трамп действительно не служил, но отнюдь не потому, что уклонялся от службы.

В 1968 г. Трамп полностью включился в отцовский бизнес, связанный в основном со строительством зданий и их дальнейшей эксплуатацией

путем сдачи внаем квартир и целых домов, а в некоторых случаях и их перепродажи. В 1971 г. его отец Фред в основном отошел от дел, заняв пост председателя совета директоров. По его рекомендации Дональд стал ее президентом, а компания получила название «Организация Трампа».

Еще в то время, когда компанией руководил Фред, и особенно после того, как ее возглавил Дональд, стали возникать конфликты с левыми общественными организациями, связанные с тем, что Трампы якобы отказывали в сдаче квартир и других помещений в аренду тем или иным лицам на основании цвета кожи. Сами Трампы и их адвокаты доказывали, что речь шла не о цвете кожи, а о том, что стоимость аренды была высокой, и компания опасалась, что лица с низким доходом окажутся несостоятельными должниками. Логика была элементарной: лучше отказать в сдаче помещения, чем потом вести утомительные, дорогостоящие судебные разборы. Положение осложнилось в 1973 г., когда по жалобам афроамериканцев Департамент юстиции начал расследование фактов отказа «Организацией Трампа» в сдаче квартир в аренду по расовым признакам. Трамп представил документы, что в жилых домах компании квартиры повышенной комфортности были дорогими, а некоторые лица, пытавшиеся их получить, не обладали необходимыми средствами. Были представлены сведения и об афроамериканцах, снимавших у компании дорогие апартаменты. Стало ясно, что левачские афроамериканские организации занимаются провокацией. Конфликт с Департаментом юстиции завершился в 1975 г. соглашением, по которому в качестве посредника между «Организацией Трампа» и афроамериканцами была привлечена Национальная городская лига — умеренное объединение чернокожих, отстаивавшее их права и интересы. Лига проверяла платежеспособность возможных клиентов, а Трамп принимал на веру ее рекомендации. Так Дональд продолжал учиться не только наступательной агрессивности, но и компромиссам, которые не вредили бизнесу.

С 1978 г. Трамп приступил к масштабным строительным инициативам на Манхэттене. Начал он с того, что купил старый и запущенный отель «Коммодор», расположенный в центре города, рядом с Центральным вокзалом. Перестроив гостиницу (фактически почти полностью разрушив, оставив лишь фундамент), Трамп при помощи займа у гостиничной фирмы «Хайятт» возвел новый крупный отель, получивший имя «Гранд-Хайятт».

В 1980 г. городские власти предоставили Трампу право на возведение жилищно-гостинично-делового небоскреба в Манхэттене. Строительство 58-этажного здания на Пятой авеню, вновь в центральной части города, было завершено в 1983 г., что считалось рекордными сроками. На крыше

здания, получившего название «Башня Трампа» (*Trump Tower*), располагался пентхаус Дональда: трехэтажный дом на крыше небоскреба своим богатством и роскошью должен был служить символом процветания. Стоимость пентхауса, из окон которого открывается вид на Центральный парк Нью-Йорка, оценивается примерно в 100 млн долларов. После избрания Трампа президентом в прессе появились многочисленные статьи о «доме на крыше небоскреба», где он сравнивался со значительно более скромным Белым домом. Все здание, спроектированное известным архитектором Дерром Скутом и построенное под руководством Барбары Рес, первой женщины, возглавлявшей в США крупное строительство (она затем продолжала сотрудничество с Трампом в реализации новых проектов), было оценено в прессе как «первый сверхроскошный небоскреб в Нью-Йорке». В «Башне Трампа» разместилось руководство его организации, его личные деловые помещения. Здание стало своего рода символом богатства и влияния. Именно здесь он объявил о своем вступлении в президентскую кампанию, о своей победе на выборах, провел первую пресс-конференцию в качестве президента США.

«Организация Трампа» осуществляла много масштабных и престижных проектов. В рекордно краткие сроки был построен каток в Центральном парке. Дональд все более успешно пользовался рекламой для привлечения новых клиентов. Строительство катка было особенно широко использовано в этом смысле, причем всячески подчеркивалось, что из запланированных на него 3 млн долларов в действительности было использовано всего 2,3 млн. Попытка назвать каток собственным именем была, однако, отклонена городскими властями. Тем более важным Трамп считал размещение на различных помещениях катка надписей и символов, свидетельствовавших о том, кем именно было осуществлено строительство.

Что же касается других зданий, то почти все они так или иначе содержали в своем названии фамилию строителя и собственника. Особенно важным в этом отношении была инициатива приобретения и перестройки здания в той части Нижнего Манхэттена, которая традиционно считалась центром американского финансового рынка, тем более на улице под весьма показательным названием Уоллстрит. Здесь Трамп приобрел небоскреб в 71 этаж, который принадлежал Банку Манхэттена, но был оставлен владельцами и теперь пустовал. Здание было перестроено. Трамп планировал его затем продать, однако возможных покупателей отпугивали заоблачные цены. Так здание и осталось в собственности Трампа. «Здание Трампа» (*The Trump Building*) было приспособлено под богатые квартиры,

которые стали сдаваться весьма состоятельным предпринимателям и людям искусства, которых соблазнял уже сам адрес: Уоллстрит, 40.

Строились здания и за пределами Нью-Йорка. В городе игорных домов Атлантик-Сити (штат Нью-Джерси) «Организация Трампа» построила гостиничный небоскреб «Трампа Тадж-Махал» с несколькими игорными залами, ресторанами и театром, в котором регулярно выступают знаменитые актеры и другие исполнители. Вслед за этим в Атлантик-Сити были построены еще два отеля с казино, принадлежавшие Трампу. Часть средств, израсходованных на эти стройки, была, в соответствии с финансовыми обычаями и нормами США, заемными: выпускались акции и облигации, собственники которых фактически становились совладельцами.

Активнейшая предпринимательская деятельность отнюдь не обходилась без трудностей, порой ставивших Трампа на грань разорения. В 1989 г. в условиях финансового кризиса «Организация Трампа» не смогла погасить долги по займам. Пришлось взять новые займы, отчасти погасить, отчасти отсрочить выплату нараставших долгов. В 1991 г. Трамп был вынужден объявить о банкротстве своего бизнеса в Атлантик-Сити, поговаривали даже о личном банкротстве. Все же банки, которым был должен Трамп, и крупные индивидуальные держатели облигаций «Организации Трампа» согласились реконструировать его долги. Помощь в освобождении от финансовых обязательств оказала передача 50 % акций трамповского «Тадж-Махала» в Атлантик-Сити (в его строительство было вложено около 1 млрд долларов) кредиторам в обмен на снижение суммы долга и отсрочку выплаты. При этом Дональд был вынужден отказаться от таких дорогих «предметов быта», как собственные яхта и самолет.

К 1994 г. Трамп смог в основном погасить свой немалый личный долг в 900 млн долларов и значительно уменьшил долг своего бизнеса, составлявший 3,5 млрд долларов. Он проявил способности выходить из крайне затруднительных финансовых ситуаций. Каждый раз путем продажи акций и облигаций, договоренности об отсрочке выплаты, новых займов, подчас рискованных, но в конце концов оправдавших себя, он становился победителем. Опыт в бизнесе, умение с выгодой для себя и для потребителя обращаться с миллиардными средствами был свидетельством росшей готовности Дональда Трампа к тому, чтобы заняться политикой. Не соответствуют действительности утверждения тех медиа, которые, стремясь любой ценой опорочить нынешнего президента, утверждают, что он «обманным путем» объявлял себя банкротом и, освобождаясь от долга, «обкрадывал американский народ». На самом деле имели место лишь несколько случаев банкротства отдельных предприятий, принадлежавших

его корпорации, что происходит в крупном бизнесе сравнительно часто.

С конца 90-х гг. «Организация Трампа» активизировала свою деятельность, предприняв ряд крупных строительных проектов под общим названием «Международный отель и башня Трампа». Небоскребы-отели были построены в Вашингтоне, Чикаго, Форт-Лодердейле и Тампе (оба в штате Флорида), в канадских городах Торонто и Ванкувере, в Баку (Азербайджан), Сеуле (Южная Корея) и других местах. Экономический кризис 2007–2008 гг. затронул бизнес Трампа, хотя не привел к его разорению, как пророчили недоброжелатели.

В то же время постепенно внимание Дональда отвлекалось на другие направления. В течение нескольких лет с начала 90-х гг. он присматривался к проведению популярного конкурса «Мисс Вселенная», который претерпевал изменения: от демонстрации только физической красоты девушек собственники и организаторы переходили к введению интеллектуальных соревнований участниц, которые должны были проявить смекалку и чувство юмора. Отчасти сохранялся и прежний формат. В 1995 г. конкурс оказался на грани банкротства, так как по разным причинам (организационным, финансовым и др.) от участия в нем отказались ряд бывших спонсоров. В этих условиях в начале 1996 г. Трамп вложил необходимые суммы в проведение конкурса, стал его владельцем и переместил административные учреждения «Мисс Вселенной» в НьюЙорк. Во главе проведения конкурсов Трамп поставил американского продюсера Полу Шугарт, которая стала президентом самостоятельной «Организации Мисс Вселенная», капитал которой состоял из нескольких миллиардов долларов (точные сведения о финансовом положении компании не оглашались). Выпущенные акции организации приносили хорошие дивиденды. Были внесены существенные изменения в формат, в частности установлена тесная связь с модельным делом и телеканалами США и других стран. Зрители получили право путем компьютерного голосования избирать одну из участниц полуфинала. Победительница конкурса объявлялась послом доброй воли и принимала на себя обязательство посещать различные страны, пропагандируя борьбу со СПИДом, злокачественными опухолями и др.

В ноябре 2013 г. конкурс «Мисс Вселенная» был проведен в Москве, в связи с чем Трамп побывал в российской столице, общался с конкурсантками и зрителями, выразил удовлетворение тем, как был организован и прошел конкурс, победительницей которого оказалась представительница Венесуэлы Габриэла Ислер. Велись также переговоры о строительстве в Москве «Башни Трампа».

Во время предвыборной кампании и после избрания Трампа президентом его противники стали распространять слухи о неких тайных переговорах Трампа в Москве и чуть ли не о связях его с российскими спецслужбами. По этому поводу ФБР сообщило, что «не смогло установить подлинность сведений, изложенных в упомянутых материалах». Во всяком случае, бывший директор ФБР Джеймс Коми утверждал, что Трамп «зачем-то» оставался «одну ночь» в Москве после конкурса, чего сам Дональд не отрицал: велись переговоры о возможном строительстве башни, которые ни к какому результату не привели. Основным средством дискредитации стало так называемое «досье Стила» — папка «документов», подготовленных по договоренности с ФБР за крупную сумму бывшим сотрудником британской разведки Кристофером Стиллом. Как оказалось, это были свидетельства либо вообще не существовавших лиц, либо тех, кто от своих «показаний» откrestился. «Досье Стила» фактически было признано американскими спецслужбами фальшивым, но тем не менее стало исходным моментом в расследовании связей Трампа с Москвой, проводимым комиссией спецпрокурора Роберта Мюллера.

В 2007 г. Дональд Трамп был удостоен большой чести — на Аллее Славы в Голливуде, на Голливудском бульваре в каменную плиту была вмонтирована посвященная ему пятиконечная медная звезда за заслуги в организации конкурса «Мисс Вселенная». Полное переключение Трампа на политическую деятельность в связи с выдвижением его кандидатуры в президенты было главной причиной отказа от дальнейшего участия в конкурсах «Мисс Вселенная». Правда, и в данном случае политические противники не успокаивались. В связи с тем, что, вступая в президентскую кампанию, Трамп в середине 2015 г. объявил о намерении прекратить допуск в США нелегальных эмигрантов из стран Латинской Америки, от участия в конкурсе отказались Мексика и Панама, а венесуэльская Мисс Вселенная 1996 г. Алисия Мачадо обвинила Трампа «в грубом поведении». Обрадованные противники Трампа стали утверждать, что «Мисс Вселенная» поменяла владельца именно по причине латиноамериканского бойкота. На самом деле доля стран, объявивших бойкот, была мизерной, и Трамп расстался с «Организацией Мисс Вселенная» именно по причине вступления в президентскую гонку. Так завершилась деятельность Трампа, связанная с демонстрацией юных представительниц прекрасного пола на крупных международных конкурсах.

Впрочем, Дональд пробовал свои силы и в других областях, связанных со средствами информации и искусством. В 2003 г. он стал продюсером и ведущим передачи *Apprentice* (в переводе изначально ученик или

подмастерье, но в данном случае это слово трактовалось как кандидат) на телеканале Эн-Би-Си. Соревнующиеся вели борьбу за то, чтобы как можно лучше представить себя в глазах миллиардера и получить работу в его концерне. Трамп не представлял здесь свою организацию, он просто «играл роль», но эта роль была очень близка к реальности его бизнеса. Передачи продолжались до 2015 г., то есть до того времени, когда Трамп стал готовиться к выборам.

Пробовал свои силы Дональд и в кино, сыграв в 1985–2015 гг. в 12 фильмах и 13 сериалах второстепенные роли, в нескольких случаях — самого себя. Трамп продолжал привлекать этим внимание не столько к кино-и телепроизведениям, сколько к своей личности и своему бизнесу. И все же он вступил в Гильдию актеров кино и получал до избрания президентом пенсию в качестве «актера, ушедшего на покой».

До сих пор мы не упоминали о личной жизни Дональда, которая была столь же активной, как и его деловые предприятия. Ныне он женат третий раз. Первой женой была чехословацкая спортсменка-лыжница, а затем фотомodelь Ивана Зельничкова. Брак продолжался 15 лет, в нем родились дети Дональд-младший (1977), Иванка (1981) и Эрик (1984). Развод по обоюдному согласию произошел в 1992 г. в связи с тем, что Дональд увлекся американской актрисой Марлой Мейплз, с которой вступил в брак в 1993 г., в нем в том же году родилась дочь Тиффани. В 2005 г., через шесть лет после того как Трамп расстался с Марлой, он вступил в третий, нынешний брак. Его женой стала словенка Меланья Клаусе, родившаяся в югославском городе Ново-Место в 1970 г. — она младше Дональда на 24 года. Став профессиональной фотомodelью, Меланья с 16 лет выступала за рубежом, а затем переехала в США, где продолжала успешную карьеру. С Трампом она познакомилась в 1999 г., вскоре после этого стала его любовницей, чего ни он, ни она не скрывали. В 2006 г. у них родился сын Бэррон.

Кампания против Трампа не оставила в стороне и его нынешнюю жену. Стали распространяться слухи, что в 90-х гг. Меланья работала в компании эскорта, то есть была элитной проституткой. Против британской газеты «Ежедневная почта» (*Daily Mail*) был подан судебный иск, после чего редакция признала необоснованность слухов и прислала Меланье извинения. Что же касается другого обвинителя в том же «преступлении», журналиста Вебстера Тарпли, хорошо известного своими псевдосенсационными слухами (вплоть до того, что террористические нападения 11 сентября 2001 г. были организованы американским ВПК), то над ним просто смеялись. Тем не менее и против Тарпли был возбужден

судебный иск, и он вынужден был принести извинения и выплатить, по сообщениям прессы, основанным на информации Тарпли, «значительную сумму» в возмещение морального ущерба.

С бывшими женами Трамп сохранил добрые отношения, а дети от всех браков активно его поддерживают, участвуя как в его предпринимательской, так и в политической деятельности. У Дональда Трампа восемь внуков, так что продолжение его династии — то ли предпринимательской, то ли политической — гарантировано. После избрания на президентский пост Трамп отказался от участия в принадлежащем ему бизнесе и делегировал права на управление им сыновьям Дональду-младшему и Эрику. Дочь Иванка официально стала помощником президента, а ее муж Джаред Кушнер получил пост старшего советника администрации Белого дома.

Собственно говоря, интерес к политике на протяжении всей карьеры Трампа был неотделим от предпринимательской деятельности. При этом он несколько раз менял политические предпочтения. В 1987 г. он зарегистрировался как член Республиканской партии. При этом, независимо от официальной партийной принадлежности, позиции Трампа по ряду принципиальных вопросов оставались сходными. В 1987 г. в нескольких крупных газетах он поместил статью, основная мысль которой звучала так: «Америка должна прекратить тратить деньги на помощь тем странам, которые не желают позволить себе тратить средства на самооборону». Он одновременно высказывался за принятие мер по преодолению бюджетного дефицита, за установление мира в Центральной Америке и интенсификацию переговоров с СССР о ядерном разоружении. В публикации и в нескольких следующих выступлениях содержались призывы к тому, чтобы остановить нелегальную иммиграцию в США, а затем приступить к постепенному «выдавливанию» нелегалов из страны. На этом фоне рос авторитет Трампа. По данным Института Гэллапа, в декабре 1988 г. Дональд занимал 10-е место в списке наиболее уважаемых американских деятелей.

В следующем году Трамп на краткое время присоединился к Реформистской партии, основанной за несколько лет до этого, и решил участвовать от ее имени в президентских выборах 2000 г. Однако он очень скоро порвал с этой партией, заявив, что в ней участвует «всякий сброд», начиная с коммунистов и кончая куклуксклановцами, и в выборах не участвовал. Скорее всего, это было связано с тем, что опросы предрекали, что он получит не более 7 % голосов. В 2001 г., выразив несогласие с внешней политикой президента Буша, Трамп перешел к демократам. Он

обдумывал вопрос о выдвижении своей кандидатуры в 2004 г., но в борьбу так и не включился. На выборах 2008 г. он поддерживал кандидатуру МакКейна, хотя организационно к республиканцам не присоединился, и только после избрания Обамы, осудив этот выбор, в 2009 г. стал членом Республиканской партии. С этого времени он ежегодно вносил значительные пожертвования в фонд Республиканской партии.

Перед выборами 2012 г. Дональд несколько раз заявлял, что обдумывает возможность выдвижения своей кандидатуры, но вскоре оповестил, что выдвигаться не будет и поддерживает кандидата республиканцев М. Ромни. Неоднократные заявления о намерении баллотироваться, а затем отказ привели к тому, что в широких кругах почти прекратили рассматривать Трампа как реального кандидата, а его заявления расценивались как средство напомнить о себе, о бизнесе, о деятельности в художественной сфере.

Когда в прессе стали появляться слухи о вероятном выдвижении Трампа на выборах 2016 г., они вначале воспринимались недоверчиво. Но на этот раз Дональд действовал вполне серьезно. В 2014 г. он организовал исследовательскую группу, которая проводила опросы, анализ соотношения сил, политических настроений в различных регионах страны, определяя степень вероятности победы Трампа на этих выборах. О том, насколько основательно он относился к их возможному исходу, свидетельствует тот факт, что на работу исследовательской группы было израсходовано около 1 млн долларов.

О своем выдвижении на президентский пост Трамп объявил 16 июня 2015 г., то есть почти за полтора года до выборов. Выступая перед своими сторонниками и журналистами в «Башне Трампа» в Нью-Йорке, он сформулировал основной лозунг «Сделаем Америку вновь великой!», который был заимствован у Рональда Рейгана. Вместе с тем были поставлены и более конкретные задачи: борьба с нелегальной иммиграцией, возвращение на территорию США предприятий, функционирующих в других странах на американские деньги, и резкое увеличение за этот счет количества рабочих мест в США, сокращение государственного долга, подавление исламистского терроризма. Среди более конкретных предложений особенно часто говорилось о необходимости создания стены на границе с Мексикой, откуда фактически бесконтрольно на территорию США ежедневно переходили сотни и тысячи нелегальных иммигрантов, и временный запрет на въезд в США из некоторых мусульманских стран.

Хотя вначале в первичных выборах участвовали 17 кандидатов от

Республиканской партии, Трамп быстро выдвинулся и стал завоевывать номинацию в одном штате за другим. Уже к концу марта 2016 г. стало ясно, что он, скорее всего, станет партийным кандидатом.

Предварительные выборы происходили в атмосфере более острой политической борьбы, чем предыдущие кампании. Сторонники демократов пытались срывать собрания, на которых выступал Трамп. В ряде средств информации (прежде всего на телеканале Си-Би-Эс и в газете «НьюЙорк таймс») публиковались не просто враждебные, но в лучшем случае непроверенные, в подавляющем же большинстве клеветнические сведения о его прошлом, о его бизнесе и взглядах. Трамп высказался за отмену фактического, оправдываемого принципами демократии запрета на привлечение журналистов к суду по обвинению в клевете, что мотивировалось «свободой информации». Трамп и его сторонники призывали решительно отличать свободу интерпретации событий от подмены реальных фактов фиктивными версиями, за которые следует привлекать к уголовной ответственности.

Он напоминал в то же время о лицемерном поведении официальных представителей Демократической партии, которые под вымышленными предлогами преследовали активных критиков президента Обамы. В пример приводилась судьба публициста Д'Соуза, автора книги и фильма с острым критическим анализом жизни и деятельности Обамы, который был приговорен к заключению (правда, недолгому) и крупному штрафу по обвинению в нелегальном финансировании одного из кандидатов на выборах в Сенат. Трамп заявлял, что немедленно по вступлении в должность объявит о помиловании публициста, что и осуществил.

Трамп не стеснялся в выражениях. Некоторые его заявления, далекие от политкорректности, а подчас и не совсем точные, основанные не столько на анализе, сколько на подозрениях или личных впечатлениях, играли двойственную роль. Таковым, например, было его обвинение в адрес соседней страны: «Мексика отправляет нам своих людей, но они не отправляют лучших. Они шлют людей с проблемами, и они приносят нам эти проблемы». Это заявление встретило опровержение со стороны государственных деятелей самой Мексики. Трамп ответил на протесты, что он имел в виду не всю Мексику, а только ее правительство, которое стремилось вытолкнуть преступников в соседнюю страну. В самих США это заявление бичевали сторонники политкорректности и горячо одобряли широкие слои рядовых американцев, считавших нелегальных иммигрантов тягчайшим бременем для своей страны.

Не вполне взвешенные заявления Трамп делал и по другим вопросам.

При этом, в отличие от других кандидатов как Республиканской партии, так и представителей демократов, он не пользовался телесуфлерами и даже не использовал какие-либо тезисы, а говорил то, что считал нужным, исходя из собственных убеждений, часто просто спонтанно. А это неизбежно обуславливало оговорки, ошибки, а подчас необоснованные суждения.

Дональд был явно не прав, когда он заявил, что один из его конкурентов по собственной партии Джон МакКейн не был героем войны, потому что попал в плен. «Мне нравятся люди, которые не были пойманы», — добавил он. Правда, когда на него обрушился шквал критики, Трамп скорректировал позицию, заявив, что те, кто побывал в плену, действительно были героями, что после избрания на президентский пост он позаботится, чтобы для ветеранов войн «были построены самые современные больницы в мире», что он критиковал МакКейна не за то, что тот побывал в плену, а за его позицию по охране границы. Приносить извинения МакКейну Трамп отказался. Сам же МакКейн после этого стал жесточайшим врагом Трампа. Он был единственным сенатором-республиканцем, который после избрания Трампа президентом голосовал против его инициатив вместе с сенаторами-демократами.

Немалое внимание привлекали заявления Трампа по вопросу о российско-американских отношениях. Он выступал за их улучшение, хотя и по-разному оценивал присоединение Крыма к Российской Федерации. В одних случаях он одобрял этот факт, в других считал его нарушением международных соглашений.

Предвыборный съезд республиканцев состоялся 18–21 июля в Кливленде (штат Огайо). Он подавляющим большинством голосов подтвердил определившийся факт, что Трамп является кандидатом партии. В качестве напарника на пост вице-президента он избрал губернатора штата Индиана Майка Пенса. Не претендовавший на самостоятельную роль, спокойный и надежный исполнитель, Пенс был, с точки зрения Трампа, наиболее подходящим лицом, которое должно было привлечь голоса избирателей, предпочитавших постепенные изменения крутым поворотам.

Съезд утвердил платформу партии, соответствовавшую установкам Трампа, но по некоторым вопросам содержащую более консервативные положения, нежели те, которых придерживался сам кандидат. Особенно это касалось внешней политики, по которой возобладали почти изоляционистские позиции.

С конца июля развернулся второй этап избирательной кампании — соперничество между кандидатами от обеих главных партий. В

Демократической партии вначале конкурировали уже хорошо известная нам Хиллари Клинтон и сенатор от штата Вермонт Берни Сандерс. Клинтон обыграла Сандерса, выступавшего с безответственными предложениями, взятыми из социалистическо-утопического арсенала и совершенно не обоснованными экономическими и просто логическими соображениями. К тому же неизвестно, какие именно силы (они вряд ли были связаны с республиканцами) распустили смехотворный слух, что Сандерс — ни больше ни меньше как сын Льва Троцкого. Слух был совершенно нелепым, но сыграл определенную роль, отняв у Сандерса часть голосов, хотя его всячески поддерживали те политики и активисты, которые были связаны с разными слоями паразитического класса, а также часть студенчества, поверившего в крикливые обещания бесплатного образования.

В результате кандидатом демократов стала Хиллари Клинтон. При всей неоднозначности и сомнительности этой фигуры и по прошлым скандалам, и в связи с тем, что против нее продолжалось следствие по обвинению в ведении служебных переговоров по плохо защищенным частным линиям электронной связи, она была опасным противником. Клинтон обладала большим опытом полемики, сохраняла, несмотря на пожилой возраст (ей в 2016 г. исполнилось 69 лет) неплохую память, использовала разветвленные механизмы своей партии, сохранявшей значительно бóльшую дисциплину и послушание, чем Республиканская, а также пользовалась различными, не раскрытыми в настоящее время полностью каналами влияния, в том числе финансовыми. В условиях все более широкого выхода женщин на мировую политическую арену кандидатура Клинтон представлялась особенно приемлемой либеральным кругам.

Полемика между Трампом и Клинтон носила крайне острый характер, особенно по вопросам внешней политики. Обвинения Клинтон сводились в основном к тому, что политика Трампа, если он станет президентом, расколется страну (которая и так уже находилась в состоянии раскола в связи с политикой Обамы), что Трамп проявляет «странную очарованность российским президентом Путиным», которая «чрезвычайно опасна». В одном из выступлений республиканский кандидат был даже назван «марионеткой Путина». В свою очередь, Трамп доказывал, что Клинтон находится под контролем крупных корпораций и не готова управлять страной, что именно ее политика способствовала созданию террористического Исламского государства, что она покровительствовала деспотическим режимам в обмен на деньги.

Между претендентами на высший пост прошли три тура прямых дебатов. Если первые два (в университете Хофстра, штат НьюЙорк, и в Сент-Луисе, штат Миссури) были оценены комментаторами как примерно равные, то заключительный тур в Лас-Вегасе 19 октября большинством наблюдателей комментировался как победа «политкорректной» Клинтон над «грубияном» Трампом. Считавшиеся политически искушенными журналисты и политологи сочли, что Трамп обрек себя на поражение, заявив в ответ на вопрос ведущего, признает ли он любые результаты выборов, следующее: «Я скажу в свое время. Пока этот вопрос подвешен». Позже, после того как результаты выборов были подведены, наблюдатели признавали, что именно такие прямые и нелицеприятные ответы укрепляли позиции Трампа, вместо того чтобы их ослабить.

Но на протяжении всего хода кампании не только новостные агентства, но и солидные опросы общественного мнения предрекали решительную победу Клинтон. Их ожидало разочарование.

Выборы состоялись 8 ноября. Хотя Клинтон по количеству голосов опередила Трампа (за нее голосовали 65,8 млн человек, тогда как за Трампа около 63 млн), в большинстве штатов победы добился республиканский кандидат, получив 306 голосов выборщиков (Клинтон имела 232 голоса).

В последующие два года исписаны сотни (если не тысячи) страниц авторами, пытающимися объяснить причины того, что чуть ли не все аналитики ошибались в оценке результатов предстоявших выборов вплоть до подведения итогов голосования. Главную причину видели в том, что американцы, внешне соглашаясь с «политкорректностью», на самом деле в значительной своей части испытывали раздражение лицемерной политикой демократов, многочисленными обманами общественности, практиковавшимися Обамой и Клинтон, искали такого деятеля, который выражал бы интересы рядовых американцев — представителей среднего класса, главного носителя прогресса США. На избирателей безусловно повлияли сообщения штаба Трампа, что Клинтон получила на свою кампанию 120 млн долларов от Саудовской Аравии и еще 80 млн от других монархий Персидского залива. Эти данные демократы объявили лживыми, но опровергнуть их не смогли, тем более что были представлены доказательства в их подтверждение.

В то же время безусловными были сведения, что ближайшим советником Клинтон, а в прошлом заместителем руководителя аппарата Госдепартамента (когда Клинтон была госсекретарем) является Хума Абедин, мусульманка, в прошлом связанная с фундаменталистскими исламскими организациями. В печати появлялись сведения о недостойном

поведении Клинтон, ее вспышках ярости, широком употреблении ею нецензурного лексикона, о том, что в Госдепартаменте ее называли «Везувием скандалов», и др.

За Трампа голосовали в основном люди среднего и старшего возраста, представители центральных штатов, более приверженных традиционным ценностям. Но главное, результаты голосования оказались протестом против снижения веса США в мире, протестом против «глобализации» в ущерб национальным интересам, сокращения доли постоянных рабочих мест в экономике страны (за 10 лет к 2016 г. число постоянных рабочих мест увеличилось на 2,1 млн, тогда как численность населения — на 29,4 млн). Голосование явилось выражением недовольства значительной части американцев ростом паразитического класса (в 2016 г. число неработающих людей работоспособного возраста составило астрономическую цифру — 95 млн человек).

Известный современный политолог-американист Лоуренс Макдональд сделал вывод: «Американские избиратели стали главными проигравшими в ходе глобализации мировой экономики. Их интересами намеренно пренебрегали все последние 20 лет, искусно маскируя демонтаж промышленного сектора и социальной сферы гигантскими долговыми заимствованиями, за счет которых покупались голоса иждивенцев и меньшинств, обеспечивавших победы представителям истеблишмента на президентских выборах». Основной лозунг Трампа «Сделаем Америку вновь великой» оказался воспринятым примерно половиной избирателей страны.

20 января 2017 г. Дональд Трамп официально вступил в должность президента США.

На протяжении первого года пребывания на своем посту Трампу не удалось создать стабильный штат Белого дома и Кабинета министров. Это повлекло за собой многочисленные перемещения должностных лиц и даже предание суду руководителя штаба Трампа во время предвыборной кампании Пола Манафорта, который в свое время лоббировал интересы президента Украины Януковича (до его свержения) и скрыл от финансовых органов полученные гонорары. За первый год пребывания в Белом доме была заменена примерно треть сотрудников президента.

Лишь постепенно высший состав сотрудников Белого дома стал более или менее стабильным. Важную роль сыграло назначение в апреле 2018 г. советником по национальной безопасности Джона Болтона, консерватора, который при Буше-младшем занимал пост постоянного представителя США при ООН. Судя по имеющимся материалам, по основным

положениям позиции Трампа и Болтона совпадают. Несколько стабильнее, чем аппарат Белого дома, оказался состав Кабинета министров, хотя и в нем вскоре последовали значительные изменения. Главным из них стала замена в апреле 2018 г. на посту госсекретаря вначале назначенного Рекса Тиллерсона — видного сотрудника нефтяной компании «Эксон Мобил» (*Exxon Mobil Corporation*) — директором ЦРУ Майком Помпео. Замена была вызвана разногласиями между Тиллерсоном и президентом по внешнеполитическим вопросам (о выходе из соглашения с Ираном, перемещения посольства США в Израиле из Тель-Авива в Иерусалим и др.). Новый госсекретарь по всем вопросам проводит политику Белого дома. Менее удачным, с точки зрения Белого дома, оказалось назначение на пост генерального прокурора сенатора Джефферсона Сешнса. Недовольство Трампа вызвал отказ Сешнса принимать участие в расследованиях дел, связанных с предполагаемым вмешательством российских служб в американские выборы, в частности осуществлять надзор над специальным прокурором Робертом Мюллером, возглавившим это расследование. В ноябре 2017 г. Сешнс объявил о своей отставке. Новым генпрокурором временно был назначен Мэтью Уитакер, занимавший должность начальника канцелярии Департамента юстиции.

В конце января 2017 г. Трамп назначил в состав Верховного суда известного юриста Нила Горсача, стоящего на позициях традиционной интерпретации конституции, что рассматривалось комментаторами как близость к позициям Республиканской партии и, следовательно, Трампа. Назначение Горсача укрепило позиции президента в высшем судебном органе США. В 2018 г. с трудностями и скандалами сенатом была утверждена еще одна кандидатура Трампа на вакантное место в Верховном суде. Новым судьей стал Бретт Кавано, работавший перед этим судьей апелляционного суда округа Колумбия (то есть столицы США). Назначению предшествовала шумная кампания протеста, организованная демократами, использовавшими заявление некой дамы, которая «вспомнила», что в подростковом возрасте во время вечеринки юный Кавано пытался ее изнасиловать. За утверждение Кавано проголосовали 50 сенаторов, против — 48. По поводу же обвинений в адрес Кавано Трамп с явной иронией заявил, что ныне пожилая дама, обвинившая Кавано в посягательстве на ее честь, видимо, его с кем-то перепутала.

После выборов 2016 г. в Конгрессе сложилась сравнительно благоприятная ситуация для проведения курса, намеченного новым президентом. Хотя Республиканская партия потеряла несколько мест в Палате представителей, она сохранила там большинство (241 место против

194). В результате выборов в Сенате оказались 52 республиканца, 46 демократов и 2 независимых. На промежуточных выборах в ноябре 2018 г. положение в Конгрессе изменилось не в пользу Трампа. Если в Сенате республиканцы сохранили большинство (у них 53 места, у демократов 45, 2 сенатора объявили себя независимыми), то в Палате представителей свое преимущество они утратили (у демократов 235 мест, у республиканцев 200). Это означает, что проведение законов, соответствующих курсу президента, встретит значительно большие препятствия.

После прихода в Белый дом Трамп стал использовать новый метод общения с публикой. Наряду с традиционными способами коммуникации (встречи с населением, пресс-конференции, интервью, выступления по телевидению), он привлек социальную сеть «Твиттер», позволяющий передавать краткие сообщения многомиллионной аудитории. Почти ежедневно Трамп озвучивает в «Твиттере» свою позицию по текущим вопросам. Его сообщения, далекие от пресловутой политкорректности, иногда грубые и всегда эмоциональные, позволяют понять суть президентской линии на данный момент. Еще одним средством общения стали многочисленные письма от имени Трампа, первой леди, Национального комитета Республиканской партии, адресованные отдельным гражданам. К ним обращаются по имени, подчеркивают, насколько ценен этот гражданин президенту. Многократно повторяются сведения о достижениях администрации, рассказывается о ее планах, содержатся поздравления с включением данного лица в партийные органы (создается впечатление, что в Национальном комитете республиканцев теперь десятки тысяч членов!) и одновременно высказывается просьба о пожертвовании на нужды президентской политики. Трамп внес в политическую жизнь страны обычаи рынка, что соответствует ментальности значительной части американцев.

Во внутренней политике важнейшим актом Трампа был принятый в декабре 2017 г. закон о сокращении налогов и о рабочих местах. Основным его положением является сокращение наиболее высоких ставок налогов, что, по мнению президента, должно стимулировать бизнес, увеличить число рабочих мест и в целом вести вперед хозяйственное развитие страны. Иначе говоря, налоговые качели вновь сдвинулись в сторону сокращения сборов с населения, прежде всего с наиболее богатой его части. Максимальная ставка — 37 % — взимается теперь с доходов, превышающих 500 тыс. долларов в год.

В преддверии принятия закона в США стало резко улучшаться финансово-экономическое положение. Валовой внутренний продукт за

2017 г. вырос на 3 %, безработица сократилась с 5 % в начале года до 4,1 % в ноябре. Устойчивый экономический рост сохранялся и в 2018 г.: в конце II квартала рост экономики составил 4,1 %, потребительские расходы увеличились на 4 %, а инвестиции — на 7,3 %. Покупательная способность населения растет не только благодаря снижению налогов, но и за счет сокращения безработицы: за два года создано около 1 млн новых рабочих мест. Уровень безработицы достиг минимума с начала века.

Трамп считает, что низкие таможенные тарифы на ввоз в США ряда товаров препятствуют национальному производству и ограничивают конкурентоспособность страны. В связи с этим он издал распоряжение о значительном увеличении тарифов на импорт, в том числе повышении пошлин на сталь на 25 %, на алюминий — на 10 %. Введение новых тарифов повлекло за собой фактическую таможенную войну с Китаем, который в ответ ввел высокие пошлины на товары США общей стоимостью около 110 млрд долларов. Конфликт двух крупнейших экономик — США и Китая — составляет сущность нынешних таможенных противоречий. Трамп объяснял повышение пошлин прежде всего на китайские товары огромным дисбалансом — в 2017 г. США импортировали из Китая товары на 526 млрд долларов, тогда как импорт Китая из США составил 154 млрд долларов. Встреча Трампа с председателем КНР Си Цзиньпином на совещании руководителей 20 наиболее мощных стран мира в Буэнос-Айресе (Аргентина) в декабре 2018 г. положила начало смягчению таможенной войны, договоренностям об обоюдном снижении тарифов. Экономические обозреватели полагают, что в ближайшие годы условия торговой войны между США и Китаем значительно смягчатся.

С экономической политикой президента связана его позиция по отношению к проблемам охраны окружающей среды и глобального потепления. Признавая факт повышения температуры на земном шаре, эксперты Белого дома пришли к выводу, что потепление — это начало естественного цикла колебания температур. Опираясь на эти данные, Трамп выступает сторонником производства как восстанавливаемой энергии, так и добычи ее из невозобновляемых энергоносителей, в частности нефти и газа. Важная цель, провозглашаемая Белым домом, состоит в том, чтобы избавить страну от ближневосточной нефтяной зависимости. 1 июня 2017 г. Трамп объявил о выходе США из Парижского соглашения о мерах по снижению углекислого газа в атмосфере, вступившего в силу в ноябре 2016 г. Отказ от ратификации соглашения мотивировался тем, что оно не предусматривало мер по отношению к его нарушителям, в связи с чем некоторые критики даже называли это соглашение «мошенническим»,

другие высмеивали его как «соглашение об увеличении эмиссии» углекислого газа.

Одним из приоритетных направлений деятельности Трампа стали инициативы в области здравоохранения. Администрация прилагает усилия по отмене закона, известного как «обамакер», и замене его системой медицинского обслуживания, основанной на личных предпочтениях и интересах, а не на выгоде небольшого числа страховых компаний, отобранных предыдущей администрацией для предоставления услуг населению.

Трамп попытался добиться быстрой отмены «обамакера» в Конгрессе. Ему удалось провести соответствующее решение в Палате представителей, но дело затормозилось в Сенате, где отказ от закона, проведенного Обамой, блокировали не только демократы, но и трое присоединившихся к ним республиканцев. Нервно воспринимая стремление Трампа заменить «обамакер» более совершенным проектом, демократы в Сенате один за другим поднимались с протестами против действий президента, заявляя, что его главным лозунгом является вернуть Америке не величие, а болезни. Такого рода демагогия встречает сочувствие лишь у части населения, основная доля которого осознаёт необходимость совершенствования здравоохранения, по которому США находятся лишь на 28-м месте в мире.

Прорабатываются различные варианты нового законопроекта о здравоохранении и медицинском страховании. В преддверии его внесения в Конгресс Трамп издал несколько распоряжений, ограничивающих применение существующего законодательства. Помимо отмены штрафа за отказ от мед страховки, мелкий и средний бизнес получил право коллективного страхования своих сотрудников на льготных началах.

Одной из проблем, с которой столкнулся Трамп, является нелегальная иммиграция. Президент намерен максимально сократить количество нелегальных иммигрантов, численность которых, по разным источникам, составляет 12–14 млн человек. Трамп считает, что американские законы, касающиеся иммиграции, «самые тупые в мире» (так написал он в «Твиттере»), что нелегалов надо высылать из страны, как только они будут обнаружены. По данным опросов, большинство американцев поддерживают это намерение. Его, однако, реализовать весьма сложно, имея в виду трудности выявления нелегалов, их задержания на основе этих «тупых законов», финансовых расходов на выдворение и получения согласия стран, в которые намечается высылка. По указанию президента в первую очередь высылаются лица, совершившие преступления. Поданным миграционных служб, в последние два года нелегальная иммиграция не

растет.

Президент предпринял меры по ограничению въезда в страну лиц из тех мусульманских стран, в которых, по сведениям американской разведки, действуют террористические организации. 27 января 2017 г. он издал исполнительное распоряжение, по которому на четыре месяца был запрещен въезд в США граждан Ирака, Ирана, Ливии, Сомали, Судана, Сирии и Йемена. Распоряжение вводилось в силу немедленно, что привело к суматохе в аэропортах страны. Распоряжение отменили некоторые судьи штатов. 26 июня Трамп издал пересмотренный приказ, который исключал из списка стран, подвергшихся ограничению, Ирак и Судан. В июне 2018 г. Верховный суд признал решение об ограничении въезда из мусульманских стран конституционным, положив конец протестам, организованным демократами.

В соответствии с распоряжениями Трампа началось строительство стены на южной границе, что позволит прекратить нелегальный въезд в США огромной массы людей из Южной и Центральной Америки. Предполагается создание пограничных сооружений на протяжении более 1000 км (частично граница проходит по горным хребтам и другим естественным препятствиям, где пограничные сооружения не требуются). Предполагаемая стоимость пограничных сооружений колеблется от 20 до 50 млрд долларов. Получение этой суммы в Палате представителей и в Сенате, где по бюджетным вопросам требуется 60 голосов из 100, представляет серьезную проблему. Как будет разрешен этот масштабный проект, пока неясно.

Осенью 2018 г. в центральноамериканских странах были организованы «караваны» людей, в том числе с маленькими детьми, перед которыми была поставлена провокационная задача «прорвать» американскую южную границу и добиться приема в страну. «Караваны» финансируются миллиардером Джорджем Соросом и другими лицами и объединениями, связанными с Демократической партией. Первые партии «караванов» достигли границы в районе городов Тихуана в Мексике и Сан-Диего в Калифорнии в конце ноября. Американским властям по распоряжению президента пришлось сосредоточить здесь значительные силы, которые применили против лиц, пытавшихся перебраться через уже созданную здесь пограничную стену, слезоточивый газ и резиновые пули. Мексиканские власти обещали разрешить конфликт, обеспечив возвращение мигрантов в страны их постоянного проживания. Ситуация на южной границе остается напряженной.

Немалой проблемой для президента является существование

многочисленных «городов-убежищ», которые в нарушение федерального законодательства и президентских распоряжений покрывают нелегальных иммигрантов, запрещая полиции и другим органам запрашивать подтверждение статуса лиц, подозреваемых в нелегальном пребывании на территории США. Само существование таких «убежищ» с точки зрения государственного права является нелепостью, однако их число не сокращается. Ими являются даже такие мегаполисы, как НьюЙорк и Лос-Анджелес. Единственным средством «наказания» «городов-убежищ» со стороны федеральных властей является отказ в предоставлении им правительственных грантов. По этому поводу Трамп издал специальное исполнительное распоряжение. Борьба по этому вопросу продолжается.

Президент считает необходимым провести широкомасштабную реформу законодательного корпуса США. Он ставит вопрос о несоответствии ограничения пребывания на президентском посту одного лица в течение восьми лет (два срока) с тем, что участие политика в законодательном органе не ограничено. В результате этого для некоторых из них пребывание в Конгрессе превратилось в пожизненный источник дохода. Трамп приводит примеры: Патрик Лихи заседает на Капитолийском холме 44 года, Эдвард Марки — 43 года, Чарльз (Чак) Шумер — 38 лет. В Белом доме готовятся законодательные предложения об установлении предельных сроков пребывания в Конгрессе. Возможность принятия соответствующих актов, однако, весьма сомнительна, ибо значительная часть конгрессменов считает приоритетным личное благополучие. Осенью 2018 г. было начато голосование граждан под лозунгом «Ввести импичмент для Конгресса — установить ограничение сроков».

Рядом новых моментов отличается внешняя политика правительства Трампа. Он неоднократно подчеркивал, что его международный курс основан на тезисе «Америка прежде всего», что в этом смысле его можно называть националистом и сторонником невмешательства в дела других стран. Но внешнеполитические интересы США настолько переплетены с внутренними делами, что об отказе от вмешательства в зарубежные проблемы говорить невозможно. Сам президент признал эту связь, заявив: «По мере того как мы возрождаем силу Америки и ее уверенность в себе, мы также восстанавливаем нашу силу и позиции за рубежом».

В январе 2018 г. Трамп опубликовал документ «Стратегия национальной безопасности», который исходит из главного тезиса: «Америка снова играет лидирующую роль. Возрождая отношения со странами, которые разделяют наши цели и интересы и ведут борьбу с радикализмом и экстремизмом, Соединенные Штаты доказывают, что

«Америка прежде всего» не означает «Америка в одиночку»».

Особое значение президент придает отношениям с соседними странами — Канадой и Мексикой. По его предложению был выработан новый договор об экономических связях между тремя странами, который заменил устаревшее соглашение о североамериканской зоне свободной торговли, невыгодное для США. Новый документ, подписанный 30 ноября 2018 г., оценен представителями трех стран как соответствующий их интересам.

Трамп стремится понизить долю финансового участия США в делах НАТО, с тем чтобы европейские страны блока значительно увеличили вклады в его расходы. По этому вопросу ведутся переговоры с участниками НАТО, которые в принципе соглашались с необходимостью повышения своей доли финансового участия, но лишь в перспективе.

В качестве одной из важнейших внешнеполитических задач президент провозглашает борьбу против исламского терроризма и радикальной идеологии, которая его подпитывает. Основной мерой в этой области стал выход США из соглашения 2015 г. с Ираном, о чем Трамп объявил в мае 2018 г., обосновав это тем, что США располагают доказательствами продолжения в Иране разработки ядерного оружия вопреки условиям сделки. Он сообщил о возобновлении санкций по отношению к Ирану, в частности об отказе от закупки иранской нефти, и предостерег другие страны от сотрудничества с Ираном, угрожая, что в противном случае они могут столкнуться с ограничительными мерами.

В тесной связи с этим курсом является укрепление дружеских отношений США с Израилем, символом чего является решение о переносе американского посольства из Тель-Авива в Иерусалим. В мае 2018 г. в израильской столице состоялось открытие посольства США. Вместе с тем Трамп неоднократно заявлял о необходимости мирного решения израильско-палестинского конфликта и о том, что его аппаратом разрабатывается соответствующий план, который до конца 2018 г. не был опубликован.

Рассматривая ядерные и ракетные испытания в Северной Корее как серьезную угрозу миру и безопасности своей страны, Трамп в начале своего президентства выступил с рядом заявлений о готовности применить силу, для того чтобы покончить с военными амбициями тоталитарной системы этой страны. Позже, однако, во взаимоотношениях наметились изменения. Учитывая нищенское состояние Северной Кореи и необходимость помощи извне, северо-корейский диктатор Ким Чен Ын объявил об отказе от ракетно-ядерного противоборства. В июне 2018 г. в

Сингапуре состоялась встреча Трампа с Ким Чен Ыном. Стороны договорились о денуклеаризации Северной Кореи (создании зоны, свободной от ядерного оружия) и «обеспечении мирного режима на Корейском полуострове» в обмен на гарантии безопасности. Об отмене ранее введенных санкций против Северной Кореи договоренность не достигнута.

Во время своей предвыборной кампании Трамп несколько раз упоминал, что он стремится к улучшению отношений с Россией, что он считает российского президента В. В. Путина сильным лидером. Это, между прочим, привело к тому, что в некоторых российских властных кругах победу Трампа на выборах встретили чуть ли не как собственную. Однако в следующие два года улучшения отношений не произошло. Правда, в июле 2018 г. в Хельсинки состоялась двусторонняя встреча президентов. Обсуждались проблемы совместной борьбы против международного терроризма. Трамп поставил вопрос о том, что, возможно, имело место вмешательство России в президентские выборы 2016 г. Путин, естественно, категорически отверг обвинения.

В октябре 2018 г. Трамп объявил о предстоящем выходе США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), подписанного в 1987 г. Рейганом и Горбачевым. Свой шаг Трамп мотивирует тем, что Россия нарушила договор, создав ракету 9M729 (SSC–Х-8 по классификации НАТО), дальность полета которой превышает 500 км — предельную по указанному договору. Российские власти нарушение отрицают, доказывая, что дальность полета этой ракеты менее 500 км. Военные эксперты полагают, что необходимость нового документа по этой проблеме диктуется прежде всего тем, что это — двусторонний документ, тогда как сходным арсеналом обладает Китай, подобные ракеты имеют и ряд других стран. Поэтому требуется заключение многостороннего документа. Отношения между США и Россией остаются на самом низком уровне со времени холодной войны.

США продолжают оставаться на распутье. Что готовит грядущий день этой великой державе, не в состоянии определить ни один серьезный аналитик (хотя безответственных предсказателей более чем достаточно). Можно лишь надеяться, что с трудом пробивающиеся в последние годы тенденции к возвращению стране достойного места в мировой экономике, политике, культурной жизни, к основополагающим ценностям американской цивилизации будут укрепляться.

Основные издания:

- Трамп Д.* Былое величие Америки. М., 2016.
- Трамп Д.* Думай как чемпион: Откровения магната о жизни и бизнесе. М., 2017.
- Росс Д.* Переговоры в стиле Трампа: Победа в любой сделке. СПб., 2017.
- Blair G.* The Trumps: Three Generations That Built an Empire. New York, 2015.
- Klein E.* All Out War: The Plot to Destroy Trump. Washington, DC, 2017.
- Wooten S.* Donald Trump: From Real Estate to Reality TV. Berkley Heights, NJ, 2009.

Чернявский Г. И., Дубова Л. Л.
Президенты США / Георгий Чернявский, Лариса Дубова. —
М.: Молодая гвардия, 2019. — 767[1] с.: ил. — (Жизнь
замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1801).

ISBN 978-5-235-04319-0

УДК 94(73)(092)
ББК 63.3(7Сое)

знак информационной продукции 16+

Чернявский Георгий Иосифович
Дубова Лариса Леонидовна
ПРЕЗИДЕНТЫ США

Редактор *К. А. Залесский*
Художественный редактор *А. С. Козаченко*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Л. С. Барышникова*

Сдано в набор 18.04.2019. Подписано в печать 21.05.2019.
Формат 84х 108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 40,32+1,68 вкл. Тираж 4000 экз.
Заказ № 1908680.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцеская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-
mail: dsel@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета в ООО

«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

notes

Примечания

1

То есть имевшей четвертую часть негритянской крови: дочь мулатки и белого.

Его звали Мари Жозеф Поль Ив Рош Жильбер дю Мотье, маркиз де Ла Файет, но в 1789 г. он изменил свою «слишком дворянскую» фамилию и стал писаться по-демократически — Лафайет.

Гикори — вид ореха, обычно горького, из которого готовят соусы и другие острые блюда.

4

Цена составила около 1 цента за гектар.

По существующей традиции в литературе дипломатические документы именуются по именам тех лиц, которые поставили под ним свои подписи, а не тех, кто выступил инициаторами их принятия. Договор был подписан министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом и наркомом по иностранным делам СССР В. М. Молотовым. — *Прим. ред.*

Здесь употребляется термин Кубинский кризис, а не Карибский кризис, как это было принято в советской литературе, а затем и в российских изданиях, поскольку в Карибском море находится и ряд других государств, к которым этот кризис отношения не имел. В зарубежной литературе (за исключением кубинской, в которой фигурирует термин «ракетный кризис 1962 г.» без обозначения своей страны, что естественно) речь с полным основанием идет именно о Кубинском кризисе.

Эл-Би-Джей (LBJ) — инициалы Джонсона.

Отказ американцев поддерживать участие США в военных действиях длительного характера, сопровождающихся значительными потерями среди американских военнослужащих.

Багз Банни (*Bugs Bunny*, букв. Кролик Багз) — американский персонаж комиксов и мультфильмов, находчивый, хотя и несколько хамоватый кролик.